This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

B 3 471 146

Sperrkam N 3972
Rucmkam N 357 und VII.

Letter Sperrkam N 781
Letter Rucmkam 65 und VII.
15- VIII

126 n/
/84

Хорватія, Славонія, Далмація

и

Военная Граница

ТОМЪ ВТОРЫЙ

I. ДАЛМАЦІЯ.
II. ВОЕННАЯ ГРАНИЦА.
III. ОБЩАЯ ЭТНОГРАФІЯ ВСѢХЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЮГО-СЛАВЯНСКИХЪ ПРОВИНЦІЙ АВСТРО-ВЕНГРІИ.

Л. В. БЕРЕЗИНА

дѣйств. члена Импер. Русск. Геогр. Общества и др. ученыхъ обществъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

типографія и хромолитографія А. Траншеля, Стремянная, № 12

1879

VII
9 (497)
Б-48
ПЕРЕВІРЕНО

Хорватія, Славонія, Далмація

и

Военная Граница

9(43)
Б-50

ТОМЪ ВТОРЫЙ

40334

I. ДАЛМАЦІЯ.
II. ВОЕННАЯ ГРАНИЦА.
III. ОБЩАЯ ЭТНОГРАФІЯ ВСѢХЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЮГО-СЛАВЯНСКИХЪ ПРОВИНЦІЙ АВСТРО-ВЕНГРІИ.

Л. В. БЕРЕЗИНА

Член Имп. Русск. Геогр. Общества и др. ученыхъ обществъ

ЖИТОМИРСКА ЦЕНТРАЛЬНА БІБЛІОТЕКА
Житомирська обласна бібліотека
ЖИТОМИРСЬКА ОБЛАСНА БІБЛІОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и хромолитографія А. Траншеля, Стремянная, № 12.
1879.

7174-4277

DB26
B47
v.2
MAIN

ОГЛАВЛЕНІЕ II-го ТОМА.

I.

Стран.

ДАЛМАЦІЯ . . . . . 1—313

ГЕОГРАФИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ДАЛМАЦІИ. . 1— 14

А. Топографическія особенности Далмаціи.—Горы и орографическія ихъ особенности.—Равнины.—Долины.—Заливы.—Бухты.—Каналы.—Рѣки.—Минеральные источники.—Озера.—Болота . . . . . 2— 12

В. Климатическія условія Далмаціи—Вліяніе вѣтра на состояніе температуры. Климатъ и его отличительныя особенности. 13

В. Статистическій очеркъ Далмаціи.—Общая численность мѣстнаго населенія. Численность населенія по народностямъ. 13— 14

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО ДАЛМАЦІИ . . . . . [illegible]— 22

Очеркъ низшаго и высшаго административнаго управленія Далмаціи.—Настоящее административное устройство Далмаціи. Задарскій сеймъ: настоящее его устройство и сфера его дѣятельности. Административное устройство городскаго населенія . . . . . 16— 22

СУДЕБНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ ВЪ ДАЛМАЦІИ . . . . . 23— 25

Очеркъ современнаго состоянія судебной части въ Далмаціи.—Общая замѣтка о судебной дѣятельности «преторовъ» «Judiziato». Судебныя учрежденія первой, второй и третьей инстанцій. . . . . .

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ ВЪ ДАЛМАЦІИ . . . . . 26— 42

А Состояніе промышленности въ Далмаціи. . . . . . 26— 34

Глава I. Горный промыселъ: желѣзныя руды; каменно-угольныя копи; асфальтъ и каменоломни.

Глава II. Главныя отрасли мѣстной промышленности: кораблестроеніе; золотыя и серебряныя издѣлія; кожевенная промышленность; пчеловодство; шелководство; солѐварни; оливковое масло; ликеры. Промышленно-торговыя камеры и маловажность ихъ значенія въ дѣлѣ промышленности.

В. Состояніе торговли въ Далмаціи. . . . . . 34— 42

Глава I. Сухопутныя торговыя сообщенія. Главные торговые пункты. Главные предметы ввозной, вывозной и транзитной торговли.

Стран.

Глава II. Состояніе рыболовства вдоль далматинскаго побережья: важное значеніе рыболовства для поморца; обстоятельства, благопріятствующія изобилію и разнообразію рыбы; главнѣйшіе сорти рыбъ; разные способы ихъ ловли; небрежность поморца въ дѣлѣ рыболовства. — Ловля коралловъ: способъ ихъ ловли; причины застоя этого промысла.

СОСТОЯНІЕ СЕЛЬСКАГО НАСЕЛЕНІЯ ВЪ ДАЛМАЦІИ . . . . 43— 69

А. Очеркъ прошлой исторіи сельскаго населенія въ Далмаціи. . . . . . 45— 65

Глава I. Причины появленія и развитія крѣпостнаго состоянія въ Далмаціи; отношеніе крѣпостныхъ къ своимъ помѣщикамъ. Утвержденіе венеціанскаго владычества въ Далмаціи: «vecchio acquisto», «nuovo acquisto» и «nuovissimo acquisto»; славянская эмиграція; военная система; мѣропріятія венеціанскаго правительства по отношенію къ сельскому населенію Далмаціи.

Глава II. Водвореніе французскаго владычества въ Далмаціи. Историческая замѣтка о положеніи сельскаго населенія на территоріи древней дубровницкой республики. Благотворная дѣятельность французскаго правительства въ Далмаціи. Пріобрѣтеніе Далмаціи Австріей: мѣропріятія австрійскаго правительства въ отношеніи къ сельскому населенію страны.

Б. Современное состояніе сельскаго хозяйства въ Далмаціи.—Главныя отрасли сельскаго хозяйства въ Далмаціи: земледѣліе, лѣсоводство, виноградіе и скотоводство. 65— 69

ДВОРЯНСТВО ВЪ ДАЛМАЦІИ . . . . . 70— 73

Прошлое и настоящее дворянства.—Положеніе дворянства въ Далмаціи: политика Венеціи по отношенію къ далматинскому дворянству; учрежденіе новаго дворянства; политика Австріи по отношенію къ далматинскому дворянству; перечень далматинскихъ дворянскихъ родовъ.

СОСТОЯНІЕ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ ДАЛМАЦІИ . . 74— 82

А. Научныя пособія и пресса. . . . . . 75— 79

Глава I. Ученыя общества. Типографіи. Библіотеки. Архивы. Музеи.

Глава. II. Состояніе далматинской прессы въ сороковыхъ годахъ; направленіе прессы въ промежутокъ времени отъ 1850 по 1860 годъ. Состояніе прессы со времени обнародованія «октябрьскаго декрета» по настоящее время.

В. Состояніе учебныхъ заведеній въ Далмаціи.—Краткій очеркъ учебнаго дѣла въ Далмаціи со времени владычества тамъ Венеціи и по настоящее время. Статистическія данныя о низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Далмаціи. . . . . 79— 82

РЕЛИГІОЗНОЕ СОСТОЯНІЕ ДАЛМАЦІИ. . . . . 83—189

А. Православіе въ Далмаціи. . . . . . 83—133

Стран.

Очеркъ исторіи сербской православной церкви въ Далмаціи . . . . . 84—128

Глава I. Первыя времена христіанства въ Далмаціи. Водвореніе тамъ сербовъ. Сплѣтская епархія. Дѣятельность греческихъ миссіонеровъ въ Далмаціи въ исходѣ IX ст. Славянскіе проповѣдники. Папа Іоаннъ VIII. Великій жупанъ Мунтиміръ. Нинскій епископъ Григорій. Сплѣтскій соборъ 925 года.

Глава II. Состояніе православной сербской церкви въ Далмаціи послѣ паденія сербскаго царства. Состояніе греческой православной церкви въ приморской Далмаціи. Подчиненіе православной далматинской церкви духовной власти филадельфійскихъ архіепископовъ. Краткія свѣдѣнія о дѣятельности филадельфійскихъ архіепископовъ въ Далмаціи. Ослабленіе тамъ греческаго элемента и усиленіе сербскаго. Состояніе православія въ Далмаціи въ исходѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія.

Глава III. Никаноръ Богуновичъ, генералъ-викарій Далмаціи. Первыя дѣйствія его преемника Герасима Зелича. Пріобрѣтеніе венеціанской Далмаціи Австріей. Распоряженіе австрійскаго правительства по церковнымъ дѣламъ православнаго населенія Далмаціи. Ходатайство Герасима Зелича о возведеніи его въ санъ епископа. Пріобрѣтеніе всей Далмаціи Франціей. Императорскій декретъ 1810 года. Назначеніе Венедикта Кральевича епископомъ Далмаціи.

Глава IV. Вторичное пріобрѣтеніе Далмаціи Австріей. Предосудительный образъ дѣйствій Венедикта Кральевича, по званію далматинскаго епископа. Его преемники: Іосифъ Раячичъ, Пантелей Живковичъ, Іероѳей Мутибаричъ, Стефанъ Кнежевичъ; краткія свѣдѣнія о ихъ пастырской дѣятельности.

Современное состояніе православія въ Далмаціи.—Религіозно-національное просвѣщеніе сербскаго населенія Далмаціи. Церковно-административное устройство Далмаціи. Доходы приходскаго духовенства. Денежная субсидія правительства на содержаніе православной задарской епархіи. 128—133

В. Католичество въ Далмаціи . . . . . 133—142

Глава I. Краткій очеркъ исторіи римско-католической церкви въ Далмаціи.

Глава II. Церковно-административное устройство католическихъ церквей въ Далмаціи. Духовно-учебныя заведенія. Матеріальныя средства духовенства. Причины, почему далматы неохотно избираютъ для себя духовную карьеру. Религіозное настроеніе римско-католическаго населенія Далмаціи.

В. Уніатская церковь въ Далмаціи.—Исторія введенія уніи въ этой провинціи и современное ея здѣсь состояніе . . . 142—189

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ДАЛМАЦІИ . . . 190—318

Стран.

А. Материкъ Далмаціи . . . . . 197—297

Глава I. Задаръ: о маловажности значенія Задра, какъ столицы Далмаціи; его исторія; мѣстное населеніе; достопримѣчательности города; состояніе въ немъ православія; ярмарка.—Описаніе пути изъ Задра въ Нинъ.—О прошломъ и современномъ состояніи Нина; его достопримѣчательности.—Описаніе пути изъ Нина въ Нови и изъ Задра въ Біоградъ.—Исторія Біограда.

Глава II. Шебеникъ: мѣстоположеніе города и его укрѣпленія; населеніе; состояніе тамъ католицизма и православія. Татарская гора.—Скрадинъ: прошлое и современное состояніе города. Дернишъ. Книнъ. Коссово-поле. Петрово-поле: историческая о немъ замѣтка. Кистанье. Беньковацъ. Трогиръ: его исторія и памятники древности. Костельское поле.

Глава III. Сплѣтъ: мѣстоположеніе и происхожденіе города; его исторія; достопримѣчательности города; характеристическая особенность его населенія. Польюди. Солинъ: его исторія и памятники старины. Клиссъ: его значеніе въ историческомъ отношеніи. Синь: его исторія.

Глава IV. Польица: древнія границы республики Польицы; ея исторія; древнее устройство республики; достопримѣчательности Польицы.—Омишъ.—Макарска: прошлое и современное состояніе города. Описаніе пути изъ Макарски въ Имоски. Значеніе города Имоски въ торговомъ отношеніи. Макарско—приморье. Неретвенская долина. Пельешацъ.

Глава V. Гружъ: его мѣстоположеніе и исторія. Описаніе пути изъ Гружа въ Дубровникъ. Происхожденіе названій «Дубровникъ» и «Ragusa». Постройка Дубровника и постепенное расширеніе его территоріи. Административно-судебное устройство древней дубровницкой республики. Паденіе тамъ демократизма и торжество аристократизма. Вліяніе аристократизма на внутреннее устройство республики. Паденіе дубровницкой республики.

Глава VI. Дубровникъ: мѣстоположеніе и укрѣпленія города; физіономія современнаго Дубровника; его достопримѣчательности; характеристическія особенности городскаго населенія. Предмѣстіе Плоче.

Глава VII. Окрестности Дубровника: Вишница; Бетина Спилья; бенедиктинскій монастырь. Жупа: ея мѣстоположеніе и достопримѣчательности. Рѣка: ея мѣстоположеніе; утесъ стрижено—кошено; вилинская Спилья. Характеристическія особенности населенія окрестностей Дубровника. Цавтатъ. Коновлянская долина. Суторино.

Глава VIII. Нови: его исторія. Описаніе которскаго залива отъ Нови до Рисаня. Общины-Кривошеи и Убли. Перасто. Доброта. Которъ: постройка города и его исторія; достопримѣчательности города; значеніе Котора въ торговомъ отношеніи. Опи-

Стран.

саніе пути изъ Котора въ Будву. Исторія Будвы. Кастель-Ластва.

В. Далматинскій архипелагъ . . . . . 297—313

Глава I. Значеніе далматинскихъ островов. Говоръ островитянъ. Бодули. Островъ Рабъ: его мѣстоположеніе; достопримѣчательности города Раба. Пагъ. Углянъ. Пашманъ: монастырь Тконъ. «Isola lunga». «Isola Inkoronata». Крапань: историческая о немъ замѣтка. Первичъ. Зларинъ.

Глава II. Маслиница. Брачъ: его мѣстоположеніе. Хваръ: историческая о немъ замѣтка; его достопримѣчательности и состояніе на немъ промышленности. Вись: его исторія и мѣстоположеніе. Корчуля: его исторія; описаніе города Корчули. Ластово. Млѣтъ: его исторія; кораблекрушеніе Апостола Павла; пещеры; долины; населеніе. Дакса. Колочепъ. Лопудъ. Локрумъ. Превлака.

II.

ВОЕННАЯ ГРАНИЦА . . . . . 317—360

А. Историческій очеркъ хорватско-славонской Военной Границы . . . . . 319—339

Глава I. Мнѣнія о происхожденіи Границы: сеньское капитанство и личко-крбавская украйна. Сербско-православная личко-крбавская кнежина. Украйна хорватская и украйна славонская. Вараждинскій Генералатъ. Проектъ устройства маркграфства. Виндишко-хорватскій постоянный Генералатъ. «Brucker-Libell». Петриньская украйна.

Глава II. Законъ 1630 года. Петриньскій генералатъ. Личко-Крбавская вармедія. Учрежденіе славонской Военной Границы. Банская Граница. Домогательства хорватовъ относительно введенія гражданскаго устройства въ Военной Границѣ. Административное устройство Военной Границы. Судебная реформа 1754 года. Учрежденіе бригадъ. Свободныя военныя общины. Дворцовый военный совѣтъ. Дворцовая иллирская депутація. Уставъ 1766 года. Военный кордонъ. Послѣдующія преобразованія въ хорватско-славонской Военной Границѣ. Современное административное устройство Военной Границы.

В. Состояніе образованія въ хорватско-славонской Военной Границѣ.—Школы — проводники нѣмецкаго вліянія въ краѣ. Устройство сербскихъ школъ. Вліяніе правительственной системы централизма на состояніе учебнаго дѣла въ краѣ. Учебная реформа 1860 года. Сербскій соборъ 1870 года. Школьный законъ 1871 года. Очеркъ современнаго состоянія учебной части въ Военной Границѣ. . . . . 340—345

В. Состояніе сельскаго хозяйства въ хорватско-славонской Военной Границѣ . . . . . 345—355

Стран.

Глава I. Наслѣдственныя и переходныя поземельныя владѣнія. Производительныя земли. Поземельная подать. Общинныя кассы. Причины, препятствующія правильному развитію сельскаго хозяйства въ краѣ.

Глава II. Главныя отрасли сельскаго хозяйства: земледѣліе; скотоводство; лѣсоводство и виноделіе.

Г. Состояніе промышленности и торговли въ хорватско-славонской Военной Границѣ . . . . . 355—360

а. *Состояніе промышленности.*—Промышленность, какъ прямое послѣдствіе внутренняго строя частной жизни граничара.—Причины, препятствующія правильному развитію оной въ краѣ. Главныя отрасли промышленности: кораблестроеніе; горнозаводская промышленность; мельничная промышленность; пчеловодство; шелководство и напитки.

б. *Состояніе торговли.*—Сухопутныя пути сообщенія. Торговые пункты.

III.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФІЯ ВСѢХЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЮГО-СЛАВЯНСКИХЪ ПРОВИНЦІЙ АВСТРО-ВЕНГРІИ. . . . . 361—591

А. О миѳологическихъ вѣрованіяхъ австрійскихъ южныхъ славянъ. . . . . 363—426

Глава I. Общее понятіе объ южно-славянской миѳологіи. Созданіе вселенной. Поименованіе боговъ. Описаніе ихъ качествъ и назначенія. Жертвоприношенія. О вѣрѣ древнихъ славянъ въ безсмертіе души.

Глава II. Вилы: значеніе вилъ въ жизни юго—славянина; дѣленіе ихъ —по мѣсту нахожденія и по качествамъ; описаніе внѣшняго вида; отличительныя ихъ черты.

Глава III. Вѣдьмы (вѣштицы): наружность; ночныя прогулки; ихъ духъ—«вѣдина»; способы отъ нихъ избавиться.—Знахарки (врачарицы) и знахари (врачары): чудесные атрибуты знахарокъ; знаніе способовъ леченія; наше мнѣніе. Домовые генія (вѣдогони): общее понятіе о нихъ. Мора: ея происхожденіе; наружный видъ; ея дѣятельность; средства отъ нея избавиться. Смерть: ея наружность; народныя легенды. Вампиры (вукодлаки): ихъ происхожденіе; наружный видъ; ихъ дѣятельность; средства отъ нихъ избавиться. Души усопшихъ (собласти): ихъ происхожденіе; наружный видъ; какъ избавляются они отъ блужданія по этому міру; добрыя ихъ качества. Моровая язва (куга): ея происхожденіе; олицетвореніе; дѣятельность и средства избавиться отъ нея. Баба—руга: значеніе ея въ народѣ. Кукушка (кукавица): ея происхожденіе; народныя примѣты. Кудесники (маджіоники): магическая сила ихъ аттрибутовъ; народное повѣрье. О поклоненіи змѣю и дереву: о значеніи змѣя въ славянской миѳологіи; о происхожденіи змѣинаго культа и о внѣшней формѣ его проявленія; о значе-

Стран.

нія дерева въ славянской миѳологіи, а въ частности—о деревѣ «сѣновитъ». Особенности празднованія южными славянами возрожденія природы, какъ во времена язычества, такъ и въ эпоху христіанства.

В. Домашняя жизнь . . . . . 427—525

Глава I. Задруга: происхожденіе названія и внутреннее ея устройство; историческая замѣтка о задругѣ: причины, почему въ однѣхъ мѣстностяхъ она утратила свое первоначальное значеніе, а въ другихъ—окончательно исчезла; о происхожденіи родовыхъ прозвищъ. Побратимство: его виды и способы, какими оно устанавливается. Посестримство.

Глава II. Сельскій календарь: причина его появленія; «бронице»; о значеніи праздника Рождества; народныя повѣрья, связанныя съ днемъ св. Лукіи и съ наступленіемъ весны; метеорологическія наблюденія селянина во время лѣта.—Обрядовая сторона полевыхъ работъ: посѣвъ хлѣба; «додола» и «приоруше»; покосъ травы; жатва хлѣба; мельницы; сборъ винограда.

Глава III. Бытовая сторона жизни хорвато-далматинцевъ: внѣшній ихъ видъ; описаніе крестьянской избы; пища; обычныя занятія сельскаго населенія; одежда; взглядъ селянина на ученаго; гостепріимство; базарные дни; храмовые праздники; замѣтка о сельскихъ шинкахъ и харчевняхъ.

Глава IV. Женитьба: взглядъ селянина на разводъ; смотрины; взглядъ селянина на женщину; сговоръ; приданое; приготовленіе невѣсты къ свадьбѣ; замѣтки о свадебныхъ пиршествахъ; «заной» или «ябука»; «сватовскій дукатъ»; подвѣнечные банмаки; канунъ свадьбы; описаніе свадебнаго наряда жениха и невѣсты; свадебная процессія; вѣнчаніе; свадебныя пиршества; уходъ новобрачной въ домъ мужа; «побожична часть».

Глава V. Родины: народныя примѣты относительно беременности женщины; замѣтка объ условіяхъ, отъ которыхъ зависитъ будущность ребенка; народныя суевѣрія, связанныя съ кормленіемъ ребенка; о важности положенія кума и кумы въ семействѣ новорожденнаго. Крестины. «Бабине». «Материнице». Описаніе празднованія дня именинъ. Слава.

Глава VI. О народныхъ способахъ врачеванія: взглядъ народа на различные недуги; постепенный ходъ развитія способовъ леченія; знахари и знахарки и ихъ способы леченія; талисманы; способы леченія дѣтскихъ болѣзней. Сельскій врачъ: объ его научныхъ средствахъ; его обязанности; о способахъ леченія; описаніе универсальнаго средства отъ всѣхъ недуговъ, употребляемаго въ заведеніи стубицкихъ минеральныхъ водъ; причина недовѣрія народа къ врачу; о тяжеломъ положеніи сельскаго врача.

Глава VII. О религіозно-обрядовой сторонѣ быта хорвато-далматинцевъ: описаніе духовно-семейнаго торжества на островахъ Кварнеро, по случаю принятія. священнаго сана; религіоз-

Стран.

ные способы леченія; различные виды обѣтовъ; о наломничествѣ.

Глава VIII. Погребальные обычаи: взглядъ селянина на смерть и на загробную жизнь; приготовленія къ похоронамъ; плакальщицы; кладбище; погребальная процессія; похоронный обѣдъ; «задужбина»; поминки; особенности поминовенія всѣхъ усопшихъ.

В. Полу-христіанскіе обряды и повѣрія . . . . . 525—564

Глава I. Особенности рождественскихъ праздниковъ: приготовленія къ праздникамъ; особенности встрѣчи и провожденія праздниковъ; языческій и христіанскій элементы въ празднованіи «Коляды». Объ обрядовой сторонѣ праздника Богоявленія Господня: водосвятіе; окропленіе домашняго скота святою водой; народныя повѣрья.

Глава II. Празднованіе масляницы (карнавала): обычай «букара» или «ватрише»; описаніе празднованія послѣднихъ трехъ дней карнавала; похороны масляницы. Объ обрядовой сторонѣ великаго поста: особенности провожденія великаго поста; Лазарева суббота; страстная недѣля.

Глава III. Особенности празднованія Пасхи. Объ обрядовой сторонѣ праздниковъ: Благовѣщенія Пр. Богородицы, Велико-мученика Георгія, Св. Троицы, Рождества Іоанна Предтечи, Св. Пророка Иліи, Преображенія Господня и Велико-мученицы Варвары.

Г. Сельскія забавы . . . . . 565—590

а. Народныя игры . . . . . 565—583

Глава I. Дѣтскія игры: «Банати се»; «купа»; «плочанье»; «плойка»; «изъ кола кучке»; «квочка»; «лапка»; «ліевке» «навлачкапа»; «скриванье»; «титра» и «фенъ».—Дѣвическія игры: «сугребъ» и «лончичакъ».

Глава II. Игры момковъ: «вребацъ»; «жмирке»; «клиссъ»; «крмача»; «лонацъ»; «пазаръ»; «пчела»; «шковати се»; «котачанье»; «тко ти ю э далъ»? и «халка». Игры момковъ и дѣвушекъ: «прстенакъ» и «зобъ».

б. Народные танцы: «Коло»; «Повратанацъ»; «Ястучакъ» или «Ванкушакъ»; «Танацъ»; «Поскочница» и «Мореçеу». . . . 584—590

ТОМЪ ВТОРЫЙ

I

ДАЛМАЦІЯ.

ГЕОГРАФИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ДАЛМАЦІИ.

Въ составъ Далмаціи входитъ во-первыхъ узкая полоса земли, расположенная вдоль восточныхъ частей Адріатическаго моря, отъ острова Премуда до соединенія трехъ границъ (triplex confinium) турецкой, австрійской и черногорской: этотъ triplex confinium» находится не вдалекѣ отъ города Кастель-Ластвы. Изъ южной части территоріи Далмаціи необходимо исключить двѣ узкія полосы земли, изъ которыхъ одна идетъ изъ Герцеговины въ которскій заливъ и раздѣляетъ дубровницкій (рагузскій) округъ отъ которскаго (каттарскаго); другая тянется изъ Герцеговины прямо къ Адріатическому морю и обходитъ съ сѣверной стороны дубровницкій (рагузскій) округъ; первая носитъ названіе: «Суторино», а вторая—«Клекъ». Эти двѣ узкія полосы земли принадлежатъ Турціи. Во-вторыхъ въ составъ Далмаціи входятъ острова, лежащіе вдоль далматинскаго берега.

Далмація, занимая собою пространство въ 3717,4 кв. итальянскихъ мили, (3043,2 материкъ и 674,2—острова) или 222,30 австр. геогр. кв. миль, лежитъ между 44°45'21"—42°10'12" сѣв. широты и 12°25'29"—16°38'30" в. долготы по парижскому меридіану. Материкъ Далмаціи весьма различной ширины: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ширина его доходитъ до 37 итальянскихъ географ. миль; въ другихъ напримѣръ около города Котора (Cattaro), ширина той-же части Далмаціи, которая отдѣляетъ море отъ Черногоріи, равняется $^1|_2$ мили.

Границами Далмаціи являются слѣдующія мѣстности: съ сѣвера хорватская Военная Граница и Адріатическое море, съ востока Боснія, Герцеговина и Черногорія; съ юга турецкая Албанія, и съ запада Адріатическое море. Пограничная линія Далмаціи, отдѣляющая эту страну отъ сосѣднихъ владѣній—весьма значительной величины, именно со стороны суши простирается до 207 итальянскихъ географ. миль; другая линія, идущая вдоль моря, простирается на 300 итальянскихъ географ. миль. Изъ этихъ цифровыхъ данныхъ мы можемъ получить ясное понятіе о тѣхъ громадныхъ зигзагахъ, которые дѣлаетъ пограничная линія Далмаціи, какъ со стороны турецкихъ и черногорскихъ владѣній, такъ и со стороны моря.

Двѣ узкія полосы земли—«Клекъ» и «Суторино», о которыхъ мы выше говорили, подраздѣляютъ материкъ Далмаціи на три части: 1) сѣверный наибольшій участокъ земли составляетъ такъ называемую «Старую Далмацію»; 2) средній извѣстенъ подъ именемъ «Державина» и 3) южный наименьшій, составлявшій прежде часть Албаніи, носитъ по этой причинѣ и до сихъ поръ названіе «Австрійской Албаніи».

Въ нижеслѣдующемъ изложеніи мы разсмотримъ топографическія особенности Далмаціи и климатическія ея условія, а въ заключеніе сообщимъ нѣкоторыя цифровыя данныя о численности мѣстнаго населенія.

А. Топографическія особенности Далмаціи.

Горы и орографическія ихъ особенности.—Равнины.—Долины.—Заливы.—Бухты.—Каналы.—Рѣки.—Минеральные источники.—Озера.—Болота.

Юлихскіе альпы проходятъ по Далмаціи двумя вѣтвями, изъ которыхъ одна тянется вдоль далматинскаго побережья, другая—вдоль восточныхъ границъ Далмаціи. Цѣпь прибрежныхъ далматинскихъ альпъ опоясываетъ сначала долину рѣки Зерманьи, за тѣмъ

проходитъ вдоль побережья до рѣки Крки, и наконецъ подъ различными названіями снова тянется вдоль побережья. Цѣпь горъ, которая проходитъ между городами Шебеникомъ (Sebenico) и Трогиромъ (Trau) извѣстна подъ, именемъ «Тартаро»: наиболѣе возвышенные ея пункты Оріенъ (6,004 ф.) и Біоково (5,587 ф.); между городами Сплѣтомъ (Spalato) и Омишомъ (Almissa)—«Моссоръ» съ возвышенностью того же имени (4,235 ф.). Вблизи города Трогира (Trau) одна вѣтвь прибрежныхъ далматинскихъ альпъ углубляется въ море и образуетъ собою острова. Всѣ острова, начиная съ Буа и оканчивая—Шипаномъ (Giupana), Лопудомъ (Isola di Mezzo) и Колочепомъ (Kalamota) служатъ продолженіемъ приморской вѣтви юлихскихъ альпъ. Цѣпь горъ, которая тянется вдоль восточныхъ границъ Далмаціи, извѣстна подъ названіемъ «Динарскихъ альпъ»: она получила свое названіе отъ горной возвышенности «Динара» (5,729 ф.). Динарскіе альпы служатъ, такъ сказать, продолженіемъ горнаго хребта «Плѣшевица», о которомъ мы выше говорили. На цѣпи динарскихъ альпъ есть нѣсколько возвышенныхъ пунктовъ: «Гнятъ» (5,728 ф.), «Тморъ» (4,000 ф.) и «Снѣжница» (3,926 ф.). Между двумя главными вѣтвями идутъ поперечныя горныя вѣтви: «Свилая» съ возвышенностью того же имени (4,797 ф.)—тянется отъ Книна до Врлики съ одной стороны и отъ Врлики до Дерниша съ другой и заканчивается горой «Промина» съ возвышенностью того-же имени (3,653 ф.) и горой «Мосечъ» съ возвышенностью того-же имени (2,248 ф.).

Изъ этого краткаго очерка орографіи Далмаціи явствуетъ, что въ странѣ находится много равнинъ и долинъ. Всѣ онѣ чрезвычайно живописны и отличаются разнообразіемъ покрывающей ихъ растительности. Главнѣйшія изъ равнинъ суть слѣдующія: Дернишъ, Петрово-поле, Книнь, Верба, Врлика, Синь, Триль, Дицмо, Имоски, Неретва (Narenta) *), Конавлье (Kanali) и Драгань;—долины:

*) Неретвенская равнина получила свое названіе отъ протекающей по ней рѣки Неретвы (Narenta). Эта равнина занимаетъ довольно большое пространство и опоясана различными горными вѣтвями динарскихъ альпъ, какъ-то: Визницею, Догнагорой, Ергнякомъ и другими, которыя тянутся до самаго моря.

Нинъ (Nona), Смильтичъ, Бенковацъ, Островица, Врана, Котари, Скрадинъ (Scardona), Дугополе, Главице, Долацъ, Блато, Будимiръ и Суторина.

Далматинскiй берегъ почти на всемъ своемъ протяженiи, а именно начиная отъ пролива «Привлака» (Stretto di Brevilaqua) до горы Дубовицы (вблизи Котора), чрезвычайно каменистъ и высокъ. Начиная отъ пролива «Привлака» и до мыса «Плоча» (Punta della Planca), на протяженiи 60 миль, далматинскiй берегъ тянется по направленiю съ сѣвера къ югу; отъ мыса «Плоча» и до устья рѣки Жерновницы т. е. на протяженiи 50 миль—по направленiю къ востоку; между устьями рѣкъ—Жерновница и Цетина съ одной стороны и долиной Вруля (Valle della Vrullia) съ другой т. е. на протяженiи 17 миль, по направленiю къ юго-востоку; за тѣмъ вплоть до перешейка, соединяющаго материкъ съ полуостровомъ Пельешацъ (Sabioncello) т. е. на разстоянiи 50 миль—по направленiю отъ сѣвера къ югу; отъ помянутаго перешейка и до мыса «Оштра» (Punta d'Ostro) т. е. на протяженiи 102 миль—по направленiю къ юго-востоку, а отъ мыса Оштра и вплоть до горы Дубовицы—по направленiю къ востоку.

Адрiатическое море вообще довольно глубоко. Къ западу отъ острововъ «Инкороната» и «Зуръ» (Zuri), въ десяти миляхъ разстоянiя отъ нихъ и далѣе къ югу—по направленiю къ каменистому островку «Ябука» (Pomo), глубина моря достигаетъ отъ 500 до 600 футовъ; затѣмъ, подвигаясь далѣе къ югу, Адрiатическое море въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а именно на разстоянiи 30 миль отъ острововъ Ластово (Lagosta) и Млѣта (Meleda) имѣетъ иногда до 3,000 футовъ въ глубину. Напротивъ того глубина Адрiатическаго моря постепенно уменьшается по мѣрѣ того, какъ оно приближается къ далматинскому побережью. Впрочемъ и въ восточныхъ его частяхъ глубина значительно измѣняется. Вообще замѣчено, что чѣмъ возвышеннѣе морской берегъ, тѣмъ глубже омывающiя его воды. Приливы и отливы происходятъ перiодически, чрезвычайно правильно: наибольшiй приливъ бываетъ въ февралѣ, а наименьшiй отливъ—въ сентябрѣ. Впрочемъ, морскiе приливы и отливы вообще весьма

слабы, такъ какъ воды Адріатическаго моря содержатъ въ себѣ бо́льшее количество соли, чѣмъ воды океана. Кромѣ другихъ причинъ, на повышеніе и пониженіе воды много вліяютъ, между прочимъ, вѣтры, а именно: южный (Ostro), юго-восточный (Scirocco), сѣверный (tramontano), юго-западный (libeccio или garbino) и сѣверо-восточный (bora).

Адріатическое море, омывая берега Далмаціи, образуетъ собою весьма много заливовъ и бухтъ, которые иногда далеко углубляются въ материкъ. Изъ всѣхъ заливовъ которскій (Bocco di Cattaro или Canale di Cattaro), по своему объему, наибольшій: онъ имѣетъ въ длину 17 миль. Мы не считаемъ нужнымъ перечислять всѣ небольшіе заливы и бухты, такъ какъ число ихъ крайне значительно.

Весьма много здѣсь и каналовъ. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ. Canale del Quarneruolo: (длина его 30 итальянскихъ миль а средняя ширина —8 итальянскихъ миль) между островами—Керсомъ, Рабомъ и Пагомъ. *Горный каналъ* (Canale della Montagna) между островомъ Рабомъ и материкомъ. *Задрскій каналъ* (Canale di Zara), (длина 18 ит. миль, а средняя ширина 2 ит. мили), между островомъ Улянъ (Ugliano) и материкомъ. *Пашманскій каналъ* (Canale di Pasman), длина 7 ит. миль, а средняя ширина—одна ит. миля, между островомъ Пашманомъ и материкомъ. *Средній каналъ* (Canale di Mezzo), длина его 27 ит. миль, а средняя ширина $4^1/_2$ ит. мили, между островами Улянъ (Ugliano) и Пашманъ (Pasman) съ одной стороны, и Длинный (Jsola lunga) и Инкороната (Jnkoronata), съ другой стороны. *Маслиницкій каналъ* (Canale di Solta), длина его 3 ит. мили, а средняя ширина—2 ит. мили—между островомъ Маслиница (Solta) и материкомъ. *Кастельскій каналъ* (Canale della Castella), длина 10 ит. миль, а средняя ширина — $1^1/_3$ ит. мили — тянется отъ Солинской бухты до Трогирской и занимаетъ пространство между островомъ Буа и материкомъ. *Брачскій каналъ* (Canale della Brazza), длина 22 ит. мили, а средняя ширина—$3^1/_2$ ит. мили, между островомъ Брачомъ (Brazza) и материкомъ. *Хварскій каналъ* (Canale di Lesina)—длинна 24 ит. мили, а средняя ширина 5 ит. миль, между островами

Брачъ (Brazza), Хваръ (Lesina) и Висъ (Lissa). *Нератвенскій каналъ* (Canale della Narenta)—длина 21 ит. миля, а средняя ширина—6 ит. миль между полуостровомъ «Пельешацъ» (Sabioncello) съ одной стороны и островомъ Хваръ (Lesina) и материкомъ съ другой.—*Кончульскій каналъ* (Canale di Curzola)—длина 27 ит. миль, а средняя ширина $8^1/_2$ ит. миль—между островомъ Корчуля (Curzola) и полуостровомъ Пельешацъ (Sabioncello).—*Ластовскій каналъ* (Canale di Lagosta)—длина его 20 ит. миль, а ширина 8 ит. миль, между островами Корчуля (Curzola) и Ластово (Lagosta) *Млѣтскій каналъ* (Canale d Meleda) длина его 21 ит. мили, а средняя ширина 4 ит. мили — между полуостровомъ Пельешацъ (Sabioncello) и островомъ Млѣтъ (Meleda).

По различнымъ направленіямъ Далмаціи протекаетъ множество рѣкъ и рѣчекъ, изъ которыхъ главныя суть слѣдующія:

Зерманія (древнее названіе Tedanium) вытекаетъ изъ горы Попины, лежащей въ Военной Границѣ въ личкомъ округѣ; на протяженіи $1^1/_2$ итальянской мили она протекаетъ сначала по территоріи этого округа; въ восточной части задарскага округа, вблизи мѣстечка Привезы входитъ въ Далмацію и держится сначала сѣверо-восточнаго направленія, затѣмъ поворачиваетъ на западъ и изливается въ заливъ «Нови-градъ». который соединенъ съ горнымъ каналомъ (Canale della Montagna), посредствомъ узкаго пролива, называемаго Монценитскимъ. При своемъ впаденіи, эта рѣка образуетъ болота, которыя находятся на одномъ уровнѣ съ моремъ, чѣмъ и объясняется солоноватый вкусъ этихъ водъ. Она имѣетъ въ длину 30 итальянскихъ миль, а средняя ея ширина доходитъ приблизительно до 20 саженей. Въ нижнихъ частяхъ рѣка Зерманья судоходна, такъ какъ на протяженіи почти 8 итальянскихъ миль, а именно отъ ея впаденія до города Обровацa, глубина ея доходитъ до 20 футовъ. Начиная отъ своего истока до города Обровацa, она течетъ весьма быстро, далѣе быстрота ея значительно уменьшается. На ней, вблизи мѣстечка Привезы, есть мостъ «Кравинбродъ». Главный ея притокъ рѣка Крупа.

Крка (древнее названіе Titius) беретъ начало въ горѣ Динарѣ

вблизи мѣстечка Тополья въ 2-хъ миляхъ разстоянія отъ города Книна. Сначала она течетъ съ сѣвера на востокъ и, обогнувъ крѣпость Книнъ, держится западнаго направленія; нѣсколько далѣе она круто поворачиваетъ, течетъ на юго-западъ и впадаетъ въ море вблизи города Шебеника. Рѣка эта имѣетъ въ длину 32 итальянскихъ мили, а средняя ея ширина 30 сажень. Крка принимаетъ въ себя значительное количество рѣчекъ, именно: Бутишница, Радильевацъ, Орсаница, Косовица, Керчичъ, Чикола и Верба. Эти рѣчки съ одной стороны увеличиваютъ ея воды, а съ другой образуютъ вмѣстѣ съ нею цѣлую цѣпь озеръ; изъ нихъ послѣднее «Проклянъ» лежитъ при устьѣ рѣки. Это озеро есть нечто иное, какъ морской заливъ, въ который впадаетъ рѣка Крка. Поэтому-то въ немъ и замѣчаются морскіе приливы и отливы и вода въ немъ солоновата. Для моряковъ плаваніе по этому озеру сопряжено съ большими опасностями, въ особенности когда дуетъ «бора» (сѣверо-восточный вѣтеръ): почти ежегодно гибнетъ въ немъ не мало людей. Можетъ статься, народъ потому и назвалъ это озеро «проклянымъ» (проклятымъ). Оно обнимаетъ собою пространство въ 2,68 кв. геогр. мили. Всѣ озера, которыя встрѣчаются на протяженіи рѣки Крки, соединены между собою болѣе или менѣе живописными каскадами, которыхъ числомъ пять, а именно: Тополье, Радоболь, Брачичъ, Малованацъ-букъ и Рончислапъ. Изъ всѣхъ этихъ водопадовъ наиболѣе замѣчательны два: Малованацъ-букъ и Рончислапъ, которые извѣстны подъ именемъ «скрадинскихъ слаповъ» (водопадовъ), такъ какъ они лежатъ вблизи города Скрадина (Scardona). Водопады эти одно изъ самыхъ живописныхъ зрѣлищъ природы. Отъ своего устья до города Скрадина (Scardona), рѣка Крка судоходна: черезъ нее перекинуты мосты въ трехъ мѣстахъ: въ Топольѣ, Книнѣ и Рончислапѣ.

Цетина (древнія названія Tilurus, Nastus) вытекаетъ изъ ущелій, расположенныхъ между горами Динарой и Гнятомъ, до мѣстечка Хана течетъ медленно, держась направленія на юго-востокъ и орошая поляны Рибаричъ, Каракашица, Ханъ и Синь. Отъ мѣстечка Хана до мѣстечка Дуаре, она течетъ уже съ сѣвера на югъ и притомъ весьма быстро, при мѣстечкѣ Трилѣ значительно съуживается, отъ

Дуаре она принимаетъ направленіе на западъ и впадаетъ въ море вблизи города Омиша (Almissa). Рѣка Цетина имѣетъ въ длину 53 итальянскихъ мили, а средняя ея ширина въ 20 саженей. На своемъ теченіи, она образуетъ нѣсколько островковъ, изъ которыхъ наибольшіе суть Лукавацъ и Плана и два живописныхъ водопада: «Велика-Губавицѣ» вблизи села Задворья и «Мала-Губавица» вблизи села Дуаре. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣка эта судоходна, впрочемъ лишь для небольшихъ судовъ, именно отъ города Синя до мѣстечка Триля, затѣмъ отъ своего устья на протяженіи 3 итальянскихъ миль. Главные ея притоки суть слѣдующіе: Каракашица, Руда, Перуча, Даборъ и Драговичъ. На этой рѣкѣ, вблизи православнаго монастыря Драговича, находится мостъ, построенный еще при венеціанцахъ.

Наратва (Narenta)—въ древности носила названіе «Naro» и «Narbo». Рѣка эта беретъ начало въ горѣ Сугльявѣ, которая служитъ пограничною чертой между Босніей и Герцеговиной. При городѣ Метковичи она входитъ въ Далмацію и течетъ по ея территоріи, держась направленія юго-западнаго. При мѣстечкѣ Опузине (Fort-Opus) она раздѣляется на 2 главныхъ рукава и вливается въ море 12 рукавами. Рѣка эта протекаетъ по Далмаціи на протяженіи 12 итальянскихъ миль, а средняя широта 90 саженей. Главные ея притоки суть: Норинъ, Вратаръ, Вріостица, Церновика, Биливирь, Мислина и Пруньянъ. Морскіе приливы и отливы замѣчаются на всемъ протяженіи рѣки Неретвы вплоть до города Метковичи. Даже вблизи этого города вода въ Неретвѣ бываетъ иногда солоновата. Впрочемъ большій ея притокъ—рѣка «Норинъ», которая вытекаетъ изъ динарскихъ альпъ, имѣетъ въ длину около 9 итальянскихъ миль и содержитъ въ себѣ прѣсную воду. Отъ своего устья т. е. отъ порта «Долеро» и до мѣстечка Опузине (Fort-Opus), Неретва судоходна и для большихъ судовъ, а начиная отъ мѣстечка Опузине и до города Метковичи лишь для плоскодонныхъ судовъ.

Кромѣ перечисленныхъ рѣкъ, по Далмаціи протекаетъ еще нѣсколько небольшихъ рѣчекъ, именно:

Омбла (древнія названія—Orion, Humla) на обыденномъ языкѣ носитъ названіе Рѣка. Она служитъ продолженіемъ рѣки Требинчицы, которая течетъ по Герцеговинѣ; но вблизи города Требинья

исчезаетъ подъ землей, а затѣмъ вторично появляется вблизи Дубровника въ долинѣ Омблы, отъ которой и получила свое названіе; при мѣстечкѣ Гружѣ (Gravosa), она вливается въ море. Она протекаетъ по Далмаціи на протяженіи 2 ит. миль, а средняя ея ширина—80 саженей. На всемъ своемъ протяженіи по Далмаціи, она судоходна.

Люта—вытекаетъ изъ горы Снѣжницы въ равнинѣ Конавлье (Kanali), на востокѣ отъ города Цавтата (Ragusa vecchia), направляется къ западу, принимаетъ въ себя нѣсколько небольшихъ рѣчекъ и вскорѣ затѣмъ пзчезаетъ подъ землею. Она имѣетъ въ длину 2 ит. мили, а средняя ея ширина 10 саженей.

Фумера—беретъ начало въ горѣ Плачиште, которая служитъ границей между городомъ Которомъ (Cattaro) и Черногоріей и быстро течетъ въ море: она имѣетъ въ длину 1 ит. милю, а средняя ея ширина—12 саженъ.

Жерновница—течетъ по долинѣ Стобречъ и вливается въ море вблизи города Сплѣта (Spalato).

Ядаръ (Giadro)—извѣстная подъ именемъ «Солинъ», вытекаетъ изъ горы Моссоръ, орошаетъ мѣстность, гдѣ нѣкогда стоялъ городъ Солинъ (Salona) и впадаетъ въ море; она имѣетъ въ длину 3 ит. мили, а средняя ея ширина—10 саженъ; судоходна отъ своего устья до солинскаго моста.

Въ Далмаціи есть нѣсколько минеральныхъ источниковъ, именно:

а) Въ одномъ изъ предмѣстій города Сплѣта—въ «Великомъ Варошѣ» (Borgo-grande), вблизи францисканскаго монастыря, находится сѣрно-солёный источникъ; его температура—19°R. — По своимъ составнымъ частямъ, эти минеральныя воды—всѣмъ схожи съ карлсбадскими водами, а по своей температурѣ—съ баденскими. Тамъ есть помѣщеніе для больныхъ, которое, впрочемъ, весьма плохо содержится. б) «Врлика» — въ равнинѣ Петрово-поле. в) «Бобилька»—между селеніями Нинъ (Nona) и Новиградъ. г.) «Ступарусса—вблизи города Синя. д) «Зелено-врило»—въ Неретвенской долинѣ. Озеръ на материкѣ Далмаціи, собственно говоря, одно, именно: «Врана», лежащее на юго-востокъ отъ Задра. Оно обнимаетъ собою пространство въ 8.72 кв. геогр. мили, а средняя его

глубина доходитъ до 20 футовъ. Это озеро, образуемое источниками Ричина, Печина, Смоковичъ и Биба, находится въ прямомъ сообщеніи съ моремъ. Можетъ статься—вслѣдствіе землетрясенія, между слоями мрамора, которые отдѣляютъ воды озера отъ ближайшихъ водъ Адріатики, образовались узкіе проходы числомъ 33, посредствомъ которыхъ и происходитъ прямое сообщеніе водъ озера съ водами Адріатики. Въ озерѣ замѣчаются приливы и отливы моря, вода солоновата, въ немъ ловятся угри и нѣсколько сортовъ небольшихъ морскихъ рыбъ. Всѣ остальныя озера въ Далмаціи не могутъ быть названы, въ полномъ смыслѣ слова, озерами. Собственно говоря, это суть временныя вмѣстилища водъ, которыя накопляются тамъ осенью, сильно возрастаютъ зимою и высыхаютъ лѣтомъ. Однако мы скажемъ нѣсколько словъ объ этихъ озерахъ; онѣ суть слѣдующія:

Надинъ—въ задрскомъ округѣ, къ сѣверу отъ озера Враны. Оно обнимаетъ пространство въ 1.35 кв. геогр. милю. Озеро Надинъ весьма мелководно; дно его каменисто, такъ что, въ случаѣ осушки озера, мѣстные жители не могли-бы его обратить подъ поля.

Боканаяцъ (Boccagnazzo) — къ сѣверу отъ города Задра — въ 1.84 кв. геогр. мили; оно ежегодно лѣтомъ высыхаетъ. По мѣрѣ того, какъ воды въ немъ убываютъ, окрестные жители обработываютъ возвышенныя въ немъ мѣста.

Проложацъ—къ западу отъ города Имоски, вблизи мѣстечка Локвичича, въ 0.52 кв. геогр. мили; во время своего полноводья, оно разливается и превращаетъ окрестную мѣстность въ болото.

Растокъ—въ макарскомъ округѣ вблизи города Вергораца, въ 1.95 кв. геогр. мили, оно служитъ вмѣстилищемъ водъ, которыя туда приноситъ рѣчка Млада и ручьи, вытекающіе съ турецкой территоріи.

Іезерацъ—вблизи озера Растока—въ 0.57 кв. геогр. мили. На восточномъ берегу озера Іезераца лежитъ небольшое селеніе Струге. Озеро это мелководно. Въ лѣтнее время, когда оно высыхаетъ, окрестные жители его вспахиваютъ и получаютъ хорошій урожай.

Іезеро лежитъ къ западу отъ озера Іезераца и обнимаетъ пространство въ 8.35 кв. геогр. миль.

Бачина или *Бачинско Блато*—лежитъ при устьѣ рѣки Неретвы (Narenta) къ югу отъ селенія Градаца, и обнимаетъ пространство въ 0.75 кв. миль. Небольшая горная возвышенность отдѣляетъ озеро «Бачина» отъ озера Іезера. Необходимо замѣтить, что всѣ четыре послѣднихъ озера: Растокъ, Іезерацъ, Іезеро и Бачина имѣютъ между собою подземное соединеніе.

Въ Далмаціи чувствуется большой недостатокъ въ прѣсной водѣ. Въ лѣтнее время во многихъ городахъ и селахъ, въ особенности внутри страны, не только не достаетъ воды для орошенія почвы, но ея не хватаетъ даже для потребленія людей и скота. Хотя сплѣтскій округъ, въ сравненіи съ другими округами, богатъ прѣсною водой, все-таки и его жители, въ лѣтнее время, чувствуютъ въ ней большую потребность. Такому безводію въ Далмаціи нельзя искать причинъ въ формаціи почвы, такъ какъ на всемъ пространствѣ территоріи Далмаціи можно встрѣтить хотя слабо бьющіе, но неизсякающіе источники. Такъ напримѣръ, въ одномъ селѣ Моринѣ (въ которскомъ уѣздѣ) находится до 30 источниковъ, которые славятся здоровою особенно пріятною на вкусъ водою и даже въ самое жаркое лѣтнее время не высыхаютъ. По нашему мнѣнію, сами мѣстные жители виноваты въ томъ, что постоянно чувствуется ими недостатокъ въ прѣсной водѣ; недостатокъ этотъ объясняется лишь ихъ нерадѣніемъ или скорѣе невѣжествомъ; задѣлывая отверстія, черезъ которыя вода могла бы просачиваться на поверхность земли, они заставляютъ тѣмъ самымъ воду принимать подъ землею уже иное направленіе и источники, вмѣсто того, чтобы орошать почву, во многихъ мѣстахъ изливаются совершенно безполезно для страны въ море, какъ напримѣръ, въ портахъ Враглія, Бистрина и другихъ. Можетъ быть со временемъ, когда населеніе Далмаціи лучше оцѣнитъ производительныя силы своей страны, оно пойметъ важное значеніе, какое имѣетъ для нея промышленность, обратитъ особое вниманіе на свои водные источники и воспользуется ими на пользу края.

Въ Далмаціи есть много болотистыхъ мѣстностей, а именно:

Неретвенскія болота—занимаютъ приблизительно пространство въ 33,42 кв. геогр. мили и лежатъ въ равнинѣ того же имени. Мы не считаемъ лишнимъ при этомъ замѣтить, что неретвенская рав-

нина лежитъ ниже морскаго уровня. Поэтому даже и въ тихое время года, морскія воды затопляютъ значительную часть этой равнины, сливаясь при этомъ съ водами орошающихъ ее рѣкъ. Вслѣдствіе болотъ, которыя, какъ мы выше замѣтили, тянутся на значительномъ пространствѣ въ этой равнинѣ, климатъ тамъ крайне нездоровъ и самый грунтъ земли недоброкачественъ для воздѣлыванія. Поэтому мы видимъ, что, во время владычества венеціанцевъ въ Далмаціи, былъ уже поднятъ вопросъ о томъ, какъ бы осушить одну часть неретвенской равнины съ цѣлью сдѣлать ее годною для земледѣлія, а другую ея часть, прилегающую къ морскому берегу, имѣлось въ виду отдать подъ рыбный промыселъ. Впрочемъ этотъ проектъ и по настоящее время не осуществленъ. Принявъ во вниманіе во-первыхъ то, что неретвенская равнина лежитъ въ центрѣ Далмаціи и служитъ важнымъ путемъ для торговли Далмаціи съ Босніей и Герцеговиной, и, во-вторыхъ то, что находящійся здѣсь портъ «Долеро» почитается однимъ изъ наилучшихъ торговыхъ портовъ на всемъ далматинскомъ прибрежьи, можно надѣяться, что австрійское правительство въ концѣ концовъ обратитъ серьезное вниманіе на осушку этой непроизводительной части Далмаціи.

Нинскія болота. Рѣчка Ричина, которая впадаетъ въ море, образуетъ вблизи селенія Нина (Nona) болота, которыя занимаютъ собою пространство въ 0,70 кв. геогр. миль. Впрочемъ осенью морскія воды, сливаясь съ водами Ричины, затопляютъ всю долину отъ Нина до Груя.

Сердованъ въ окрестностяхъ города Задра, вблизи мѣстечка того-же имени. Это болото образуется отъ скопленія дождевой воды. Впрочемъ, по временамъ оно высыхаетъ.

Врана—къ сѣверу отъ озера того же имени. Это болото обнимаетъ собою пространство въ 5,85 кв. геогр. миль.

Морполака и *Островица*, въ Скрадинскомъ уѣздѣ, занимаютъ пространство 3 кв. геогр. мили.

Книнъ—вблизи Книна—въ 0,52 кв. геогр. мили.

Сина—это болото образуется водами рѣки Цетины и занимаетъ пространство въ 4,52 кв. геогр. мили.

Есть еще нѣсколько болотъ, впрочемъ уже меньшихъ размѣровъ.

Б. Климатическія условія Далмаціи.

Вліяніе вѣтра на состояніе температуры. Климатъ и его отличительныя особенности.

Переходъ отъ зимы къ лѣту совершается въ Далмаціи столь быстро, что тамъ, собственно говоря, два времени года: зима и лѣто. Зимою по преимуществу дуютъ два вѣтра: юго-западный (Scirocco) и сѣверо-восточный (Bora). Юго-западный вѣтеръ—теплый и обыкновенно съ дождемъ: этотъ вѣтеръ является, можно сказать, настоящимъ благодѣніемъ для бѣдныхъ жителей страны. Впрочемъ дождливая погода иногда стоитъ въ теченіе продолжительнаго времени и тогда бѣдный людъ много страдаетъ. Бора—весьма холодный вѣтеръ; онъ дуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ такою силой, что опрокидываетъ не только людей, но и лошадей. Впрочемъ даже зимой климатъ въ Далмаціи весьма умѣренный. Такъ мы видимъ, что въ декабрѣ тамъ цвѣтетъ миндаль, собираютъ бобы и горошекъ, въ февралѣ созрѣваютъ артишоки. Снѣгъ выпадаетъ лишь на горахъ. Лѣто весьма жарко. Впрочемъ обыкновенно дуетъ отъ полдня до ночи вѣтерокъ «maestro», который нѣсколько умѣряетъ жару. Ночи свѣтлы и тихи. Лѣтомъ дождь весьма рѣдко падаетъ. Апельсины, кедры, финики и другіе фрукты ростутъ тамъ на открытомъ воздухѣ. Климатъ въ Далмаціи вообще весьма здоровый, за исключеніемъ болотистыхъ мѣстностей, о которыхъ мы выше говорили.

В. Статистическій очеркъ Далмаціи.

Общая численность мѣстнаго населенія. Численность населенія по народностямъ.

По послѣдней народной переписи, произведенной въ Далмаціи въ 1869 году, численность мѣстнаго населенія достигаетъ до 454,616 душъ; изъ нихъ 227,274 мужчинъ и 227,342 женщинъ. Перевѣсъ женскаго населенія надъ мужскимъ преимущественно за-

мѣчается въ огромномъ превышеніи числа вдовъ надъ числомъ вдовцовъ. Это обстоятельство можетъ быть объяснено тѣмъ, что далматинцы, не находя работы на родинѣ обыкновенно отправляются искать себѣ счастья за моремъ, умираютъ отъ перемѣны климата или отъ той внѣшней обстановки, при которой приходится зарабатывать насущный хлѣбъ въ чужой для нихъ странѣ. Такъ напримѣръ, много далматинцевъ умерло во время работъ при прорытіи Суецкаго канала. Если молодому далматинцу приходитъ чередъ поступить въ военную службу, обыкновенно его назначаютъ въ тѣ полки, которые расположены въ сѣверныхъ частяхъ имперіи: климатъ и новый родъ службы убійственно дѣйствуютъ на его здоровье.

По отношенію къ народностямъ, населеніе Далмаціи представляетъ слѣдующія цифровыя данныя: славянъ 414,804; итальянцевъ 25,431, албанцевъ 1,000, евреевъ 318 и около 13,060 душъ, принадлежащихъ различнымъ народностямъ, —это въ большинствѣ случаевъ иностранные подданные. Итакъ преобладающимъ элементомъ въ Далмаціи является славянскій—римско-католическаго вѣроисповѣданія. Мы не считаемъ лишнимъ приэтомъ замѣтить, что статистическія данныя о численности населенія Далмаціи, опубликованныя, съ одной стороны, по распоряженію задрскаго намѣстничества, а съ другой—мѣстныхъ духовныхъ властей, весьма разнятся между собою. Однако, мы сочли нужнымъ помѣстить въ отдѣлѣ «церковь» статистическія свѣдѣнія о численности населенія Далмаціи, по вѣроисповѣданіямъ: эти свѣдѣнія были нами извлечены изъ шематизмовъ (церковныхъ календарей).

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО ДАЛМАЦІИ.

Если прослѣдить исторію и гражданскій бытъ славянъ вообще, то мы замѣтимъ, что славяне были склонны группироваться въ такія государства, гдѣ они могли бы обсуждать и вести какъ общественныя, такъ и политическія свои дѣла сообща: «радой» ли, «вѣчемъ», «кругомъ», «соборомъ», «сеймомъ», «вичемъ» и т. д. и только уже впослѣдствіи, власть, принадлежащая прямо непосредственно общинамъ или народу вообще, переходитъ у нихъ въ руки народныхъ представителей — царей и князей. Въ исторіи южныхъ и западныхъ славянъ мы находимъ много примѣровъ, подтверждающихъ эту мысль. Съ такимъ фактомъ мы встрѣчаемся и въ исторіи Далмаціи. Весьма естественно, что, съ теченіемъ времени, въ силу обстоятельствъ, политико-административный строй Далмаціи сталъ замѣтно видоизмѣняться. Венеціанское правительство, мало по малу расширивъ свои поземельныя владѣнія въ Далмаціи, не преминуло дать ей такое административное устройство, которое вполнѣ отвѣчало государственнымъ интересамъ республики. Послѣ паденія венеціанской республики, Далмація, какъ извѣстно, переходила отъ одной власти къ другой и, наконецъ, по рѣшенію вѣнскаго конгресса, вторично вошла въ составъ австрійской имперіи.

Очеркъ низшаго и высшаго административнаго управленія Далмаціи.

Настоящее административное устройство Далмаціи. Задарскій сеймъ: настоящее его устройство и сфера его дѣятельности. Административное устройство городскаго населенія.

Австрійское правительство, пріобрѣвъ Далмацію, раздѣлило ее въ административномъ отношеніи на четыре округа (circolo): Задарскій, Сплѣтскій, Дубровницкій и Которскій. Каждый округъ былъ подраздѣленъ на уѣзды (distretto) именно: 1) Задарскій округъ былъ подраздѣленъ на 8 уѣздовъ: Рабъ (Arbe), Пагъ (Pago), Задаръ (Zara), Обровацъ (Obbrovazzo), Скрадинъ (Scardona), Дернишъ, Книнь и Шебеникъ (Sebenico); 2) Сплѣтскій округъ былъ подраздѣленъ на 10 уѣздовъ: Вись (Lissa), Хваръ (Lesina), Брачь (Brazza), Трогиръ (Trau), Сплѣтъ (Spalato), Синь, Омишь (Almissa), Имоски, Макарска и Опуженъ (Fortopus); 3) Дубровницкій округъ былъ подраздѣленъ на 5 уѣздовъ: Корчуля (Kurzola), Пельешацъ (Sabioncello), Слано, Дубровникъ (Ragusa) и Цавтатъ (Ragusa-Vecchia); 4) Которскій округъ былъ подраздѣленъ на 3 уѣзда: Нови (Kastelnuovo), Которъ (Kattaro) и Будва (Budua).

Въ силу императорскаго рескрипта отъ 11-го августа 1850 г., территорія Далмаціи была раздѣлена, въ административномъ отношеніи, на семь префектуръ (по славянски-покраински придстава, по итальянски—pretura), именно: Задарская, Шебеникская, Сплѣтская, Синьская, Макарская, Дубровницкая и Которская. Префектуры эти получили свое названіе отъ городовъ, гдѣ находится префектское правленіе. Во главѣ управленія префектуры стоятъ префекты (по славянски-котарски судцы, по итальянски—pretore). Въ особѣ «претора» совмѣщены двѣ вполнѣ разнородныя власти—политическо-административная и судебная, вслѣдствіе чего они являются въ полномъ смыслѣ пашами въ Далмаціи. Кромѣ «претора», должностныя лица въ префектурѣ суть его помощники (пристава) и секретари. Каждая префектура состоитъ, въ свою очередь, изъ «политическихъ общинъ» (по итальянски comune poli-

tico), которыя находятся въ завѣдываніи «общинскихъ судцовъ» (по итальянски sindaco), а эти послѣдніе состоятъ въ непосредственномъ подчиненіи «преторамъ». Такимъ образомъ всѣ общинныя власти—общинные судьи, писаря и старѣйшины (старосты)—являются ревностными исполнителями приказаній своихъ непосредственныхъ начальниковъ и даже получаютъ отъ нихъ инструкціи, по отношенію къ управленію обширными имуществами. Мы считаемъ долгомъ при семъ замѣтить, что въ префектурѣ Задарской — 150 политическихъ общинъ, въ Шебеникской — 143, въ Синьской — 78, въ Сплѣтской — 117, въ Макарской — 69, въ Дубровницкой — 142 и въ Которской — 102. Во главѣ центральнаго управленія въ Далмаціи стоитъ намѣстникъ (генералъ-губернаторъ), окруженный длинною фалангой должностныхъ лицъ всѣхъ возможныхъ названій.

Изъ выше сказаннаго видно, что административный персоналъ въ Далмаціи крайне значителенъ, можно даже сказать, что онъ далеко не отвѣчаетъ численности мѣстнаго населенія. Увеличеніе бюрократическаго элемента въ Далмаціи, которое было сдѣлано правительствомъ съ цѣлью упрочить свое вліяніе среди мѣстнаго населенія, только содѣйствовало матеріальному оскуденію самого бюрократическаго сословія, притомъ и усиленію бѣдности въ населеніи. Эта длинная фаланга чиновниковъ, которые, по ограниченности положенныхъ имъ окладовъ, были лишены, можно сказать, всякихъ средствъ къ существованію, была тѣмъ самымъ вынуждаема дѣйствовать съ большимъ пристрастіемъ при отправленіи своихъ обязанностей. Вслѣдствіе этого взяточничество среди бюрократическаго сословія приняло самые широкіе размѣры. Уменьшивъ административный персоналъ въ Далмаціи и увеличивъ его оклады, правительство могло бы явиться болѣе требовательнымъ по отношенію къ тамошнему бюрократическому сословію.

Законодательною властію въ Далмаціи является народное представительство—задарскій сеймъ. Согласно инструкціямъ, изданнымъ въ слѣдъ за появленіемъ императорскаго диплома отъ 20-го октября 1860 года, сеймъ долженъ быть ежегодно созываемъ въ городѣ Задрѣ—столицѣ Далмаціи. Сеймъ состоитъ изъ «постоянныхъ» и

Житомирська обласна бібліотека
Житомирська обласна бібліотека Інв. №

«временныхъ членовъ». Къ первому разряду членовъ относятся задарскій римско-католическій архіепископъ и всѣ римско-католическіе и православные епископы Далмаціи, которые de jure имѣютъ право голосованія на сеймѣ. Ко второму разряду относятся народные депутаты: депутатомъ можетъ быть всякій уроженецъ Далмаціи, австрійскій подданный, не моложе 24 лѣтъ отъ роду; при этомъ требуется отъ него слѣдующее: онъ долженъ обыкновенно пребывать у себя на родинѣ; быть свободнымъ отъ суда и платить извѣстную сумму прямыхъ податей, размѣръ которыхъ строго опредѣленъ для различныхъ мѣстностей Далмаціи: въ округахъ Задарскомъ, Сплѣтскомъ и Дубровницкомъ—не менѣе 50 гульденовъ, въ Которскомъ—не менѣе 25 гульденовъ. Впрочемъ и всѣ члены бюрократическаго сословія пріобрѣли не только право подачи голоса на депутатскихъ выборахъ, но и право быть выбранными въ депутаты. Также было сдѣлано изъятіе и для зажиточныхъ далматовъ, которые, если-бы и жили въ другихъ городахъ, находящихся внѣ территоріи Далмаціи, все-таки не утрачивали права на депутатство. Депутаты выбираются на шесть лѣтъ. Впрочемъ, сейму предоставлено право дозволить подвергнуть суду депутата за совершенный имъ какой-либо проступокъ, даже въ теченіе періода времени, на который онъ получилъ свое уполномочіе; притомъ сеймъ полновластенъ, въ случаѣ нужды, лишить депутата его уполномочія.

Сеймъ состоитъ изъ 41 депутата, которые распредѣляются по мѣстностямъ въ слѣдующемъ порядкѣ: округъ Задарскій имѣетъ на сеймѣ четырехъ депутатовъ, Сплѣтскій — трехъ, Дубровницкій — двухъ и Которскій — одного; всѣ же остальные города Далмаціи имѣютъ въ совокупности—семь депутатовъ, а всѣ привилегированныя общины — 20, городъ Задаръ—одного, затѣмъ каждое спеціальное учрежденіе имѣетъ своего представителя на сеймѣ; такъ коммерческія камеры, находящіяся въ городахъ Задрѣ, Сплѣтѣ и Дубровникѣ—имѣютъ по одному депутату. Австрійское правительство удержало за собою право, во-первыхъ, назначать президента сейма, котораго оно обыкновенно выбирало изъ среды депутатовъ и, во-вторыхъ имѣть тамъ своего комиссара. По этой причинѣ оно можетъ контролировать дѣйствіе сейма,

М.755

при посредствѣ спеціально для этого назначеннаго коммисара. При этихъ условіяхъ народному представительству предназначено играть роль музыкантовъ, которые должны прислушиваться къ тону камертона, даваемаго ему капельмейстеромъ-коммисаромъ.

Познакомимся теперь съ составными частями сейма. Въ первыя засѣданія сейма бываетъ устраиваема «джюнта», которая состоитъ изъ четырехъ асессоровъ, выбираемыхъ изъ среды депутатовъ, и изъ президента сейма, который, впрочемъ, de jure есть ея членъ. Кромѣ того, въ средѣ сейма бываютъ выбираемы четверо кандидатовъ на мѣста асессоровъ. Джюнта, которая составляетъ собою отдѣленіе сейма, является совѣщательнымъ учрежденіемъ, имѣющимъ и исполнительную власть. Сфера ея дѣятельности слѣдующая: 1) составленіе проэтовъ законовъ, которые должны быть предложены на обсужденіе сейма. Впрочемъ, эти проэкты не имѣютъ обязательной силы для сейма; 2) приведеніе въ исполненіе дѣлъ, накопленныхъ на сеймѣ, и 3) надзоръ за госпиталями и элементарными училищами. Джюнта уполномочена полагать рѣшенія по вопросамъ, которые, будучи подняты въ промежуткѣ времени между закрытіемъ послѣдняго сейма и созваніемъ новаго, не могли быть, по этой причинѣ, представлены на обсужденіе сейма, тогда какъ рѣшеніе ихъ не терпѣло отлагательства. Посредствующую ступень между джюнтой и сеймомъ составляетъ «комитетъ», который обыкновенно состоитъ изъ нѣсколькихъ депутатовъ. Означенный комитетъ предварительно разсматриваетъ всѣ проекты, составленные джюнтой, а затѣмъ уже, съ своими замѣчаніями, подноситъ ихъ на обсужденіе сейма. Такъ какъ Далмація входитъ въ составъ Цислейтаніи, то задарскій сеймъ отправляетъ своихъ депутатовъ, числомъ 5, въ вѣнскій рейхсратъ.

Въ заключеніе настоящаго очерка, мы считаемъ долгомъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія объ административномъ устройствѣ городскаго населенія Далмаціи. Городскіе статуты въ Далмаціи были составлены сначала по образцу итальянскихъ. Извѣстно, что въ XIII ст. сплѣтскій правитель Гарганъ, который, по приглашенію жителей города Сплѣта, прибылъ туда въ 1239 году изъ Анконы и, ставъ во главѣ городскаго управленія, поспѣшилъ сдѣлать распоряженіе, чтобы

«всѣ прежніе добрые обычаи, которые съискони легли въ основу городского управленія, были собраны, что и составило кодексъ, который сталъ извѣстенъ подъ именемъ «capitularium». Въ этотъ кодексъ Гарганъ внесъ еще нѣкоторыя постановленія, заимствованныя имъ изъ статутовъ итальянскихъ городовъ, съ цѣлью придать болѣе правильную организацію городскому управленію. Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что въ сплѣтскій городской статутъ были включены постановленія, въ основу которыхъ легло обычное право, а также муниципальныя постановленія итальянскихъ городовъ, вполнѣ чуждыя духу славянскаго городскаго населенія Далмаціи. Итакъ сплѣтскій городской уставъ явился, такъ сказать, звѣномъ, соединившимъ два діаметрально-противуположныя начала—славянское и римское. По словамъ Ѳомы архидіакона, всѣ далматинскіе города, за небольшими исключеніями, составили для городскаго управленія статуты по образцу сплѣтскаго «capitularium».

Итакъ, далматинскіе города были управляемы по своимъ законникамъ, имѣли свои судебныя инстанціи, причемъ были изъяты отъ платежа податей и т. д. Правда, что городскіе законники время отъ времени измѣнялись, подъ вліяніемъ юридическихъ понятій учрежденій Италіи и Германіи; но все-таки главныя основы муниципальнаго статута свято хранились, и каждый городъ сохранилъ свое судопроизводство.

Въ XV ст. венеціанское правительство стало утрачивать свои левантскія владѣнія. Тогда оно обратило серьезное вниманіе на упроченіе своего владычества по берегамъ Адріатическаго моря. Весьма естественно, что венеціанцы стали теперь подумывать о средствахъ упрочить тамъ свое могущество. Они хорошо понимали, что недостаточно для этого покорить народъ, а необходимо поставить его въ такія условія, чтобы во всѣхъ отрасляхъ государственной и домашней дѣятельности чувствовалась бы народомъ зависимость его отъ верховнаго правительства. Венгерское правительство пожелало ограничить самостоятельность городскаго управленія, которое было основано на римскомъ муниципальномъ статутѣ. Впрочемъ покушенія венеціанскаго правительства на радикальныя измѣненія муниципальнаго статута пробудили сильное неудовольствіе въ средѣ

городскаго населенія: города начали подымать знамя возстанія, турки продолжали вторгаться въ прибрежную часть Далмаціи и разорять ее; все это побудило правительство исполнить требованія горожанъ. Городамъ былъ данъ прежній уставъ, но при новой редакціи муниципалитетъ былъ такъ сильно измѣненъ, что, можно сказать, былъ скроенъ вполнѣ по образцу итальянскихъ статутовъ. Такъ какъ истые владѣтели жили преимущественно въ городахъ и составляли часть городскаго населенія, то этотъ новый законникъ опредѣлилъ, между прочимъ, и отношенія лѣнныхъ владѣтелей къ селянамъ.

Итакъ, всѣ города далматинскаго прибрежья, за исключеніемъ города Котора (Cattaro), получили новый статутъ, сохранившій только названіе стараго. Съ теченіемъ времени взглядъ венеціанскаго правительства, по отношенію къ городскому населенію Далмаціи, замѣтно измѣнился. Мы должны замѣтить, что всѣ богатые землевладѣльцы, находя для себя унизительнымъ жить въ деревняхъ начинаютъ, мало по малу, переселяться въ города, куда и переносятъ свои капиталы. Такимъ образомъ, городское населеніе по матеріальнымъ своимъ средствамъ и по образованію начинаетъ замѣтно выдѣляться изъ остальной части мѣстнаго населенія. Поэтому венеціанское правительство, желая привлечь на свою сторону городское населеніе, стало жаловать городамъ дипломы, въ силу которыхъ они пріобрѣтали особыя права и преимущества. Но, при этой раздачѣ дипломовъ, Венеція не измѣняла своему принципу— покровительствовать аристократіи въ ущербъ демократіи. Такъ, оно выказываетъ себя особенно щедрымъ по отношенію къ тѣмъ городамъ, гдѣ преобладающимъ элементомъ является аристократическій, какъ бы забывая демократическіе города. Такимъ образомъ много дипломовъ выпало на долю городовъ Задарь (Zara), Трогиръ (Trau) и другихъ. Оказывая явное покровительство аристократическому элементу, венеціанское правительство и ввело въ далматинскихъ городахъ муниципальное устройство, построенное на представительствѣ аристократическаго начала.

Императоръ Наполеонъ I, покоривъ венеціанскую Далмацію, замѣнилъ муниципальное устройство далматинскихъ городовъ муниципальнымъ совѣтомъ, состоящимъ изъ депутатовъ отъ всего городскаго

населенія. Но правленіе Наполеона I было весьма кратковременно: великая французская имперія также быстро распалась, какъ быстро создалась. Далмація вошла въ составъ австрійской имперіи. Новое правительство не могло не отнестись сочувственно къ итальянскимъ тенденціямъ, которыя глубоко вкоренились въ аристократическомъ классѣ мѣстнаго населенія. Въ 1827 году далматинскіе города получили муниципальный статутъ (Lo statuto Municipale) императрицы Маріи-Терезы. Статутъ этотъ, изданный впервые покойною императрицей для Ломбардіи, много содѣйствовалъ благосостоянію этой страны, предоставивши городскому ея населенію слѣдующія права: избирать муниципальныя власти, составлять свой бюджетъ, содержать внутреннюю стражу и, наконецъ, право устроивать народныя школы. Но новая его редакція во многомъ измѣнила этотъ благодѣтельный уставъ; правда, онъ расширилъ права горожанъ, но, въ то же время, весьма пагубно повліялъ на положеніе сельскаго населенія. Въ своей новой редакціи вышеприведенный уставъ былъ построенъ на принципахъ менѣе благодѣтельныхъ, чѣмъ прежніе: правительство опасалось, что съ развитіемъ благосостоянія своихъ не-нѣмецкихъ подданныхъ, съ развитіемъ въ нихъ національнаго элемента, чуждый Австріи народъ подниметъ знамя возстанія, и тогда придется ей вести съ нимъ войну. Поэтому, не желая имѣть такого врага въ лицѣ далматинскаго народа, правительство постаралось, по возможности, уменьшить благосостояніе народныхъ массъ, давая имъ уставъ, стѣснявшій развитіе торговли, промышленности и мореходства. Политическія событія Италіи 1849 и 1850 годовъ всполошили австрійское правительство, которое поспѣшило измѣнить муниципальныя постановленія: оно издало 7-го сентября 1850 года новый уставъ по образцу того, какой былъ данъ городамъ въ Хорватіи и Славоніи, о чемъ мы уже выше говорили.

СУДЕБНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ ВЪ ДАЛМАЦІИ.

Очеркъ современнаго состоянія судебной части въ Далмаціи.

Общая замѣтка о судебной дѣятельности „преторовъ". „Jndiziato". Судебныя учрежденія первой, второй и третьей инстанцій.

Судопроизводство въ Далмаціи сильно хромаетъ. Впрочемъ и не можетъ быть правильнаго хода судебныхъ дѣлъ въ странѣ, гдѣ въ одномъ лицѣ, въ особѣ претора *), соединены административныя и судебныя обязанности. Часто случалось, что преторъ руководимый одними личными соображеніями, считалъ нужнымъ придать дѣлу гражданскому характеръ политическій, а такимъ образомъ открывалъ свободный доступъ въ судопроизводство всякаго рода злоупотребленіямъ. Если при разсмотрѣніи гражданскаго процесса преторъ пожелалъ найти показаніе подсудимаго ложнымъ и обвинить его въ преступленіи политическаго характера, то препровождаетъ его въ уголовный судъ и тамъ, съ помощью палочныхъ ударовъ, побуждаютъ подсудимаго обвинить самого себя въ тѣхъ политическихъ проступкахъ, въ которыхъ «преторъ» пожелаетъ его заподозрить. Мы должны приэтомъ сказать нѣсколько словъ объ

*) Далмація, въ административномъ отношеніи, раздѣлена, какъ мы выше замѣтили, на семь префектуръ, во главѣ которыхъ стоятъ „преторы".

«indiziato» *). Если какая-либо особа хоть разъ въ жизни поселитъ въ себѣ недовѣріе правительства, то она остается, подъ надзоромъ полиціи иногда въ теченіе 10, 15 и даже 20 лѣтъ. Когда же австрійское правительство, въ силу какихъ-либо соображеній, найдетъ моментъ благопріятнымъ, чтобы уничтожить нравственное существованіе такого лица, то оно не замедлитъ его обвинить въ высшей измѣнѣ и предать суду за какой-нибудь маловажный проступокъ, совершенный за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Итакъ личный произволъ въ судебномъ дѣлѣ играетъ тамъ весьма видную роль.

Приступая къ описанію современной судебной организаціи Далмаціи, мы не считаемъ лишнимъ приэтомъ замѣтить, что при открытіи тамъ судебныхъ учрежденій, австрійское правительство обратило вниманіе на географическія и климатическія условія материка и прилежащихъ къ нему острововъ. Далмація перерѣзана высокими горами, а сообщенія черезъ эти горы, въ особенности въ зимнее время, сопряжены съ большими затрудненіями. Притомъ нѣкоторые изъ далматинскихъ острововъ весьма отдалены отъ материка, а плаваніе по морю въ зимнее время крайне опасно. Итакъ, при выборѣ мѣстъ для судебныхъ учрежденій, надлежало было отстранить все то, что могло бы явиться помѣхой правильному ходу судебныхъ дѣлъ.

Въ силу императорскаго рескрипта отъ 17-го іюля 1850 года, судебныя учрежденія къ Далмаціи получили слѣдующую организацію

1) Судебныя учрежденія первой инстанціи: уѣздные суды (по слав. судови срезки или покраински; по итальянски Giudizii distrettuali)—ихъ 32; б. коллегіальные суды (по слав. срезки сборни судови, по итальянски tribunali correzionali)—ихъ 32, и они подраздѣлены на три разряда; в) земскіе суды (по слав. судови земаньски, по итальянски Corti di giustizia)—ихъ 4, а именно: въ Задрѣ, Сплѣтѣ, Дубровникѣ и Которѣ. Суды въ Задрѣ и Сплѣтѣ отнесены къ первому разряду, а въ Дубровникѣ и Которѣ—ко вто-

*) Подъ такимъ названіемъ обыкновенно извѣстно лицо, которое хоть разъ въ жизни заподозрѣно правительствомъ въ противозаконномъ проступкѣ.

рому разряду. Вся разница между тѣми и другими заключается единственно въ сферѣ ихъ дѣятельности.

2) Судебнымъ учрежденіемъ второй инстанціи является «высшій земскій судъ» (по слав. врховный судъ земальскій, по итальянски Corte superiore di giustizia), онъ находится въ Задрѣ (Zara). Это судебное учрежденіе носитъ также названіе: «Commissione superiore del'praetura»—ея члены назначаются по выбору правительства.

Третіей инстанціей судебныхъ учрежденій является высшій судъ Oberster-Gerichts-Hof) въ Вѣнѣ.

Мы не считаемъ лишнимъ при этомъ замѣтить, что въ уголовныхъ процессахъ законъ дозволяетъ подсудимому имѣть двухъ «уголовныхъ асессоровъ», выбираемыхъ изъ среды народа, чтобы слѣдить за правильнымъ ходомъ судебнаго процесса.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ ВЪ ДАЛМАЦІИ.

А) Состояніе промышленности въ Далмаціи.

Далмація обладаетъ климатическими условіями, чрезвычайно благопріятными для развитія продуктивныхъ ея силъ, тогда какъ мѣстная промышленность находится въ весьма жалкомъ состояніи. Мы полагаемъ не лишнимъ указать на нѣкоторыя обстоятельства, которыя неблагопріятно отзываются на состояніи мѣстной промышленности. Австрійское правительство строго держится, по отношенію къ Далмаціи, покровительственной системы. Далмація образуетъ собою отдѣльный таможенный округъ, имѣетъ свой таможенный тарифъ, который былъ изданъ 1-го мая 1857 года. Главная суть этого тарифа, который и по настоящее время находится въ силѣ въ Далмаціи, заключается въ томъ, чтобы, съ одной стороны, открыть туда свободный ввозъ издѣліямъ австрійско-нѣмецкихъ фабрикъ и заводовъ, а съ другой—противодѣйствовать сбыту въ странѣ издѣлій заграничныхъ фабрикъ. Со многихъ предметовъ австрійско-нѣмецкой промышленности при ввозѣ ихъ въ Далмацію, вовсе не взимается пошлины; съ другихъ предметовъ если и взимается пошлина, то крайне незначительная, тогда какъ издѣлія заграничныхъ фабрикъ обложены значительными пошлинами. Притомъ пошлина съ товаровъ, ввозимыхъ въ Далмацію, взимается звонкою монетой, такъ что при дурномъ курсѣ австрійскихъ кредитныхъ билетовъ торгующему сословію приходится затрачивать большія денежныя суммы при обмѣнѣ государственныхъ кредитныхъ билетовъ на

звонкую монету. Впрочемъ въ потерѣ не торговое сословіе, а покупатели. Весьма естественно, что жители Далмаціи вынуждены такимъ образомъ покупать издѣлія австрійско-нѣмецкой промышленности, которыя хотя и славятся своею дешевизною, но за то не отличаются своею доброкачественностью.

Издѣлія австрійско-нѣмецкой промышленности загромоздили Далмацію и нанесли, можно сказать, окончательный ударъ туземной промышленности. Какимъ образомъ могла процвѣтать въ Далмація промышленность, когда она встрѣчала всевозможныя стѣсненія со стороны австрійскаго правительства. Такъ напримѣръ предметы далматинской промышленности, отправляемые изъ Далмаціи черезъ Тріестъ въ нѣмецкія провинціи Австріи, должны быть оплачиваемы большими пошлинами, чѣмъ заграничные товары при ввозѣ ихъ въ Далмацію. Правда, что, начиная съ 1868 года, предметы далматинской промышленности, по отношенію къ количеству взимаемой съ нихъ пошлины, были подведены подъ категорію заграничныхъ товаровъ; но это обстоятельство не могло повліять на улучшеніе туземной промышленности въ Далмаціи. Населеніе стало постепенно бѣднѣть, а за недостаткомъ капиталовъ, нельзя было устраивать въ странѣ фабрики и заводы. Поэтому мы и видимъ, что многіе сырые продукты Далмаціи, какъ, напримѣръ, кожи, шерсть и т. д. отправляются на австрійско-нѣмецкія фабрики, гдѣ изъ нихъ выдѣлываютъ различныя вещи, которыя за тѣмъ отсылаются въ Далмацію. Итакъ, внѣшнія условія при какихъ находится туземная промышленность въ Далмаціи, прямо противодѣйствуютъ успѣшному ея развитію въ странѣ.

I.

Горный промыселъ: желѣзныя руды; каменноугольныя копи; асфальтъ и каменоломни.

Плиній повѣствуетъ, что, при императорѣ Неронѣ, ежедневно чеканилось въ Римѣ до 5,500 цекиновъ (золотыхъ монетъ) изъ золота, привозимаго изъ Далмаціи. По словамъ другихъ римскихъ

писателей, золотые пріиски находились въ окрестностяхъ города Солизна: все это заставляетъ предполагать, что золотые пріиски, о которыхъ такъ настойчиво говорятъ римскіе писатели, были въ горѣ Моссорѣ, которая была извѣстна, въ римскія времена, подъ именемъ «Mons aureus». Можетъ статься, что отъ этого названія произошло и настоящее ея названіе. Впрочемъ, раскопки, произведенныя въ 50-хъ годахъ въ означенной горѣ, не привели ни къ какимъ результатамъ; если и существовали золотые пріиски въ горѣ Моссорѣ, то, во всякомъ случаѣ, отъ нихъ въ настоящее время не сохранилось никакихъ слѣдовъ.

Мы находимъ въ Далмаціи желѣзныя руды, каменноугольныя копи, асфальтъ и каменоломни.

Желѣзныя руды встрѣчаются во многихъ мѣстахъ Далмаціи; онѣ занимаютъ большое пространство въ особенности въ равнинѣ Дернишъ. Въ послѣднее время, были открыты желѣзныя руды въ окрестностяхъ города Макарски.

Каменноугольныя копи. Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія были открыты каменноугольныя копи вблизи города Дерниша въ горѣ Проминѣ. Впрочемъ, блестящія надежды мѣстныхъ жителей извлечь изъ этого открытія громадныя для себя выгоды далеко не осуществились. Правда, что въ 1835 году образовалось общество съ цѣлью заняться раскопкою каменнаго угля въ Далмаціи и въ Истріи. Общество это даже устроило помѣщенія для рабочихъ въ мѣстечкѣ Сиверичѣ (вблизи Дерниша), вообще энергично принялось за раскопку проминскаго каменнаго угля. Когда же оно уже сдѣлало громадныя затраты на этотъ предметъ, тогда только убѣдилось въ недоброкачественности тамошняго каменнаго угля. Такъ, при малѣйшемъ соприкосновеніи съ водою, онъ измѣльчивается въ порошокъ; сила жара несравненно слабѣе даже угля средняго качества, какъ напримѣръ угля Истріи. Поэтому, когда, въ 1856 году, произошелъ взрывъ въ каменноугольной копи, то означенное общество на всегда пріостановило свои работы и передало право на раскопку каменнаго угля одному негоціанту изъ Шебеника. Впрочемъ каменноугольныя копи находятся и въ другихъ мѣстахъ Далмаціи, какъ-то:

вблизи города Синя, въ окрестностяхъ города Макарски, въ южной части Далмаціи между Теодо и Пастровичи и на островѣ Пагѣ. Во всей Далмаціи ежегодно добывается приблизительно до 65,000 центнеровъ каменнаго угля (центнеръ 100 вѣнскихъ фунтовъ), на сумму 14,190 гульд., средняя цѣна центнеру каменнаго угля на мѣстѣ 22 крейцера.

Асфальтъ. Вблизи крѣпости Клиса въ горѣ «Моссоръ» были открыты въ 1847 году залежи асфальта, который оказался столь же доброкачественнымъ, какъ и французскій асфальтъ. Весьма естественно, что это открытіе породило въ мѣстномъ населеніи блестящія надежды, которыя далеко не осуществились. Было сдѣлано нѣсколько опытовъ мостить асфальтомъ улицы, выстилать имъ соловарни и т. п., но всѣ эти опыты не принесли желаемыхъ результатовъ. Такимъ образомъ, эта новая отрасль мѣстной промышленности стала замѣтно падать. Асфальтъ находится также и въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ окрестностяхъ города Макарски, вблизи Вергораца и Трогира (Trau), а именно въ гавани Мандолеръ, и на островахъ Брачъ (Brazza), гдѣ онъ открытъ въ 1839 году, и Буа. Асфальта ежегодно добывается въ Далмаціи приблизительно до 1,200 центнеровъ. Каждый центнеръ асфальта стоитъ около 17½ гульденовъ.

Каменоломни. Древній римскій городъ «Tragurium», о которомъ Плиній говоритъ: «Tragurium oppidum Romanorum marmore natum», отстоялъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города Трогира. Въ настоящее время не имѣется въ той мѣстности и слѣдовъ того мрамора, о которомъ говоритъ Плиній. Вдоль рѣкъ, протекающихъ по Далмаціи, а также и на далматинскихъ островахъ попадается иногда, и то въ небольшомъ количествѣ, известковый камень, который и по внѣшнему своему виду и по внутреннимъ своимъ качествамъ, имѣетъ нѣкоторое сходство съ мраморомъ. Такъ напримѣръ на островѣ Брачѣ (Brazza), вблизи мѣстечекъ Мильна и Пучишче, находятся богатыя залежи бѣлаго камня съ жилками краснаго и голубаго цвѣтовъ, извѣстнаго подъ именемъ «brezza». Онъ полируется также хорошо, какъ мраморъ, и притомъ весьма проченъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что полъ въ

церкви св. Власія въ Дубровникѣ, выстланный назадъ тому 100 лѣтъ этимъ камнемъ, нисколько не испортился и по настоящее время. На островѣ Корчулѣ (Kurzola) находятся каменоломни, гдѣ добывается камень, извѣстный подъ названіемъ «travertino» или «pietra di scalpello»: это мягкій известнякъ. Этотъ камень вывозится даже въ Константинополь, гдѣ употребляется для украшенія комнатъ. На корчульскомъ камнѣ жилки расположены въ нѣкоторой симметріи и обыкновенно бываютъ зеленаго и желтаго цвѣтовъ; но вблизи нѣсколько блѣдноваты и не отличаются прочностью своего цвѣта. Теперь вопросъ, какимъ образомъ появились цвѣта на камнѣ, который добывается на вышеупомянутыхъ двухъ островахъ? Существуетъ предположеніе, что аксидъ, который содержитъ въ себѣ земля, переносится посредствомъ дождя на камень и насаждается на немъ съ такою силой, что становится какъ бы собственностью самаго камня. Плиній, говоря о каменоломняхъ мрамора въ окрестностяхъ города «Tragurium», по всей вѣроятности разумѣлъ подъ нимъ известковый камень, о которомъ мы выше говорили.

II.

Главныя отрасли мѣстной промышленности: кораблестроеніе; золотыя и серебряныя издѣлія; кожевенная промышленность; пчеловодство; шелководство; соловарни; оливковое масло; ликеры. Промышленно-торговыя камеры и маловажность ихъ значенія въ дѣлѣ промышленности.

Фабричная и заводская промышленность въ странѣ находится въ полномъ застоѣ. Опишемъ, однако, вкратцѣ главныя отрасли мѣстной промышленности.

Кораблестроеніе. Прибрежные жители Далмаціи и островитяне занимаются, въ большинствѣ случаевъ, кораблестроеніемъ: кораблестроеніе является, можно сказать, главною отраслью промышленности, какъ на далматинскомъ побережьѣ, такъ и на островахъ. Почти въ каждомъ приморскомъ городѣ находятся кора-

бельныя верфи для постройки судовъ. Мы не считаемъ лишнимъ приэтомъ замѣтить, что въ 1867 году на полуостровѣ Пельешацѣ (Sabioncello), въ мѣстечкѣ Оребичѣ, устроено акціонерное общество для постройки судовъ дальнаго плаванія. Это общество получило названіе «Associazione Maritimo di Sabioncello»; основной его капиталъ былъ въ 500,000 гульденовъ, составившійся отъ продажи акцій въ 250 гульденовъ каждая. Въ настоящее время, это общество владѣетъ 30 судами. Вообще дѣла этого общества идутъ блистательно, такъ что дивидендъ иногда доходитъ до 17%, а 4% относится въ запасный капиталъ. Мы не можемъ приэтомъ не замѣтить, что въ Далмаціи находятся три мореходныхъ училища, а именно: въ Сплѣтѣ, Дубровникѣ и Которѣ.

Золотыя и серебрянныя издѣлія, которыя выдѣлываются въ Дубровникѣ, обращаютъ на себя вниманіе. Дубровницкіе золотыхъ дѣлъ мастера въ особенности славятся приготовленіемъ тонкихъ филиграновыхъ издѣлій крайне оригинальной формы.

Кожевенная промышленность. Въ Далмаціи есть нѣсколько кожевенныхъ заводовъ, которые производятъ въ небольшихъ размѣрахъ весьма недоброкачественную кожу для употребленія мѣстнаго сельскаго населенія. Впрочемъ, въ городѣ Сплѣтѣ есть большой кожевенный заводъ, въ которомъ выдѣлываются кожи всѣхъ сортовъ.

Пчеловодство. Эта отрасль мѣстной промышленности находится на материкѣ Далмаціи въ полномъ застоѣ. Исключеніе, въ этомъ отношеніи, представляетъ островъ Маслиница (Solta). Такъ, нѣкоторыя мѣстности, лежащія на этомъ островѣ, какъ-то: Оливетъ, Кароберъ и Сордо — славятся мёдомъ, и по своей доброкачественности и по своей бѣлизнѣ и по своему аромату, онъ пріобрѣлъ громкую извѣстность. Пчелы питаются розмариномъ (rosmarinus officinalis) и ладанникомъ (cistus ladanifer): можно предполагать, что ароматическіе цвѣтки этихъ растеній доставляютъ и самому мёду ароматъ и бѣлизну очищеннаго сахара. Мёдъ этотъ считается также хорошимъ средствомъ отъ грудныхъ болѣзней.

Шелководство. Болѣзнь, истребившая шелковичный червь въ Италіи, много способствовала развитію шелковичной промышлен-

ности въ Далмаціи. Итальянскіе спекулянты стали массами прибывать въ Далмацію и, благодаря имъ, мѣстное населеніе обратило серьезное вниманіе на разсадну тутовыхъ деревьевъ, хорошо понявъ теперь, какую выгоду оно можетъ извлечь отъ продажи шелковичныхъ сѣмянъ. Высшія далматинскія власти оказали свое содѣйствіе мѣстнымъ жителямъ къ покупкѣ тутовыхъ деревьевъ въ Венеціи, которыя были на счетъ казны перевезены въ Далмацію. Были устроены фабрики въ Задрѣ, Скрадинѣ, Сплѣтѣ, Дубровникѣ и Которѣ. Мы не считаемъ лишнимъ при этомъ замѣтить, что далматинскій шелкъ отличается своею доброкачественностью.

Соловарни. Солончаки, въ былое время, служили хорошимъ подспорьемъ мѣстнымъ жителямъ. Но, начиная съ 1848 года, когда австрійское правительство, въ слѣдствіе своихъ финансовыхъ затрудненій, присвоило себѣ монополію на соль, источникъ доходовъ, получаемыхъ мѣстными жителями съ солончаковъ, сталъ замѣтно оскудѣвать. Лица, занимающіяся солянымъ промысломъ, вынуждены теперь продавать соль правительству по тѣмъ цѣнамъ, какія бываютъ заранѣе назначены правительственными чиновниками. Солончаки встрѣчаются во многихъ мѣстахъ вдоль далматинскаго побережья, а также и на островахъ. Впрочемъ, солончаки, которые лежатъ на полуостровѣ Пельешацѣ (Sabioncello) въ окрестностяхъ города Стона (Stagno), славятся доброкачественностью добываемой въ нихъ соли и она считается наилучшею, какая только добывается въ Далмаціи. Мы считаемъ долгомъ приэтомъ замѣтить, что вдоль всего далматинскаго побережья ежегодно вываривается до 48,400 центнеровъ соли, за которую казна платитъ мѣстнымъ жителямъ сумму въ 20,400 гульденовъ.

Оливковое масло. Далматы весьма охотно разсаживаютъ масличныя деревья, во-первыхъ потому, что добываемое изъ нихъ масло доброкачественно и, во-вторыхъ, эта отрасль сельской промышленности почти всегда приноситъ имъ значительныя матеріальныя выгоды. Оливковое масло, добываемое въ окрестностяхъ Дубровника и извѣстное подъ именемъ «olio vergine», ни чуть не уступаетъ по своей доброкачественности маслу Ниццы и Лукки.

Ликеры. Изъ мѣстныхъ ликеровъ въ особенности, славится

«мараскинъ», который приготовляется изъ ягоды «мараска», въ изобиліи растущей въ окрестностяхъ Задра. Ликеръ этотъ находится въ продажѣ въ узенькихъ, четыреугольныхъ бутылкахъ, которыя вставлены въ футляръ, сдѣланный изъ соломы. Этотъ ликеръ вывозится изъ Задра не только во всѣ страны Европы, но даже въ Америку и Индію.

Говоря о состояніи промышленности въ Далмаціи, мы не считаемъ лишнимъ замѣтить, что въ городахъ — Задрѣ, Сплѣтѣ и Дубровникѣ были устроены въ 1851 году промышленно-торговыя камеры. Онѣ должны бы были служить важнымъ подспорьемъ въ дѣлѣ развитія туземной промышленности и торговли. Въ дѣйствительности, мы видимъ совершенно противное. Эти камеры нерѣдко бываютъ вынуждены играть роль діаметрально-противоположную промышленно-торговымъ интересамъ страны. Такъ, напримѣръ, если австрійское правительство, въ силу какихъ либо соображеній, найдетъ нужнымъ прибѣгнуть къ тому или другому промышленному мѣропріятію, то оно поспѣшаетъ привести его въ дѣйствіе, а если и извѣщаетъ о томъ промышленно-торговыя камеры, то лишь съ тѣмъ, чтобы дать своему мѣропріятію законную силу. Въ этомъ случаѣ камеры являются на дѣлѣ лишь исполнительными органами австрійскаго правительства и имъ приходится иногда играть чисто пассивную роль.

Въ заключеніе настоящей нашей замѣтки о состояніи промышленности въ Далмаціи, мы считаемъ долгомъ присовокупить, что государственный доходъ, получаемый съ этой провинціи, ежегодно простирается приблизительно до суммы въ 2,500,000 гульденовъ, а изъ этой суммы ежегодно расходуется около 2,000,000 гульденовъ на содержаніе мѣстной администраціи. Итакъ, Далмація не служитъ бременемъ для государства и еслибы австрійское правительство оказало свое содѣйствіе далматинцамъ въ разработкѣ внутреннихъ богатствъ страны, то, можетъ статься, со временемъ, туземная промышленность достигла бы такого состоянія, что могла бы конкурировать съ издѣліями заграничной промышленности. Мы не можемъ приэтомъ не обратить вниманія на нѣкоторые предметы сельской промышленности въ Далмаціи. Мѣстные селяне вы-

дѣлываютъ изъ козлиной кожи раздувальные мѣхи, а изъ козлиной шерсти — мѣшки, называемые «джокъ» и попоны для лошадей.

В. Состояніе торговли въ Далмаціи.

Мы уже выше разсмотрѣли причины застоя промышленности въ Далмаціи, которыя дурно вліяютъ и на состояніе торговли въ странѣ. Покровительственная система, о которой мы выше говорили, нанесла сильный подрывъ и каботажному судоходству. Съ незапамятныхъ временъ оно находилось почти исключительно въ рукахъ далматинскихъ поморцевъ. Австрійское правительство, наградивъ большими льготами пароходное общество Ллойдъ, пожелало въ то же время предоставить ему и всю перевозку товаровъ вдоль далматинскаго побережья. Съ этою цѣлью оно обложило перевозныя суда «Трабакуло» и «Бращцера», на которыхъ далматинскіе поморцы перевозили товары вдоль всего австрійскаго побережья, громадными пошлинами, которыя были съ нихъ взимаемы и при нагрузкѣ товаровъ и при ихъ выгрузкѣ. Весьма естественно, что фрахтъ перевозныхъ судовъ сильно повысился, такъ что далматинскіе коммерсанты стали тѣмъ охотнѣе отправлять свои товары на пароходахъ общества Ллойдъ, что они и по отношенію къ скорости доставки груза, представляли своего рода существенныя выгоды. Впрочемъ, далматинскіе поморцы, въ дѣлѣ каботажнаго судоходства, встрѣтили сильную конкурренцію и со стороны итальянцевъ. Итакъ, съ паденіемъ каботажнаго судоходства, далматинскіе поморцы утратили возможность получать хорошій заработокъ, что много способствовало ихъ обѣднѣнію и не могло отчасти не повліять на состояніе тамъ торговли. Теперь посмотримъ, въ какомъ состояніи находится въ настоящее время торговля въ Далмаціи.

I.

Сухопутныя торговыя сообщенія. Главные торговые пункты. Главные предметы ввозной, вывозной и транзитной торговли.

Торговыми путями въ Далмаціи служатъ почти исключительно сухопутныя сообщенія, такъ какъ далматинскія рѣки или вовсе не судоходны, или же судоходны только въ нижнихъ своихъ частяхъ а потому и не имѣютъ значенія въ торговомъ отношеніи.

Сухопутные пути сообщенія. Въ то время, когда французы владѣли Далмаціей, они устроили хорошую дорогу вдоль прибрежья, которая идетъ изъ Трогира (Trau) въ Макарску; затѣмъ, нѣсколько углубляясь во внутрь страны, эта дорога проходитъ черезъ селенія Вргорацъ, Норинъ и доходитъ до пограничнаго австрійскаго города Метковича, который лежитъ на границѣ Герцеговины и Далмаціи при рѣкѣ Неретвѣ (Narenta). Въ позднѣйшее время австрійцы продолжили эту дорогу изъ Трогира черезъ Шебеникъ, Скрадинъ и Бенковацъ въ Задаръ.

Изъ Герцеговины, а именно изъ города Мостара идетъ почтовый трактъ до далматинскаго города Метковича, а отсюда дорога эта идетъ сначала по Далмаціи, затѣмъ по турецкой территоріи — Клекъ, потомъ снова вдоль далматинскаго побережья черезъ Дубровникъ и Которъ до города Будвы. Впрочемъ вблизи селенія Доли отъ этой главной дороги идетъ дорога на полуостровъ Пельешацъ до города Стона (Stagno).

Изъ Имоски идетъ дорога въ Макарску. Книнъ служитъ пунктомъ соединенія дорогъ, идущихъ изъ Задра, Шебеника и Сплѣта. Есть много и другихъ дорогъ въ Далмаціи, которыя впрочемъ, не имѣютъ никакого значенія въ торговомъ отношеніи. Говоря о сухопутныхъ путяхъ сообщеній въ Далмаціи, мы не считаемъ лишнимъ упомянуть о желѣзныхъ дорогахъ, открытіе которыхъ происходило 4-го октября 1877 года. Въ это время была открыта желѣзная дорога изъ Шебеника по юго-восточному направленію Далмаціи черезъ Врполье до Перковича, гдѣ она соединяется съ другой дорогой, которая идетъ туда изъ Сплѣта черезъ мѣстность Кастелли и черезъ

мѣстечки Дольца и Лабина. Обѣ дороги, соединившись въ Перковичѣ и Сливнѣ, идутъ далѣе по сѣверному направленію въ Дернишъ а отъ сего послѣдняго пункта до угольныхъ копей въ Сиверичѣ. Отъ Сиверича до Церковича—$2^1/_2$ часа ѣзды, отъ Перковича до Шибеника $1^1/_2$ часа ѣзды и отъ Перковича до Сплѣта 3 часа ѣзды.

Главными торговыми пунктами въ Далмаціи являются слѣдующіе города: Которъ, Имоски, Дубровникъ, Сплѣтъ и Задаръ. Которъ замѣчателенъ по своей торговлѣ съ Черногоріей, Имоски—съ Турціей, Дубровникъ, Сплѣтъ и Задаръ—съ заграничными портами. Впрочемъ, съ того времени, какъ австрійское правительство провело хорошую дорогу изъ Сплѣта черезъ Клиссу, Синь, Ханъ до боснійской границы, Сплѣтъ сдѣлался первымъ торговымъ пунктомъ во всей Далмаціи, а также пріобрѣлъ большое значеніе, какъ транзитный пунктъ торговли Турціи съ западными государствами. Въ 1845 году австрійское правительство открыло тамъ карантинное зданіе, построенное еще венеціанцами: оно служитъ теперь постоялымъ дворомъ.

Главными предметами ввозной торговли въ Далмаціи служатъ или издѣлія австрійско-нѣмецкихъ фабрикъ и заводовъ, колоніальные товары, бумажныя, шерстяныя и шелковыя матеріи, предметы моды, галантерейныя вещи, стеклянныя, фарфоровыя, серебряныя и золотыя издѣлія, писчая бумага, кожевенныя и химическія произведенія; или же произведенія Герцеговины и Босніи, рогатый скотъ, свиньи, лошади, разныхъ сортовъ кожа, желѣзо. сушеные фрукты, табакъ, кораблестроительный лѣсъ и катранъ. Главными предметами вывозной торговли служатъ разнаго рода напитки, какъ-то: вино, наливки и настойки, домашній скотъ и рыбы, не выдѣланныя кожи и другіе предметы. Ежегодно ввозятъ въ Далмацію товаровъ среднимъ числомъ на сумму въ 7,000,000 гульд., а вывозятъ оттуда на сумму въ 3,500,000 гульденовъ.

Благодаря своему географическому положенію, Далмаціи, повидимому, предназначено играть важную роль въ дѣлѣ транзитной торговли. Австрійско-нѣмецкіе фабрики и заводы отправляютъ свои издѣлія черезъ Далмацію въ Турцію и, въ свою очередь, получаютъ оттуда мѣстныя произведенія. Впрочемъ,

транзитная торговля не представляетъ особыхъ матеріальныхъ выгодъ далматинскому населенію; на всей территоріи Далмаціи не имѣется складочныхъ мѣстъ, такъ что товары, можно сказать, безостановочно идутъ изъ мѣста отправленія въ мѣсто назначенія. Мало того: въ послѣднее время, и транзитная торговля въ Далмаціи стала замѣтно клониться къ упадку; Франція и Англія запрудили своими издѣліями турецкіе рынки, вслѣдствіе чего и спросъ въ Турціи на австрійско-нѣмецкія издѣлія значительно уменьшился.

II.

Состояніе рыболовства вдоль далматинскаго побережья: важное значеніе рыболовства для поморца; обстоятельства, благопріятствующія изобилію и разнообразію рыбы; главнѣйшіе сорты рыбъ; разные способы ихъ ловли; небрежность поморца въ дѣлѣ рыболовства.—Ловля кораллов: способъ ихъ ловли; причины застоя этого промысла.

Далматинское побережье, а также и расположенные вдоль него острова не славятся доброкачественностью своей почвы: занимаясь исключительно земледѣліемъ, мѣстные жители не были бы въ состояніи себя прокормить. Поэтому-то рыболовство и является важнымъ подспорьемъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія ими средствъ къ своему существованію. Дѣйствительно, для поморца-далмата рыба составляетъ и пищу и главный предметъ торговли. Посмотримъ, въ какомъ состояніи находится рыболовство вдоль далматинскаго побережья.

Богатству и разнообразію морской растительности въ восточныхъ частяхъ Адріатическаго моря много содѣйствуютъ слѣдующія обстоятельства: 1) разнообразная почва морскаго дна; 2) географическія особенности далматинскаго побережья и архипелага; 3) морскія теченія; 4) вѣтры то дующіе въ теченіе продолжительнаго времени, то совершенно перестающіе дуть; 5) различная глубина моря; 6) смѣсь соленой воды съ прѣсной; 7) палящіе лучи солнца, въ особенности въ лѣтнее время и т. д. Мы не считаемъ лишнимъ приэтомъ замѣтить,

что вдоль далматинскаго побережья и островов тянется длинный рядъ заливовъ и бухтъ, которые содержатъ въ себѣ нѣкоторое количество прѣсной воды, вслѣдствіе того, что въ тѣхъ мѣстахъ изливается въ море много рѣчекъ и источниковъ: въ этихъ-то заливахъ и бухтахъ морскія рыбы охотно мечутъ икру.

Вышеизложенныя обстоятельства много благопріятствуютъ тому, что восточныя части Адріатическаго моря изобилуютъ всѣми возможными сортами рыбъ, которыя отличаются и доброкачественностью и пріятностью вкуса. Ихтіологія Далмаціи представляетъ очень обширное поле для научныхъ изслѣдованій. Мы укажемъ на нѣкоторые изъ сортовъ рыбъ, которыя ловятся вдоль береговъ Далмаціи. 1) Осетръ (accipenser sturio). Рыба эта отличается пріятностью вкуса; она ловится по преимуществу въ рѣкѣ Неретвѣ (Narenta) и бываетъ различной величины, такъ что вѣсъ ея иногда доходитъ до 200 фунтовъ. 2) Скумбра (Scomber Thynnus). Этотъ сортъ рыбъ весьма рѣдокъ. Хотя она попадается вдоль всего далматинскаго побережья, но ловля ея производится по преимуществу вблизи острововъ, прилегающихъ къ городу Задру. Она водится на значительной глубинѣ вблизи скалъ и иногда бываетъ вѣсомъ въ 250 фунтовъ. 3) Лицца (Lichia Amia). Ловится какъ въ рѣкахъ, такъ и въ морѣ; иногда бываетъ вѣсомъ въ 40 фунтовъ. 4) Палтусъ (Pleuronectus Rombus). 5) Дентале (Sparus Dentex)—бываетъ двухъ сортовъ: обыкновенный (Dentale comune или dentex vulgaris) и съ короной (Dentale di corona или dentex gibbosus). Первый сортъ ловится вдоль всего далматинскаго побережья, а также и въ рѣкѣ Коркѣ, а второй вблизи Шебеника. Послѣдній сортъ получилъ свое названіе отъ зоба, который виситъ вблизи головы. Натуралисты пока еще не выяснили причинъ происхожденія этого зоба. 6) Тонина (Thynnus vulgaris). 7) Бранцино (Labrax lupus) ловится повсемѣстно: вѣсъ ея иногда доходитъ до 20 фунтовъ. 8) Голавль (Mugil cephalus) бываетъ величиною до 2 футовъ, а вѣсомъ отъ 8 до 10 фунтовъ. 9) Морской Угорь (Muraena Conger)—величиною до 6 футовъ, а вѣсомъ до 30 фунтовъ. 10) Угорь (Muraena Anguilla) ловится и въ рѣкахъ и въ морѣ, но по преимуществу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ много

тины; величиною бываетъ до 4 футовъ, а вѣсомъ до 8 фунтовъ. 11) Макрель (Scomber Scombrus), — бываетъ различной величины. 12) Ангузиполе (Esox Belone); она бываетъ различныхъ величинъ; впрочемъ, и по вѣсу различна—отъ 4 до 15 фунтовъ. 13) Барвена (Mullus barbatus)—величиною бываетъ до 10 дюймовъ, а вѣсомъ до 9 фунтовъ; она водится между подводными скалами. 14) Орада (Sparus auratus) ловится повсемѣстно; вѣсомъ иногда бываетъ до 5 фунтовъ. 15) Скатъ (Raja clavata)—весьма разнообразна и по величинѣ и по вкусу.

Кромѣ того, вдоль далматинскаго побережья ловятся въ большомъ количествѣ молюски, раковидныя животныя и т. д. Между прочимъ, устрицы, которыя ловятся въ устьяхъ рѣки Зерманьи, славятся своею доброкачественностью. Мы не можемъ притомъ не замѣтить, что ловля сардалей доставляетъ большой доходъ далматинскимъ поморцамъ.

Крайне трудно разсортировать рыбы сообразно тому, въ какое время года бываетъ лучшая ихъ ловля. Рыбная ловля въ каждомъ мѣстѣ происходитъ при крайне разнообразныхъ условіяхъ, слѣдовательно, чтобы опредѣлить время года, когда въ извѣстномъ мѣстѣ бываетъ лучшая ловля извѣстнаго сорта рыбы, надлежитъ для этого изучить условія, при какихъ она происходитъ. Вообще замѣтно, что «дентале» ловятся въ большомъ количествѣ въ августѣ мѣсяцѣ, а «макрели» весною и осенью.

Далматинскіе поморцы прибѣгаютъ къ различнымъ пріемамъ при производствѣ рыбной ловли. Такъ напримѣръ для ловли «макрели», они въ сумерки отправляются въ море на лодкахъ, гдѣ ночью разводятъ костры. «Макрель» въ большомъ количествѣ собирается на поверхности воды, освѣщенной костромъ. Рыболовамъ не остается ничего другаго, какъ сѣтками собирать рыбу и класть въ лодку. Для ловли «голавля» обыкновенно дѣлается верша изъ бука. Къ верхней части верши привязываютъ желѣзное кольцо и, укрѣпивши ее съ помощью палки ко дну, оставляютъ ее на ночь. По утру вытаскиваютъ изъ воды вершу, гдѣ иногда находятъ по нѣсколько «голавлей».

Тонина, по преимуществу, ловится въ тѣхъ бухтахъ, въ которыхъ

вовсе не имѣется прѣсной воды. Какой-нибудь рыболовъ за извѣстную плату пріобрѣтаетъ право заниматься въ бухтѣ ловлею «тонины». Обыкновенно, аренду снимаютъ на нѣсколько лѣтъ. На берегу, на довольно большой высотѣ, строится небольшое помѣщеніе для сторожа, въ рукахъ котораго находятся концы отъ веревки, идущей отъ невода, прикрѣпленнаго къ двумъ противоположнымъ пунктамъ на берегу бухты. Когда сторожъ замѣтитъ, что нѣсколько «тоннъ» вошли въ то мѣсто, гдѣ лежитъ неводъ, то поспѣшно его затягиваетъ со всѣхъ сторонъ и такимъ образомъ «тонина» остается въ неводѣ, который затѣмъ вытаскивается на берегъ. Для ловли остальныхъ сортовъ рыбъ, рыболовы отправляются на лодкахъ въ море, куда бросаютъ небольшіе неводы съ деревянными поплавками и такимъ-то способомъ и производится ими рыбная ловля. Иногда вытаскиваютъ въ неводѣ большое количество всѣхъ возможныхъ сортовъ рыбъ.

Рыбная ловля вдоль далматинскаго побережья могла бы послужить важнымъ подспорьемъ къ упроченію благосостоянія въ странѣ и такимъ образомъ вознаградить далматинскаго поморца за печальныя условія, въ которыя поставила его сама природа. Къ сожалѣнію рыбная ловля еще не вполнѣ организована: нѣтъ закона, который бы опредѣлялъ, въ какое время года надлежитъ ею заниматься. Изъ желанія побольше заработать, далматинскіе поморцы, въ теченіе почти всего года, занимаются рыбною ловлей, и черезъ то самое подрываютъ у себя рыбный промыселъ. Такимъ образомъ и этотъ источникъ благосостоянія прибрежнаго населенія мало-по-малу истощается, исключительно по собственной винѣ поморца.

Главнымъ занятіемъ жителей острова Зларина, расположеннаго не вдалекѣ отъ Шебеника, служитъ ловля коралловъ. Подводныя скалы въ Далмаціи изобилуютъ кораллами, которые отличаются большою плотностью и живымъ пурпуровымъ цвѣтомъ. Ловля коралловъ, обыкновенно, происходитъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, съ мая по сентябрь. Обыкновенно, около 16-ти барокъ, называемыхъ «corallinе» имѣя каждая по 5-ти человѣкъ рабочихъ, отправляются на ловлю коралловъ, которая, по преимуще-

ству, происходитъ вдоль береговъ Далмаціи, начиная отъ острова «Инкораната» и вплоть до Котерскаго залива, т. е. между 42° и 44° широты. Въ каждой баркѣ находится для ловли коралловъ снарядъ, извѣстный подъ именемъ «исигнъ». Снарядъ этотъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей: изъ двухъ скамеекъ, положенныхъ одна на другую такимъ образомъ, что онѣ образуютъ форму креста; каждая имѣетъ въ длину до $3^1/_2$ аршинъ. Къ этимъ скамейкамъ и прикрѣпляется сѣть, сдѣланная изъ толстыхъ веревокъ. Къ тому мѣсту, гдѣ перекрещиваются скамейки, привязывается камень, вѣсомъ отъ 10 до 15-ти фунтовъ; къ камню прикрѣпляется веревка, длиною въ 9 футовъ, другой конецъ которой укрѣпляется въ центрѣ желѣзнаго обруча, а отъ него идетъ толстая веревка отъ 30 до 60 футовъ, которая носитъ названіе «ланцано». Ловля коралловъ, обыкновенно, происходитъ днемъ и въ тихую погоду. Островитяне, занимающіеся ловлею коралловъ, не рѣдко удаляются отъ далматинскаго побережья въ открытое море на разстояніе 6—8 и болѣе миль. По какой-нибудь возвышенности, мыску, растущему гдѣ-либо старому дубу, они въ состояніи, съ математическою точностью, опредѣлить мѣсто, гдѣ находятся подводныя скалы.

Прибывъ къ тому мѣсту, гдѣ должна происходить ловля коралловъ, они бросаютъ въ море свой снарядъ, держа при этомъ въ рукахъ веревку «ланцано». Едва только снарядъ нижнею частью коснется морскаго дна, кораллоловы, съ помощью веревки «ланцано», начинаютъ вертѣть снарядъ то въ одну, то въ другую сторону и въ тоже время то поднимаютъ его, то опускаютъ: коралловыя растенія отстаютъ, такимъ образомъ, отъ скалъ и падаютъ въ снарядъ. По прошествіи нѣкотораго времени, кораллоловы вытаскиваютъ изъ моря снарядъ: иногда ловятъ до восьми фунтовъ коралловъ, а иногда и вовсе ничего. Вдоль далматинскаго побережья ежегодно ловится коралловъ, приблизительно, до 2,000 венеціанскихъ фунтовъ. Если принять въ соображеніе, во-первыхъ, расходы, съ какими сопряжена ловля коралловъ и перевозка ихъ на заграничные рынки, во-вторыхъ, пошлину, взимаемую австрійскимъ правительствомъ за право ловли коралловъ, то нельзя считать этотъ промыселъ особенно выгоднымъ для мѣстныхъ жителей.

Далматинскій коралъ въ необработанномъ видѣ продается на заграничныхъ рынкахъ по весьма низкимъ цѣнамъ, а именно отъ семи до восьми гульденовъ за фунтъ. Можетъ статься, мѣстные жители могли бы извлечь изъ этого промысла и большія для себя выгоди, если бы была устроена на островѣ фабрика для выдѣлки коралловъ.

Оканчивая нашу замѣтку о состояніи торговли въ Далмаціи, мы не считаемъ лишнимъ присовокупить, что уже съ 5 (17) декабря 1862 года тамъ находится въ силѣ нѣмецкій торговый уставъ, хотя страна лишь съ 1867 года вошла въ составъ Цислейтаніи, т. е. западной половины Австріи, гдѣ преобладающимъ элементомъ является нѣмецкій.

СОСТОЯНІЕ СЕЛЬСКАГО НАСЕЛЕНІЯ ВЪ ДАЛМАЦІИ.

Исторія какъ административной, такъ и экономической жизни сельскаго населенія Далмаціи слишкомъ мало разработана. Причина этого заключается въ сложности предмета и въ трудностяхъ собиранія относящихся къ нему матеріаловъ. Въ прошедшемъ Далмація пережила не одну трудную эпоху; по своему географическому положенію, она была открыта для вторженій разныхъ народовъ, которые, завоевывая страну, вносили въ нее свои начала административной и экономической жизни, прививали ихъ къ ея почвѣ. Въ силу этого, древняя славянская родовая организація должна была измѣниться въ самомъ корнѣ, получить другую форму подъ натискомъ иноземныхъ элементовъ; вмѣсто славянской организаціи остался только ея призракъ, слабо напоминающій то, чѣмъ гордились и гордятся славяне. Побѣдитель обыкновенно создавалъ болѣе или менѣе тяжелыя условія для жизни селянъ-далматовъ; эти условія, разумѣется, шли въ разрѣзъ съ національною организаціей административнаго и экономическаго быта. Не успѣютъ далматы немного свыкнуться съ новою администраціей, какъ является новый завоеватель и опять перемѣна. Кромѣ этихъ общихъ трудностей, представляющихся историку сельскаго населенія Далмаціи въ періодъ 10-ти столѣтій (съ VII по XVII столѣтіе), т. е. до времени венеціанскаго владычества, являются и частныя, т. е. мѣстныя. Такъ, мы видимъ, что въ различныя времена въ различныхъ мѣстностяхъ, отношенія землевладѣльца къ селянамъ были далеко не одинаковы: все зависѣло отъ личности землевладѣльца.

Итакъ, вопросъ о положеніи сельскаго населенія Далмаціи, до времени окончательнаго утвержденія въ ней владычества Венеціи, является вопросомъ крайне запутаннымъ и темнымъ. Матеріалы по этому вопросу еще далеко не собраны. Поэтому, въ настоящемъ случаѣ, мы постараемся прослѣдить только въ общихъ чертахъ тѣ перемѣны въ административно-экономической жизни сельскаго населенія Далмаціи, которыя происходили въ различныя эпохи ея исторіи; затѣмъ обратимъ особое вниманіе на положеніе сельскаго населенія Далмаціи, начиная со времени окончательнаго утвержденія въ ней владычества Венеціи до настоящаго времени. Мы не можемъ притомъ не замѣтить, что, кромѣ государственныхъ актовъ, закрѣплявшихъ за извѣстнымъ лицемъ поземельные участки, для исторіи разсматриваемаго нами вопроса имѣютъ большое значеніе и памятники литературные, писанные глаголицею, а иногда кириллицею. Въ нихъ мы находимъ свѣдѣнія о дарованіи или продажѣ земель, виноградниковъ, пастбищъ и мельницъ, какъ церквамъ и монастырямъ, такъ и частнымъ лицамъ. Отчасти дошли до нашего времени процессы и судебныя рѣшенія по дѣламъ между общинами и отдѣльными лицами. Эти грамоты относятся къ XI и XII столѣтіямъ. Какъ въ этихъ грамотахъ, такъ и въ законникахъ и статутахъ, имѣвшихъ нѣкогда силу въ каждой общинѣ, мы находимъ свѣдѣнія о прежнемъ состояніи сельскихъ общинъ.

А. Очеркъ прошлой исторіи сельскаго населенія въ Далмаціи.

I.

Причины появленія и развитія крѣпостнаго состоянія въ Далмаціи; отношеніе крѣпостныхъ къ своимъ помѣщикамъ. Утвержденіе венеціанскаго владычества въ Далмаціи: «vecchio acquisto», «nuovo acquisto» и «nuovissimo acquisto»; славянская эмиграція; военная система; мѣропріятія венеціанскаго правительства по отношенію къ сельскому населенію Далмаціи.

Въ историческихъ памятникахъ IX столѣтія мы встрѣчаемъ указанія на то, что сельское населеніе въ этомъ столѣтіи находилось въ крѣпостной зависимости. На мѣстномъ славянскомъ нарѣчіи не сохранилось особаго названія для обозначенія слова «крѣпостничество», а поэтому и можно предполагать, что крѣпостное право въ Далмаціи — явленіе заносное, появилось извнѣ. Въ какое время и при какомъ правительствѣ началось крѣпостничество въ Далмаціи? Исторія свидѣтельствуетъ, что большая перемѣна въ положеніи сельскаго населенія Далмаціи была произведена франками, покорившими въ исходѣ VIII столѣтія эту страну. Франки были хорошо знакомы съ феодальною системой, а поэтому и можно предполагать, что они стали прививать ее и къ далматинской почвѣ. Хотя въ половинѣ IX столѣтія владычество франковъ въ Далмаціи было низвергнуто и власть перешла къ народнымъ правителямъ, но занесенная ими феодальная система осталась въ силѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ многія историческія данныя. Такъ, въ грамотѣ отъ 4-го марта 852 года, великаго жупана Далмаціи Терпиміра, пожалованной имъ Сплѣтской церкви, говорится о «рабахъ» и «рабыняхъ» (servi et ancillae). Когда возникъ споръ между епископами нинскимъ и сплѣтскимъ относительно церкви во имя св. Георгія съ принадлежащимъ ему поземельнымъ участкомъ, то великій жупанъ Мутиміръ рѣшилъ 28-го сентября 892 года этотъ споръ въ пользу послѣдняго; въ своемъ рѣшеніи, онъ, между прочимъ, говоритъ, что «вся поземельная собственность вмѣстѣ съ рабами и рабынями уступается сплѣтскому епископу». Что же разумѣется въ этихъ двухъ актахъ сплѣтской епископіи подъ словами «рабъ» и «рабыня»? Разумѣется ли самый тяжелый видъ рабства или только другой какой-либо видъ зависимости сельскаго

населенія отъ владѣльцевъ тѣхъ земель, на которыхъ оно живетъ? Въ послѣдующихъ грамотахъ хорватскихъ королей мы находимъ нѣкоторыя указанія по этому вопросу. Такъ, въ грамотѣ, данной 9-го октября 1076 года хорватскимъ королемъ Звонимiромъ сплѣтскому епископу, говорилось, что король Звонимiръ подтверждаетъ всѣ права и преимущества, дарованныя означенному епископству великими жупанами Терпимiромъ и Мутимiромъ, а въ заключеніе сказано: «cum servis et ancillis in eodem territorio positis atque commorantibus, praesentibus et futuris seu in eodem territorio in posterum residere volentibus». Какъ видно, рабамъ и рабынямъ предоставлялось широкое право переселенія изъ церковныхъ имѣній въ частныя и обратно. Итакъ, понятія «рабъ» и «рабыня» не должно принимать въ строгомъ смыслѣ римско-германскаго права—«homines glebae adstricti». Въ понятіе полнаго рабства входитъ также и право распоряженія рабами, т. е. торговля ими, какъ живымъ товаромъ, тогда какъ въ разсматриваемое время мы встрѣчаемся съ этимъ фактомъ на далматинской почвѣ, какъ съ исключеніемъ: лишь неретвенскіе норсары, еще не твердые въ христіанствѣ и слѣдуя примѣру сарацынъ, вели съ венеціанцами торговлю рабами.

Теперь посмотримъ почему, въ силу какихъ обстоятельствъ занесенное иноземцами, т. е. франками, учрежденіе рабства—вполнѣ несогласное съ духомъ славянства—привилось на далматинской почвѣ? Развитію крѣпостнаго состоянія въ Далмаціи много содѣйствовало то обстоятельство, что обыватели городовъ, которые составляли изъ себя римскія колоніи, владѣли, въ большинствѣ случаевъ, поземельными участками. Славянскіе землепашцы—«кметы», въ составъ которыхъ входили и военноплѣнные *), призывались городскими обывателями для обработки ихъ земель, для ухода за скотомъ и для домашнихъ работъ. Крайне нуждаясь въ рабочихъ силахъ, городскіе обыватели - землевладѣльцы стали стараться прикрѣпить кметовъ къ своимъ землямъ и съ этою цѣлью начали ссужать имъ денежныя суммы и оказывать всевозможную помощь. Такимъ образомъ, бѣд-

*) Въ городѣ Которѣ военноплѣнные были извѣстны подъ общимъ именемъ «властаци», т. е. тѣ, надъ которыми другой имѣетъ власть.

ный кметъ самъ себя закабалялъ: кметы мало по малу стали дѣлаться крѣпостными.

Съ увеличеніемъ численности дворянскаго сословія въ Далмаціи и съ расширеніемъ его правъ, положеніе мѣстнаго сельскаго населенія стало ухудшаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ и крѣпостное состояніе въ Далмаціи начало все болѣе и болѣе распространяться. Вслѣдъ за обнародованіемъ въ 1222 году «золотой буллы», въ силу которой дворянство получило особыя права и преимущества, стали составляться законоположенія, которыя юридическимъ образомъ подтвердили рабство, притомъ въ самой тяжелой формѣ: въ общинныхъ приморскихъ статутахъ мы находимъ на то ясныя доказательства. На островѣ Корчулѣ была дозволена торговля рабами; въ трогирскомъ статутѣ говорится: «кто хочетъ купить на всегда раба или рабыню, то надлежитъ сдѣлать у нотаріуса письменное свидѣтельство; иначе могъ бы произойти процессъ и рабъ былъ бы признанъ свободнымъ». Въ которскомъ статутѣ содержится много положеній о рабствѣ, изъ чего можно заключить, что какъ рабство, такъ и торговля рабами была тамъ сильно распространена. Изъ разсмотрѣнія всѣхъ этихъ уставовъ, можно вывести то заключеніе, что какъ землевладѣлецъ, такъ и его жена, по взаимному соглашенію, могли продать раба или заложить его или уступить его другому въ уплату долга; нерѣдко землевладѣлецъ давалъ своимъ дочерямъ въ приданое рабынь.

Рабство было наслѣдственное; если свободный человѣкъ женился на рабынѣ, то дитя, прижитое отъ этого брака, переходило въ рабство. Впрочемъ, оно могло быть выкуплено за 10 перперъ *); благодаря закону, дозволявшему дѣлать такого рода выкупъ, нерѣдко случалось, что отецъ и ребенокъ свободны, а мать—рабыня. Равнымъ образомъ, если рабъ женился на свободной, то дѣти отъ этого брака дѣлались рабами. Землевладѣлецъ могъ вытребовать раба-бѣглеца черезъ посредство начальника общины. Впрочемъ, за бѣгство рабъ въ различныхъ мѣстностяхъ подвергался разнаго рода наказаніямъ: въ Корчулѣ выжигали клеймо на лбу бѣжавшаго раба; если же рабъ бѣ-

*) Древняя дубровницкая монета, цѣнность которой равнялась приблизительно нашему рублю.

жалъ что-либо украсти, то которсній землевладѣлецъ могъ съ нимъ поступить, какъ хотѣлъ. Въ Шебеникѣ существовалъ обычай, по которому въ случаѣ, если рабъ причинилъ кому-либо ущербъ, хозяинъ его обязанъ былъ пострадавшему или заплатить слѣдующую сумму или выдать головою раба. Въ трогирскомъ уставѣ находится статья, въ силу которой землевладѣлецъ могъ предать смертной казни раба, совершившаго какое-либо важное преступленіе.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какого рода наказанію подвергались тѣ лица, которыя находились въ сообщничествѣ съ рабомъ, при совершеніи имъ какого либо преступленія, а затѣмъ укажемъ на условія, при которыхъ рабъ могъ получить свободу. Въ Которѣ существовалъ законъ, по которому, если кто либо укрылъ у себя бѣжавшаго раба, то, въ случаѣ его поимки, обязанъ былъ заплатить хозяину раба 10 перперовъ, т. е. стоимость раба. Въ Задрѣ и Трогирѣ было положеніе, что если кто укрылъ вещь, украденную рабомъ, то долженъ возвратить ее тотчасъ-же землевладѣльцу, въ противномъ случаѣ онъ подвергался денежной пенѣ вдвое большей, чѣмъ стоимость самой вещи. Въ далматинскомъ обычномъ правѣ мы встрѣчаемся съ крайне оригинальною статьей. Въ Трогирѣ существовало правило, что если кто побьетъ чужаго раба, тотъ долженъ заплатить его хозяину 3 меры штрафа, а если рабъ отъ побоевъ заболѣетъ, то побившій его долженъ заплатить землевладѣльцу и за весь ущербъ, какой онъ понесетъ во время болѣзни.

Относительно условій, при которыхъ рабъ получалъ свободу, мы, къ сожалѣнію, можемъ сказать немногое; извѣстно только, что въ этомъ случаѣ все зависѣло отъ землевладѣльца. Существовало, впрочемъ, особое положеніе, при которомъ законъ обязывалъ землевладѣльца даровать свободу рабынѣ. Такъ, по шебеникскому статуту, рабыня, въ случаѣ изнасилованія ея хозяиномъ, получала свободу, также и прижитый съ нимъ ребенокъ. Итакъ, рабство въ Далмаціи, занесенное туда франками, сперва сохранялось въ силу обычая, а потомъ перешло въ сферу мѣстнаго законодательства.

Угнетенное положеніе сельскаго населенія Далмаціи много содѣйствовало водворенію въ этой странѣ венеціанскаго владычества. Такъ мы видимъ, что когда стремленія хорватско-венгерскаго короля Кар-

ла I Роберта (1300—1342)—уменьшить права дворянства встрѣтили со стороны послѣдняго сильную оппозицію и когда король не былъ въ состояніи положить конецъ произволу дворянства, то венеціанцы не преминули воспользоваться анархіею въ Далмаціи: они стали дѣлать туда вторженія, и мѣстное населеніе оказывало содѣйствіе врагамъ своего правительства. Венеціанцы мало по малу пріобрѣли себѣ нѣкоторые далматинскіе города. Можно предполагать, что венеціанское правительство, желая расположить къ себѣ мѣстное населеніе, гуманно относилось къ сельскому населенію. Такъ мы видимъ, что начиная съ XIV ст. издаются законы относительно рабовъ болѣе гуманные, чѣмъ прежде. Въ Корчулѣ была строго воспрещена торговля рабами подъ страхомъ штрафа въ 50 дукатовъ, а если и дозволялось покупать рабовъ и рабынь, то въ видѣ исключенія только для домашней потребности; впрочемъ, для этой сдѣлки требовался особый актъ.

Начиная съ XV ст., Далмація переходитъ то въ руки венеціанскихъ дожей, то—хорватско-венгерскихъ королей. Такія частыя перемѣны въ правительственномъ режимѣ пагубно вліяли на положеніе мѣстнаго сельскаго населенія. Къ большому его несчастію, венеціанцы начинаютъ переселять въ Далмацію изъ Леванта своихъ подданныхъ грековъ. Являясь въ Далмацію, греческіе колонисты стали домогаться подчиненію своей власти кметовъ. Начиная съ исхода XV ст. турки начинаютъ дѣлать набѣги на Далмацію. Понятно, что сельское населеніе находилось постоянно на стражѣ готовое отразить внѣшнихъ враговъ, въ слѣдствіе чего сельское хозяйство въ странѣ терпѣло большой ущербъ.

Въ продолженіе XVII ст. и въ началѣ XVIII ст. происходили между венеціанскою республикой и Турціей постоянныя войны, которыя заканчивались пріобрѣтеніемъ Венеціею извѣстныхъ участковъ турецкихъ владѣній. Эти территоріальныя пріобрѣтенія получали различныя названія, смотря по времени ихъ совершенія. Такимъ образомъ, явились три главныхъ области, которымъ соотвѣтствуютъ три мира, заключенныхъ между турками и венеціанцами, разумѣется, въ ущербъ первымъ:

1) «Vecchio acquisto» (древнее пріобрѣтеніе). Эта область

была ранѣе прочихъ пріобрѣтена венеціанцами отъ турокъ: именно въ 1669 по кандійскому миру. Въ составъ ея вошла приморская часть Далмаціи съ прилегающими къ ней островами. 2) Nuovo acquisto» (новое пріобрѣтеніе)—этимъ именемъ называлась та часть Далмаціи, которая находилась восточнѣе отъ «Vecchio acquisto»: границами ея были: Книнъ, Врлика, Синь, Дуаре, Вргорацъ и Габела. Эта территорія была пріобрѣтена Венеціей по карловицкому миру 1699 года. 3) «Nuovissimo acquisto» (новѣйшее пріобрѣтеніе). Для обозначенія пространства этой территоріи слѣдуетъ провести пограничную линію отъ города Книна черезъ Врло, Врлика, Кадина-Ябука, Билибригъ, Аржано, Постранье, Имоски и Клобукъ. Это послѣднее пріобрѣтеніе венеціанской республики совершилось по поссаровицкому миру 1718 года.

По мѣрѣ того, какъ венеціанскія владѣнія все болѣе и болѣе подвигались на востокъ, опасность вторженія со стороны турокъ въ эти владѣнія все болѣе и болѣе возрастала. Венеціанское правительство невольно стало придумывать средства, какъ-бы сохранить за собою свои восточныя владѣнія. Наслѣдственная вражда и ненависть между славянами и турками, служившая непреодолимою преградой къ примиренію между этими двумя націями, доставили венеціанскому правительству могущественное средство обезпечить восточныя границы своихъ владѣній. Венеціанское правительство стало сильно содѣйствовать развитію эмиграціи сербовъ Босніи и Герцеговины въ восточныя части Далмаціи, давая этимъ переселенцамъ различныя права и привилегіи. Приливъ славянскаго элемента на территоріи Далмаціи значительно увеличился, въ особенности начиная съ исхода XVII ст., т. е. съ того времени, когда ипекскій патріархъ Арсеній Черноевичъ былъ вынужденъ переселиться въ Австрію. Когда на восточныхъ границахъ венеціанской республики сосредоточилась такимъ образомъ масса славянскаго народа, питавшаго глубокую ненависть къ своимъ сосѣдямъ туркамъ, то венеціанское правительство порѣшило приступить къ устройству изъ пограничнаго славянскаго населенія народнаго ополченія, которое должно было служить мѣстнымъ военнымъ кордономъ. Венеціанское правительство, сдѣлавши въ исходѣ XVII ст. первыя попытки

къ организаціи пограничнаго славянскаго войска, окончило ее только къ началу XVIII ст. Вся территорія области «Nuovissimo acquisto» и восточная часть территоріи «Nuovo acquisto» были раздѣлены на 22 военныхъ округа (reggimenti), которые находились подъ управленіемъ полковниковъ (colonelli). Полковникъ получалъ всего въ мѣсяцъ 7 гульд. 50 крейцеровъ. Несмотря на такое ничтожное содержаніе, мѣста начальниковъ военныхъ округовъ считались весьма выгодными. Для объясненія этой несообразности нужно припомнить то обстоятельство, что походы на турокъ въ тѣ времена бывали очень часты и каждый походъ доставлялъ отличную добычу полковникамъ, начальникамъ войска, расположеннаго въ извѣстномъ округѣ. Весьма часто полковникъ, отличившійся въ сраженіи, получалъ въ награду за свою доблесть большіе участки земли, о чемъ мы скажемъ впослѣдствіи. Такимъ образомъ, незначительность жалованья выкупалась тѣми побочными доходами, которые иной разъ являлись въ видѣ очень крупной суммы. Полковники, въ большинствѣ случаевъ, были уроженцами Венеціи и управляли округами при содѣйствіи помощниковъ, какими были сердары, вице-сердары и арамъ-баши. Все пограничное славянское населеніе должно было нести военную службу: оно должно было обмундировываться и вооружаться на свой счетъ и, во всякое время по данному сигналу, должно было быть готовымъ отразить непріятеля.

Хотя племенная вражда двухъ націй—славянъ и турокъ и могла служить вѣрнымъ ручательствомъ того, что славянское пограничное войско, по первому сигналу, пойдетъ противъ общаго непріятеля и храбро отразитъ его натискъ, все-таки венеціанская республика не была еще въ этомъ вполнѣ увѣрена. Она постаралась къ своему чисто правительственному дѣлу крѣпко привязать дѣло чисто-народное, славянское, въ той надеждѣ, что при этой внѣшней обстановкѣ военная система пуститъ глубокіе корни въ восточныхъ частяхъ Далмаціи. Оно стало искуственно развивать вражду славянъ — своихъ подданныхъ къ туркамъ; завлекало сельское населеніе принимать горячее участіе въ дѣлѣ отраженія турокъ, щедро награждая каждаго селянина, отличившагося на полѣ битвы; такъ оно ему да-

вало или пожизненную пенсію или званіе «сердара» *) или, наконецъ, «право гражданства» (diritto di cittadinza); въ случаѣ голода въ тѣхъ мѣстностяхъ, венеціанское правительство приказывало раздавать сельскому населенію изъ казенныхъ запасовъ жизненные продукты и вообще, при каждомъ удобномъ случаѣ, старалось выразить свою заботливость о народѣ, о его нуждахъ и потребностяхъ. Учреждая военную систему въ своихъ восточныхъ владѣніяхъ, венеціанское правительство руководилось при этомъ двумя цѣлями: во-первыхъ обезпечить край отъ вторженія туда внѣшняго непріятеля и во-вторыхъ сдѣлать невозможными возстанія и смуты на вновь пріобрѣтенной имъ территоріи.

Окончательно покоривъ Далмацію, венеціанцы стали заботиться о томъ, чтобы болѣе упрочить свою власть надъ всемъ сельскимъ населеніемъ этой страны. Съ этою цѣлью венеціанское правительство прибѣгало къ слѣдующимъ средствамъ: во-первыхъ оно стремилось къ тому, чтобы сельское населеніе оставалось въ полномъ невѣжествѣ и съ этою цѣлью строго воспрещалось устройство въ селахъ школъ; во-вторыхъ оно всѣми силами домогалось, чтобы изолировать сельское населеніе отдѣльныхъ частей Далмаціи другъ отъ друга: съ этою цѣлью было строго воспрещено исправлять пути сообщенія и т. д. Притомъ венеціанцы подчинили все населеніе Далмаціи либо своимъ собственнымъ узаконеніямъ, либо оставили ему обычное его право.

Постараемся изложить общія начала правительственной дѣятельности венеціанской республики, по отношенію къ сельскому населенію вновь пріобрѣтенныхъ владѣній. Мы должны при этомъ замѣтить, что въ венеціанскихъ хроникахъ, все сельское населеніе Далмаціи обозначается общимъ именемъ «morlacchi», названіемъ, которое и по настоящее время придается сельскимъ жителямъ нѣкоторыхъ мѣстностей Далмаціи: такъ оно сохранилось въ районѣ отъ рѣки Зерманьи до рѣки Неретвы (Narenta). Откуда произошло это названіе—неизвѣстно. Но мы можемъ представить по этому поводу соображенія нѣ-

*) Въ исторіи венеціанской республики встрѣчается имя православнаго священника Сурича, котораго венеціанское правительство за военную доблесть сдѣлало сердаромъ.

которыхъ ученыхъ. По мнѣнію Катталинича, населеніе Далмаціи, подчинившееся владычеству Венеціи, было прозвано сосѣдними народами за свой смуглый цвѣтъ лица «mauro-vlassi», т. е. черными итальянцами, изъ слова «mauro-vlassi» и образовалось названіе «morlacchi». Историкъ Лучіо полагаетъ, что названіе «morlacchi» происходитъ отъ словъ: «moro-slavi» или «moro-vlacchi», т. е. приморскіе славяне и это имя, по его мнѣнію, могло быть даваемо далматинцамъ жителями Босніи и Герцеговины, какъ народу, жившему на прибрежьѣ Адріатическаго моря. Все сельское населеніе Далмаціи было обложено слѣдующими податями и повинностями: 1) «кутярина» (casatico) — подать, взимавшаяся за право владѣнія домомъ; 2) «траварина» (dazio per i pascoli) — за выгонъ стада на пастбище; 3) «главарина» (testatico) — поголовная подать; 4) «десятина» (decima) — плата наличными деньгами $^1|_{10}$ части доходовъ, получаемыхъ отъ земледѣльческой производительности. Впрочемъ, населеніе области «vecchio acquisto» было свободно отъ подати десятины; 5) рекрутская повинность: селяне областей «vecchio acquisto» и «nuovo acquisto» брались, по жребію, въ солдаты для гарнизонной службы, какъ во внутренней, такъ и въ приморской части Далмаціи: они-то и составляли регулярное войско, которое состояло изъ 6,000 человѣкъ пѣхоты и 2,000 человѣкъ кавалеріи, и это-то войско содержалось на счетъ республики. Изъ этого перечисленія видно, что венеціанское правительство обложило податями всякій трудъ, всю производительность страны. Кромѣ того, жившій на кордонѣ селянинъ долженъ былъ каждую минуту трепетать за свои родныя нивы, которыя могли остаться невоздѣланными, благодаря иной разъ произволу полковника, которому вдругъ приходила фантазія поохотиться за чужою добычей, или выступить въ походъ противъ постояннаго своего непріятеля — турка. Этотъ дѣйствительный характеръ политики венеціанскаго правительства по отношенію къ сельскому населенію Далмаціи крайне губительно дѣйствовалъ на матеріальное положеніе страны; хотя оно и старалось прикрыть свои дѣйствія внѣшнею благопріятною формою.

Кромѣ эксплоатаціи сельскаго населенія правительствомъ, оно отдавало еще своихъ подданныхъ на разживу личностямъ, которыя, по мѣрѣ возможности также запускали свои руки въ этотъ неизсякае-

мый родникъ народнаго труда. Венеціанское правительство поручало управленіе Далмаціей обѣднѣвшимъ венеціанскимъ фамиліямъ, которыя, понятно, употребляли всѣ усилія, чтобы побольше и поскорѣе высосать сокъ изъ народа; въ теченіи непродолжительнаго времени улучшивъ свои финансы, эти администраторы слагали за тѣмъ съ себя административныя обязанности, спѣшили купить имѣніе въ Далмаціи; но вмѣсто того, чтобы заняться устройствомъ сельскаго хозяйства въ пріобрѣтенныхъ ими поземельныхъ участкахъ, дворяне-помѣщики почти безвыѣздно жили въ городахъ, гдѣ вполнѣ отдавались удовольствіямъ городской жизни: для удовлетворенія своихъ прихотей, они, всѣми незаконными мѣрами, побуждали своихъ крѣпостныхъ высылать имъ сколь возможно больше денегъ. Такимъ образомъ земля истощалась, какъ дворяне-помѣщики, такъ и народъ постепенно бѣднѣли, а всѣ финансовыя средства страны переходили въ руки горожанъ-иностранцевъ, которые выказывали большія способности въ дѣлѣ эксплуатаціи далматинскихъ помѣщиковъ. Пагубное дѣйствіе на страну произвели начальники иррегулярнаго войска какъ-то: «сердары», «арамъ-баши» и т. д. Имѣя въ своемъ распоряженіи отдѣльные отряды иррегулярнаго войска, они распространяли страхъ и ужасъ въ народѣ. Въ дѣлѣ грабежа и опустошенія страны, они были истинными соперниками турокъ. «Десетинари» (правительственные сборщики податей) являлись настоящимъ бичемъ для страны: съ помощью всѣхъ возможныхъ притѣсненій и насилій, они самопроизвольно налагали количество подати, которое народъ долженъ былъ имъ уплатить; а излишекъ податей шелъ въ ихъ собственный карманъ; эти ежегодные поборы, обыкновенно сопровождавшіеся вооруженнымъ содѣйствіемъ войска, крайне пагубно отражались на сельскомъ хозяйствѣ въ странѣ. И когда народъ, потерявъ почти все состояніе на материкѣ, съ небольшимъ достаткомъ отправлялся въ плаваніе, въ надеждѣ пріобрѣсти себѣ хоть что-нибудь путемъ торговли, то и тутъ его поджидали турецкіе, греческіе и албанскіе пираты, отнимавшіе у него тѣ не многія средства, которыя онъ успѣвалъ заработать въ чужихъ земляхъ.

Чтобы поддержать въ странѣ военный деспотизмъ, подъ вліяніемъ итальянскаго начальства, венеціанское правительство раздавало по-

земельные участки въ Далмаціи своимъ «полковникамъ», какъ мы выше замѣтили, уроженцамъ Венеціи, сохранивши за собою право отнимать у нихъ означенные участки во всякое время. Эти участки отдавались имъ или на правахъ собственности, въ этомъ случаѣ они носили названіе—«свободная земля» (terra libera), либо же давалось имъ право только взимать десятинную подать съ пожалованныхъ имъ участковъ земли. Изъ этой разности правъ на дарованную полковнику венеціанскимъ правительствомъ землю, возникали и различныя отношенія ея владѣльца къ сельскому населенію владѣемаго имъ участка. Разсмотримъ теперь положеніе сельскаго населенія въ томъ и другомъ случаѣ

Положеніе сельскаго населенія на свободныхъ участкахъ земли. Какъ только полковникъ получалъ себѣ въ награду болѣе или менѣе пространный участокъ земли на правахъ полнаго владѣнія, онъ сейчасъ-же заключалъ съ тамошними поселянами договоръ. Этотъ договоръ бывалъ построенъ на основаніяхъ, выработанныхъ венеціанскимъ феодальнымъ правомъ—на узаконеніяхъ крайне благопріятныхъ интересамъ землевладѣльцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне стѣснительныхъ для сельскаго населенія. Но несмотря на то, что эти договоры бывали заключаемы въ интересахъ землевладѣльца, а не селянина, все-таки этотъ послѣдній могъ бы быть доволенъ своей судьбой, если бы статьи договора исполнялись точно, если бы всѣ отношенія его къ владѣльцу опредѣлялись на основаніи договора. Но этого въ дѣйствительности не было. Заключенный договоръ являлся пустою формальностью; правительство не слѣдило за его точнымъ выполненіемъ. И вотъ являлся полнѣйшій произволъ въ дѣйствіяхъ землевладѣльца; онъ становился неограниченнымъ, безотвѣтнымъ господиномъ на землѣ, ему пожалованной. Такимъ образомъ договоръ, заключенный вполнѣ свободно съ обѣихъ сторонъ, скрывалъ за собою всевозможнаго рода притѣсненія, дѣлалъ то, что одна сторона угнетала другую. Такъ напримѣръ на основаніи договора, получившій участокъ земли на правахъ полнаго владѣнія долженъ былъ надѣлить землею каждаго селянина, жившаго въ этой мѣстности. Надѣлъ, говорилось въ договорахъ, долженъ былъ быть па столько великъ, чтобы могъ вполнѣ удовлетворить насущнымъ потребностямъ сельскаго жи-

теля. Въ дѣйствительности же эта статья договора получила такое примѣненіе: землевладѣлецъ, облеченный полною властью распоряжаться въ своихъ владѣніяхъ, какъ онъ хочетъ, отмежовывалъ поселянамъ столь малые участки, что они едва были достаточны для ихъ собственнаго пропитанія. Правда, что сельскій житель такого участка земли былъ избавленъ отъ податей правительству; но за то теперь онъ долженъ былъ платить тѣ же подати въ три или четыре раза уже большія владѣльцу-полковнику. Такъ мы видимъ, что селянинъ, смотря по урожаю, долженъ былъ отдавать землевладѣльцу $^1/_4$, $^1/_3$ и даже иногда $^1/_2$ части всей своей жатвы, а эта контрибуція тѣмъ тяжелѣе была для селянина, что землевладѣлецъ опредѣлялъ количество ея на нѣсколько лѣтъ впередъ, не соображаясь съ ежегодною жатвой. Эти усиленные налоги землевладѣльцы-полковники оправдывали тѣмъ, что на нихъ лежала обязанность выплачивать отъ себя правительству все то, что прежде получало оно прямо отъ селянина. Къ этой тяжелой внѣшней обстановкѣ селянъ присоединилось еще то, что они не были освобождены отъ воинской повинности, отправленіе которой вынуждало ихъ нерѣдко оставлять поля невоздѣланными; они не могли обращаться за денежною ссудой къ своему ленному владѣльцу. Въ результатѣ оказалось, что землевладѣльцы-полковники все болѣе и болѣе обогащались, тогда какъ недоимки селянъ ежегодно возростали; для взноса своихъ податей, они бывали вынуждены продавать своему ленному владѣтелю даже свой скотъ и свою поземельную собственность и въ концѣ концовъ, селяне свободныхъ участковъ сдѣлались паріями.

Положеніе сельскаго населенія на поземельныхъ участкахъ, обложенныхъ десятиннымъ сборомъ въ пользу военныхъ начальниковъ. На тѣхъ участкахъ земли, съ которыхъ дано было венеціанскимъ правительствомъ полковникамъ право взимать десятинную подать, сельское населеніе находилось въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ то, которое жило на свободныхъ участкахъ. Водворившіеся на поземельныхъ участкахъ, обложенныхъ десятиннымъ сборомъ въ пользу полковниковъ, селяне платили отъ себя правительству всѣ подати, за исключеніемъ десятинной, шедшей въ пользу вышеупомянутыхъ лицъ. Количество десятины, т. е. десятой части доходовъ се-

лянина не было точно опредѣлено, въ силу этого въ карманъ хозяина этой подати очень часто перепадала бо́льшая сумма, чѣмъ какая ему слѣдовала. Кромѣ того, безпечность венеціанскаго правительства о своихъ подданныхъ-селянахъ дѣлала иногда то, что одинъ и тотъ же участокъ земли отдавался двумъ военнымъ начальникамъ, такъ что селяне обязаны были платить имъ двойную подать. Тогда селяне поняли, что земледѣліе является слишкомъ невыгодною отраслью труда, что необходимо заняться чѣмъ-либо другимъ, иначе они подпадутъ подъ кабалу десятиннаго своего сборщика. Эти невыгодныя условія, въ которыхъ находился земледѣльческій трудъ на помянутыхъ участкахъ, побудили тамошнихъ селянъ бросить земледѣліе и заняться скотоводствомъ, такъ какъ «траварина»—налогъ за выгонъ скота на пастбище—былъ значительно меньше «десятины». Всякій селянинъ, имѣвшій кой-какія деньги, торопился купить нѣсколько штукъ скота и эта отрасль труда вывела селянъ изъ той бѣдности, въ которую начали они впадать, занимаясь земледѣліемъ. Теперь будетъ понятенъ тотъ крайне знаменательный фактъ, который мы встрѣчаемъ въ описаніяхъ нѣкоторыхъ эпизодовъ, относящихся къ пребыванію французскаго войска въ Далмаціи: французы находили въ жилищахъ сельскихъ жителей этихъ мѣстъ много серебра и золота, но вмѣстѣ съ тѣмъ полнѣйшее отсутствіе земледѣльческихъ орудій. Это обстоятельство служитъ нагляднымъ доказательствомъ того, что матеріальное улучшеніе мѣстнаго сельскаго населенія тамошнихъ мѣстностей обязано исключительно развитію тамъ скотоводства. Вообще все сельское населеніе венеціанской Далмаціи страдало подъ игомъ своихъ помѣщиковъ, которые, находя опору въ мѣстной администраціи, не стѣснялись нарушать законы и вообще дѣлали все, что хотѣли съ бѣднымъ селяниномъ.

II.

Водвореніе французскаго владычества въ Далмаціи.—Историческая замѣтка о положеніи сельскаго населенія на территоріи древней дубровницкой республики. Благотворная дѣятельность французскаго правительства въ Далмаціи. Пріобрѣтеніе Далмаціи Австріей: мѣропріятія австрійскаго правительства въ отношеніи къ сельскому населенію страны.

По кампоформійскому трактату 1797 года, Австрія пріобрѣла венеціанскую Далмацію т. е. узкую полосу земли вдоль Адріатическаго моря, имѣвшую границами съ сѣвера—рѣку Зерманью, а съ юга—рѣку Неретву (Narenta): Австрія владѣла этою страной до 1805 года Въ этотъ промежутокъ времени, сельское населеніе этой мѣстности оставалось въ statu quo. По пресбургскому миру 22-го декабря 1805 года, Далмація перешла въ руки французовъ, которые въ 1806 году покорили и дубровницкую республику. Такъ какъ начиная съ этого года все сельское населеніе нынѣшней Далмаціи стало уже находиться при одинаковыхъ условіяхъ, то мы и не считаемъ лишнимъ описать теперь положеніе сельскаго населенія на территоріи дубровницкой республики въ періодъ, предшествовавшій французскому тамъ владычеству, тѣмъ болѣе, что мы уже представили краткій очеркъ положенія сельскаго населенія на территоріи венеціанской Далмаціи въ теченіе вышеозначеннаго періода времени.

Въ періодъ господства демократическаго начала на территоріи дубровницкой республики, все мѣстное сельское населеніе имѣло устройство, въ основу котораго легла древняя славянская конституція. Впрочемъ, и на территоріи дубровницкой республики также пустило корни крѣпостничество, но когда именно, это неизвѣстно. Извѣстно лишь то, что въ первой половинѣ XIV ст. было отмѣнено на территоріи дубровницкой республики личное рабство, т. е. воспрещено было дарить другому лицу своихъ рабовъ. Между прочимъ въ книгѣ, написанной въ началѣ XV ст. и имѣющей названіе «Matica», помѣщено описаніе округа Конавле (Konali): поименновано въ ней, между прочимъ, много фамилій свободныхъ хлѣбопашцевъ. Такимъ образомъ,

можно предполагать, что въ древнія времена существованія дубровницкой республики, на ея территоріи были и «кметы» и «слободняки»: по всей вѣроятности какъ тѣ, такъ и другіе находились тамъ уже при лучшихъ внѣшнихъ условіяхъ, чѣмъ въ Хорватіи и Славоніи.

Съ появленіемъ аристократіи во главѣ дубровницкой республики, всѣ земли, входившія въ составъ ея территоріи, распались на два разряда: однѣ изъ нихъ извѣстны подъ общимъ именемъ «Царина», другія же получили названіе «астареа». Первые участки земли т. е. «царина» исключительно отдавались правительствомъ на правахъ собственности благородному сословію,—а вторые, т. е. «астареа», находившіеся только на древней территоріи республики, предназначались для продажи, и всякій даже еврей, заплатившій извѣстную сумму, могъ владѣть ими. Эти послѣднія земли высоко цѣнились, такъ какъ хозяинъ ихъ, если онъ, въ продолженіи 10-ти лѣтъ, не занимался никакимъ ремесломъ, а жилъ доходами со своего капитала, получалъ право гражданства, которое давало ему доступъ къ различнымъ болѣе или менѣе почетнымъ должностямъ. Аристократы, получивъ поземельные участки, раздѣляли ихъ между собою по жребію. Землевладѣлецъ аристократъ обыкновенно заключалъ съ населеніемъ доставшагося ему участка договоръ, по которому сельскій житель получалъ тѣ или другія права, за это долженъ былъ нести извѣстныя повинности. Мы встрѣчаемъ трояваго рода договоры:

1) «Пóклоны»; этотъ договоръ состоялъ въ томъ, что землевладѣлецъ обязывался построить селянину хижину извѣстнаго, строго опредѣленнаго въ договорѣ, объема (въ большинствѣ случаевъ длиною въ 60 футъ, а шириною въ 42 фута) съ выбѣленными стѣнами и съ черепичной крышей. Кромѣ того землевладѣлецъ обязывался дать селянину около одной «златицы» пахатной земли [1]). За это селянинъ долженъ былъ работать отъ 50 до 90 дней въ продолженіе года безвозмездно на господской землѣ, находясь, впрочемъ, все это время на харчахъ землевладѣльца, вслѣдствіе чего этого рода договоръ также носилъ названіе «годишница». Этотъ договоръ, за-

[1]) „Златица“ (по ит. „Soldo“)—пространство земли, совмѣщавшее въ себѣ 120 квадратныхъ саженей.

ключаемый въ большинствѣ случаевъ, былъ крайне благопріятенъ для обѣихъ сторонъ: съ одной стороны домашній бытъ селянина былъ хорошо обставленъ, съ другой — землевладѣлецъ пользовался въ опредѣленные сроки, безвозмездно, трудомъ рабочихъ. Названіе этого договора произошло отъ условій, въ немъ заключавшихся, а именно: въ опредѣленные дни, селяне должны были «поклониться» землевладѣльцу, т. е. принести ему пару куръ или ягнятъ или же извѣстное количество яицъ.

2) «Увѣтъ» (условіе); этотъ договоръ состоялъ въ томъ, что селянинъ получалъ въ полную собственность извѣстную полосу земли съ правомъ сѣять на ней все то, что можетъ хорошо приняться. Съ своей стороны селянинъ обязывался платить землевладѣльцу незначительныя подати, состоявшія обыкновенно изъ сырыхъ сельскихъ произведеній и изъ положеннаго количества пшеницы.

3 «Половница»; эта форма договора сравнительно съ вышеупомянутыми употреблялась рѣже для установленія взаимныхъ отношеній между двумя заинтересованными въ сельской производительности сторонами. По этому договору селянинъ обязывался давать землевладѣльцу половину всѣхъ тѣхъ произведеній, которыя растутъ на его землѣ, вслѣдствіе чего эти землевладѣльцы носили названіе «половники». Но строгость этого договора смягчалась тѣмъ обстоятельствомъ, что селянинъ никогда точно не исполнялъ условія: обыкновенно въ карманъ господина переходила не половина, а только третья часть доходовъ сельскаго жителя.

Впрочемъ, весьма часто случалось, что селянинъ, получивъ нѣсколько участковъ земли, которые находились въ различныхъ мѣстностяхъ, заключалъ съ владѣльцами данныхъ участковъ различные договоры, обращая при этомъ вниманіе на то, какова земля и гдѣ она находится. Такъ напримѣръ: если земля доброкачественна и находилась вблизи его жилища, то селянинъ обыкновенно заключалъ «увѣтъ»; напротивъ того, если земля была недоброкачественна и отстояла далеко отъ его хижины, то сельскій житель заключалъ съ ея владѣльцомъ договоръ—«половницу».

Изложенныя нами условія, въ которыя было поставлено сельское населеніе дубровницкой республики, могутъ показаться мно-

гимъ читателямъ крайне обременительными для землевладѣльца. Даже можетъ родиться вопросъ: почему заключались такіе договоры, когда господину гораздо было бы выгоднѣе нанимать отъ себя работниковъ; землевладѣлецъ не несъ бы тѣхъ убытковъ, которые онъ получалъ при вышеописаиной системѣ договоровъ. Но на этотъ вопросъ, если онъ возродится въ головѣ читателя, можемъ только отвѣтить, что дубровницкое правительство старалось устранять малѣйшіе поводы, могущіе вызвать неудовольствіе въ народѣ. Поземельные законы дубровницкой республики, опредѣлявшіе отношенія между поселянами, не давали доступа произволу аристократовъ-землевладѣльцевъ; условія, заключенныя между ними и селянами, были священны; дубровницкій сенатъ наблюдалъ за точнымъ исполненіемъ ихъ. Эта внимательность дубровницкаго правительства къ сельскому населенію, главнымъ образомъ, вызывалась тѣмъ обстоятельствомъ, что населеніе республики было крайне значительно, оно не соотвѣтствовало самой ея территоріи, такъ что, въ случаѣ волненія, мѣстныя власти не могли бы сдержать народныхъ массъ. Итакъ, въ то время, какъ селянинъ на территоріи венеціанской Далмаціи низко сгибалъ шею подъ ярмомъ рабства, дубровницкій селянинъ, найдя себѣ опору и въ законодательствѣ и въ высшей администраціи, гордо шелъ впередъ, сознавая свою свободу. Такимъ образомъ дубровницкое правительство, въ отношеніяхъ своихъ къ сельскимъ жителямъ, строго руководилось заранѣе выработанными принципами, которые, къ чести его нужно сознаться, были крайне хорошими, упрочившими благосостояніе края. Впрочемъ, въ законодательство дубровницкой республики ворвались нѣкоторыя ошибки по отношенію къ сельской производительности. Такъ мы видимъ, что правительство запрещало сельскимъ жителямъ нѣкоторыхъ частей республики, какъ, напримѣръ, общины Конавле (Konali), заниматься разведеніемъ винограда, желая тѣмъ развить земледѣліе, которое, по понятію правительства, могло принести болѣе пользы селянину, чѣмъ винодѣліе, а если иногда и дозволялось жителю помянутой общины садить виноградъ, то за это онъ былъ обязанъ заниматься разработкою у себя шелковичнаго червя.

Въ періодъ французскаго владычества на территоріи Далмаціи, положеніе мѣстнаго сельскаго населенія, въ особенности бывшихъ венеціанскихъ владѣній, начало замѣтно улучшаться. Графъ Дандоло, назначенный губернаторомъ Далмаціи, сталъ много заботиться объ улучшеніи быта сельскаго населенія. Желая нравственно поднять сельское населеніе, онъ положилъ въ мѣстные законы начало равенства, обратилъ серьезное вниманіе на пріисканіе средствъ, которыя могли бы содѣйствовать развитію земледѣлія и скотоводства въ странѣ; такъ, между прочимъ, онъ улучшилъ пути сообщеніи, оказывалъ особое покровительство мѣстной торговлѣ, сталъ издавать въ городѣ Задрѣ политико-экономическую газету «Dalmata Regio» на языкахъ славянскомъ и итальянскомъ.

Описанныя мною крайне гуманныя мѣры французскихъ властей въ Далмаціи отчасти улучшили бытъ мѣстнаго сельскаго жителя, но не успѣли еще упрочить его благосостоянія, когда страна эта, по вѣнскому миру отъ 9-го іюня 1815 года, снова перешла подъ власть Австріи. Сельское населеніе, которое было представителемъ славянскаго элемента въ Далмаціи, не могло пользоваться особымъ довѣріемъ правительства, стоявшаго во главѣ нѣмецкаго элемента. Австрійское правительство даже находило крайне опаснымъ для благоденствія монархіи, что сельское населеніе въ Далмаціи принадлежало къ славянской расѣ, такъ какъ, по мнѣнію правительства, оно будетъ постоянно находиться въ враждебномъ ему лагерѣ. Поэтому мы видимъ, что австрійское правительство стало заниматься болѣе политическимъ, чѣмъ экономическимъ положеніемъ населенія пріобрѣтеннаго края; оно направило всю свою дѣятельность исключительно къ итальянизованію мѣстнаго сельскаго населенія. Задавшись мыслью ослабить значеніе славянскаго элемента въ Далмаціи, оно могло только враждебно отнестись къ вопросу объ улучшеніи быта сельскаго населенія, въ экономическомъ отношеніи. Дѣйствительно, мы видимъ, что въ періодъ времени отъ 1815 года до 1821 года, былъ изданъ цѣлый рядъ законовъ, которые были составлены съ цѣлью затормозить развитіе земледѣлія, скотоводства, промышленности, торговли и т. д. Всѣ эти узаконенія пагубно повліяли на едва только начавшія развиваться внутреннія

силы страны: сельское населеніе стало все болѣе и болѣе бѣднѣть. Правда, что начиная съ 1816 года, стали наряжаться въ Далмаціи особыя коммисіи съ цѣлью обсудить вопросъ о введеніи тамъ поземельныхъ книгъ. Но такъ какъ правительство мало заботилось о томъ, чтобы означенныя коммисіи достигли какихъ-либо результатовъ, то и разрѣшеніе этого вопроса не могло подвинуться впередъ: коммисіи собирались, разсуждали, спорили и въ результатѣ ничего не оказывалось; составлялись новыя коммисіи и т. д.

Въ 1848 году на представительномъ собраніи, созванномъ въ Кремсѣ (вблизи Вѣны) было положено уничтожить феодальную систему въ имперіи. Эта мѣра была вполнѣ согласна съ духомъ времени, съ стремленіемъ человѣка къ личной свободѣ, а вслѣдствіе этого она могла бы принести благотворные результаты. Впрочемъ эта крестьянская реформа утратила свое благотворное дѣйствіе въ Далмаціи, благодаря тѣмъ мѣрамъ, которыми обставило ее австрійское правительство, притомъ она была произведена въ Далмаціи при внѣшней обстановкѣ, крайне знаменательной. Мы должны замѣтить, что въ небольшой промежутокъ времени отъ 1848 до 1850 года, когда въ Италіи проявилось революціонное движеніе, жизнь сельскаго населенія текла крайне мирно, такъ какъ оно находилось въ полномъ невѣдѣніи относительно того, что происходило внѣ границъ Далмаціи. Поэтому-то австрійское правительство стало сочувственно относиться къ сельскому населенію. Благодаря такому настроенію австрійскаго правительства, и крестьянская реформа была произведена въ смыслѣ благопріятномъ лишь одному сельскому населенію.

Впрочемъ, эмансипація крестьянъ мало содѣйствовала улучшенію матеріальнаго положенія сельскаго населенія. Правда, что селяне получили теперь и свободу и поземельную собственность; но на поземельныхъ участкахъ, которые были имъ даны, сельское хозяйство находилось тамъ въ полномъ упадкѣ, а селяне, не имѣя денежныхъ средствъ, не могли по этой причинѣ, улучшить оное. Правда, носелянинъ сдѣлался теперь вполнѣ хозяиномъ своихъ дѣйствій, но за то онъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ еще болѣе страшнымъ непріятелемъ—съ голодомъ. Прежде селянинъ могъ разсчитытывать на денежную ссуду со стороны своего леннаго

владѣльца: теперь же, по причинѣ его бѣдности, сельское населеніе было предоставлено своимъ собственнымъ силамъ. Для уплаты государственныхъ налоговъ, которые, подъ разными названіями, бывали ежегодно увеличиваемы, селяне нерѣдко бывали вынуждаемы отдавать свои поземельные участки въ руки ростовщиковъ, а по утратѣ своей поземельной собственности, нѣкоторые изъ нихъ торопились переселяться въ Турцію, а другіе, вооружаясь ружьями и ножами, стали составлять изъ себя четы (шайки) хайдуковъ и разбойничать по всему протяженію своей родины.

Въ силу обстоятельствъ, австрійское правительство было вынуждено обратить серьезное вниманіе на то, какъ бы поднять поземельный кредитъ въ Далмаціи. 31-го мая 1860 года былъ созванъ въ Вѣнѣ «усиленный рейхсратъ» (verstärkte Reichsrath), на которомъ былъ поднятъ, между прочимъ, и вопросъ о введеніи поземельныхъ книгъ въ Далмаціи, не нашедшій себѣ тамъ разрѣшенія. На задарскомъ сеймѣ 1863 года былъ впрочемъ снова поднятъ вопросъ о поземельныхъ книгахъ. Этотъ сеймъ народныхъ представителей горячо принялся за осуществленіе вышеназваннаго проекта: австрійское правительство, занятое внѣшними политическими событіями, не пожелало давать хода этому проекту. Лишь въ 1864 году этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ въ смыслѣ заявленій сейма. Въ этомъ году была наряжена постоянная кадастровая коммисія, которая и не замедлила приступить къ своей дѣятельности. При выполненіи возложеннаго на кадастровую коммисію порученія, она дѣйствовала въ Далмаціи почти точно также, какъ кадастровая коммисія въ Хорватіи и Славоніи, о чемъ мы выше говорили. По изслѣдованію почвы Далмаціи, произведенному кадастровою коммисіей, видно, что производительный грунтъ по преимуществу лежитъ въ сѣверной и средней части Далмаціи и занимаетъ пространство до 1,446,372 десятинъ; въ этихъ частяхъ Далмаціи встрѣчаются весьма плодоносные участки земли, какъ напримѣръ: синьское поле, коссово поле, петрово поле и т. д., также мѣстности, прилегающія къ городамъ—Сплѣтъ, Имоски, Макарска и Омишъ. Вслѣдствіе крайне каменистой почвы Далмаціи, непроизводительный ея грунтъ занимаетъ значительно бо́льшее пространство, чѣмъ производительный.

Кадастровая комиссія опредѣлила поземельную подать въ Далмаціи на сумму въ 326,458 гульденовъ.

В. Современное состояніе сельскаго хозяйства въ Далмаціи.

Главныя отрасли сельскаго хозяйства въ Далмаціи: земледѣліе, лѣсоводство, виноделіе и скотоводство.

Производительный грунтъ Далмаціи, какъ мы выше замѣтили, не занимаетъ большаго пространства ея территоріи. Поэтому трудно и предполагать, чтобы сельское хозяйство въ странѣ находилось въ хорошемъ состояніи. Разсмотримъ вкратцѣ главныя отрасли сельскаго хозяйства.

Земледѣліе. Пахатной земли въ Далмаціи крайне мало— всего 71,212 десятинъ. Вообще земледѣліе находится тамъ на низкой степени развитія: исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ территорія древней дубровницкой республики. Въ урожайный годъ въ Далмаціи родится приблизительно: пшеницы — 165,000 осьминъ, ячменя—500,000 осьминъ, овса—74,000 осьминъ, полбы—100,000 осьминъ, проса—118,000 осьминъ, кукурузы—294,000 осьминъ, ржи—57,000 осьминъ и овощей—40,000 цент.

Кромѣ недоброкачественности почвы существуютъ и другія причины, которыя содѣйствуютъ упадку земледѣлія на древней территоріи венеціанской республики. Онѣ суть слѣдующія: 1) поземельныя узаконенія венеціанскаго, а затѣмъ и австрійскаго правительства; 2) вырубка лѣса много содѣйствуетъ осушкѣ земли, а слѣдовательно и ослабленію ея производительной силы; 3) недостатокъ капиталовъ; 4) недостатокъ рабочихъ рукъ; 5) вообще нерадѣніе и безпечность мѣстнаго населенія.

Такимъ образомъ даже въ урожайный годъ страна не производитъ хлѣба въ количествѣ, достаточномъ для прокормленія мѣстнаго населенія.

Лѣсоводство. Лѣса занимаютъ въ Далмаціи пространство приблизительно въ 500,000 кв. саженей. Тамъ растутъ дубъ, букъ и вязъ.

Дубъ и въ особенности «красный дубъ» (Quercus robur) весьма хорошо растетъ въ Далмаціи. Правда, что онъ не достигаетъ тамъ значительной высоты, но это происходитъ единственно отъ того, что мѣстные жители совершенно незнакомы съ лѣсоводствомъ, а потому и относятся къ нему съ полнымъ пренебреженіемъ. Обыкновеніе жечь молодые лѣса для временнаго удобренія почвы не можетъ не производить дурнаго вліянія на состояніе лѣсоводства въ странѣ. Мы не можемъ при этомъ не замѣтить, что Далмація была нѣкогда покрыта густымъ лѣсомъ; теперь же она представляетъ мѣстность обнаженную: это произошло отъ того, что венеціанское правительство немилосердно вырубало строевой лѣсъ въ Далмаціи для постройки изъ него своихъ судовъ, а теперь въ томъ же самомъ практикуется австрійское правительство, руководимое главнымъ образомъ цѣлями стратегическими.

Винодѣліе. Виноградники въ Далмаціи занимаютъ пространство около 120,078 десятинъ. Почва въ Далмаціи весьма доброкачественна для винодѣлія, такъ что виноградъ, посредственно обработываемый, даетъ правильно извѣстное количество вина. Вообще же винодѣліе въ Далмаціи оставляетъ еще многаго желать, такъ какъ на эту отрасль сельскаго хозяйства не обращено особаго вниманія: неумѣнье выдѣлывать вина, дурной уходъ за нимъ и многія другія причины не мало вліяютъ на то, что мѣстныя вина нельзя долго сохранять. Впрочемъ возрастающая ежегодно бѣдность въ средѣ мѣстнаго населенія не даетъ ему возможности составить капиталъ, необходимый для усовершенствованія этой отрасли промышленности. Селянинъ, какъ мы замѣтили, обложенъ податями, не соотвѣтствующими получаемымъ имъ доходамъ съ земли. Едва будучи въ состояніи оставить для содержанія своего семейства самую ничтожную часть доходовъ, получаемыхъ отъ разработки своего участка земли, онъ старается забыть свою бѣдность и свое грустное положеніе, предаваясь пьянству. Такимъ образомъ то, что служитъ источникомъ благосостоянія у народа просвѣщеннаго и руководимаго извѣстною

цѣлью въ своемъ трудѣ, въ Далмаціи не ведетъ ни къ чему другому, какъ только къ увеличенію числа пороковъ и упроченію всякаго рода суевѣрій, какія только порождаютъ въ человѣкѣ бѣдность и нравственное безсиліе. Кромѣ того болѣзнь винограда, которая, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, свирѣпствовала въ Далмаціи, не мало содѣйствовала застою этой отрасли сельскаго хозяйства.

Далматинскія вина вообще крѣпки и сладки. Ежегодно Далмація производитъ приблизительно до 1,200,000 ведеръ вина. Наилучшія изъ мѣстныхъ винъ суть слѣдующія: Мальвазія, выдѣлываемая въ окрестностяхъ Дубровника; Тàртаро—вино, по вкусу мало разнящее отъ мадеры: оно выдѣлывается изъ винограда, растущаго вдоль подошвы «Тартаревой горы» (monte di Tartari); Мараскино — въ окрестностяхъ города Шебеника (Sebenico); Проселокъ — приготовляется изъ виноградняго сока съ примѣсью мускатнаго орѣха: оно выдѣлывается вблизи села Іесенице, лежащаго между городами Сплѣтъ (Spalato) и Омишъ (Almissa); Марцамлино — въ окрестностяхъ города Котора (Cattaro); Рефоско и Вугава—въ мѣстностяхъ Нерезшиче, Вышеполе и Буне, расположенныхъ на островѣ Брачѣ (Brazza) и Печено—на полуостровѣ Пельешацѣ (Sabioncello).

Скотоводство. Мы уже выше указали одну изъ причинъ, почему селяне нѣкоторыхъ мѣстностей Далмаціи стали мало по малу оставлять земледѣліе и заниматься по преимуществу скотоводствомъ. Многія и другія причины способствовали тому, что далматинцы стали заниматься скотоводствомъ предпочтительнѣе передъ земледѣліемъ. Можно сказать, что страсть къ скотоводству развилась въ далматинцѣ подъ вліяніемъ политическихъ событій. Когда турки дѣлали вторженія на территорію Далмаціи, то они опустошали поля, сожигали села, и селянину удавалось спасти единственно домашній скотъ, который обыкновенно угоняли въ болѣе безопасныя мѣста. Въ виду спасти хоть что либо изъ своего имущества, въ случаѣ вторженія турокъ въ страну, селянинъ и сталъ мало по малу привыкать къ скотоводству. Далматинскій климатъ, а также скалистая и гористая почва страны, гдѣ по мѣстамъ встрѣчаются луга, покрытыя ароматическою травой—все это содѣйствовало тому, что далматин-

скіе селяне стали охотно заниматься скотоводствомъ, пренебрегая, въ то-же время, земледѣліемъ. До сихъ поръ слово «благо» на языкѣ сельскаго жителя Далмаціи имѣетъ двоякое значеніе: оно означаетъ «богатство» и «стадо» (латинское—pecus, peculium, pecunia). Такимъ образомъ народное богатство оказалось въ тѣсной зависимости отъ скотоводства: кто имѣетъ стадо, тотъ и богатъ.

Пастбища въ Далмаціи занимаютъ довольно большое пространство, а именно до 836,347 десятинъ, притомъ скотоводство составляетъ исключительное занятіе весьма большой части сельскаго населенія. Поэтому можно было бы ожидать, что эта отрасль сельскаго хозяйства стоитъ здѣсь на болѣе высокой степени развитія, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ. Недостатокъ въ капиталахъ и совершенное незнакомство сельскаго населенія Далмаціи съ раціональными способами веденія сельскаго хозяйства суть главныя причины застоя въ развитіи скотоводства въ Далмаціи. Оно ведется тамъ по способу номадовъ: скотъ угоняется въ тѣ мѣста, гдѣ лучше пастбища.

Рогатый скотъ въ Далмаціи не крупенъ и не отличается достоинствомъ породы, количество его простирается приблизительно до 90,500 головъ. На гористыхъ мѣстахъ, вслѣдствіе сочнаго тамъ корма, весьма славятся овцы, имѣющія длинную шерсть: всѣхъ овецъ приблизительно до 815,000 штукъ; отъ нихъ получается до 16,000 центнеровъ шерсти. Хотя австрійское правительство издало не мало распоряженій съ цѣлью уменьшить разведеніе козъ, приносящихъ значительный вредъ лѣсамъ, все таки селянинъ весьма охотно разводитъ козъ, такъ какъ извлекаетъ изъ нихъ большія для себя выгоды. Козъ въ Далмаціи приблизительно до 420,000 штукъ.

Весьма мало разводится въ Далмаціи свиней, главнымъ образомъ вслѣдствіе недостатка для нихъ корма. Для домашняго потребленія пригоняется, въ особенности зимой, значительное количество свиней въ Далмацію изъ сосѣднихъ турецкихъ провинцій: всего свиней въ Далмаціи насчитывается приблизительно до 40,000 штукъ.

Мѣстныя лошади—не высоки и не породисты: ихъ всѣхъ приблизительно до 20,000.

Оканчивая нашъ очеркъ экономической стороны жизни сельскаго населенія въ Далмаціи, мы не можемъ не замѣтить, что послѣдняя поѣздка императора Франца-Іосифа по юго-западной окраинѣ имперіи произвела уже благотворное вліяніе на положеніе дѣлъ въ этой странѣ. Съ улучшеніемъ путей сообщеній въ странѣ и съ отстраненіемъ разныхъ преградъ, пагубно дѣйствующихъ на развитіе сельскаго хозяйства, можно надѣяться, что производительныя ея силы примутъ большіе размѣры, а это не можетъ не повліять благотворно и на улучшеніе положенія мѣстнаго сельскаго населенія.

ДВОРЯНСТВО ВЪ ДАЛМАЦІИ.

Прошлое и настоящее дворянства.

Положеніе дворянства въ Далмаціи: политика Венеціи по отношенію къ далматинскому дворянству; учрежденіе новаго дворянства; политика Австріи по отношенію къ далматинскому дворянству; перечень далматинскихъ дворянскихъ родовъ.

Въ основу дворянскаго сословія въ Далмаціи легли тѣже самыя начала, какъ и въ Хорватіи и Славоніи. Оно было извѣстно подъ общимъ названіемъ «communita magnifica» или «nobile» и рѣзко отличалось отъ остальной массы населенія и по правамъ и по богатству и по образованію и даже по языку: языкомъ дворянскаго сословія былъ языкъ латинскій. Постоянно существовалъ между дворянствомъ и остальными сословіями полный разладъ, который много содѣйствовалъ покоренію Далмаціи венеціанцами. Мы не можемъ при этомъ не замѣтить, что венеціанское правительство, съ цѣлью упрочить свое владычество надъ Далмаціей, много заботилось о томъ, что бы привлечь народъ на свою сторону съ помощью различныхъ наградъ за военные подвиги: если кто отличался во время войны, республика давала ему или участокъ земли, или медаль, или небольшую пожизненную пенсію; а кто нѣсколько разъ прославилъ себя храбростью, того дѣлали сердаремъ. Такимъ путемъ многія фамиліи простаго происхожденія возвышены были до благороднаго кавалерскаго званія.

Завоевавъ этотъ край, венеціанцы поспѣшили примѣнить здѣсь свой принципъ: заботиться о возвышеніи аристократіи. Желая привлечь

на свою сторону богачей аристократовъ, венеціанское правительство стало жаловать имъ дипломы, которые значительно расширяли ихъ права. Но мѣстный аристократическій элементъ не могъ внушать къ себѣ довѣрія и соотвѣтствовать цѣлямъ правительства— объитальянизовать край; мѣстное дворянство постоянно вспоминало о прошедшемъ своемъ величіи, о времени своей самостоятельности. Тогда венеціанское правительство пришло къ заключенію о необходимости создать новое дворянство изъ представителей болѣе или менѣе проникнутыхъ итальянскими идеями. И вотъ начинается эпоха эмиграцій: съ одной стороны мѣстное дворянство получаетъ инструкціи переселяться въ Венецію или въ какую-либо другую мѣстность Италіи, съ другой — различные итальянскіе авантюристы получаютъ приглашеніе поѣхать въ Далмацію, страну хотя дикую, мало обработанную, но гдѣ умный человѣкъ можетъ легко нажить себѣ состояніе. Мы видимъ, что толпа авантюристовъ различныхъ партій и оттѣнковъ, соединенныхъ общимъ интересомъ поскорѣй обогатиться, является въ Далмаціи.

Венеціанское правительство стало оказывать особое покровительство этимъ итальянскимъ выходцамъ: имъ жалуютъ поземельные участки въ Далмаціи, ихъ назначаютъ на лучшія административныя мѣста въ странѣ: эти-то реформаторы и положили начало новому дворянству. Весьма естественно, что представители этого новаго дворянства всѣми силами старались объитальянизовать ново-покоренный народъ.

Пріобрѣтши венеціанскую Далмацію, австрійское правительство стало стремиться къ итальянизованію ея, и съ этою цѣлію стало оказывать особое покровительство дворянскому сословію: стараясь ослабить славянскій элементъ въ Далмаціи, оно надѣялось тѣмъ самимъ упрочить свою власть въ странѣ. Оно поспѣшило признать дворянское достоинство за многими далматинскими фамиліями, которыя, въ большинствѣ случаевъ, ведутъ свой дворянскій родъ со времени владычества въ Далмаціи венеціанской республики. Желая привлечь на свою сторону и дубровницкое дворянство, австрійское правительство не преминуло и ему выдать грамоты на дворянское достоинство. Именно оно признало это достоинство за слѣдующими фамиліи-

ми: Альберти, Андреисъ, Бенья, Бенья-Посседаріа Бенедетти, Бенвенути Віанкини (Conte), Биццаро, Боккарео-Аквиля, Бона, Бона (marchese), Борелли, Бортолацци, Боедари, Вонда, Буровичъ-Зиаевичъ (Conte), Кабога, Калиффи, Камбъ, Капогроссо, Каррара, Карамнео, Касотти, Челіо-чега, Черинео, Чиппико, Чипріанисъ, Черва, Корпонезе, Даль-Аква, Джюсти, Драгаццо, Драго, Дуданъ, Фанфенья, Феррари, Фондра-Ферра, Гранчичъ, Гараньинъ, Жереміа, Гетальди, Гетальди-Гондола, Джіакса, Джорджи, Джорджи-Бона, Гоцце-Васселъи, Гоцце (Conte), Гради, Граціо, Грисогоно, Яконья, Исиаели, Ивелліо, Иванишевичъ, Креліановичъ, Лантана, Луковичъ (Conte), Личини, Менце, Микіели-Виттури, Милеси, Миркевичъ, Насси, Натали Нутриціо, Пантони, Парма, Павловичъ-Фонтана (Conte), Пеллегрини, Пеллегрини-Даніели, Петриціоли, Понте, Поцце (Conte di Zagorie), Раньина, Россиньоли, Conne-Папали, Сигліановичъ, Санфермо (Conte), Сарака, Слатаричъ, Смекіа (Conte), Сори, Тарталья, Томасео, Войновичъ, Вракіенъ, Заманья и Цанки. Кромѣ того австрійское правительство пожаловало дубровницкимъ дворянскимъ родамъ: Кабога—графское достоинство, а Гетальди-Гондола—баронскій титулъ.

Предоставляя высшія административныя мѣста дворянамъ, и вообще оказывая имъ всевозможное покровительство, и въ тоже время поддерживая антагонизмъ между дворянствомъ и остальными сословіями, австрійское правительство мало по малу пріобрѣтало все большее и большее вліяніе въ краѣ. До 1848 года было издано не малое количество законовъ съ цѣлью развить и укрѣпить въ странѣ итальянское начало, иначе сказать-сословіе дворянъ. Находя въ правительствѣ особую поддержку, дворянское сословіе въ Далмаціи продолжало играть роль проводника итальянской культуры у себя на родинѣ. Весьма естественно, что далматинское дворянство весьма сочувственно отнеслось къ революціонному движенію, которое проявилось въ Италіи въ 1849 и 1850 годахъ. Австрійское правительство тогда сильно переполошилось. Опасаясь, чтобы сѣмя революціи не было брошено изъ Италіи въ Далмацію, Австрійское правительство поспѣшило прибѣгнуть къ той политикѣ, какой слѣдовало въ 1845 году въ Галиціи. Въ началѣ 1850 года были

разосланы изъ Вѣны по всѣмъ далматинскимъ округамъ тайныя инструкціи, въ которыхъ правительство предписывало мѣстнымъ властямъ покровительствовать сельскому населенію и содѣйствовать къ возбужденію всевозможныхъ непріязненныхъ отношеній между нимъ и земледѣльцами-дворянами. Подъ вліяніемъ такого рода политики и была произведена крестьянская реформа въ Далмаціи. Австрійское правительство стало принуждать ленныхъ владѣльцовъ, подъ предлагаемыми имъ условіями, крайне для нихъ невыгодными, отказываться отъ поземельной собственности въ пользу селянъ, такъ что многія древнія далматинскія фамиліи были приведены въ самое бѣдственное положеніе.

Такимъ образомъ крестьянская реформа много содѣйствовала обѣдненію далматинскаго дворянства. Притомъ послѣ 1850 года, далматинскіе дворяне были поставлены въ крайне ложное положеніе; они не знали какъ должны дѣйствовать по отношенію къ правительству, какой партіи держаться и какой противодѣйствовать; тѣмъ болѣе, что законы благопріятствовали ихъ интересамъ, а мѣстныя власти во всемъ имъ противодѣйствовали. Въ результатѣ оказалось, что далматинское дворянство, разъ подпавъ вліянію итальянскаго элемента, и до сихъ поръ является горячимъ поборникомъ итальянскихъ тенденцій у себя на родинѣ.

СОСТОЯНІЕ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ ДАЛМАЦІИ.

Нельзя сравнить Далмацію со старой, отжившей кокеткой, потратившей время и силы на внѣшнія прикрасы, усталой, ищущей себѣ покоя. Далмація, хотя и бѣдная по своей природѣ, страна, крѣпка своими молодыми, еще не вполнѣ разработанными силами, которыя способны поднять ее на высокій уровень матеріальнаго и нравственнаго процвѣтанія. Это видно между прочимъ и изъ того, что страна эта пользовалась каждымъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы заявить о своихъ нуждахъ, о необходимости улучшенія своего умственнаго развитія, точно также, какъ и матеріальнаго своего положенія.

Правда, народное образованіе въ странѣ подвигается крайне медленно. Причинъ тому—много. За недостаткомъ въ странѣ матеріальныхъ средствъ, мѣстные жители лишены возможности приносить денежныя пожертвованія въ пользу развитія тамъ народнаго образованія. Притомъ и само австрійское правительство крайне враждебно относится къ развитію въ странѣ народной культуры.

Въ главѣ о состояніи народнаго образованія въ Хорватіи и и Славоніи, мы слегка коснулись и вопроса о современной литературѣ въ Далмаціи. Поэтому, въ настоящемъ случаѣ, мы разсмотримъ остальные рессурсы народной культуры въ странѣ.

А. Научныя пособія и пресса.

I.

Ученыя общества. Типографіи. Библіотеки. Архивы. Музеи.

Въ Далмаціи всего одно ученое общество—«Далматинская Матица»: оно основано въ 1862 году въ Задрѣ, главномъ городѣ Далмаціи. Въ устройствѣ этой Матицы приняли дѣятельное участіе священники Петрановичъ и Данило, которымъ помогъ епископъ Штросмейеръ, пожертвовавшій на этотъ предметъ 1,000 гульденовъ. Задача этого общества—оказывать содѣйствіе развитію народной литературы. Оно владѣетъ въ настоящее время капиталомъ въ 10,000 гульденовъ. Число членовъ доходитъ до 400. Далматинская Матица съ самаго своего основанія и по настоящее время, ежегодно издаетъ на свой счетъ «Narodni Kaledar».

Въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія была всего одна типографія въ Далмаціи, въ Задрѣ; въ настоящее время ихъ шесть: три въ Задрѣ, двѣ въ Сплѣтѣ и одна въ Дубровникѣ.

Укажемъ на нѣкоторыя изъ библіотекъ, о которыхъ имѣются свѣдѣнія.

1. Городская библіотека въ Задрѣ: въ ней находится до 25,000 томовъ.

2. Библіотека Змаевичевской семинаріи въ Задрѣ: въ ней, между прочимъ, хранится служебникъ св. Хрисанфа, писанный въ 1480 году, по приказанію аббата и задрскаго дворянина Божидара Венерія и украшенный весьма хорошими изображеніями.

3. Библіотека графа Ивана Фанфонья, князя Бурелича—въ Задрѣ.

4. Библіотека фамиліи Фанфонья Гараньина—въ Трогирѣ: въ ней хранится весьма много древнихъ памятниковъ славянской письменности.

5. Библіотека во Францисканскомъ монастырѣ въ Дубровникѣ, извѣстная по хранящимся въ ней древнимъ памятникамъ славянской письменности и по рукописямъ.

Кромѣ того, имѣются библіотеки въ учебныхъ заведеніяхъ, монастыряхъ и частныхъ домахъ.

Наиболѣе замѣчательные архивы суть слѣдующіе:

1. Далматинскій архивъ—въ Задрѣ.

2. Общинный архивъ—въ Трогирѣ.

3. Общинный архивъ—въ Шебеникѣ: онъ помѣщается въ зданіи уѣзднаго правленія. Въ этомъ архивѣ хранятся объемистые фоліанты, содержащіе въ себѣ старинные протоколы нотаріусовъ шебеницкой общины. Протоколы эти, доходящіе до 1379 года, представляютъ драгоцѣнный матеріалъ при изученіи исторіи Шебеника и всей территоріи, нѣкогда ему подчиненной въ административномъ отношеніи.

4. Архивъ древней дубровницкой республики въ Дубровникѣ.

Говоря о музеяхъ, мы можемъ упомянуть лишь о музеѣ древностей въ городѣ Сплѣтѣ, въ которомъ собрана крайне интересная коллекція различныхъ предметовъ, выкопанныхъ, въ послѣднее время, въ мѣстности, гдѣ нѣкогда стоялъ городъ Солинъ (Salona). Впрочемъ находятся музеи и въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Не можемъ не упомянуть о музеѣ, который въ послѣднее время устроенъ въ Дубровникѣ по иниціативѣ доктора Дробаца.

II.

Состояніе далматинской прессы въ сороковыхъ годахъ; направленіе прессы въ промежутокъ времени отъ 1850 по 1860 годъ. Состояніе прессы со времени обнародованія «октябрьскаго диплома» по настоящее время.

Подъ вліяніемъ «теоріи иллиризма», которая, какъ мы выше замѣтили, содѣйствовала возрожденію хорватско-далматинской литературы, далматинскіе просвѣщенные дѣятели порѣшили вступить на поприще публицистики. Уже въ сороковыхъ годахъ появилось въ Далмаціи много газетъ, изъ которыхъ двѣ стали выходить въ Задрѣ,

а именно: «Gazetta di Zara» съ прибавленіями: «Magazzino Serviano» и «Zora Dalmatinska» и газета «La Dalmatia». «Gazetta di Zara» съ прибавленіями выходила въ 1844 году, подъ редакціей Антона Кузманича, затѣмъ съ января 1845 года до октября 1846 года, редакторомъ ея былъ Иванъ Казначичъ, который вторично передалъ редакцію Кузманичу, а этотъ редактировалъ до января 1848 года. Означенныя газеты явились поборниками народныхъ стремленій страны.

Въ небольшой промежутокъ времени отъ 1848 по 1850 годъ, подъ вліяніемъ политическихъ событій, австрійское правительство не преминуло обратить вниманіе на то, чтобы съузить сферу дѣятельности мѣстной прессы. Вскорѣ затѣмъ была обнародована правительственная система «централизма», которая произвела на нее еще болѣе погубное вліяніе. Мѣстная пресса могла разсматривать лишь поверхностно даже и тѣ вопросы, которые непосредственно касались нуждъ и потребностей народа. Если редакторъ пожелалъ бы помѣстить въ своей газетѣ статью, обсуждавшую вопросъ не политическаго содержанія, статью замѣчательную и по обстоятельному обсужденію вопроса и по умѣренному направленію, то могъ сдѣлать это неиначе, какъ включивъ въ нее сочувственный отзывъ о правительственной системѣ; въ противномъ случаѣ онъ рисковалъ навлечь на себя кару со стороны мѣстныхъ властей. Мѣстная пресса могла свободно отдаваться только личной полемикѣ и эта полемика дѣйствительно появилась очень рано и притомъ въ самой грубой формѣ, такъ что читая иногда въ мѣстной газетѣ статью полемическаго характера, нельзя было не удивляться тому, какъ авторъ ея рѣшился на столько унизить свое достоинство въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Такое направленіе мѣстной прессы нагляднымъ образомъ доказывало, что народъ переживалъ въ то время ту грустную эпоху, когда индивидуальные интересы заглушили въ немъ всякое стремленіе принесть посильную помощь родинѣ. При такой внѣшней обстановкѣ пресса въ Далмаціи замѣтно падала. Мѣстныя газеты: «Gazetta di Zara» съ прибавленіями, «La Dalmatia» и многія другія перестали выходить. Тогда Кузманичъ сталъ издавать въ Задрѣ газету «Glasnik Dalmatinski», которою и редактировалъ съ 1849 года по 1855 годъ: она выходила два раза въ недѣлю. Но,

въ силу обстоятельствъ, онъ былъ вынужденъ отказаться отъ редактированія ея, и она перешла въ руки австрійскаго правительства; редакторомъ ея былъ сдѣланъ Казали, остававшійся въ этой должности до 1859 года.

Вслѣдствіе долгаго и тяжкаго внѣшняго гнёта, народъ обыкновенно начинаетъ утрачивать свою энергію и, повидимому, даже свыкаться съ своимъ состояніемъ; но это ненормальное положеніе дѣлъ въ странѣ продолжается обыкновенно въ теченіе относительно недолгаго времени. Наконецъ въ жизни народа происходитъ нравственный переворотъ. На подобный фактъ мы наталкиваемся и въ Далмаціи. Съ теченіемъ времени мало по малу тамъ образуется небольшой кружокъ изъ представителей мѣстной интеллигенціи: кружокъ этотъ, взявъ своею задачей—подготовить почву для народной дѣятельности, постараться улучшить экономическія и интеллектуальныя условія страны, является какъ бы протестомъ противъ централистическихъ тенденцій австрійскаго правительства. На сколько было ему трудно выполнить эту гуманную задачу, можно судить по той внѣшней, неблагопріятной обстановкѣ, при которой приходилось работать этой горсти просвѣщенныхъ дѣятелей. Впрочемъ, кружокъ далматинскихъ просвѣщенныхъ патріотовъ начинаетъ съ большею энергіею дѣйствовать лишь по обнародованіи диплома отъ 20-го октября 1860 года. Въ это время, по подпискѣ, была собрана денежная сумма, съ цѣлью имѣть свой политическій органъ. Такимъ органомъ и явилась газета «Il Nazionale», которая стала выходить въ Задрѣ въ 1863 году, два раза въ недѣлю съ прибавленіемъ «Narodni List» (одинъ разъ въ недѣлю): ея редакторомъ былъ Нодило. Строго держась своей программы, эта газета явилась горячимъ поборникомъ народныхъ интересовъ Далмаціи. Не было вопроса политическаго, экономическаго, который бы не былъ ею разсмотрѣнъ обстоятельно, съ полнымъ пониманіемъ дѣла. Начиная съ 1870 года стала выходить въ Задрѣ два раза въ недѣлю газета «Narodni List», тогда какъ «Il Nazionale» служитъ ея прибавленіемъ и выходитъ одинъ разъ въ недѣлю.

Въ настоящее время въ Далмаціи издаются слѣдующія газеты:

а) Политическихъ четыре: 1) «Narodni List» («Il Nazionale»),

выходитъ въ Задрѣ два раза въ недѣлю на славянскомъ и итальянскомъ языкахъ и служитъ органомъ народной партіи; 2) «Glasnik Dalmatinski», ежедневная полуофиціальная газета, издается въ Задрѣ; 3) «Osservatore Dalmato», ежедневная офиціальная газета, выходящая въ Задрѣ; 4) «Il Dalmato», два раза въ недѣлю въ Задрѣ, политическій органъ итальянской партіи; 5) «Zemljak», ежедневная газета.

б) Юридическія: 1) «Pravo», еженедѣльная газета; 2) «Pravo Pravničko», ежемѣсячный журналъ. Кромѣ того издаются, двѣ газеты: 1) «Gospodarski List Dalmatinski», еженедѣльная сельскохозяйственная газета; 2) «La Dalmazia catolica», еженедѣльная газета, органъ мѣстнаго римско-католическаго духовенства.

Въ настоящее время печать въ Далмаціи не держится уже односторонняго направленія, обсуждаетъ не одни только мѣстные вопросы: сфера ея дѣятельности обнимаетъ весь славянскій міръ. Нельзя не пожелать лишь того, чтобы представители публицистики въ Далмаціи продолжали и впредь слѣдовать этому избранному ими пути.

В. Состояніе учебныхъ заведеній въ Далмаціи.

Краткій очеркъ учебнаго дѣла въ Далмаціи со времени владычества тамъ Венеціи и по настоящее время. Статистическія данныя о низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Далмаціи.

Историческая жизнь Далмаціи сложилась подъ вліяніемъ разнородныхъ государственныхъ началъ, которыя не могли не произвести своего рода дѣйствія и на учебное дѣло въ странѣ. Венеціанское правительство, которое во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководилось аристократическимъ началомъ, заявляло себя, понятно, горячимъ сторонникомъ того же принципа и въ дѣлѣ образованія далматинскаго населенія. Такъ, мы видимъ, что, покоривъ Далмацію, венеціанское правительство не преминуло устроить въ ней двоякаго рода среднія учебныя заведенія: въ однѣхъ воспитыва-

лись дѣти дворянъ, въ другихъ—дѣти далматинскихъ гражданъ не дворянскаго происхожденія. Такъ какъ въ то время образцовымъ воспитателемъ почитался лишь тотъ, кто получалъ образованіе въ какомъ либо іезуитскомъ учрежденіи, то означенныя учебныя заведенія находились подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ или іезуитовъ или ихъ адептовъ, а языкомъ преподаванія въ нихъ былъ языкъ итальянскій, т. е. языкъ меньшинства населенія. Весьма естественно, что дворянскіе институты пользовались особыми льготами. Между прочимъ молодые воспитанники-дворяне, по окончаніи полнаго курса наукъ въ институтѣ, были отправляемы на счетъ венеціанскаго правительства, въ падуанскій университетъ, гдѣ и получали высшее образованіе. Венеціанское правительство назначало именно ихъ на административные посты въ Далмаціи. Неудивительно, что дѣти далматинскихъ дворянъ, проживши нѣсколько лѣтъ въ Италіи, являлись у себя на родинѣ ярыми поборниками итальянской культуры, а равно и политическихъ тенденцій венеціанскаго правительства. Правда существовали въ Далмаціи и народныя училища, но на нихъ не обращалось никакого вниманія со стороны правительства, вслѣдствіе чего онѣ находились въ крайне дурномъ состояніи.

Французское правительство, овладѣвъ Далмаціею, обратило серьезное вниманіе на то, чтобы сдѣлать образованіе достояніемъ всего населенія страны. Въ городѣ Задрѣ были устроены—академія юридическихъ наукъ и гимназія. Равнымъ образомъ была открыта гимназія и въ городѣ Сплѣтѣ. Во всѣхъ этихъ учебныхъ заведеніяхъ языкомъ преподаванія сталъ языкъ хорватскій. Здѣсь-то получили образованіе многіе изъ далматинцевъ, которые въ послѣднее время составили себѣ большую извѣстность на поприщѣ народной дѣятельности.

Австрійское правительство, подчинивъ своей власти Далмацію, стало усердно трудиться на пользу развитія въ странѣ итальянской культуры. Такъ, мы видимъ, что оно сочло необходимымъ закрыть задрскую юридическую академію и гимназіи въ Задрѣ и Сплѣтѣ и на мѣсто ихъ открыть лицей въ Задрѣ и два шестиклассныхъ философскихъ училища: одно—въ Задрѣ, другое въ Сплѣтѣ. Эти учебныя заведенія,

въ которыхъ языкомъ преподаванія сталъ языкъ итальянскій, были устроены по образцу тѣхъ, какія существовали при императрицѣ Маріи-Терезіи, а слѣдовательно, далеко не отвѣчали ни духу времени, ни потребностямъ страны. Притомъ, вслѣдствіе закрытія задрской юридической академіи, которая была единственнымъ юридическимъ училищемъ во всей Далмаціи, молодые далматы были вынуждены получать юридическое образованіе въ германскихъ или въ итальянскихъ университетахъ.

Въ 50-хъ годахъ графъ Тунъ явился съ своею учебною реформой, о которой мы выше говорили *). Между прочимъ, Задрскій лицей и философскія училища въ Задрѣ и въ Сплѣтѣ были преобразованы въ восьмиклассныя классическія гимназіи.

Начиная съ 60-хъ годовъ, иначе сказать—со времени изданія октябрьскаго диплома, народное образованіе въ Далмаціи стало замѣтно подвигаться впередъ. Между прочимъ, языкомъ преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ сталъ языкъ хорватскій. Въ учебно-административномъ отношеніи, Далмація была раздѣлена на 12 учебныхъ округовъ и въ каждомъ изъ нихъ былъ устроенъ школьный совѣтъ, а въ 1869 году было устроено въ Задрѣ главное учебное управленіе, которому были подчинены всѣ школьные совѣты. Это учебное управленіе состоитъ изъ 5-ти членовъ, назначаемыхъ по выбору правительства, а обязанности президента его обыкновенно возлагаются на генералъ-губернатора Далмаціи. Задрское учебное управленіе, въ свою очередь, зависитъ отъ министерства народнаго просвѣщенія въ Вѣнѣ.

Вотъ нѣкоторыя статистическія данныя объ учебныхъ заведеніяхъ въ описываемой нами мѣстности.

а) Низшія учебныя заведенія. Въ настоящее время въ Далмаціи до 234 низшихъ учебныхъ заведеній, именно: 220 приходскихъ училищъ (193—для мальчиковъ, 24—для дѣвочекъ и два училища для дѣтей обоего пола), 14 уѣздныхъ училищъ (5 для мальчиковъ и 9 для дѣвочекъ) и 34 воскресныхъ школъ. Впрочемъ,

*) См. О состояніи учебныхъ заведеній въ Хорватіи и Славоніи.

съ каждымъ годомъ число народныхъ училищъ замѣтно возрастаетъ. Въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ обучается до 22,770 мальчиковъ и 27,267 дѣвочекъ. Еслибы учебныя власти настойчивѣе требовали отъ родителей, чтобы ихъ дѣти посѣщали школу, то, по всей вѣроятности, число учащихся значительно бы возросло.

Говоря о народныхъ училищахъ, мы не можемъ не упомянуть объ образцовой школѣ, находящейся въ Задрѣ: въ ней въ настоящее время 170 воспитанниковъ и 6 преподавателей. По окончаніи курса въ этой школѣ, воспитанники обыкновенно поступаютъ въ учительскую семинарію, которая устроена въ Задрѣ въ 1871 году. Въ ней три класса, воспитанниковъ около 40; значительная часть ихъ содержится на счетъ правительства. Въ семинаріи преподаютъ: законъ Божій, сельское хозяйство, естественныя науки, также обучаютъ гимнастикѣ и пѣнію. Языками преподаванія служатъ языки хорватскій и итальянскій.

б) Среднія учебныя заведенія. Въ Далмаціи четыре восьмиклассныхъ классическихъ гимназіи, именно въ Задрѣ, Сплѣтѣ, Дубровникѣ (дубровницкая гимназія была основана въ XVI ст. іезуитами и по сіе время еще находится подъ ихъ непосредственнымъ завѣдываніемъ) и Сини (учебно-административная часть синьской гимназіи находится въ рукахъ францисканцевъ) и двѣ шестиклассныя гимназіи—въ Шебеникѣ и Которѣ: во всѣхъ этихъ гимназіяхъ до 1,200 учащихся. Кромѣ того въ Далмаціи есть еще нѣсколько реальныхъ училищъ: одно шестиклассное въ Сплѣтѣ и три четырехклассныхъ—въ Задрѣ, Дубровникѣ и Которѣ: число воспитанниковъ въ реальныхъ училищахъ доходитъ до 300. Мы считаемъ лишнимъ говорить объ учебно-административномъ устройствѣ далматинскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, а равно и объ учебныхъ въ нихъ программахъ, такъ какъ они въ этомъ отношеніи не отличаются отъ хорватскихъ, о которыхъ мы уже выше говорили. Замѣчательно то, что на содержаніе преподавателей далматинскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, австрійское правительство ежегодно ассигнуетъ извѣстный процентъ съ капитала, который имъ полученъ отъ продажи конфискованныхъ имѣній, нѣкогда принадлежавшихъ православнымъ монастырямъ въ Буковинѣ.

РЕЛИГІОЗНОЕ СОСТОЯНІЕ ДАЛМАЦІИ.

А. Православіе въ Далмаціи.

Православное населеніе Далмаціи, въ различныя эпохи своей исторической жизни, часто находилось подъ скипетромъ католическихъ правительствъ, которыя, разумѣется не вполнѣ благосклонно относились къ своимъ православнымъ подданнымъ и всѣми силами стѣсняли православіе. Впрочемъ, народъ, даже и невѣжественный, трудно отстаетъ отъ своихъ воззрѣній, разъ усвоенныхъ: религія, завѣщанная стариной, хотя бы была для него и вполнѣ непонятна, хотя сущность ея является ему такою-же terra incognita, какъ и сущность всякой другой религіи, но онъ привыкъ къ извѣстнымъ обрядамъ, къ языку, на которомъ происходитъ богослуженіе; привыкъ, наконецъ, относиться не вполнѣ дружелюбно къ лицамъ другихъ вѣроисповѣданій. Поэтому, будучи и на самой низшей степени умственнаго развитія, народъ даетъ отпоръ всѣмъ агитаціямъ, направленнымъ противъ его вѣры.

Съ такимъ фактомъ мы встрѣчаемся и въ исторіи Далмаціи. Мѣстное населеніе православнаго вѣроисповѣданія долго боролось съ католическими миссіонерами, чиновниками и т. п. Противники были многочисленны, были вооружены большимъ запасомъ знаній, кромѣ того были правителями страны. Въ періодъ владычества Венеціи въ Далмаціи, православіе въ странѣ находилось при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: католическія агитаціи, полнѣйшая анархія, безначаліе среди православнаго духо-

*

венства, отсутствіе образованія, а главное—спеціальной подготовки къ своему званію въ священникахъ, полное невѣжество среди самого православнаго населенія, вотъ отличительныя черты состоянія православія въ Далмаціи въ описываемый нами періодъ времени.

По кампоформійскому трактату 1797 года, Австрія пріобрѣла венеціанскую Далмацію. Австрійское правительство, по примѣру венеціанскаго, избрало церковь орудіемъ своей политики; естественно, что религіозныя страсти были сильно возбуждены въ это время въ мѣстномъ населеніи. Понятно, что при этомъ религіозный гнётъ падалъ всею тяжестью на православное населеніе. Имѣя въ виду ослабить православіе, какъ нѣчто опасное для своего господства въ Далмаціи, австрійское правительство обратило серьезное вниманіе на введеніе тамъ уніи. Къ счастію, Австрія скоро утратила Далмацію, чрезъ что пріостановилась и пропаганда тамъ въ пользу уніи.

По рѣшенію вѣнскаго конгресса 1814 года, Австрія вторично пріобрѣла Далмацію. Православная сербская церковь въ Далмаціи ничего отъ этого не выиграла. Сербское населеніе въ Далмаціи въ настоящее время крайне бѣдно; образованіе дало въ немъ очень слабые ростки; отъ своихъ соотечественниковъ-единовѣрцевъ оно политически оторвано. Предоставляемъ послѣ этого читателю судить, можетъ ли православная церковь въ Далмаціи своими средствами достигнуть удовлетворительнаго положенія.

Очеркъ исторіи сербской православной церкви въ Далмаціи.

I.

Первыя времена христіанства въ Далмаціи. Водвореніе тамъ сербовъ. Сплѣтская епархія. Дѣятельность греческихъ миссіонеровъ въ Далмаціи въ исходѣ IX ст. Славянскіе проповѣдники. Папа Іоаннъ VIII. Великій жупанъ Мунтимиръ. Нинскій епископъ Григорій. Сплѣтскій соборъ 925 года.

Еще во времена апостоловъ, сѣмя христіанскаго ученія было брошено на далматинскую почву. Домній, ученикъ апостола Петра,

какъ свидѣтельствуетъ исторія, учредилъ первую епископскую каѳедру въ городѣ Солинѣ (Salona) и отсюда христіанскіе проповѣдники старались проникать во внутренность страны. Такимъ образомъ, церковь, насажденная въ Далмаціи, относится къ наидревнѣйшимъ.

Хотя христіанское ученіе въ первые три столѣтія и значительно расширилось вдоль восточныхъ береговъ Адріатическаго моря, но не могло пустить въ странѣ глубокихъ корней, вслѣдствіе продолжительныхъ гоненій, какимъ подвергались христіане. Начиная же съ V ст., мѣстные жители, находясь подъ постояннымъ дѣйствіемъ меча, понятно, стали забывать объ ученіи мира и любви. Начиная съ V ст., Далмація и сосѣднія ей земли, расположенныя на берегахъ Адріатическаго моря, были опустошаемы постоянными вторженіями полчищъ варваровъ: города захватывались и сжигались, жители брались въ плѣнъ или покрывали своими трупами далматинскія поля, а тѣ, которымъ удавалось остаться въ живыхъ были разъединены, лишены тѣхъ центровъ, гдѣ сосредоточивалась ихъ умственная и религіозная жизнь. Въ 408 году готы опустошаютъ Далмацію, въ 444 году въ ея предѣлы вторгаются полчища гунновъ. Въ 630 году авары, подъ предводительствомъ грознаго своего хана Боина, вторгаются въ Далмацію, стремительно нападаютъ на городъ Солинъ и, разрушивъ его до основанія, съ огнемъ и мечемъ проходятъ по всей Далмаціи: мѣстные жители въ страхѣ бѣгутъ, ища себѣ спасенія на прибрежныхъ островахъ. Нашествіе аваровъ губительно повліяло во всѣхъ отношеніяхъ на состояніе въ странѣ христіанства.

Въ исходѣ VII ст. сербы водворяются въ Далмаціи, занявъ юго-восточную окраину страны. Въ сѣверной части Далмаціи сербскій элементъ былъ крайне незначителенъ; онъ не былъ такъ сгруппированъ и вообще не пользовался никакимъ значеніемъ въ странѣ. Впрочемъ, между сербами и ихъ сосѣдями—хорватами существовало полное единодушіе: какъ тѣ, такъ и другіе принимали христіанство то отъ римскихъ, то отъ византійскихъ миссіонеровъ, а слѣдовательно, и вопросъ религіозный утрачивалъ всякое значеніе, во взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ славянскихъ народностей. Мы можемъ даже сказать, что сами хорваты не чувствовали большой

потребности вступать въ близкія сношенія съ Римомъ. А если они и обращались къ папѣ съ просьбой о присылкѣ къ нимъ миссіонеровъ, то, въ этомъ случаѣ, руководились не столько религіозными, сколько совершенно иного рода побужденіями. Такъ мы видимъ, что великій жупанъ далматинской Хорватіи Порина или Поринъ въ 830 году подымаетъ оружіе противъ франковъ и въ то же время проситъ папу Григорія IV о присылкѣ въ Далмацію христіанскихъ миссіонеровъ для проповѣдыванія въ странѣ слова Божія, въ надеждѣ черезъ то самое побудить папу оказать ему вооруженное содѣйствіе. Едва только хорватамъ удалось свергнуть съ себя иго франковъ, какъ они прекратили всякія сношенія съ Римомъ.

Хотя въ средѣ славянскаго населенія Далмаціи и не существовало религіознаго разлада, однако между высшими духовными властями—епископами не рѣдко возникали недоразумѣнія вслѣдствіе неопредѣленности взаимныхъ отношеній. Великій жупанъ далматинской Хорватіи Терпиміръ, желая положить конецъ подобнаго рода недоразумѣніямъ, издалъ въ 857 году указъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: «metropolis Spalatiensis usque ripam Danubii et pene totum regnum Croatiæ.» Такимъ образомъ въ районъ духовной юрисдикціи сплѣтскаго митрополита вошло все пространство отъ Тарсія (Fiumara) до Дубровника. Мы не считаемъ лишнимъ при этомъ замѣтить, что сплѣтская епархія была устроена во второй половинѣ VII ст. Дѣло устройства сплѣтской епархіи на мѣсто солинской, разоренной аварами, принадлежитъ Іоанну, священнику экзархата Равенскаго *), который былъ отправленъ папою Виталіаномъ въ Далмацію для проповѣдыванія тамъ евангельскаго ученія. По устройствѣ сплѣтской епархіи папа поставилъ Іоанна сплѣтскимъ архіепископомъ и сей послѣдній не преминулъ признать надъ собою власть экзарха Равенскаго.

Мы выше замѣтили, что далматинскіе славяне принимали христіанство и отъ римскихъ миссіонеровъ. Но, въ описываемый нами

*) Равенскій экзархатъ пролегалъ по сѣверо-западному берегу Италіи отъ г. Анконы до Венеціи. Въ настоящее время въ г. Равеннѣ находится одна римско-католическая церковь, въ которой алтарь построенъ на востокъ; а мозаичныя изображенія двери лично свидѣтельствуютъ, что церковь была нѣкогда православной.

періодъ времени это обстоятельство не имѣло никакого значенія, такъ какъ въ то время существовала тѣсная связь между западною и восточною церковью: догматы христіанскаго ученія, преподаваемые далматинскимъ славянамъ римскими миссіонерами, ничуть не различались отъ догматовъ восточной православной церкви. Даже раздѣленіе церкви на восточную и западную не произвело, въ это отдаленное время, большаго вліянія на религіозныя убѣжденія славянскаго населенія Далмаціи: далматинскіе славяне, по прежнему признавали надъ собою духовную власть, то константинопольскаго патріарха, то римскаго папы, смотря потому, откуда пріѣзжали христіанскіе миссіонеры, отъ которыхъ принимали они святое крещеніе. Такъ напримѣръ въ 867 году т. е. по отдѣленіи уже западной церкви отъ восточной, славянскіе правители—великій жупанъ далматинской Хорватіи Домагой и сербскій князь Мунтиміръ обратились къ византійскому императору Василію I Македонянину съ просьбой оказать имъ вооруженное содѣйствіе къ отраженію сарацынъ (арабовъ), опустошавшихъ, въ то время, далматинское побережье. Императоръ Василій, оказавъ имъ это содѣйствіе, помогъ имъ прекратить внутренніе раздоры, возникшіе въ странѣ; по смерти Домагоя, онъ поставилъ въ 878 году Седеслава великимъ жупаномъ далматинской Хорватіи. Далматинскіе славяне, которые при слабыхъ предшественникахъ Василія отложились отъ Византіи и пріобрѣли, можно сказать, полную независимость, теперь снова признали надъ собою власть византійскихъ императоровъ, Желая возстановить болѣе прочную связь съ Византіей, далматинскіе славяне пожелали и въ церковномъ отношеніи вступить въ болѣе тѣсное общеніе съ нею. Такъ мы видимъ, что они въ 878 году отправляютъ въ Константинополь посольство, съ просьбой къ императору о присылкѣ къ нимъ православныхъ миссіонеровъ. Изъ Константинополя было отправлено въ далматинскую Хорватію нѣсколько греческихъ священниковъ и два епископа для епархій сплѣтской и нинской *).

*) Нинскій епископъ называется, въ историческихъ актахъ, также и скардонскимъ, такъ какъ онъ пребывалъ поочередно то въ Нинѣ, то въ Скардонѣ.

Греческіе священники, прибывши въ Далмацію, ревностно взялись за дѣло распространенія въ странѣ христіанскаго ученія. Имъ предстояло обширное поле дѣятельности: было много славянъ, которые оставались еще въ язычествѣ, а также было много отступившихъ отъ христіанства подъ вліяніемъ внѣшнихъ, политическихъ событій. Несмотря на энергію, съ какою греческіе проповѣдники стали проповѣдывать слово Божіе въ странѣ, ихъ проповѣдь не принесла тамъ желанныхъ результатовъ. Впрочемъ, они были въ томъ сами виноваты: они злоупотребили тѣмъ значеніемъ, какимъ пользовался императоръ Василій I среди славянскаго населенія Далмаціи, стали относиться къ далматинскимъ славянамъ, какъ къ варварамъ, и не сочли нужнымъ выучиться славянскому языку для проповѣдыванія слова Божія на родномъ славянскому населенію языкѣ страны. Они проповѣдывали на языкѣ греческомъ, непонятномъ мѣстному славянскому населенію страны: греческіе миссіонеры слѣдовали здѣсь въ дѣлѣ проповѣди тому же пути, какого держались и римскіе миссіонеры. Понятно, что православіе не могло прочно утвердиться въ Далмаціи.

Во второй половинѣ IX ст., проповѣдниками слова Божія на славянскомъ языкѣ являются Кириллъ и Меѳодій. Можно предполагать, что и въ Далмаціи христіанское ученіе стало успѣшно прививаться, лишь благодаря славянскимъ проповѣдникамъ. Мы не считаемъ лишнимъ при этомъ замѣтить, что мѣстное населеніе Далмаціи состояло изъ двухъ элементовъ: населеніе сельское, которое принадлежало къ славянской расѣ, и населеніе городское, обитавшее въ приморскихъ городахъ, происходившее отъ гордыхъ римлянъ, и говорившее на языкѣ латинскомъ или итальянскомъ. Этотъ двойственный характеръ населенія отразился даже въ названіяхъ самихъ мѣстностей. До раздѣленія церквей этотъ дуализмъ не порождалъ борьбы: славянскія народности, стоявшія въ умственномъ развитіи на болѣе низкой степени, чѣмъ латиняне, вполнѣ подчинялись этимъ послѣднимъ и смотрѣли на нихъ, какъ на хранителей христіанской религіи. Представителемъ римской культуры въ Далмаціи являлась такъ называемая далматинская община, гдѣ главнымъ городомъ былъ Сплѣтъ. Со времени устройства сплѣтской епархіи, о чемъ мы выше

говорили, въ г. Сплѣтѣ обыкновенно пребывалъ архіепископъ и митрополитъ далматинскій: каждый изъ нихъ отличался римскою образованностью и особенною преданностью римскимъ папамъ. Въ исходѣ IX ст., какъ мы выше замѣтили, управленіе дѣлами сплѣтской епархіи было поручено греческому епископу, присланному изъ Константинополя. Можетъ статься, благодаря его дѣятельности, жители далматинской общины приняли православіе и вступили въ близкія сношенія съ патріархами константинопольскимъ Фотіемъ и аквилейскимъ Вальпертомъ. Сей послѣдній рукоположилъ въ санъ архіепископа сплѣтскаго Марина. Сербская же церковь въ Далмаціи отошла въ завѣдываніе Барскаго (Антиварскаго) архіепископа.

Введеніе славянскаго языка въ церковное богослуженіе, въ особенности принятіе православія жителями далматинской общины, произвели, понятно, сильный переполохъ въ Римѣ. Папа Іоаннъ VIII вознамѣрился съ одной стороны вывести славянскій языкъ изъ церковнаго богослуженія въ Далмаціи, съ другой—побудить далматинскую общину вернуться въ лоно римско-католической церкви. Если усилія папы относительно замѣны славянскаго языка латинскимъ наталкивались на большія затрудненія, которыхъ нельзя было сразу преодолѣть, то нельзя было того сказать по отношенію къ обращенію далматинской общины въ лоно римско-католической церкви. Жители далматинской общины и по языку и по преданіямъ, были тѣснѣе связаны съ итальянскимъ элементомъ, чѣмъ со славянскимъ. Поэтому и переходъ ихъ въ лоно римско-католической церкви не представлялъ особыхъ затрудненій. Впрочемъ, было много и другихъ обстоятельствъ, которыя содѣйствовали водворенію римско-католическаго ученія среди хорватовъ. На территоріи далматинской Хорватіи оставалось еще римско-католическое духовенство, которое, понятно, не дружелюбно относилось къ православію и теперь стало подстрекать народъ измѣнить великому жупану и «навязанной имъ вѣрѣ» и явиться вѣрными сынами римско-католической церкви. Благодаря козням римско-католическаго духовенства, былъ составленъ заговоръ на жизнь великаго жупана Седеслава. Въ 879 году великій жупанъ далматинской Хорватіи Седеславъ былъ убитъ Браниміромъ. Желая закрѣпить за собою ве-

лико-жупанское достоинство, Враниміръ, черезъ посредство нинскаго епископа Ѳеодосія, просилъ папу Іоанна VIII принять какъ его, такъ и весь хорватскій народъ въ лоно римско-католической церкви. Весьма естественно, что папа Іоаннъ VIII весьма сочувственно отнесся къ просьбѣ Враниміра. Въ письмѣ, адресованномъ на имя Враниміра, онъ выразилъ ему свою радость по случаю вступленія его въ лоно римско-католической церкви, просилъ его быть послушнымъ сыномъ церкви и прислать въ Римъ довѣренныхъ лицъ, для окончательнаго присоединенія хорватскаго народа къ римско-католической церкви. Касательно этого времени, сохранились четыре папскихъ буллы: двѣ—отъ 7-го іюня 879 года; первая—о принятіи въ лоно римской церкви Враниміра, вторая—о томъ же по отношенію къ духовенству и народу; третья—отъ 10-го іюня того же года, въ которой предлагалось сплѣтскому духовенству признать надъ собою главенство папы, и четвертая—отъ 880 года, по силѣ которой было дозволено хорватамъ совершать богослуженіе на славянскомъ языкѣ.

Раждается вопросъ: просьба великаго жупана Враниміра служила ли выраженіемъ желанія всего хорватскаго народа или же она вытекала единственно изъ личныхъ побужденій Враниміра и епископа нинскаго Ѳеодосія? По всей вѣроятности, хорваты были далеки отъ мысли вступить въ лоно римско-католической церкви. Мы видимъ, что и послѣ признанія надъ собою духовной власти римскихъ папъ, хорваты сохранили у себя всѣ обряды восточной церкви и, по прежнему, отправляли богослуженіе на славянскомъ языкѣ, а именно по славянскимъ книгамъ, писаннымъ глаголицей. Впрочемъ это духовное подчиненіе далматинскихъ хорватовъ Риму продолжалось не долго. Великій жупанъ далматинской Хорватіи Мунтиміръ или Мутиміръ—преемникъ Враниміра, и нинскій епископъ Григорій, преемникъ Ѳеодосія, являются горячими поборниками православія.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ этихъ двухъ личностяхъ, которыя заявили себя особенною ревностью къ православію. Мунтиміръ или Мутиміръ, получивъ велико-жупанское достоинство, сталъ стремиться къ полнѣйшей самостоятельности страны въ религіоз-

номъ отношеніи; онъ не хотѣлъ признавать духовной власти ни константинопольскаго патріарха, ни папы, и желалъ быть свободнымъ отъ всѣхъ вліяній князем въ своемъ независимомъ государствѣ. Не ища покровительства ни Византіи, ни Рима, онъ принялъ титулъ: «Dei gratia dux Croatorum»; этимъ титуломъ онъ хотѣлъ указать на самостоятельность и независимость хорватскаго государства въ политическомъ отношеніи. Нагляднымъ доказательствомъ самостоятельности образа его дѣйствій, служитъ положенное имъ рѣшеніе по возникшему въ то время спору между епископомъ нинскимъ и архіепископомъ сплѣтскимъ о томъ, кому должна принадлежать церковь св. Георгія (въ Путаліи). Великій жупанъ далматинской Хорватіи Терпиміръ, желая выразить особое благоволеніе къ сплѣтскому архіепископу, предоставилъ его власти въ 852 году означенную церковь, хотя она принадлежала къ епархіи нинскаго епископа. Мутиміръ самъ лично рѣшилъ, что означенная церковь должна впредь принадлежать тому, кому до тѣхъ поръ принадлежала.

Нинскій епископъ Григорій, родомъ хорватъ, явился поборникомъ православія и славянскаго богослуженія. При великомъ жупанѣ Томиславѣ—преемникѣ Мутиміра, римско-католическая пропаганда начала прилагать всѣ усилія къ проложенію римской культуры вдоль восточныхъ береговъ Адріатическаго моря и къ введенію латинскаго языка въ богослуженіе. Это и понятно. Церковное богослуженіе, совершаемое у славянъ на родномъ имъ языкѣ, служило естественною связью церкви съ народомъ, а потому и являлось всегда препятствіемъ къ подчиненію славянской церкви Риму. Поэтому-то папа строго предписалъ вновь поставленному сплѣтскимъ архіепископомъ Іоанну — вывести изъ употребленія въ сплѣтской епархіи славянскія богослужебныя книги и замѣнить ихъ латинскими. Такимъ образомъ, со времени назначенія Іоанна архіепископомъ сплѣтскимъ, православная сплѣтская архіепископія сдѣлалась римско-католической и богослуженіе стало тамъ совершаться на латинскомъ языкѣ. Большинство хорватовъ стало латинизироваться, латинскій языкъ сталъ языкомъ общимъ для всѣхъ образованныхъ людей, языкомъ общественнымъ, изъ-за котораго, какъ-будто изъ

глубины темницы слышалась народная рѣчь. Только простой необразованный народъ сохранилъ въ себѣ остатки своей народности. Весьма естественно, что нинскій епископъ Григорій, какъ горячій славянскій патріотъ и хорошій православный, былъ крайне взволнованъ столь быстрымъ успѣхомъ дѣйствій римско-католической пропаганды. Поэтому-то онъ рѣшился освободить хорватовъ изъ подъ духовной власти римско-католической церкви. Руководимый національными побужденіями, Григорій порѣшилъ провозгласить себя самостоятельнымъ епископомъ, вполнѣ независимымъ отъ духовной власти сплѣтскаго архіепископа. Онъ сталъ вводить въ своей епархіи славянскую литургію св. Кирилла и Меѳодія и тѣмъ привлекалъ къ себѣ народныя массы. Это обстоятельство послужило причиной жестокой распри между сплѣтскимъ архіепископомъ и нинскимъ епископомъ, изъ которыхъ первый боролся подъ защитою латинскаго знамени, а второй — славянскаго.

Распря, возникшая между нинскимъ епископомъ и сплѣтскимъ архіепископомъ, только усилила разладъ въ средѣ населенія Далмаціи. Славянское населеніе страны приняло сторону епископа нинскаго, а приморскіе епископы, равно какъ и итальянизованная часть населенія приморскихъ городовъ — сторону архіепископа сплѣтскаго. Эта распря не переставала все болѣе и болѣе разжигать народныя страсти, нарушая какъ церковное, такъ и государственное спокойствіе страны. Сплѣтскій архіепископъ Іоаннъ явился горячимъ поборникомъ богослуженія латинскаго. Напротивъ того, далматинскіе славяне, имѣя во главѣ епископа Григорія, не желали оставлять драгоцѣннаго наслѣдія св. Кирилла и Меѳодія, а потому геройски отстаивали у себя славянское богослуженіе. Разладъ этотъ былъ незамѣтно перенесенъ на почву чисто національную. Во всей своей силѣ онъ проявлялся при назначеніи епископовъ на вакантныя каѳедры: сторонники латинскаго богослуженія поддерживали кандидатуру на епископское достоинство того лица, которое являлось поборникомъ римской культуры, славяне держались личности, близкой имъ по происхожденію и по національнымъ стремленіямъ.

Поборники латинскаго богослуженія, во главѣ которыхъ стояли великій жупанъ далматинской Хорватіи Томиславъ и сплѣтскій архіепископъ Іоаннъ, рѣшились положить конецъ этой международной борьбѣ. Они обратились за посредничествомъ къ папѣ Іоанну X. Папа крайне обрадовался благопріятному случаю вмѣшаться въ церковныя дѣла хорватовъ. Изъ Рима были отправлены въ Сплѣтъ папскіе легаты — Іоаннъ и Левъ; въ 925 году въ Сплѣтѣ былъ созванъ церковный соборъ, на которомъ приняли участіе Томиславъ, два папскіе легата, мѣстные епископы, жупаны и магнаты. Большинство присутствовавшихъ враждебно относилось къ славянскому языку. Поэтому перевѣсъ на этомъ соборѣ былъ одержанъ сплѣтскимъ митрополитомъ и римскими легатами. На сплѣтскомъ соборѣ было постановлено слѣдующее: 1) Сплѣтской архіепископіи усвоено главенство надъ всѣми мѣстными церквами, въ томъ числѣ и надъ нинской (ut episcopus Croatorum sicut nos omnes, nostrae ecclesiae metropolitanae subesse se sciat); 2) сплѣтская архіепископія дѣлалась первенствующей и пріобрѣтала названіе митрополіи (primatis habeat et metropolis nomen); 3) священники и монахи, которые уже рукоположены и по незнанію латинскаго языка принуждены совершать богослуженіе на славянскомъ языкѣ, могутъ оставаться на своихъ мѣстахъ; на будущее же время епископамъ, подвѣдомственнымъ сплѣтской митрополіи, воспрещается рукополагать славянскихъ священниковъ (Ut nullus episcopus nostrae provinciae audeat in quolibet gradu slavinica lingua promovere; tamen in clericatu et monachatu (pro motus) Deo deservire (poterit). Nec in sua Ecclesia sinat eum missas facere; praeter si neccessitatem sacerdotum haberet, per supplicationem a Romano Pontifice licentiam ei sacerdotalis ministerii tribuat).

Цѣль этихъ постановленій состояла, очевидно, въ томъ, чтобы латинизировать славянское племя, тѣсно связать развитіе католичества съ расширеніемъ латинскаго языка и латинской науки. Мы полагаемъ, что если папа возставалъ противъ совершенія богослуженія по славянскимъ книгамъ, то единственно потому, что на этомъ языкѣ преподавалось ученіе противное римской церкви. Какъ

извѣстно, Римъ не признавалъ Меѳодія за священнаго писателя. Объ этомъ мы находимъ слѣдующее мѣсто въ письмѣ папы Іоанна X отъ 925 года, адресованномъ на имя сплѣтскаго архіепископа: «Fama revelante cognovimus per confinia rostrae parochiae aliam doctrinam pullulare, quae in sacris voluminibus non reperitur. Sed absit hoc a fidelibus, qui Christum colunt, ut doctrinam Evangelii atque canonum volumina Apostolicaque etiam praecepta praetermittentes, ad Methodii doctrinam confugiant, quem in nullo volumine inter sacros auctores comperimus».

Сербы не приняли постановленій сплѣтскаго собора 925 года и начиная съ этого времени прекратили всякія сношенія съ Римомъ. Такимъ образомъ прямымъ послѣдствіемъ постановленій сплѣтскаго собора 925 года было отдѣленіе, въ церковномъ отношеніи, сербовъ отъ хорватовъ. Впрочемъ, православная сербская церковь находилась, въ то время, въ состояніи полнаго упадка. Сами православные епископы, руководимые честолюбивыми цѣлями, равнодушно относились къ сохраненію въ неприкосновенности ввѣренной ихъ попеченіямъ церкви. Римскіе миссіонеры, не находя опасныхъ для себя соперниковъ въ представителяхъ православія въ Далмаціи, стали употреблять всевозможныя усилія къ распространенію римско-католическаго ученія среди хорватовъ. Итакъ, послѣ сплѣтскаго собора 925 года, православіе сохраняется лишь среди сербскаго и греческаго населенія Далмаціи.

II.

Состояніе православной сербской церкви въ Далмаціи послѣ паденія сербскаго царства. Состояніе греческой православной церкви въ приморской Далмаціи. Подчиненіе православной далматинской церкви духовной власти филадельфійскихъ архіепископовъ. Краткія свѣдѣнія о дѣятельности филадельфійскихъ архіепископовъ въ Далмаціи. Ослабленіе тамъ греческаго элемента и усиленіе сербскаго. Состояніе православія въ Далмаціи въ исходѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія.

Послѣ паденія сербскаго царства, боснійскіе и герцеговинскіе сербы, желая избѣжать турецкаго ига, начали массами искать себѣ

убѣжища на территоріи Далмаціи. Обыкновенно они оставляли свою родину въ сопровожденіи своихъ священниковъ, которые непереставали признавать надъ собою духовную власть своего народнаго патріарха, которому и платили по прежнему «харачъ» (подать). Такимъ образомъ, съ расширеніемъ сербскихъ поселеній на территоріи Далмаціи, далматинское сербское населеніе начало мало по малу уходить изъ подъ зависимости отъ константинопольскаго патріарха. Сербскіе ипекскіе патріархи, пріобрѣтя духовную власть, какъ въ которской окраинѣ, такъ и надъ всей Далмаціей, за изъятіемъ приморскихъ городовъ, не замедлили принять титулъ: «православни архіепископи Пекски и всѣмъ Серблемъ и Блъгаромъ, Поморію, Далматіи, Босни, Обоньполъ Дунаіа и цѣлаго Іллиріка патріарси» и обыкновенно рукополагали туда своего епископа, а венеціанское правительство также признавало его въ этомъ достоинствѣ и ассигновывало извѣстную сумму на его содержаніе. Епископы эти проживали, по большей части, или въ монастыряхъ или въ селахъ, лежащихъ во внутреннихъ частяхъ Далмаціи; такъ какъ греческое православное населеніе, жившее въ городахъ, не признавало славянскаго православнаго епископа своею высшею духовною властью, а поэтому и противилось тому, чтобы сербскій епископъ проживалъ въ какомъ-либо приморскомъ городѣ. Если же когда-либо сербскій епископъ и проживалъ въ городахъ, напримѣръ: Нови, Которѣ, то единственно по той причинѣ, что въ этихъ городахъ не было грековъ. Впрочемъ, начиная съ 1420 года, т. е. со времени пріобрѣтенія которской окраины Венеціей, и въ юго-восточной части Далмаціи сталъ усиливаться католическій элементъ. Такъ мы видимъ, что въ 1446 году, жители Котора ходатайствуютъ предъ венеціанскимъ правительствомъ объ оказаніи имъ содѣйствія къ обращенію мѣстныхъ православныхъ въ римско-католическую вѣру. Однако, венеціанское правительство, въ силу обстоятельствъ, было вынуждено выполнить просьбу православнаго сербскаго населенія Которскаго округа, дозволивъ черногорскимъ митрополитамъ отправлять въ означенной мѣстности свою духовную юрисдикцію.

Въ первыя времена существованія дубровницкой республики,

большинство ея населенія исповѣдывало православную вѣру, а по мѣрѣ расширенія ея территоріи и православный элементъ въ ней значительно увеличился. Достаточно замѣтить лишь то, что городъ Стонъ (Stagno) на полуостровѣ Пельешацѣ (Sabioncello) служилъ мѣстопребываніемъ сербскихъ епископовъ; на островѣ Млѣтѣ (Meleda) находился православный монастырь съ церковью во имя Пр. Богородицы, и этому монастырю принадлежало много селъ и церквей, именно села: Отокъ, Бабино-поле, Янина, Попова Лука и церкви—во имя св. Вита, св. Стефана, св. Георгія и св. Николая. По паденіи сербскаго царства въ XIV ст., герцеговинскіе и боснійскіе сербы весьма часто искали себѣ убѣжища на территоріи дубровницкой республики. Впрочемъ, усиленіе сербскаго элемента на территоріи дубровницкой республики ничуть не повліяло на состояніе тамъ православія. Мы должны замѣтить, что политико-административная власть въ дубровницкой республикѣ находилась въ то время въ рукахъ итальянизованной аристократіи, которая была поборникомъ римско-католическаго ученія въ странѣ.

Благодаря враждебному настроенію политико-административныхъ властей къ православнымъ сербамъ, православіе на территоріи дубровницкой республики стало клониться къ упадку. Православные сербы не могли имѣть тамъ ни своей церкви, ни своего священника, поэтому одни изъ нихъ бывали вынуждены переходить въ католицизмъ, другіе, желавшіе остаться вѣрными православію, удалялись либо въ Черногорію, либо въ Далмацію. Тѣ же изъ православныхъ, которые, не оставляя предѣловъ дубровницкой республики, тѣмъ не менѣе сохраняли вѣрность православію, должны были ходить, для слушанія божественной литургіи, въ близь лежащія православныя церкви въ Турціи. Иногда, впрочемъ, пріѣзжалъ изъ Требиньи въ Дубровникъ какой-либо православный іеромонахъ, который, исполнивши тайно какую-либо требу, спѣшилъ за тѣмъ выѣхать изъ Дубровника. Если богатый сербъ умиралъ во владѣніяхъ республики, то покойника везли въ Требинью, гдѣ его отпѣвали и хоронили; для погребенія же бѣдныхъ дубровницкое правительство отвело у себя на территоріи особое кладбище. При появленіи какой-либо заразительной болѣзни, когда

проводили карантинную линію между территоріями Турціи и Дубровницкой республики, требиньскій священникъ не могъ уже имѣть сообщенія съ православными жителями республики. Поэтому, если бы въ какомъ-либо православномъ семействѣ потребовалось въ это время совершить, напримѣръ, таинство крещенія надъ новорожденнымъ, то приносили младенца на карантинную линію и требиньскій іеромонахъ, держа его поперегъ этой линіи, по обряду тамошней православной церкви, трекратно обливалъ его водою и такимъ образомъ совершалъ надъ нимъ таинство крещенія, самъ оставаясь на территоріи Турціи. Вышеприведенные факты ясно свидѣтельствуютъ, что православіе на территоріи дубровницкой республики не могло утвердиться прочно.

Кромѣ сербовъ, охранителями православія въ Далмаціи являются греки. Это были, въ большинствѣ случаевъ, выходцы съ острововъ Архипелага: переселяясь въ приморскіе города сѣверной Далмаціи въ Задаръ, Трогиръ, Шебеникъ, Сплѣтъ и т. д. они привозили съ собою и греческихъ священниковъ. Эти греческіе переселенцы обыкновенно нанимались у венеціанъ на службу, для содержанія городскихъ гарнизоновъ, почему ихъ и называли «стратистами», а самые гарнизоны назывались: «la stratia di Zara» или «di Sebenico» и т. д. Главнымъ начальникомъ военнаго управленія былъ проведиторъ; въ духовномъ отношеніи эти «стратисты» были подчинены архіепископу острововъ Занте и Кефалоніи.

Греческая православная церковь въ приморскихъ городахъ Далмаціи находилась, можно сказать, въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ и сербская. Греческимъ переселенцамъ было строго воспрещено строить православныя церкви, но имъ было дозволено покупать римско-католическія церкви, или нанимать ихъ для совершенія богослуженія, по обрядамъ своего исповѣданія. Приспособляя къ своему богослуженію внутренность римско-католической церкви, они должны были обыкновенно оставлять для римско-католиковъ одинъ престолъ, на которомъ католическій священникъ могъ бы каждый праздникъ совершать литургію. Такъ, напримѣръ, въ церкви города Шебеника было два престола православный — Пресвятой Богородицы и римско-католическій — св. Іуліана, и хотя эта церковь

принадлежала грекамъ, тѣмъ не менѣе, такъ какъ въ ней былъ и римско-католическій престолъ, она носила католическое названіе «chiesa della Madonna di S. Giuliano». Нахожденіе католическаго престола въ православной церкви давало поводъ мѣстному римско-католическому архіерею вмѣшиваться во внутреннія дѣла греческой общины.

Весьма естественно, что греческое населеніе приморскихъ городовъ Далмаціи было крайне недовольно тѣми стѣсненіями, какія оно встрѣчало при отправленіи своего богослуженія. Въ свою очередь венеціанское правительство вполнѣ оцѣнивало ту важную услугу, какую ему оказываютъ греческіе стратисты въ дѣлѣ обороны его владѣній въ Далмаціи. Однако, венеціанское правительство не соглашалось, въ дѣлахъ церковныхъ, выказать уступчивость грекамъ. Далматинскіе греки, видя, что, по причинѣ отдаленности мѣстожительства архіепископа Занте и Кефалоніи отъ Далмаціи, онъ не можетъ быть хорошимъ ходатаемъ за нихъ въ дѣлахъ церковныхъ передъ венеціанскимъ правительствомъ, вступили въ переговоры съ проживавшими въ Венеціи греками объ устройствѣ въ этомъ городѣ архіепископіи. Хотя греческая колонія въ Венеціи и была довольно многочисленна, однако ей трудно было разсчитывать получить, въ этомъ отношеніи, согласіе со стороны венеціанскаго правительства.

Въ 1573 году, греческая колонія въ Венеціи выбрала себѣ въ приходскіе священники церкви Св. Георгія нѣкоего Гавріила Севера. Въ 1577 году Гавріилъ отправился въ Константинополь, гдѣ патріархъ Іеремія посвятилъ его въ санъ архіепископа филадельфійскаго. Послѣ рукоположенія, вновь посвященный архіепископъ отправился въ Венецію, гдѣ былъ принятъ съ большими почестями. Когда патріархъ Іеремія приглашалъ Гавріила Севера отправиться во ввѣренную ему епархію, то онъ, подъ предлогомъ крайней необходимости для блага восточной церкви, испросилъ у патріарха дозволеніе продлить въ Венеціи свое пребываніе. Между тѣмъ и венеціанское правительство, желая выразить свою особую милость греческому населенію за услуги, неоднократно имъ оказанныя въ войнѣ Венеціи съ турками, ходатайствовало у константинопольскаго пат-

ріарха о перенесеніи мѣстопребыванія филадельфійскаго архіепископа изъ города Филадельфіи въ Венецію, на что и получило согласіе изъ Константинополя. Такимъ образомъ, въ концѣ XVI ст. греческій архіепископъ Занте и Кефаленіи утратилъ надъ греческимъ населеніемъ Далмаціи духовную свою власть и она была передана филадельфійскому архіепископу, который былъ непосредственно подчиненъ константинопольскому патріарху, вслѣдствіе чего филадельфійскіе архіепископы бывали всегда рукоположены константинопольскими патріархами.

Архіепископъ Гавріилъ Северъ, водворившись въ Венеціи, принялъ титулъ «архіепископа филадельфійскаго, экзарха всей Лидіи, примаса далматинскаго, и духовнаго намѣстника константинопольскаго патріарха въ греческой церкви Св. Георгія». Венеціанская республика ассигновала на содержаніе означеннаго архіепископа 180 дукатовъ въ годъ или же доходы съ извѣстнаго числа монастырей съ прилегавшими къ нимъ приходами. Архіепископъ Гавріилъ Северъ пріобрѣлъ право засѣдать въ венеціанскомъ сенатѣ, именно—когда возникалъ какой-либо вопросъ о православной церкви. Благодаря его стараніямъ, 10-го мая 1582 г. состоялся декретъ, которымъ была объявлена свобода въ отправленіи греческаго богослуженія. Но свобода эта была особаго рода: въ самой церкви можно было свободно отправлять богослуженіе; но если бы нужно было совершить какое-нибудь богослуженіе внѣ церкви, какъ, напримѣръ, пріобщить больнаго и т. п., то требовалось уже на то дозволеніе мѣстнаго римско-католическаго епископа. Католическій священникъ сопровождалъ православнаго покойника до православной церкви, и уже здѣсь отпѣваніе совершалъ греческій священникъ. Половина доходовъ отъ свѣчей шла въ пользу православнаго священника, а другая въ пользу католическаго. Въ 1616 году скончался архіепископъ Гавріилъ Северъ.

Преемникомъ его былъ Ѳеофанъ Ксенахи. Несмотря на то, что онъ, въ теченіе 24-хъ лѣтъ, управлялъ православною церковью въ приморской Далмаціи, о его пастырской дѣятельности не сохранилось, однако, никакихъ свѣдѣній. По смерти Ѳеофана Ксенахи филадельфійскимъ архіепископомъ былъ поставленъ архіепископъ

Занта и Кефалоніи Никодимъ Метаксе. Мы должны замѣтить, что венеціянское правительство, постоянно противодѣйствуя правильному устройству православной епархіи въ Далмаціи, старалось подчинить православное сербское населеніе въ Далмаціи греческому архіепископу, пребывающему въ Венеціи и такимъ образомъ устранить сербскаго патріарха отъ управленія духовными дѣлами далматинскихъ сербовъ. Преемникъ Никодима Метаксы-Аѳанасій Валеріано, поставленный въ 1635 году архіепископомъ филадельфійскимъ, получилъ, по особому повелѣнію венеціанскаго сената, духовную власть надъ всѣми православными церквами въ Далмаціи и Истріи. Такое расширеніе духовной власти филадельфійскаго епископа можетъ быть объяснено лишь стремленіемъ венеціанскаго правительства — сосредоточить въ Венеціи всю духовную юрисдикцію надъ всѣми его православными подданными, жившими вдоль адріатическаго побережья. По смерти Аѳанасія Валеріано, каѳедру филадельфійскаго архіепископа, по очередно, занимали слѣдующія лица: Малетій Кортачіе (1657—1677 г.), Меѳодій Мероні (1677—1679 г.), Герасимъ Вякъ (1679—1685 г.) и Малетій Типальди (1685—1718 г.)—послѣдній въ XVII ст. филадельфійскій епископъ.

Въ XVII ст. греческій элементъ сталъ уменьшаться въ приморскихъ городахъ Далмаціи. Причинъ тому было много; укажемъ на нѣкоторыя: 1) принятіе греками католицизма, вслѣдствіе чего и произошло вліяніе ихъ съ окружавшимъ ихъ населеніемъ; 2) многія греческія семейства стали въ то время возвращаться къ себѣ на родину; 3) распредѣленіе грековъ, находящихся въ военной службѣ по разнымъ мѣстностямъ, входившимъ въ составъ владѣній венеціанской республики и т. д. По мѣрѣ ослабленія греческаго элемента на территоріи Далмаціи, сталъ въ то же время усиливаться тамъ славянскій элементъ. Такъ мы видимъ, что по миру кандійскому 1669 года и по миру карловицкому 1699 года, владѣнія венеціанской республики въ Далмаціи значительно расширились: внутреннія части страны, населенныя почти исключительно православнымъ сербскимъ элементомъ, были присоединены къ Венеціи. Послѣ переселенія патріарха Арсенія III Черноевича въ Венгрію, стали водвориться и въ Далмаціи сербскіе

выходцы изъ Босніи и Герцеговины. Этотъ сербскій элементъ сталъ мало по малу селиться и вдоль адріатическаго побережья.

Венеціанское правительство сильно опасалось, чтобы сербскій православный элементъ не сдѣлался господствующимъ вдоль адріатическаго побережья и вообще православіе мало внушало довѣрія къ себѣ правительству республики. Весьма естественно, что оно почло нужнымъ принять всевозможныя мѣры къ ослабленію православія среди сербскаго населенія Далмаціи. Такъ мы видимъ, что венеціанское правительство не отводило прибывавшимъ въ Далмацію изъ Турціи сербскимъ семействамъ отдѣльныхъ участковъ, но селило ихъ небольшими партіями между католиками: близкое сосѣдство православныхъ переселенцевъ съ католиками и явное покровительство католицизму производило пагубное вліяніе на православныхъ.

Сербскіе переселенцы, а равно и сербы, жившіе на территоріи, пріобрѣтенной Венеціей по миру кандійскому и карловицкому, продолжали признавать надъ собою духовную власть то ипекскаго патріарха, то митрополита герцеговинскаго или боснійскаго, то наконецъ черногорскаго владыки (какъ напримѣръ въ Которскомъ округѣ). Весьма естественно, что вмѣшательство во внутреннія дѣла Далмаціи сербскихъ духовныхъ іерарховъ, жившихъ внѣ территоріи венеціанской республики, сильно тормозило дѣятельность римско-католической пропаганды среди сербскаго населенія страны. Такъ мы видимъ, что ипекскіе патріархи стали посылать въ Которской округъ своихъ намѣстниковъ съ епископскимъ титуломъ, единственно потому, что католицизмъ въ XVII ст. сталъ дѣлать тамъ большіе успѣхи.

Не желая вооружить противъ себя сербское населеніе Далмаціи, чрезъ безусловное его подчиненіе духовной власти филадельфійскаго архіепископа, венеціанское правительство стало, въ то же время, подумывать о томъ, какъ бы ослабить въ странѣ значеніе духовныхъ іерарховъ, не подлежащихъ его власти. Такъ мы видимъ, что, съ согласія венеціанскаго правительства, филадельфійскій архіепископъ Мелетій Тиналъди рукоположилъ въ санъ епископа одного серба, уроженца города Шебеника, по имени Никодима Вусовича, и поставивъ его затѣмъ своимъ экзархомъ въ Дал-

мацiи, — назначилъ ему мѣстожительствомъ г. Шебеникъ. Впрочемъ, по просьбѣ греческой колонiи г. Шебеника, не желавшей имѣть въ своей средѣ епископа — серба, Вусовичъ, по приказанiю архiепископа Мелетiя Типальди, перенесъ свое мѣстопребыванiе изъ Шебеника въ монастырь Драговичъ и въ теченiе 13 лѣтъ, а именно съ 1693 по 1707 годъ завѣдывалъ духовнымъ управленiемъ сербскаго населенiя внутреннихъ частей Далмацiи. Притомъ въ сѣверной Далмацiи, а именно въ книнскомъ уѣздѣ, былъ еще другой сербскiй православный епископъ по имени Василiй, который, въ 1692 году, съ разрѣшенiя венецiанскаго правительства, водворился въ означенной мѣстности. Венецiанское правительство разрѣшило и сербамъ Которскаго округа имѣть своего епископа: такъ, въ 1695 году былъ тамъ епископомъ Ѳеодосiй, а за нимъ Исаiя. Между прочимъ, въ 1693 году прибылъ изъ Требинья въ Которскiй округъ епископъ Савватiй Любибратичъ со всею своею монашествующею братiей и съ 700 сербскими православными семействами и поселился въ окрестностяхъ города Нови.

Венецiанское правительство мало было расположено къ православнымъ епископамъ въ Далмацiи, во-первыхъ потому, что они были по большой части иностранцы—выходцы изъ Боснiи и Герцеговины, а во-вторыхъ, по той причинѣ, что, по мнѣнiю правительства, они посѣвали только несогласiе между православными и католиками, наконецъ—были рукополагаемы въ санъ епископскiй внѣ территорiи республики и притомъ—духовною властью, республикѣ не подлежавшею. Но, въ силу политическихъ соображенiй, оно не только дозволяло имъ пребывать въ Далмацiи, но даже ассигновывало на ихъ содержанiе опредѣленныя суммы. Православные сербскiе епископы, хотя и получили въ свое вѣдѣнiе духовную власть въ мѣстности, ввѣренной ихъ управленiю, однако были лишены права рукоположенiя. Этотъ фактъ отчасти знакомитъ насъ съ политическими стремленiями венецiанскаго правительства, которыми оно руководилось по отношенiю къ православнымъ сербамъ Далмацiи. Съ цѣлью уменьшить, съ одной стороны, значенiе иностранныхъ митрополитовъ въ Далмацiи, съ другой ослабить православный

сербскій элементъ въ странѣ, правительство республики, какъ мы выше замѣтили, стало заявлять свое согласіе относительно водворенія въ Далмаціи православныхъ сербскихъ епископовъ, но лишило ихъ права рукоположенія. Поэтому, если кто желалъ вступить въ духовное званіе, то долженъ былъ для своего посвященія отправляться или въ Ипекъ или въ Сараево или-же наконецъ въ Черногорію. По бѣдности сербскаго населенія, по отдаленности мѣстопребыванія православныхъ митрополитовъ и по трудности путей сообщенія, понятно, сербы бывали нерѣдко вынуждены отказываться отъ поступленія въ духовное званіе, а поэтому многія православныя села оставались безъ священниковъ. Православный сербъ, бывши посвященъ въ санъ священника, въ случаѣ, если бывалъ назначенъ въ ту православную церковь, гдѣ находился католическій придѣлъ, обязанъ былъ прочесть символъ вѣры предъ католическимъ епископомъ, съ римскимъ прибавленіемъ «и отъ Сына» и только тогда получалъ дозволеніе священнодѣйствовать.

Вообще православіе, въ особенности въ сѣверной Далмаціи, находилось, въ описываемый нами періодъ времени, въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Число православныхъ церквей въ Далмаціи въ то время было крайне незначительно; оно едва достигало 54. Въ Задрѣ на 28 церквей приходилось 27 римско-католическихъ и только одна православная во имя пророка Иліи, но и эта единственая въ городѣ церковь имѣла католическій придѣлъ. Вообще во всей приморской части Далмаціи не было ни одной православной церкви, гдѣ бы не находилось римско-католическаго придѣла. Отправленіе двухъ различныхъ богослуженій въ одной и той же церкви, разумѣется, влекло за собою цѣлый рядъ безпорядковъ, пререканій между священниками, а все это иногда оканчивалось кровопролитіемъ.

Въ духовной администраціи православнаго духовенства въ Далмаціи существовала полная анархія. Мы должны замѣтить, что православные приходы, находившіеся на монастырской землѣ, подлежали юрисдикціи мѣстныхъ православныхъ монастырей. Такимъ образомъ, каждый монастырь имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи нѣсколько приходовъ и

настоятель монастыря пользовался правомъ назначать въ подвѣдомственные ему приходы священниковъ изъ монашествующаго сословія или изъ бѣлаго духовенства; но обыкновенно на три года. Обыкновенно два раза въ годъ (въ день Покрова или въ день Рождества пресвятой Богородицы) происходило собраніе монастырской братіи, на которомъ обсуждались вопросы: кого изъ іеромонаховъ слѣдовало бы оставить во ввѣренномъ ему приходѣ или кого изъ нихъ надлежало вызвать въ монастырь; въ случаѣ же вакансіи въ приходѣ, кого изъ братіи надлежало туда послать. Но границы приходовъ не были ясно опредѣлены. Поэтому нерѣдко случалось, что приходскій священникъ и по истеченіи трехъ лѣтъ, несмотря на строгія предписанія настоятеля монастыря — оставить ввѣренный ему приходъ, продолжалъ отправлять въ немъ свои обязанности, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что онъ не находится подъ его духовною юрисдикціей. Эта анархія еще болѣе усиливалась, благодаря отсутствію какихъ-либо началъ, связывающихъ низшее духовенство съ высшимъ. Православные сербскіе епископы въ Далмаціи составляли, такъ сказать, пришлый элементъ: они могли быть лишь послушными исполнителями приказаній венеціанскаго сената; притомъ, какъ мы выше замѣтили, они не пользовались правомъ рукоположенія. Весьма естественно, что низшее православное сербское духовенство не смотрѣло на своихъ епископовъ, какъ на представителей духовной власти и защитниковъ интересовъ православной сербской церкви въ Далмаціи.

Неравное распредѣленіе священниковъ по приходамъ производило то, что многіе изъ духовныхъ имѣли въ своемъ вѣдѣніи двѣ — три церкви, тогда какъ въ другихъ церквахъ было отъ трехъ до четырехъ священниковъ на одну церковь. Разумѣется, это многолюдіе священниковъ въ одномъ мѣстѣ и отсутствіе ихъ въ другомъ дурно отзывались по отношенію къ отправленію прихожанами религіозныхъ обязанностей и кромѣ того порождало спутанность отношеній духовныхъ къ мірянамъ и мірянъ къ духовнымъ.

Имѣли ли какую нибудь богословскую подготовку лица, желавшія вступить въ духовное званіе? Можно сказать — никакой. Венеціанское правительство строго воспрещало устраивать какъ въ

Далмаціи, такъ и въ которскомъ округѣ не только православныя духовныя училища, но и вообще первоначальныя сербскія школы, гдѣ было бы возможно пріобрѣтать хоть поверхностныя знанія. Такимъ образомъ ни въ Далмаціи, ни въ которскомъ округѣ не было ни одной православной семинаріи, ни одного православнаго училища. Притомъ чувствовался повсемѣстно крайній недостатокъ въ богослужебныхъ и священныхъ книгахъ. Только въ трехъ православныхъ монастыряхъ Крупа, Крка и Драговичъ имѣлись сравнительно порядочныя библіотеки, но доступъ въ нихъ былъ сопряженъ съ большими затрудненіями. Каталогъ же богослужебныхъ книгъ другихъ церквей ограничивался евангеліемъ, дѣяніями Апостоловъ, четвероевангеліемъ, псалтирью и часословомъ. Выучившись, съ помощью миноритовъ дощечекъ, букваря, сербъ начиналъ изучать часословъ и псалтирь. Другой сербъ, желая постигнуть въ совершенствѣ богословскую мудрость, внимательно прочитывалъ требникъ и послѣ этого считалъ себя геніемъ учености, не нуждающимся въ усовершенствованіи. Отсутствіе школъ и сильный недостатокъ въ священныхъ книгахъ имѣли пагубное вліяніе на образованіе духовенства. Мѣстные священники не имѣли почти никакого понятія о церкви, какъ мѣстѣ или священнодѣйствія; не знали, что такое алтарь, какое значеніе имѣетъ церковная утварь, престолъ, церковные предметы, самыя части богослуженія, какъ напримѣръ: проскомидія, являлись для нихъ вполнѣ непонятной службой.

При такомъ невѣжествѣ въ дѣлахъ церкви служителей алтаря, понятно, они не могли серьезно относиться къ своимъ духовнымъ обязанностямъ. Въ приходахъ не велось никакихъ метрическихъ книгъ, въ которыхъ бы записывались рожденія, крещенія, бракосочетанія и погребенія. Отсутствіе такихъ протоколовъ влекло за собою громадную путаницу въ отношеніяхъ прихожанъ между собою. Въ далматинскихъ церквахъ не соблюдалось такихъ обыденныхъ, общепотребительныхъ обрядовъ, какъ напримѣръ оглашеніе изъ алтаря именъ лицъ, вступающихъ въ бракъ, до совершенія самаго таинства. При полнѣйшемъ отсутствіи метрическихъ книгъ и обряда оглашенія, священнику, совершающему таинство брака, невозможно было судить о тѣхъ степеняхъ родства, въ какихъ находятся вѣнчающіеся. Поэтому

зачастую совершались браки, незаконность которыхъ оказывалась уже послѣ вѣнчанія.

Выше мы замѣтили, что сербъ, пожелавшій быть посвященнымъ въ духовное званіе, обыкновенно отправлялся либо въ Ипекъ, либо въ Черногорію, либо въ Плашку (въ Хорватію) либо, въ Сараево (въ Босніи). При рукоположеніи было обращаемо вниманіе преимущественно на протекцію настоятелей трехъ большихъ монастырей — Крупа, Драговичъ и Крка. Разумѣется, протекція большаго монастыря производила свое вліяніе: на церковныя знанія рекомендуемаго смотрѣли сквозь пальцы и рукополагали молодаго человѣка въ санъ священника болѣе по ходатайству настоятеля, чѣмъ за личныя способности, знанія посвящаемаго. Обрядъ рукоположенія и самыя поѣздки, совершаемыя, съ этою цѣлью, въ отдаленныя мѣстности, бывали сопряжены съ большими издержками для новопосвящаемаго, который, по полученіи прихода, старался, въ свою очередь, возвратить себѣ сумму, имъ потраченную для полученія своего священническаго мѣста. Весьма естественно, что среди православнаго духовенства невольно вкоренилось и корыстолюбіе. Такъ мы видимъ, что православное духовенство, хотя иногда и знало о близкомъ родствѣ вступающихъ въ бракъ, но, руководясь корыстолюбивыми цѣлями, не отказывалось ихъ вѣнчать. Мы считаемъ излишнимъ указать на всѣ причины, которыя содѣйствовали распущенности нравовъ православнаго сербскаго духовенства. Распущенность духовенства влекла за собою распущенность нравовъ народа: «произволъ святыхъ», сказалъ одинъ ученый, «имѣетъ вліяніе на произволъ грѣшниковъ». Итакъ, новопосвящаемый въ санъ священника ни по своему образованію, ни по своей нравственности ничуть не отличался отъ тѣхъ народныхъ масъ, среди которыхъ приходилось ему быть провозвѣстникомъ великихъ евангельскихъ истинъ.

Процентъ православныхъ въ сѣверной Далмаціи былъ весьма незначителенъ сравнительно съ католическимъ; исключеніемъ являлся округъ которскій, гдѣ $^2|_3$ населенія православные и только $^1|_3$ католики. Этотъ фактъ объясняется во 1-хъ, положеніемъ края вблизи Черногоріи, митрополитъ которой, по декрету венеціанскаго правительства, о которомъ мы будемъ говорить ниже, получилъ власть освящать которскія церкви, рукополагать духовныхъ, навѣщать жи-

вущую тамъ паству и т. д.; во 2-хъ, присутствіе тамъ большаго количества православныхъ въ означенный періодъ времени объясняется развитіемъ мѣстныхъ жителей, которые были храбры, славились какъ хорошіе мореходцы и, благодаря своимъ путешествіямъ, были болѣе просвѣщены, чѣмъ жители остальной части Далмаціи. Наконецъ въ 3-хъ это объясняется отдаленностью Которскаго округа отъ Венеціи—горячей поборницы католическаго элемента. По этимъ причинамъ которское православное духовенство находилось относительно въ лучшемъ положеніи, чѣмъ далматинское. Которское православное духовенство отличалось отъ остальной части далматинскаго духовенства и по своей наружности и по своему костюму. Большинство бѣлаго духовенства въ Которскомъ краѣ брило бороду, усы и голову и только на макушкѣ оставляло чубъ волосъ. Оно носило бѣлое одѣяніе, доходившее до колѣнъ и подпоясывалось красным изъ шерсти поясомъ; затѣмъ бѣлые панталоны, сдѣланые изъ той-же шерстяной матеріи, какъ и одѣяніе; на ногахъ же носили они кожанные «опанки» (родъ башмаковъ), а на головѣ такую же шапку, въ какой ходитъ обыкновенно простой народъ. Ни одинъ священникъ не выходилъ изъ своего дома даже въ церковь безъ длиннаго ружья, безъ двухъ пистолетовъ и кинжаловъ, воткнутыхъ за поясъ.

Православные далматы, не находя себѣ нравственной поддержки со стороны своего духовенства, чувствовали гнетъ надъ собою католическаго элемента: они не знали, что дѣлать. Нужно было найти защитника такого же могущественнаго и сильнаго, какимъ являлось правительство венеціанской республики и взоръ угнетеннаго народа обратился къ далекому сѣверу, гдѣ живетъ народъ родственный ему по религіи и гдѣ въ то время царствовалъ могущественный императоръ. Православные далматы съ слезною просьбой обратились къ русскому императору Петру I: въ этой просьбѣ они говорили объ угнетеніяхъ, какія они претерпѣваютъ отъ католическаго правительства. Петръ Великій 7-го декабря 1710 года отправилъ къ венеціанскому дожу Іоанну Корнелію письмо, въ которомъ просилъ его даровать православнымъ подданнымъ венеціанской республики свободу вѣроисповѣданія и при этомъ указалъ венеціанскому дожу на то обстоятельство, что римско-католики, живущіе въ предѣлахъ русскаго

царства, пользуется полною свободой въ отправленіи своего богослуженія.

Между тѣмъ, римско-католическая пропаганда продолжала настойчиво дѣйствовать на всей территоріи Далмаціи, входившей въ составъ владѣній Венеціи. Въ интересахъ католицизма въ Далмаціи слѣдовало окончательно отстранить вмѣшательство Ипекскихъ патріарховъ въ дѣла православной далматинской церкви. Но и по переселеніи патріарха Арсенія III Черноевича изъ Илока въ Венгрію, венеціанскому правительству не удалось осуществить это свое задушевное желаніе. Въ 1700 году патріархъ Арсеній III Черноевичъ въ венгерскомъ городѣ Сечуѣ посвятилъ въ санъ черногорскаго владыки Даніила Петровича Нѣгоша, упросивъ его принять подъ свое попечительство сербское населеніе Которскаго округа. Тогда черногорскій владыка Даніилъ Петровичъ обратился съ просьбой къ венеціанскому правительству о разрѣшеніи ему исполнять свои архіепископскія обязанности въ Которскомъ округѣ, гдѣ царствовала полнѣйшая анархія въ церковной его администраціи.*). Венеціанское правительство, придавая важное значеніе дружественнымъ своимъ сношеніямъ съ Черногоріей, издало 13-го марта 1717 года декретъ, въ силу котораго предоставило черногорскому владыкѣ нѣкоторую власть въ церковномъ управленіи которскаго округа, а именно: ему было дозволено освящать церкви въ означенномъ краѣ и рукополагать тамошнихъ обывателей въ священническій санъ, впрочемъ, съ вѣдома венеціанскаго правительства; спустя годъ послѣ этого знаменательнаго факта, венеціанское правительство декретомъ отъ 12-го мая 1718 года, подчинило духовной юрисдикціи черногорскаго владыки и всѣхъ сербовъ, живущихъ въ предѣлахъ Далмаціи. Съ той поры онъ имѣлъ своего намѣстника въ южной Далмаціи. Черногорскій владыка Даніилъ Петровичъ принялъ титулъ «Божіею милостью, православный митрополитъ черногорскій,

*) Мы выше замѣтили, что еще съ начала XIV ст. черногорскіе владыки отправляли въ Которскомъ округѣ свою духовную юрисдикцію. Впрочемъ, съ теченіемъ времени, встрѣтивъ, при отправленіи своихъ обязанностей въ означенномъ краѣ большія затрудненія со стороны мѣстной администраціи, стали они мало по малу утрачивать тамъ свою духовную власть.

скендерійскій и приморскій и экзархъ святѣйшаго трона патріархіи славено-сербской».

По смерти епископовъ Никодима Бусовича и Василія, о которыхъ мы выше говорили, православное сербское населеніе сѣверной Далмаціи оставалось нѣкоторое время безъ духовнаго главы. Правда были кандидаты на епископскую каѳедру Стефанъ Любибратичъ, Симеонъ Кончаревичъ и другіе, но венеціанское правительство, по кознямъ римско-католическаго духовенства, не захотѣло ни одного изъ нихъ признать въ достоинствѣ епископа сѣверной Далмаціи. Наконецъ, въ 1762 году было возстановлено въ Венеціи званіе греческаго филадельфійскаго архіепископа, которымъ былъ поставленъ Георгій Фѣцеа (1762—1768 г.). Такимъ образомъ, начиная съ 1762 года духовное управленіе православной церкви въ сѣверной Далмаціи снова было передано греческому филадельфійскому архіепископу. Вторично принявши подъ свое духовное вѣдѣніе сербско-далматинскую церковь, греческіе филадельфійскіе архіепископы стали назначать въ Далмацію своихъ намѣстниковъ. Такъ, въ 1783 году филадельфійскій архіепископъ Софроній Кутовали назначилъ своимъ генералъ-викаріемъ въ Далмаціи архимандрита монастыря Крки Никанора Богуновича (Сночича). Если венеціанское правительство и согласилось на назначеніе православнаго генералъ-викарія въ Далмацію, все-таки и въ этомъ случаѣ оно не отступало отъ принципа своей политики, который выражается въ стремленіи, по возможности, усилить тамъ римско-католическій элементъ въ ущербъ православному: генералъ-викарій являлся только церковнымъ администраторомъ и намѣстникомъ въ Далмаціи филадельфійскаго архіепископа и былъ лишенъ преимуществъ, составляющихъ неотъемлемое право епископской власти, какъ, напримѣръ право рукоположенія, церковной юрисдикціи (она принадлежала свѣтской власти) и т. д.

Подобныя перемѣны въ высшей духовной администраціи сербско-далматинской церкви имѣли пагубное вліяніе на состояніе тамъ православія, о которомъ, впрочемъ мало заботилось и правительство и греческое высшее духовенство. Сербско-далматинское населеніе неоднократно подавало прошенія на имя венеціанскаго правительства

о дарованіи ему полной свободы вѣроисповѣданія и объ устройствѣ въ Далмаціи сербско-народной епархіи, но всѣ эти заявленія не принесли желанныхъ результатовъ. Такъ, хотя декретомъ 31-го декабря 1761 года и была провозглашена такъ свобода вѣроисповѣданія, тѣмъ не менѣе, по кознямъ внешнихъ римско-католическихъ властей, православіе по прежнему оставалось подъ опекою католицизма. Православные сербы, желая освободить себя изъ подъ гнета католиковъ, стали выселяться изъ сѣверной Далмаціи въ Австрію. Впрочемъ и на территоріи дубровницкой республики православіе находилось не въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Князья Орловъ и Долгорукій, начальники русскаго флота, отправленнаго въ 1770 году въ Архипелагъ и Адріатическое море, по случаю войны, возникшей между Россіей и Турціей, прослышавъ, что православные жители дубровницкой республики сильно притѣсняются мѣстнымъ католическимъ населеніемъ, сдѣлали распоряженіе захватывать торговыя суда дубровницкой республики. Тогда дубровницкій сенатъ отправилъ къ императрицѣ Екатеринѣ II депутацію, которая представила ей жалобу сената на дѣйствія русскаго военнаго флота. Императрица дала приказаніе г. Джикѣ отправиться въ Дубровникъ въ качествѣ генеральнаго консула, и требовать отъ дубровницкаго сената разрѣшенія построить на счетъ русскаго правительства православную церковь въ Дубровникѣ. По пріѣздѣ въ Дубровникъ г. Джико и по выслушаніи требованій Императрицы, князь и сенатъ заявили ему, что уже съ давняго времени находится въ Дубровникѣ православная церковь, помѣщающаяся въ домѣ госпожи Владисавлевичей. Но это была не церковь, а только часовня. Требиньскій іеромонахъ, пріѣзжавшій въ Дубровникъ съ освященнымъ антиминсомъ, совершалъ въ этой часовнѣ богослуженіе на «складномъ» престолѣ, который, по окончаніи литургіи, опять складывался, церковная завѣса также по окончаніи службы снималась и такимъ образомъ часовня или лучше сказать комната эта, по прежнему оставалась пустою. По неизвѣстнымъ причинамъ г. Джико постарался замять это дѣло и писалъ Императрицѣ о существованіи въ Дубровникѣ православной церкви. Его преемникъ Фонтенъ, не желая, безъ сомнѣнія, ули-

чить своего предшественника въ ложности его показаній, не подымалъ вообще вопроса о православной церкви въ Дубровникѣ.

Разсмотрѣвъ вкратцѣ внѣшнія условія, при какихъ находилась православная церковь какъ въ венеціанской Далмаціи, такъ и на территоріи дубровницкой республики, мы не считаемъ лишнимъ къ этому прибавить, что православные далматы сохранили, однако, въ себѣ столько жизненной силы, что, несмотря на окружавшую ихъ враждебную имъ сферу, смѣло держали знамя православія и народности.

III.

Никаноръ Богуновичъ, генералъ-викарій Далмаціи. Первыя дѣйствія его преемника Герасима Зелича. Пріобрѣтеніе венеціанской Далмаціи Австріей. Распоряженіе австрійскаго правительства по церковнымъ дѣламъ православнаго населенія Далмаціи. Ходатайство Герасима Зелича о возведеніи его въ санъ епископа. Пріобрѣтеніе всей Далмаціи Франціей. Императорскій декретъ 1810 года. Назначеніе Венедикта Кральевича епископомъ Далмаціи.

По кампоформійскому трактату 17-го октября 1797 года, Австрія пріобрѣла венеціанскую Далмацію. Въ это время генералъ-викаріемъ Далмаціи былъ Герасимъ Зеличъ. Такъ какъ эта личность играла видную роль въ исторіи православія въ Далмаціи въ началѣ текущаго столѣтія, то мы не считаемъ лишнимъ представить о ней нѣкоторыя свѣдѣнія.

Принявъ монашество въ 1774 году, Герасимъ Зеличъ прошелъ постепенно всѣ низшія ступени церковной іерархіи; въ 1785 году, въ бытность свою въ Константинополѣ, былъ рукоположенъ іерусалимскимъ патріархомъ Авраміемъ въ санъ архимандрита, причемъ былъ ему выданъ на это достоинство дипломъ. Пріѣхавъ изъ Константинополя въ Венецію, Зеличъ сталъ просить филадельфійскаго архіепископа Софронія Кутовали объ утвержденіи его въ санѣ архимандрита. Несмотря на козни далматинскаго генералъ-викарія Никанора Богуновича, архіепископъ Кутовали утвердилъ Зелича въ санѣ архимандрита и въ должности настоятеля монастыря Круны.

Предвидя съ одной стороны, что предстоящая настырная его дѣятельность будетъ затруднена козними генерала-викарія, съ другой желая хоть чѣмъ-нибудь быть полезнымъ своей родинѣ, Зеличъ рѣшился отправиться въ Россію для пріобрѣтенія богослужебныхъ книгъ и церковной утвари, въ чемъ крайне нуждались мѣстныя православныя церкви. Посѣтивъ Петербургъ, Москву и другіе города Россіи и собравъ большое количество богослужебныхъ книгъ и церковной утвари, онъ въ іюлѣ 1788 года оставилъ Россію. Привезенныхъ имъ богослужебныхъ книгъ и церковной утвари доставало на удовлетвореніе только очень немногихъ церквей, что ясно показываетъ, какъ онѣ нуждались въ означенныхъ предметахъ.

По возвращеніи своемъ въ монастырь Крупу, Зеличъ снова подвергся преслѣдованіямъ генералъ-викарія Никанора Богуновича. Не зная, чѣмъ оградить себя отъ нападокъ главы мѣстнаго духовенства, онъ съ грустью, съ сердцемъ полнымъ тоски, пришелъ къ рѣшенію покинуть на всегда свое отечество. Находясь въ Тріестѣ и думая поѣхать оттуда въ Вѣну, архимандритъ Зеличъ вдругъ получаетъ письмо, что первый генералъ-викарій Далмаціи Никаноръ Богуновичъ скончался. 22-го октября 1796 года изданъ декретъ, которымъ Зеличъ былъ назначенъ генералъ-викаріемъ Далмаціи.

Первымъ дѣломъ новаго генералъ-викарія была ревизія епархіи. Какъ бы неслѣдствіемъ найденныхъ Зеличемъ безпорядковъ, о которыхъ онъ сообщилъ въ своемъ донесеніи на имя генералъ-провидитора Далмаціи, появился въ 1797 году декретъ, которымъ воспрещалось вѣнчаніе, если не будутъ соблюдены слѣдующія условія: 1) троекратное оглашеніе изъ алтаря именъ лицъ, вступающихъ въ бракъ; 2) полученіе дозволенія со стороны мѣстнаго приходскаго священника въ томъ случаѣ, если живущіе въ одномъ приходѣ вѣнчаются въ церкви другаго прихода и 3) таинство брака между православной и католикомъ или католичкой и православнымъ должно быть совершаемо въ римско-католической церкви. Съ своей стороны Зеличъ не преминулъ разослать по вѣренному ему генералъ-викаріату циркулярныя предписанія: первое содержало нѣчто въ родѣ увѣщаній монашествующему сословію и бѣлому духовенству, чтобы они не цвинствовали и

вели себя прилично своему высокому положенію служителей церкви Господней; во второмъ предписывалось каждому приходскому священнику вести три церковныя книги: въ одну—вносить протоколы о крещеніи, въ другую—о бракахъ, а въ третью—о погребеніи; въ третьемъ—строго воспрещалось приходскимъ священникамъ исполнять требы въ чужомъ приходѣ; впрочемъ, была сдѣлана одна оговорка, а именно, въ случаяхъ крайней нужды, какъ напримѣръ, болѣзни новорожденнаго, который можетъ умереть некрещеннымъ, позволялось всякому священнику даже и въ чужомъ приходѣ совершать эту требу. Благодаря своей энергіи и такту, генералъ-викарій Зеличъ съумѣлъ подчинить своей власти необузданную до сихъ поръ массу священниковъ и монаховъ.

Уже въ первый годъ своего генералъ-викаріатства Зеличу пришлось испытать иного непріятностей: ему приходилось сражаться съ врагомъ внутреннимъ — невѣжествомъ мѣстнаго духовенства, а въ то же время отражать нападки, разбивать козни внѣшнихъ враговъ. Высокое положеніе, занимаемое Герасимомъ Зеличемъ, внушало многимъ зависть и вотъ появляются личности, которыхъ не общественная польза, а разсчетъ заставляетъ подкапываться подъ генералъ-викарія и интриговать противъ него предъ венеціанскимъ правительствомъ. Болѣе замѣтнымъ врагомъ Зелича является г. Ивковичъ. Прибывъ изъ Россіи въ Венецію для полученія наслѣдства, состоявшаго изъ движимаго имущества и оставшагося по смерти его родственника князя Марка Стратимировича, г. Ивковичъ сталъ выдавать себя тамъ за архимандрита, хотя и не имѣлъ диплома, который бы удостовѣрялъ въ дѣйствительной принадлежности ему означеннаго сана. Въ бытность свою въ Венеціи у него явилось желаніе искать себѣ мѣсто епископа всей Далмаціи. Г. Ивковичъ съумѣлъ заручиться письменнымъ заявленіемъ отъ лица всего православнаго населенія Далмаціи, а затѣмъ намѣревался хлопотать о своемъ назначеніи въ епископа Далмаціи: все это происходило въ 1797 году, когда пала венеціанская республика, а вмѣстѣ съ ея паденіемъ разлетѣлись въ пухъ и прахъ и всѣ надежды Ивковича.

Съ паденіемъ венеціанскаго владычества въ Далмаціи, настало время, когда анархическій элементъ охватилъ собою всѣ проявленія

нѣмецкой администрацiи: все перепуталось, смѣшалось. Въ эту смутную эпоху само населенiе Далмацiи раздѣлилось на нѣсколько партiй: одни стремились подчиниться венгерско-хорватской коронѣ и венгерскимъ законамъ; другiя являлись ревностными поборниками австрiйскаго правительства: третьи надѣялись имѣть собственнаго, выбраннаго изъ ихъ среды, государя и четвертые желали подчиниться турецкому владычеству.

Желая водворить на своей родинѣ порядокъ, Зеличъ сталъ хлопотать о подчиненiи ея какой-либо болѣе или менѣе сильной коронѣ. Разнообразiе народныхъ стремленiй и желанiй дѣлало крайне трудною дѣятельность того лица, которое взяло на себя благую обязанность успокоивать народныя страсти. Тѣмъ не менѣе онъ не хотѣлъ уклониться отъ начатой имъ дѣятельности. Поэтому онъ счелъ своимъ долгомъ объѣхать Далмацiю, съ цѣлью усмирить взволновавшiйся народъ, который не хотѣлъ подчиниться австрiйскому правительству. Когда это послѣднее утвердило свою власть въ Далмацiи, оно не преминуло признать Герасима Зелича въ званiи генералъ-викарiя.

Воспользовавшись смутнымъ временемъ, Зеличъ захватилъ въ свои руки церковную юрисдикцiю, которая до того времени вполнѣ принадлежала свѣтской власти. Генералъ-викарiй уже своею собственною властью сталъ подвергать заточенiю духовныхъ лицъ, на которыхъ была подаваема жалоба; напримѣръ, если, благодаря нерадѣнiю священника, новорожденный умиралъ некрещеннымъ, или взрослые, по той же самой причинѣ, не могли, въ теченiе продолжительнаго времени, ни исповѣдываться, ни причащаться или, въ томъ случаѣ, если въ праздникъ не была совершена литургiя и т. п. Мѣстомъ заключенiя провинившихся духовныхъ служилъ монастырь Круша.

Въ 1797 году графъ Раймондъ-де-Турнъ былъ назначенъ комиссаромъ по гражданскому управленiю Далмацiи. Зеличъ не преминулъ подать на его имя докладную записку, въ которой изложилъ всѣ безпорядки, встрѣчаемые при отправленiи приходскими священниками своихъ духовныхъ обязанностей. Чрезъ нѣсколько времени, прибылъ отъ правительственнаго комиссара слѣдующiй отвѣтъ: „Вмѣняется въ обязанность генералъ-викарiю циркулярно увѣдомить подвѣдомственное ему духовенство: 1) о введенiи въ каждомъ приходѣ трехъ

церковныхъ книгъ, въ которыя бы вносились протоколы о крещеніи, бракосочетаніи и погребеніи; 2) строго воспрещается совершать бракъ безъ троекратнаго оглашенія съ алтаря и безъ дозволительнаго на то свидѣтельства мѣстной полиціи; 3) вѣнчаніе не можетъ происходить, ни въ какомъ случаѣ, ни ночью, ни во время поста; 4) увѣщевать своихъ прихожанъ, чтобы они силой не уводили дѣвушекъ изъ дома ихъ родителей, такъ какъ бракъ можетъ быть совершаемъ только по обоюдному согласіенію жѣниха и невѣсты и притомъ съ согласія ихъ родителей; 5) мѣстное духовенство, черезъ каждые 6 мѣсяцевъ, имѣетъ сообщать о текущихъ дѣлахъ канцеляріи генералъ-викарія, которая, въ свою очередь, должна препровождать всѣ эти донесенія въ г. Задаръ, въ канцелярію мѣстной администраціи. Въ случаѣ неисполненія котораго либо изъ этихъ предписаній, духовенство подвергается строгому наказанію„.

Знаменитое горячее желаніе православнаго населенія Далмаціи имѣть своего епископа, Зеличъ сталъ серьезно подумывать объ учрежденіи епископской каѳедры въ Далмаціи. Это учрежденіе было крайне необходимо: съ паденіемъ венеціанскаго владычества въ Далмаціи, генералъ-викарій утратилъ значеніе намѣстника филадельфійскаго архіепископа, и вмѣстѣ съ тѣмъ лишился правъ, принадлежащихъ исключительно епископскому достоинству. Поэтому соединеніе въ одномъ лицѣ власти церковно-административной и священной, принадлежащей исключительно епископскому сану, сдѣлалось насущною потребностью.

Всѣ эти соображенія побудили Зелича отправиться въ 1799 году въ Вѣну, чтобы ходатайствовать тамъ о возведеніи его въ санъ епископскій, чрезъ что онъ надѣялся, между прочимъ, положить конецъ всѣмъ козням претендентовъ на епископское достоинство. Впрочемъ, просьба Герасима Зелича о возведеніи его въ епископскій санъ не увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ въ это время всѣ государственные люди Австріи, по причинѣ войны этой державы съ Франціей, были поглощены внѣшними политическими событіями. 25-го февраля 1805 года появился декретъ, который формально утвердилъ Герасима Зелича въ высокой должности генералъ-викарія Далмаціи. Впрочемъ, австрійское правительство, по примѣру венеціанскаго, продолжало ока-

зывать свое особое покровительство римско-католической церкви. Такъ въ 1800 году, по случаю восшествія на папскій престолъ Пія VII, было предписано, въ теченіе всего дня этого римско-католическаго празднества, православнымъ церквамъ звонить въ колоколы.

По пресбургскому миру 14 (26-го) декабря 1805 года, австрійская Далмація, какъ извѣстно, перешла во власть французовъ. Вслѣдъ за заключеніемъ помянутаго мира, французскія войска, подъ предводительствомъ генерала Мармона, вступили 17-го февраля 1806 года на территорію Далмаціи и, нигдѣ не встрѣтивъ сопротивленія со стороны мѣстнаго населенія, заняли всю эту провинцію. Въ 1806 году пала дубровницкая республика, а по тильзитскому миру 1807 года и которскій округъ перешелъ во власть французовъ.

Въ описанный нами достопамятный періодъ исторіи Далмаціи, когда одна власть смѣнялась другою, и когда совершались всевозможныя безчинства, какъ прямое послѣдствіе перемѣны правительства, генералъ-викарій Герасимъ Зеличъ, этотъ строгій ревнитель тишины и порядка, много думалъ о томъ, какъ бы положить конецъ такому безначалію. Поэтому онъ, будучи защитникомъ австрійцевъ, тѣмъ не менѣе начинаетъ дѣйствовать въ пользу французовъ, льстя себя надеждой, что авось ему удастся водворить порядокъ въ его родинѣ. Враги Герасима Зелича не преминули оклеветать его передъ французскими властями. Но генералъ-викарій съумѣлъ оправдаться.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о состояніи православія на территоріи дубровницкой республики и которскаго края, когда эти мѣстности перешли во власть французовъ. Мы уже выше говорили, что въ Дубровникѣ въ частномъ домѣ, принадлежавшемъ госпожѣ Саломіи Владисавлевичей, находилась часовня. Въ 1800 году прибылъ изъ Мостара въ Дубровникъ православный архіерей, который освятилъ эту часовню и въ ней св. престолъ и съ того времени богослуженіе стало тамъ отправляться открыто. Дубровницкая православная церковь подпала, такимъ образомъ, непосредственному вѣдѣнію мостарскаго епископа. Православные жители города Котора (Cattaro) обратились къ вице-адмиралу Сенявину въ 1806 году (когда русскій флотъ крейсировалъ вдоль береговъ Которскаго края),

прося его содѣйствія къ устройству тамъ православныхъ церквей. Сенявинъ, выслушавъ жалобу мѣстныхъ обывателей, дозволилъ имъ по собственному усмотрѣнію выбрать для себя одну изъ римско-католическихъ церквей. Надо замѣтить, что всѣ наиболѣе красивыя по архитектурѣ римско-католическія церкви были нѣкогда православными и только во времена гоненій перешли къ католикамъ. Католики, узнавши объ этомъ, поспѣшили обратиться къ Сенявину съ просьбой сохранить за ними церковь св. Троицы, которая также была нѣкогда православною церковью. Сенявинъ исполнилъ ихъ желаніе и выключилъ означенную церковь изъ списка церквей, на которыхъ можетъ пасть выборъ. Православные избрали римско-католическую церковь св. Николая Чудотворца, находившуюся въ женскомъ монастырѣ. По присоединеніи которскаго округа къ Франціи, православные жители города Котора, чрезъ депутацію заявили французскому генералу Мармону, что на 500 католиковъ въ городѣ Которѣ имѣется 20 церквей, а на 1000 православныхъ—всего одна церковь во имя св. евангелиста Луки *), и что даже въ ней находится римско-католическій придѣлъ. Генералъ Мармонъ обѣщалъ позаботиться объ устройствѣ православныхъ церквей въ которскомъ округѣ и строго воспретилъ католикамъ совершать богослуженіе въ православныхъ церквахъ.

Въ началѣ 1807 года прибылъ въ городъ Задаръ генералъ графъ Викентій Дандоло, назначенный губернаторомъ Далмаціи. Зеличъ поспѣшилъ представить ему меморандумъ о состояніи православныхъ церквей и монастырей и о положеніи православнаго населенія въ Далмаціи. Рисуя грустную картину положенія своей паствы, Зеличъ при этомъ замѣчаетъ, что въ Далмаціи не имѣется епископа и въ силу этого тамъ происходитъ, между прочимъ, много безпорядковъ при рукоположеніи духовныхъ. Губернаторъ Дандоло, прочитавъ меморандумъ, заявилъ Зеличу желаніе—содѣйствовать процвѣтанію далматинской православной церкви, объ-

*) Церковь во имя св. Николая Чудотворца, о которой мы выше говорили, по причинѣ внѣшнихъ политическихъ событій, перешла въ собственность православныхъ только спустя четыре года.

щалъ даровать православнымъ приходскимъ священникамъ тѣ права, которыя были отъ нихъ отняты еще венеціанскимъ правительствомъ. Между прочимъ, въ силу декрета отъ 4-го апрѣля 1807 года, было дозволено православнымъ священникамъ сопровождать покойниковъ православнаго вѣроисповѣданія изъ ихъ дома въ приходскую церковь, безъ всякаго вмѣшательства со стороны римско-католическаго духовенства.

Между тѣмъ генералъ-проведиторъ Далмаціи Дандоло, по приказанію французскаго правительства, вступилъ въ тайные переговоры съ черногорскимъ митрополитомъ Петромъ I—не пожелаетъ ли онъ принять подъ свое начальство духовную администрацію въ Далмаціи съ титуломъ «патріарха всего сербскаго народа или всего Иллирика» и съ годичнымъ содержаніемъ въ 200,000 франковъ, взамѣнъ чего черногорскій митрополитъ долженъ бы былъ прервать всѣ сношенія съ Россіею и съ остальными союзными державами и признать надъ собою исключительное покровительство Франціи. Черногорскій владыка не принялъ помянутаго предложенія Дандоло, объяснивъ его намѣреніемъ французскаго правительства подчинить со временемъ черногорскую церковь духовной зависимости отъ римскаго двора.

Донося императору Наполеону I о неудачномъ исходѣ своихъ переговоровъ съ черногорскимъ владыкой, Дандоло 15-го августа 1807 года, между прочимъ, писалъ слѣдующее: «невѣжество далматинскаго православнаго духовенства можетъ привести къ опаснымъ послѣдствіямъ; почему крайне было бы необходимо устроить въ Далмаціи, на иждивеніе правительства, православную епархію, консисторію и семинарію».

Зеличъ пользовался большимъ сочувствіемъ среди православнаго населенія и по этой причинѣ являлся въ глазахъ мѣстнаго правительства опаснымъ ему врагомъ. Мѣстныя французскія власти стали давать Зеличу разнаго рода порученія, имѣя въ виду достигнуть тѣмъ двухъ цѣлей: во-первыхъ, воспользоваться вліяніемъ на народъ генералъ-викарія и во-вторыхъ—сдѣлать его непопулярнымъ среди православнаго населенія и тѣмъ самымъ подготовить его паденіе. Если первой цѣли правительство не вполнѣ достигло, то все-таки

оно достигло блестящихъ результатовъ въ томъ смыслѣ, что авторитетъ, которымъ пользовался Герасимъ Зеличъ, сталъ замѣтно падать. Хорошо сознавая всю шаткость и трудность своего положенія, чувствуя надъ собою тяжесть внѣшней силы, не дающей ему свободно дохнуть, видя, что вмѣсто пользы, приходится ему приносить только вредъ, генералъ-викарій порѣшилъ лучше занимать скромное мѣсто настоятеля монастыря Крупы и находиться вполнѣ спокойнымъ, чѣмъ оставаться представителемъ православія въ Далмаціи и постоянно волноваться, переламывать свою натуру, измѣнять своимъ священнымъ убѣжденіямъ. Подъ вліяніемъ такого рода мыслей, генералъ-викарій подалъ генералъ-проведитору Дандело прошеніе объ отставкѣ. Просьба генералъ-викарія не была принята.

Видя, что, въ силу обстоятельствъ, ему приходится стоять во главѣ духовнаго управленія православнаго сербскаго населенія Далмаціи, Зеличъ порѣшилъ лично представить императору Наполеону I меморандумъ, въ которомъ указывая на необходимость назначенія епископа и на крайнюю потребность устройства семинаріи и православныхъ училищъ, въ которыхъ бы молодое православное поколѣніе могло получать образованіе. Взявъ съ собой такого содержанія меморандумъ, онъ отправился въ 1808 году въ Миланъ, гдѣ испрашивалъ у вице-короля Евгенія дозволенія продолжать свой путь въ Парижъ. Вице-король отсовѣтовалъ ему столь далекое путешествіе, обѣщая отправить меморандумъ къ императору и ходатайствовать съ своей стороны объ удовлетвореніи, на сколько возможно, желаній генералъ-викарія.

19-го сентября 1808 года былъ изданъ въ Сенъ-Клу императорскій декретъ слѣдующаго содержанія: «Желая принести духовную помощь нашимъ подданнымъ православнаго вѣроисповѣданія, мы повелѣли и повелѣваемъ слѣдующее: 1) чтобы въ Далмаціи былъ одинъ епископъ православнаго закона; 2) чтобы были одинъ капитулъ и одна семинарія для обученія того же православнаго духовенства; 3) назначаемъ епископу ежегодное содержаніе въ 15,000 лиръ, которыя будутъ выдаваться изъ нашего королевскаго казначейства; 4) изъ нашего же казначейства имѣетъ выдаваться такая же сумма на со-

держаніе капитула и семинаріи; 5) въ будущемъ ноябрѣ, подъ предсѣдательствомъ нашего генералъ-проведитора, имѣетъ быть созванъ въ Задрѣ синодъ, который долженъ быть составленъ изъ 40 нашихъ подданныхъ православнаго вѣроисповѣданія: въ члены синода будутъ назначены лица, по усмотрѣнію генералъ-проведитора, который ихъ выберетъ въ спискѣ кандидатовъ, ему представленныхъ архимандритомъ; 6) этотъ синодъ долженъ имѣть своей задачей представить свои соображенія: какъ слѣдуетъ хорошо устроить отправленіе дѣлъ, касающихся православной церкви; 7) синодъ долженъ также составить проектъ лучшаго раздѣленія приходовъ и смѣту расходовъ, потребныхъ для отправленія церковной службы; 8) одна половина этихъ расходовъ должна падать на православное населеніе, въ той мѣрѣ, какъ будетъ это постановлено, а другая половина ихъ будетъ выдана изъ нашего казначейства; 9) нашимъ министрамъ финансовъ и духовныхъ дѣлъ, въ нашемъ итальянскомъ королевствѣ, предписано сдѣлать надлежащія распоряженія по смыслу означеннаго декрета, который обнародованъ и внесенъ въ сводъ законовъ».

Обнародованіе этого императорскаго декрета крайне обрадовало православное населеніе Далмаціи. Назначеніе епископа сдѣлало бы далматинскую епархію вполнѣ самостоятельной; устройство семинаріи являлось насущною потребностью въ Далмаціи, гдѣ пастыри церкви, можно сказать, были вовсе лишены образованія. Нѣсколько непонятна была причина устройства капитула, который является учрежденіемъ вполнѣ взятымъ съ римско-католической почвы, несоотвѣтствующимъ духу и потребностямъ православной церкви. Въ члены капитула выбирается духовный, по личному усмотрѣнію епископа, а утверждается въ своемъ званіи высшей, мѣстной французкой властью; плата за декретъ на званіе члена капитула была положена въ 6 гульденовъ звонкою монетой. Созваніе синода, хотя и подъ предсѣдательствомъ римско-католика генералъ-проведитора Дандоло, могло бы все-таки принести своего рода пользу: члены синода, хорошо зная положеніе православныхъ далматовъ, обратятъ, безъ сомнѣнія, вниманіе на раны, которыми такъ богата была далматинская паства. Этотъ декретъ, которымъ, кромѣ правъ, обѣщалось еще и много денегъ, является свѣтлымъ лучемъ въ исторіи правосла-

вія въ Далмаціи: онъ примирилъ православныхъ всѣхъ партій и всѣхъ оттѣнковъ съ императоромъ Наполеономъ I.

Когда слухъ объ избраніи епископа распространился по Далмаціи, то явились двѣ партіи: одна хотѣла предложить званіе епископа архимандриту Зеличу, другая прочила на это высокое мѣсто епископа Венедикта Краньевича, бывшаго викарія архіепископа боснійскаго, въ маѣ 1808 года поселившагося съ дозволенія генерала Мармона въ Шебеникѣ. Строго сообразуясь съ императорскимъ декретомъ, по которому въ ноябрѣ 1808 года долженъ быть созванъ синодъ въ Задрѣ, Герасимъ Зеличъ спѣшитъ составить списокъ изъ 80 лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ, и представить этотъ списокъ на усмотрѣніе г. Дандоло. Генералъ—проведиторъ выбралъ изъ списка 40 лицъ, а затѣмъ, Зеличъ разослалъ циркулярныя предписанія по всѣмъ приходамъ, чтобы приходскіе священники оповѣстили своихъ прихожанъ, назначенныхъ въ члены синода, о пріѣздѣ ихъ въ городъ Задаръ, для участія въ предстоящемъ синодѣ.

Засѣданія синода происходили въ приходской церкви св. пророка Иліи въ Задрѣ: начались въ половинѣ ноября 1808 года и кончились въ концѣ декабря того же года. На этомъ синодѣ между прочимъ было постановлено: послать въ Парижъ отъ имени православнаго населенія Далмаціи депутацію, съ цѣлью во-первыхъ заявить Наполеону благодарность отъ лицъ православнаго населенія за оказанную ему милость, во-вторыхъ просить императора, чтобы онъ соизволилъ даровать православному далматинскому народу женскій римско-католическій монастырь «S. Salvadore» въ г. Шебеникѣ, для устройства въ немъ помѣщенія для будущаго православнаго епископа далматинской епархіи и для семинаріи. Въ число депутатовъ былъ выбранъ и Зеличъ.

Весна 1809 года извѣстна въ исторіи войною Австріи съ Франціей. Разумѣется, посылать депутацію въ это время, не было никакой возможности. Генералъ Мармонъ спѣшитъ собрать свои войска, расположенныя въ Далмаціи и въ которскомъ округѣ; въ маѣ 1809 года онъ выступаетъ съ войскомъ изъ Далмаціи по направленію къ Вѣнѣ, все сожигая на пути. Въ іюнѣ 1809 года, вступили въ Далмацію австрійскія войска, подъ начальствомъ генерала Пе-

рицы Княжевича. Обвиненный въ прямомъ противодѣйствіи упроченію владычества Австріи въ Далмаціи, епископъ Венедиктъ Кральевичъ, по приказанію генерала Княжевича, былъ отправленъ на заточеніе въ крѣпость Петервардейнъ.

Между тѣмъ Дандоло неожиданно далъ приказаніе депутаціи немедленно отправиться въ Парижъ. 16-го іюня 1809 года депутація, состоявшая только изъ двухъ лицъ—Зелича и Георгія Джурича, отправилась въ путь, порѣшивъ предварительно заѣхать въ Миланъ, гдѣ находился предсѣдатель депутаціи Иванъ Батиста Стратико. Узнавши въ Миланѣ, что вице-король Евгеній находится въ Австріи, въ войскѣ Наполеона, онъ рѣшилъ письменно спросить вице-короля Евгенія—приметъ ли императоръ Наполеонъ депутацію? Депутаты прожили три мѣсяца въ Миланѣ, ожидая отвѣта. Наконецъ, онъ прибылъ. Вице-король извѣщалъ, что въ Вѣнѣ 14-го октября 1809 года заключенъ миръ, по силѣ котораго Далмація вторично сдѣлалась французскою провинціей и что изъ Далмаціи, приморской Хорватіи, части Истріи и Крайны составлено было Наполеономъ «Иллирійское королевство», столицею котораго былъ городъ Любляна (Laibach), а въ заключеніе было сказано, что императоръ Наполеонъ приметъ депутатовъ, когда вернется въ Парижъ.

4-го ноября депутація отправилась изъ Милана въ Парижъ, куда и прибыла 19-го ноября. На слѣдующій день она представилась министру Италіи Маришкалкѣ и государственному секретарю Альдини, а 21-го ноября была представлена вышеозначеннымъ министромъ императору Наполеону, который выразилъ ей свое неудовольствіе, что далматинцы неохотно подчиняются французскому правительству. 3-го мая 1810 года, депутація выѣхала изъ Парижа, отправляясь въ Любляну (Laibach), чтобы представиться генералу Мармону, назначенному намѣстникомъ Иллирійскаго королевства.

26-го марта 1810 года появился въ Компьенѣ императорскій декретъ, въ силу котораго епископъ Венедиктъ Кральевичъ назначался епископомъ православной епархіи въ Далмаціи, а Зеличъ—викаріемъ которскаго края. Приведемъ цѣликомъ означенный декретъ: «По предложенію нашего министра финансовъ, мы повелѣли и повелѣваемъ слѣдующее: 1) епископъ Венедиктъ Кральевичъ назначается

православнымъ епископомъ въ провинціи далматинской; 2) которскій округъ составляетъ часть далматинской епархіи; 3) архимандритъ Зеличъ назначается великимъ викаріемъ епископа далматинскаго въ которскомъ округѣ съ ежегоднымъ содержаніемъ въ 6,000 франковъ; 4) нашему министру финансовъ предписывается привести въ исполненіе настоящій декретъ». Мѣстопребываніемъ православнаго епископа былъ назначенъ Шебеникъ; въ тоже время и дубровницкая православная церковь отпала отъ власти мостарскаго епископа и вошла въ составъ далматинской епархіи.

Чтобы пояснить причину, почему епископъ Венедиктъ Кральевичъ, вопреки ожиданіямъ значительной части православнаго населенія Далмаціи, былъ возведенъ на это высокое мѣсто въ духовной іерархіи Далмаціи, надлежитъ замѣтить, что, по заключеніи вѣнскаго мира 14-го октября 1809 года, получивши свободу, онъ не преминулъ отправиться къ генералу Мармону и заявить ему о тѣхъ гоненіяхъ, какимъ подвергался за свою преданность французскому правительству. Генералъ Мармонъ писалъ императору Наполеону о заслугахъ для Франціи епископа Кральевича, вслѣдствіе чего и вышелъ означенный рескриптъ о его назначеніи далматинскимъ епископомъ. Въ силу декрета отъ 23-го іюля 1810 года, Венедикту Кральевичу былъ отданъ для жительства женскій римско-католическій монастырь «S. Salvadore» въ Шебеникѣ *).

Получивъ декретъ о своемъ назначеніи въ которскій округъ, Зеличъ былъ вынужденъ отправиться въ концѣ 1810 года во ввѣренный его духовному управленію край. Первымъ дѣломъ его, по пріѣздѣ на мѣсто своего служенія, было циркулярно оповѣстить все подвѣдомственное ему духовенство о своемъ назначеніи и пригласить его явиться къ нему за полученіемъ надлежащихъ инструкцій. Затѣмъ онъ сталъ объѣзжать приходы, повсюду поучая священниковъ непреклонно слѣдовать каноническимъ законамъ. Такъ какъ въ го-

*) Монастырская католическая церковь была передѣлана въ православную во имя Успенія Пресвятыя Богородицы; римско-католическія же монахини были переведены въ зданіе, принадлежащее церкви S. Lucia (въ Шебеникѣ); въ настоящее время церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы служитъ соборной церковью въ Шебеникѣ.

родѣ Которѣ была всего только одна православная церковь во имя св. евангелиста Луки, которая притомъ была такъ мала и тѣсна, что едва $^1/_{10}$ часть всѣхъ православныхъ могла въ ней поцѣститься, то Зеличъ, по просьбѣ мѣстныхъ православныхъ, освятилъ 19-го декабря 1810 года новую и большую церковь во имя св. Николая чудотворца, которую имъ далъ герцогъ Мармонъ. Эта церковь сдѣлалась въ городѣ Которѣ приходскою церковью, какою является и по настоящее время, а церковь во имя св. евангелиста Луки была обращена въ филіальную.

Епископъ Кральевичъ былъ крайне недоволенъ освященіемъ церкви въ г. Которѣ безъ его разрѣшенія. Получивъ по этому предмету замѣчаніе со стороны епископа, Зеличъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Отставка его была принята и викаріемъ въ которскомъ краѣ былъ назначенъ архимандритъ Никаноръ Бочетичъ. Въ это время началась война между Франціей и Австріей. По рѣшенію вѣнскаго конгресса 1814 года, Австрія вторично пріобрѣла всю Далмацію.

IV.

Вторичное пріобрѣтеніе Далмаціи Австріей. Предсудительный образъ дѣйствій Венедикта Кральевича, по званію далматинскаго епископа. Его преемники: Іосифъ Раячичъ, Пантелей Живковичъ, Іероѳей Мутибаричъ, Стефанъ Книжевичъ; краткія свѣдѣнія о ихъ пастырской дѣятельности.

Пріобрѣтши Далмацію, австрійское правительство было вынуждено обстоятельствами показать свою щедрость православному населенію вновь пріобрѣтенной территоріи. Оно продолжало ассигновывать, хотя уже и меньшую сумму, на содержаніе православной епархіи въ Далмаціи. Означенная сумма составлялась изъ процентовъ съ капитала, полученнаго отъ продажи имѣній православныхъ монастырей и церквей въ Буковинѣ. Проектъ же объ устройствѣ въ Далмаціи православной семинаріи и консисторіи остался еще нѣкоторое время собственностью архива.

Во главѣ православной епархіи въ Далмаціи стоялъ, въ то время, какъ мы выше замѣтили, епископъ Венедиктъ Кральевичъ, человѣкъ не безъ дарованій. Къ сожалѣнію, жизнь его, сложившаяся подъ вліяніемъ враждебныхъ православію началъ, не могла упрочить въ немъ православныхъ убѣжденій и вообще имѣла пагубное дѣйствіе на настроеніе его ума. Произволъ турецкаго паши и независимое отъ свѣтской власти положеніе римскаго епископа, такъ нравились его честолюбію, что онъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ, чтобы только сдѣлаться независимымъ и вполнѣ самостоятельнымъ главою далматинской церкви. Неутомимо преслѣдуя эту цѣль, онъ низкопоклонничалъ предъ католическимъ духовенствомъ, думая угодить правительству и не замѣчая, можетъ статься, того, что самымъ этимъ роняль свое личное достоинство. Опутанный католиками, онъ затѣялъ ввести унію въ своей епархіи и въ 1819 году, счелъ нужнымъ для успѣха своей затѣи очернить предъ правительствомъ архимандрита Бочетича, викарія которскаго округа. Такимъ образомъ неудачный выборъ епископа много содѣйствовалъ тому, что устройство православной епархіи въ Далмаціи не могло принесть желаемыхъ результатовъ.

Высшее управленіе духовными дѣлами православнаго населенія Далмаціи было ввѣрено, и по настоящее время находится въ вѣдѣніи министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ Вѣнѣ, которое, разумѣется, заботилось и заботится, главнымъ образомъ, объ интересахъ католичества. Понятно, что бывали принимаемы мѣры, которыя живо напоминали сербу-далматинцу времена венеціанской республики. Такъ напримѣръ было строго воспрещено сербу быть судьей или нести какія-либо высшія административныя обязанности. Вообще, православные сербы были преслѣдуемы при всякомъ случаѣ съ цѣлью побудить ихъ отказаться отъ своей вѣры.

Въ очеркѣ исторіи уніи въ Далмаціи мы разсмотримъ причины, которыя побудили Кральевича оставить Далмацію. Послѣ бѣгства его изъ Далмаціи, епархіальная администрація была ввѣрена іеромонаху Спиридону Алексѣевичу, отправлявшему обязанности священника задарскаго прихода. Затѣмъ, по ходатайству сербскаго митропо-

лита Стефана Стратимировича о назначеніи архимандрита монастыря Гомирія Іосифа Раячича епископомъ далматинскимъ, 24-го іюля 1829 года, послѣдовало на то императорское соизволеніе. Хотя чрезъ назначеніе Іосифа Раячича епископомъ далматинскимъ и была, такъ сказать, de jure признана каноническая зависимость далматинской православной епархіи отъ сербской митрополіи, тѣмъ не менѣе, австрійское правительство, по политическимъ соображеніямъ, не признало de facto такой зависимости. Такъ напримѣръ далматинскіе сербы не имѣли права принимать участія въ засѣданіяхъ карловицкаго собора, еслибы онъ и былъ созываемъ по дѣламъ православныхъ епархій въ Австріи. Правда, что сербскіе депутаты Далмаціи принимали участіе въ засѣданіяхъ карловицкаго собора 1852 г., но не имѣли на немъ права подачи голоса.

Принявъ въ свою власть духовное управленіе всею Далмаціей, епископъ Іосифъ Раячичъ былъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе. Напомнимъ, что сербская народность въ Далмаціи, по мнѣнію австрійскаго правительства, представляетъ задатки, противодѣйствующіе развитію благосостоянія монархіи. Поэтому было строго воспрещено устройство въ Далмаціи сербскихъ училищъ; въ сербскихъ учебникахъ было вычеркнуто слово «народность»; метрическія книги православныхъ приходовъ должны были писаться латинскимъ алфавитомъ (латиницей). Притомъ въ далматинской епархіи существовала полная анархія. Іосифъ Раячичъ, не успѣвши еще, можно сказать, ознакомиться съ новыми своими обязанностями, былъ принужденъ бороться съ новымъ поборникомъ уніи, какимъ явился одинъ сельскій православный священникъ, лишенный сана за дурное поведеніе. Несмотря на кратковременное свое управленіе далматинскою епархіею, Іосифъ Раячичъ успѣлъ устроить въ 1834 году православную семинарію въ городѣ Шебеникѣ.

На мѣсто Іосифа Раячича, переведеннаго въ вершацкую епархію, епископомъ далматинскимъ былъ назначенъ Пантелей Живковичъ. Преслѣдованіе сербской народности австрійскимъ правительствомъ, о чемъ мы говорили, имѣло, впрочемъ, своего рода и благопріятныя стороны для сербскаго населенія. Ясно усматривая опасность, грозящую ихъ народности, сербы могли уже осмотритель-

нѣе дѣйствовать противъ козней римско-католической пропаганды и легче сохранить у себя православіе во всей его чистотѣ. Пантелей Живковичъ былъ горячимъ поборникомъ православія. Поэтому и назначеніе его на высокое мѣсто епископа Далмаціи доставило нравственную поддержку мѣстному православному населенію. Къ сожалѣнію онъ вскорѣ умеръ (въ 1836 г.). Послѣ его смерти далматинская епархія, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, оставалась безъ архіерея. Въ этотъ промежутокъ времени, именно въ 1841 году, православная семинарія была перенесена изъ г. Шебеника въ Задаръ и австрійскимъ правительствомъ было рѣшено, что г. Задаръ имѣетъ быть впредь мѣстопребываніемъ епископа православной далматинской епархіи.

Въ 1843 году былъ посвященъ въ санъ епископа далматинскаго архимандритъ Іероѳей Мутибаричъ, который былъ первымъ епископомъ, пребывавшимъ въ г. Задрѣ. 4-го марта 1849 года, былъ изданъ патентъ, въ силу котораго была провозглашена свобода вѣроисповѣданія въ Австріи. Такимъ образомъ было признано за каждою церковью право свободнаго отправленія своей службы и управленія по своимъ собственнымъ вѣрозаконнымъ постановленіямъ. Патентъ 31-го декабря 1851 года, подтвердилъ патентъ 1849 года и притомъ провозгласилъ торжественно свободу всѣмъ вѣроисповѣданіямъ въ примѣненіи своихъ церковныхъ каноновъ. Въ силу означенныхъ патентовъ православнымъ сербамъ былъ открытъ доступъ къ занятію судебно-административныхъ мѣстъ въ Далмаціи. Въ 50-хъ годахъ, въ бывшемъ архіерейскомъ помѣщеніи въ г. Шебеникѣ было устроено, на денежное пожертвованіе негоціанта Бована, элементарное сербское училище. Хотя по императорскому рескрипту 16-го іюля 1853 года и было дозволено устроить въ Задрѣ православную консисторію, но открытіе ея воспослѣдовало только 18-го іюня 1860 года при преемникѣ Мутибарича—Стефанѣ Кнежевичѣ, нынѣшнемъ епископѣ задарской православной епархіи.

Принимая во вниманіе территоріальную обширность задарской епархіи, трудность сообщеній по Далмаціи, въ особенности въ зимнее время, сопряженныхъ съ значительными путевыми издержками,

а наконецъ и положительную невозможность одному архіерею лично наблюдать за всею ввѣренною ему паствой, православные далматинцы нерѣдко заявляли свое желаніе о необходимости устроить у себя другую епархію, такъ, чтобы округи задарскій и сплѣтскій составили задарскую епархію, а округи—которскій и дубровницкій съ приходомъ Неретвой—которскую епархію. 6-го ноября 1870 г. послѣдовало императорское разрѣшеніе относительно устройства этой второй епархіи, а 25-го февраля 1871 года архимандритъ Герасимъ Петрановичъ былъ назначенъ завѣдывающимъ дѣлами вновь учрежденной епархіи; въ іюнѣ же 1874 года онъ былъ утвержденъ императоромъ въ санѣ епископа которскаго. Оканчивая нашъ очеркъ православной церкви въ Далмаціи, мы не считаемъ лишнимъ при этомъ замѣтить, что, въ силу императорскаго рескрипта отъ 23-го января 1873 года, далматинскія православныя епархіи подпали духовной юрисдикціи румунской митрополіи.

Современное состояніе православія въ Далмаціи.

Религіозно-національное просвѣщеніе сербскаго населенія Далмаціи. Церковно-административное устройство Далмаціи. Доходы приходскаго духовенства. Денежная субсидія правительства на содержаніе православной Задарской епархіи.

Политическое и административное положеніе Далмаціи, составляющей часть Цислейтаніи, разрываетъ всякое соотношеніе тамошняго православнаго сербскаго населенія съ своими единовѣрцами въ Хорватіи и Славоніи. Православные сербы въ Далмаціи, по политическимъ соображеніямъ австрійскаго правительства, вполнѣ изолированы. Кромѣ того, австрійское правительство весьма равнодушно относится къ устройству въ Далмаціи сербскихъ училищъ, которыя, какъ разсадники сербскаго народнаго образованія, понятно, мало отвѣчаютъ политическимъ его видамъ. Въ Далмаціи есть нѣсколько сербскихъ училищъ, къ сожалѣнію пока только первоначальныхъ; но и онѣ были открыты на пожертвованія частныхъ лицъ. До 1869 года, первоначальныя сербскія училища въ Далма-

віи находились подъ непосредственнымъ надзоромъ мѣстнаго православнаго духовенства, а въ означенномъ году былъ устроенъ въ Задрѣ учебный совѣтъ, большинство членовъ котораго представляетъ римско-католическій элементъ. По настоящее время помянутый совѣтъ мало содѣйствовалъ улучшенію состоянія сербскихъ училищъ. Впрочемъ трудно и предполагать, чтобы передача училищъ въ вѣдѣніе особаго совѣта могла принести имъ помощь. Для улучшенія сербскихъ училищъ потребны денежныя вспоможенія со стороны сербскаго населенія, но трудно на это расчитывать по причинѣ скудости его матеріальныхъ средствъ. Надлежало бы устранить изъ учебнаго совѣта членовъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, такъ какъ они не могутъ охотно содѣйствовать развитію въ странѣ образованія въ духѣ православнаго ученія.

Разсадникомъ духовнаго образованія въ Далмаціи служитъ православная семинарія, открытая въ 1860 году въ Задрѣ. Въ семинарію принимаются воспитанники, имѣющіе гимназическій дипломъ или, по меньшей мѣрѣ, окончившіе курсъ первыхъ шести классовъ гимназіи, хотя весьма часто дѣлаются изъятія изъ этого правила. За неимѣніемъ въ Далмаціи сербской гимназіи, сербы, предназначающіе себя къ духовному званію, получаютъ подготовительное образованіе, по необходимости, въ мѣстныхъ гимназіяхъ, гдѣ науки преподаются на итальянскомъ языкѣ и гдѣ воспитаніе и образованіе вообще ведется подъ вліяніемъ римско-католическимъ. Понятно, что, во время продолжительнаго пребыванія въ гимназіяхъ, они привыкаютъ не считать предосудительнымъ отступленія отъ постановленій православной церкви. Такимъ образомъ, они поступаютъ въ семинарію, будучи иногда еще не тверды въ догматахъ православной вѣры. Надо имѣть значительную силу характера, чтобы успѣть, во время четырехлѣтняго семинарскаго курса, вполнѣ переработать себя. Притомъ, программа наукъ, преподаваемыхъ въ семинаріи, мало способствуетъ упроченію богословскаго образованія. Вообще семинарское образованіе въ Далмаціи представляетъ весьма слабую подготовку для будущихъ дѣятелей православной церкви.

Далмація, въ церковно-административномъ отношеніи, раздѣ-

лена, какъ мы выше замѣтили, на 2 епархіи: задарскую и которскую.

Задарская епархія обнимаетъ собою округи: задарскій и сплѣтскій и подраздѣлена на пять протопопій, а именно: 1) Задарская, въ ней приходовъ—17, церквей—20 (приходскихъ—17 и филіальныхъ—3), монастырь—1 (Круша), селъ—60 и прихожанъ—16,349. 2) Скрадинская; въ ней приходовъ—6, церквей—8 (приходскихъ—6 и филіальныхъ—2); монастырь—1 (Крка), селъ—36 и прихожанъ—6,974. 3) Шебеникская; въ ней приходовъ—6, церквей—8 (приходскихъ—6 и филіальныхъ—2), селъ—31 и прихожанъ—5,599. 4) Книнская; въ ней приходовъ—15, приходскихъ церквей—15, селъ—41 и прихожанъ—20,816. 5) Имосская; въ ней приходовъ—5, церквей—8 (приходскихъ—5 и филіальныхъ—3), монастырь—1 (Драговичъ), селъ—45 и прихожанъ—7,211.

Такимъ образомъ въ Задарской епархіи, раздѣленной на пять протопопій, находится: 49 приходовъ, 49 приходскихъ и 10 филіальныхъ церквей, 3 монастыря, 213 селъ и 53,949 прихожанъ.

Духовному управленію задарскаго епископа подлежитъ также селеніе Перой, лежащее въ двухъ часахъ разстоянія отъ города Полы: это единственная сербская колонія на всей территоріи Истріи.

Которская епархія обнимаетъ собою округи дубровницкій и которскій и подраздѣлена на три протопопіи: 1) Нови; въ ней приходовъ—19, церквей—38 (приходскихъ—19 и филіальныхъ—19), монастырь—1 (Саввина), селъ—61 и прихожанъ—7,866. 2) Которская; въ ней приходовъ—34, церквей—103 (приходскихъ—37 и филіальныхъ—66), монастырей—2 (Ластва и Баня), селъ 105 и прихожанъ—14,471. 3) Будвинская; въ ней приходовъ—13, церквей—35 (приходскихъ—13 и филіальныхъ—22), монастырей—5 (Градиште, Режовичъ, Праскица, Дулѣво и Маине), селъ—51 и прихожанъ—5,484.

Такимъ образомъ въ которской епархіи, раздѣленной на три

протопопіи, находится 66 приходовъ, 69 приходскихъ и 107 филіальныхъ церквей, 8 монастырей, 217 селъ и 27,821 прихожанъ.

Не считаемъ лишнимъ при этомъ сдѣлать три замѣчанія: 1) границы православныхъ приходовъ въ Далмаціи и по настоящее время точно не опредѣлены. Такъ напримѣръ, одна часть города Нови и села Сербины принадлежитъ приходу Топлы, а другая ихъ часть — приходу Саввинѣ; село Мельина принадлежитъ къ приходамъ Саввинѣ и Поди, тогда какъ село Сербина лежитъ ближе къ селу Топлѣ и село Мельина ближе къ селу Поди, чѣмъ къ монастырю Саввинѣ. Понятно, что отсутствіе правильнаго разграниченія далматинскихъ епархій на приходы съ одной стороны затрудняетъ исполненіе приходскими священниками ихъ обязанностей, съ другой вредно и самому населенію: для священниковъ являются большія неудобства при исполненіи требъ въ зимнее время, а прихожане подлежатъ тройному сбору: въ день Богоявленія, между прочимъ священники изъ селъ Топлы и Поди и іеромонахъ изъ монастыря Саввины обходятъ всѣ дома въ помянутыхъ селахъ и въ городѣ Нови.

2) Сохранился стародавній обычай, въ силу котораго поселяне считаютъ себя прихожанами той церкви (хотя она и не изъ прихода), вблизи которой живутъ ихъ родственники или ближіе знакомые. Если сербское семейство бываетъ вынуждено, по домашнимъ обстоятельствамъ, переселиться изъ одного села въ другое, возлѣ него лежащее, то оно не перестаетъ посѣщать церковь того села, гдѣ нѣкогда жило, по привязанности къ ней или потому, что эта церковь была построена на пожертвованіе кого-нибудь изъ его предковъ и что возлѣ нея находятся могилы его родныхъ. Такимъ образомъ поселянинъ весьма часто не считаетъ себя прихожаниномъ того прихода, гдѣ онъ живетъ.

3) Во главѣ духовнаго управленія протопопіей стоитъ протопопъ или благочинный. Между тѣмъ и монастыри сохранили право назначать въ принадлежащіе имъ приходы своихъ іеромонаховъ, которые обязаны вносить около 100 гульденовъ ежегодно въ братскую кассу изъ суммы получаемыхъ ими съ прихода доходовъ. Такимъ

*

образомъ въ протопопіи являются двѣ церковно-административныхъ власти: съ одной стороны—протопопъ, съ другой — настоятель монастыря.

Доходы приходскаго духовенства въ Далмаціи почти тѣ же самые, какіе получало духовенство въ Хорватіи и Славоніи, по регламенту 1779 года, о чемъ мы выше говорили *). Мы не считаемъ лишнимъ при этомъ замѣтить, что австрійское правительство, начиная съ 1860 года, положило ежегодно ассигновывать 74,057 гульденовъ на содержаніе православной далматинской епархіи **), а именно: а) на годовые оклады: епископа—6,300 гульденовъ; котор-скаго провинарія—1,260 гульд., учителя священной исторіи въ задарской гимназіи 945 гульд. и учителя священной исторіи въ главномъ училищѣ въ г. Которѣ—315 гульд., а всего—8,820 гульд.; б) на годовые оклады личнаго состава консисторіи: архимандрита—1050 гульд., игумена—600 гульд., протопопа—800 гульд., священника—700 гульд., писца—367 гульд., служителя—158 гульд., и на остальные расходы по консисторіи 10,000 гульд., а всего—13,675 гульд.; в) на годовые оклады личнаго состава задарской семинаріи: ректора семинаріи—315 гульд., учителя пѣнія—210 гульд., на ежегодное содержаніе воспитанниковъ семинаріи въ числѣ 37 человѣкъ, считая по 157 гульд. и 50 крейцеровъ на каждаго воспитанника и по 63 гульд. на его одежду—8,158 гульд., и на разные расходы по семинаріи—1,000 гульд.; а всего—9,683 гульд.; г) на наемъ домовъ: епископа въ г. Задарѣ—1,890 гульд., провинарія въ г. Которѣ—564 гульд., добавочныя деньги на наемъ квартиръ для священниковъ тѣхъ приходовъ, въ которыхъ нѣтъ церковныхъ домовъ—1,046 гульд., а всего—3,500 гульд.; д) на награды и вспомоществованія: душеприкащикамъ—1,300 гульд., протопопамъ—500 гульд., на награды за преподаваніе церковныхъ предметовъ въ нормальной главной школѣ въ городѣ Задрѣ—150 гульд., на награды за преподованіе церковныхъ предметовъ въ школѣ мореплава-

*) См. очеркъ исторіи сербской православной церкви въ Хорватіи и Славоніи.

**) Въ настоящее время въ Далмаціи уже двѣ епархіи. Намъ неизвѣстно, какъ раздѣлена эта сумма или сколько вновь ассигновано правительствомъ на содержаніе которской епархіи.

нія въ г. Которѣ—53 гульд. и на ремонтъ зданій—1,000 гульд., а всего 3,003 гульд.; е) на чрезвычайныя издержки: учителю священной исторіи въ реальной школѣ въ г. Которѣ—525 гульд., учителю священной исторіи въ реальной школѣ въ г. Шебеникѣ—525 гульд.; вспоможеніе на постройку новыхъ церквей, а также и помѣщеній для приходскихъ священниковъ—10,000 гульд., всего 11,050 гульд. Итого всѣхъ исчисленныхъ по штату расходовъ—49,731 гульд., остальная сумма въ 25,726 гульд. была ассигнована правительствомъ на непредвидѣнные расходы по епархіи.

В. Католичество въ Далмаціи.

I.

Краткій очеркъ исторіи римско-католической церкви въ Далмаціи.

Занявъ въ VII ст. сѣверо-западную часть нынѣшней Далмаціи, хорваты приняли христіанство отъ римскихъ миссіонеровъ. Вдоль адріатическаго побережья жилъ, въ то время, романскій элементъ, который служилъ, можно сказать, стѣною, преграждавшею хорватамъ прямыя сношенія съ западными народами. Этотъ элементъ, стоя въ культурномъ отношеніи несравненно выше славянскаго, началъ стремиться къ тому, чтобы подчинить сей послѣдній элементъ своему непосредственному вліянію, а потому и старался, на сколько было возможно, противодѣйствовать введенію славянской литургіи въ хорватскихъ церквахъ. Въ XIII и XIV вѣкахъ, какъ можно полагать, процессъ ассимиляціи славянскаго элемента съ романскимъ въ далматинскихъ городахъ, уже былъ поконченъ, что открыло свободный путь католицизму во внутрь страны. Далматинскіе прелаты, въ угоду папамъ, становятся врагами народнаго языка, національныхъ стремленій народа. Весьма естественно, что такое настроеніе умовъ проникло и въ среду низшаго духовенства. Такимъ образомъ, римско-католическая церковь мало по малу стано-

вится орудіемъ венеціанскаго правительства при искорененіи въ сѣверной части Далмаціи и славянской народности и православія.

Въ южной части Далмаціи т. е. на территоріи дубровницкой республики и въ которскомъ округѣ католицизмъ также начинаетъ одерживать верхъ надъ православіемъ. Въ дубровницкой республикѣ католицизмъ является религіей аристократіи, которая начинаетъ принуждать народъ сербскій вступать въ лоно римско-католической церкви. Со времени покоренія которскаго округа венеціанскимъ правительствомъ, католицизмъ начинаетъ пускать въ странѣ глубокіе корни. Такъ мы видимъ, что, въ продолженіи XV и XVI вѣковъ, значительная часть православнаго населенія которскаго округа была уже обращена въ католичество.

Вмѣстѣ съ тѣмъ православные монастыри и церкви начинаютъ мало по малу переходить въ руки католиковъ. Многія развалины напоминаютъ теперь путешественнику о томъ времени, когда господствующимъ вѣроисповѣданіемъ было здѣсь православіе: въ Потравнѣ, къ сѣверо-западу отъ Сиия, находятся развалины маленькой церкви, по наружному виду греко-восточной; въ близъ лежащихъ мѣстностяхъ, существуетъ въ народѣ преданіе, что здѣсь жили греки. Весь полуостровъ Пельешацъ (Sabioncello) до второй половины XIV ст. былъ населенъ православными: развалины православныхъ храмовъ, по словамъ народа, покрываютъ полуостровъ: въ этомъ краѣ болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, народъ свято сохраняетъ въ своей памяти имена тѣхъ святыхъ, въ честь которыхъ были построены храмы. Всѣмъ извѣстно, что когда умиралъ св. Савва, который былъ епископомъ въ Стонѣ (Stagno), главномъ мѣстѣ на полуостровѣ Пельешацѣ (Sabioncello), то въ этомъ городѣ находился православный монастырь и церковь св. Николая. Когда дубравчане пріобрѣли въ свою собственность Рестъ и Стонъ (Stagno) за годичную плату въ 1,000 перпера, то католики, отнявъ у православныхъ монаховъ эти монастыри, передали въ 1347 году францисканцамъ, которые вскорѣ весь живущій здѣсь православный народъ обратили въ римско-католическую вѣру. Вообще, во время владычества Венеціи въ Далмаціи мѣстная римско-католическая церковь составляла предметъ особыхъ попеченій правительства.

Австрійское правительство, по отношенію къ римско-католической церкви, слѣдуетъ политикѣ Венеціи. Дѣйствительно, оно постоянно оказывало и оказываетъ римско-католической церкви покровительство, которое, иной разъ, выражается въ крайне странной формѣ. Такъ, напримѣръ, лѣтъ тридцать тому назадъ въ мѣстечкѣ Рисаню (вблизи Котора), населенномъ, по преимуществу, православными, была построена, на сумму собранную по подпискѣ, православная церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла; несмотря на то, что тамъ жило всего два римско-католическихъ семейства, мѣстная австрійская администрація принудила православныхъ устроить въ вышеозначенной церкви римско-католическій придѣлъ. Такихъ примѣровъ было не мало. Итакъ римско-католическая церковь находилась и находится при самыхъ благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ; церковь, находя себѣ и матеріальную и нравственную поддержку со стороны правительства, могла уже свободно дѣйствовать въ дѣлѣ прозелитизма.

II.

Церковно-административное устройство католическихъ церквей въ Далмаціи. Духовно-учебныя заведенія. Матеріальныя средства духовенства. Причины, почему далматы неохотно избираютъ для себя духовную карьеру. Религіозное настроеніе римско-католическаго населенія Далмаціи.

Въ церковно-административномъ отношеніи Далмація раздѣлена на одну архіепископію—задарскую и пять епископій—шебеникскую, сплѣтскую, хварскую, дубровницкую и которскую. Епископія задарская была устроена въ XI ст., въ архіепископію была преобразована въ 1154 году; въ 1830 году въ составъ ея вошла древняя епископія нинская, которая, по вторичномъ своемъ возобновленіи въ 1072 году, существовала почти до 2-й половины нынѣшняго столѣтія. Шебеникская епархія была устроена въ 1279 году, а въ 1830 году были къ ней присоединены скрадинская епископія и часть трогирской епископіи, которая была устроена еще въ

1066 году. Сплѣтская епископія была устроена во второй половинѣ VII ст., съ теченіемъ времени, была преобразована въ архіепископію. Буллою папы Каликста II, отъ 1121 года дубровницкая епархія, до тѣхъ поръ самостоятельная, была подчинена, въ церковно-административномъ отношеніи, сплѣтской архіепископіи. Въ 1198 году, загребская епископія была подчинена власти сплѣтскаго архіепископа, который тогда принялъ титулъ: «архіепископа всей Далмаціи и Хорватіи». Территорія сплѣтской архіепископіи начинаетъ мало по малу увеличиваться, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается вліяніе архіепископа. Архіепископъ сплѣтскій Кресцентій съумѣлъ въ 1210 году подчинить своей духовной власти Вильгельма, епископа Оссерскаго и тѣмъ поставить въ зависимость отъ себя всѣ Кварнерскіе острова. Въ началѣ текущаго столѣтія сплѣтская епископія была преобразована въ архіепископію, а въ 1830 году къ ней была присоединена макарская епископія. Дубровницкая архіепископія въ началѣ текущаго столѣтія была преобразована въ епископію, а въ 1830 году къ ней были присоединены епархіи—корчульская и стонская: сія послѣдняя была устроена еще въ началѣ X ст. великимъ жупаномъ захумскимъ Михаиломъ Вишевичемъ. Вышепоименованныя епархіи подраздѣлены на 301 приходъ и 120 мѣстныхъ капелланствъ; въ Далмаціи 60 мужскихъ и 8 женскихъ монастырей; мѣстное римско-католическое населеніе простирается до 338,374 душъ.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ образованіи и матеріальныхъ средствахъ мѣстнаго римско-католическаго духовенства.

Населеніе Далмаціи, въ разныя эпохи исторической своей жизни, подпадало власти разнородныхъ правительствъ, которыя вообще покровительствовали въ странѣ развитію образованія, впрочемъ въ духѣ римско-католическаго ученія. Такъ мы видимъ, что венеціанская республика устраиваетъ по всей Далмаціи частныя училища, которыя являются подготовительными классами для поступленія въ лоретскую семинарію *). Изученіе молодыми далматами богословскихъ наукъ въ означенной семинаріи требовало отъ нихъ значительныхъ

*) Она находится въ Италіи въ г. Лоретто (вблизи г. Анконы).

издержекъ, представляло много и другаго рода неудобствъ. Поэтому и были устроены, въ прошломъ столѣтіи, въ Далмаціи слѣдующія семинаріи: задарская (въ Задрѣ), стараніями задарскаго архіепископа Смаевича; шебеникская (въ городѣ Шебеникѣ), въ находящемся тамъ францисканскомъ монастырѣ; сплѣтская (въ г. Сплѣтѣ) и дубровницкая (въ г. Дубровникѣ). Въ семинаріяхъ дубровницкой, сплѣтской и шебеникской курсъ наукъ продолжается четыре года; а въ задарской — шесть лѣтъ. Мы не будемъ разсматривать здѣсь учебную программу, принятую въ помянутыхъ семинаріяхъ, такъ какъ она мало отличается отъ учебной программы въ хорватско-славонскихъ семинаріяхъ, о которыхъ мы уже выше говорили. Считаемъ долгомъ лишь замѣтить, что учебнымъ языкомъ въ далматинскихъ римско-католическихъ семинаріяхъ былъ сначала языкъ славянскій, а въ настоящее время латинскій.

По бѣдности населенія Далмаціи и по крайней ограниченности и скудости стипендій, выдаваемыхъ молодому учащемуся тамъ поколѣнію, молодые далматы весьма часто бываютъ лишены всякой возможности пройти полный курсъ наукъ въ гимназіяхъ. Если же, при пособіи какого-либо благотворителя, далматъ и успѣваетъ получить гимназическое образованіе, то все-таки не бываетъ въ состояніи ѣхать въ Грацъ, Вѣну или Пештъ, даже въ Загребъ, для окончанія своего образованія въ тамошнихъ университетахъ. Но, такъ какъ безъ университетскаго диплома, онъ не можетъ разсчитывать на хорошую карьеру въ гражданской службѣ, гдѣ могъ бы — обезпечить себя въ матеріальномъ отношеніи, то онъ поневолѣ поступаетъ въ семинарію, гдѣ довершаетъ безвозмездно свое образованіе, и затѣмъ уже получаетъ мѣсто въ какомъ-либо приходѣ. Правда, чтобы имѣть постоянно въ запасѣ извѣстное число кандидатовъ для замѣщенія ими вакантныхъ мѣстъ въ церковной іерархіи, мѣстное римско-католическое духовенство придумало устроить въ каждой епархіи, по «приватной семинаріи». Подъ этимъ именемъ разумѣются готовыя помѣщенія для мальчиковъ-стипендіатовъ духовнаго вѣдомства. Эти стипендіаты обыкновенно начинаютъ свое образованіе съ нормальной школы, откуда переходятъ въ гимназію, а по оконча-

нія гимназическаго курса они обязаны поступить въ епархіальную семинарію. Эти молодые далматы, въ теченіи всего времени, пока посѣщаютъ классы нормальной школы, а затѣмъ—гимназіи, пользуются даровымъ помѣщеніемъ, пищей и одеждой въ «приватныхъ семинаріяхъ». Надзоръ надъ ними ввѣренъ лицамъ духовнаго званія. Такимъ образомъ, молодой далматъ еще съ малолѣтства начинаетъ мало по малу свыкаться съ предстоящимъ ему поприщемъ церковнаго служенія.

Австрійское правительство обращало и обращаетъ особое вниманіе и на улучшеніе матеріальныхъ средствъ мѣстнаго римско-католическаго духовенства. Императоръ Іосифъ II, увеличивъ число приходовъ въ Далмаціи, не преминулъ обратить свои заботы и на возвышеніе годоваго оклада священниковъ во вновь устроенныхъ приходахъ. Такъ приходскимъ священникамъ было положено 400 гульденовъ годоваго оклада, а капелянамъ 200 гульденовъ, штатные священники старыхъ приходовъ сохранили свои 300 гульденовъ. Впрочемъ, доходы, получаемые штатными священниками во-первыхъ съ недвижимыхъ имуществъ, составляющихъ собственность ввѣренныхъ имъ приходовъ; во-вторыхъ отъ платы за требы и т. д. значительно превосходили назначенный имъ окладъ жалованья. Кромѣ того, при каждой приходской церкви полагается для ея настоятеля даровое помѣщеніе и отопленіе. Хотя императоръ Іосифъ II, какъ мы выше видѣли, и назначилъ римско-католическому духовенству извѣстный окладъ содержанія; но, съ того времени, условія перемѣнились: деньги упали въ цѣнѣ, тогда какъ цѣны на жизненные продукты возвысились, такъ что оно стало чувствовать крайнюю потребность въ улучшеніи матеріальнаго своего положенія. Министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ Карлъ Штремайеръ сдѣлалъ въ 1870 году нѣсколько предложеній касательно улучшенія финансоваго положенія духовенства. Но для того, чтобы оказанная помощь была вполнѣ раціональна, онъ обратился 2-го декабря 1870 года къ задарскому генералъ-губернатору, приглашая его собрать и доставить ему слѣдующія необходимыя свѣдѣнія:

1) На какую сумму долженъ быть увеличенъ годичный окладъ содержанія римско-католическаго духовенства въ Далмаціи и какая

часть изъ его содержанія должна быть отчислена въ «Religions-fond»?

2) Возможно ли увеличить плату за отправленіе требъ и если это возможно, то на какую сумму увеличится чрезъ это доходъ духовенства?

3) Какимъ путемъ возможно бы было опредѣлить доходы бѣлаго и чернаго духовенства на болѣе прочныхъ основаніяхъ, чѣмъ теперь?

4) Какимъ образомъ возможно бы было увеличить доходы «Religions-fond'a»?

Намъ не извѣстно, какого рода соображенія были представлены задарскимъ генералъ-губернаторомъ министру Штремайеру на вышеприведенные вопросы. Въ мартѣ 1871 года, членъ рейхсрата каноникъ Гинцель поднялъ въ имперскомъ совѣтѣ вопросъ объ улучшеніи матеріальнаго положенія вообще всего римско-католическаго духовенства въ Цисъ-Лейтаніи. Между прочимъ онъ предложилъ увеличить суммы, предназначенныя для годичныхъ окладовъ духовенства, замѣтивъ при этомъ, что слѣдовало бы распредѣлить эти добавочныя суммы между духовными соотвѣтственно занимаемому ими мѣсту и вообще ихъ положенію. Горячія пренія по этому вопросу продолжались въ рейхсратѣ вплоть до 7 іюля 1871 года; сессія его закончилась, не приведши, по этому предмету, ни къ какому результату. Итакъ означенный вопросъ, разрѣшеніе котораго принадлежитъ собственно рейхсрату, остался открытымъ. Въ тронной рѣчи, которою императоръ открылъ седьмую сессію рейхсрата 28 декабря 1871 г., онъ между прочимъ замѣтилъ, что правительство позаботится объ улучшеніи положенія низшаго римско-католическаго духовенства, на сколько это зависитъ отъ государственной власти. Спустя два мѣсяца, послѣ этого обѣщанія, выраженнаго императоромъ, министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ Штреймайеръ объявилъ палатѣ депутатовъ о новомъ законѣ, въ силу котораго правительство открываетъ низшему римско-католическому духовенству въ Цисъ-Лейтаніи кредитъ въ 500,000 гульденовъ, для раздачи изъ этой суммы пособій, въ теченіи 1872 года. Эта сумма пособій была утверждена императоромъ 3 апрѣля 1872 года и выдача ея повторялась и въ теченіи слѣдующихъ годовъ — 1873 и 1874 годовъ. Такимъ образомъ, часть означенной суммы была роздана между низшимъ римско-католическимъ

духовенствомъ въ Далмаціи, а именно правительство ассигновало на все низшее римско-католическое духовенство въ Далмаціи — 70,643 гульдена и изъ этой суммы рѣшило выдавать приходскимъ священникамъ 500 гульденовъ годоваго содержанія, а капеляну или священнику въ одной изъ приписныхъ церквей 300 гульденовъ.

Финансовое положеніе низшаго римско-католическаго духовенства является, по нашему мнѣнію, не главною причиной, почему молодые далматы не охотно вступаютъ въ ряды служителей церкви. Поищемъ причины этого явленія въ отношеніяхъ низшаго духовенства къ высшему и къ мѣстной свѣтской администраціи.

Церковь велитъ низшему духовенству повиноваться приказаніямъ свыше, точно исполнять распоряженія прелатовъ; но часто эти распоряженія не согласуются ни съ дѣятельностью мѣстной свѣтской администраціи, ни съ тѣми стремленіями, которыя выражаетъ народъ. По этому низшему духовенству, по волѣ своихъ прелатовъ, нерѣдко приходится играть двусмысленную роль и, въ глазахъ мѣстнаго правительства и въ глазахъ народа — своей паствы, идти на перекоръ своимъ убѣжденіямъ. Если мѣстные епархіальные архіереи желаютъ провести извѣстныя тенденціи, несогласныя съ духомъ правительства, то прибѣгаютъ за содѣйствіемъ къ низшему духовенству, зная, что оно стоитъ ближе всего къ народу. Въ случаѣ, если оно не станетъ сообразоваться въ своей дѣятельности съ циркуляромъ, присланнымъ къ нему, чрезъ посредство консисторіи, епархіальнымъ архіереемъ, то подвергается церковному наказанію, а если не исполняетъ его въ томъ духѣ, въ какомъ ему предписано, то получаетъ со стороны мѣстной власти строгій выговоръ. Между тѣмъ, епархіальное духовенство, получивши циркуляръ, не знаетъ: маскируетъ ли епархіальный архіерей свои заявленія или же чистосердечно въ немъ ихъ излагаетъ? Такъ напримѣръ, когда въ маѣ 1868 года была произведена реформа по учебному вѣдомству, крайне непріятная для прелатовъ, то они стали тайно подстрекать низшее духовенство, чтобы оно возбуждало народъ противъ этой реформы. Разумѣется, мѣстная администрація отнеслась очень строго къ образу дѣйствій духовенства и обратилась къ прелатамъ съ вопросомъ: по чьему наущенію оно предприняло агитацію, несогласную съ духомъ церкви? Тогда прелаты поспѣшили сложить

съ себя всю вину на подчиненныхъ, будто бы дѣйствовавшихъ вопреки ихъ волѣ и не замедлили сдѣлать симъ послѣднимъ выговоръ за безтактный образъ дѣйствій. Въ 1874 году былъ поднятъ вопросъ объ изданіи новаго конфессіональнаго закона. Прелаты сначала подстрекали низшее духовенство перейти на сторону оппозиціи; но вскорѣ затѣмъ, лично убѣдившись въ невозможности противодѣйствовать въ означенномъ вопросѣ стремленіямъ правительства, порѣшили выступить изъ оппозиціоннаго лагеря, придумывая для этого тѣ или другія причины: такимъ образомъ, низшее духовенство осталось лицомъ къ лицу съ правительствомъ.

Итакъ низшее римско-католическое духовенство въ Далмаціи по многимъ вопросамъ не знаетъ, держаться ли стороны правительства или исполнять велѣнія своихъ архипастырей, въ большинствѣ случаевъ весьма тонкихъ дипломатовъ. А между тѣмъ римско-католическому духовенству нерѣдко приходится имѣть соприкосновеніе съ мѣстною администраціей; такъ напримѣръ: если священнику нужны средства для совершенія какой-либо поѣздки, то онъ принужденъ бываетъ обратиться къ администраціи, такъ какъ мѣстные епархіальные архіереи въ эти дѣла не вмѣшиваются. Это положеніе между двухъ огней дѣлаетъ жизнь римско-католическаго духовнаго крайне тяжелой; онъ знаетъ, что, въ минуту опасности, духовная власть, по наущенію которой онъ предпринялъ тотъ или другой образъ дѣйствій, не только не протянетъ ему руки помощи, но еще и выдастъ его врагамъ, которые и накажутъ его за преступленіе, совершенное начальствомъ.

Укажемъ теперь на нѣкоторыя причины, вслѣдствіе которыхъ мѣстное римско-католическое духовенство не пользуется, въ настоящее время, большимъ вліяніемъ среди народа. Мѣстное римско-католическое духовенство, въ большинствѣ случаевъ, не является представителемъ народнаго славянскаго элемента. Если и встрѣчаются, въ настоящее время, въ средѣ духовенства личности, которыя проникнуты народными чувствами, то онѣ, въ большинствѣ случаевъ, принадлежатъ къ молодому поколѣнію. Но чѣмъ кто выше занимаетъ мѣсто въ церковной іерархіи, чѣмъ кто старше по возрасту, тѣмъ сильнѣе старается отстраниться отъ народа. Мы не счи-

таемъ лишнимъ при этомъ замѣтить, что на территоріи бывшей польичкой республики мѣстное римско-католическое духовенство совершаетъ богослуженіе по славянскимъ книгамъ, писаннымъ глаголицей *), обыкновенно носитъ мѣстные національные костюмы и вообще является горячимъ поборникомъ славянской народности. Двусмысленная роль, какую играетъ мѣстное духовенство, о чемъ мы уже выше говорили, не можетъ поселить къ нему довѣрія со стороны мѣстнаго славянскаго населенія. Притомъ приходскій священникъ мало заботится о томъ, чтобы научать своихъ прихожанъ христіанскому ученію, знакомить ихъ съ догматической стороной религіи. Народъ такъ свыкся съ внѣшнею, обрядовою стороной религіи, что не чувствуетъ и потребности въ духовно-поучительныхъ бесѣдахъ своего пастыря.

Далматы-католики—весьма набожны: они молятся четыре раза въ день, а именно: по утру когда встаютъ, въ полдень передъ обѣдомъ, вечеромъ передъ ужиномъ и наконецъ когда ложатся спать. Въ праздничные дни все сельское населеніе отправляется въ церковь: мужчины обыкновенно становятся тамъ слѣва, а женщины справа. Далматы въ особенности чествуютъ: Пресвятую Дѣву Марію и св. угодниковъ: Іоанна, Георгія, Николая и Антонія изъ Падуи.

В. Уніатская церковь въ Далмаціи.

Исторія введенія уніи въ этой провинціи и современное ея здѣсь состояніе.

Далматинская унія является свѣтлою страницею въ исторіи православія въ Далмаціи. Сербскій народъ крѣпко держался за свою вѣру: несмотря на всѣ ухищренія и громадныя затраты мѣстныхъ властей для введенія уніи въ Далмаціи, несмотря на заманчивыя кар-

---

*) Въ сплѣтской римско-епархіи насчитывается до 69 приходскихъ церквей, въ которыхъ богослуженіе отправляется по славянскимъ книгамъ, написаннымъ глаголицей. По означеннымъ книгамъ совершается богослуженіе и въ мѣстности, тянущейся отъ города Задра (Zara) вплоть до селенія Турана (Torrette).

тины, которыя рисовала ловкая рука главнаго агитатора въ этомъ дѣлѣ, православнаго епископа Далмаціи Венедикта Кральевича, едва шесть сотъ православныхъ сербовъ признали главенство папы.

При составленіи нами историческаго очерка уніи въ Далмаціи, матеріаломъ служила брошюра появившаяся въ 1863 году въ Бѣлградѣ, подъ названіемъ: «*Преписка о Уніи далматинскогъ епископа Венедикта Кралѣвича са аустрійскимъ правителствомъ*». Эта брошюра, изданная при содѣйствіи Алексѣя Симича, почотнаго члена общества сербской словестности въ Бѣлградѣ, и содержащая между прочимъ тайную переписку означеннаго епископа съ австрійскимъ правительствомъ, была составлена далматинцемъ Андреемъ Личиничемъ, бывшимъ протодіакономъ и секретаремъ далматинскаго епископа Венедикта Кральевича. По званію архіерейскаго секретаря Андрей Личиничъ, разумѣется, былъ посвященъ во всѣ тайныя дѣйствія своего епископа—главнаго, какъ мы уже сказали, агитатора въ пользу уніи. За напечатаніе одного своего труда, въ которомъ преданы гласности нѣкоторые поступки епископа Кральевича, г. Личиничъ впалъ у него въ немилость и долженъ былъ бѣжать въ Черногорію, а оттуда отправился пѣшкомъ чрезъ Герцеговину и Боснію въ Сербію, гдѣ покойный сербскій князь Милошъ сдѣлалъ его своимъ придворнымъ діакономъ. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, г. Личиничъ отправился въ Бессарабію, гдѣ, принявъ фамилію Стояновича, сталъ выдавать себя за мірянина. Но онъ не могъ долго ужиться въ новой мѣстности. И вотъ, не прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ г. Личиничъ опять перемѣняетъ мѣсто своего жительства: переѣзжаетъ въ Валахію, гдѣ онъ и умеръ. Въ послѣднее время, а именно въ бытность свою въ Валахіи, онъ приготовилъ къ изданію въ свѣтъ тайную переписку епископа Кральевича съ австрійскимъ дворомъ; этотъ трудъ долго оставался не напечатаннымъ и наконецъ появился въ свѣтъ единственно, какъ мы выше видѣли, благодаря содѣйствію г. Симича. Считаемъ не лишнимъ при этомъ замѣтить, что одинъ итальянецъ переписалъ изъ тайнаго архіерейскаго архива означенную переписку и присовокупивъ къ ней небольшое предисловіе, издалъ ее въ формѣ брошюры. Въ своемъ предисловіи, авторъ, исповѣдующій римско-католическую религію, говоритъ между прочимъ,

что «въ проведеніи уніи въ Далмаціи высказалась и большая несправедливость и незаконныя нападенія на православную вѣру»; онъ заканчиваетъ свое предисловіе такимъ образомъ: «я напечаталъ эту брошюру съ тою цѣлью, чтобы общество могло произнести свой справедливый приговоръ надъ тѣми частными лицами и властями, которыя рѣшились до такой степени унижать свое достоинство».

Въ первый періодъ своего владычества въ Далмаціи (а именно съ 1797 г. по 1805 г.), австрійское правительство уже дѣлало нѣкоторыя попытки ввести унію въ этой провинціи; но его старанія, въ этомъ отношеніи, не принесли желанныхъ послѣдствій. По пресбургскому миру, 26 декабря 1805 г., австрійская Далмація перешла во власть французовъ, которые провозгласили свободу вѣроисповѣданій. По рескрипту императора Наполеона I, изданному въ Сенъ-Клу 19-го сентября 1808 г., было разрѣшено устроить въ Далмаціи православную епархію и основать въ одномъ изъ городовъ Далмаціи семинарію, какъ разсадникъ будущихъ представителей тамъ православнаго духовенства. Сербскій народъ, хорошо сознавая всю необходимость имѣть для себя образованное духовенство, былъ крайне обрадованъ этою императорскою милостью. Но эта прекрасная мысль императора Наполеона I—устроить въ Далмаціи православную семинарію осталась только мыслію: событія въ это время шли быстро, скоро смѣнялись одно другимъ и дѣятели того замѣчательнаго времени, не успѣвъ покончить съ однимъ дѣломъ, уже хватались за другое, стоявшее на очереди и требовавшее исполненія,—и эта фактическая неурядица, одушевленная великими идеями, закончила свое историческое бытіе 1814-мъ годомъ, когда Далмація, по вѣнскому миру, была вторично пріобрѣтена австрійскимъ правительствомъ.

Мысль объ уніи была любимой мыслію австрійскаго императора Франца I, который съ особеннымъ рвеніемъ старался объ осуществленіи ея въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ: онъ хотѣлъ, между прочимъ, объуніатить все православное населеніе Далмаціи и тѣмъ приготовить почву для обращенія нѣсколькихъ десятковъ тысячъ народа въ католичество. Наидѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ генералъ-губернатора Далмаціи, барона Томашича, и австрійскаго министра внутреннихъ дѣлъ графа Саврау, въ дѣлѣ введенія уніи

въ Далмаціи, явился православный далматинскій епископъ Венедиктъ Кральевичъ. Мы остановимся на этой личности, такъ какъ она характеризуетъ тѣ начала, которыя легли въ основу этого дѣла.

Біографія Кральевича крайне интересна: изъ простаго и необразованнаго послушника онъ съумѣлъ достигнуть архіерейскаго сана и, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, сосредоточивалъ на себѣ интересъ представителей австрійскаго правительства. Венедиктъ Кральевичъ (собственная его фамилія «Патьявура», въ Турціи онъ имѣлъ прозвище «пачаурица», т. е. тряпка) родился 15-го января 1767 г. въ мѣстечкѣ Бальджіа, вблизи г. Салоникъ (въ Македоніи). Въ молодости онъ былъ принятъ послушникомъ въ хилендарскій монастырь на Аѳонской горѣ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1805 г., въ первый разъ г. Кральевичъ появился въ Далмаціи. Свою встрѣчу съ г. Кральевичемъ архимандритъ Зеличъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: «въ бытность мою въ г. Задрѣ, какъ-то разъ въ петровъ постъ, вошелъ ко мнѣ въ комнату слуга и доложилъ, что какой-то монахъ хочетъ со мной говорить; думая, что онъ пришелъ по какому-либо важному дѣлу, я дозволилъ ему войти. Вошелъ человѣкъ мнѣ совершенно незнакомый; съ первыхъ его словъ, по его выговору, я узналъ, что онъ не уроженецъ Далмаціи, а чужестранецъ, поэтому я его спросилъ: откуда онъ? Протосинкелъ съ Синайской горы, отвѣтилъ онъ. Затѣмъ я узналъ, что онъ прошелъ всю Боснію, собирая милостыню и съ тою же цѣлью пришелъ въ Далмацію. Онъ просилъ меня отрекомендовать его приходскимъ священникамъ и торговцамъ. Я очень плохо понималъ его по-сербски и, полагая, что онъ грекъ, сталъ съ нимъ разговаривать по-гречески». Надо замѣтить, что, по случаю появившейся въ Турціи холеры, въ то время было строгое предписаніе отъ полиціи, чтобы всякій, приходившій изъ турецкихъ провинцій въ Далмацію, выдерживалъ пограничный карантинъ. Узнавши, что прибывшій изъ Турціи монахъ не исполнилъ этого полицейскаго предписанія, архимандритъ Зеличъ посовѣтовалъ ему вернуться въ Боснію и, выдержавши карантинъ, снова придти въ Далмацію и заняться здѣсь сборомъ милостыни. На слѣдующій день, рано по утру, неизвѣстный монахъ отправился обратно въ Турцію. «Прошло

нѣсколько мѣсяцевъ и я узналъ», разсказываетъ архимандритъ Зеличъ, «что неизвѣстный монахъ, приходившій просить моей протекціи, сдѣлался исправляющимъ должность епископа кратовскаго въ Босніи, купивъ это достоинство у высокопреосвященнаго Калиника, архіепископа сараевскаго». Не поладивши съ кратовскимъ пашей, Кральевичъ вскорѣ бѣжалъ изъ г. Кратова въ Сербію, и въ 1807 г. появляется въ Сремѣ. Кральевичъ искалъ всевозможныхъ лазеекъ, чтобы выдвинуться и занять прочное положеніе. Его не смущали средства, онъ не стѣснялся никакимъ орудіемъ, только бы вѣрнѣе достигнуть желанной цѣли. Въ этотъ періодъ его жизни онъ занимается погоней за отличіями; но еще не устраиваетъ тайныхъ подкопокъ подъ православную вѣру и сербскую народность. Впрочемъ, ему не долго пришлось находиться безъ опредѣленной цѣли: въ скоромъ времени онъ обратилъ на себя вниманіе нѣкоторыхъ своихъ соотечественниковъ въ Далмаціи, любившихъ, также какъ и онъ, ловить рыбу въ мутной водѣ политическихъ неурядицъ. Такъ Зеличъ разсказываетъ: «въ 1807 г., при генералѣ Марионѣ, главнокомандующемъ французскими войсками, расположенными въ Далмаціи, находился грекъ, по имени Николето Милярени. Этотъ послѣдній пришолъ какъ-то разъ ко мнѣ и сталъ просить меня переслать принесенное имъ съ собой письмо къ кратовскому епископу, пребывающему въ Сремѣ. Я положилъ это письмо въ свой конвертъ, и отправилъ его въ Карловацъ къ епископу Моисею Міаковичу, прося его послать письмо въ Сремъ на имя его высокопреосвященства г. митрополита сербскаго, для передачи въ руки кратовскаго епископа».

Епископъ, въ которому было послано письмо, былъ никто иной, какъ Венедиктъ Кральевичъ. Это маловажное повидимому обстоятельство имѣетъ большое значеніе: письмо, адресованное на имя г. Кральевича, содержало въ себѣ приглашеніе епископу Венедикту пріѣхать въ Далмацію. Въ то же время Николето Милярени и другіе два грека убѣдили генерала Марона въ необходимости просить архимандрита Зелича отправиться по Далмаціи и своимъ словомъ побуждать православныхъ сербовъ поступать въ греческій легіонъ. Идея греческаго легіона, защитника французскихъ

интересовъ въ Далмаціи, не пользовалась сочувствіемъ далматовъ, а поэтому и самая поѣздка архимандрита Зелича съ такою цѣлью равнялась, понятно, потери той популярности, какою онъ до сихъ поръ пользовался. Такимъ образомъ, вся интрига была устроена на томъ разсчетѣ, что съ одной стороны достоуважаемый архимандритъ утратилъ бы свою популярность, а съ другой—выдвинулась бы новая личность, облекшаяся въ епископскій санъ и стремящаяся получить популярность. Разумѣется, народный взоръ обращается на это вновь восходящее свѣтило и мѣсто честнаго и правдиваго Зелича, заступаетъ ловкій интриганъ Кральевичъ. Описывая этотъ эпизодъ своей жизни, Зеличъ прибавляетъ: «кто-бы могъ въ то время предвидѣть лукавство и хитрость этихъ трехъ грековъ, стремящихся подъ личиной кротости и смиренія скрыть мою погибель»..

Въ то время все дѣлалось тайно: добродушный архимандритъ Зеличъ и не думалъ ни о какихъ козняхъ, или интригахъ. Находя вполнѣ естественнымъ желаніе генерала Мармона образовать греческій легіонъ, зная любовь къ себѣ своей паствы, онъ хорошо понималъ, что лучшаго ходатая за интересы правительства трудно было выбрать, и вотъ онъ отправляется увѣщевать вступить въ ряды греческаго легіона. Въ маѣ 1808 г., въ бытность свою въ г. Задрѣ, архимандритъ Зеличъ узналъ, что чрезъ города Книнъ и Сицъ проѣхалъ изъ Австріи съ большою свитою какой-то православный епископъ въ г. Сплѣтъ, чтобы ожидать тамъ Мармона, герцога рагузскаго. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что означенный епископъ не кто иной, какъ бѣдный монахъ, три года тому назадъ, приходившій къ архимандриту Зеличу съ просьбой о протекціи и къ которому недавно, чрезъ его руки, было переслано письмо отъ Николето Миляреши. По дѣламъ службы пришлось архимандриту Зеличу ѣхать въ г. Сплѣтъ: случайно онъ былъ принятъ генераломъ Мармономъ въ одно время съ епископомъ Кральевичемъ и грекомъ Николето Миляреши. Мармонъ распрашивалъ епископа Кральевича о войнѣ сербовъ съ турками, о томъ, какому государю сербы желаютъ подчиняться? Что думаютъ босняки? и т. п. Такимъ образомъ, разговоръ былъ вполнѣ политическаго содержанія. Несмотря на свою епископскую мантію, Кральевичъ съумѣлъ выставить

*

себя тонкимъ политикомъ, умѣвшимъ понять сущность вопросовъ генерала Мармона. Въ заключеніе разговора новоприбывшій епископъ заявилъ свое желаніе содѣйствовать, по мѣрѣ возможности, видамъ французскаго правительства. На это заявленіе генералъ Мармонъ ничего не отвѣтилъ. Произошла небольшая пауза. Гдѣ вы желаете поселиться въ Далмаціи? спросилъ генералъ Кральевича. Въ г. Шебеникѣ, отвѣчалъ епископъ, заранѣе переговоривъ объ этомъ съ г. Миляреши. Генералъ Мармонъ, разумѣется, согласился съ этимъ выборомъ и велѣлъ дать ему, въ означенной мѣстности даровую квартиру. Такимъ образомъ епископъ Кральевичъ съ перваго своего свиданія съ генераломъ Мармономъ съумѣлъ снискать его довѣріе. Это было смутное время, время всякихъ неурядицъ, и вотъ епископъ Кральевичъ, желая выказать свое рвеніе къ французамъ, начинаетъ вмѣшиваться въ дѣла, совершенно до него не касающіяся, въ дѣла мѣстной духовной администраціи, имѣвшей своего законнаго генералъ-викарія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, хорошо понимая, что владычество французовъ не прочно, что оно построено на шаткихъ основаніяхъ, что не сегодня, такъ завтра, Далмація можетъ перейти подъ скипетръ австрійскаго императора, онъ тайно сталъ совѣтовать православнымъ оставаться спокойными. Дѣйствительно, когда генералъ Мармонъ объѣхалъ Далмацію, то нашелъ въ тамошнемъ сербскомъ населеніи вполнѣ мирное настроеніе умовъ.

Въ 1809 г. Далмація была занята австрійскими войсками, пришедшими туда, подъ предводительствомъ генерала Перицы Княжевича. Многіе священники и торговцы обратились къ новоприбывшему генералу съ жалобой на епископа Кральевича, будто-бы онъ требовалъ отъ народа содѣйствія французамъ и открыто заявилъ свою ненависть къ австрійскому правительству. Видно простодушный народъ не понялъ хитрой политики епископа Кральевича, или этотъ послѣдній слишкомъ увлекся своимъ планомъ и не съумѣлъ сгладить нѣкоторыя неровности, которыя его и выдали. Генералъ Княжевичъ отправилъ епископа подъ конвоемъ въ г. Вараждинъ: посаженный въ тамошнюю крѣпость, онъ пробылъ въ заточеніи до 14-го октября 1809 года, когда былъ заключенъ вѣнскій миръ, по которому Далмація перешла снова подъ власть французовъ.

Выпущенный изъ тюрьмы, епископъ Кральевичъ явился въ Лейбахъ (Любляна), резиденцію генерала Мармона, назначеннаго генералъ-губернаторомъ иллирійскихъ провинцій. Тамъ епископъ трогательно разсказалъ о страданіяхъ, перенесенныхъ имъ отъ австрійцевъ за свою приверженность къ правому дѣлу, дѣлу французовъ. Онъ ловко съумѣлъ сплести для своей головы вѣнецъ мученика и выказать все, что онъ сдѣлалъ для французовъ. Послѣдствіемъ этого разговора былъ декретъ отъ 26-го марта 1810 г., которымъ Кральевичъ назначался епископомъ Далмаціи и Бокко-ди-Каттаро. Такимъ образомъ, два года тому назадъ составленный имъ планъ удался.

По рѣшенію вѣнскаго конгресса 1814 г. Далмація перешла подъ скипетръ австрійскаго императора. Идея ассимилированія народовъ, входящихъ въ составъ одного государства, имѣла въ то время многихъ приверженцевъ. Въ силу этого положенія, австрійское правительство приложило всѣ свои старанія къ объединенію своихъ подданныхъ подъ эгидою католичества; но какъ всякіе рѣзкіе переходы не достигаютъ желанной цѣли, то правительство пришло къ мысли устроить сначала унію и тѣмъ подготовить почву для окончательнаго обращенія своихъ православныхъ подданныхъ въ католичество. Но какъ перемѣна вѣры—вопросъ весьма важный въ жизни народа, вопросъ, разрѣшеніе котораго возбуждаетъ страсти, порождаетъ антагонизмъ, междоусобную войну, и приверженцы новаго ученія часто бываютъ должны поплатиться жизнію за свою пропаганду, то правительству нужно было много хитрости и ловкости, чтобы, не возбудивъ народныхъ страстей, достигнуть желаннаго результата. Австрійскому министру внутреннихъ дѣлъ графу Саврау пришла прекрасная мысль, съ цѣлью отвести, такъ сказать, глаза православныхъ сербовъ отъ главнаго дѣла, а именно исполнить обѣщаніе, данное сербскому народу императоромъ Наполеономъ I, иначе сказать—устроить въ одномъ изъ городовъ Далмаціи для образованія мѣстнаго православнаго духовенства семинарію, открытіе которой составляло любимую мечту православныхъ далматинцевъ. И такъ сербскій народъ могъ бы съ пріязнію смотрѣть на всѣ дѣйствія мѣстныхъ властей, думая, что

онѣ клонятся къ осуществленію проекта объ учрежденіи семинаріи и никакъ не могъ бы предполагать, что во всей этой дѣятельности есть другая, обратная сторона—устройство уніи.

Дальнѣйшая біографія епископа Венедикта Кральевича тѣсно связана съ дѣломъ уніи и поэтому, описывая тѣ средства, которыя предпринимало австрійское правительство для приведенія въ исполненіе этой религіозной реформы, мы будемъ обращать вниманіе на помянутаго епископа, какъ на центръ, изъ котораго исходили всѣ совѣты на пользу этого дѣла и около котораго группировались всѣ поклонники и защитники далматинской уніи. Австрійское правительство не ошиблось, избравши его своимъ агитаторомъ въ дѣлѣ уніи въ Далмаціи. Епископъ Кральевичъ руководился въ своей агитаціи исключительно честолюбіемъ: онъ надѣялся, что, при содѣйствіи уніи, съумѣетъ одѣлаться самостоятельной главой далматинской православной церкви. И такъ не сознаніе совершенства католичества, не преобладаніе его надъ православіемъ—создало далматинскую унію, а одинъ всепоглощающій разсчетъ: онъ сгруппировалъ людей, онъ же вложилъ въ нихъ мысль о необходимости признать главенство папы.

Генералъ-губернаторъ Далмаціи, баронъ Томашичъ, и помощникъ его баронъ Круфтуцкій — явились главными сработниками графа Саврау въ дѣлѣ проведенія уніи въ Далмаціи: они передавали рѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ епископу Кральевичу, который начиналъ уже дѣйствовать отъ лица своей паствы въ предписанномъ ему направленіи. Такъ епископъ Кральевичъ получилъ отъ графа Савряу слѣдующее письмо, помѣченное отъ 20-го августа 1818 г. № 1, Вѣна.

«Ваше преосвященство! Желая вполнѣ обсудить удобоисполнимость тѣхъ проектовъ, на которые вы уже имѣли честь обратить вниманіе императора, я нахожу нужнымъ просить васъ пріѣхать въ Вѣну, такъ какъ въ настоящее время ваше присутствіе здѣсь необходимо съ одной стороны для того, чтобы ускорить предварительные переговоры по интересующему насъ дѣлу, а съ другой стороны—по возможности уменьшить обыкновенно въ этихъ случаяхъ длинную переписку, которая очень часто бросаетъ не вполнѣ при-

влекательную тѣнь на личности, которыя ее ведутъ. Я доложилъ его величеству о необходимости просить васъ пріѣхать въ Вѣну и его величество всемилостивѣйше одобрилъ это предложеніе. Разумѣется, эта поѣздка будетъ совершена на счетъ правительства. Его величество уже изволилъ отдать приказаніе, чтобы вамъ была выдана на путевыя издержки сумма въ 1000 гульденовъ: за полученіемъ означенной суммы вамъ надлежитъ обратиться къ его превосходительству генералъ-губернатору барону Томашичу, а въ случаѣ его отсутствія— къ его помощнику барону Круфтуцкому. Впрочемъ, ваше преосвященство должны соблюдать полную тайну, какъ по отношенію къ цѣли поѣздки, такъ и относительно того, что она предпринимается по нашему желанію; поэтому вы должны постараться убѣдить всѣхъ, что у васъ самихъ явилась эта мысль; что вы сдѣлали это по личному побужденію; въ противномъ случаѣ ропотъ и подозрѣніе могли бы легко проявиться среди народа, а намъ надлежитъ, по мѣрѣ возможности, отдалять какъ то, такъ и другое. По нашему мнѣнію было бы хорошо, если бы ваше преосвященство распространило слухъ, что отправитесь въ Вѣну съ цѣлью ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ объ учрежденіи въ одномъ изъ городовъ Далмаціи семинаріи. Эта мысль весьма популярна въ Далмаціи: вы могли бы однимъ этимъ снискать себѣ еще большую любовь своей паствы. Не нахожу нужнымъ ничего болѣе прибавлять, будучи вполнѣ увѣренъ, что вы будете неусыпно сторожить и направлять общественное мнѣніе къ желанной нами цѣли, отстраняя всякія подозрѣнія и разрушая козни противниковъ нашего дѣла.»

Это письмо было прислано къ барону Круфтуцкому и уже этимъ послѣднимъ было переслано оно къ епископу Кральевичу, при слѣдующей запискѣ отъ 25-го сентября того же года, Зара:

«На меня возложена его превосходительствомъ г. министромъ графомъ Саврау обязанность переслать вамъ прилагаемое при семъ письмо, которымъ вы приглашаетесь пріѣхать въ Вѣну.

«Такъ какъ высшей власти угодно, чтобы означенное приглашеніе оставалось подъ глубокой тайной и чтобы вы предприняли настоящую поѣздку въ Вѣну съ цѣлью ходатайствовать объ устройствѣ семинаріи, то необходимо вамъ подать на имя императорско-

королевскаго правительства прошеніе, въ которомъ, не упоминая о томъ, о чомъ я имѣлъ честь вамъ писать, испрашивали бы только разрѣшенія отправиться въ Вѣну и указали бы при этомъ на особу, которая могла бы заниматься дѣлами вашей епархіи во время вашего отсутствія. Я же съ своей стороны постарался, чтобы вамъ, какъ можно скорѣе, былъ бы данъ отпускъ. Кромѣ того, я уполномоченъ выдать вашему преосвященству на путевыя издержки 1000 гульденовъ; эту сумму вы получите въ г. Зарѣ, такъ какъ я нахожу крайне неудобнымъ пересылать къ вамъ такую большую сумму: она обратитъ на себя вниманіе и можетъ испортить наше дѣло».

По полученіи вышеприведеннаго письма графа Саврау и записки барона Круфтуцкаго, епископъ Кральевичъ немедленно разсылаетъ по своей епархіи циркуляръ, которымъ извѣщаетъ свою паству, что, проникшись идеей о необходимости учрежденія православной семинаріи и не желая отлагать приведенія въ исполненіе этого великаго дѣла, онъ собирается отправиться въ Вѣну, гдѣ отъ лица своей паствы будетъ умолять его императорское величество о подтвержденіи декрета императора Наполеона I отъ 19-го сентября 1808 г., относительно устройства семинаріи, въ которой бы православное населеніе Далмаціи могло получать духовное образованіе, а чрезъ то все болѣе и болѣе утверждаться въ вѣрѣ своихъ праотцевъ. Этотъ циркуляръ, ловко составленный, произвелъ свое дѣйствіе: до тѣхъ поръ не популярный епископъ, какимъ былъ Кральевичъ, дѣлается теперь въ глазахъ народа борцемъ за великое, народное дѣло. Со всѣхъ сторонъ раздались выраженія сочувствія и пожеланія, чтобы поѣздка епископа достигла желаннаго результата. Никто не думалъ, что вопросъ о семинаріи только скрываетъ козни, направленныя противъ вѣры и народности: всѣ были увлечены циркуляромъ, и вотъ епископъ Кральевичъ, напутствуемый благопожеланіями своей паствы, отправился изъ г. Шебеника въ Вѣну, въ началѣ октября 1818 г., разумѣется, заѣхавъ по дорогѣ въ г. Задаръ, чтобы получить слѣдуемые ему 1000 гульденовъ.

Въ это время въ Вѣнѣ, какъ мы уже выше говорили, край-

не интересовались мыслію объ объединеніи подданныхъ австрійской короны посредствомъ католичества: съ пріѣздомъ въ Вѣну епископа Кральевича, работы по этому дѣлу усилились. Означенный епископъ представилъ австрійскому правительству проектъ, разработанный имъ во всѣхъ частностяхъ, относительно введенія уніи въ Далмаціи. Мы представимъ переводъ этого замѣчательнаго акта, помѣченнаго 29-мъ ноября 1818 года.

Проектъ епископа Венедикта Кральевича.

«Я, нижеподписавшійся епископъ, неутомимо стремясь къ улучшенію ввѣренной мнѣ епархіи и, направляя свои слабыя силы къ процвѣтанію религіи и государства, преположилъ, въ настоящую минуту, мыслію осуществить планъ его императорскаго величества, августѣйшаго нашего монарха—соединить въ одно цѣлое своихъ православныхъ подданныхъ—жителей Далмаціи, Албаніи и Истріи съ римско-католиками, объединивъ ихъ и связавъ неразрывными узами одной религіи: католичество испоконъ вѣка крѣпко держалось своихъ обрядовъ и я, уповая на промыслъ Божій, употреблю всѣ свои усилія, чтобы содѣйствовать осуществленію великихъ предначертаній его величества. Глубоко-вкоренившееся невѣжество въ православномъ духовенствѣ и въ сербскомъ народѣ, живущихъ въ предѣлахъ моей епархіи, навѣрно заставитъ ихъ несочувственно отнестись къ этому великому дѣлу, клонящемуся къ ихъ пользѣ; поэтому я въ душѣ убѣжденъ, что соединеніе двухъ церквей можетъ совершиться только мало по малу. Мысль объединенія церквей вполнѣ овладѣла моимъ сердцемъ и я буду крайне огорченъ, если обстоятельства удалятъ меня отъ этого дѣла, а это можетъ случиться только въ томъ случаѣ, если мнѣ придется столкнуться съ разъяренными страстями мало развитаго народа. Невѣжество устроитъ преграды и выдвинетъ свою безсмысленную оппозицію.

Весь успѣхъ объединенія въ религіозномъ отношеніи подданныхъ его величества зависитъ отъ образованія самаго духовенства, которое, заручившись силою знанія, энергично начнетъ проповѣдывать вылелѣянную нами мысль и своимъ краснорѣчіемъ навѣрно увлечетъ малообразованную толпу народа. Поэтому необходимо устроить семинарію, чтобы дать молодымъ далматамъ возможность получать

высшее духовное образованіе. Но такъ какъ въ моей епархіи не имѣется достаточно свѣдущихъ личностей, которыя могли бы хорошо выполнить обязанности учителей, то и осмѣливаюсь всенижайше просить его величество соблагоизволить послать въ это новоучреждаемое училище нѣсколько лицъ, въ качествѣ учителей изъ высшаго греко-уніатскаго духовенства Галиціи; разумѣется, эта отправка профессоровъ,—точно также, какъ и все необходимое для жизни воспитанниковъ въ семинаріи,—должна быть сдѣлана на счетъ правительства; я надѣюсь, что правительство не будетъ въ ущербѣ, если число воспитанниковъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе будетъ увеличиваться. Крайне необходимо, чтобы новоприбывшіе профессоры семинаріи хорошо знали по-сербски, такъ какъ этотъ языкъ является общимъ въ Далмаціи. Хорошо окончившіе курсъ воспитанники должны будутъ получать мѣста приходскихъ священниковъ; я нахожу не лишнимъ, если правительство увеличитъ ихъ годовой окладъ на 100 гульденовъ, такъ что они будутъ получать вмѣсто теперешнихъ ста—двѣсти гульденовъ. Также не худо бы было увеличить плату тѣмъ священникамъ, которые будутъ по мѣрѣ силъ содѣйствовать къ осуществленію моихъ плановъ.

Съ одной стороны будучи того мнѣнія, что подготовительныя науки для изученія богословія, преподаваемыя въ гимназіи и въ училищѣ философіи, не могутъ по отношенію къ православному молодому поколѣнію быть изъяты изъ общей учебной программы; а съ другой стороны, желая доставить молодому православному населенію окрестностей г. Шебеника возможность изучать такія науки, я полагаю, что надлежало бы открыть въ этомъ городѣ на правительственное иждивеніе классы грамматики и риторики, для образованія молодаго поколѣнія, какъ римско-католическаго, такъ и православнаго; притомъ надлежало бы учредить стипендіи для бѣдныхъ воспитанниковъ гимназіи и училища философіи, выдавая такія стипендіи также и молодымъ сербамъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, крайне бѣдны и безъ этого денежнаго вспоможенія лишены возможности посѣщать казенныя учебныя заведенія; хорошо было бы, если бы воспитанники, прошедшіе курсъ наукъ въ училищѣ философіи и пожелавшіе посвятить себя духовному званію, поступали, по крайней мѣрѣ,

на нѣкоторое время въ семинарію, гдѣ профессорами должны бы быть греко-уніаты изъ Галиціи; такъ какъ народъ сербскій не имѣлъ бы довѣрія къ своимъ пастырямъ, еслибы они окончили курсъ въ римско-католическихъ семинаріяхъ; а это довѣріе необходимо для пользы дѣла.

Въ то же время можно было бы, если только его величеству соблагоугодно будетъ, отправлять лучшихъ воспитанниковъ семинаріи для окончательнаго образованія въ вѣнскую семинарію и эти молодые люди, получившіе тамъ высшее богословское образованіе и степень доктора богословскихъ наукъ, могли бы, вернувшись на родину, занять наиважнѣйшія должности въ далматинской епархіи.

Если его величество не найдетъ нужнымъ дозволить преподаваніе какой-либо богословской науки въ шебеникской семинаріи, то я приму на себя заботу отправлять, если возможно на казенный счетъ, въ Вѣну молодыхъ людей, хорошо прошедшихъ курсъ подготовительныхъ наукъ, дабы они могли слушать лекціи богословскихъ наукъ въ тамошнемъ университетѣ. Во всемъ надѣюсь на милость его величества.

Я нахожу вполнѣ раціональнымъ то, что слѣдуетъ рукополагать въ духовный санъ только тѣхъ лицъ, которыя пройдутъ курсъ наукъ по общей программѣ, изданной для всего духовно-учебнаго вѣдомства австрійскимъ правительствомъ; на сколько мнѣ будетъ возможно, я постараюсь, въ данномъ случаѣ, сообразовываться съ высказаннымъ мною заявленіемъ. Пока я отказываюсь отъ мысли объ учрежденіи соборнаго капитула, такъ какъ настоящее духовенство ввѣренной мнѣ епархіи далеко не можетъ сочувственно отнестись къ благимъ намѣреніямъ своего августѣйшаго монарха. Въ настоящее время, я нахожу нужнымъ просить правительство позволить мнѣ составить консисторіальный совѣтъ изъ шести сосѣднихъ приходскихъ священниковъ.

Кромѣ всего вышеизложеннаго, я прошу учредить одного проникарія для которской провинціи, которая очень далеко отстоитъ отъ г. Шебеника — мѣста моего пребыванія. Въ настоящее время тамъ проживаетъ о. архимандритъ Никаноръ Богетичъ — личность безукоризненнаго поведенія, но, къ сожалѣнію, не получившая никакого

образованія и въ силу этого зараженная предразсудками. Поэтому мы не можемъ разсчитывать на его содѣйствіе при осуществленіи нашихъ плановъ; необходимо склонить его къ добровольному отказу отъ своего мѣста, давъ ему награду за его предшествующую дѣятельность. На это мѣсто не слѣдуетъ назначать иностранца, такъ какъ мѣстные жители, отличаясь горячимъ темпераментомъ, могутъ возненавидѣть своего епископа и обратиться съ просьбой къ черногорскому владыкѣ, живущему неподалеку отъ нихъ. На этотъ важный постъ я считаю себя вправѣ рекомендовать нынѣшняго приходскаго священника г. Цебеника, архіерейскаго протосинкела Кирилла Цвѣтковича, человѣка молодаго, отличающагося хорошимъ поведеніемъ, характеромъ и энергіей: онъ съ должнымъ рвеніемъ исполняетъ возложенныя на него обязанности; поэтому я и предлагаю его на утвержденіе его величества, въ званіи викарія означенной провинціи.

По нашему мнѣнію, всѣ эти мѣры необходимы для объединенія подданныхъ его величества подъ покровомъ католичества; но эти мѣры не слѣдуетъ проводить рѣзко; напротивъ, онѣ должны носить на себѣ характеръ привлекательности, должны возбуждать къ себѣ народную симпатію и, будучи проведены постепенно, достигнуть желанной цѣли, не вызвавъ со стороны народа ни какой оппозиціи. Можетъ быть и послѣ проведенія всѣхъ этихъ мѣръ останется еще нѣсколько личностей, хотя навѣрно числомъ очень мало, которыя устроятъ оппозицію нашимъ предначертаніямъ; но не имѣя какого-либо офиціальнаго положенія, лишены будутъ тѣмъ самымъ возможности оказать какое-либо вліяніе на дѣло. Если даже эта небольшая группа фанатиковъ и окажетъ какое-либо незначительное вліяніе на текущія дѣла, то отъ правительства зависитъ принять мѣры, чтобы положить конецъ ихъ козням».

Этотъ проектъ, какъ видитъ читатель, является развитіемъ тѣхъ мыслей, которыя были впервые изложены графомъ Саврау въ письмѣ отъ 26-го августа 1818 г. Епископъ Кральевичъ, отдавшись вполнѣ своей задушевной мысли, понималъ слишкомъ односторонно силу образованія; онъ думалъ, что путемъ школы, устроенной согласно съ его цѣлями, можно было достигнуть желаемаго перехода изъ православія въ католичество народныхъ массъ, кото-

рыя, увлекшись краснорѣчіемъ своихъ подкупленныхъ приходскихъ священниковъ, отрѣшатся отъ всего своего прошлаго и позабудутъ о той борьбѣ, которую онѣ вели за основы православія. Будучи крайне корыстолюбивъ, епископъ Кральевичъ видѣлъ въ деньгахъ такую силу, которая можетъ заставить человѣка отказаться отъ своихъ заповѣдныхъ убѣжденій. Какъ видно, епископъ Кральевичъ не хорошо зналъ человѣческую натуру, за то вскорѣ и пришлось ему сильно разочароваться: какъ мы увидимъ позже, протосинкелъ Кириллъ Цвѣтковичъ отказался отъ предложеннаго ему высокаго поста, а прибытіе уніатскихъ священниковъ въ Далмацію сразу раскрыло глаза мѣстному православному населенію на сущность дѣла. Соображенія, изложенныя епископомъ Кральевичемъ въ вышеприведенномъ его проектѣ, обратили на себя вниманіе австрійскаго правительства. Не обдумавъ ихъ какъ слѣдуетъ, оно положилось на агитаторскія способности епископа. Мы видимъ, что въ письмѣ отъ 4-го февраля 1819 г., № 3, министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Саврау сообщилъ епископу Кральевичу императорское рѣшеніе относительно представленныхъ въ проектѣ мѣръ, для введенія уніи въ Далмаціи. Вотъ переводъ этого письма:

«Соображенія, изложенныя вашимъ преосвященствомъ, въ письмѣ отъ 29-го ноября прошлаго года, относительно средствъ, при помощи которыхъ возможно бы было съ наибольшею легкостью осуществить соединеніе православныхъ далматовъ съ римско-католиками, я имѣлъ честь представить его величеству на утвержденіе и онъ нашелъ эти средства вполнѣ пригодными, для выполненія нашего предпріятія.

Его величество, разсмотрѣвъ со вниманіемъ представленныя вашимъ преосвященствомъ соображенія относительно осуществленія уніи, соблаговолилъ положить слѣдующее рѣшеніе:

1. Въ Далмацію будутъ присланы три греко-уніатскихъ священника изъ Галиціи, съ цѣлью обучать въ г. Шебеникѣ православный клиръ различнымъ богословскимъ наукамъ; одинъ изъ этихъ священниковъ будетъ преподавать библейскую исторію и догматику; другой—церковную исторію и каноническое право и третій — нравственное и пастырское богословіе.

2. Какъ только эти лица прибудутъ на мѣсто своего назна-

ченія, ваше преосвященство обязано будетъ открыть въ г. Шебеникѣ семинарію и пригласить поступить въ нее тѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ вашего вѣроисповѣданія, которыхъ вы найдете способными для полученія высшаго образованія. Государственное казначейство будетъ платить изъ своихъ суммъ какъ жалованье профессорамъ, такъ и на содержаніе воспитанниковъ семинаріи. Всѣ счеты за подписью вашего преосвященства имѣютъ быть представлены задарскому президенству.

3. Его величество соглашается обращать вниманіе на ваши ходатайства объ увеличеніи жалованья тѣмъ изъ приходскихъ священниковъ, которые вполнѣ отдадутся цѣлямъ уніи: этимъ священникамъ будутъ выдаваться изъ государственнаго казначейства кромѣ жалованья, ежегодныя пособія въ размѣрѣ отъ ста до двухсотъ гульденовъ, причемъ, разумѣется, будетъ обращаться вниманіе на ту пользу, которую они приносятъ нашему дѣлу и на ихъ поведеніе.

4. Будутъ назначены денежныя пособія тѣмъ изъ воспитанниковъ гимназіи и философскаго училища въ Далмаціи (безъ различія вѣроисповѣданія, будутъ ли они католики или православные), которые, обладая талантами, нуждаются въ денежныхъ средствахъ. Кромѣ того, его величество соблаговолилъ уполномочить ваше преосвященство отправлять въ папскую семинарію (коллегіумъ), на счетъ правительства наиболѣе способныхъ и прилежныхъ учениковъ семинаріи, по окончаніи ими изученія подготовительныхъ наукъ.

5. Его величество обратило вниманіе и на заявленіе вашего преосвященства, что устройство каѳедральнаго капитула является въ настоящее время преждевременнымъ и осуществленіе этой мысли надо отложить до тѣхъ поръ, пока образованіе не проникнетъ въ массу духовенства и въ средѣ его не появятся достаточно свѣдущіе люди, чтобы занять мѣста членовъ капитула. Его величество вполнѣ одобряетъ мнѣніе вашего преосвященства и относительно того, чтобы въ случаѣ, если архимандритъ Богетичъ откажется отъ провикаріата которскаго, поставить на его мѣсто заслуженнаго священника Кирилла Цвѣтковича съ годовымъ окладомъ въ 3,000 лиръ. Его величество приказало обращаться во всѣхъ дѣлахъ, касающихся уніи, къ президентству далматинскаго правительства.

Кромѣ 1,000 гульденовъ звонкой монетой, ассигнованныхъ вашему преосвященству на путешествіе въ Вѣну и 5,000 гульденовъ на ваши расходы въ вышеупомянутомъ городѣ, его величество соблаговолилъ назначить вамъ еще 1,000 гульденовъ на обратное возвращеніе въ вашу епархію, что вы и получите, въ замѣнъ квитанціи, изъ главной кассы кабинета его величества.

Секретарю вашего преосвященства Марку Руджеру, его величество соизволило назначить пособіе въ 500 гульденовъ, обѣщая и впередъ выдавать ему пособія, если онъ своею дѣятельностью этого заслужитъ. Наконецъ, его величество соизволило прибавить къ вашему годичному содержанію въ 15,000 лиръ еще 5,000 лиръ, что вы и будете получать изъ государственнаго казначейства».

Это письмо распадается на двѣ части: въ первой части министръ передаетъ Кральевичу согласіе его величества на мѣры, которыя были имъ представлены въ вышеупомянутомъ проектѣ; во второй—рядъ наградъ, поощреній исполнителямъ высшей воли по дѣлу о введеніи уніи. Изъ этого письма видно, что австрійское правительство щедрою рукою бросало деньги на право и на лѣво, не забывая при этомъ ни одной изъ тѣхъ личностей, которыя могутъ оказать ему услугу, при выполненіи, подававшаго ему великія надежды, плана. Деньги выдаются съ крайнею поспѣшностью, тѣмъ болѣе замѣчательною, что дѣло происходитъ въ Австріи, странѣ всегда богатой обѣщаніями и бѣдной выполненіемъ обѣщаннаго.

Когда послѣдовало императорское утвержденіе проекта, представленнаго епископомъ Кральевичемъ, то этотъ послѣдній поспѣшилъ офиціально увѣдомить свою паству, что австрійскій императоръ Францъ I уважилъ его ходатайство, а тѣмъ самымъ выполнилъ желаніе православныхъ далматовъ: его величество выразило свое согласіе относительно устройства въ одномъ изъ городовъ Далмаціи семинаріи, согласно декрету императора Наполеона I. Сообщая это радостное для народа извѣстіе, епископъ предписывалъ совершить во всѣхъ церквахъ вѣренной ему епархіи торжественное молебствіе за здравіе и благоденствіе австрійскаго императора, который соблаговолилъ оказать такую милость своимъ православнымъ подданнымъ.

При полученіи такого извѣстія, радость православныхъ далматовъ не имѣла границъ: они спѣшили идти въ храмы, чтобы горячо помолиться о благоденствіи австрійскаго императора, защитника интересовъ православной церкви, а также вознести теплую молитву Всевышнему, да продлитъ Онъ дни епископа Кральевича, который съумѣлъ осуществить желанія всего православнаго населенія Далмаціи. Понятно, что ни одному далматинскому сербу не приходила въ голову мысль, что подъ личиною православія скрывается нечистая интрига—склонить православное населеніе Далмаціи къ переходу въ католичество. Съумѣвъ поселить къ себѣ, повидимому, довѣріе и сочувствіе въ сербскомъ населеніи, епископъ Кральевичъ сталъ усиленно увѣрять австрійское правительство, что скоро настанетъ время уніи. Дѣйствительно, разсчитывая на невѣжество православныхъ сербовъ, означенный епископъ предполагалъ, что греко-уніатскіе священники, которые имѣли прибыть въ Далмацію, не обратятъ на себя вниманія народа, по причинѣ хорошаго ихъ знакомства съ языками сербскимъ и итальяновскимъ: что самъ народъ, не имѣя никакого подозрѣнія къ пріѣхавшимъ изъ-за моря профессорамъ, будетъ охотно отдавать своихъ дѣтей, свое молодое поколѣніе въ семинарію, тѣмъ болѣе, что воспитаніе тамъ ничего не будетъ стоить родителямъ. Но эти разсчеты, какъ мы увидимъ далѣе, оказались не вполнѣ вѣрными.

Въ исходѣ февраля 1849 г., напутствуемый добрыми пожеланіями—осуществить поскорѣе принятое на себя дѣло, епископъ Кральевичъ выѣхалъ изъ Вѣны, а въ исходѣ марта прибылъ въ г. Шебеникъ. Мѣстные обитатели православнаго исповѣданія приготовили ему чрезвычайно радушный пріемъ не только какъ своему архипастырю, но и какъ благодѣтелю, содѣйствовавшему осуществленію мыслей, выраженныхъ въ знаменитомъ декретѣ 19-го сентября 1808 г. императора Наполеона I.

Со времени возвращенія епископа Кральевича въ свою епархію, начинается вторая эпоха исторіи далматинской уніи. Епископу Кральевичу предстоитъ теперь исполнить все обѣщанное; изъ сферы мысли перенести свой проектъ на реальную, дѣйствительную почву. Матеріаломъ для изученія этой эпохи служитъ его переписка съ барономъ Томашичемъ, съ графомъ Саврау, съ придворнымъ совѣтникомъ Инсте-

лемъ и съ другими высокопоставленными лицами, принимавшими дѣятельное участіе въ дѣлѣ уніи. Такъ какъ непосредственное и ближайшее содѣйствіе могъ найти себѣ епископъ Кральевичъ въ задарскомъ наивѣстничествѣ, то, понятно, по возвращеніи въ Далмацію первымъ его желаніемъ было отправиться въ г. Задаръ къ генералъ-губернатору для переговоровъ. «По милости Божіей», пишетъ Кральевичъ отъ 5-го апрѣля 1819 г., № 5, барону Томашичу, «совершивъ счастливо свою поѣздку въ Вѣну, я возвратился въ свою резиденцію. Еслибы не святые дни великаго поста, которые заставляютъ меня отправлять свои церковныя обязанности, то я бы съ радостью поѣхалъ въ Задаръ, чтобы поздравить ваше превосходительство. Послѣ праздниковъ пасхи, я постараюсь выполнить мое желаніе и тогда воспользуюсь случаемъ, чтобы поговорить съ вами объ извѣстномъ вамъ предметѣ».

Этотъ «извѣстный предметъ», разумѣется, понятенъ читателю, точно также, какъ и сильное желаніе Кральевича поскорѣе увидѣть генералъ-губернатора. Впрочемъ въ письмѣ своемъ отъ 9-го апрѣля 1819, № 6, на имя одного изъ приближенныхъ къ министру графу Саврау лицъ, а именно на имя придворнаго совѣтника Инстеля, онъ нѣсколько яснѣе излагаетъ причины, которыя заставляютъ его отправиться въ г. Задаръ, для свиданія съ барономъ Томашичемъ. «Назадъ тому нѣсколько дней», пишетъ Кральевичъ, «я вернулся въ свою резиденцію и я опять среди своей паствы, послѣ продолжавшагося около мѣсяца путешествія, которое, благодареніе Всемогущему, совершилось вполнѣ благополучно, не разстроивъ ничуть моего здоровья. Предстоящіе пасхальные праздники удерживаютъ меня здѣсь при моихъ церковныхъ обязанностяхъ. Но едва они пройдутъ, я отправлюсь въ г. Задаръ, гдѣ и буду имѣть честь поздравить его превосходительство барона Томашича и переговорить съ нимъ объ извѣстномъ дѣлѣ; мнѣ нужно убѣдить его выдать мнѣ деньги на составленіе плана семинарскаго зданія, на необходимыя перестройки и на другіе расходы, въ производствѣ которыхъ мы уже согласились. Объ всемъ этомъ я не премину сообщить изъ г. Шебеника его превосходительству господину министру, которому прошу васъ передать выраженіе чувствъ моей

глубочайшей преданности. Я надѣюсь, что все пойдетъ хорошо. Счастливое начало предвѣщаетъ великую будущность нашему предпріятію. Ахъ! да поможетъ Богъ! да увѣнчаются съ Божіей помощью наши стремленія желаннымъ исходомъ. Моя паства приняла меня съ великою радостью, съ великою благодарностью за исходатайствованную мною милость нашего императора. И я смѣю увѣрить васъ, что ея довольство и выраженныя ею чувства меня сильно трогаютъ». Крльевичъ торжествуетъ: онъ уже заявляетъ въ каждомъ своемъ письмѣ, адресуемомъ къ высокопоставленному лицу при австрійскомъ правительствѣ, о своей популярности среди православнаго далматинскаго населенія, которая, по его мнѣнію, является вѣрнымъ ручательствомъ успѣха уніи.

Православный далматинскій епископъ энергично работалъ въ пользу уніи на мѣстѣ; въ свою очередь, австрійское правительство отличалось не меньшей энергіей. Въ письмѣ отъ 25-го апрѣля 1819 г. № 8, баронъ Томаничъ писалъ епископу Венедикту Крльевичу:

«Вслѣдствіе письма, полученнаго мною отъ его превосходительства господина великаго канцлера и министра внутреннихъ дѣлъ графа Саврау отъ 16-го числа текущаго мѣсяца, я считаю долгомъ сообщить вамъ тѣ распоряженія, которыя его величество, нашъ августѣйшій монархъ, удостоилъ издать относительно священниковъ греко-уніатскаго вѣроисповѣданія, назначенныхъ профессорами въ семинарію, о которой говорилось во вчерашнемъ письмѣ за № 586. Его величество соблаговолило одобрить назначеніе каноника Стуніутскаго профессоромъ нравственнаго и пастырскаго богословія, а также директоромъ основываемой въ г. Шебеникѣ семинаріи, такъ какъ онъ по своимъ нравственнымъ и умственнымъ качествамъ и по своему званію, вполнѣ достоинъ этого высокаго мѣста и навѣрно съ честью будетъ заниматься своими дѣлами. На должность профессора церковной исторіи и каноническаго права посылается Яковъ Чистинскій и, наконецъ, профессоромъ герменевтики и догматики Яковъ Жировскій; также будетъ назначенъ одинъ помощникъ этимъ тремъ профессорамъ, который можетъ замѣщать какого-либо профессора, въ случаѣ его болѣзни. По императорскому

рѣшенію, назначено канонику Ступіутскому 1,500 гульденовъ годовой платы, остальнымъ же тремъ—по тысячѣ и всѣ они получаютъ безплатно пищу и квартиру. Наконецъ, его величество желаетъ, чтобы всѣ означенные профессора, за исключеніемъ г. Жировскаго, который уже въ настоящее время находится въ Вѣнѣ, получили бы приказаніе чрезъ лембергскаго митрополита пріѣхать немедленно въ Задаръ, гдѣ и пожить нѣкоторое время, пока не отростетъ у нихъ борода и пока они не научатся свободно говорить и писать по-сербски и по-итальянски, чтобы, отклонивъ всякое подозрѣніе о тайной агитаціи, достигнуть желаннаго успѣха въ томъ дѣлѣ, къ которому они призваны».

Эта переписка день ото-дня дѣлается все интереснѣе. Кральевичъ предлагаетъ различные проекты, касающіеся мельчайшихъ подробностей устройства семинаріи, а также время отъ времени предлагаетъ мѣры для сліянія православнихъ подданныхъ австрійскаго императора съ римско-католиками, живущими въ предѣлахъ имперіи. Планъ устройства семинаріи былъ начертанъ Кральевичемъ въ письмѣ изъ Задара отъ 28-го апрѣля 1819 г., № 9 на имя министра графа Саврау.

«Къ великому моему сожалѣнію», писалъ онъ, «не имѣлъ я повода писать вамъ изъ г. Шебеника, такъ какъ все выжидалъ той минуты, когда бы могъ извѣстить ваше превосходительство о починѣ нашихъ дѣлъ. Впрочемъ, я уже имѣлъ честь сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія изъ своей резиденціи г. совѣтнику Инстелю. Спустя нѣсколько дней по моемъ пріѣздѣ въ г. Шебеникъ, я имѣлъ счастіе поздравить его превосходительство г. губернатора и могъ начать работать согласно вашему приказанію, сообщенному на имя президента задарскаго намѣстничества. Я уже представилъ докладъ, содержащій въ себѣ подробности относительно личнаго состава семинаріи; при этомъ я выразилъ мнѣніе, что всѣ служащіе въ ней могутъ быть помѣщены въ одномъ зданіи. Персоналъ семинаріи будетъ вполнѣ, по моему мнѣнію, достаточенъ, если будетъ состоять изъ 18 человѣкъ: такъ, между прочимъ, необходимо, эконома съ помощникомъ, на котораго будутъ возложены также обязанности смотрителя зданія, одного повара съ поваренкомъ, двухъ

*

слугъ и т. д. Всѣхъ ихъ необходимо будетъ помѣстить вмѣстѣ съ профессорами въ одномъ и томъ же зданіи. Я полагаю, что ваше превосходительство согласитесь съ образомъ моихъ мыслей и одобрите мои дѣйствія. Я уже поручалъ одному архитектору осмотрѣть зданіе, составить планъ построекъ, а также и смѣту расходовъ, требуемыхъ на этотъ предметъ. Я намѣренъ войти въ сношенія съ намѣстничествомъ по вопросу о составленіи особыхъ правилъ относительно управленія и внутренней экономіи устроиваемаго заведенія. Все это, разумѣется, будетъ представлено на ваше усмотрѣніе въ особомъ рапортѣ. Я получилъ увѣдомленіе объ избраніи еще одного священника, въ качествѣ помощника тремъ штатнымъ преподавателямъ семинаріи. Находя эту мѣру вполнѣ разумною, прошу васъ дозволить сдѣлать мнѣ небольшое замѣчаніе: если четвертый учитель будетъ имѣть одинаковыя права съ другими и если онъ будетъ найденъ способнымъ заниматься съ юношествомъ различными предметами, то хорошо бы, по моему мнѣнію, поручить этому четвертому учителю преподаваніе въ семинаріи нѣмецкаго языка, хотя даже самое первоначальное, необходимое для каждаго. Я обращусь съ этимъ предложеніемъ въ наше намѣстничество, а какъ ваше превосходительство всегда расположены ко всему хорошему, то, навѣрно, найдете мое мнѣніе умѣстнымъ и будете содѣйствовать осуществленію столь полезнаго и необходимаго предложенія. Доброе сердце вашего превосходительства, сочувственно относящееся къ учрежденію семинаріи въ г. Шебекинѣ, позволяетъ мнѣ предвидѣть желанный успѣхъ. Прибывши сюда, я съ сожалѣніемъ узналъ, что приказъ о повышеніи годоваго оклада еще не полученъ и я полагаю, что въ томъ виновата экспедиція; впрочемъ, я вполнѣ увѣренъ, что онъ долго не залежится и скоро будетъ доставленъ сюда. Ваше превосходительство! мои надежды относительно уніи скоро осуществятся: православные, живущіе въ предѣлахъ моей епархіи, оказываютъ мнѣ радостный пріемъ. Во всѣхъ церквахъ съ большимъ энтузіазмомъ раздаются возгласы о великодушіи нашего императора и благодареніе Всевышнему Промыслу за успѣхъ великаго предпріятія. Народъ вполнѣ проникнутъ чувствомъ благодарности и это мнѣ даетъ право быть увѣреннымъ въ успѣхѣ нашего предпріятія. Ахъ!

возложимъ надежды на покровительство Божіе, да содѣйствуетъ Онъ намѣреніямъ нашего обожаемаго монарха и да дастъ мнѣ, ничтожному человѣку, столько силъ, чтобы мои труды увѣнчались желаннымъ успѣхомъ. Я съ своей стороны, согласно вашему приказанію, буду каждые три мѣсяца доносить вамъ о томъ, въ какомъ положеніи находится наше дѣло. Если же иной разъ отклонюсь я отъ этого и буду вамъ чаще сообщать, то надѣюсь, что вы снисходительно за это ко мнѣ отнесетесь. Я слишкомъ горячо принимаю къ сердцу заботы о благосостояніи моей паствы и я бы вполнѣ былъ доволенъ, если бы могъ вести ихъ только по одному правому пути; но въ настоящее время я долженъ скрыть свое желаніе въ глубинѣ своего сердца, сообразоваться съ окольностями, возлагая громадныя надежды на прогрессъ времени и на будущее».

Въ этомъ письмѣ, въ которомъ епископъ Кральевичъ, между прочимъ, заявляетъ о неполученіи приказа относительно увеличенія годоваго оклада, онъ ратуетъ, главнымъ образомъ, о введеніи въ число предметовъ семинарскаго курса нѣмецкаго языка. Цѣль понятна: она вполнѣ согласна съ тѣмъ планомъ, который изложенъ въ представленномъ министерству проектѣ введенія уніи. Мысль о введеніи нѣмецкаго языка въ число предметовъ семинарскаго курса вполнѣ пришлась по духу австрійскому правительству, тѣмъ болѣе, что означенный епископъ польстилъ при этомъ народной гордости, весьма ловко прославляя литературу нѣмецкаго народа, какъ видно изъ письма отъ 29-го апрѣля 1819 г., № 8, написаннаго Кральевичемъ въ бытность его въ Задрѣ и адресованнаго на имя далматинскаго генералъ-губернатора. Между прочимъ онъ писалъ:

«Нельзя отрицать того, что каждому подданному нашей обширной имперіи крайне необходимо знаніе нѣмецкаго языка, который весьма мало извѣстенъ въ предѣлахъ Далмаціи, по причинѣ недостатка учителей. Нѣмецкая литература богата произведеніями по всѣмъ отраслямъ наукъ и искуствъ, разработка богословскихъ наукъ далеко подвинулась на нѣмецкой почвѣ. Кромѣ этого важнаго преимущества, нѣмецкій языкъ необходимъ еще и для лучшаго знакомства съ австрійскими церковными законами, безъ знанія ко-

торыхъ невозможно исполненіе обязанностей служителя церкви. Все это заставляетъ меня обратиться съ покорнѣйшей просьбой о порученіи четвертому профессору вновь учреждаемой семинаріи преподаванія нѣмецкаго языка».

Какъ и слѣдовало ожидать, мысль Кральевича вызвала сочувственный отзывъ со стороны графа Саврау. Въ письмѣ своемъ отъ 12-го мая 1819 г., № 14, онъ адресуетъ епископу слѣдующія сочувственныя строки *).

«Я принимаю живѣйшее участіе въ той ревности къ труду, въ той энергіи, съ которой вы работаете, желая подвинуть впередъ и довести до желаемаго результата то благородное предпріятіе, къ которому призваны. Не бойтесь никакихъ препятствій, при выполненіи вашей прекрасной мысли; сдѣлайте распоряженіе, чтобы одинъ изъ вновь назначенныхъ для вашей семинаріи профессоровъ обучалъ бы молодежь нѣмецкому языку, который будетъ для нея важенъ во многихъ отношеніяхъ. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ, чрезъ посредство губернатора вашей провинціи, проекта устройства семинаріи и мнѣ будетъ крайне пріятно получать отъ васъ время отъ времени увѣдомленія о ходѣ нашихъ дѣлъ. Я вполнѣ съумѣю оцѣнить ваши предложенія и докажу на фактахъ то горячее участіе, какое я принимаю въ нашемъ добромъ дѣлѣ». Въ томъ же письмѣ онъ сообщаетъ радостную для Кральевича вѣсть, что слѣдуемыя ему 5,000 лиръ, въ видѣ увеличенія годоваго оклада, будутъ въ скоромъ времени присланы въ Задаръ и выданы ему. Замѣчательно, что каждое письмо графа Саврау къ Кральевичу или начинается или кончается какимъ-либо заявленіемъ касательно денегъ.

Едва мѣра епископа къ ассимилированію мѣстнаго населенія Далмаціи, чрезъ введеніе въ употребленіе нѣмецкаго языка, была имъ предложена австрійскому правительству и нашла себѣ, какъ мы

---

*) Въ письмѣ, отъ 18 мая № 184, графъ Саврау писалъ барону Томашичу о согласіи правительства относительно введенія нѣмецкаго языка въ семинарскую программу; въ свою очередь генералъ-губернаторъ сообщилъ епископу Кральевичу означенное рѣшеніе правительства въ письмѣ отъ 1 іюня 1819 г., № 15.

уже видѣли, его одобреніе, какъ Кральевичъ старается провести новую мѣру, клонящуюся, какъ видно, къ упроченію уніи въ Далмаціи.

«Вслѣдствіе вашего приказанія», пишетъ изъ г. Шебеника, отъ 7-го мая 1819 г., № 10, онъ барону Томашичу, «составляется планъ кладбища вблизи города. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы устроить въ окрестностяхъ города кладбище для православныхъ и католиковъ, но такъ, чтобы мѣсто, предназначенное для кладбища, было раздѣлено на двѣ части стѣной: по одну сторону будутъ хоронить православныхъ, а по другую — римско-католиковъ. Я нахожу совершенно излишнимъ такое раздѣленіе; я не вижу ясной причины, могущей оправдать эту мысль; напротивъ, согласно справедливой волѣ нашего монарха, выраженной по поводу извѣстнаго предмета, я нахожу нужнымъ заявить, что было бы весьма хорошо погребать вмѣстѣ и православныхъ и римско-католиковъ; это можетъ имѣть хорошія послѣдствія: какъ тѣ, такъ и другіе увидятъ, что между ними нѣтъ ни какой разницы, что въ ихъ религіяхъ нѣтъ никакого существеннаго различія, и это обстоятельство послужитъ началомъ желанной и потребной въ настоящее время уніи, что вполнѣ согласно съ принципами моей дѣятельности, и я надѣюсь, что вы, ваше превосходительство, будучи одинаковаго со мною мнѣнія, отмѣните свое приказаніе касательно раздѣленія кладбища».

Разумѣется, эта мысль понравилась барону Томашичу и онъ спѣшитъ въ письмѣ, отъ 9 мая 1819 г., № 12, выразить епископу свое полное согласіе по означенному предмету. «Отвѣчая на ваше уважаемое письмо, отъ 7 текущаго мѣсяца за № 10, пишетъ губернаторъ, мнѣ весьма пріятно извѣстить ваше преосвященство, что я уже сдѣлалъ надлежащее распоряженіе, чтобы во вновь устраиваемомъ кладбищѣ въ г. Шебеникѣ, не была возводима стѣна, которая раздѣлила бы его на двѣ части — для погребенія православныхъ и римско-католиковъ».

Несмотря на скрытность, съ какою велась переписка, слухъ о чемъ-то недобромъ, о какомъ-то покушеніи на завѣщанную предками религію распространился по Далмаціи. Народу не могло

не казаться страннымъ, напримѣръ, общее кладбище, устраиваемое, какъ для православныхъ, такъ и для католиковъ, учрежденіе во вновь образовываемой семинаріи каѳедры нѣмецкаго языка и т. д. Все это било въ глаза и народъ смутно догадывался о тѣхъ пружинахъ и тайныхъ подкопахъ подъ его вѣру и народность, которыя ловко устраивались опытнымъ въ интригахъ блюстителемъ православія, верховнымъ пастыремъ православнаго далматинскаго народа. Народъ не ошибся; инстинктъ подсказалъ ему, что надо опасаться епископа Кральевича, что подъ его православною епископскою рясой бьется сердце человѣка, уже давно разставшагося съ совѣстью, давно покончившаго счеты со всѣмъ честнымъ, прямымъ, и избравшимъ окольныя дороги для достиженія своихъ цѣлей.

Такимъ образомъ, дѣло далматинской уніи возбудило подозрѣніе; враги появились и епископъ Кральевичъ начинаетъ принимать мѣры предосторожности, чтобы спасти свою популярность и свою репутацію въ глазахъ австрійскаго правительства, репутацію ловкаго агитатора. 14 мая 1819 г. епископъ Кральевичъ обращается изъ г. Шебеника къ барону Томашичу съ слѣдующимъ письмомъ (за № 11):

«Архимандритъ Зеличъ представилъ мнѣ прошеніе о дозволеніи ему ѣхать на минеральныя воды въ Боснію съ цѣлью поправленія разстроеннаго здоровья, что подтверждается медицинскимъ свидѣтельствомъ, которое онъ мнѣ представилъ. Я не буду распространяться о его не мирномъ характерѣ, хорошо извѣстномъ вашему превосходительству. Уже разъ случилось, что названный архимандритъ, испросивъ позволеніе ѣхать на воды, вмѣсто того, отправился въ Вѣну. Кто зналъ: какія мысли создались въ его головѣ! Во время своего пребыванія въ Вѣнѣ, онъ не преминулъ, какъ я уже вамъ словесно сообщилъ, въ бытность свою въ Задрѣ, стараться отклонить осуществленіе столь полезной идеи, какъ учрежденіе въ нашемъ краѣ семинаріи. Хорошо зная его неукротимый нравъ, я прихожу къ мысли, что цѣль его настоящей поѣздки въ Боснію заключается въ желаніи поселиться въ г. Сараевѣ и поставить себя подъ защиту тамошняго митрополита.

Поселясь въ Сараевѣ, онъ будетъ распространять по моей епархіи возмутительныя письма, направленныя постоянно противъ деликатнаго плана уніи, тормозя тѣмъ наше дѣло. Эта дѣятельность по истинѣ странная, но всего можно ждать отъ этой личности: смотря на его внѣшній видъ, нельзя подумать, что ему нужно ѣздить въ чуждыя государства для поправленія своего здоровья, и это мнѣніе большинства знающихъ его. Весьма удивительно, что онъ, несмотря на свое продолжительное пребываніе въ Задрѣ и несмотря на свои частыя поѣздки въ Италію, не могъ достигнуть желанной цѣли— поправить свое здоровье. Считаю нужнымъ сообщить вашему превосходительству свои соображенія по поводу отъѣзда г. Зелича въ Боснію; я, съ своей стороны, ничего не имѣю, если онъ отправится на какія-либо минеральныя воды нашей имперіи тѣмъ болѣе, что она такъ богата минеральными источниками и вы, ваше превосходительство, можете замѣтить ему, что не одна Боснія имѣетъ цѣлебныя воды. Я почелъ долгомъ довести вышеизложенное до свѣдѣнія вашего превосходительства, предоставивъ вполнѣ на ваше благоусмотрѣніе рѣшеніе этого дѣла; я же, съ своей стороны, сдѣлаю все, что вы найдете нужнымъ. Все, что сообщилъ вамъ, внушила мнѣ та энергія, съ которой я стремлюсь, какъ можно скорѣе, увидѣть желанный успѣхъ извѣстнаго дѣла».

Архимандритъ Зеличъ былъ генералъ-викаріемъ Далмаціи и только по козням Кральевича не былъ рукоположенъ въ санъ епископа далматинской епархіи. Не считаемъ лишнимъ при этомъ замѣтить, что, по декрету императора Наполеона I отъ 26-го марта 1810 года, Кральевичъ былъ назначенъ православнымъ епископомъ въ Далмаціи, а архимандритъ Зеличъ—великимъ викаріемъ въ провинціи которской: этотъ послѣдній сохранялъ означенное мѣсто до 16-го ноября 1811 г., когда, согласно его желанію, онъ получилъ отставку. Понятно, что епископъ Кральевичъ видѣлъ въ немъ опаснаго себѣ соперника, можетъ статься потому, что Зеличъ, хорошо зная прошлое и настоящее духовнаго своего начальника, несочувственно относился къ пастырской его дѣятельности. Проведеніе уніи сдѣлалось еще болѣе труднымъ: пришлось не только стремиться къ проведенію непріятной для

народа реформы, но и бороться съ тайными и явными врагами. Поэтому, не смотря на полное содѣйствіе, оказываемое австрійскимъ правительствомъ Кральевичу, дѣло уніи подвигалось весьма медленно. Въ письмѣ отъ 23-го іюля 1819 г., № 16, на имя графа Саврау, епископъ Кральевичъ указалъ отчасти на затрудненія, встрѣчаемыя имъ:

«Ваше многоуважаемое письмо отъ прошлаго 12-го мая, гдѣ вы оказываете мнѣ особую милость, доставило мнѣ величайшее удовольствіе. По силѣ рѣшенія, даннаго мнѣ вашимъ превосходительствомъ и полученнаго мною приглашенія отъ нашего славнаго президенства представлять время отъ времени свѣдѣнія о ходѣ дѣла касательно устройства семинаріи, въ настоящее время я могу только сообщить, что одинъ гражданскій инженеръ снялъ планъ того зданія, въ которомъ я живу и одна часть котораго предназначена подъ семинарію. Кромѣ этого не случилось ничего важнаго въ ходѣ нашего дѣла.

1) Это бездѣйствіе мнѣ крайне прискорбно, такъ какъ вмѣсто того, чтобы стараться отклонять препятствія, оно только ихъ увеличиваетъ. При рукоположеніи православныхъ сербовъ въ священническій санъ, я обращаю вниманіе на то, чтобы рукополагаемыя мною лица могли отвѣчать тѣмъ требованіямъ, которыя постановлены для особъ, посвящающихъ себя духовному званію. Но ежедневно открываются мѣста въ приходахъ, такъ что я бываю вынужденъ, въ видахъ соблюденія экономіи, ввѣрять эти вакантные приходы вблизи отъ нихъ живущимъ приходскимъ священникамъ. Вообще въ ввѣренной мнѣ епархіи чувствуется такой сильный недостатокъ въ священникахъ, что если не поспѣшатъ открыть семинарію, я буду вынужденъ ходатайствовать о разрѣшеніи отступать отъ правила, постановленнаго для рукоположенія лицъ въ духовный санъ и, такимъ образомъ, давать мѣста приходскихъ священниковъ необразованнымъ особамъ, которыя не будутъ въ состояніи оказывать мнѣ содѣйствіе для достиженія желанныхъ результатовъ. Я надѣюсь, ваше превосходительство, что вы, будучи вполнѣ увѣрены въ истинности представленныхъ мною фактовъ, обратите на этотъ предметъ ваше высокое вниманіе.

2) Также я прилагаю все свое стараніе, на сколько возможно при настоящихъ обстоятельствахъ, чтобы отыскать развитаго молодаго человѣка, для отправленія его въ вѣнскій конвиктъ, согласно благимъ распоряженіямъ нашего обожаемаго монарха. Разумѣется, необходимость родителямъ на нѣкоторое время разстаться съ своими дѣтьми, является очень важнымъ затрудненіемъ. Хорошо сознавая, что излишняя откровенность только можетъ повредить нашему дѣлу, я рѣшилъ дѣйствовать втайнѣ, будучи вполнѣ увѣренъ, что этимъ путемъ мы скорѣе можемъ осуществить право, дарованное намъ по милости его императорскаго величества,—право которое навѣрно принесетъ намъ громадную выгоду. Я не могу заняться никакимъ другимъ дѣломъ, кромѣ того, которое такъ близко сердцу нашего милостиваго монарха, поэтому я рѣшилъ предпринять поѣздку въ Которъ въ будущемъ октябрѣ мѣсяцѣ, чтобы разгорячить сердца мѣстныхъ учителей, возбудить въ нихъ энергію къ уніи и вмѣстѣ съ тѣмъ постараюсь, не принимая на себя никакой отвѣтственности, отрѣшить отъ должности тамошняго викарія, посовѣтовавъ ему лично отказаться отъ занимаемой имъ должности, и если это мнѣ удастся, то на вакантное мѣсто я постараюсь помѣстить, согласно моему проекту, уважаемаго у насъ отца Кирилла Цвѣтковича; я ручаюсь за него и вполнѣ увѣренъ, что онъ приметъ это высокое мѣсто. О времени моего отъѣзда я не премину извѣстить наше славное президенство, а также буду имѣть честь сообщить объ этомъ и вамъ, ваше превосходительство.

Ваше превосходительство! Я вполнѣ отдался дѣлу уніи и могу васъ увѣрить, что и впередъ буду служить этому дѣлу съ такимъ же рвеніемъ, съ какимъ занимался имъ до сихъ поръ. Моя дѣятельность достаточно гарантируетъ успѣхъ нашего предпріятія. Да поможетъ Богъ нашимъ благимъ начинаніямъ! Да поможетъ Онъ, чтобы наше дѣло не встрѣчало бы никакихъ препятствій на пути къ осуществленію! И я почту себя счастливымъ, когда настанетъ давно желанный моментъ осуществленія великихъ предначертаній нашего августѣйшаго монарха, когда я, призванный Богомъ дѣлать добро своей паствѣ, исполню свою священную обязанность. Божія милость и благоволеніе нашего обожаемаго монарха будутъ мнѣ наградою за мои труды».

Вотъ какія мѣры въ іюлѣ 1819 г. предпринимаетъ епископъ Кральевичъ; онъ положилъ всю свою душу, по его словамъ, въ избранное имъ дѣло, «дорогое сердцу обожаемаго имъ монарха». Переписка о дѣлѣ уніи принимаетъ большіе и большіе размѣры. Съ своей стороны австрійское правительство, не желая оставлять въ невѣдѣніи мѣстныя власти относительно дѣятельности Кральевича, предписало ему отправлять всѣ свои донесенія, подъ открытою печатью, чрезъ посредство задарскаго президентства, въ Вѣну. О такомъ распоряженіи вѣнскаго министерства самъ епископъ упоминаетъ въ письмѣ отъ 24-го іюля 1819 г. № 16 на имя зарскаго президентства.

Въ виду подготовить почву для повсемѣстнаго введенія уніи въ Далмаціи, Кральевичъ порѣшилъ изъ г. Шебеника посѣтить южныя части своей епархіи.

«Пока не наступитъ то время», пишетъ онъ отъ 17-го сентября того же года, за № 17, задарскому президентству, когда начнется ремонтировка зданія, предназначеннаго подъ семинарію, я порѣшилъ отправиться въ Которъ и Дубровникъ подъ предлогомъ осмотра ввѣренной мнѣ епархіи: эту поѣздку я совершу въ концѣ будущаго октября. Въ дѣйствительности главнымъ побужденіемъ для предстоящей моей поѣздки служитъ желаніе мое изучить до мельчайшихъ подробностей настроеніе умовъ жителей Котора и Дубровника и сдѣлать по возможности необходимыя распоряженія относительно церковной организаціи въ данныхъ мѣстностяхъ, чтобы подготовить должнымъ образомъ почву для уніи, столь интересующей великодушное сердце нашего обожаемаго монарха. Первымъ моимъ дѣломъ, разумѣется будутъ старанія склонить тамошняго викарія къ отставкѣ и на его мѣсто опредѣлить Кирилла Цвѣтковича, архіерейскаго протосинкела и здѣшняго приходскаго священника, согласно одобренному его величествомъ проекту. Я сочту своимъ долгомъ извѣщать о своихъ дѣйствіяхъ, какъ его сіятельство великаго канцлера, такъ и васъ, ваше превосходительство. Можетъ статься, какія-либо обстоятельства заставятъ меня прибѣгнуть за содѣйствіемъ къ мѣстнымъ властямъ; поэтому я и осмѣливаюсь покорнѣйше просить ваше

превосходительство сдѣлать въ этомъ отношеніи надлежащія распоряженія мѣстнымъ политико-административнымъ властямъ. Да благословитъ Всевышній Промыслъ мои намѣренія и да дастъ Онъ мнѣ счастливый успѣхъ во всѣхъ моихъ начинаніяхъ. Я направлю всѣ свои силы, всю свою энергію на неустанное исполненіе императорскихъ приказаній. И уповая на Бога, я совершу то великое дѣло, которое такъ близко великодушному сердцу его императорскаго величества. Во время моего пребыванія въ Которѣ я буду вести переписку касательно дѣлъ своей епархіи съ остающимся въ г. Шебеникѣ вышеупомянутымъ протосинкеломъ Цвѣтковичемъ. Для своего мѣстопребыванія я изберу Которъ или Кастельнуово, откуда буду переписываться съ политическими властями обо всемъ важномъ касательно нашего дѣла».

Но эта поѣздка, подробности которой были начертаны въ вышеупомянутомъ письмѣ, не была совершена въ концѣ октября. Причины такого замедленія намъ неизвѣстны. Мы знаемъ только то, что Кральевичъ продолжалъ съ большою усидчивостью заниматься офиціальной перепиской и не мало старался о томъ, чтобы придать ей побольше интереса. Но къ крайнему его сожалѣнію, приходится ему сообщать все однѣ и тѣ же старыя новости: Вотъ напримѣръ его письмо изъ г. Шебеника отъ 26-го октября 1819 г. на имя австрійскаго императора.

«Императорско-королевское и апостольское величество! Съ той минуты, какъ я вернулся изъ Вѣны въ Далмацію, ни одно дѣло меня не воодушевляло такъ сильно, какъ желаніе сколь можно скорѣе осуществить благія намѣренія вашего величества. Я считалъ долгомъ, согласно вашему приказанію, время отъ времени, доносить о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ вашему министру—великому канцлеру. Но до того времени, пока не начнется поправка зданія, назначеннаго подъ помѣщеніе православной семинаріи, проектъ которой одобренъ вашимъ императорско-королевскимъ величествомъ, я самъ рѣшился отправиться въ Которъ, подъ предлогомъ совершить пастырское обозрѣніе этой отдаленной части моей епархіи. Особенной моей заботой будетъ назначеніе, на мѣсто настоящаго викарія помянутаго края, протосинкела Кирилла Цвѣтковича, о которомъ я уже упоми-

налъ въ разсмотрѣнномъ вашимъ величествомъ проектѣ. Я намѣреваюсь предпринять эту поѣздку въ началѣ будущаго ноября. Ваше величество! Провинція которская—самая трудная для выполненія нашего дѣла. Я ѣду въ среду народа болѣе погруженнаго въ невѣжество, болѣе предубѣжденнаго противъ всѣхъ разумныхъ мѣропріятій, чѣмъ православный народъ остальной части Далмаціи. Онъ хотя и не обученъ, однако отчасти умственно развитъ, чему много способствовали постоянныя его сношенія съ иностранными народностями, поддерживаемыя морской торговлей. Митрополитъ черногорскій мнѣ причиняетъ немало затрудненій. Православное населеніе провинціи которской твердо въ своей вѣрѣ и болѣе расположено къ митрополиту, чѣмъ къ правительству, защищающему его интересы. Эта духовная особа, исполняя свои обязанности собственно духовнаго характера, не забываетъ также привлекать къ себѣ души православныхъ всевозможными способами. Будучи украшенъ титулами и связанными съ ними почестями, онъ, такимъ образомъ, по своей внѣшней обстановкѣ привлекаетъ къ себѣ сердца народа глупаго и честолюбиваго. Я же съ своей стороны стану работать съ еще большей энергіей, чтобы добиться того вліянія на народъ, какое имѣетъ въ настоящее время названная особа и желаю всѣми силами доказать свое твердое постоянство въ томъ дѣлѣ, къ которому я призванъ. Впрочемъ, пусть высокая справедливость вашего величества, проникнутаго истинностью дѣла, предприметъ относительно меня распоряженія, какія найдетъ болѣе сообразными съ обстоятельствами.»

Этимъ письмомъ заканчивается тайная переписка объ уніи Кральевича съ австрійскимъ правительствомъ. Эта крайне интересная переписка рельефно рисуетъ личность епископа Венедикта и указываетъ на тѣ пружины, при помощи которыхъ правительство думало провести свою реформу.

Въ началѣ 1820 года прибыли въ г. Шебеникъ четыре уніатскихъ священника изъ Галиціи на должность преподавателей различныхъ богословскихъ наукъ въ ново-открываемомъ тамъ духовно-учебномъ заведеніи для православной молодежи, а именно: Алексѣй Ступницкій — ректоромъ, профессорами — Яковъ Чистинскій

и Яковъ Геровскій, которымъ было поручено преподаваніе богословскихъ наукъ и латинскаго языка, Василій Терлецкій — преподаваніе нѣмецкаго языка. Вскорѣ послѣ ихъ прибытія въ г. Шебеникъ, тамъ была открыта семинарія. Православные далматы были крайне поражены тѣмъ, что вновь устроенная семинарія была ввѣрена непосредственному надзору уніатскихъ священниковъ. Впрочемъ, сами уніатскіе священники, познакомившись съ характеромъ мѣстныхъ учителей, стали безпокоиться и сомнѣваться въ успѣхѣ предстоящей имъ дѣятельности; они скоро лично убѣдились, что дѣло уніи находится не въ томъ положеніи, въ какомъ они думали его найти: почва не была подготовлена, сѣмена не были брошены и даже тѣ личности, на которыхъ Кральевичъ указывалъ, какъ на людей вполнѣ преданныхъ уніи, на самомъ дѣлѣ оказывались людьми честными и твердо-стоящими въ принципахъ православія.

Итакъ открытіе семинаріи происходитъ при внѣшней обстановкѣ неблагопріятной дѣлу уніи: въ средѣ народа проявляется негодованіе и онъ начинаетъ съ презрѣніемъ относиться къ новоприбывшимъ профессорамъ-уніатамъ. Далматинскій генералъ-губернаторъ баронъ Томашичъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы заглушить народный ропотъ: онъ строго воспретилъ всякое открытое заявленіе противъ дарованной монаршей милости — учрежденія давно желанной семинаріи для православнаго юношества. Но это подозрѣніе не имѣло прямыхъ и ясныхъ доказательствъ, всегда можно было отговориться, указавъ на недостатокъ свѣдущихъ и способныхъ учителей между православными далматами, которые могли бы достойно исполнять возложенныя на нихъ священныя обязанности — дать молодымъ людямъ высшее богословское образованіе. Такой доводъ не лишонъ былъ логическихъ дѣйствительныхъ основаній и поэтому народное волненіе стало мало по малу утихать. Уніатскіе учители все болѣе и болѣе привлекали къ себѣ слушателей и число учащихся въ семинаріи возрастало. Въ семинаріи богословскія науки преподавались на латинскомъ языкѣ, языкъ же нѣмецкій сдѣлался обязательнымъ.

Частыя поѣздки Кральевича по Далмаціи, совершаемыя, разумѣется, подъ разными предлогами, невольно поддерживали въ далматинскихъ сербахъ подозрѣніе относительно неблагонамѣренно-

сти дѣйствій ихъ архипастыря. Но скоро настала минута, когда подозрѣніе превратилось въ фактъ, грозно указывавшій на преосвященнаго Венедикта, какъ на измѣнника вѣрѣ и народу. Архіерейскій протодіаконъ Андрей Личиничъ—авторъ брошюры «Переписка о уніи далматинскогъ епископа Венедикта Кральевича съ австрійскимъ правительствомъ» былъ очевидцемъ дѣятельности своего архіерея. Не подозрѣвая сначала, что въ дѣятельности его владыки кроется что-либо противозаконное, онъ сдѣлался горячимъ помощникомъ далматинскаго епископа во всѣхъ его дѣлахъ. Добившись его довѣрія Личиничъ успѣлъ открыть тайную его переписку съ различными лицами, относительно проведенія уніи въ Далмаціи. Прочитавши эти важные документы, Личиничъ возъимѣлъ намѣреніе сорвать эту таинственную завѣсу съ благонамѣренной дѣятельности епископа чрезъ разъясненіе пагубныхъ его дѣйствій по отношенію ко всѣмъ православнымъ жителямъ Далмаціи и которскаго края. Хорошо предвидя опасность, которая грозила ему, вслѣдствіе подобнаго отважнаго поступка, Личиничъ все-таки, при содѣйствіи своего пріятеля г. Княжевича, поспѣшилъ извѣстить далматинскихъ патріотовъ — своихъ хорошихъ знакомыхъ—о тайныхъ пружинахъ дѣйствій Кральевича.

Послѣдствіемъ такого разоблаченія было то, что православные далматы единодушно постановили и свое постановленіе изложили письменно: не признавать на будущее время Венедикта Кральевича своимъ архипастыремъ и офиціально передали копію съ своего рѣшенія генералъ-губернатору барону Томашичу, прося его объ этомъ сообщить самому императору; они выразили также письменно свое негодованіе уніатскимъ священникамъ и просили генералъ-губернатора заявить его величеству не соблаговолитъ ли оно всемилостивѣйше удалить ихъ изъ Далмаціи, такъ какъ жители Далмаціи не будутъ впередъ отдавать своихъ дѣтей въ семинарію: въ заключеніе этого письма они просили императора дозволить имъ свободно исповѣдывать свою вѣру, ссылаясь на указы императора Леопольда I и прочихъ австрійскихъ императоровъ, которые провозгласили терпимость по отношенію къ славянамъ православнаго вѣроисповѣданія, населяющимъ австрійскую имперію. Но всѣ эти заявленія,

ходатайства, просьбы не имѣли желаннаго успѣха: австрійскій дворъ не обратилъ на нихъ должнаго вниманія и дѣло не подвинулось не на одинъ шагъ.

Между тѣмъ Кральевичъ, съ свойственной ему энергіей, сталъ предпринимать новыя мѣры, для сліянія православныхъ съ католиками. Такъ онъ началъ сближаться съ католическими духовными лицами, посѣщать римско-католическія церкви для слушанія тамъ проповѣдей, желая подать примѣръ своей паствѣ. Не считаемъ лишнимъ при этомъ замѣтить, что при посѣщеніи римско-католическихъ церквей, по обычаю римскому, онъ совершалъ коленопреклоненія и кропилъ себя водою при входѣ въ церковь и при выходѣ оттуда. Частная его жизнь далеко не была согласна съ достоинствомъ епископскаго сана: пиршества, днемъ и ночью имъ устраиваемыя, бывали охуждаемы даже самими католиками, которые, повидимому, должны бы были торжествовать, видя такое нравственное паденіе главы православія въ Далмаціи. Но все это касалось собственно епископа и не задѣвало интересовъ его паствы. Впрочемъ въ скоромъ времени замѣтя, что его католическія выходки не вызываютъ протеста со стороны православныхъ, а въ тоже время все болѣе и болѣе располагаютъ къ нему представителей австрійской администраціи, онъ сталъ вторгаться въ область отношеній православныхъ къ католикамъ и, явно покровительствуя послѣднимъ, задѣвалъ самыя завѣтныя убѣжденія своей паствы. Такъ онъ исходатайствовалъ у административной власти приказаніе, чтобы въ случаѣ брака между православнымъ и католичкою или католикомъ и православною, бракъ былъ совершаемъ по обрядамъ римско-католической церкви; онъ дозволялъ католическому священнику отпѣвать умершихъ православныхъ.

Послѣднія мѣры, прямо направленныя къ поколебанію религіозныхъ убѣжденій въ православномъ населеніи Далмаціи, вызвали громогласный протестъ. Православные сербы взволновались. «Какъ!»,—говорили они,—«въ послѣднее время владычества венеціанской республики въ Далмаціи было дозволено нашимъ православнымъ священникамъ совершать смѣшанные браки, а теперь самъ православный епископъ возстаетъ противъ этихъ правъ, дарованныхъ

намъ венеціанскимъ правительствомъ». Въ это время съ быстротою молніи пронесся по Далмаціи слухъ, что только тѣ православные будутъ получать мѣста на государственной службѣ, которые дадутъ формальное обѣщаніе сдѣлаться впослѣдствіи уніатами; неисполненіе этого обѣщанія влечетъ за собою лишеніе мѣста т. е. въ большинствѣ случаевъ лишеніе средствъ къ существованію. Открытіе уніатской семинаріи въ г. Шебеникѣ, и вообще вся дѣятельность Кральевича въ духѣ католичества, снискавшая ему благоволѣніе самаго правительства, все это послужило народу подтвержденіемъ правильности распущеннаго слуха. И православные, видя, что на ихъ письмо, адресованное на имя барона Томашича, не было обращено никакого вниманія, и думая, что причина этого лежитъ въ хорошихъ отношеніяхъ генералъ-губернатора Далмаціи къ епископу, рѣшились избрать другой путь для подачи просьбы, а именно обратились съ слѣдующимъ письмомъ къ карловицкому митрополиту Стефану Стратимировичу.

«Высокопреосвященнѣйшій господинъ архіепископъ и митрополитъ!

Часть православнаго стада Христова, населяющая Далмацію, Бокко-ди-Каттаро, Рагузу и Истрію, въ числѣ 70,000 душъ, вслѣдствіе отсутствія у ней въ теченіи многихъ лѣтъ достойнаго архипастыря, претерпѣла, какъ хорошо извѣстно вашему высокопреосвященству, всевозможныя угнетенія въ дѣлахъ вѣры и была даже вынуждена (чему другаго примѣра нельзя встрѣтить во всемірной исторіи) сохранять въ своихъ церквахъ римско-католическіе алтари и видѣть ежедневно отправляемыя на нихъ мессы. Промыслу Божію было угодно чтобы мы, по примѣру единовѣрной намъ братіи въ Турціи, получили своего епископа въ лицѣ г. Венедикта Кральевича. Наша радость была безпредѣльна и вполнѣ понятна въ нашемъ положеніи, такъ какъ наша память глубоко сохранила въ себѣ исторію перенесенныхъ нами горестей. Но увы! наша свѣтлая радость, подобно ростку растенія, подъѣденному червемъ и начавшему вянуть, превратилась скоро въ глубокую жалость. Съ уязвленнымъ сердцемъ, съ смущеннымъ духомъ и съ глазами полными слезъ, мы пишемъ эти строки къ вашему высокопреосвященству и обращаемся къ вамъ съ тѣми же словами, съ

какими обращались къ Богу: «Заступи, спаси, помилуй и сохрани Твоею благодатіею». Епископъ Кральевичъ и по настоящее время не устроилъ епархіи, какъ устроены римско-католическія епархіи; не основалъ предписанной указомъ консисторіи, не постарался устроить школъ, въ которыхъ чувствовалась громадная потребность въ нашей запустѣвшей епархіи; напротивъ онъ оказываетъ явное покровительство римско-католикамъ, давая денежныя вспоможенія ихъ проповѣдникамъ и органистамъ; самъ ходитъ ихъ слушать; совершаетъ колѣнопреклоненія и, по обычаю римскому, кропитъ себя при входѣ водою. Онъ исходатайствовалъ то, что здѣшній генералъ-губернаторъ издалъ приказаніе, что, если православный женится на римско-католичкѣ или же православная выходитъ замужъ за римско-католика, обрядъ вѣнчанія долженъ быть совершенъ не иначе, какъ римско-католическимъ священникомъ. Противъ этого приказанія, появившагося по иниціативѣ нашего православнаго епископа, возстало какъ духовенство, такъ и народъ, и основываясь на правахъ, дарованныхъ намъ еще венеціанскимъ правительствомъ, мы заявили свое удивленіе епископу, собравшись у него на совѣщаніе. Православный епископъ, сдѣлавшій такой противозаконный поступокъ, можетъ ли еще послѣ этого нами управлять? и кому слѣдуетъ подать жалобу?—вотъ вопросы, которые мы задали епископу. Онъ строго отвѣтилъ намъ, что никто не можетъ ослушаться императорскаго приказанія и никто не долженъ осмѣливаться оказать сопротивленія противъ этого выраженія высшей воли; слѣдовательно, мы должны спокойно возвратиться къ тѣмъ временамъ венеціанскаго владычества, когда римско-католическіе священники сопровождали нашихъ покойниковъ и совершали напутственную молитву по обрядамъ своей церкви; но это время минуло; въ 1797 г. австрійское правительство, упрочившись въ нашей странѣ, приняло подъ свою сѣнь православныхъ далматовъ и вдругъ епископъ Кральевичъ, присвоивъ себѣ власть, сталъ противодѣйствовать этой свободѣ, дозволилъ недавно римско-католическимъ священникамъ г. Шебеника отпѣвать и участвовать при погребеніи Владиміра, сына г. графа Марка Мирковича, принадлежащаго къ православному, а не къ уніатскому вѣроисповѣданію. Епископъ посовѣтовалъ закрыть монастыри, которые до того времени являлись глав-

ными хранилищами благочестія въ нашихъ странахъ. Онъ навлекъ на себя по справедливости отвращеніе всей своей паствы, вслѣдствіе дурнаго къ ней отношенія: онъ позволялъ себѣ многократно даже въ церкви съ архіерейскаго мѣста называть своихъ прихожанъ псами и безсловесными скотами; причина отвращенія, которое питали къ нему его прихожане, кроется въ тѣхъ его пріязненныхъ отношеніяхъ къ лицамъ западной церкви, въ обществѣ которыхъ онъ проводилъ дни и ночи и большинство изъ нихъ, какъ извѣстно, крайне враждебно относится къ нашей церкви. Въ своемъ архіерейскомъ домѣ онъ также являлся затѣйливымъ соблазнителемъ, устроивая днемъ и ночью пиршества, балы и концерты, что, разумѣется, бросалось въ глаза, какъ православнымъ, такъ и римско-католикамъ. Вслѣдствіе такого поведенія, епископъ, съ одной стороны, усилился, нашедши друзей, дружба которыхъ минуетъ съ перемѣной его счастья, а съ другой причинилъ намъ или старался причинить много золъ и тѣмъ вооружилъ насъ противъ себя. Епископъ поѣхалъ въ Вѣну и посредствомъ переговоровъ, веденныхъ имъ съ высшимъ правительствомъ и съ самимъ императоромъ, навелъ страхъ на свою паству и поставилъ ее въ безпомощное положеніе. Справедливый Боже! Неужели возможно, чтобы нашъ императоръ или кто-либо ему подвластный, въ то время, какъ во всѣхъ частяхъ имперіи дарована нашимъ единовѣрцамъ терпимость и оказывается имъ покровительство, началъ насъ угнетать и притѣснять въ дѣлахъ вѣры, тогда какъ мы, съ своей стороны, не подали ни малѣйшаго повода къ нареканіямъ. Начинаютъ притѣснять насъ, которые всегда были привязаны къ имперіи, а въ 1809 г., во время французскаго владычества, многіе изъ насъ поплатились за эту привязанность и жизнію и имуществомъ, что, конечно, хорошо извѣстно императору. Между тѣмъ, епископъ Кральевичъ получилъ за свою поѣздку въ Вѣну прибавки къ жалованью 2000 гульд. звонкой монетой, кромѣ того на путевыя издержки 5000 гульд. кредитными ассигнаціями и 2000 гульд. звонкой монетой. Въ дѣйствительности, онъ сковалъ гибельныя для себя, а не для насъ оковы съ цѣлью обуніатить свою паству. У насъ подъ рукой всѣ доказательства, разоблачающія предъ нами его коварное пред-

пріятіе и самымъ очевиднымъ фактомъ является то обстоятельство, что уже пріѣхали сюда изъ Галиціи четыре уніатскихъ священника, въ качествѣ профессоровъ богословскихъ наукъ въ семинаріи, пріисканные имъ чрезъ посредство львовскаго митрополита. Означенные профессора, по своемъ назначеніи въ шебеникскую семинарію, оставались еще нѣкоторое время въ городѣ Львовѣ, выжидая пока у нихъ выростутъ бороды и желая ознакомиться хоть немного съ сербскимъ языкомъ, разумѣется, съ цѣлью болѣе удобнымъ образомъ имѣть успѣхъ въ дѣлѣ совращенія насъ съ пути истины; уніаты, призванные къ такому дѣлу, принесли съ собой, кромѣ церковнаго облаченія и церковной утвари, и порядочную сумму денегъ — до 12,000 талеровъ. Обученіе въ семинаріи происходитъ на языкахъ латинскомъ и нѣмецкомъ, которыхъ народъ не хочетъ знать. Только въ этомъ духовно-учебномъ заведеніи окончившіе курсъ будутъ пріобрѣтать права на посвященіе ихъ въ санъ діаконовъ и священниковъ; въ этомъ случаѣ цѣль его понятна, точно также, какъ понятно намѣреніе епископа Кральевича устроить въ здѣшнихъ мѣстностяхъ консисторію. Онъ забралъ въ свои руки большой капиталъ, пожертвованный бывшимъ французскимъ правительствомъ не ему, а намъ 70,000 православнымъ душамъ. Вслѣдствіе нашего ходатайства, нашъ августѣйшій монархъ утвердилъ епископа Кральевича въ санѣ епископа далматинскаго и заявилъ свою волю на устройство семинаріи, ассигновавъ суммы, на содержаніе какъ епископа такъ и семинаріи. Поэтому если бы означенный епископъ честно поступалъ, то дозволилъ бы имѣть семинарію намъ, а не уніатамъ, не имѣющимъ покуда притона въ нашей епархіи, но могущимъ въ ней расплодиться. Мы не можемъ никакимъ образомъ повѣрить тому, что всѣ эти козни и интриги извѣстны императору. Онъ, Кральевичъ, съумѣлъ исходатайствовать, чтобы по прошествіи нѣкотораго времени, когда достаточно обуніатится край, всякій, ищущій коронной службы, могъ получить мѣсто только подъ условіемъ сдѣлаться уніатомъ и если бы кто, принявъ это обязательство, впослѣдствіи бы раскаялся въ своей ошибкѣ, то долженъ будетъ въ примѣръ прочимъ перенести законное наказаніе со стороны мѣстныхъ политическихъ властей. Хотя вся эта политика

ведется, какъ говорятъ, при содѣйствіи великихъ особъ, какъ мѣстной администраціи, такъ и министерства графа Саврау, но мы не вѣримъ, чтобы эти, облеченные властью и довѣріемъ императора, мужи могли достойно подвизаться въ той дѣятельности, которая противна настоящему духу австрійской монархіи, гдѣ, благодаря Богу и нынѣшнему императору, мы видимъ нашихъ единовѣрцевъ въ большомъ количествѣ на различныхъ ступеняхъ должностной іерархіи. Нашъ епископъ въ состояніи сдѣлать то, чего мы особенно боимся, а именно, когда настанетъ время, что мы не будемъ отдавать своихъ дѣтей въ его семинарію, то онъ въ состояніи употребить насиліе, къ которому привыкъ еще во время своего пребыванія въ Турціи (за что и долженъ былъ оттуда бѣжать) и найдетъ способъ наловить беззащитныхъ сиротъ столько, сколько нужно учениковъ для его семинаріи и также для того, чтобы выполнить свое обѣщаніе относительно вѣнскаго конвикта. Дѣйствительно, надлежитъ опасаться этого человѣка, который въ настоящее время пользуется почетомъ въ странѣ, гдѣ недавно съ церковнаго престола предавалъ проклятію австрійскаго императора Франца и гдѣ носилъ водруженный крестъ противъ австрійскаго войска, за что онъ былъ взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ г. Осѣкъ. И теперь онъ заигрываетъ съ тѣми, противъ которыхъ онъ нѣкогда пѣлъ. О если бы когда-либо узналъ объ этомъ императоръ и, ради Бога, сколь возможно скорѣе! Мы, ваше высокопреосвященство, скорѣе готовы потерять все наше имущество и погубить свои головы, чѣмъ себя обуніатить и измѣнить закону. До сихъ поръ, никогда не было между нами уніатовъ и теперь не хотимъ сносить ихъ, не хотимъ, чтобы они укоренились. Мы должны терпѣть оскорбленія нашей вѣры для интересовъ и изъ-за честолюбія одной особы, бѣжавшей къ намъ изъ чужаго царства и пожелавшей продать насъ, въ количествѣ 70,000 душъ,—насъ, которые спасли его отъ турецкаго насилія, возвели въ высокій санъ, помѣстили въ прекрасныя палаты и окружили особами, близкими къ императору. Облагодѣтельствованный нами, онъ пожелалъ опутать народъ коварными и тайными сѣтями уніатства. Ахъ! пусть императоръ подумаетъ, можетъ ли онъ въ угоду Венедикту Кральевичу заста-

влять страдать столь многочисленный народъ! Наивысшій архипастырь монархіи и превеликій милостивый отецъ нашъ, утѣшьте насъ и вашимъ скорымъ посредничествомъ прекратите ту междоусобную брань, которая ведется во имя закона. Нашъ далматинскій народъ находится въ такомъ положеніи, какъ будто-бы испытываетъ на себѣ дѣйствіе землетрясенія; но прежде чѣмъ ему поднять свой голосъ и начать метать огонь, народъ проситъ содѣйствія милостивѣйшаго архипастыря, чтобы снизошло на насъ тихое и радостное облако монаршей милости и роса свободы освѣжила бы наши уязвленныя страданіями за вѣру сердца, потушивъ въ насъ пламя ненависти. Верховнѣйшій пастырь всей остальной единовѣрной нашей братіи, живущей въ предѣлахъ монархіи! Всенижайше просимъ умилосердиться надъ нами; вода потекла изъ душъ нашихъ и мы, какъ апостолъ Петръ во Христу, вопіемъ тебѣ: «спаси ны, да не погибнемъ!» — всенижайше и колѣнопреклоненно передъ святымъ евангеліемъ просимъ мы пастыря добраго: бывшій нашъ пастырь теперь волкъ. Ваше высокопреосвященство! на васъ мы возлагаемъ всю нашу надежду и разсчитываемъ на вашу милость».

Этотъ отчаянный вопль растерзаннаго сердца не принесъ никакой пользы дѣлу и только повредилъ тѣмъ лицамъ, которыя подписались подъ этимъ адресомъ; многіе изъ нихъ — представители мѣстнаго духовенства и купечества, сильно пострадали: такъ они были подвергнуты властями заточенію, а другіе высланы изъ своего отечества *), какъ бунтовщики и государственные преступники. Епископъ Кральевичъ всюду видѣлъ заговоры, измѣны и т. д., ловко дѣйствуя, онъ съумѣлъ передать свой образъ мыслей представителямъ высшаго австрійскаго правительства; самъ императоръ Францъ, увлекшись теоріею религіознаго объединенія своихъ подданныхъ, позабылъ о томъ божественномъ изреченіи, которое перепалнено глу-

*) Всѣми уважаемый, заслуженный старецъ архимандритъ Герасимъ Зеличъ, бывшій генералъ-викарій Далмаціи, былъ вынужденъ оставить свое отечество и прожить остатокъ своихъ дней въ Вѣнѣ, подъ надзоромъ полиціи. Твердость его въ вѣрѣ и та популярность, которою онъ пользовался, были главными причинами того, что онъ впалъ въ немилость какъ епископа, такъ и мѣстныхъ свѣтскихъ властей.

бокаго смысла: гласъ народа—гласъ Божій! Онъ не прислушался къ народному говору, не обратилъ вниманія на ту ненависть, которую питали православные къ уніатамъ и сталъ слѣдовать политикѣ Діоклетіана, по отношенію къ христіанамъ православнаго вѣроисповѣданія. Итакъ православные далматы были вынуждены скрывать свои заповѣдныя мысли въ глубинѣ своего сердца, отъ этого онѣ сдѣлались для нихъ вдвое дороже. Австрійское правительство, вступивши разъ на дорогу насилія, сдѣлало тѣмъ самымъ сомнительнымъ успѣхъ уніи.

Далматы православнаго вѣроисповѣданія, не видя ни откуда помощи и находя, что причина ихъ страданій кроется въ вѣроотступничествѣ Кральевича, рѣшились освободиться отъ его власти. Въ 1822 г. былъ составленъ заговоръ на жизнь Кральевича. Обыкновенно онъ ѣздилъ ежедневно кататься въ своемъ экипажѣ по окрестностямъ г. Шебеника. Это время заговорщики избрали, какъ самое удобное для исполненія своего намѣренія: они засѣли въ избранныхъ ими мѣстахъ и выжидали экипажа епископа. Неизвѣстно: зналъ ли Кральевичъ объ этомъ заговорѣ; извѣстно только, что въ тотъ день, когда хотѣли покуситься на его жизнь, онъ не отправился на обычную свою прогулку, сказавъ: «мнѣ не хорошо, я сегодня не могу ѣхать». Итакъ знаніе ли дѣла, инстинктъ ли, или дѣйствительно нездоровье, приведшее какъ разъ во время, спасли епископа отъ вѣрной погибели. Поѣхавшіе вмѣсто епископа на прогулку въ его экипажѣ—директоръ семинаріи, каноникъ Ступницкій въ сопровожденіи своего помощника уніатскаго священника и плацъ-маіора г. Шебеника были убиты. Этотъ фактъ—смерть трехъ приближенныхъ къ епископу лицъ, навелъ панику на Кральевича: онъ сталъ бояться за свою жизнь и въ скоромъ времени счелъ за лучшее, ради своей безопасности, бѣжать въ г. Задаръ; но и тамъ онъ не могъ успокоиться, страхъ убійцъ всюду преслѣдовалъ его. Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ его послѣдующей жизни. Бѣжавшій епископъ не долго оставался въ г. Задрѣ: чувство самохраненія заставило его оставить территорію Далмаціи, и онъ тайно отправился въ г. Виченцу, а оттуда—въ Венецію. Здѣсь онъ жилъ вполнѣ

incognito: изрѣдка приходилъ онъ въ тамошнюю православную церковь читать «вѣрую» и «отче нашъ», иногда по-гречески, иногда по-сербски. Такъ какъ онъ не вполнѣ хорошо владѣлъ ни тѣмъ, ни другимъ языкомъ, то греки принимали его за серба, а сербы—за грека; но кто онъ былъ? откуда онъ пріѣхалъ? оставалось никому неизвѣстнымъ. Правда говорили, что онъ когда-то былъ другомъ австрійскаго министра внутреннихъ дѣлъ, что онъ тѣснилъ сербовъ и возставалъ противъ православной вѣры; но это были одни слухи, не имѣвшіе прочныхъ основаній. Мучимый совѣстью, заговорившей въ немъ подъ старость, не имѣющій ни родины, ни друзей, онъ скромно прожилъ остальные дни своей жизни въ Венеціи, получая отъ австрійскаго правительства пенсію въ 3,000 гульд. серебряной монетой. Онъ умеръ въ Венеціи 1-го февраля 1862 г.

Обратимся теперь къ ходу уніи въ Далмаціи, послѣ бѣгства Кральевича. Дѣятели уніи, лишившись главнаго вожака, поспѣшили убраться восвояси: уніатскіе священники уѣхали изъ г. Шебеника обратно въ Галицію, семинарія была закрыта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уніатская пропаганда, на которую было затрачено столько денегъ, на время прекратила свои дѣйствія. Съ своей стороны австрійское правительство, будучи не довольно тѣмъ, что всѣ его тайные планы были открыты, прибѣгло къ самымъ крутымъ мѣрамъ: наивліятельнѣйшія и наипопулярнѣйшія лица Далмаціи были арестованы и посажены въ тюрьмы. И вотъ начинаются строгіе допросы съ цѣлью открыть зачинщиковъ заговора противъ жизни преосвященнаго Венедикта, хотя и было хорошо извѣстно австрійскому правительству, что главные вожаки этого заговора уже успѣли бѣжать въ Турцію. Въ числѣ арестованныхъ было всѣми уважаемое лицо—протосинкелъ православнаго монастыря Саввины (въ Далмаціи) Кириллъ Цвѣтковичъ, къ которому епископъ Кральевичъ питалъ нѣкогда большое довѣріе, что рекомендовалъ его императору какъ лицо вполнѣ достойное занять мѣсто викарія катерскаго края и получилъ на свое ходатайство императорское согласіе. Причина, вслѣдствіе которой означенный протосинкелъ впалъ въ немилость своего архіерея, а вмѣстѣ съ тѣмъ поселилъ къ себѣ полное недовѣріе мѣстныхъ властей, была та, что,

будучи предупрежденъ однимъ изъ своихъ пріятелей, хорошо знавшимъ весь ходъ дѣла уніи и цѣль его назначенія на такой высокій постъ, онъ отказался отъ предложеннаго ему викаріатства, находя безчестнымъ сдѣлаться сотрудникомъ такого позорнаго дѣла, какимъ являлась далматинская унія. Поэтому, когда началось дѣло о заговорѣ, то въ числѣ первыхъ арестованныхъ лицъ находился Кириллъ Цвѣтковичъ: его посадили въ задарскую тюрьму, гдѣ онъ пробылъ четыре года, затѣмъ, снявъ съ него духовное званіе, его приговорили въ каторжную работу на двадцать лѣтъ. Но и по истеченіи 20 лѣтъ каторжной работы, этотъ честный мученикъ не получилъ желанной свободы: остальные 14 лѣтъ своей жизни онъ провелъ въ бездинскомъ монастырѣ (вблизи г. Темешваре въ Банатѣ), сильно грустя о томъ, что приходится ему кончать дни своей жизни вдали отъ своей родины. Онъ умеръ въ 1860 г. Многіе представители мѣстной интеллигенціи погибли въ казематахъ; другіе же, лишившись своего имущества и пробывъ извѣстное число лѣтъ въ каторгѣ, возвращались на родину съ грустной думой о давно минувшемъ времени, времени борьбы за вѣру. Нѣкоторые, не надѣясь избѣжать преслѣдованій за свою твердость въ православіи, нашли нужнымъ искать себѣ спасенія въ Турціи, ясно показывая тѣмъ, что у магометанъ скорѣе могутъ найти себѣ защиту въ дѣлахъ вѣры православные подданные австрійской имперіи.

Первая неудача, испытанная австрійскимъ правительствомъ въ дѣлѣ уніи, не заставила его однако отказаться отъ своей заповѣдной мысли обуніатить православное населеніе Далмаціи. Спустя 13 лѣтъ вторично началась уніатская пропаганда въ Далмаціи. Въ 1835 г. сталъ проповѣдывать возсоединеніе православныхъ съ католиками какой-то православный священникъ, лишенный сана за порочное свое поведеніе далматинскимъ епископомъ Іосифомъ Раячичемъ. Уволенный отъ должности, онъ сталъ искать себѣ защиты у задарскаго римско-католическаго архіепископа, который и обѣщалъ ему оказать свое покровительство, въ случаѣ если этотъ священникъ признаетъ главенство папы. Это предложеніе, разумѣется, было принято съ большимъ удовольствіемъ.

И вотъ явился въ Далмаціи новый проповѣдникъ уніи. Австрійское правительство, узнавъ о появленіи въ Далмаціи новаго апостола уніи, начало всевозможными средствами его поддерживать: оно стало щедро раздавать денежныя субсидіи тѣмъ изъ православныхъ, которые изъявляли желаніе принять унію; кромѣ того, оно вскорѣ за тѣмъ предписало далматинскому генералъ-губернатору Лиліенбергу построить по одной уніатской церкви въ слѣдующихъ селахъ: Бальке, гдѣ на 420 православныхъ приходилось 87 уніатовъ; Кришке, гдѣ на 299 православныхъ — 72 уніата, и Врликѣ, гдѣ было всего три уніатскихъ семейства; всѣ эти села лежатъ въ задарскомъ округѣ, вблизи города Дернина. Итакъ въ 30-хъ годахъ все уніатское населеніе Далмаціи простиралось приблизительно до 175 душъ.

Для того, чтобы составить себѣ правильное понятіе о тѣхъ средствахъ, съ помощью которыхъ вводилась въ это время унія и, чтобы показать отношеніе къ ней православнаго населенія мы разскажемъ одинъ эпизодъ изъ ея исторіи. Въ 1844 году православный далматинскій епископъ Іероѳей Мутибаричъ возъимѣлъ намѣреніе осмотрѣть ввѣренную ему епархію. Австрійское правительство поспѣшило сдѣлать распоряженіе, чтобы уніатскій крижевскій епископъ Гавріилъ Смичиклясъ немедленно отправился въ Далмацію, для освященія уніатской церкви въ с. Врликѣ. Это освященіе должно было отличаться особенной торжественностью. Самъ губернаторъ сопровождалъ уніатскаго епископа во время его поѣздки по Далмаціи. Случайно, въ одно и то же время, въ село Врлику пріѣхали оба епископа: православный—Іероѳей Мутибаричъ и уніатскій—Гавріилъ Смичиклясъ. На слѣдующій день послѣ ихъ пріѣзда, уніатская церковь, съ большимъ торжествомъ, была освящена епископомъ Гавріиломъ Смичиклясомъ: при богослуженіи присутствовалъ губернаторъ и многія лица изъ мѣстной администраціи; народу было въ церкви много; но какъ только окончилось ея освященіе, то всѣ гурьбой отправились въ близь-лежащую православную церковь, такъ что уніатская—осталась праздной. Съ такимъ же торжествомъ были освящены и остальныя уніатскія церкви. Такимъ образомъ, на скорую руку образовались въ Далмаціи три уніатскихъ прихода. Благодаря

постройкѣ уніатскихъ церквей и стараніямъ правительства, число уніатовъ въ Далмаціи въ 40-хъ годахъ достигло приблизительно до 1000 душъ.

Главнымъ руководящимъ мотивомъ въ дѣлѣ принятія уніи, какъ мы уже видѣли, служилъ далматамъ личный расчетъ. А тамъ, гдѣ въ дѣлѣ вѣры вмѣшивается личный расчетъ, не можетъ быть крѣпости религіозныхъ убѣжденій. Поэтому не прошло четырехъ лѣтъ, какъ уніаты-далматы уже хорошо поняли свою ошибку, голосъ совѣсти заговорилъ въ нихъ, семейный раздоръ имъ сталъ противенъ. Они подали прошеніе отъ 1-го октября 1848 года за подписью 256 лицъ на имя австрійскаго министра графа Стадіона, прося разрѣшенія на свободный переходъ въ православную вѣру. 17-го февраля 1849 г. послѣдовало императорское рѣшеніе, относительно перехода далматовъ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, т. е. уніатовъ въ православіе и православныхъ въ унію. Но этотъ переходъ былъ обставленъ слѣдующими условіями:

1) Уніатъ или православный, пожелавшій перемѣнить свою вѣру, долженъ заявить о томъ священнику того вѣроисповѣданія, къ которому онъ принадлежитъ, въ присутствіи двухъ свидѣтелей имъ самимъ выбранныхъ. (Это условіе было поставлено, можетъ статься, для того, чтобы не было возбуждаемо нареканій на правительство за насильственное привлеченіе къ уніи православныхъ далматовъ).

2) По прошествіи четырехъ недѣль со времени этого заявленія, пожелавшій перемѣнить свою вѣру долженъ вторично заявить свое желаніе священнику, въ присутствіи двухъ свидѣтелей. (Этотъ мѣсячный срокъ на размышленіе правительство, безъ сомнѣнія, назначило съ цѣлью, чтобы переходъ изъ одной вѣры въ другую дѣлался обдуманно).

3) Священникъ выдаетъ затѣмъ пожелавшему перемѣнить свою вѣру письменное свидѣтельство, за подписью двухъ свидѣтелей и съ приложеніемъ объявленія далмата о его желаніи перейти въ такую-то вѣру.

4) Получивъ всѣ эти документы, онъ несетъ ихъ священнику той вѣры, въ которую онъ желаетъ перейти и затѣмъ уже совершается самый актъ перехода въ избранную вѣру.

Это императорское рѣшеніе было радостно принято населеніемъ Далмаціи. Многіе уніаты поспѣшили примѣнить къ себѣ всѣ поименованные параграфы и возвратиться въ лоно православной церкви.

Сѣверная часть Далмаціи, гдѣ преимущественно живетъ уніатское населеніе, раздѣлена въ церковно-административномъ отношеніи на три прихода, которые образуютъ собою округъ, ввѣренный управленію вице-архидіакона и подчиненный непосредственному вѣдѣнію крижевскаго епископа. Эти приходы суть слѣдующіе:

1) *Кришке*; приходская церковь во имя Покрова Пресв. Богородицы; 320 прихожанъ и 13 селъ.

2) *Верлика*; приходская церковь во имя Св. Троицы; 86 прихожанъ и 8 селъ.

3) *Бальке;* приходская церковь во имя Преображенія Господня; 278 прихожанъ и 3 села.

Итого въ далматинскомъ уніатскомъ округѣ находится: 3 прихода, 3 приходскихъ церкви, 5 священнослужителей, 584 прихожанина и 24 села.

Изъ настоящаго очерка видно, что унія пустила въ Далмаціи весьма слабые корни, изъ которыхъ никогда не выростетъ того великолѣпнаго дерева, о которомъ мечталъ епископъ Кральевичъ и прочіе далматинскіе дѣятели 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ДАЛМАЦІИ.

Населеніе Далмаціи, въ различныя эпохи своей исторической жизни, подпадало власти Рима, Византіи, Венеціи, Франціи и наконецъ, Австріи. Всѣ эти государства, построенныя на самыхъ разнообразныхъ принципахъ, понятно, видоизмѣняли и жизнь мѣстнаго населенія, вносили въ нее присущіе имъ элементы.

Мѣстные историки, какъ напримѣръ: Рести, Лучіусъ изъ Трау и другіе, обращая вниманіе на фонетическія особенности въ названіяхъ городовъ, лежащихъ на прибрежьѣ Адріатическаго моря, видятъ въ нихъ прежнія римскія колоніи. Такъ напримѣръ, теперешній городъ Задаръ (Zara) въ римскія времена, назывался «Jadera», городъ Трогиръ (Tra), — «Tragurium» и т. д. Объ исторической жизни вообще, а въ частности о внутреннемъ устройствѣ римскихъ колоній на территоріи Далмаціи далматинскіе историки сообщаютъ весьма отрывочныя свѣдѣнія. По всей вѣроятности избытокъ римскаго населенія удалялся въ эти мѣстности, селился небольшими кучками и, выстроивъ нѣсколько жилищъ, окапывалъ ихъ рвомъ или канавой или огораживалъ свои жилища невысокою изгородью. Кромѣ далматинскаго прибрежья, романскій элементъ населялъ и внутреннія части Далмаціи, что подтверждаютъ римскія названія нынѣшнихъ городовъ. Такъ напримѣръ «Ticinium»—римское названіе города Книна, «Scradone»—города Скордоны, «Mandrotium»—города Клиссы и т. д. Какъ эти города, такъ и тѣ, о которыхъ мы выше говорили, составляли между собою родъ республиканскаго со-

юза, центромъ котораго былъ городъ «Dalminium» (нынѣ Дувно или Дувно-поле въ Герцеговинѣ). Нерѣдко случалось, что храбрые «дальминцы» одерживали верхъ надъ римлянами, эти послѣдніе и не преминули упрочить за союзомъ имя того центра, около котораго группировалось мѣстное населеніе, а затѣмъ и самую страну стали называть «Дальминіей»; отъ этого слова произошло, какъ можно предполагать, и настоящее ея названіе «Далмація».

Римъ, какъ политическій центръ, палъ; мѣсто его заняла Византія. Въ періодъ владычества Византіи въ Далмаціи, обыватели тамошнихъ приморскихъ городовъ часто обращаются къ своему верховному правительству съ просьбой о высылкѣ имъ вооруженной помощи, и вотъ по Адріатическому морю начинаетъ крейсировать византійскій флотъ. Начиная съ VII вѣка начали вторгаться на территорію Далмаціи полчища аваровъ, сарациновъ и другихъ дикихъ народовъ, которые грабили жителей и жгли города. Къ этому времени относится вытѣсненіе романскаго элемента славянскими эмигрантами Босніи и Герцеговины, которые, запрудивъ страну, отодвинули прежнихъ ея жителей къ морскому прибрежью и на острова. Такъ романскій элементъ сосредоточивается въ городахъ: Задрѣ (Zara), Трогирѣ (Trau), Сплѣтѣ (Spalato) и на островахъ— Керкѣ (Veglia), Кресѣ (Cherso) и Рабѣ (Arbe). Такимъ образомъ, романскій элементъ явился какъ бы «стѣною», преградившею на нѣкоторое время славянамъ всякія сношенія съ западными народами. Въ исходѣ IX вѣка, означенные города составили изъ себя союзъ, который назвался «республикою свободныхъ городовъ». Жители городовъ, входившихъ въ составъ этой республики, продолжали платить подати византійскому правительству; но въ политическомъ отношеніи они получили многія выгоды. Такъ они встали съ Византіей въ тѣ же самыя отношенія, которыя существовали между вольными городами и германскимъ союзомъ, т. е. они добыли полную автономію и право (за извѣстную, вносимую ежегодно денежную подать) получать отъ верховнаго правительства вооруженную помощь, въ случаѣ нападенія непріятеля.

По своему географическому положенію, Далмація была, такъ сказать, на виду у всѣхъ, поэтому являлась лакомымъ кускомъ для

различныхъ завоевателей, которые смотрѣли на эту страну либо какъ на опытъ къ поддержанію своего владычества на Адріатическомъ морѣ либо какъ на преграду отъ нападеній непріятеля на свою метрополію. Такъ мы видимъ, что венеціанское правительство уже давно съ завистью смотрѣло на Далмацію. И вотъ, дѣйствительно, венеціанцы, которые уже съ VIII вѣка стали развивать свои морскія силы и видѣть въ торговлѣ источникъ обогащенія страны, должны были рано или поздно подчинить своей власти Адріатическое море, какъ необходимый торговый путь, для сношеній съ западными и восточными народами. Впрочемъ, на нѣкоторое время, венеціанское правительство было вынуждено отказаться отъ приведенія въ исполненіе своихъ завоевательныхъ плановъ.

Въ началѣ XI вѣка случился одинъ фактъ, имѣвшій большое значеніе въ исторіи адріатическихъ славянъ. Въ это время сарацины напали на далматинскіе города и овладѣли всѣмъ тѣмъ, чѣмъ только могли: они разорили города и перенесли свое побѣдоносное знамя даже на острова, лежащіе вдоль береговъ Далмаціи. Хорваты, хорошо понимая, что за покореніемъ Далмаціи можетъ послѣдовать и порабощеніе Хорватіи и Славоніи, пошли на помощь къ своимъ сосѣдямъ и, при содѣйствіи византійскаго императора Никифора, разбили и прогнали сарациновъ. Этотъ фактъ положилъ начало къ сближенію хорватовъ (т. е. жителей Хорватіи и Славоніи) съ далматами. И такъ съ одной стороны, венеціанцы, а съ другой—хорваты употребляютъ всѣ усилія какъ-бы упрочить свою власть на территоріи Далмаціи. Дѣйствительно, мы видимъ, что начиная съ XI вѣка, Далмація поочередно переходитъ изъ рукъ одного завоевателя въ руки другаго. Во второй половинѣ XI вѣка, хорватскій король Крешиміръ IV, завоевавъ венеціанскую Далмацію, поспѣшилъ (на мѣсто устроенныхъ, въ былое время, изгородей), обнести далматинскіе города болѣе или менѣе высокими стѣнами, окопать ихъ рвами и канавами, однимъ словомъ принять мѣры для обороны территоріи Далмаціи отъ внѣшнихъ непріятелей.

Венеціанское правительство, въ свою очередь, не переставало стремиться къ тому, чтобы захватить далматинское побережье; оно должно было служить г. Венеціи, такъ сказать, оборонительною

стѣной противъ нападеній турокъ. Притомъ, владѣя далматинскимъ побережьемъ, венеціанцы пріобрѣтали бы тогда въ свои руки монополію ввоза и вывоза товаровъ въ тогдашній боснійско-герцеговинскій «Hinterland». Послѣ продолжительныхъ и усиленныхъ стараній, венеціанскому правительству наконецъ удалось въ XV вѣкѣ окончательно завладѣть всею территоріей Далмаціи. Венеціанское правительство хорошо поняло, что ничто не можетъ такъ закрѣпить за извѣстнымъ правительствомъ покоренныя земли, какъ ослабленіе на этихъ земляхъ національнаго элемента. Правительство это было того мнѣнія, что ассимилированіе учрежденій и привилегій, раздаваемыхъ щедрою рукой, не приведетъ къ желаемому результату; необходимо, чтобы связь между Венеціей и покореннымъ ею государствомъ шла глубже, тѣснѣе связывая между собою подданныхъ республики.

Руководясь этого рода соображеніями, венеціанское правительство пожелало достигнуть своей цѣли, во 1-хъ путемъ образованія молодыхъ поколѣній на идеяхъ, сходныхъ съ венеціанскимъ государственнымъ устройствомъ и во 2-хъ путемъ переселенія въ славянскую Далмацію чуждыхъ краю народностей: въ случаѣ возстанія, переселенцы, разумѣется, будутъ держать сторону облагодѣтельствовавшаго ихъ правительства, и такимъ образомъ въ самомъ населеніи, оно будетъ имѣть защитниковъ своей власти. Дѣйствительно, мы видимъ, что венеціанское правительство не преминуло издать нѣсколько эдиктовъ, въ силу которыхъ воспрещалось зажиточнымъ славянамъ, уроженцамъ Далмаціи, получать образованіе у себя на родинѣ. Отецъ, пожелавшій дать своему сыну образованіе, долженъ былъ его отправлять въ Италію, и здѣсь молодой человѣкъ путемъ постоянныхъ ознакомленій съ различными проявленіями жизни, проникался все болѣе и болѣе итальянскимъ духомъ и тѣми тенденціями, которыя были желательны Венеціи. Возвратясь къ себѣ на родину, разумѣется, такой молодой человѣкъ могъ скорѣе быть названъ итальянцемъ, чѣмъ далматомъ; онъ весь проникался итальянскими тенденціями и дѣлался ярымъ ихъ поборникомъ. Такимъ образомъ учебныя заведенія Италіи много способствовали нравственной ассимиляціи далматовъ съ прочими подданными республики. Венеціанское правительство обратило серьоз-

нее вниманіе на усиленіе иностраннаго элемента на территоріи Далмаціи. Такъ мы видимъ, что оно не замедлило пригласить своихъ подданныхъ—грековъ изъ Леванта—во вновь покоренныя владѣнія и поспѣшило составить изъ нихъ прибрежный, военный кордонъ. Эти иностранные гарнизоны, расположенные въ прибрежныхъ городахъ, назывались «стратистами». Такими были «la stratia di Zara, di Sebenico» и т. д.

По паденіи венеціанской республики, Далмація стала по очередно переходить изъ рукъ французовъ къ австрійцамъ. Въ концѣ концовъ Австрія окончательно упрочила за собою власть надъ этою страной. Въ первые годы своего владычества въ Далмаціи, австрійское правительство вполнѣ держалось политики Венеціи, стремясь къ усиленію въ странѣ итальянскаго элемента. Съ тридцатыхъ годовъ, заботы правительства обращаются на усиленіе бюрократическаго начала въ Далмаціи. Причиной, почему австрійское правительство пожелало измѣнить свою политику въ описываемой нами мѣстности, послужили политическія событія въ Италіи. Такъ мы видимъ, что въ 1832 году, во время революціи въ Романьѣ, когда нѣкоторые изъ инсургентовъ стали по временамъ искать себѣ убѣжища въ Далмаціи, страна эта была запружена легіонами чиновниковъ, которые надѣялись тамъ найти, если не гнѣздо революціоннаго движенія, то, по крайней мѣрѣ, одну изъ его важныхъ вѣтвей. Эта армія чиновниковъ, которая была составлена изъ лицъ нѣмецкаго происхожденія, отправлялась въ страну съ единственною, впрочемъ, цѣлью—обогатиться на счетъ мѣстнаго населенія и, на скоро пожавъ плоды своей кратковременной дѣятельности, уступить свое мѣсто новымъ полчищамъ иноземцевъ. Всѣ эти блюстители общественнаго порядка возвращались къ себѣ на родину съ глубокой, непримиримой ненавистью ко всему славянскому и съ туго-набитымъ карманомъ. Впрочемъ надо замѣтить, что, несмотря на всестороннюю и неутомимую ихъ бдительность, доходившую до узнаванія крайнихъ мелочей семейной жизни каждаго изъ мѣстныхъ жителей, всѣ подобнаго рода ихъ поиски къ открытію революціоннаго элемента въ Далмаціи не принесли желаемыхъ результатовъ: легіоны чиновниковъ гонялись за призрачною тѣнью революціи. Между тѣмъ какъ ихъ наплывъ въ Дал-

мацію много содѣйствовалъ какъ нравственному, такъ и матеріальному ухудшенію положенія мѣстнаго населенія.

Въ 1848 году вспыхнула революція въ Венгріи. Австрійское правительство стало возбуждать хорватовъ противъ Венгріи; оно обѣщало имъ созданіе «Тріединаго Королевства», иначе сказать возстановленіе политико-государственной связи между Хорватіей и Славоніей съ одной стороны и Далмаціей съ другой стороны. Послѣ подавленія возстанія въ Венгріи, австрійское правительство, понятно, не сдержало своего обѣщанія. Мы видимъ, что въ 50-хъ годахъ появилась правительственная система — «централизмъ», созданная по плану Шварценберга и Баха, безъ сомнѣнія, съ цѣлью образовать «великую Австрію». Означенная система произвела громадное вліяніе на положеніе дѣлъ въ Далмаціи. Дѣйствительно, въ промежуточномъ времени съ 1851 по 1860 годъ, дѣятельность австрійскаго правительства въ Далмаціи проявляется во-первыхъ въ искорененіи всякаго проблеска народнаго тамъ начала и во-вторыхъ въ укрѣпленіи и развитіи тамъ начала централизаціи. Надлежитъ замѣтить, что народное начало въ Далмаціи не пустило еще глубокихъ корней; патріотизмъ не есть безотчетное влеченіе къ родинѣ, а есть сознательная увѣренность въ развитіи умственныхъ и нравственныхъ силъ, чего пока еще не было въ далматинскомъ народѣ. Поэтому и не требовалось большаго труда поборникамъ «централизма» — уничтожить въ Далмаціи народное начало въ самомъ его зародышѣ.

Съ цѣлью упрочить свою правительственную систему «централизмъ» въ Далмаціи, австрійское правительство стало внимательно слѣдить за всѣми сторонами частной жизни мѣстнаго населенія. Такъ, покрой платья, стрижка волосъ, окладъ бороды и даже форма усовъ бывали перетолковываемы въ политическомъ смыслѣ. Мы видимъ, что верхняя одежда не должна была соединять въ себѣ тѣ цвѣта, которые могли бы представить хотя бы оттѣнокъ извѣстной народности, преслѣдуемой правительствомъ; такъ напримѣръ — строго воспрещалось носить шляпы à la calabrais или à la Cavour; лица, которыя носили длинные усы, поселяли къ себѣ недовѣріе мѣстныхъ властей и т. д. Всѣ эти дѣйствія австрійскаго правительства не могли не отозваться и на настроеніи умовъ мѣстнаго населенія Далмаціи. Зорко

слѣдя за настроеніемъ умовъ мѣстнаго населенія, австрійское правительство предписало даже приходскому духовенству—сообщать мѣстной полиціи подробныя свѣдѣнія о нравственности и образѣ жизни каждаго члена семейства.

Съ цѣлью, безъ сомнѣнія, содержать въ страхѣ мѣстное населеніе и посѣять духъ внутренняго несогласія въ его средѣ, было открыто свободное поле всякаго рода наушничествамъ, которыя производились подъ видомъ анонимныхъ писемъ, адресуемыхъ на имя директора задарской полиціи. Эти письма, имѣвшія форму доноса, въ большинствѣ случаевъ, не заключали въ себѣ никакихъ правдивыхъ основаній для обвиненія извѣстнаго лица въ измѣнѣ. Они составлялись изъ личной непріязни, изъ желанія выдвинуться, и такимъ образомъ, благодаря этой системѣ доносовъ, мирный помѣщикъ, ничѣмъ болѣе въ жизни не интересовавшійся какъ своею усадьбой, количествомъ урожая и т. д. дѣлался въ глазахъ австрійскаго правительства ловкимъ агитаторомъ, набирающимъ агентовъ для своей революціонной пропаганды, тогда какъ въ сущности онъ нанималъ рабочихъ для снятія съ полей хлѣба. Всѣ эти анонимныя письма вносились въ протоколъ полиціи и пріобрѣтали въ ея глазахъ офиціальный характеръ.

Такая строгая, правительственная опека произвела въ Далмаціи самыя грустныя послѣдствія: народный элементъ все замиралъ и замиралъ; прежнее единодушіе пропадало и тѣ звѣнья, которыя связывали народъ съ его національными принципами, порвались и распались—и вмѣсто прежней любви, проникавшей всѣ слои общества, появилась на сцену, холодная, нѣмецкая формальность, которая стала обусловливать взаимныя отношенія мѣстныхъ жителей. При такой внѣшней обстановкѣ, реакціонная партія весьма успѣшно дѣйствовала въ Далмаціи: означенная партія находила себѣ не малую поддержку въ недовѣрчивыхъ, взаимныхъ отношеніяхъ гражданъ этой провинціи, отношеніяхъ, принимавшихъ весьма часто враждебный характеръ.

Между тѣмъ, началась война Австріи съ Италіей: неудачи, понесенныя австрійскими войсками въ Италіи, не могли не подѣйствовать на народныя массы и не вызвать броженія умовъ во всѣхъ концахъ Австрійской имперіи. Австрійское правительство поспѣшило обнародовать 20-го октября 1860 года дипломъ, признавшій пред-

ставительное начало для каждой народности, входящей въ составъ имперіи. Впрочемъ, обнародованіе означеннаго диплома мало повліяло на измѣненіе положенія дѣлъ въ Далмаціи. При распаденіи въ 1867 году Австрійской имперіи на Цислейтанію и Транслейтанію, Далмація была причислена къ Цислейтаніи; австрійское правительство стало тогда употреблять всѣ усилія, чтобы привязать къ себѣ Далмацію матеріальными выгодами и отдалить отъ сосѣднихъ и родственныхъ ей странъ. Съ этою-то цѣлью былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Далмаціи, популярный между юго-славянами, сербъ баронъ Родичъ и была ему предоставлена широкая свобода дѣйствій.

Въ составъ Далмаціи, какъ мы выше замѣтили, входятъ, во-первыхъ, материкъ и, во-вторыхъ, острова, лежащіе вдоль далматинскаго берега. Поэтому-то мы представимъ сначала собранныя нами данныя о материкѣ Далмаціи, а затѣмъ—о далматинскомъ архипелагѣ.

А. Материкъ Далмаціи.

I.

Задаръ: о маловажности значенія Задра, какъ столицы Далмаціи; его исторія; мѣстное населеніе; достопримѣчательности города; состояніе въ немъ православія; ярмарка.—Описаніе пути изъ Задра въ Нинъ.—О прошломъ и современномъ состояніи Нина; его достопримѣчательности.—Описаніе пути изъ Нина въ Нови и изъ Задра въ Біоградъ.—Исторія Біограда.

Городъ Задаръ (Zara), столица Далмаціи, является, такимъ образомъ, административно-церковнымъ центромъ страны. Такъ онъ служитъ мѣстопребываніемъ генералъ-губернатора Далмаціи, римско-католическаго архіепископа и православнаго епископа. Правда, что и по своему географическому положенію и по пространству своей территоріи и по отношенію къ развитію въ немъ торговли, промышленности и культуры, городъ Задаръ, ни въ какомъ случаѣ, не заслу-

жилъ себѣ права быть столицей Далмаціи. Города Дубровникъ (Ragusa) и Сплѣтъ (Spalato) играютъ, въ этомъ отношеніи, несравненно болѣе видную роль.

Городъ Задаръ былъ нѣкогда столицей Либурніи и, въ то время, носилъ названіе «Idassa». Во времена римскаго владычества на восточныхъ прибрежьяхъ Адріатическаго моря, этотъ городъ былъ уже извѣстенъ сначала подъ именемъ «Jadera», а позднѣе—«Diodora». Въ теченіи продолжительнаго времени, онъ служилъ пунктомъ, за владѣніе которымъ постоянно боролись хорваты съ венеціанцами. Такъ мы видимъ, что въ 1202 году венеціанцы овладѣли городомъ Задромъ и разрушили его стѣны. По смерти хорватско-венгерскаго короля Людовика I въ 1382 году, жители города Задра, имѣя во главѣ своего епископа Петра Матафариса, охотно признали надъ собой власть хорватскаго бана. Этотъ фактъ служитъ очевиднымъ доказательствомъ того, что они, въ то время, были добрыми славянскими патріотами. Такъ какъ со смерти Людовика I, послѣдняго представителя мужскаго поколѣнія анжуйскаго дома по прямой нисходящей линіи, хорваты избрали своимъ королемъ родственника покойнаго короля Людовика I, а именно Карла Дураццо неаполитанскаго, то и жители города Задра поспѣшили присягнуть ему въ вѣрности. Какъ извѣстно, Карлъ Дураццо не долго царствовалъ: онъ былъ умерщвленъ и на хорватскій престолъ вступилъ его сынъ—Ладиславъ неаполитанскій. Въ 1403 году онъ прибылъ въ городъ Задръ, гдѣ былъ принятъ съ большимъ торжествомъ. Въ задрской церкви во имя св. Хрисанфа, онъ былъ коронованъ хорватскою короной. Впрочемъ, во время своего пребыванія въ г. Задрѣ, Ладиславъ неаполитанскій возбудилъ къ себѣ всеобщее неудовольствіе въ мѣстныхъ жителяхъ. Притомъ, видя, что число сторонниковъ венгерскаго короля Сигизмунда все болѣе и болѣе возрастаетъ въ Хорватіи, а жители города Задра сочувственно относятся къ Венеціи, хорватскій король Ладиславъ неаполитанскій порѣшилъ продать городъ Задръ венеціанскому правительству, что и случилось въ 1409 году. Городъ Задръ былъ важнымъ пунктомъ для Венеціи: здѣсь венеціанское правительство формировало свою армію для отраженія турокъ отъ своихъ владѣній и черезъ то самое для поддержа-

нія своей первенствующей роли въ Адріатическомъ морѣ. Позднѣе, когда венеціанцы упрочили свою власть вдоль всего далматинскаго прибрежья, они не преминули перенести изъ Сплѣта въ Задръ каѳедру сплѣтскаго и солинскаго архіепископа; начиная съ этого времени, венеціанцы мало по малу сосредоточиваютъ въ г. Задрѣ свою бюрократію и свое войско, такъ что этотъ городъ постепенно пріобрѣтаетъ право на владычество надъ всею Далмаціей.

Городъ Задръ есть небольшой городъ съ населеніемъ въ 8,000 душъ; онъ расположенъ на мысѣ, выдающемся въ море. Городъ обнесенъ весьма твердою стѣной, толщина которой доходитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 20 футовъ. На этой стѣнѣ устроенъ прекрасный бульваръ. На восточной части находится небольшая крѣпость, окруженная толстою стѣной и рвомъ. Такимъ образомъ, городъ Задръ даже и по наружному своему виду, скорѣе является укрѣпленнымъ, морскимъ пунктомъ, чѣмъ столицей Далмаціи. Значительную часть мѣстнаго населенія составляютъ чиновники и ремесленники, однимъ словомъ народъ пришлый. Уже давно прошло то время, когда мѣстные обыватели города Задра были хорошими патріотами, усердно трудились надъ разработкой народнаго языка. Такъ это было во времена Бенье-Кожичича, Карнарутича, Зорамича и Бараковича. Но, подъ вліяніемъ политическихъ событій, положеніе дѣлъ въ Задрѣ замѣтно измѣнилось. Съ одной стороны—пришлый элементъ, а съ другой и сами правительства—венеціанское и австрійское явились горячими поборниками итальянской культуры; это не могло не повліять и на настроеніе самого туземнаго, славянскаго населенія. Притѣснительныя мѣры, къ которымъ прибѣгали означенныя правительства въ отношеніи къ представителямъ славянской народности, имѣли въ результатѣ то, что, въ настоящее время, въ Задрѣ весьма мало древнихъ славянскихъ фамилій.

Улицы въ городѣ—крайне узки: не видно на нихъ ни экипажей, ни лошадей. Городскія зданія, по своей архитектурѣ, напоминаютъ Венецію. Въ архитектурномъ отношеніи, крайне замѣчательно зданіе городской Думы (Loggia), построенное еще въ XVI вѣкѣ архитекторомъ Иваномъ Микели. На городской площади находятся пять цистернъ, постройки которыхъ относятся къ XV вѣку.

Эти цистерны снабжаютъ Задръ прѣсною водой, которая туда проведена посредствомъ водопроводовъ изъ мѣстности, отстоящей отъ него въ двухъ часахъ разстоянія. Площадь примыкаетъ къ городскому саду. Вообще, городъ не красивъ ни самъ по себѣ, ни съ моря. Впрочемъ, городъ Задръ замѣчателенъ по сохранившимся въ немъ древнимъ памятникамъ, которые относятся ко времени владычества тамъ Рима и Венеціи. Такъ, напримѣръ, зданіе городской Думы, о которомъ мы выше говорили, крѣпостныя ворота со стороны материка (Porta di terra ferma); небольшія крѣпостныя ворота со стороны моря (Porta marina), надъ которыми находится латинская надпись; колонны на торговой площади и много надгробныхъ памятниковъ.

Говоря о древнихъ памятникахъ, которые мы находимъ въ Задрѣ, нельзя при этомъ не сказать о тамошнихъ церквахъ. Дѣйствительно, онѣ крайне замѣчательны и по древности своей постройки и по своей архитектурѣ и по предметамъ, которые въ нихъ находятся. Римско-католическій каѳедральный соборъ во имя св. Анастасіи, построенный по приказанію венеціанскаго дожа Генриха Дандоло, былъ освященъ въ 1285 году. По наружному своему виду, онъ напоминаетъ римскую базилику. Надъ главнымъ входомъ въ церковь находится изображеніе слѣдующаго содержанія: Пресв. Дѣва Марія, имѣя на рукахъ предвѣчнаго младенца, возсѣдаетъ на престолѣ, а съ наружной стороны отъ нея стоитъ святой. Около боковыхъ дверей находятся превосходныя произведенія скульптуры, изображающія агнца Божія и двухъ ангеловъ. Въ церкви много иконъ, принадлежащихъ кисти извѣстныхъ художниковъ. Надъ иконами находятся надписи; между ними не рѣдко встрѣчаются греческія и древне-кириловскія. По своей рѣзьбѣ заслуживаютъ особаго вниманія скамьи —образцовое произведеніе Ивана Будиславича. Въ соборной ризницѣ находится много предметовъ, крайне замѣчательныхъ въ художественномъ отношеніи. Такъ напримѣръ, серебряная рака, на которой находится слѣдующая надпись. «Ego Bosna jussi fieri hanc Capsam ad onorem St. Jacobi martiris ob remedium anime Chasei viri mei et anime mei». Рака эта украшена священными изображеніями, которыя, по отношенію къ своей отдѣлкѣ, заслуживаютъ

особаго вниманія. Въ соборной церкви еще находится серебрянная рака съ мощами св. Хрисанфа: она была сдѣлана въ 1326 году, по заказу дворянъ Вида Кандулича, Вульчина, Мартинушевича и Павла-де-Галлеличъ; на ракѣ находится эмалевое изображеніе св. Хрисанфа. Весьма замѣчательна въ художественномъ отношеніи и серебрянная рака, въ которой покоится голова св. Хранція или Оранція. Изъ другихъ предметовъ, хранящихся въ соборной церкви, весьма замѣчателенъ, по своей отдѣлкѣ, архіерейскій посохъ, сдѣланный въ 1460 году, по заказу задарскаго архіепископа Мафеа Валареса: онъ украшенъ сдѣланными изъ серебра рельефными изображеніями— св. Доната, св. Анастасіи, пр. Дѣвы Маріи и многихъ святыхъ.

Вблизи собора находится часовня, которая имѣетъ шестиугольную форму. Въ ней покоятся мощи св. Анастасіи. Къ достопримѣчательностямъ этой часовни слѣдуетъ отнести: мраморный престолъ съ скульптурными изображеніями св. Анастасіи — произведеніе Антона Корадина, жившаго въ XVII вѣкѣ, а на стѣнахъ виситъ до шести иконъ, писанныхъ на доскахъ работы Виктора Карпача, жившаго въ XV вѣкѣ. По серединѣ часовни стоитъ большая купель, сдѣланная изъ одного камня. Въ одной латинской надписи, которая сохранилась въ часовнѣ, говорится, что въ 1177 году папа Александръ III на бѣломъ конѣ въѣхалъ въ часовню, чтобы поклониться мощамъ св. Анастасіи, при чемъ мѣстное духовенство встрѣтило его съ церковнымъ пѣніемъ на хорватскомъ языкѣ.

Къ числу наидревнѣйшихъ церквей, безъ сомнѣнія, принадлежитъ церковь св. Доната, которая въ настоящее время служитъ военнымъ магазиномъ. О ней уже упоминаетъ Константинъ Багрянородный. Церковь эта сначала была посвящена св. Троицѣ, а позднѣе—св. Донату, покровителю города Задра. Она имѣетъ кругообразную форму и построена въ два этажа, которые соединены каменною лѣстницей. Въ Задрѣ есть еще двѣ церкви—во имя св. Вита и во имя Пресвятой Дѣвы Маріи, которыя теперь вполнѣ запущены. Въ церкви св. Симеона Богопріимца находится серебрянно-вызолоченая рака извѣстнаго мастера золотыхъ дѣлъ въ Задрѣ Франца Миланеза, въ которой почиваютъ мощи св. Симеона; она была принесена въ даръ церкви въ 1380 году хорватско-венгерскою королевой Елизаветой.

Рака эта украшена историческимъ изображеніемъ, сдѣланнымъ изъ серебра и представляющимъ королеву Елизавету, ея дочерей, хорватскаго бана Павла и многихъ другихъ лицъ, современниковъ Елизаветы. На тѣлѣ св. Симеона въ ракѣ находится вышитый бисеромъ поясъ, на которомъ—слѣдующая подпись:

СТІ СІМЄ ВОГОПРИНАНІЄМ МОЛЮ ГОРГЄ ДЄСПОТЪ.

Въ этой же самой ракѣ св. Симеона хранится драгоцѣнная чаша, украшенная гербомъ дома анжуйскаго и изображеніями Іисуса Христа, св. Іоанна, пр. Дѣвы Маріи, св. Владислава и св. Елизаветы. Эта чаша была сдѣлана по заказу королевы Елизаветы мастеромъ Францемъ Миланезомъ.

Городъ Задръ весьма богатъ римско-католическими монастырями. Такъ въ немъ находится францисканскій монастырь съ церковью во имя св. Михаила: въ немъ богослуженіе совершается по хорватско-глаголитскимъ книгамъ. Въ церкви сохранилось много хорошихъ образовъ и надгробныхъ памятниковъ отъ XVI вѣка. При монастырѣ имѣется богатая библіотека, которую завелъ покойный фратеръ Константинъ Божичъ; она славится собраніемъ рукописей, начиная отъ XIII-го вѣка.

Въ монастырѣ меньшихъ братьевъ св. Франциска, монастырская церковь во имя св. Франциска была освящена 13-го ноября 1282 года, какъ свидѣтельствуетъ надпись, находящаяся въ алтарѣ на одной изъ колоннъ. Въ церкви—много надгробныхъ плитъ; обращаютъ на себя вниманіе: во 1-хъ скамьи, весьма изящно сдѣланныя изъ дерева, и во 2-хъ образа, а именно: въ алтарѣ всѣхъ святыхъ и въ алтарѣ св. Іеронима. У входа въ церковь находится слѣдующая надпись готическими буквами «A. domini MCCCCII hic est sepultura Valente et fratris sui de genere Raiecic et heredum suorum, quorum hic requiescunt in pace (ossa). Amen.» Монастырское зданіе—въ стилѣ венеціанскомъ: оно было построено въ 1556 году мѣстными архитекторами Иваномъ Трифуничемъ и Иваномъ Стиничемъ на средства большею частью семейства Фанфонья. Въ монастырѣ хранятся знаменитый псалтырь и антифонарій, писанные въ XV вѣкѣ.

Женскій бенедиктинскій монастырь съ церковью во имя пр. Дѣвы Маріи былъ построенъ во времена хорватскихъ правителей: онъ имѣлъ много угодій, подаренныхъ ему королями Крешиміромъ и Звонимиромъ. При королѣ Коломанѣ въ 1105 году была построена колокольня, въ 1111 году была положена плита надъ могилой настоятельницы этого монастыря, по имени Беке или Бекенеге изъ рода хорватскихъ правителей. Въ церкви находится весьма рѣдкій образъ, вырѣзанный на деревѣ; по срединѣ изображенія представлена пр. Дѣва Марія, окруженная ангелами, святыми и длинною фалангой фратеровъ и монахинь, а снизу изображены 12 апостоловъ; сбоку два герба, между которыми помѣщена слѣдующая надпись отъ 1493 года: «Hoc opus fecit presbiter Petrus Jordanus manu sua propria. De suis bonis, pecunia sua, ad laudem Dei et beate Mariae Virginis». Мы находимъ въ церкви знаменитый образъ «Поклоненіе трехъ волхвовъ» кисти извѣстнаго хорватскаго художника Андрея Медулича (Schiavone). Такъ какъ въ Задрѣ и вообще во всѣхъ далматскихъ приморскихъ городахъ, ювелирное искуство въ средніе вѣка сильно процвѣтало, то поэтому мы находимъ въ монастырской церкви много золотыхъ и серебряныхъ вещей, замѣчательныхъ въ художественномъ отношеніи. Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ: 1) серебряная голова съ какими-то мощами; на головѣ находится надпись готическими буквами: «Me fecit MCCCCIII Christoforus de Rochis Venetus»; 2) хорошо вызолоченная серебряная рака съ мощами св. Анастасіи и св. Симеона — даръ жены воеводы Сандалія Хранича; 3) двѣ серебряно-вызолоченныя доски — одна съ изображеніемъ папы св. Григорія, патрона Босніи, а другая — съ изображеніемъ Іисуса Христа на крестѣ, а у ногъ Его стоитъ св. Марія, и 4) серебряная кіота съ мощами св. Квирина, епископа сисачкаго: на ней рельефно сдѣланы изображенія 4-хъ евангелистовъ и нѣкоторыхъ другихъ святыхъ, а также и изображеніе Іисуса, восѣдающаго на престолѣ. Въ этомъ монастырѣ хранится много старинныхъ письменныхъ памятниковъ; между ними есть такіе, которые относятся ко времени царствованія хорватскихъ правителей.

Православное населеніе г. Задра крайне незначительно: оно

простирается до 354 душъ. Въ Задрѣ есть православная церковь во имя св. пророка Иліи съ небольшимъ придѣломъ во имя св. Спиридона. Въ городѣ Задрѣ ежегодно 26-го сентября (8-го октября) бываетъ большая ярмарка, на которую сходятся жители изъ ближайшихъ мѣстъ. Эта ярмарка не имѣетъ важнаго значенія въ торговомъ отношеніи, но служитъ сбытомъ, по преимуществу, сырыхъ продуктовъ: продукты мѣстной промышленности играютъ на ней громадную роль. Мы не можемъ при этомъ не замѣтить, что въ городѣ есть сберегательная касса (cassa di risparmio).

Отправляясь изъ Задра, мы порѣшили прежде всего посѣтить древній городъ Нинъ (Nona), замѣчательный въ историческомъ отношеніи. Изъ Задра въ Нинъ идетъ узкая дорога, которая притомъ и худо содержится. Къ нашему большому удивленію, попадались намъ на пути хорошо воздѣланныя поля, масличныя деревья и виноградники. Кой-гдѣ виднѣлись дачи или «казино», какъ ихъ называетъ народъ; нѣкоторыя дачи весьма изящно построены. Вправо отъ насъ лежало селеніе Боканяцъ, а вблизи его небольшое озеро «Боканьско». Но чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ все болѣе и болѣе безжизненный, пустынный колоритъ принимала окружавшая ихъ мѣстность; только на берегу моря виднѣлось нѣсколько селеній, а возлѣ нихъ масличныя деревья и виноградники. Какъ напримѣръ, селенія Нетерчане, Затонъ; возлѣ сего послѣдняго селенія находится небольшая крѣпостца, которая нѣкогда защищала мѣстность отъ набѣговъ морскихъ пиратовъ.

Начиная отъ селенія Затона, картина мѣняется: снова попадаются обработанныя поля, однимъ словомъ растительность снова появляется. Мы не считаемъ лишнимъ при этомъ замѣтить, что тамошняя земля носитъ особое названіе «прахулье», которое, безъ сомнѣнія, произошло отъ слова «прахъ» (пыль); такъ какъ она производитъ много пыли. На одномъ изъ вблизи лежащихъ холмовъ находится старинная церковь во имя св. Николая, которая, по народному преданію, была построена на могилѣ одного хорватскаго магната. Она построена въ византійскомъ стилѣ; постройка ея относится къ тому времени, когда хорваты совершали богослуженіе по восточному обряду. Сводъ церкви имѣетъ крестообразную форму и поддерживается

четырьмя четвероугольными базисами. У входа въ церковь небольшая колокольня. Въ церкви—три придѣла.

Переправившись черезъ рѣчку Ричину, которая впадаетъ въ море и вблизи селенія Нина образуетъ большія болота, мы прибыли въ древній городъ, игравшій важную роль еще во времена владычества тамъ римлянъ. Селеніе Нинъ расположено на островкѣ, который соединенъ съ материкомъ двумя мостами, самое селеніе окружено двойною стѣной съ полуразрушенными башнями. Въ римскія времена это былъ городъ и носилъ названіе «Aenone». Въ 640 году онъ былъ раззоренъ аварами. Хорватскіе короли народной династіи нерѣдко избирали этотъ городъ своимъ мѣстопребываніемъ и неутомимо заботились о его процвѣтаніи. Такимъ образомъ, мало по малу онъ сдѣлался весьма населеннымъ пунктомъ Далмаціи; въ немъ, въ былое время, насчитывалось до 16 церквей. Городъ Нинъ служилъ мѣстопребываніемъ храбрыхъ нинскихъ жупановъ, а также и резиденціею славныхъ нинскихъ епископовъ, которые, вопреки папскимъ приказаніямъ, неутомимо отстаивали славянскій языкъ въ церковномъ богослуженіи. Постоянныя войны хорватовъ то съ мадьярами, то съ венеціанцами, тяжело отзывались на этомъ городѣ. Венеціанцы, пріобрѣтши его подъ свою власть, а въ то-же время опасаясь, чтобы турки не завладѣли этимъ пунктомъ на далматскомъ побережьѣ, предали городъ пламени, сначала въ 1571 году и вторично—въ 1646 году. Начиная съ этого времени, городъ этотъ окончательно утратилъ свое значеніе. Правда, что, оставаясь мѣстопребываніемъ римско-католическаго епископа нинской епархіи, Нинъ продолжалъ все-таки пользоваться правами города. Но въ 20-хъ годахъ текущаго вѣка, нинская епархія была присоединена къ задарской, а вслѣдъ затѣмъ и Нинъ былъ обращенъ изъ города въ селеніе, чѣмъ остается, и по настоящее время. Въ немъ теперь не болѣе 800 жителей, климатъ крайне нездоровый, вслѣдствіе того, что онъ окруженъ болотами. Въ Нинѣ видны теперь одни только слѣды разрушенія, на всемъ печать печали и пустынности: въ городскихъ стѣнахъ, на которыхъ, въ былое время, храбрые городскіе обыватели смѣло защищали свой городъ отъ вторженія непріятелей, можно теперь натолкнуться только на черныхъ змѣй, которыя тамъ пріютились.

Между достопримѣчательностями Нина, безъ сомнѣнія, первое мѣсто занимаетъ старинная церковь во имя св. Ансельма, перваго нинскаго епископа. Неизвѣстно, когда она была построена; но была возобновлена въ 1528 году епископомъ нинскимъ Григоріемъ Дивничемъ, о чемъ свидѣтельствуетъ надпись, находящаяся на сѣверныхъ вратахъ, возлѣ которыхъ стоитъ статуя св. Ансельма, украшенная гербомъ фамиліи Дивничъ: на статуѣ находится надпись: G. D. MDXXVIII. Въ церкви есть нѣсколько замѣчательныхъ рѣдкостей; такъ напримѣръ, деревянный ящикъ съ серебряною на немъ доской, украшенною изображеніями 4-хъ евангелистовъ и другихъ святыхъ; въ немъ находятся головы св. Ансельма и св. Маркелла. Заслуживаютъ вниманія, по своей древности, еще двѣ вещи: старинный перстень, украшенный гербомъ и символическими изображеніями 4-хъ евангелистовъ, съ надписью: «Papa Pivs»; а также серебряный сапогъ съ ногою св. Ансельма, принесенный въ даръ церкви въ 1309 году Радославомъ Утешеномъ, секретаремъ хорватскаго бана Павла Шубича; на сапогѣ находится слѣдующая надпись:

HOS PEDES AD HONOREM DEI ET STI. ANSELMI, PRO SALVTE SVA ET SVORVM, ANNO D.MCCCVIII RADOSLAVS VTVSANVS DE SCARDONA CANCELLARIVS DNI. PAVLI BANI ET IVPANVS ECCLESIE NONENSIS, FECIT FIERI.

Есть еще въ Нинѣ церковь во имя Животворящаго Креста Господня: она имѣетъ форму греческаго креста. Изъ надписи, находящейся надъ церковными дверями, видно, что эта церковь была построена нинскимъ жупаномъ по имени Годеславомъ. Вблизи Нина на камнѣ возвышается старинная церковь во имя св. Вита: она теперь крайне запущена. По народному преданію, на этомъ мѣстѣ нѣкогда было капище языческаго бога Свѣтовида. Разсматривая нинскія руины, иногда натолкнешься то на разрушенный монастырь, то на римскія ванны, то на надгробные памятники, то на старинныя статуи. По настоящее время, никто не подумалъ заняться изученіемъ этихъ знаменитыхъ памятниковъ старины.

На пути изъ Нина въ селеніе Привлака (Brevilacqua) попадалось много кургановъ, которые нѣкогда служили кладбищами. Вся

та мѣстность крайне пустынна: ее мѣстные жители называютъ «Грббни ца» (гробница). Въ этой мѣстности лежитъ большое селеніе «Грбе», нѣкогда принадлежавшее богатой мѣстной фамиліи князей Манфрино, а нынѣ составляющее собственность Даниловича. Сохранилось народное преданіе, что мѣстный владѣлецъ князь Іеронимъ Манфрино, для сельскихъ работъ, пригласилъ къ себѣ въ имѣніе значительное число итальянцевъ: они всѣ безъ исключенія перемерли, такъ какъ въ той мѣстности весьма нездоровый климатъ; а потому и этому имѣнію было дано названіе «грбе» (гробы). На сѣверо-востокъ отъ Нина на берегу моря лежитъ нѣсколько бѣдныхъ селеній, какъ-то: Польица, Врси, Винѣрацъ (Castel-Venier) и Поседаре. А еще далѣе по направленію на юго-востокъ при заливѣ «Новомъ» лежитъ небольшой и, въ настоящее время, весьма бѣдный городокъ Новый (Novegradi) съ 500 жителями. Еще видны въ немъ развалины крѣпости, гдѣ находилась въ заточеніи въ началѣ XV вѣка Елизавета, жена хорватскаго короля Людовика I съ своей старшей дочерью Маріей. Какъ извѣстно, въ этой крѣпости была отсѣчена голова Елисаветѣ, а Марія только бѣгствомъ спасла свою жизнь.

Совершивъ поѣздку по сѣверо-западной части Далмаціи, мы вернулись тѣмъ-же путемъ въ Задаръ, откуда отправились далѣе по направленію на юго-востокъ, съ цѣлью посѣтить славный въ древности городъ Біоградъ (Zara-vecchia). Первое попавшееся на пути село было «Арбанаси» (Borgo-Erizzo), такъ названное отъ албанской колоніи, которая назадъ тому 100 лѣтъ, какъ поселилось въ этой мѣстности. Въ настоящее время, въ этомъ селѣ не болѣе 1,100 жителей, которые, кромѣ славянскаго языка, говорятъ еще на албанскомъ. Дорога идетъ вдоль морскаго берега: вправо отъ насъ на берегу моря виднѣлись два селенія Бибине съ 400 жителей и Сукованъ (S. Cassiano) съ 1000 жителей, а влѣво немного поодаль озеро «Нодиньско». Подвигаясь далѣе на югъ, намъ пришлось ѣхать по каменистой мѣстности кой-гдѣ покрытой кустарниками и ароматическою травой: мы нигдѣ не встрѣчали на пути жилаго строенія. Невдалекѣ отъ города Біограда лежитъ селеніе Турань (Torrette): въ тамошней римско-католической церкви, построенной во имя св. Филиппа и Іакова, находится много надгробныхъ плитъ съ глаголиче-

скими надписями, а также и большое количество глаголическихъ книгъ. Замѣтимъ, что начиная отъ Задра и вплоть до этого села богослуженіе совершается по глаголическимъ книгамъ.

Біоградъ (Zara-Vecchia) носилъ въ древности два названія: онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ «Blandona», а Птоломей упоминаетъ о немъ подъ именемъ «Albamaris». Біоградъ былъ разоренъ въ VII вѣкѣ аварами. Позднѣе сдѣлавшись столицей хорватскихъ народныхъ королей, онъ сталъ замѣтно процвѣтать. Въ 1104 году венгерскій король Коломанъ былъ въ этомъ городѣ торжественно коронованъ хорватско-далматскою короной. Въ 1124 году хорватско-венгерское войско понесло пораженіе подъ стѣнами Біограда со стороны венеціанскаго войска, предводимаго дожемъ Доминикомъ Микіели; городъ былъ разрушенъ до основанія. Начиная съ этого времени, Біоградъ, ни въ стратегическомъ, ни въ политическомъ отношеніи, уже не могъ возстановить своего значенія. Въ настоящее время, Біоградъ небольшое селеніе, гдѣ около 500 жителей. Даже не сохранилось въ городѣ никакихъ памятниковъ, которые бы свидѣтельствовали о древнемъ его величіи. Дѣйствительно, вражья рука истребила всякій слѣдъ, который бы напоминалъ о хорватскомъ тамъ владычествѣ. На мѣстѣ же нѣкогда роскошныхъ королевскихъ и епископскихъ дворцовъ возвышаются теперь крайне бѣдныя жилыя строенія. Вблизи города Біограда лежитъ село Врана или Ловрина, знаменитое своими садами и дворцами, въ которыхъ нѣкогда пребывали настоятели ордена тампліеровъ, смѣненные потомъ турецкимъ властителемъ Али-бекомъ, находится теперь въ развалинахъ.

II.

Шебеникъ: мѣстоположеніе города и его укрѣпленія; населеніе; состояніе тамъ католицизма и православія. Татарская гора. — Скрадинъ: прошлое и современное состояніе города. Деришъ. Книнъ. Коссово-поле. Петрово-поле: историческая о немъ замѣтка. Кистанье. Бенковацъ. Трогиръ: его исторія и памятники древности. Костельское поле.

Городъ Шебеникъ (Sebenico) былъ построенъ хорватами и, въ теченіи нѣкотораго времени, служилъ мѣстопребываніемъ хорватскихъ королей. По примѣру другихъ далматинскихъ городовъ и этому городу приходилось нерѣдко выдерживать сильныя нападенія со стороны турокъ. Между прочимъ въ мѣстной хроникѣ XVII вѣка говорится объ одномъ римско-католическомъ епископѣ, снискавшемъ себѣ громадную славу вслѣдствіе храброй защиты города отъ турокъ.

Городъ Шебеникъ расположенъ амфитеатромъ на склонѣ горы при заливѣ того-же имени, образуемомъ черезъ впаденіе рѣки Крки въ море. Со стороны материка городъ обведенъ стѣнами, а открытъ лишь со стороны моря. Къ городскимъ стѣнамъ примыкаетъ небольшая крѣпость «Дегенфельдъ», которая была построена барономъ Дегенфельдомъ въ 1646 году; къ сѣверу отъ нея находятся еще двѣ крѣпостцы—«Св. Анна» и «Св. Іоаннъ», построенныя еще во времена римскаго владычества въ Далмаціи. Со стороны моря городъ защищенъ крѣпостью «San Nicola», извѣстною также подъ именемъ «Люльевацъ»: постройка ея относится къ 1546 году.

Улицы въ городѣ узкія, покатыя; дома старинной архитектуры съ круглыми, узкими окнами; надъ домовыми воротами иногда встрѣчаются гербы, надписи и т. п. Вообще городъ самъ по себѣ не имѣетъ особо-привлекательнаго вида, а высокія, голыя скалы, которыя опоясываютъ городъ, придаютъ ему еще болѣе мрачный видъ.

Въ городѣ до 5,000 жителей; женскій полъ отличается красотой. Интеллигентный классъ городскаго населенія является горячимъ сторонникомъ Италіи. Само австрійское правительство не

мало способствовало развитію такого настроенія въ мѣстной интеллигенціи. Дѣйствительно, благодаря устройству въ Далмаціи итальянскихъ училищъ и благодаря различнымъ правительственнымъ мѣропріятіямъ, городское населеніе начало все болѣе и болѣе держать себя въ сторонѣ отъ народа, стало все болѣе и болѣе усвоивать обычаи и стремленія своихъ сосѣдей-итальянцевъ, такъ что многія древнія славянскія фамиліи, предки которыхъ усердно работали въ дѣлѣ развитія славянской народности, литературы въ Далмаціи, совершенно поддались, въ настоящее время, вліянію итальянской культуры. Мы находимъ въ Шебеникѣ много древнихъ славянскихъ фамилій: Шмигоричъ, Дивничъ и другія, настоящіе представители которыхъ являются ярыми поборниками итальянской культуры. Мы можемъ смѣло сказать, что интеллигентный и зажиточный классъ населенія Шебеника приноситъ меньше пользы и народу и странѣ, чѣмъ какой-либо бѣдный, полуобразованный священникъ: совершая мессу по глаголическимъ книгамъ, онъ старается воспитывать народъ въ національномъ духѣ.

Городъ Шебеникъ служитъ каѳедрой римско-католическаго епископа шебеникской епархіи. Въ городѣ до 20 римско-католическихъ церквей, изъ нихъ каѳедральный соборъ во имя Св. Іакова крайне замѣчателенъ въ художественномъ отношеніи. Постройка этого собора, которая происходила подъ непосредственнымъ наблюденіемъ архитектора Юрія Матѣевича, относится къ половинѣ XV вѣка. Соборъ этотъ напоминаетъ римскую базилику, впрочемъ въ его архитектурѣ есть также элементы стиля византійскаго, готическаго и арабскаго. Онъ построенъ изъ мрамора и изъ высѣченнаго камня; на наружной его сторонѣ находятся крайне замѣчательныя изваянія изъ камня: онъ также обращаетъ на себя вниманіе оригинальнымъ расположеніемъ внутри въ три уступа. Соборъ этотъ славится надгробными памятниками и иконами; надъ алтаремъ находится изображеніе св. трехъ волхвовъ— одно изъ лучшихъ художественныхъ произведеній Андрея Медулича, уроженца Шебеника.

Въ городѣ находится четыре римско-католическихъ монастыря, а именно два монастыря меньшихъ братьевъ, одинъ—доминиканскій и одинъ женскій, бенедиктинскій монастырь. При монастыряхъ

меньшихъ братьевъ, изъ коихъ одинъ во имя Св. Лаврентія, а другой во имя Св. Франциска, находится довольно замѣчательная библіотека, въ которой хранится собраніе старинныхъ рукописей. Кромѣ того, въ городѣ есть православная церковь во имя Успенія Пресв. Богородицы, а въ предмѣстьѣ города — филіальная церковь во имя Вознесенія Христова: православное населеніе въ городѣ не превосходитъ 415 душъ.

Лучшая кофейня въ городѣ, а также и клубъ (казино) помѣщаются въ весьма красивомъ зданіи, находящемся противъ каѳедральнаго собора. Говоря о Шебеникѣ, мы не можемъ не упомянуть, что въ городѣ этомъ ежегодно бываетъ большая трехдневная ярмарка, а именно: 13 (25), 14 (26) и 15 (27) іюля.

Пробывъ нѣсколько дней въ Шебеникѣ, мы порѣшили углубиться во внутрь Далмаціи. Прежде всего мы отправились изъ Шебеника въ городъ Скрадинъ, куда ведетъ широкая дорога, которая притомъ и весьма хорошо содержится. Влѣво мы замѣтили небольшое селеніе Церница съ церковью во имя сошествія Св. Духа. Начиная отъ этого селенія, мы стали подыматься на гору, которая извѣстна подъ именемъ «Татарской горы» (Monti Tartari) и которая, по всей вѣроятности, получила свое названіе отъ тѣхъ татаръ, которые, преслѣдуя хорватско-венгерскаго короля Бѣла IV, дошли до самаго Шебеника и на вблизи лежащей отъ него горѣ расположились лагеремъ. Поднявшись на нѣкоторую высоту по татарской горѣ, намъ представилось во всей своей красѣ озеро «Прокльянъ». Полюбовавшись нѣкоторое время живописностью мѣстоположенія этого озера, мы продолжали свой путь по горѣ. Вдоль дороги, которая пролегаетъ по Татарской горѣ, мы не замѣтили ни одного села. Только кой-гдѣ виднѣлись виноградники, а между каменьями—кусты, шалфей и горныя травы, и здѣсь-то паслись тощія овцы, козы и лошади. Мы не считаемъ лишнимъ при этомъ замѣтить, что мѣстность, прилегающая съ запада къ Татарской горѣ, называется «Шебеникскимъ загорьемъ», а съ юга— «трогирскимъ загорьемъ»; обѣ мѣстности, по всѣмъ направленіямъ, перерѣзаны горами, пригорками, между которыми разстилаются поля и долины, покрытыя богатою растительностью.

Спустившись съ горы, мы оставили въ селеніи Гулинѣ почто-

вый трактъ, который идетъ далѣе въ Дернишъ; а затѣмъ оттуда въ Книнъ; повернувъ въ означенномъ селеніи влѣво, мы отправились по направленію къ городу Скрадину. Намъ пришлось еще переѣхать гору Чулишиче прежде чѣмъ мы достигли до города.

Городъ Скрадинъ (Scardona) расположенъ при рѣкѣРкѣ— въ весьма плодородной долинѣ, опоясанной каменистыми горами. Во времена римлянъ этотъ городъ былъ знаменитымъ городомъ Либурніи: въ то время онъ носилъ названіе «Scradone». Въ былое время въ этомъ городѣ былъ созываемъ сеймъ, въ которомъ принимали участіе представители племенъ, жившихъ по сосѣдству съ этимъ городомъ. На горѣ, примыкающей къ городу, сохранились еще развалины укрѣпленія, съ помощью котораго мѣстные жители защищали городъ и отъ венеціанцевъ и отъ венгровъ и, наконецъ, отъ турокъ. Впрочемъ турки успѣли покорить городъ. И по настоящее время уцѣлѣли у подошвы горы развалины турецкаго постоялаго двора, которыя напоминаютъ о владычествѣ тамъ турокъ.

Въ Скрадинѣ всего одна широкая улица, которая проходитъ черезъ весь городъ; остальныя же улицы—узкія и кривыя. Въ самомъ городѣ не сохранилось никакихъ памятниковъ старины. Въ городѣ всего 2,500 жителей: 257 православныхъ, а остальные католики. Православная церковь во имя св. Спиридона. Римско-католическая приходская церковь довольно пространна: въ ней находится нѣсколько иконъ, замѣчательныхъ въ художественномъ отношеніи. Вблизи города лежатъ живописные водопады, о которыхъ мы уже выше говорили. Мы считаемъ долгомъ при этомъ замѣтить, что вблизи водопада «Малованацъ-букъ» лежатъ развалины: по мнѣнію ученыхъ, на этомъ-то мѣстѣ нѣкогда находился городъ «Алеріа».

Изъ города Скрадина, мы отправились черезъ селеніе Гулина въ Дернишъ. Это небольшой городокъ, гдѣ всего около 1,000 жителей: 800 католиковъ и 200 православныхъ. Здѣсь есть православная церковь во имя Успенія Пр. Богородицы. Впрочемъ, этотъ городокъ замѣчателенъ по стариннымъ памятникамъ, которые относятся ко времени владычества тамъ турокъ.

Изъ Дерниша, какъ мы выше замѣтили, идетъ почтовый трактъ

въ маленькій городокъ Книнъ. Во времена римскаго владычества городъ этотъ былъ извѣстенъ подъ именемъ «Titinium». Позднѣе при хорватскихъ короляхъ, онъ служилъ иногда административнымъ центромъ жупанства того же имени. Къ этому времени и относится постройка въ немъ крѣпости, съ цѣлью защищать городъ отъ турокъ. По настоящее время, сохранилось въ городѣ много старинныхъ памятниковъ. Городъ Книнъ расположенъ у подошвы горы. Городское населеніе едва достигаетъ до 1,000 душъ: большинство населенія исповѣдуетъ католическую вѣру. Впрочемъ, есть въ городѣ православная церковь во имя св. великомученика Георгія. Несмотря на то, что этотъ городъ служитъ пунктомъ соединенія трехъ дорогъ, все таки мѣстное населеніе крайне бѣдно. Ежегодно 1-го (13) іюля бываетъ въ Книнѣ ярмарка.

По направленію на юго-востокъ отъ Книна тянется знаменитое «Петрово-поле», которое отдѣлено небольшою горною возвышенностью отъ другаго поля, извѣстнаго подъ именемъ «Коссово поле». Впрочемъ, эти оба поля соединены посредствомъ одного узкаго прохода. «Петрово-поле» получило свое названіе отъ крѣпости, развалины которой и по настоящее время сохранились на горѣ Проминѣ, лежащей невдалекѣ отъ Дернища. Въ былое время, эта крѣпость носила названіе «Петровацъ» или «Дворови бана Петра». Знаменитый хорватскій банъ Петръ Свѣдичъ имѣлъ свой замокъ на горѣ Проминѣ. Впослѣдствіи банъ Петръ Свѣдичъ былъ избранъ народомъ въ хорватскіе короли; но въ войнѣ съ венграми онъ погибъ. Мы не считаемъ лишнимъ при этомъ замѣтить, что на «Петрово-полѣ» лежитъ, въ настоящее время, до 4-хъ селъ съ населеніемъ въ 1,877 душъ; тамъ находится и православная церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла. Самый же православный приходъ носитъ названіе «Петрова-Црква». Можетъ статься, было дано этому приходу такое названіе въ память славянскаго юнака Петра Свѣдича. О «Петрово-полѣ» сохранилось также преданіе, что хорватскій король Звонимiръ былъ тамъ убитъ разъяренною толпой. На «Косово-полѣ» лежитъ до 8 сербскихъ селеній съ населеніемъ въ 2,742 души и находится православная церковь во имя св. пророка Иліи.

Изъ Книна въ Задаръ четырнадцать часовъ пути преимущественно по развалинамъ классическаго и средневѣковаго міра. Мы видѣли, хотя издали, остатки каменнаго моста черезъ рѣку Крку и вообще повсюду остатки временъ Венеціанской республики. Первый городъ, попавшійся намъ на пути, былъ Кистанье. Этотъ городокъ построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, въ римскія времена, находился городъ «Promona». Впрочемъ въ Кистаньѣ попадаются плиты съ римскими надписями и статуи греческаго искуства. Въ этомъ городѣ есть православная приходская церковь во имя св. Николая Чудотворца и филіальная—во имя рождества св. Іоанна Крестителя. Изъ Кистанья дорога въ Задаръ идетъ черезъ Венковацъ: онъ нѣкогда служилъ укрѣпленнымъ мѣстомъ, а теперь представляетъ однѣ развалины. Въ Венковцѣ есть православная приходская церковь во имя рождества св. Іоанна Крестителя. Невдалекѣ отъ Венковца въ долинѣ «Котари», которая идетъ отъ Задра по направленію къ Скрадину, лежатъ развалины города Перушича.

Городъ Трогиръ (Trau) весьма красивый, маленькій городокъ, расположенъ въ крайне живописной мѣстности на полуостровѣ. Этотъ полуостровъ соединенъ съ островомъ Буа посредствомъ каменнаго моста, который имѣетъ въ длину до 400-хъ футовъ: онъ разводится для прохода судовъ.

Древній римскій городъ «Tragurium» отстоялъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города Трогира. Настоящій городъ Трогиръ былъ построенъ хорватами: они обнесли его твердыми стѣнами и возвели нѣсколько укрѣпленій; нѣкоторыя изъ нихъ сохранились, а остальныя представляютъ однѣ только развалины. Городскому населенію нерѣдко приходилось выдерживать нападенія со стороны сарацинъ, монголовъ, генуезцевъ, венеціанцевъ, турокъ, мадьяръ и т. д. Въ 1108 году хорватско-венгерскій король Коломанъ далъ городу Трогиру слѣдующія привилегіи: 1) не платить никакихъ податей ни ему, ни его преемникамъ; 2) городское населеніе пріобрѣло право назначать какъ на низшія, такъ и высшія мѣста церковной іерархіи; 3) старо-давній ихъ законъ относительно взиманія налоговъ съ иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ городъ по морю, вошелъ въ силу: такъ $^1/_3$ часть доходовъ поступала въ пользу городскаго начальника;

4) иностранецъ не иначе могъ селиться въ городѣ, какъ съ разрѣшенія городскихъ властей; 5) въ случаѣ прибытія короля въ городъ, его свита можетъ селиться лишь въ тѣхъ зданіяхъ города, которыя будутъ ей назначены. Сынъ Коломана Степанъ въ 1124 году подтвердилъ эти привилегіи. Городъ Трогиръ былъ родиной знаменитыхъ мужей Далмаціи, а именно Петра Лучича, весьма даровитаго хорватскаго поэта, сына его Ивана Лучича, знаменитаго историка и Августина Кажотича, загребскаго епископа, (мѣстные жители съ нѣкоторою гордостью показываютъ домъ, гдѣ родился покойный епископъ), Коріолана Цѣнича или Чипко, знаменитаго историка, и многихъ другихъ.

Въ настоящее время считается въ городѣ до 500 зданій и около 3,000 жителей. Жители города Трогира сильно поитальянились: въ средѣ образованнаго класса рѣдко слышится народная рѣчь. Главными занятіями мѣстныхъ жителей служатъ судостроеніе и торговля. Нѣсколько оживляетъ мѣстную торговлю ярмарка, которая бываетъ въ городѣ ежегодно 2 (14) ноября.

Въ какую сторону ни посмотришь въ Трогирѣ, навѣрно наткнешься на какой-либо памятникъ старины: полуразрушенныя городскія стѣны, башни, церкви, зданія, статуи, высѣченныя изъ камня—все это невольно напоминаетъ о знаменитомъ прошломъ этого города. Между памятниками старины въ Трогирѣ первое мѣсто, безъ сомнѣнія, занимаетъ римско-католическій каѳедральный соборъ во имя св. Лаврентія. Соборъ этотъ построенъ въ римскомъ стилѣ въ началѣ XIII вѣка. Надъ церковною папертью возвышается колокольня, весьма красиво построенная въ три этажа изъ четыреугольно-высѣченнаго камня. Колокольня эта была построена въ 1422 году хорватскимъ архитекторомъ Матіемъ Гойковичемъ, а затѣмъ въ 1599 году была окончательно исправлена архитекторомъ Трифономъ Боканичемъ. Главный фасадъ собора украшенъ различными изваяніями изъ камня, которыя, можно сказать, принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ среднихъ вѣковъ. Внутри собора обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе предметы: во 1-хъ главный престолъ, высѣченный изъ мрамора; надъ нимъ возвышается балдахинъ, поддерживаемый четырьмя колоннами; украшенія, находящіяся какъ на балда-

хинѣ, такъ и на колоннахъ крайне замѣчательны въ художественномъ отношеніи; во 2-хъ, кресла, на которыхъ обыкновенно сидятъ каноники во время богослуженія, представляютъ удивительный образецъ рѣзьбы на деревѣ; въ 3-хъ шкафъ изъ орѣховаго дерева въ сакристіи, сдѣланный въ 1458 году—художественное произведеніе Григорія Видова; въ 4-хъ надгробные памятники. Въ каѳедральномъ соборѣ находится замѣчательное собраніе дипломовъ (числомъ около 100), относящихся ко времени отъ XIII до XVII вѣка. Мы не можемъ при этомъ не упомянуть о трехъ часовняхъ: въ одной изъ нихъ (Baptisterium) обыкновенно совершается таинство крещенія надъ младенцами; это есть часовня во имя св. Іоанна Крестителя: она построена въ 1467 году въ стилѣ renaissance архитекторомъ Андреемъ Алексѣевичемъ, уроженцемъ города Драча (Durazzo). Есть еще двѣ часовни: одна во имя св. Іоанна Урсина, перваго трогирскаго епископа, а другая во имя св. Іеронима; постройка этихъ обѣихъ часовенъ относится къ половинѣ XV вѣка. Въ Трогирѣ есть еще нѣсколько старинныхъ церквей, какъ-то: церковь во имя св. Варвары (прежде была во имя св. Мартына), построенная въ 1184 году; церковь во имя св. Николая, построенная въ 1064 году, въ женскомъ бенедиктинскомъ монастырѣ; церковь въ доминиканскомъ монастырѣ построенная въ XIV вѣкѣ.

Окрестности Трогира, если смотрѣть на нихъ со стороны моря, представляютъ крайне живописный ландшафтъ. По возвышенному берегу тянутся лѣса масличныхъ и миндальныхъ деревьевъ, виноградники; тамъ и сямъ виднѣются чистенькіе, каменные домики, а при нихъ огороды, въ которыхъ растетъ все то, что необходимо для домашняго потребленія.

Изъ Трогира въ Сплѣтъ приходится ѣхать черезъ «Кастельское поле», которое получило свое названіе отъ «кастеловъ» (замковъ), расположенныхъ въ этой мѣстности вдоль побережья. Кастельское поле крайне узко: съ одной стороны омываетъ Адріатическое море, а съ другой его опоясываетъ каменистая гора «Кабанъ». Это поле крайне живописно и плодородно: по обѣимъ сторонамъ дороги тянутся виноградники, сады и вообще въ этой мѣстности встрѣчаются всѣ южныя растенія. Въ этой мѣстности находится, въ

настоящее время, семь «кастеловъ» (замковъ), а въ былое время ихъ было тринадцать, а именно: Сучуратъ, Гомилица (Castel Abadessa), Камбеловацъ (Castel Cambio), Лушичъ (Castel Vitturi), Кастель-Стари, Кастель-Нови и Стафиличъ. Возлѣ каждаго замка лежитъ небольшое селеніе. Въ древнія времена всѣ эти замки были окружены твердыми стѣнами, рвами и служили мѣстнымъ жителямъ оборнымъ пунктомъ, откуда они защищали свою родину отъ враговъ. Во всѣхъ этихъ замкахъ встрѣчается много древнихъ памятниковъ. Мѣстные жители—римско-католическаго вѣроисповѣданія; впрочемъ хорошо говорятъ по-сербски, хотя въ ихъ языкѣ и встрѣчаются нѣкоторыя слова, не употребляемыя сербами, какъ напримѣръ: по-сербски «патка» (утка), они же говорятъ «утакъ»; вмѣсто языкъ, они употребляютъ «іезикъ» и т. д.

III.

Сплѣтъ: мѣстоположеніе и происхожденіе города; его исторія; достопримѣчательности города; характеристическая особенность его населенія. Польюди. Солинъ: его исторія и памятники старины. Клиссъ: его значеніе въ историческомъ отношеніи. Синь: его исторія.

Городъ Сплѣтъ (Spalato) расположенъ на небольшомъ полуостровѣ, имѣющемъ въ длину пять миль, а въ ширину двѣ мили, оканчивающемся возвышенностью «Мерлянъ», имѣющею въ высоту до 564 вѣнскихъ футовъ. О происхожденіи города Сплѣта разсказываютъ слѣдующее: въ 640 году, когда полчища аваровъ разоряли Далмацію и напали на городъ Солинъ (Solona), находившійся невдалекѣ отъ дворца императора Діоклеціана, нѣкоторые изъ жителей мѣстныхъ селъ, боясь попасть въ руки аваровъ, переправились съ своими семействами на близь лежащіе острова, а другіе стали искать защиты въ стѣнахъ нѣкогда славнаго, но разваливщагося дворца: на томъ мѣстѣ они построили себѣ жилища и

вотъ образовался небольшой городокъ, который сталъ называться «Aspalatum» или просто «Palatium», а впослѣдствіи «Spalatium» (Salonae Palatium); венеціанцы же, согласно духу своего языка, стали его именовать «Spalato», а это названіе сохранилось и по настоящее время.

Хорватскіе правители, подчинивъ своей власти городъ «Spalato», стали его называть «Сплѣтомъ». Они придавали большое значеніе пріобрѣтенію этого города, а потому позаботились прежде всего объ упроченіи въ немъ своей власти: въ городѣ Сплѣтѣ была сосредоточена духовно-политическая администрація всего побережья. Со смертью Степана II, преемника Звониміра, прекратилась въ хорватскомъ королевствѣ династія народныхъ королей. Тогда хорваты предложили корону Звониміра венгерскому королю Коломану. Такъ какъ далматы не соглашались признать его своимъ королемъ, то онъ подступилъ къ Сплѣту съ большимъ войскомъ, что случилось въ 1103 году. Коломану удалось убѣдить обывателей г. Сплѣта вступить съ нимъ въ переговоры, для чего онъ и отправилъ къ нимъ своего уполномоченнаго. Жители Сплѣта выбрали своимъ уполномоченнымъ своего архіепископа Кресченція. Въ слѣдствіе соглашенія между королемъ Коломаномъ и архіепископомъ Кресченціемъ, Сплѣту было даровано со стороны короля много привилегій. Въ томъ же т. е. въ 1103 году, Коломанъ совершилъ торжественный въѣздъ въ г. Сплѣтъ. Сынъ Коломана Степанъ въ 1124 году подтвердилъ привилегіи, дарованныя городу Сплѣту его отцомъ.

Подъ властью хорватско-венгерскихъ правителей Сплѣтъ сталъ замѣтно процвѣтать; если бы удалось ему одолѣть внѣшнихъ враговъ, то, по всей вѣроятности, этотъ городъ сдѣлался бы не только важнымъ пунктомъ на Адріатическомъ морѣ, но занялъ бы первое мѣсто и на самомъ материкѣ Далмаціи. Однимъ изъ наиболѣе опасныхъ внѣшнихъ враговъ его были венеціанцы, которые постоянно заботились лишь о томъ, какъ бы сохранить исключительно въ своихъ рукахъ власть надъ всемъ Адріатическомъ моремъ. Въ 1124 году венеціанскій дожъ Доминикъ Микіели покорилъ Сплѣтъ. Весьма естественно, что венеціанцы, пріобрѣвъ въ свою власть этотъ городъ, стали на него смотрѣть, какъ на средство усилить значеніе Венеціи,

какъ морской державы. Поэтому Сплѣтъ, подъ властью венеціанцевъ, не могъ выполнить своей великой задачи, не могъ достичь того величія и силы, какими нѣкогда гордился прежній его сосѣдъ Солинъ.

Переходя отъ однихъ правителей къ другимъ, Сплѣтъ невольно пріобрѣталъ и новые элементы, которые вносили въ него и новыя политическія начала. Благодаря усиленію въ городѣ пришлаго элемента, городское населеніе начинаетъ мало по малу увеличиваться. Такъ, мы видимъ, что въ XV ст. начинаютъ дѣлаться пристройки внѣ стѣнъ дворца Діоклеціана: эти новыя пристройки обносились стѣнами и имѣли видъ крѣпости. Впрочемъ, начиная съ XVI вѣка, Сплѣтъ уже пріобрѣтаетъ значеніе въ торговомъ отношеніи. Мы видимъ, что онъ ведетъ торговлю не только въ Европейской Турціи, но и въ Персіи, Арменіи, Египтѣ и Индіи; а въ XVII вѣкѣ онъ могъ выдержать опасную для него до того времени конкурренцію съ Дубровникомъ. Впрочемъ, и само венеціанское правительство, понявъ важное значеніе Сплѣта въ торговомъ отношеніи, стало много способствовать развитію въ немъ торговли. Такъ мы видимъ, что въ договорахъ Карловачскомъ (1699 года), Пожаревачскомъ (1718 года), и наконецъ, въ договорѣ 1733 года, были включены параграфы, благодаря которымъ торговля жителей Сплѣта была обставлена весьма благопріятными условіями, хотя, съ своей стороны, венеціанское правительство вовсе не заботилось о процвѣтаніи туземной промышленности въ Далмаціи, не считало нужнымъ улучшать пути сообщенія, устроивать коммерческія училища и т. д. Французы, овладѣвъ Далмаціей, много способствовали процвѣтанію торговли въ Сплѣтѣ. Напротивъ того, австрійцы, въ первые годы своего владычества въ Далмаціи, съ полнымъ невниманіемъ относились къ торговымъ интересамъ Сплѣта.

Городъ Сплѣтъ имѣетъ форму полукруга и состоитъ изъ трехъ частей: старый городъ, новый городъ и изъ четырехъ предмѣстій (предграды). Старый городъ построенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда находился дворецъ императора Діоклеціана, а новый городъ началъ строиться, какъ мы выше замѣтили, только съ XV вѣка. Предмѣстья Сплѣта: Лугацъ, Манусъ, Поцобонъ и Вели-

кій Варошъ (Borgogrande) населены потомками тѣхъ селянъ, которые, во время войны то съ турками, то съ другими народами, искали защиты въ стѣнахъ крѣпости. Въ Сплѣтѣ считается, въ настоящее время, до 12,000 жителей: зданія въ городѣ не высоки, улицы узки; вдоль залива, на берегу котораго расположенъ городъ, идетъ довенькая набережная. Со стороны материка городъ обнесенъ стѣною, на которой возвышаются башни и крѣпостцы. Впрочемъ старинныя укрѣпленія города сначала по приказанію венеціанцевъ, а потомъ французовъ, были срыты. До настоящаго времени, сохранилась только крѣпостца «Гринъ». Ежегодно 25-го апрѣля (7-го мая) бываетъ въ Сплѣтѣ ярмарка, которая доставляетъ хорошій сбытъ предметамъ мѣстной промышленности.

Вообще Сплѣтъ расположенъ въ живописной мѣстности. Недаромъ Діоклеціанъ построилъ въ этомъ уголкѣ Далмаціи свой грандіозный дворецъ, чтобы отдохнуть въ немъ хоть подъ старость, чтобы хоть съ плугомъ въ рукѣ, вкусить тотъ благодатный миръ, котораго не могъ найти, имѣя въ рукахъ бразды правленія. Со времени постройки этого дворца уже прошло болѣе 1500 лѣтъ, однако и до сихъ поръ сохранившіяся развалины этой грандіозной постройки представляютъ особый интересъ для любознательнаго путешественника. Стѣны дворца Діоклеціана, которыя окружаютъ съ четырехъ сторонъ внутреннюю часть города, мѣстами сохранились замѣчательно. Главнымъ входомъ во дворецъ были такъ называемыя «Золотыя ворота» (Porta aurea), которыя, въ недавнее время, были возстановлены по иниціативѣ окружнаго капитана Ивана Бурата и при содѣйствіи архитекторовъ Андрича и Ланце. Одна изъ башенъ дворца, которая, въ былое время, служила храмомъ, посвященнымъ богинѣ Діанѣ, назадъ тому 1200 лѣтъ переустроена въ римско-католическій каѳедральный соборъ во имя св. Доймы, перваго солинскаго епископа, ученика апостола Петра. Итакъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда шумно приносились жертвы Діанѣ, теперь римско-католическій священникъ мирно отправляетъ свою обычную мессу. Особаго вниманія заслуживаетъ церковная колокольня: она весьма высока; постройка ея относится къ XV вѣку. У подножія колокольни стоитъ сфинксъ, по преданію, привезенный сюда по

приказанію императора Діоклеціана. Церковныя двери крайне замѣчательны по своей художественной отдѣлкѣ, на нихъ находится до двадцати-восьми изображеній изъ жизни Іисуса Христа—образцовое произведеніе Андрея Гувине, уроженца Сплѣта. Эта работа была выполнена въ 1214 году. Этотъ соборъ весьма тѣсенъ: въ немъ почіютъ мощи св. Анастасіи и св. Доймы, который почитается патрономъ города Сплѣта. Въ соборѣ находится много замѣчательныхъ произведеній живописи; между ними видное мѣсто занимаетъ образъ, который виситъ надъ главнымъ престоломъ: онъ принадлежитъ кисти мѣстнаго уроженца Марка Каугросовича. Говоря о достопримѣчательностяхъ каѳедральнаго собора, мы не можемъ не упомянуть о надгробномъ памятникѣ, который поставленъ надъ могилой знаменитаго хорватскаго князя Жарко Дражоевича, павшаго въ 1508 году въ сраженіи съ турками при мѣстечкѣ Свинячѣ. Городъ Сплѣтъ хранитъ въ себѣ исторію многихъ столѣтій. Дѣйствительно, въ Сплѣтѣ нельзя не натолкнуться на памятники древнихъ временъ, которые переносятъ насъ въ отдаленное прошлое, когда были иные люди и иные боги. Вотъ бывшій храмъ Эскулапа, который въ X ст. переустроенъ былъ въ часовню. Въ ней находится высѣченная изъ камня въ формѣ креста купель: на ней изображеніе одного хорватскаго короля въ плащѣ, держащаго въ рукахъ крестъ и носящаго на головѣ корону. Эта купель была перенесена сюда изъ одной солинской церкви.

Въ Сплѣтѣ четыре римско-католическихъ монастыря: два изъ нихъ ордена меньшихъ братьевъ св. Франциска, одинъ доминиканскій и одинъ женскій бенедиктинскій. Въ былое время находилось въ Сплѣтѣ большое число монастырей. Такъ напримѣръ зданіе, гдѣ теперь помѣщается военный госпиталь, служило нѣкогда женскимъ монастыремъ ордена св. Бенедикта. Небольшая церковь въ византійскомъ стилѣ была построена въ 1069 году сплѣтскимъ архіепископомъ Лаврентіемъ, жившимъ при хорватскомъ королѣ Петрѣ Крешимірѣ.

Въ одномъ изъ предмѣстій Сплѣта въ Великомъ Варошѣ (Borgo-grande) находится римско-католическій монастырь св. Франциска: въ немъ хранится древній христіанскій саркофагъ V или VI ст.

Онъ высѣченъ изъ бѣлаго мрамора, на которомъ находится замѣчательное, въ художественномъ отношеніи, изображеніе гибели Фараонова войска въ Красномъ морѣ и счастливый переходъ Израильтянъ черезъ море. Вообще на древнихъ христіанскихъ саркофагахъ рѣдко встрѣчаются изображенія, сюжетъ которыхъ взятъ изъ ветхаго завѣта.

Сплѣтъ имѣетъ несомнѣнное преимущество не только передъ Задромъ, но и передъ Дубровникомъ. Бюрократизмъ въ Задрѣ доведенъ до апогея своего развитія, чего мы не находимъ въ Сплѣтѣ; Дубровникъ, хотя всегда и былъ республиканскимъ городомъ, все-таки постоянно находился подъ вліяніемъ аристократическаго начала и средневѣковаго феодализма, тогда какъ въ Сплѣтѣ съискони вкоренился, въ настоящемъ смыслѣ слова, гражданскій духъ, который не съумѣли превозмочь ни монархическо-аристократическое венгерское правительство, ни деспотизмъ хорватскихъ правителей, ни феодализмъ герцога Хервоя. Такимъ образомъ, несмотря на то, что жители города Сплѣта проникнуты чуждымъ духомъ и владѣютъ матеріальными средствами крайне скудными, несмотря на то, что замѣчательные предметы искуствъ и художествъ запущены до крайности, что торговля и промышленность въ немъ замѣтно пришли въ упадокъ, все-таки городъ этотъ столь славный своимъ прошлымъ, можетъ вполнѣ расчитывать на блестящую будущность.

Окрестности города Сплѣта—живописны по своему мѣстоположенію и крайне замѣчательны по находящимся въ немъ памятникамъ старины. Мы имѣли возможность посѣтить древній францисканскій монастырь, который находится вблизи Сплѣта въ мѣстности, извѣстной подъ именемъ «Польюди» (отъ итальянскаго слова Palude-болото). Монастырская церковь во имя Пресвятой Дѣвы Маріи была построена въ X вѣкѣ на средства сплѣтскаго архіепископа Павла; въ началѣ XI вѣка она поступила въ собственность его брата Сирма, который ее завѣщалъ монахамъ ордена бенедиктинскаго, поселившимся въ Солинѣ. Въ половинѣ XV ст. эта церковь, со всѣми принадлежавшими ей угодьями, перешла въ собственность монаховъ ордена францисканскаго, а въ 1450 году, жители города Сплѣта

построили для нихъ на свои средства и самое монастырское зданіе. Въ церкви находится плита съ надписью: «Marulorum progeniei ossium pulveres in hac tumba novissima teguntur», которая лежитъ надъ могилой древняго хорватскаго поэта Марка Марулича; въ ризницѣ находится надгробный памятникъ надъ могилой Нигера, собственная фамилія котораго была Каменьянъ: онъ былъ даровитымъ поэтомъ, достойнымъ епископомъ и способнымъ государственнымъ человѣкомъ, скончавшимся въ 1527 году. Въ ризницѣ хранится и его портретъ, писанный на полотнѣ художникомъ Лаврентіемъ Лота изъ Бергаме. Мы не можемъ при этомъ не упомянуть о двухъ большихъ кораллахъ, хранящихся въ ризницѣ: на нихъ съ большимъ искуствомъ вырѣзаны различныя изображенія. Въ монастырской библіотекѣ много рѣдкихъ рукописей.

Въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія отъ Сплѣта, лежитъ небольшое селеніе Солинъ (Salona). На этомъ мѣстѣ при Цезарѣ поселилась римская колонія, которой Тиверій далъ названіе: «Colonia Martia Julia Salona». Эти римскіе переселенцы стали заниматься промышленностью, судостроеніемъ и торговлею. Наплывъ туда переселенцевъ замѣтно возрасталъ, такъ что и территорія города Солина мало по малу расширялась. Жители города Солина приняли сторону Цезаря, когда онъ сталъ воевать съ Помпеемъ: имъ удалось геройски отразить сильное войско Помпея, которое, подъ предводительствомъ римскаго полководца Марка Октавія, окружило городъ. Географическое положеніе самого города, достигшаго береговъ Адріатическаго моря, отчасти способствовало его процвѣтанію. Въ этомъ-то городѣ и императоръ Діоклеціанъ имѣлъ свиданіе съ своимъ зятемъ Максимиліаномъ Геркуломъ и здѣсь-то положено было начать гоненіе на христіанъ. Въ V вѣкѣ Герулы, подъ предводительствомъ Одоакра, а въ VI-мъ вѣкѣ Готы подъ предводительствомъ Тотилы и Витиеса производятъ страшныя опустошенія въ городѣ Солинѣ. Въ VII вѣкѣ городъ Солинъ былъ завоеванъ хорватами. Великій жупанъ хорватскій Терпиміръ построилъ въ 837 году въ Солинѣ церковь во имя св. Доймы. Мать Терпиміра, Елена, построила въ Солинѣ церковь во имя пресв. Дѣвы Маріи, а также и бенедиктинскій монастырь съ церковью во имя св. Стефана: въ этой церкви были

погребены нѣкоторые хорватскіе короли, между прочимъ Петръ Крешиміръ. Городъ Солинъ былъ окруженъ стѣной: территорія, входившая въ составъ города, была столь обширна, что, по словамъ Константина Багрянороднаго, составляла половину всей территоріи города Константинополя. Вблизи городскихъ стѣнъ внѣ города Солина находилась церковь во имя св. Петра; въ ней былъ коронованъ въ 1076 году Звониміръ, первый хорватскій король, и въ ней же въ 1245 году, въ теченіи нѣсколькихъ дней, прожилъ хорватско-венгерскій король Бѣла IV, когда отправлялся въ Сплѣтъ, съ цѣлью наказать тамошнихъ жителей. Вблизи Солина, въ мѣстечкѣ Буталу или Путалу, находилась знаменитая церковь во имя св. Георгія, которую подарилъ сплѣтскому архіепископу великій жупанъ Терпиміръ, что было впослѣдствіи подтверждено великимъ жупаномъ Мутиміромъ и королемъ Звониміромъ. Мы должны при этомъ замѣтить, что хорватскіе правители, начиная съ того времени, какъ приняли христіанство, много усердствовали въ пользу сплѣтской церкви. Городъ Солинъ былъ окончательно разрушенъ только въ позднѣйшее время, когда начали дѣлать вторженіе въ Далмацію и мадьяры и венеціанцы и, наконецъ, турки. Итакъ знаменитая столица Далмаціи— городъ Солинъ представляетъ собою, въ настоящее время, небольшое бѣдное селеніе.

Вблизи селенія Солина лежитъ «Солинское поле». Черезъ это поле протекаетъ небольшая рѣчка «Ядаръ» или «Салона» (древнее ея названіе Giadro). Въ древнія времена, посредствомъ водопровода, была проведена изъ этой рѣчки вода во дворецъ Діоклеціана. На этой рѣкѣ находились мельницы, принадлежавшія хорватскимъ королямъ, а вдоль нея тянулись сады хорватскихъ правителей. Вообще на Солинскомъ полѣ много памятниковъ, напоминающихъ о прошлой славѣ этой мѣстности. Съ начала настоящаго столѣтія стали производить раскопки этихъ памятниковъ древности и вотъ изъ подъ вѣковой пыли обнаружились развалины амфитеатра, слѣды Діоклеціанова водопровода, ванна съ мозаическимъ поломъ; статуи, надгробныя надписи и т. д. Лучшіе экземпляры историческихъ остатковъ древности хранятся въ сплѣтскомъ музеѣ — все, чѣмъ можно помянуть эту мѣстность, нѣкогда богатую, оживленную, полную культуры,

а теперь поражающую своею убогостью, которая рѣшительно замѣчается во всемъ—въ одеждѣ, пищѣ, жилищахъ обитателей; но болѣе всего, конечно, въ малоразвитости населенія забитаго, приниженнаго, угнетеннаго.

На высокой горѣ, у подошвы которой въ равнинѣ лежалъ нѣкогда городъ Солинъ, находится довольно сильная крѣпость—«Клисъ» или «Клисура» (Clissa), которая во времена римлянъ была извѣстна подъ именемъ «Mandrotium». До изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія эта крѣпость почиталась неприступной. Въ былое время она охраняла городъ Солинъ отъ вторженія непріятелей. Этотъ городъ служилъ мѣстопребываніемъ нѣкоторыхъ хорватскихъ правителей, какъ напримѣръ великаго жупана Мойслава. Въ X вѣкѣ въ предмѣстьѣ этого города, по приказанію хорватскаго короля Держислава, были отведены жилища родственникамъ болгарскаго короля Самуила, вынужденнымъ искать себѣ защиты у хорватовъ.

Въ пяти часахъ разстоянія отъ Клиса и въ девяти часахъ разстоянія отъ города Книна, о которомъ мы уже выше говорили, лежитъ небольшой городокъ Синь. На дорогѣ между Книномъ и Синемъ лежитъ небольшое селеніе Дицмо. Начиная отъ этого селенія до города Синя, тянется долина, которая носитъ названіе «Мойанка». Сохранилось въ городѣ преданіе о томъ, почему долина получила такое названіе. Въ былое время въ этой долинѣ былъ притонъ гайдуковъ (разбойниковъ), которые, какъ-то разъ, напали на кумовей, ѣхавшихъ на сватьбу и всѣхъ ихъ убили; осталась въ живыхъ лишь одна дѣвушка, по имени «Анка». Ея мать, услышавъ объ этомъ ужасномъ побоищѣ и потерявъ всякую надежду снова увидѣть любимую свою дочь, стала бѣгать по этой долинѣ, горько плача и приговаривая: «Моя Анка». Поэтому и самая долина получила названіе «Мой-анка». Впрочемъ, одинъ проходъ, находящійся въ этой долинѣ, носитъ, и по настоящее время, названіе «женски кланацъ» (женская тѣснина): по народному преданію, въ этомъ проходѣ и были перерѣзаны кумовья. Синь весьма красивый городокъ съ населеніемъ въ 1,800 душъ. Онъ расположенъ въ весьма живописной мѣстности. Находясь вблизи турецкой границы, городъ Синь, понятно, былъ нерѣдко осаждаемъ турками.

Такъ, между прочимъ, въ 1717 году, турки, въ теченіе семи дней осаждали городъ Синь. Всѣ граждане, способные носить оружіе, геройски защищали городъ отъ турокъ, которые, пользуясь своимъ численнымъ превосходствомъ, стали уже одерживать верхъ. Тогда дѣти, женщины и старики въ испугѣ бѣгутъ въ церковь во имя Пр. Богородицы и возносятъ горячія молитвы Всевышнему о ниспосланіи побѣды своимъ родичамъ надъ турками. Горожане, хотя и были утомлены продолжительною осадой, напрягаютъ, однако, всѣ свои усилія къ отраженію турокъ, въ чемъ и успѣваютъ. По направленію къ западу отъ города Синя тянется горный кряжъ «Сутина-гора»: села, расположенныя на западномъ склонѣ этой горы, извѣстны подъ именемъ «Загорье», а на восточномъ ея склонѣ—«Огорье». Описанная нами мѣстность крайне замѣчательна въ историческомъ отношеніи. Народныя игры и т. п. ясно свидѣтельствуютъ о славномъ прошломъ мѣстнаго населенія. Въ настоящій очеркъ не входитъ описаніе этнографическихъ особенностей мѣстнаго населенія. Мы не можемъ однако не замѣтить, что нынѣшніе обыватели Синя являются достойными потомками своихъ славныхъ предковъ.

IV.

Польица: древнія границы республики Польицы; ея исторія; древнее устройство республики; достопримѣчательности Польицы. — Омишъ.—Макарска: прошлое и современное состояніе города. Описаніе пути изъ Макарски въ Имоски. Значеніе города Имоски въ торговомъ отношеніи. Макарско-приморье. Неретвенская долина. Пельешацъ.

Территорія древней славянской княжевины или республики «Польица», въ настоящее время, входитъ въ составъ владѣній Австро-Венгерской имперіи и лежитъ въ приморской части сплѣтскаго округа между городами Сплѣтомъ (Spalato) и Омишомъ (Almissa): она тянется между двухъ рѣкъ—Жерновница и Цетина и обнимаетъ пространство въ 25 австрійскихъ квадр. миль.

Названіе «Польица» произошло отъ слово «поле». Границы польичкой княжевины нѣкогда составляли: съ сѣвера—рѣчка Жер-

новница, крѣпость Клисъ, расположенная на горѣ того же имени и одна вѣтвь каменистой Моссорской горы; съ востока и юга—рѣка Цетина, которая своимъ теченіемъ образуетъ здѣсь дугу на значительное пространство (пограничнымъ пунктомъ на юго-востокѣ польичкой территоріи служитъ мѣстечко Дуаре, лежащее при означенной рѣкѣ), съ запада—Адріатическое море.

Трудно сказать, съ какихъ временъ ведетъ свое начало княжевина «Польица»: по этому предмету не имѣется никакихъ точныхъ свѣдѣній. Извѣстно лишь то, что извѣстія объ ней восходятъ къ отдаленной древности. Такъ напримѣръ, Константинъ Порфирородный около 950 года называетъ «самостоятельною хорватскою жупою» ту область, которую населяли поличане. Впрочемъ извѣстія о Польицѣ, какъ самостоятельномъ государствѣ, попадаются лишь въ отрывкахъ у нѣкоторыхъ историковъ и писателей. Извѣстно, что начиная съ XII ст. до XIV ст., поличане были одними изъ самыхъ отчаянныхъ и жестокихъ пиратовъ на всемъ побережьѣ Адріатическаго моря. Высокія горы, которыя опоясываютъ территорію Польицы, служили ей нѣкода естественною защитой отъ вторженій туда большихъ армій, такъ что поличане могли производить нападенія на сосѣднія земли, не опасаясь, что будутъ преслѣдуемы значительными силами непріятелей. Въ 1243 году, они въ сообществѣ съ боснійскимъ баномъ помогали князю Хлумскому (герцеговинскому) противъ князей трогирскихъ. Въ 1275 году, поличане, соединившись съ жителями города Омиша стали заниматься, по преимуществу, морскими разбоями, но были вытѣснены и побиты венеціанцами. Въ 1322 году, когда князья шебеникскій и трогирскій возстали на боснійскаго бана Младена, поличане приняли сторону сего послѣдняго. Побѣжденный, онъ сначала бѣжалъ къ поличанамъ, а потомъ въ крѣпость Клисъ. Въ 1418—19 годахъ, они защищали Сплѣтъ противъ хорватскаго герцога Хрвоя, что, впрочемъ, не спасло города, такъ какъ онъ былъ взятъ тѣмъ же Хрвоемъ. 2-го февраля 1444 года, Польица признала надъ собою покровительство Венеціи. Вскорѣ затѣмъ, когда турки напали на Боснію и Герцеговину, Польица, на нѣкоторое время, отошла подъ власть турокъ; но въ 1483 году, по

*

миру, заключенному между турками и венеціанцами, была уступлена первыми Венеціи. Мы считаемъ долгомъ при этомъ замѣтить, что польичкая республика сначала образовывала изъ себя олигархическо-демократическое государство. Но, съ того времени, какъ Польица подпала зависимости отъ Венеціи, демократическое начало въ польичкой республикѣ стало быстро уступать мѣсто другому, вытѣснившему его началу, а именно началу аристократическому. Впрочемъ первая основа олигархическо-аристократическому началу въ польичкой республикѣ была положена еще ранѣе того, какъ венеціанцы окончательно завладѣли ея территоріей. Оно впервые было принесено въ Польицу венгерскими и боснійскими королями и, такимъ образомъ, было положено начало дѣленій мѣстнаго населенія на «племените» (благородные) и на «неплемените» (не благородные). Во времена хорватскихъ королей мы находимъ демократическое начало тамъ довольно устойчивымъ и въ полной силѣ. Когда Далмація перешла во власть Австріи, въ польичкой кнежевинѣ былъ оставленъ status quo. Впрочемъ владычество австрійскаго правительства въ Далмаціи было не продолжительно. Французы, покоривъ Далмацію, стали стѣснять права поличанъ. Но поличане не дешево продали свою свободу, они геройски защищались противъ войскъ маршала Мармона, который въ 1808 году разгромилъ всю территорію польичкой кнежевины и положилъ конецъ ея самостоятельности. Спасшіеся отъ этого погрома жители бѣжали на русскую эскадру Сенявина, стоявшую въ это время на водахъ Адріатическаго моря.

Со стороны покровительствовавшихъ имъ державъ — метрополій поличане были очень счастливы; ни одно почти государство, подъ властью котораго находилась Польица, не касалось измѣненія ея внутренняго государственнаго строя. Зависимость ея была всегда почти только номинальная; ей предоставляли обыкновенно свободно пользоваться своими собственными законами, судомъ и управленіемъ, а за это она отдѣлывалась только платою небольшой дани своимъ державамъ — метрополіямъ. Такъ напримѣръ венеціанцы довольствовались годичною податью съ нихъ въ 300 реаловъ, да поставкою извѣстнаго количества войска въ военное время.

Объ этихъ вассальныхъ отношеніяхъ Польицы къ Венеціи мы находимъ указанія и въ грамотахъ венеціанскихъ дожей, а именно: въ грамотѣ отъ 15-го декабря 1537 года дожа Андрея Гритты; въ грамотѣ отъ 7-го мая 1707 года дожа Моченига и другія. Также сохранилась грамота отъ 25-го августа 1644 года императора Фердинанда, которою онъ подтверждалъ за польичкими общинами Предградье и Жерновници права и льготы, дарованныя имъ императорами Рудольфомъ и Максимиліаномъ въ 1584 и 1599 годахъ. Изъ грамоты отъ 15-го іюня 1605 года, пожалованной Польицѣ сеньскимъ капитаномъ, видно, что поличане пользовались правомъ свободной торговли на всемъ сеньскомъ прибрежьѣ.

Все, что мы знаемъ объ основныхъ общественныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ Польичкой княжевины, почерпнуто нами изъ единственнаго, дошедшаго до насъ памятника, извѣстнаго подъ названіемъ «Poličkji zakon». Этотъ статутъ писанъ боснійскою кириллицей, которая много разнится отъ той кириллицы, которую употребляютъ южные славяне; языкъ-же, на которомъ писанъ статутъ, нисколько не отличается отъ сербскаго, а составляетъ только его нарѣчіе, извѣстное подъ именемъ нарѣчія чакавскаго. Самое древнее число или годъ, о которомъ упоминается въ статутѣ это 1400-й годъ. Статутъ этотъ состоитъ изъ 112 страницъ и подраздѣленъ на отдѣльныя главы числомъ 108. На послѣдней страницѣ уже упоминается 1725 годъ.

Устройство Польичкой республики въ томъ видѣ, какъ оно написано въ статутѣ, сохранилось до ея паденія. Разсмотримъ вкратцѣ основныя начала ея устройства, о которыхъ мы находимъ свѣдѣнія въ статутѣ.

Населеніе Польичкой республики раздѣлялось на 4 класса. Первый классъ состоялъ изъ 12-ти племенъ или вѣрнѣе родовъ, которые вели свои начало отъ мадьярскихъ дворянъ, убѣгавшихъ въ Польицу въ смутныя времена: классъ этотъ иначе назывался «племичи» или «властели»; второй классъ, болѣе значительный по своей численности, гордился тѣмъ, что входившіе въ составъ его роды происходятъ отъ боснійскаго дворянства и носили названіе «дидичи» или «свободные» третій классъ составляли селяне,

подданные или крѣпостные, иначе носившіе мѣстное названіе «кметови», «кметичи», «подложници» и наконецъ четвертый и послѣдній классъ состоялъ изъ пастуховъ «влашичи». Первые два класса носили названіе «племените» (благородные), а послѣдніе два «неплемените» (неблагородные). Мы не считаемъ лишнимъ при этомъ замѣтить, что относительно происхожденія первыхъ двухъ классовъ существуетъ еще другое мнѣніе, а именно: королй венгерскіе и боснійскіе жаловали, въ разныя времена, гражданамъ Польицы дворянскія грамоты: тѣ изъ нихъ, которые получили такія грамоты отъ венгерскихъ королей, носили названіе «угричей» и составляли первый классъ, а тѣ изъ поличанъ, которые получили дворянскія грамоты отъ боснійскихъ королей, стали называться «бошняцима» и образовали второй классъ, такъ какъ эти послѣдніе получили дворянство позднѣе.

Территорія польичкой республики была раздѣлена, въ административномъ отношеніи, на общины, носившія мѣстное названіе «катуни» или «кнежіи»: всѣхъ такихъ «катуни» или «кнежіи», по числу было 12, а именно: Дольній Долацъ, Горьній Долацъ, Костане, Звечане, Чичле, Гата, Дуброва, Ситно, Сриньинъ, Дучи, Іесенице и Пострана. Притомъ каждая община состояла изъ нѣсколькихъ селъ. Отъ названія «катуни» и начальники общинъ также носили названіе «катунари»: имъ принадлежала, какъ административная, такъ и судебная власть. Въ каждой общинѣ была созываема, въ теченіи года, по нѣсколько разъ, скупщина для обсужденія дѣлъ, касающихся мѣстнаго управленія. Мы не считаемъ лишнимъ при этомъ замѣтить, что въ Польицѣ никогда не было ни городовъ, ни сильно укрѣпленныхъ крѣпостей. Поличане высоко цѣнили индивидуальную свободу, а поэтому-то они и воздвигали свои селенія далеко одно отъ другаго.

Покровителемъ Польичкой республики почитался св. Георгій, изображеніе котораго находилось на ея государственной печати. Ежегодно, въ день св. Георгія 11-го (23-го) апрѣля былъ созываемъ народный сеймъ, который носилъ различныя названія: «зборъ», «саямъ», «станакъ» и «витье». Мѣстомъ народнаго собранія служила довольно обширная площадка, носившая названіе «градацъ» или «грацъ» и находящаяся на вершинѣ

горы, у подножія которой расположено село Гата. На этой площадкѣ сохранился и по настоящее время длинный рядъ камней, высѣченныхъ на подобіе креселъ и скамей. Каждая община отправляла на народное собраніе по одному депутату, который носилъ названіе «малый кнезь». Притомъ совершеннолѣтніе дворяне т. е. члены первыхъ двухъ классовъ могли de jure присутствовать въ засѣданіяхъ сейма съ правомъ подачи голоса. На этихъ народныхъ собраніяхъ во 1-хъ выбирались всѣ мѣстныя власти и во 2-хъ издавались и исправлялись законы республики. Всѣ чины, избиравшіеся на народномъ сеймѣ, были выбираемы лишь на одинъ годъ. Въ слѣдующемъ году опять былъ созываемъ сеймъ, который или утверждалъ ихъ въ прежнемъ ихъ достоинствѣ или-же производилъ новые выборы.

Представителемъ высшей власти въ Польицѣ былъ «великій кнезь»: со времени раздѣленія мѣстнаго населенія на классы, онъ обыкновенно выбирался изъ перваго класса. Въ то время, какъ происходили выборы «великаго кнезя», мѣстный епископъ совершалъ на хорватскомъ языкѣ мессу въ церкви во имя св. Георгія, которая находилась невдалекѣ отъ народнаго собранія. Въ избраніи «великаго кнезя» участвовали только первые два класса населенія республики и выборы эти производились посредствомъ тайной подачи голосовъ. Лицу, избранному въ «великіе кнезья», депутація отъ имени народа подносила ковчегъ, въ которомъ хранились законы республики и сажала его на каменное кресло. Впрочемъ выборы великаго кнезя рѣдко обходились безъ насилій, такъ какъ при этихъ выборахъ всегда возникали партіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и неизбѣжная борьба между ними. Нерѣдко случалось (и большею частью тогда, когда тайными выборами не достигали цѣли), что какой-нибудь ярый приверженецъ одной изъ партій или сторонникъ претендента на великокнежескій престолъ кралъ ковчегъ и съ этою драгоцѣнностью пробирался въ партію той особы, кандидатуру которой онъ поддерживалъ. Каждый членъ сейма имѣлъ право убить такого похитителя камнями или-же оружіемъ, что нерѣдко и случалось. Если-же такому похитителю удавалось невредимымъ доставить этотъ ковчегъ избираемому имъ лицу, то такое лицо уже утверждалось въ своемъ велико-кнежескомъ достоинствѣ и противиться его избранію никто не

имѣлъ права. Если, во время выборовъ, возникала борьба между самыми кандидатами на польичкій велико-кнежескій престолъ, тогда умиротворителемъ ихъ распри являлся народный судья. Онъ удалялся на предназначенное ему мѣсто, разстилалъ на землѣ свой плащъ, выслушивалъ спорящія стороны и произносилъ свой судъ. Послѣ такого окончательнаго рѣшенія судьи, избраніе великаго князя окончательно утверждалось и всякое волненіе утихало.

Послѣ выбора великаго кнезя, народное собраніе приступало къ выбору слѣдующихъ государственныхъ сановниковъ:

1) «кнезья». Подъ этимъ именемъ были извѣстны начальники общинъ, которыми они управляли совершенно самостоятельно; для обсужденія же дѣлъ, касавшихся всей республики, они должны были съѣзжаться въ велико-кнежескомъ дворцѣ, гдѣ и происходили засѣданія подъ личнымъ предсѣдательствомъ великаго кнезя. Кнезья выбирались изъ боснійскаго дворянства т. е. изъ населенія, принадлежавшаго ко 2-му классу; впрочемъ въ выборахъ кнезей принимали участіе и народные депутаты.

2) «воеводы»; такъ назывались военно-начальники: они обыкновенно избирались изъ перваго класса.

3) «прокуроры», числомъ три: на ихъ обязанности лежало доносить въ судъ объ убійствахъ и грабежахъ, а также и обо всемъ, что случалось противозаконнаго въ республикѣ.

4) члены апелляціоннаго суда, числомъ три.

и 5) секретари; на нихъ лежала обязанность вести переписку по важнымъ государственнымъ дѣламъ.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о судебномъ вѣдомствѣ въ Польичкой республикѣ. Первою судебною инстанціей служилъ «общинный» судъ, который состоялъ изъ четырехъ дворянъ перваго класса и изъ девяти дворянъ втораго класса: предсѣдателемъ этого суда былъ «кнезь». Второю инстанціей служилъ «Польичкій Столъ», члены котораго (числомъ три) были выбираемы, какъ мы выше замѣтили, на народномъ собраніи; а третьею инстанціею самъ великій кнезь. При этихъ судебныхъ учрежденіяхъ состояли между прочимъ пристава, которые завѣдывали разсылкою бумагъ и повѣстокъ. Ве-

ликій кнезь долженъ былъ три раза въ теченіи года объѣзжать всю землю и творить тамъ судъ.

Въ статутѣ польичкомъ мы находимъ свѣдѣнія и о мѣстномъ законодательствѣ. Мы должны замѣтить, что недвижимыя имущества, которыя носили названіе «племенштина», дѣлились на три разряда: 1. «баштине» (fundi avitici) отъ стариннаго слова «башта» (отецъ) т. е. земли, пріобрѣтенныя по наслѣдству; 2. «ждрибнице» (fundus divisus) пріобрѣтенныя случайно и 3. «подворнице»—арендуемыя земли. По закону воспрещалось продавать землю или недвижимое имущество въ тайнѣ, притомъ надо было стараться продать ее или своему родственнику или ближайшему своему сосѣду. Такимъ образомъ если-бы кто пожелалъ продать землю, то онъ былъ бы обязанъ заявить объ этомъ на трехъ послѣдовательно созванныхъ народныхъ собраніяхъ и тотъ, кто уже разъ совершилъ продажу земли, не могъ обратно ее выкупить. Многія постановленія гражданскаго и уголовнаго кодекса отличаются своеобразнымъ взглядомъ на нѣкоторыя преступленія и наказанія. Такъ напримѣръ если кто изъ мѣстныхъ обывателей убьетъ кого-либо изъ членовъ другой общины въ Польицѣ, то всѣ общинные начальники вмѣстѣ отправляются въ домъ убійцы, ѣдятъ и пьютъ тамъ, а затѣмъ конфискуютъ все, что найдутъ въ домѣ убійцы. Великій кнезь, будучи извѣщенъ о происшедшемъ убійствѣ, также отправляется въ домъ убійцы и забираетъ все, что осталось тамъ послѣ конфискаціи, произведенной общинными начальниками. Впрочемъ, въ старые годы Польичкой республики, убійцы обыкновенно побивались камнями. Если-же убійство совершалось при обстоятельствахъ, смягчающихъ наказаніе за преступленіе, тогда кнезь облагалъ убійцу штрафомъ въ 8 цекиновъ или 10 талеровъ и такой штрафъ носилъ названіе «кварина». При дознаніяхъ допускался также судъ Божій—пытки: пытали по преимуществу огнемъ и водою. Впрочемъ въ статутѣ встрѣчается описаніе одной своеобразной пытки, повидимому, практиковавшейся очень часто въ Польичкой республикѣ. Обвиненному вбивались за ногти деревянныя (еловыя) шпильки; ихъ загоняли въ тѣло все глубже до тѣхъ поръ, пока пытаемый не винился въ своемъ мнимомъ или дѣйствительномъ преступленіи. Подобнаго рода жесто-

кости не много бы говорили въ пользу свободной Польичкой республики, если бы поличане, такъ сказать, сами додумались до такого рода наказанія. Но мы смѣло можемъ думать, что въ этомъ отношеніи, они позаимствовались у своихъ близкихъ сосѣдей и покровителей венеціанцевъ. Всѣмъ извѣстно, какія жестокія орудія пытокъ и какіе способы наказанія существовали въ Венеціи; достаточно лишь упомянуть о знаменитыхъ въ свое время венеціанскихъ «Plombi» или свинцовыхъ тюрьмахъ.

Оканчивая свою бѣглую замѣтку объ устройствѣ древней Польичкой республики, мы не считаемъ лишнимъ при этомъ сказать, что внутренній, административный строй Польичкой республики ничуть не разноствовалъ отъ внутренняго устройства нѣкоторыхъ другихъ хорватскихъ общинъ, которыя сохранили его, впрочемъ и по настоящее время, какъ напримѣръ Турополье вблизи Загреба. Какъ нѣкогда территорія Польицы была раздѣлена на 12 общинъ или кнежій, управляемыхъ «кнезьями», во главѣ которыхъ стоялъ «великій кнезь», такъ точно и Турополье раздѣлено на общины или «судчіе», которыя находятся въ завѣдываніи «сельскихъ кнезей», а во главѣ мѣстнаго управленія находится «жупанъ», который носитъ также титулъ «капетана», что въ былое время соотвѣтствовало достоинству «воеводы». Какъ нѣкогда поличане ежегодно сходились въ день св. Георгія на сеймѣ, на которомъ выбирались всѣ мѣстныя власти, такъ точно и туропольцы ежегодно, въ день св. Луки, сходятся на скупщинѣ для выбора своего жупана и остальныхъ административныхъ своихъ властей. Какъ Польичкій великій кнезь принималъ приказанія отъ покровительствовавшихъ ему правительствъ, такъ точно и жупанъ Туропольскій получаетъ приказанія отъ загребскаго жупана. Нѣтъ сомнѣнія, что поличане играли, въ былое время, на хорватскихъ сеймахъ такую же роль, какую играютъ теперь тамъ Туропольцы.

Древняя территорія Польичкой республики раздѣлена въ настоящее время между тремя префектурами: Сплѣтской, Синьской и Омишской. Въ составъ Сплѣтской префектуры входятъ слѣдующія общины: Іесенице, Пострана, Ситно и Зриньине; въ составъ Синьской префектуры слѣдующія общины: Дольній Долацъ, Горьній До-

лацъ, Сріяне и Трамбуси, а въ составъ Омишьской префектуры слѣдующія общины: Чичле, Костане, Дубрава, Дуче, Гата, Звечане и Тугари. Въ октябрѣ 1853 года Костане отдѣлено отъ префектуры Омишьской и возведено въ главное мѣсто новой префектуры того-же имени. Мѣстные жители, число которыхъ простирается до 10,000 душъ, не знаютъ другаго языка, кромѣ хорватскаго и вообще являются хорошими патріотами. Они высокаго роста, отважнаго характера и считаются хорошими воинами. Любимымъ ихъ напиткомъ, особенно въ лѣтнее время, служитъ «квасина»—вода, смѣшанная съ сахаромъ и виномъ. Между мѣстными поселянами иногда встрѣчаются весьма зажиточные люди, которые имѣютъ до 400 головъ скота и большіе виноградники. Поличане въ высшей степени гостепріимны, обходительны и крайне трудолюбивы. Несмотря на то, что мѣстность у нихъ гориста, земледѣліе все-таки значительно процвѣтаетъ. Не даромъ поселяне особенно почитаютъ св. Вита, который замѣнилъ собою древнее божество славянъ-язычниковъ—Свѣтовида, покровителя земледѣлія и плодородія.

Еслибы кто-либо вздумалъ посѣтить мѣстность древней Польичкой республики, то ему бы пришлось не мало испытывать трудностей отъ неудобствъ пути по крайне узкимъ и каменистымъ тропинкамъ, увивающимся надъ обрывами скалъ и пропастей, черезъ которыя перекинуты нерѣдко крайне ненадежные и утлые мосты. Множество источниковъ, горныхъ ключей и потоковъ, образуя въ своемъ теченіи водопады и водовороты, еще болѣе затрудняютъ сообщеніе по этой мѣстности; но за то путешественникъ много выигрываетъ въ другомъ отношеніи: онъ можетъ вдоволь тамъ налюбоваться красотою и дикимъ видомъ природы; онъ можетъ тамъ часто наталкиваться на памятники старины, оставшіеся частью отъ временъ владычества тамъ римлянъ, частью отъ временъ, когда поличане и хорваты составляли собою совершенно независимыя государства и жили самостоятельною жизнью. Дѣйствительно, почти сплошь и рядомъ можно натолкнуться въ Польицѣ то на какія-нибудь стѣны, уже ушедшія въ море, обломки которыхъ виднѣются съ берега и подтверждаютъ собою наглядно геологическій фактъ постепеннаго опусканія восточнаго берега Адріатическаго моря, то на какія нибудь

развалины древнихъ римскихъ построекъ. Многія церкви, находящіяся въ районѣ прежней Польичкой республики, воздвигнуты на какихъ нибудь остаткахъ древнихъ римскихъ построекъ, каменныя плиты которыхъ испещрены римскими надписями.

Вблизи села Твердчичи вздымается гора Перунъ, у подошвы которой катитъ свои воды рѣчка Жерновница, а невдалекѣ отъ этой горы находится извѣстная въ славянской миѳологіи «Перунова дубрава», посвященная, по всей вѣроятности, главному божеству славянъ Перуну, которому вообще славяне любили посвящать такъ много деревъ и заповѣдныхъ рощъ. Можетъ быть, нѣкогда на Перуновой горѣ возвышалось капище этому богу; но все разрушающее время изгладило теперь всякіе слѣды старины. Нѣсколько дальше, вдоль по теченію рѣки Жерновницы, находится узкій проходъ «Киле», извѣстный тѣмъ, что эхо отражаетъ и вторитъ по нѣскольку разъ произнесенное слово или отдѣльный звукъ. Вблизи прохода «Киле» лежитъ небольшое мѣстечко, гдѣ живутъ рыболовы: во времена римлянъ оно было знаменитымъ городомъ, извѣстнымъ подъ именемъ «Epetium». Теперь отъ него остались лишь однѣ руины, да камни, на которыхъ рыбаки сушатъ свои сѣти.

Въ живописной долинѣ, покрытой виноградниками и масличными рощами и расположенной межъ высокихъ горъ и утесовъ, лежитъ село Жерновница: на фасадѣ тамошней церкви находится изображеніе св. Георгія, который поражаетъ змѣю; этотъ святой одѣтъ въ хорватскій народный костюмъ, на головѣ у него хорватская шапка. Въ часовомъ разстояніи отъ помянутаго села лежитъ село Ситно: на вершинѣ двухъ высокихъ горъ, расположенныхъ параллельно съ этимъ селомъ, находятся двѣ церкви: одна во имя св. Климента, а другая во имя св. Луки; обѣ онѣ построены въ византійскомъ стилѣ. Въ часовомъ разстояніи отъ села Ситно находится село Дубрава. Вблизи этого села есть церковь во имя св. Луки. Церковь построена крестообразно, въ византійскомъ стилѣ съ круглымъ куполомъ, выведеннымъ надъ сводами овальной формы. Въ этой церкви находится гробница знаменитаго смедеревскаго епископа Николая Угриновича; на гробовой доскѣ стоитъ надпись:

NICOLAI VGRINOVICH
EPI. SAMANDRIENSIS
OBITUS. MDLXXVII.

Мѣстные жители разсказываютъ, что въ этой церкви погребена какая-то королева. Впрочемъ, по дорогѣ приходится встрѣчать много церквей, которыя по большей части воздвигнуты на возвышенныхъ мѣстахъ: почти каждая церковь замѣчательна въ какомъ-нибудь отношеніи. Невдалекѣ отъ села Іесенице находится очень много надгробныхъ памятниковъ, усѣянныхъ древними хорватскими надписями съ изображеніемъ разныхъ символическихъ знаковъ: сѣкиры, молота и т. д. Путешествуя по Польицѣ, путникъ зачастую встрѣчаетъ прекрасныя долины, засаженныя виноградомъ, масличными, фиговыми и разными другими фруктовыми деревьями. Въ этихъ долинахъ природа какъ бы нарочно разщедрилась своими дарами, которыми она теперь надѣляетъ поличанъ взамѣнъ дорогой свободы, отнятой хищническою природой и алчностью людей теперешняго цивилизованнаго міра.

На берегу моря, при устьѣ рѣки Цетины, которая нѣкогда служила юго-восточною границей древней Польичкой республикѣ, лежитъ небольшой городокъ Омишъ (Almissa). Въ былое время мѣстные жители отличались отвагой и воинственнымъ духомъ: они стяжали себѣ извѣстность, какъ смѣлые моряки и отважные воины. Съ своихъ городскихъ укрѣпленій, которыя сохранились и по настоящее время, мѣстные жители геройски отражали и венеціанцевъ и турокъ. Отвѣсная каменистая гора «Царева-Гомила», опоясывающая городъ съ южной стороны, служила ему естественною обороной противъ непріятеля. Во времени покоренія Далмаціи венеціанцами, городъ Омишъ началъ мало по малу утрачивать свое значеніе. Въ настоящее время это бѣдный городокъ съ населеніемъ въ 1,000 душъ, который не имѣетъ значенія ни въ торговомъ, ни въ промышленномъ отношеніи. Ежегодно 4-го (16-го) мая въ Омишѣ бываетъ ярмарка, на которую жители окрестныхъ селъ привозятъ предметы сельской промышленности. Въ самомъ городѣ нѣтъ ничего замѣчательнаго, если же иной путешественникъ и посѣтитъ это мѣстечко на берегу Адріатическаго моря, то единственно потому, что

оно служитъ станціей, откуда отправляются на Цетиньскіе водопады. Переѣздъ изъ Омиша въ городъ Макарску крайне утомителенъ, такъ какъ вдоль этой части далматинскаго побережья, вплоть до селенія Бреле, расположеннаго на почтовомъ трактѣ и отстоящаго въ пяти часахъ ѣзды отъ города Макарски, не имѣется путей сообщеній. Макарска расположенъ на берегу моря: это небольшой городокъ съ населеніемъ въ 1,500 душъ. Въ римскія времена, городъ этотъ носилъ названіе «Macarum» или «Mucarum». Въ IX вѣкѣ городъ Макарска былъ однимъ изъ главныхъ городовъ древняго славянскаго Захолмскаго княжества (Захлумье). Правитель этого княжества Михаилъ Вышевичъ, въ началѣ X вѣка, предпринялъ смѣлые походы въ Италію. Въ половинѣ XV вѣка, при Захолмскомъ герцогѣ Стефанѣ, городъ этотъ достигъ апогея процвѣтанія; затѣмъ сталъ замѣтно утрачивать свое значеніе. Въ періодъ войнъ далматинцевъ съ венеціанцами и турками, въ Макарскѣ обыкновенно сходились жители изъ вблизи лежащихъ мѣстъ, съ цѣлью условиться въ способахъ отразить непріятелей. Въ память одной побѣды, одержанной жителями Макарски надъ турками, была заведена народная игра «Халка», которая была ежегодно устроиваема въ окрестностяхъ города и происходила при крайне-торжественной обстановкѣ, что продолжалось до 1832 года. Въ былое время мѣстное духовенство было, въ полномъ смыслѣ, народное, равнымъ образомъ и горожане составили себѣ извѣстность хорошихъ патріотовъ. Теперь же мѣстные жители уже нѣсколько поиталъянились. Правда, что въ городѣ есть читальня, которая выписываетъ почти всѣ юго-славянскія газеты, а въ ея помѣщеніи иногда танцуютъ и народные танцы, напримѣръ коло; но все-таки значительная часть мѣстныхъ жителей далеко не проникнута тѣми народными побужденіями, какими отличались ихъ предки. Въ настоящее время, городъ Макарска не представляетъ ничего примѣчательнаго. Онъ владѣетъ гаванью, весьма удобною для стоянки судовъ. Въ день Св. Лаврентія 10-го (22-го) августа бываетъ ежегодно на портовой площади въ городѣ ярмарка, на которую пріѣзжаютъ, какъ поморцы изъ всѣхъ мѣстностей вплоть до рѣки Неретвы, такъ и жители сосѣднихъ острововъ—Врачь и Хваръ. На ярмаркѣ про-

исходитъ торговля хлѣбомъ, лѣсомъ, деревянными бочками и обручами и т. п.

Переѣздъ изъ Макарски въ городъ Имоски, расположенный вблизи турецкой границы, крайне утомителенъ. Въ теченіи $2^1/_2$ часовъ, приходится подыматься на гору, которая тянется вдоль морскаго берега. Съ вершины, этой горы намъ представился крайне живописный видъ. Вдали на зеркальной поверхности моря, виднѣлись острова Брачь и Хваръ, а внизу вдоль морскаго берега зеленѣлся лѣсъ масличныхъ деревьевъ. Впрочемъ, переѣздъ черезъ эту гору, въ особенности въ зимнее время, крайне опасенъ. Сѣверо-восточный вѣтеръ «бора» дуетъ здѣсь съ такою силой, что въ состояніи унести человѣка съ лошадью внизъ съ горы. Полюбовавшись живописною картиной съ вершины горы, мы стали медленно спускаться внизъ. На пути мы встрѣтили узкій проходъ «Дубацъ», который ведетъ въ «Загорье». Но прежде чѣмъ мы достигли долины, намъ пришлось сойти съ коней и уже пѣшкомъ перепрыгивать съ камня на камень и, такимъ образомъ мы добрались, наконецъ, до долины. Каждый клочекъ земли въ ней весьма тщательно воздѣланъ: въ долинѣ паслись стада козъ и овецъ; встрѣчаются тамъ и ручьи. Вообще оно представляетъ рѣзкій контрастъ, по отношенію къ той каменистой мѣстности, по которой мы ѣхали, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Отсюда снова приходится, въ теченіи часа, взбираться на гору вплоть до селенія Задварья, а затѣмъ снова спускаться въ долину «Жежевича», гдѣ лежитъ селеніе Грабовацъ, а уже отъ него въ пяти часахъ разстоянія и самый городъ Имоски, расположенный на возвышенности, которая прилегаетъ къ долинѣ того же имени: изъ селенія Грабовца въ Имоски приходится также ѣхать по горной мѣстности. Въ городѣ около 1,000 жителей, есть православная церковь во имя Успенія Пресвятой Богородицы. Въ былое время мѣстные жители отличались юначествомъ и стойко охраняли свою народность, а ихъ потомки начинаютъ ужъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ относиться къ своимъ стародавнимъ обычаямъ и почти исключительно предались торговлѣ. Городъ Имоски является важнымъ пунктомъ торговли Далмаціи съ Турціей: главнымъ предметомъ торговли служитъ рогатый скотъ, который пригоняется изъ Турціи

въ городъ Имоски, а отсюда въ Макарску и въ другіе пункты Далмаціи.

Все далматинское прибрежье, которое тянется отъ города Макарски вплоть до рѣки Неретвы, носитъ названіе «Макарско-Приморье». Мѣстные жители въ былое время снискали себѣ громкую славу своимъ геройствомъ въ войнахъ съ венеціанцами и турками. О геройствѣ поморцевъ даже говорится въ древнихъ народныхъ пѣсняхъ. Макарское приморье также замѣчательно и въ томъ отношеніи, что оно было родиной многихъ замѣчательныхъ славянскихъ дѣятелей. Такъ напримѣръ въ приморской деревнѣ Бристѣ въ 1690 году родился извѣстный славянскій ученый и поэтъ—Андрей Качичъ-Міошичъ, потомокъ княжеской фамиліи далматинскаго поморья. Поморцы отличаются красотою, любятъ пѣніе, вообще, они — охотники до пѣсней, въ которыхъ говорится о геройствѣ ихъ предковъ.

Макарское приморье, какъ мы выше замѣтили, заканчивается рѣкою Неретвой (Narenta). Рѣка эта протекаетъ по мѣстности извѣстной подъ именемъ „Неретвенской долины": она крайне замѣчательна въ историческомъ отношеніи. Нертвене сильно тревожили берега Адріатическаго моря отважными разбоями; но разбои ихъ были только частныя предпріятія людей, которые не находили себѣ пропитанія въ родномъ уголкѣ. Разбоемъ, по преимуществу, занимались жители двухъ селеній — Растони и Мокрай, которыя составляли собою узенькую приморскую полосу на сѣверъ отъ рѣки Неретвы. Въ средніе вѣка, сербы-неретвене образовывали вполнѣ самостоятельную общину; территорія, ими населенная, считалась однимъ изъ наисильнѣйшихъ пунктовъ на далматинскомъ побережьѣ. Мѣстные жители были и трудолюбивыми землевладѣльцами и отважными мореходцами: они были постоянно въ войнѣ съ венеціанцами. Въ 887 году венеціанское правительство отправило на судахъ свои войска, подъ начальствомъ дожа Петра Кавдіана, съ цѣлью покорить Неретвенскую область. Неретвене поспѣшно снарядили флотъ, который разбилъ венеціанскій флотъ вблизи Задра. Начиная съ этого времени и вплоть до 997 года, венеціанцы были вынуждены платить военную контрибуцію жителямъ Неретвенской области. Въ 1699 году по карловацкому миру, Неретвенская область вошла въ составъ владѣній венеціан-

ской республики. При впаденіи рѣчки Норинъ въ Неретву лежитъ село Видъ, вблизи котораго находятся развалины древняго города, который, по мнѣнію ученыхъ, есть городъ «Narona». Укрѣпленнымъ пунктомъ въ этой долинѣ служитъ мѣстечко Опузине (Fort-Opus): въ немъ находится православная церковь во имя Успенія Пресвятой Богородицы.

Отправляясь изъ Неретвенской долины въ Дубровникъ приходится обогнуть длинный полуостровъ Пельешацъ (Sabioncello), который въ древности носилъ названіе «Hyllis». Этотъ полуостровъ, по направленію съ юго-востока на сѣверо-западъ, имѣетъ въ длину 35 австрійскихъ миль. Сѣверо-западною его оконечностью служитъ мысъ «Гумина» (Capo Gomena). Этотъ полуостровъ соединенъ съ материкомъ, посредствомъ перешейка въ 3—4 мили въ ширину, къ которому примыкаетъ со стороны материка долина «Стонъ-Мали» (Stagno-piccolo). Главнымъ мѣстомъ на этомъ полуостровѣ служитъ селеніе Стонъ (Stagno), гдѣ около 400 жителей: оно расположено въ живописной мѣстности. Въ этомъ мѣстѣ полуостровъ имѣетъ не болѣе 700 саженей въ ширину. Такъ какъ вблизи Стона находятся солончаки, то и климатъ тамъ крайне нездоровый: постоянно свирѣпствуютъ лихорадки. Въ Стонѣ есть церковь и школа. Берега узкаго канала, который ведетъ къ этому мѣсту, покрыты маслинами. Выше Стона находится небольшая крѣпостца, построенная еще дубровчанами. Она была исправлена французами, но теперь совсѣмъ запущена. Судя по историческимъ даннымъ, на островѣ Пельешацѣ нѣкогда жили богомилы, переселившіеся туда, какъ можно предполагать, изъ Босніи: въ настоящее же время тамъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ помянутой секты. Хотя мы не имѣемъ никакихъ письменныхъ памятниковъ, касательно искоренія тамъ этой секты латинскими миссіонерами, но, принимая во вниманіе мѣстныя преданія и легенды, ходящіе между жителями Стона, а также груду человѣческихъ костей, открытыхъ въ ямѣ близь церкви въ селѣ Присдринѣ, по случаю проведенія тамъ дороги *), можно думать, что исчезновеніе богомильства въ этой

*) Еслибы находилось тамъ кладбище, то сохранились бы какіе-либо надгробные памятники, весьма часто встрѣчаемые на полуостровѣ, но ихъ не было.

мѣстности было плодомъ обычнаго рода борьбы латинскихъ монашествующихъ орденовъ съ еретиками.

Въ юго-западной части полуострова на берегу моря лежитъ селеніе Трстени (Cannosa), гдѣ есть римско-католическая церковь. Вблизи этого селенія стоятъ два историческихъ платана, которые привезены туда изъ Константинополя назадъ тому 300 лѣтъ. Они до того разрослись, что шесть человѣкъ, взявшись за руки, не могутъ ихъ обхватить: подъ тѣнью ихъ вѣтвей можетъ помѣститься цѣлый батальонъ солдатъ. Между этими платанами находится источникъ быстрой, холодной воды. Мы не можемъ при этомъ не упомянуть о торговомъ пунктѣ на полуостровѣ, а именно мѣстечкѣ Оребичъ: тамъ есть церковь и оно служитъ мѣстопребываніемъ судохозяевъ.

V.

Гружъ: его мѣстоположеніе и исторія. Описаніе пути изъ Гружа въ Дубровникъ. Происхожденіе названій „Дубровникъ и Ragusa". Постройка Дубровника и постепенное расширеніе его территоріи. Административно-судебное устройство древней дубровницкой республики. Паденіе тамъ демократизма и торжество аристократизма. Вліяніе аристократизма на внутреннее устройство республики. Паденіе дубровницкой республики.

Гружъ (Gravosa) небольшое селеніе, гдѣ всего 450 жителей. Оно расположено на берегу моря въ мѣстности крайне живописной; находясь въ двухъ верстахъ отъ Дубровника, оно служитъ какъ бы его предмѣстіемъ. Гружскій заливъ весьма пространенъ: онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ горами, такъ что даже во время бури въ открытомъ морѣ, въ заливѣ спокойно. Высокіе темно-зеленые кипарисы, вѣтвистыя серебрянно-лиственныя маслины, слегка позлащенныя померанцевыя деревья покрываютъ собою этотъ волшебный край. Среди этой южной растительности бѣлѣются красивыя дачи дубровчанъ, а среди всего этого возвышается доминиканскій монастырь съ церковью во имя св. животворящаго креста Господня, построенный еще въ XV вѣкѣ. Въ 1527 году, во время чумы въ

Дубровникѣ, какъ дубровницкій князь, такъ и всѣ члены мѣстнаго вѣче нашли тамъ себѣ пріютъ. Мы не считаемъ лишнимъ при этомъ замѣтить, что въ половинѣ XI вѣка, Степанъ Войславъ, великій жупанъ Зеты, Хума и Требинья уступилъ венеціанскому правительству селеніе Гружъ и сосѣднюю съ нимъ мѣстность, по которой протекаетъ рѣка Рѣка (Humla, Ombla). Начиная съ этого времени, селеніе Гружъ стало пріобрѣтать значеніе и въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ. Но съ паденіемъ венеціанской республики, это селеніе утратило всякое значеніе какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи. Такъ какъ гавань Дубровника мала и вообще неудобна для стоянки судовъ, а въ Гружѣ отличный портъ, то, можетъ статься, вслѣдствіе этого пароходы обыкновенно останавливаются въ Гружѣ. Кораблестроеніе составляетъ тамъ главный предметъ мѣстной промышленности.

Изъ Гружа въ Дубровникъ идетъ шоссе, которое было построено въ 1807 году французскимъ маршаломъ, герцогомъ Мармономъ. Дорога эта пролегаетъ по крайне живописной мѣстности. Сначала она идетъ по долинѣ, по которой тянутся виноградники и оливковыя деревья; нѣсколько далѣе дорога постепенно поднимается по крутому берегу моря. Съ наивысшаго пункта этого шоссе открывается съ одной стороны Адріатика, а съ другой древнія юго-славянскія свободныя общины.

Подъѣзжая къ самому Дубровнику, дорога идетъ чрезъ его предмѣстье «Пиле», прилегающее къ городу съ запада. Это предмѣстье, въ которомъ насчитывается до 1,600 душъ, расположено на берегу моря и все застроено красивыми домами и виллами дубровницкихъ аристократовъ и зажиточныхъ гражданъ. Если посмотрѣть на это предмѣстье со стороны моря, то все оно пестрѣетъ въ зелени садовъ и этимъ своимъ видомъ много придаетъ красы самому городу Дубровнику. Природа здѣсь крайне роскошна: тутъ можно встрѣтить всѣ тропическія растенія, которыя хорошо растутъ на открытомъ воздухѣ. Въ Пиле, вблизи городскихъ воротъ, находятся кофейня и двѣ гостинницы; въ одной изъ нихъ помѣщается казино (клубъ). Возлѣ нихъ по вечерамъ собираются дубровчане, кто погулять, кто послушать музыку, кто почитать газеты, а кто просто подышать чи-

стымъ воздухомъ въ паркѣ, откуда открывается прекрасный видъ на море. Въ Пиле есть женское училище, гдѣ учебнымъ языкомъ служитъ языкъ хорватскій и всѣ учительницы хорватки по происхожденію.

Дубровникъ (Ragusa) знаменитъ своимъ прошлымъ, когда онъ жилъ своею самостоятельною жизнью и своею славою затмѣвалъ многіе итальянскіе, нѣмецкіе города, расположенные по берегу Средиземнаго моря, занимая одно изъ первыхъ мѣстъ, какъ въ промышленномъ и торговомъ, такъ и умственномъ и литературномъ отношеніяхъ. Итакъ, возвратимся и мы къ его минувшимъ, славнымъ днямъ, къ тому времени, когда онъ служилъ центромъ нѣкогда богатой и сильной славянской республики.

Названіе Дубровникъ происходитъ отъ слова «дубрава» (лѣсъ) и, по всей вѣроятности, то мѣсто, гдѣ онъ былъ построенъ, было нѣкогда покрыто лѣсомъ; теперь не осталось и слѣдовъ этого лѣса: горы, окружающія Дубровникъ, стоятъ голыми и обнаженными. Римское же его названіе «Ragusa» происходитъ отъ греческаго слова «λαῦ» крутизна, отсюда Lausa, Rausa, Ragusa. Относительно же происхожденія города Дубровника существуетъ двоякаго рода мнѣніе: по мнѣнію однихъ ученыхъ, основаніе города было положено частью славянами, частью римскими выходцами изъ древнихъ городовъ Епитавра и Солина, съ цѣлью обезопасить себя отъ набѣговъ варваровъ; эти выходцы избрали своимъ мѣстожительствомъ небольшую мѣстность, которая въ то время представляла собою островъ; они стали тамъ застраиваться и такимъ образомъ образовали изъ себя общину. По мнѣнію другихъ ученыхъ, основателями этого города были ускоки, которые, занимаясь между прочимъ и морскими разбоями, обыкновенно останавливались на помянутомъ островѣ; они устроили въ лѣсной чащѣ родъ хижинъ и тѣмъ положили основаніе городу Дубровнику. Вообще же всѣ согласны въ томъ, что основаніе города Дубровника относится къ VII ст. или точнѣе къ 656 году.

Весьма естественно, что эта новая колонія занимала весьма небольшую территорію. Впрочемъ, не сохранилось ни какихъ свѣдѣній о первыхъ временахъ ея существованія. Извѣстно лишь то, что

въ концѣ VII ст. была построена на ея территоріи церковь во имя св. Первомученика Стефана. Эта колонія, со стороны материка, была, такъ сказать, стиснута жупанствами—Захумскимъ и Требиньскимъ. Мы видимъ, что даже въ половинѣ X ст. дубровницкіе виноградники лежали внѣ городскихъ стѣнъ на территоріи означенныхъ жупанствъ, а вслѣдствіе этого дубровчане платили этимъ жупанствамъ ежегодную дань. Если границы территоріи Дубровника къ концу X ст. и не расширились, то, по всей вѣроятности, населеніе его значительно увеличилось. Такъ мы видимъ, что въ IX ст. была построена церковь во имя Пр. Дѣвы Маріи, а въ X ст. церковь во имя св. Власія. Такимъ образомъ къ концу X ст., были уже три церкви въ Дубровникѣ. Самъ Дубровникъ имѣлъ видъ укрѣпленнаго мѣста (града): такъ онъ былъ опоясанъ стѣною, на которой торчало 11 башень. По сохранившимся нѣкоторымъ историческимъ даннымъ, можно предполагать, что Дубровникъ уже въ IX ст. имѣлъ важное значеніе на Адріатикѣ. Такъ мы видимъ, что съ паденіемъ вліянія грековъ на берегахъ Адріатики, появились тамъ новые грозные враги, именно арабы. Въ 867 году они явились на 36 судахъ въ Далмацію, взяли нѣсколько приморскихъ городовъ и между прочимъ осадили Дубровникъ. 15 мѣсяцевъ длилась осада Дубровника, но арабы были отражены стѣнами и храброю защитою Дубровника. Въ то время дубровчане владѣли и большимъ флотомъ, что видно изъ того, что они на своихъ судахъ перевезли черезъ Адріатическое море соединенное войско хорватовъ, сербовъ, захолмцевъ, требиньцевъ и конавлянъ, собравшееся по внушенію Византійскаго императора для того, чтобы выгнать арабовъ изъ Апуліи. Въ X ст. Дубровнику удалось выдержать осаду, которая была противъ него произведена королемъ болгарскимъ Самуиломъ. Мы не можемъ при этомъ не замѣтить, что Константинъ Багранородный называетъ Рагузу главнымъ городомъ Далмаціи. Въ 1032 году дубровницкія суда помогали греческому флоту, которымъ командовалъ патрицій Никифоръ, чтобы прогнать сарацынъ съ иллирійскихъ и греческихъ прибрежій, а спустя 50 лѣтъ, именно въ 1081 году, на дубровницкихъ судахъ перевозилось изъ Бриндизи въ Дураццо норманское войско Гвискарда Ро-

берта. Въ описываемый нами періодъ времени Дубровникъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ моремъ, только съ сѣверо-востока узкая полоса земли соединяла его съ материкомъ.

Начиная съ 1050 года, территорія Дубровника стала мало-по-малу увеличиваться. Въ означенномъ году король Стефанъ, отецъ Крешиміра, подарилъ Дубровнику слѣдующія мѣстности: Жуну (Breno), Рѣку (Ombla), Гружъ (Gravosa) и Затонъ (Malfi); въ 1080 году, Живана, супруга далматскаго бана Богослава, добровольно и притомъ безвозмездно уступила Дубровнику слѣдующіе острова: Колочепъ (Calamota), Лопудъ (Mezzo) и Шипанъ (Giupana); въ 1100 году, славонскимъ баномъ Бодиномъ былъ подаренъ Дубровнику островъ Шуметъ (Gionchetto). Весьма естественно, что славянскій элементъ, притомъ сербскій, сталъ постепенно усиливаться въ Дубровникѣ, начиная съ того времени, какъ его территорія начала расширяться. Въ слѣдующіе два вѣка территорія Дубровника уже значительно увеличилась. Король рашскій Стефанъ продалъ Дубровнику островъ Ластово (Lagosta); царь Стефанъ подарилъ 22-го января 1333 года Ратъ, Стонъ (Stagno) и всѣ принадлежавшія ему земли. 10-го апрѣля 1357 года, сербскій король Стефанъ Урошъ подарилъ Дубровнику островъ Млѣтъ (Meleda). Боснійскій король Остоя подарилъ 15-го января 1399 года все приморье отъ села Курила (нынѣ Петрово село) до Стона, гдѣ было 23 поселенія. Впрочемъ дубровницкое правительство и само заботилось о расширеніи своихъ владѣній и съ этою цѣлью нерѣдко пріобрѣтало земли чрезъ куплю. Такъ въ 1419 году, оно купило за 18,000 дукатовъ у боснійскаго князя Сандаль-Храница часть Конавли (Kanali); другая же часть Конавли была имъ куплена въ 1427 году за 24,000 дукатовъ, у боснійскаго князя Радослава Павловича.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о древнемъ административно-судебномъ устройствѣ Дубровника.

Со времени расширенія территоріи Дубровника, когда славянское начало стало на немъ усиливаться, этотъ новый, пришлый элементъ, по всей вѣроятности, принесъ съ собой туда и свой общинный строй славянскихъ жупъ. Дѣйствительно мы видимъ, что каж-

дая область, которая входила въ составъ дубровницкой территоріи, образовывала изъ себя отдѣльную «жупу», которая слагалась изъ меньшихъ территоріальныхъ общинъ, а онѣ, въ свою очередь, состояли изъ селъ. Лучшимъ доказательствомъ того, что административный строй на дубровницкой территоріи сложился, подъ вліяніемъ славянскаго начала, являются родственные союзы, какъ-то: «задруга», «побратимство», которые и до сихъ поръ сохранились въ земляхъ, нѣкогда входившихъ въ составъ дубровницкой территоріи. Такъ какъ расширеніе дубровницкой территоріи совершалось не при содѣйствіи вооруженной силы, а благодаря лишь полюбовнымъ сдѣлкамъ, то весьма естественно, что пріобрѣтаемыя Дубровникомъ области сохраняли свои права и льготы.

Во главѣ дубровницкихъ жупъ стояли «наглавити и боли лудие». По всей вѣроятности, подъ этимъ именемъ разумѣлись кнезья и баны, которые сохранили за собою высшую власть въ областяхъ и послѣ того, какъ онѣ были присоединены къ Дубровнику. На этихъ областныхъ правителяхъ лежали весьма обширныя обязанности. Тамъ напримѣръ: 1) они находились въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ своими сосѣдями; 2) они имѣли право содержать свое войско, для охраненія дубровницкой территоріи отъ внѣшнихъ враговъ. Начальниками общинъ были старшины. Для обсужденія дѣлъ, касающихся всей «жупы», собирался «сборъ» (зборь), въ которомъ принимали участіе представители отдѣльныхъ общинъ.

Среди вышеописанныхъ «жупъ» занимала, понятно, видное мѣсто «жупа Дубровачка»: она имѣла административное устройство почти такое же, какъ и остальныя жупы. Такъ какъ она образовалась подъ вліяніемъ славянскаго элемента, то и явилась представительницею демократическаго начала. Можно предполагать, что, при устройствѣ «Дубровачкой Жупы», игралъ важную роль сербскій православный элементъ. Такъ сохранилось свѣдѣніе, что дубровчане были сначала православнаго вѣроисповѣданія, а въ это время и «Дубровачка Жупа» носила названіе «србска дубровачка благочестива община». Мы не считаемъ лишнимъ при этомъ замѣтить, что «Дубровачка Жупа» принимала участіе и въ денеж-

ныхъ пожертвованіяхъ въ пользу сербскихъ православныхъ монастырей. Такъ напримѣръ, она пожаловала сербскому монастырю Хиландарю (на Аѳонской горѣ) грамоту, которою обязалась ежегодно жертвовать въ пользу этого монастыря нѣсколько сотъ «перепери» (серебрянная дубровницкая монета). Чтобы отстранить всякій обманъ, при выдачѣ этой денежной субсидіи, «Дубровачка Жупа» выдала монастырю Хиландарю половину дуката, а другую его половину сохранила у себя. Когда Хиландарьскій монахъ являлся въ Дубровникъ за полученіемъ означенной суммы, то онъ долженъ былъ представить грамоту и половину дуката. Когда обѣ половинки дуката сходились крѣпко, то была выдаваема ему назначенная денежная сумма. Хотя, съ теченіемъ времени, дубровчане и сдѣлались римско-католиками, все-таки, вплоть до паденія дубровницкой республики, они свято выполняли свое обѣщаніе.

Центральное управленіе древняго Дубровника сосредоточивалось въ соборѣ и вѣчахъ. Высшимъ центральнымъ учрежденіемъ въ Дубровникѣ являлся «соборъ»: онъ былъ представительнымъ народнымъ собраніемъ всей жупы. Въ сферу его дѣятельности входили слѣдующіе предметы: а) изданіе законовъ, б) заключеніе договоровъ съ сосѣдними государствами и в) всѣ дѣла, касающіяся мѣстной администраціи. Онъ обыкновенно былъ созываемъ по звону колокола въ соборной церкви. Итакъ народъ принималъ непосредственное участіе въ дѣлахъ государственныхъ.

Отдѣльными частами собора, которыя отправляли различныя функціи въ общинной администраціи, являлись «вѣча», а именно:

1) «Велико вѣче» (majus или magnum consilium, consiglio maggiore). Не сохранилось свѣдѣній о томъ, кто имѣлъ право быть членомъ этого вѣча. А также и не имѣется свѣдѣній относительно сферы его дѣятельности. Можно предполагать, что оно подготовляло всѣ тѣ дѣла, которыя имѣли быть поднесены на обсужденіе собора; равнымъ образомъ оно рѣшало, большинствомъ голосовъ, спѣшныя дѣла, касавшіяся мѣстной администраціи. Это вѣче было созываемо разъ въ мѣсяцъ по вѣчевому колоколу.

2) «Вѣче умолено» (Consilium Rogatorum). Сфера дѣятельности этого вѣча не была точно опредѣлена: оно завѣдывало и судебными и административными дѣлами.

3) «Мало вѣче» (parvum или minus consilium, consiglio minore, consiglietto). Это вѣче редактировало и отправляло по жупамъ административныя распоряженія, которыя были принимаемы на соборѣ. Вообще трудно опредѣлить сферу дѣятельности каждаго изъ поименованныхъ нами вѣчей, такъ какъ по этому предмету не имѣется никакихъ ясныхъ свѣдѣній.

Главными должностными лицами Дубровника были слѣдующія: 1) «Кнезь» (Comes, Prior, Rector). Онъ былъ выбираемъ на соборѣ сначала на два года, а впослѣдствіи—на одинъ годъ. Предъ вступленіемъ въ отправленіе своихъ обязанностей, кнезь долженъ былъ присягать въ томъ, что онъ будетъ сохранять права и вольности Дубровника. На немъ лежали слѣдующія обязанности: а) созывать и распускать вѣча, въ засѣданіяхъ которыхъ онъ долженъ былъ принимать участіе; б) приводить въ исполненіе постановленія, которыя бывали принимаемы вѣчами и в) управлять текущими государственными дѣлами, строго придерживаясь при этомъ мѣстныхъ законовъ и обычаевъ страны. Дубровницкіе кнезья пользовались слѣдующими правами: а) они покупали общинную соль по тѣмъ цѣнамъ, по какимъ она стоила самимъ общинамъ; б) они получали положенный процентъ отъ рыбной ловли; в) общины должны были доставлять имъ безплатно лѣсъ и топливо и т. д. Въ княжескомъ дворцѣ хранились городскіе ключи, государственные законы, печати и важнѣйшіе государственные акты. Мы должны замѣтить. что дубровницкій кнезь во всемъ зависѣлъ отъ вѣча, самъ по себѣ не имѣлъ никакой власти. 2) «Парьци» (accusatores)—наблюдали за исполненіемъ законовъ: они играли роль публичныхъ обвинителей и общинныхъ защитниковъ и раздѣлялись на городскихъ и общинныхъ. 3) «Судьи» (judices). 4) Вистьяри, которые завѣдывали общественною казной.

Судъ раздѣлялся на вѣчевой, городской и княжій. Сфера ихъ дѣятельности не была точно опредѣлена. Кромѣ того былъ еще общинный судъ (stanicum), который являлся, такъ сказать, судебною сходкой и не находился ни въ какомъ соотношеніи съ вышепоименованными правительственными судами.

Такимъ образомъ отличительною характеристикой древняго устройства дубровницкихъ общинъ составляли — народоправство,

простота и несложность общинной администраціи и наконецъ отсутствіе рѣзкихъ сословныхъ разграниченій. Народоправство Дубровника слагалось изъ двухъ порядковъ, составлявшихъ коренную принадлежность устройства всѣхъ славянскихъ общинъ, развивалось по двумъ направленіямъ и началамъ—вѣчевому и личному, высказывавшимся съ одной стороны въ учрежденіи собора и вѣчъ, а съ другой стороны — въ народныхъ старшинахъ (кнезьяхъ, судьяхъ, парцахъ и т. д.).

Весьма естественно, что, по мѣрѣ того какъ расширялась территорія Дубровника, земли, входившія въ его составъ, образовывали собою, такъ сказать, союзъ, построенный на народоправствѣ. Такимъ-то образомъ и образовалась въ XII ст. небольшая славянская республика, которая отъ своего административнаго центра стала называться «Дубровницкою». Мѣстное управленіе, какъ мы выше замѣтили, проявилось въ демократической формѣ. Торговля значительно обогатила населеніе республики: оно избрало своимъ покровителемъ св. священно-мученика Власія, изображеніе котораго появилось между прочимъ и на флагахъ торговаго флота республики.

Съ теченіемъ времени появились сословныя разграниченія и на территоріи Дубровницкой республики. Такъ мы видимъ, что все ея населеніе дѣлится на пять классовъ. Образованіе этихъ классовъ произошло, по всей вѣроятности, при тѣхъ же внѣшнихъ условіяхъ, при какихъ оно бывало и въ другихъ славянскихъ земляхъ. Такъ мы находимъ на территоріи республики слѣдующіе классы: 1) Дворянство. Между другими льготами, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, дворяне пріобрѣли право быть рукополагаемыми въ санъ каноника. 2) Пучане. Классъ этотъ составляли граждане республики. Мы должны замѣтить, что право гражданства было жалуемо тѣмъ изъ мѣстныхъ жителей, которые оказали какую-либо важную услугу своему отечеству. 3) Горожане. Къ этому классу принадлежало все торговое и промышленное населеніе республики. 4) Кметы или сельское населеніе.

Со времени усложненія внѣшнихъ сношеній и столкновеній Дубровника съ западными сосѣдями, въ особенности съ Венеціей, сталъ совершаться замѣтный переворотъ въ положеніи дѣлъ на Дубровниц-

кой территоріи. Привилегированный классъ племичей, властелей уже выдвигается на первый планъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали вводиться и новые порядки въ самомъ государственномъ строѣ Дубровницкой республики. Весьма естественно, что венеціанское правительство сильно поддерживало усиленіе аристократическаго элемента въ Дубровникѣ. Дѣйствительно, венеціанскому правительству удалось достигнуть того, что, начиная съ 1205 до 1368 года, въ Дубровникѣ существовалъ обычай выбирать въ свои князья венеціанскихъ графовъ, на которыхъ сама Венеція ему указывала. Итакъ, въ теченіи этого промежутка времени, Дубровникъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Венеціи. Правда, что съ 1368 года дубровницкіе князья стали выбираться изъ туземныхъ властелей, все-таки вліяніе тамъ Венеціи ничуть не ослабѣло.

Можетъ статься благодаря козням Венеціи и произошла въ концѣ XIII ст. на территоріи дубровницкой республики революція, послѣдствіемъ которой было установленіе совершенно другаго порядка управленія въ странѣ. Демократическое начало съ этого времени уступило здѣсь мѣсто объитальянившейся аристократіи, въ руки которой переходитъ все управленіе и которая съ тѣхъ поръ сохраняетъ за собою власть вплоть до паденія Дубровницкой республики. Начиная съ того времени, какъ дворянство вступило въ кормило правленія, главною заботою дворянъ было какъ бы расширить свои права и вообще упрочить свое привилегированное положеніе въ странѣ. Такъ мы видимъ, что они заводятъ такъ называемыя «золотыя книги» (libri d'oro), на страницы которыхъ заносились имена лицъ, принадлежащихъ къ дворянскому сословію. Такимъ образомъ, только однѣ тѣ особы, имена которыхъ были вносимы въ эти книги, пользовались правомъ отправленія важнѣйшихъ административныхъ должностей въ республикѣ; всѣ же остальные мѣстные жители были лишены этого права, если бы даже нѣкоторые изъ нихъ по своимъ умственнымъ способностямъ и по матеріальному своему положенію возвышались надъ уровнемъ этихъ привилегированныхъ лицъ. Весьма естественно, что народный элементъ начинаетъ болѣе и болѣе утрачиваться въ центральной администраціи, являются новыя отношенія между государственными учрежденіями, которыя пріобрѣтаютъ аристократическій

характеръ. Вмѣсто простой и несложной администраціи, является цѣлая лѣстница должностей, часто цѣликомъ взятыхъ изъ Венеціи и организованныхъ по началамъ венеціанскаго права. Сами законы Дубровницкой республики, которые были писаны на латинскомъ языкѣ, положительно уже склоняются въ пользу привилегированныхъ лицъ— дворянства.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ измѣненіяхъ государственнаго строя Дубровницкой республики, которыя явились прямымъ послѣдствіемъ того, что аристократическій элементъ вступилъ въ кормило правленія.

Территорія Дубровницкой республики была раздѣлена, въ административномъ отношеніи, на три капитанства (Capitanato), а именно: Дубровникъ (Ragusa), Цавтатъ (Ragusa-Vecchia) и Стонъ (Stagno). Эти капитанства были, въ свою очередь, подраздѣлены на восемь «кнежинъ» (contea): Дубровникъ (Ragusa), Конавли (Kanali), Жупа (Breno), Новая Земля (Slano), Цавтатъ (Ragusa-Vecchia), Стонъ (Stagno), Яньина и Пельешацъ (Sabioncello). Каждая кнежина состояла изъ нѣсколькихъ селъ. Во главѣ управленія капитанствомъ стоялъ «Капитанъ», во главѣ кнежины—«Кнежакъ», а во главѣ села — «сельскій старѣйшина» (capo-villa).

Старые дубровницкіе соборы начинаютъ постепенно упрочивать свое значеніе. А вмѣстѣ съ паденіемъ соборовъ начало выясняться и положеніе вѣчъ, какъ высшихъ учрежденій, завѣдывавшихъ всѣми общими дѣлами Дубровника. Мѣстное управленіе республики было раздѣлено между властью административною, законодательною и исполнительною. Разсмотримъ вкратцѣ каждую изъ этихъ вѣтвей мѣстной администраціи.

1) «Велико вѣче». Членами этого совѣта могли быть только дворяне—«властели», не моложе, впрочемъ, 18-ти лѣтъ отъ роду; число членовъ было не ограничено. Въ сферу дѣятельности этого совѣта входили слѣдующія дѣла: а) избраніе кнезя (съ этою цѣлью было созываемо вѣче 13 (25) числа каждаго мѣсяца); б) назначенія и перемѣщенія должностныхъ лицъ (съ этою цѣлью вѣче было созываемо разъ въ годъ 3 (15) декабря); в) окончательное рѣшеніе важныхъ

дѣлъ, переносимыхъ туда изъ другихъ вѣчъ; г) вопросы о мирѣ и войнѣ и д) мѣстная администрація.

2) «Вѣче умолено». Персоналъ его состоялъ изъ 45 членовъ не моложе 40 лѣтъ отъ роду и они выбирались между членами великаго вѣча. Члены означеннаго совѣта назывались также «pregati», «сенатури» почему и самый совѣтъ также носилъ названіе «сенатъ». Сфера дѣятельности сената была слѣдующая: а) изданіе законовъ, б) заключеніе договоровъ и в) распредѣленіе государственныхъ податей. Вообще этотъ совѣтъ представлялъ собою законодательную власть въ республикѣ. Мы не считаемъ лишнимъ при этомъ замѣтить, что архіепископъ, который стоялъ во главѣ духовной іерархіи въ дубровницкой республикѣ, могъ избираться изъ среды «пучанъ» (гражданъ); впрочемъ, право выбора архіепископа принадлежало сенату. Особа, выбранная въ архіепископы, утверждалась въ своемъ санѣ буллой папы и была рукополагаема въ Римѣ. Впрочемъ, съ теченіемъ времени, когда велико вѣче утратило дѣйствительную силу въ государствѣ, то «вѣче умолено» сосредоточило въ своихъ рукахъ все управленіе государствомъ.

3) «Мало вѣче». Оно состояло изъ семи членовъ, которые выбирались на одинъ годъ изъ среды «великаго вѣча». Князь былъ de jure президентомъ этого совѣта. Онъ являлся, такъ сказать, исполнительнымъ органомъ республики. Такъ напримѣръ, на его обязанности лежали слѣдующія дѣла: а) приведеніе въ исполненіе законовъ и административныхъ распоряженій, принимаемыхъ вышепомянутыми вѣчами; б) дипломатическая переписка съ иностранными дворами и т. д. Всѣ исходящія бумаги этого совѣта должны были быть за подписью самого князя. Наимладшій членъ этого совѣта управлялъ полиціей. Въ его распоряженіи находились полицейскіе служители (здура) и тюремные служители (тамничари).

Должностными лицами во всѣхъ вышепоименованныхъ вѣчахъ являлись «меньши властители» (officiales): а) «кандельери» (cancelarii)—ихъ было три: два изъ нихъ составляли вѣчевыя книги по-итальянски, а третій, называвшійся «Cancellarius slavicus», писалъ книги по-сербски. Вообще въ ихъ рукахъ находилось все дѣлопроизводство вѣча.

б) „приставы“ — они сообщали народу на сходкахъ законы и всѣ вѣчевыя рѣшенія.

Во всѣхъ вышеупомянутыхъ совѣтахъ князь наравнѣ съ остальными его членами имѣлъ лишь одинъ голосъ. Князь съ своимъ семействомъ долженъ былъ жить въ особо-отведенномъ для него зданіи, откуда онъ не могъ выходить, исключая случаевъ, когда происходило какое-нибудь торжество: тогда онъ отправлялся въ сопровожденіи блестящей своей свиты, музыкантовъ и почетной стражи, состоявшей изъ 24 особъ, одѣтыхъ въ красные костюмы. Въ своемъ дворцѣ князь созывалъ «сенатъ», «великое» и «малое вѣче». Внѣшнимъ отличіемъ верховной власти князя служили: парчевая мантія съ краснымъ фономъ, черно-бархатная лента, перекинутая черезъ лѣвое плечо, красные чулки и красные башмаки. По всей вѣроятности, этотъ красный цвѣтъ былъ позаимствованъ изъ Константинополя. Этого рода одежда послѣдняго дубровницкаго князя Джорджича хранится теперь въ дубровницкомъ музеѣ.

Говоря о государственномъ строѣ республики, мы не можемъ при этомъ не упомянуть о «совѣтѣ проведиторовъ» (Proveditura), который состоялъ изъ трехъ членовъ, выбираемыхъ изъ среды умаленнаго вѣча. Совѣту проведиторовъ подлежалъ надзоръ за всѣмъ управленіемъ, даже съ правомъ протеста противъ заключеній и рѣшеній сената и малаго вѣча. Совѣтъ этотъ имѣлъ право переносить дѣла на заключеніе и окончательное, такъ сказать, кассаціонное рѣшеніе «великаго вѣча».

Теперь разсмотримъ вкратцѣ другія вѣтви мѣстнаго управленія: вѣдомства — финансовое и судебное, и, наконецъ, городское управленіе.

Въ персоналъ финансоваго вѣдомства входили слѣдующія должностныя лица, которыя выбирались изъ членовъ «великаго вѣча»:

а) четыре «камеръ-ленга» (camerarii); они завѣдывали государственной казной;

б) три «солинари» (solinarii) — для управленія соляною регаліей;

в) пять «петоразоженицы» (officium quinque rationum); они образовывали собою, такъ сказать, контрольное отдѣленіе, гдѣ

просматривались всѣ отчеты по разнымъ вѣдомствамъ мѣстнаго управленія;

г) четыре «cechari communis»—управляли монетнымъ дворомъ;

д) три «тесавльери», которые завѣдывали церковною казной и имуществомъ, что носило спеціальное названіе «благайница Свете Маріи» (Thesaurum sacrae Mariæ). Они обыкновенно избирались на три года изъ членовъ сената.

Первою судебною инстанціей служилъ «капитанскій судъ», второю — «сенатъ», а третью—«велико вѣче». Впрочемъ, по не важнымъ дѣламъ, самъ кнезь принималъ на себя роль судьи. Такъ напримѣръ, если кто-либо обращался къ нему съ жалобой на то, что какой-нибудь изъ его должниковъ отказывается уплатить ему должную сумму (если только она незначительна), то кнезь имѣлъ право помимо суда полагать по этому дѣлу свое рѣшеніе. Мы не можемъ при этомъ не упомянуть, что тѣ изъ сенаторовъ (числомъ четыре), которымъ поручалось разсмотрѣніе судебныхъ процессовъ и представленіе затѣмъ о нихъ доклада сенату, носили особый титулъ—«консулы» (curia civilis judices majoris curiae). Кромѣ вышепоименованныхъ судовъ, былъ еще торговый судъ, который состоялъ изъ четырехъ дворянъ, избираемыхъ изъ среды «великаго вѣча»: они носили титулъ «дивонери» (doganarii, doganae majoris) и занимались разбирательствомъ споровъ между казною и частными лицами. При каждомъ изъ вышеупомянутыхъ судебныхъ учрежденій состояли слѣдующія должностныя лица: а) «нотари» (notarii)—для судебнаго дѣлопроизводства и б) «приставы» (praeco)—для приведенія въ исполненіе судебнаго рѣшенія. Мы не считаемъ при этомъ лишнимъ замѣтить, что судебный процессъ не могъ продолжаться свыше одного года, а право заниматься адвокатскими дѣлами принадлежало дворянамъ. Законодательство Дубровника заключалось въ четырехъ сборникахъ законовъ, а именно: Liber statutorum civitatis Rhacusii. 1272;—Liber omnium Reformationum 1335;—Liber legum civitatis Rhacusii dictus Viridis 1357; и Liber Croceus 1460.

Каждый городъ на территоріи дубровницкой республики имѣлъ свое отдѣльное управленіе, которое было сосредоточено въ магистратѣ.

Притомъ внутреннее городское управленіе было подраздѣлено слѣдующимъ образомъ:

а) надзоръ за городскими мѣрами, вѣсами и за продажей съѣстныхъ припасовъ былъ порученъ пяти дворянамъ, которые носили титулъ «исправници» (justitiarii); б) охраненіе укрѣпленій и содержаніе въ городѣ ночной стражи выполнялось девятью дворянами, которые назывались «господа ночна» (domini noctis); в) для надзора за запасами общественнаго продовольствія назначались три дворянина, которые были извѣстны подъ именемъ «масѣри» (massarii bladorum); г) для наблюденія за народнымъ здравіемъ, особенно въ случаѣ повальныхъ болѣзней, выбиралось пять дворянъ, которые назывались «кацаморти» (kazamorte); д) забота о потребностяхъ войска возлагалась на двухъ дворянъ (officiales armamenti); е) наблюденіе за улицами, водопроводами, мостами и т. д. поручалось двумъ дворянамъ (officiales laboriorum).

Мы не считаемъ лишнимъ при этомъ упомянуть, что какъ члены совѣтовъ, такъ и вообще всѣ находившіеся на государственной службѣ носили черные плащи и длинные парики.

Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ внутренняго строя дубровницкой республики, нельзя не обратить вниманія на то, что мѣстное правительство имѣло строгій надзоръ надъ всѣми вѣтвями внутренняго управленія и это обстоятельство, по всей вѣроятности, и было причиною того, что мѣстные законы были строго выполняемы на всей территоріи дубровницкой республики. Строго соблюдая свои законы и, стараясь, по мѣрѣ возможности, удовлетворять всякую законную жалобу, дубровницкое правительство тѣмъ самымъ отстраняло всякій поводъ къ мятежному движенію на своей территоріи.

Дубровчане отличались кроткимъ и мирнымъ нравомъ; они никогда не стремились къ владычеству надъ землями и народностями чуждыми имъ по расѣ и по языку и вообще были далеки отъ завоевательныхъ стремленій. Поэтому-то дубровницкое правительство и не нуждалось въ содержаніи значительнаго войска: все его войско предназначалось лишь для гарнизонной службы.

Дубровчане всегда гордились чувствомъ свободы и это чувство было, такъ сказать, ихъ девизомъ, который еще въ XV ст. былъ вы-

рѣзанъ надъ воротами крѣпостцы св. Лаврентія: «Non bene pro tota libertas venditur auro». Дѣйствительно, свобода цѣнилась дубровчанами выше всякаго золота. Они нерѣдко жертвовали многимъ, чтобы только отстоять дорогую для нихъ свободу и независимость. Движимые этими чувствами, дубровчане вынужденно, притворно кланялись то грекамъ и римлянамъ, то венеціанцамъ и венграмъ, то нѣмцамъ и туркамъ, а подъ часъ и своему сосѣду-славянину. Хотя итальянцы и подсмѣивались надъ Дубровникомъ, называя его «городомъ семи знаменъ», все-таки дубровчане успѣшно противодѣйствовали усиліямъ венеціанскаго правительства къ покоренію ихъ территоріи. Дѣйствительно дубровницкая республика съумѣла, въ теченіи продолжительнаго времени, сохранить въ неприкосновенности свое самостоятельное существованіе болѣе всего благодаря дипломатическимъ способностямъ лицъ, завѣдывавшихъ внѣшнею ея политикою. Дубровницкіе дипломаты вполнѣ сообразовывались въ этомъ случаѣ съ обстоятельствами, принимая сторону сильнаго противъ слабаго.

Географическое положеніе города Дубровника, а притомъ и ограниченность территоріи республики сравнительно съ ея населеніемъ, все это побуждало дубровчанъ отдаться почти исключительно мореходству. Мы выше говорили, что уже въ IX ст. дубровницкій флотъ высоко цѣнился за границей. Въ эпоху величія республики, а именно въ XV и XVI ст. торговый флотъ состоялъ почти изъ 500 большихъ судовъ. Такимъ образомъ торговый дубровницкій флагъ развѣвался почти на всѣхъ моряхъ, омывающихъ берега и материки Стараго и Новаго свѣта. Впрочемъ и само дубровницкое правительство не мало заботилось о развитіи мореходства. Такъ между прочимъ имъ былъ изданъ уставъ о страхованіи судовъ. Каждый судохозяинъ, судно котораго находится въ заграничномъ плаваніи, долженъ былъ вносить извѣстный процентъ съ суммы дохода, получаемаго имъ отъ фрахта его судна, въ кассу страховаго общества. Такимъ образомъ, въ случаѣ гибели судна, народовшагося къ заграничномъ плаваніи, судовладѣлецъ получалъ изъ означеннаго общества денежную сумму для постройки новаго судна. Впрочемъ эта мѣра была принимаема и для того еще, чтобы побудить судовладѣльцевъ не оставаться навсегда въ иностранныхъ государствахъ.

Торговля съ востокомъ почти исключительно находилась въ рукахъ дубровчанъ. Дубровницкіе дворяне весьма охотно занимались морскою торговлей, принимая на свои суда товары и перевозя ихъ съ запада на востокъ и обратно. По мѣрѣ развитія своей заграничной торговли, дубровницкая республика стала открывать свои факторіи въ заграничныхъ торговыхъ пунктахъ и устроивать тамъ консульства, которыя должны были оказывать содѣйствіе дубровницкимъ коммерсантамъ и судохозяевамъ. Благодаря своему географическому положенію, Дубровникъ постепенно пріобрѣлъ значеніе важнаго пункта транзитной торговли Востока съ Западомъ.

Промышленность почти исключительно находилась въ рукахъ гражданъ и простаго народа. Изъ мѣстныхъ издѣлій славились сукна, шелковыя и шерстяныя матеріи. Дубровчане покупали сырыя произведенія, въ особенности на балканскомъ полуостровѣ, перерабатывали ихъ на своихъ фабрикахъ, а за тѣмъ продавали на заграничныхъ рынкахъ.

По мѣрѣ того, какъ богатства со всѣхъ концовъ свѣта стали притекать въ Дубровникъ, и образованіе стало дѣлать тамъ быстрые успѣхи: появились поэты, философы, математики, богословы и т. д. Мы можемъ утвердительно сказать, что паденіе сербскаго царства имѣло только хорошія послѣдствія для дубровницкой республики; на ея территоріи начинаютъ сосредоточиваться матеріальныя и умственныя силы разгромленнаго царства, которыя стали искать себѣ здѣсь убѣжища. Такимъ образомъ Дубровникъ начинаетъ воспринимать въ себя лучшіе соки окружающихъ его государствъ и дѣлаться умственнымъ и торговымъ центромъ порабощенныхъ народовъ, сохраняя самъ свободу. Мы видимъ, что въ промежутокъ времени отъ XV и до половины XVIII ст. въ Дубровникѣ процвѣтала народная поэзія. Весьма естественно, что дубровницкіе коммерсанты являлись представителями мѣстной интеллигенціи. Проводя жизнь самую разнообразную, они невольно подъ старость раскаивались въ грѣхахъ молодости. Характеристическою чертой дубровницкой литературы служитъ то, что въ ней разительно проглядываетъ возрастъ писателя: въ молодости сочиняетъ онъ веселыя пѣсни, пѣсни любви; жизнь ему кажется въ радужныхъ краскахъ, онъ ее воспѣ-

ваетъ; въ среднемъ возрастѣ литературныя его занятія дѣлаются болѣе серьёзными, такъ напримѣръ онъ переводитъ различнаго рода произведенія съ латинскаго и греческаго языка и т. п.; въ пожилые годы, когда мысль о смерти начинаетъ смущать душу писателя, его литературныя занятія принимаютъ характеръ религіозный, характеръ покаянія: онъ переводитъ псалмы или пишетъ стихотворенія, въ которыхъ обыкновенно высказываетъ сожалѣніе относительно направленія литературныхъ трудовъ первой своей молодости. Нужно поставить въ заслугу дубровницкимъ писателямъ, что ихъ произведенія отличались вообще красотою слога и силою выраженія; главными и общими ихъ недостатками было усвоеніе троповъ, фигуръ и оборотовъ итальянскихъ и латинскихъ. Мы не можемъ при этомъ не замѣтить, что склонность къ литературнымъ занятіямъ въ Дубровникѣ переходила отъ отца къ сыну, такъ что весьма справедливо можно сказать, что она сдѣлалась какъ бы наслѣдственною собственностью извѣстныхъ родовъ. Дѣйствительно между дубровницкими писателями мы встрѣчаемъ цѣлыя поколѣнія извѣстныхъ фамилій, которыя по преимуществу занимались литературой, какъ напримѣръ шесть Гундуличей, четыре Георгіевича и т. д.

Сохранилось свѣдѣніе, что въ эпоху процвѣтанія Дубровника, въ концѣ XVI ст., его населеніе доходило до 30,000 душъ, въ городѣ было 37 церквей, два аббатства и 8 монастырей.

Можетъ быть, вслѣдствіе чрезмѣрнаго наплыва иностранцевъ въ Дубровникѣ, куда ихъ привлекали торговые интересы и гдѣ они стали поселяться, а также, можетъ статься, и вслѣдствіе постоянныхъ торговыхъ сношеній, въ какихъ дубровчане находились съ другими европейскими государствами, дубровницкая республика превратилась, можно сказать, почти исключительно въ меркантильное государство. Дубровчане стали уже руководствоваться торговыми интересами, упуская изъ виду охраненіе на своей территоріи народнаго, самобытнаго, независимаго и свободнаго характера. Мы видимъ, что дубровчане стали незамѣтно итальянизоваться. Это-то ихъ стремленіе къ подражательности ясно указываетъ на упадокъ ихъ народной самобытности, народной силы и могущества. Впрочемъ это обстоятельство послужило только поводомъ къ паденію рес-

публики, настоящую же причину ея разложенія слѣдуетъ искать гораздо раньше. Можно смѣло сказать, что ея разложеніе началось съ того времени, какъ она всецѣло поддалась вліянію венеціанской торговли.

Когда громы французскаго оружія раздавались и разносились по западной Европѣ, неся повсюду за собою разложеніе и ниспроверженіе вѣковыхъ началъ свободы и независимости для всѣхъ покоренныхъ французами государствъ, мы видимъ, что дубровницкая республика уже не имѣла въ себѣ въ то время достаточной силы, чтобы дать отпоръ этому всесокрушающему и ниспровергающему вулкану ненасытнаго деспотизма и самовластія. Дубровницкая республика, которая въ теченіи 13 столѣтій свято охраняла дорогія ей права свободы и независимости своей территоріи, пала при первомъ столкновеніи съ французскимъ оружіемъ. Когда французы въ 1796—97 годахъ засѣли на Іоническихъ островахъ, то дубровницкіе патріоты уже предвидѣли, откуда грозитъ опасность республикѣ. Вскорѣ затѣмъ прибылъ въ Дубровникъ французскій уполномоченный, имѣя въ своемъ распоряженіи два военныхъ судна: онъ потребовалъ отъ республики въ ссуду, въ видѣ займа, 80 мильоновъ франковъ. Испуганное вѣче выдало ему требуемую сумму, которая не была возвращена республикѣ. Когда, по пресбургскому миру 26-го декабря 1805 года, Далмація перешла во власть французовъ, пробилъ послѣдній часъ дубровницкой республикѣ. Въ 1806 году, дубровницкіе сенаторы въ страхѣ собираются на совѣтъ (вѣче), который и спѣшитъ отправить отъ себя, въ качествѣ депутатовъ, двухъ сенаторовъ къ французскому генералу Молитору, вступившему съ отрядомъ войска въ городъ Задаръ (Zara). Сенаторы-депутаты имѣли порученіе поздравить генерала Молитора съ благополучнымъ вступленіемъ въ столицу Далмаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ заявить, что ему препоручается свобода и независимость дубровницкой республики. Депутація эта была принята генераломъ Молиторомъ весьма ласково.

Спустя нѣсколько времени, до свѣдѣнія русской эскадры, крейсеровавшей въ водахъ дубровницкой республики, дошло извѣстіе, что французы обратились къ дубровницкому вѣчу за разрѣшеніемъ свободнаго прохода по территоріи дубровницкой республики француз-

скаго войска, которое имѣетъ отправиться въ которскій округъ, и что генералъ Молиторъ писалъ уже французскому канцлеру въ Дубровникѣ о заготовленіи необходимаго продовольствія для войска. Поэтому русскіе поспѣшили сдѣлать запросъ дубровницкому вѣчу: дозволитъ ли оно русскому войску занять городъ Дубровникъ? Собравшееся вѣче раздѣлилось на двѣ партіи: одна доказывала необходимость обратиться за помощью къ русскимъ; другая же, цѣня свою независимость, подавала голосъ за невооруженный нейтралитетъ; послѣднее мнѣніе взяло перевѣсъ. На этомъ же засѣданіи вѣча было постановлено отправить двухъ сенаторовъ къ генералу Молитору съ просьбою не нарушать нейтралитета дубровницкой территоріи, такъ какъ, въ случаѣ вступленія въ предѣлы республики французскаго войска, послѣдуетъ вторженіе на ея территорію русско-черногорскаго войска. Депутація отправилась и дубровчане съ трепетомъ стали ожидать отвѣта: но все же, на всякій случай, вѣче послало довольно большое войско въ городъ Стонъ (Stagno), находившійся на границѣ дубровницкой республики. Генералъ Молиторъ увѣрилъ присланныхъ депутатовъ, что онъ никогда не нарушитъ свободныхъ правъ дубровницкой республики и что французское войско не будетъ проходить черезъ ея территорію. Депутаты вернулись и сообщили народу заявленіе французскаго генерала. Дубровницкое войско было отозвано изъ Стона (Stagno) и всѣ думали, что гроза уже миновала, что права республики останутся не нарушенными. Только русскія суда, продолжавшія крейсеровать вдоль береговъ дубровницкой территоріи, могли напоминать мѣстнымъ жителямъ, что опасность близка, что врагъ, если не сегодня, такъ завтра, можетъ появиться и нарушить тишину и спокойствіе мѣстныхъ жителей. Однако все шло благополучно, жители дубровницкой республики стали уже свыкаться съ нѣкогда опаснымъ сосѣдомъ и съ бѣлымъ флагомъ, осѣненнымъ крестомъ, русской флотиліи.

26-го мая 1806 года въ Дубровникѣ разнесся слухъ, что французы форсированнымъ маршемъ пришли черезъ Стонъ (Stagno) въ село Слано, находящееся въ шести часахъ ѣзды отъ Дубровника. Такое неожиданное извѣстіе поразило дубровчанъ. Вѣче собирается; народъ съ трепетомъ ждетъ его рѣшенія. Въ эту критическую минуту,

всѣ сознавали, что пробилъ послѣдній часъ дубровницкой республикѣ, что сила французовъ сломитъ вѣковыя права этой сравнительно небольшой славянской территоріи. Сенатъ порѣшилъ отправить двухъ совѣтниковъ къ начальнику русской флотиліи, стоявшей въ это время между Даксе и Лакромой, съ цѣлью увѣдомить русскихъ объ опасности, грозящей дубровницкой республикѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ заявить, что дубровчане порѣшили не выставлять вооруженнаго сопротивленія французамъ и спокойно выжидать ихъ, желая отъ нихъ узнать, чего они хотятъ. 27-го мая, подъ начальствомъ генерала Лауристона, французское войско, состоявшее изъ 1,000 человѣкъ, высадилось не вдалекѣ отъ Дубровника. Обыватели города затворили городскія ворота и послали двухъ парламентеровъ узнать о намѣреніи французовъ. Генералъ Лауристонъ заявилъ, что онъ никому другому не дастъ отвѣта, кромѣ малаго вѣча, куда просилъ его отвести. Въ сопровожденіи двухъ сенаторовъ и французскаго консула, генералъ Лауристонъ смиренно вошелъ въ собраніе малаго вѣча. Французскій генералъ просилъ вѣче снабдить изнуренное его войско виномъ, а также заявилъ о своемъ желаніи ввести оное хоть на одинъ день въ Дубровникъ, такъ какъ внѣ города нѣтъ хорошихъ помѣщеній, и при этомъ обѣщалъ, что его войско, отдохнувъ одинъ день въ городѣ, выступитъ оттуда по направленію въ Которъ (Cattaro). Вѣче польстилось на это обѣщаніе и, не подозрѣвая обмана въ увѣреніяхъ французскаго генерала, впустило его войско въ столицу дубровницкой республики.

Генералъ Лауристонъ, вступивши въ Дубровникъ съ войскомъ, потребовалъ отъ веча ключей отъ городскихъ воротъ, поставилъ около воротъ рядомъ съ дубровницкой, и французскую стражу, на крѣпости св. Лаврентія, кромѣ дубровницкаго, былъ вывѣшенъ и французскій флагъ. Между тѣмъ, французское войско усилилось черезъ прибытіе въ Дубровникъ отряда въ 500 человѣкъ. Тогда генералъ Лауристонъ вошелъ вполнѣ въ права побѣдителя: онъ выгналъ монахинь изъ монастыря св. Клары и поставилъ туда часть своего войска, остальное же войско размѣстилъ по монастырямъ фратеровъ св. Франциска и св. Доминика, потребовалъ отъ сената денежный заемъ въ 80.000,000 франковъ,

который впослѣдствіи не былъ уплаченъ и — захвативъ часть серебряной утвари мѣстныхъ церквей, и деньги изъ общинныхъ кассъ, издалъ 28-го мая отъ имени Наполеона I слѣдующій декретъ: «Послабленія, какія не перестаетъ дѣлать дубровницкое вѣче и правительство непріятелямъ французовъ, въ сущности носятъ въ себѣ задатки враждебные нашему правительству, тѣмъ болѣе для насъ гибельные, что дубровницкое правительство старается прикрыть всѣ свои дѣйствія, по отношенію къ намъ, узами дружбы и нейтралитета. Приходъ нашихъ войскъ въ Далмацію не уничтожилъ вліянія нашихъ непріятелей на дубровницкое правительство. Какія бы ни были причины такого порядка вещей, но нашъ императоръ не можетъ равнодушно относиться ко всѣмъ этимъ интригамъ, противнымъ законамъ о нейтралитетѣ. Итакъ во имя и по приказанію французскаго императора и короля Италіи, я завоевываю столицу и всю территорію дубровницкой республики. Также объявляю о намѣреніи императора признать самостоятельность и нейтральность этой державы, какъ только русскіе оставятъ Албанію, Корфу и другіе острова, нѣкогда принадлежавшіе дубровницкой республикѣ, какъ только русская эскадра удалится изъ прибрежныхъ водъ Далмаціи. Обѣщаю помощь и покровительство тѣмъ изъ обывателей города Дубровника, которые будутъ уважать законы и обычаи; ново-покоренный народъ будетъ управляться сообразно своему поведенію; мы сдѣлаемъ для него все возможное, чтобы мѣстные обыватели могли бы быть довольны нахожденіемъ на ихъ территорію французскаго войска. Настоящее правительство поведетъ гражданъ дубровницкой республики впередъ, сохраняя за ними всѣ прежнія права, не препятствуя имъ находиться въ дружественныхъ отношеніяхъ съ враждебными французамъ націями и съ тѣми, которыя находятся въ нейтральномъ положеніи. Г. Брюеръ, французскій консулъ по коммерческимъ дѣламъ, съ сего дня назначается на должность императорскаго коммисара при дубровницкомъ сенатѣ».

Между тѣмъ черногорскій владыка, по полученіи извѣстія о занятіи французами города Дубровника, поспѣшилъ наскоро составить изъ бокезцовъ, черногорцевъ и русскихъ войско и, во главѣ его, двинулся, по направленію къ городу Цавтану (Ragusa-Vecchia),

занятому французами. Послѣ удачной схватки, французы 30-го мая были принуждены оставить городъ. Въ тотъ же день вице-адмиралъ Сенявинъ высадилъ въ мѣстности Жупа (Breno) десантное войско, которое привезъ на трехъ русскихъ фрегатахъ и на нѣсколькихъ вооруженныхъ бокезскихъ судахъ. Въ означенной мѣстности было расположено французское войско. Вице-адмиралу Сенявину, при содѣйствіи черногорскаго владыки, посчастливилось вытѣснить французовъ изъ занятой ими позиціи: они искали себѣ защиты на неприступныхъ каменистыхъ отлогостяхъ горы Бергада. Между тѣмъ прибыло еще три русскихъ фрегата съ батальономъ егерей, подъ начальствомъ князя Вяземскаго, который высадилъ войско въ селѣ Купари вблизи Жупы (Breno). По соглашенію съ черногорскимъ владыкой, князь Вяземскій принялъ высшее начальство надъ войскомъ. Было рѣшено въ тотъ же день т. е. 17-го іюня, произвести атаку на французскую батарею. Союзное войско, состоявшее приблизительно изъ двухъ батальоновъ егерей, батальона стрѣлковъ русскаго войска и нѣсколькихъ отрядовъ черногорцевъ и бокезцевъ, двинулось къ неприступнымъ отлогостямъ горы Бергада; началась перестрѣлка; бой все болѣе и болѣе разгорался; французы храбро отражали напоръ русскихъ; двукратно отразили непріятельскія нападенія и, обративъ союзное войско въ бѣгство, преслѣдовали его на протяженіи двухъ миль. Въ это время князь Вяземскій собралъ часть бѣжавшихъ, обошелъ непріятеля, пройдя сквозь неприступныя высоты горы Бергада, затѣмъ бросился съ тылу. Французы, увидѣвъ себя окруженными со всѣхъ сторонъ непріятельскимъ войскомъ, стали искать себѣ спасенія въ укрѣпленіяхъ города Дубровника. Послѣ этой битвы, союзное войско окружило городъ Дубровникъ и держало его въ осадномъ положеніи до 6-го іюля. Неожиданная помощь подоспѣла къ осажденному французскому войску. Генералъ Молиторъ съ тысячнымъ отрядомъ двинулся къ Дубровнику; его войско было сильно изнурено и голодомъ и скорыми переходами. Поэтому французскій генералъ поспѣшилъ прибѣгнуть къ хитрости: онъ отправилъ гонца къ генералу Лауристону съ письмомъ, въ которомъ говорилось, что на помощь осажденному городу Дубровнику скоро придетъ большое войско, подъ его начальствомъ; этому гонцу по-

ручено было попасться въ руки непріятелей. Повелѣніе генерала Молитора было буквально исполнено. Русскіе, захвативъ гонца и прочитавъ письмо, сильно пали духомъ; паническій страхъ распространился въ союзномъ войскѣ. Генералъ Молиторъ безпрепятственно вступилъ въ Дубровникъ. Вскорѣ было получено приказаніе отъ 31-го января 1808 года изъ Парижа, чтобы коммерческій флотъ дубровницкой республики плавалъ подъ итальянскимъ флагомъ. Дубровницкій сенатъ воспротивился этому распоряженію, которое прямо клонилось къ уничтоженію дубровницкаго торговаго флота. Тогда генералъ Молиторъ воспретилъ сенату собираться и ввѣрилъ мѣстное управленіе избраннымъ имъ властямъ. Такимъ образомъ, прекратилось самостоятельное существованіе свободной дубровницкой республики, территорія которой, въ силу императорскаго декрета отъ 15-го октября 1809 года, была присоединена къ иллирійскому королевству. По рѣшенію вѣнскаго конгресса 1814 года, Австрія пріобрѣла всю Далмацію. Такимъ образомъ и территорія древней дубровницкой республики вошла въ составъ владѣній австрійской имперіи. Начиная съ этого времени, Дубровникъ терпѣливо выноситъ всѣ тѣ политическія превратности, какія суждено испытывать и остальнымъ городамъ, находящимся въ Далмаціи. Частыя перемѣны, происходящія въ правительственной системѣ Австріи, не могли не отозваться крайне тяжело на Дубровникѣ и не содѣйствовать ухудшенію матеріальнаго его благосостоянія.

VI.

Дубровникъ: мѣстоположеніе и укрѣпленія города; физіономія современнаго Дубровника; его достопримѣчательности; характеристическія особенности городскаго населенія. Предмѣстіе Плоче.

Городъ Дубровникъ расположенъ на полуостровѣ у подошвы горы Св. Сергія. На вершинѣ этой горы нѣкогда находилась церковь во имя Св. Сергія, но французы на ея мѣстѣ воздвигли такъ называемую «царскую крѣпость», которая сохранилась и по насто-

ящее время и служитъ для дубровчанъ тяжелымъ воспоминаніемъ о быломъ владычествѣ тамъ французовъ.

По внѣшнему своему виду, Дубровникъ походитъ на средне-вѣковой приморскій городъ или крѣпость. Со стороны моря Дубровникъ представляется во всей своей красѣ: вдоль морскаго берега расположены дома дубровчанъ, утопающіе, такъ сказать, въ садахъ; а изъ массы зелени выдаются высокія башни, колокольни и купола церквей и все это, можно сказать, увѣнчиваетъ растилающійся передъ вами горизонтъ. Со стороны моря городъ защищаютъ двѣ крѣпостцы— на сѣверо-западѣ «Св. Лаврентія», а на востокѣ—«Равелинъ» (Fortezza pia). Первая находится вблизи моря, на крутой скалѣ, откуда какъ бы господствуетъ надъ моремъ: она была построена еще въ половинѣ XI вѣка для защиты города отъ венеціанцевъ. Крѣпостца «Равелинъ» была построена въ 1539 году, по плану архитектора Дори, родомъ Итальянца.

Со стороны материка, Дубровникъ опоясанъ идущими въ два ряда толстыми стѣнами, между которыми находятся четыреугольныя башни. Постройку этихъ башенъ относятъ къ 1266 году, когда дубровчане опасались, что сербскій король Стефанъ Урошъ сдѣлаетъ нападеніе на городъ. На сѣверо-востокѣ виднѣется большая крѣпостца или фортъ Минчетова, окруженная рвомъ и крѣпкой стѣной. Этотъ фортъ построенъ въ 1318 году, вскорѣ послѣ пожара, бывшаго въ 1296 году, когда сгорѣла значительная часть города. Вообще, всѣ охранительныя постройки Дубровника, о которыхъ мы выше говорили, стали сильнѣе укрѣпляться въ особенности съ того времени, когда турки, придвинувшись къ далматинскому приморью, угрожали Дубровнику тѣмъ же разрушеніемъ и разореніемъ, какія они принесли съ собой въ Сербію, Боснію и Герцеговину.

Изъ предмѣстья Пилле ведутъ въ городъ старинныя ворота, украшенныя статуей Св. Власія, покровителя дубровницкой свободы и мирнаго зрителя счастливыхъ и несчастливыхъ событій нѣкогда знаменитаго города. Перейдя два предмѣстныя укрѣпленія и висячій подъемный мостъ, вступаемъ на главную улицу—«Страдона», по которой, до сильнаго землетрясенія, бывшаго въ Дубров-

никѣ въ 1667 году, плескалось море. Эта улица, которая служитъ дубровницкимъ Corso, довольно широка, а въ длину имѣетъ до 444 сажени. Другимъ своимъ концомъ Страдона упирается въ такъ называемыя «Рыбарскія ворота», выходящія въ предмѣстье Плоче. Можно сказать, что улица Страдона дѣлитъ городъ на двѣ половины. По обѣимъ сторонамъ улицы Страдоны, тянется длинный рядъ домовъ: въ низшихъ ихъ этажахъ помѣщаются почти исключительно лавки, гдѣ продается мужская и женская обувь и серебряныя и золотыя издѣлія. Параллельно съ Страдоной идетъ улица, которая соединена съ главной посредствомъ переулковъ до того узкихъ, что въ былое время не могли въ нихъ разойтись двѣ дубровницкія дамы, одѣтыя въ костюмѣ XVI и XVII вѣковъ. Улицы въ Дубровникѣ распланированы совершенно правильно и вымощены широкими плитами. Кромѣ двухъ воротъ, между которыми тянется главная улица и о которыхъ мы выше говорили, въ Дубровникѣ есть еще двое меньшихъ, которыя ведутъ въ небольшой дубровницкій портъ, окруженный толстыми стѣнами.

Физіономія Дубровника чрезвычайно измѣнилась. Дѣйствительно, кто вступитъ въ Дубровникъ съ намѣреніемъ найти въ немъ старинный городъ, тотъ въ физіономіи нынѣшнихъ его построекъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ общественныхъ зданій и церквей, сильно ошибется. На мѣсто средневѣковыхъ или византійско-восточныхъ, римскихъ, готическихъ и венеціанскихъ построекъ онъ увидитъ одни только высокіе дома въ стилѣ Renaissance. Дома въ Дубровникѣ, построенные изъ вытесанныхъ каменныхъ плитъ, имѣютъ по нѣскольку балконовъ и украшены разнаго рода образцами зодчества, на дверяхъ домовъ висятъ молотки, которые замѣняютъ тамъ наши колокольчики. Мы не можемъ при этомъ не замѣтить, что на многихъ домахъ находятся іезуитскія анаграммы, изъ чего можно заключить, что дома эти составляли, а можетъ быть, и теперь составлятъ собственность ордена іезуитовъ. Вообще Дубровникъ, въ настоящемъ своемъ видѣ, есть только жалкая копія того величественнаго города, какимъ онъ былъ прежде. Всѣ замѣчательныя его зданія были скопированы съ венеціанскихъ и это происходило отъ того, что Венеція, ближайшая сосѣдка Дубровника, въ средніе вѣка служила

долгое время центромъ, откуда художество и искуство, какъ радіусы, распространялись по всей Европѣ. Всѣ знаменитѣйшіе художники и архитекторы того времени были или венеціанцы или получали свое образованіе въ Венеціи. Правда, это великолѣпіе и оргинальность Дубровника много пострадали отъ землетрясенія, бывшаго тамъ 16-го апрѣля 1667 года и, въ послѣдующее затѣмъ время, хотя онъ и былъ возобновленъ, все-таки уже не могъ подняться, въ архитектурномъ отношеніи, до прежней своей грандіозности, такъ какъ архитектура въ самой Италіи стала уже замѣтно клониться къ упадку. Впрочемъ и самъ городъ значительно уменьшился, по отношенію къ количеству своего населенія. Такъ его населеніе, въ настоящее время не превышаетъ и шести тысячъ жителей, а во всей политической общинѣ Дубровника—не болѣе 9,000 жителей. Населеніе Дубровника, можетъ статься, еще болѣе уменьшилось бы, если бы этотъ городъ не служилъ центромъ гражданской и духовной администраціи дубровницкаго округа. Такъ въ Дубровникѣ пребываютъ: начальникъ дубровницкаго округа и римско-католическій епископъ дубровницкой епархіи.

На городской площади, въ которую упирается улица Страдона, находится весьма замѣчательное, въ архитектурномъ отношеніи, зданіе, которое нѣкогда служило дворцомъ кнезей дубровницкихъ. Основный камень этому зданію былъ положенъ въ 1388 году, т. е. вскорѣ послѣ того, какъ венеціанскіе дожи перестали управлять дубровницкою республикой и когда стали засѣдать на кнежескомъ престолѣ мѣстные «властели». Дворецъ этотъ былъ оконченъ спустя 36 лѣтъ послѣ своего основанія, а именно въ 1424 году и обошелся въ 40,000 цекиновъ, сумма довольно значительная для того времени. 10-го августа 1435 года часть этого дворца сгорѣла, но вскорѣ затѣмъ онъ былъ исправленъ, хотя и не вполнѣ, архитекторомъ Онуфріемъ Іорданомъ и окончательно былъ отдѣланъ въ 1465 году архитекторомъ Георгіемъ Матѣевичемъ, родомъ изъ Шебеника. Въ 1667 году, во время землетрясенія, второй этажъ обрушился и уже болѣе не былъ исправляемъ; впрочемъ и нижній этажъ былъ сильно поврежденъ. Въ настоящемъ своемъ видѣ, этотъ дворецъ имѣетъ видъ постройки въ стилѣ Renaissance.

На фасадѣ его находится портикъ съ крестообразнымъ сводомъ, поддерживаемымъ пятью колоннами изъ керкарскаго камня. Въ этомъ портикѣ кругомъ разставлены каменныя скамьи, на которыхъ дубровницкіе совѣтники засѣдали въ торжественныхъ случаяхъ, а теперь мѣстные жители укрываются тамъ въ ненастье. Надъ аркадами, посреди фасада, находится одно большое окно, подъ которымъ въ нишѣ стоитъ статуя св. Власія, а по сторонамъ этого окна два меньшихъ окна: всѣ эти окна украшены разными символическими изображеніями. Дворъ съ аркадами отвѣчаетъ вполнѣ архитектурѣ всего дворца. Кромѣ этого, здѣсь на дворѣ обращаютъ на себя вниманіе не въ отношеніи художественномъ, но съ точки зрѣнія исторической: бюстъ дубровницкаго гражданина Михаила Працата, которому дубровницкая община воздвигла этотъ памятникъ въ 1637 году за то, что онъ, по духовному завѣщанію, оставилъ 300,000 дукатовъ родному своему городу на благотворительныя цѣли; большая статуя Роланда, она стояла прежде на площади и держала въ рукахъ каменную палицу, на которой развѣвалось съ изображеніемъ св. Власія знамя республики. Въ настоящее время, этотъ памятникъ древней свободы лежитъ заброшеннымъ и забытымъ въ углу. Во внутреннихъ покояхъ дворца почти не сохранилось ничего такого, что носило бы на себѣ печать блестящаго его прошлаго. Помѣщеніе, гдѣ происходили засѣданія «великаго вѣча», сгорѣло во время французскаго владычества. Сохранились, впрочемъ, двѣ замѣчательныя картины: «Крещеніе Спасителя»—произведеніе падуанской школы XV ст. и картина «Марсъ съ Венерой»—венеціанской школы XVI ст. Хотя дворецъ этотъ и не замѣчателенъ съ художественной стороны, за то въ историческомъ отношеніи онъ имѣетъ немаловажное значеніе. Покои княжескаго дворца были нѣкогда убраны съ большою роскошью: стѣны были покрыты бархатомъ и украшены весьма цѣнными картинами, зеркалами и т. п. Полъ устланъ былъ дорогими, восточными коврами. Дорогіе столовые сервизы и другіе цѣнные предметы дополняли роскошь княжескаго дворца. Впрочемъ многое погибло вслѣдствіе пожара, начавшагося въ военномъ магазинѣ, бывшемъ вблизи дворца; огонь про-

никъ въ самый дворецъ. Въ послѣднее время въ бывшемъ зданіи княжескаго дворца помѣщается окружное управленіе, а также и архивъ дубровницкаго округа.

Кромѣ зданія дворца, особенно замѣчательно еще зданіе таможни (Dogana, Sponza) вблизи воротъ, ведущихъ въ предмѣстье Плоче. Съ наружной стороны это зданіе имѣетъ видъ большаго дворца съ портикомъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ аркадъ въ стилѣ Renaissance, съ большими окнами въ венеціанскомъ стилѣ. Постройка этого зданія была начата въ 1516 году, а покончена въ 1520 году, и стоила 7,600 дукатовъ. Въ зданіи таможни находится дворъ въ 11 саженъ въ длину и 6 саженъ въ ширину, украшенный аркадами, которыя поддерживаются восьмиугольными колоннами, капители которыхъ увѣнчаны прекрасными арабесками. Изъ двора ворота ведутъ въ таможенные пакгаузы. Дворъ этотъ во многомъ похожъ на дворъ дворца дожей въ Венеціи. Зданіе дубровницкой таможни имѣло весьма важное значеніе въ народно-хозяйственномъ, финансовомъ и образовательномъ отношеніяхъ. Здѣсь собирались пошлины съ привозимыхъ товаровъ, чеканилась монета, здѣсь также происходили академическія собранія ученыхъ и поэтовъ, которые прочитывали свои произведенія на хорватско-сербскомъ, латинскомъ и итальянскомъ языкахъ, здѣсь же давались драматическія представленія, на которыхъ присутствовали значительныя массы народа.

Мы выше сказали, что въ былое время, въ Дубровникѣ было много церквей, тогда какъ теперь въ городѣ двѣ-три старинныя церкви. Нѣкоторыя изъ нихъ обращены въ какія-либо общественныя зданія, другія же лежатъ въ развалинахъ, представляя собою кучи щебня и мусора. Тѣже изъ церквей, которыя уцѣлѣли отъ всесокрушающаго времени, или противостояли разрушающимъ стихіямъ природы, огню и землетрясенію, кажется, остались лишь какъ бы затѣмъ, чтобы своимъ жалкимъ видомъ свидѣтельствовать объ измѣнчивости судьбы, постигающей какъ цѣлыя государства и націи, такъ и отдѣльные города. Путешественнику, которому бы захотѣлось воскресить въ себѣ воспоминанія о славномъ быломъ времени процвѣтанія Дубровника, слѣдуетъ тщательно изслѣдовать всѣ

эти остатки древняго искуства и художества на дубровницкой территоріи, потому что только по этимъ мертвымъ и нѣмымъ памятникамъ можно судить, какъ нѣкогда высоко стоялъ Дубровникъ въ ряду современныхъ ему городовъ, гордившихся процвѣтаніемъ у себя торговли, искуствъ, художествъ и науки и какъ, въ настоящее время, низко палъ Дубровникъ съ высоты своего величія.

Къ древнимъ памятникамъ дубровницкой республики принадлежитъ находящійся на городской площади каѳедральный соборъ св. Власія. Своею архитектурою онъ напоминаетъ соборъ св. Марка въ Венеціи. Соборъ св. Власія былъ первоначально построенъ въ XIV ст., но, во время землетрясенія 1667 года, былъ вполнѣ разрушенъ. Въ томъ видѣ, въ которомъ онъ сохранился до настоящаго времени, онъ былъ построенъ въ 1707 году архитекторомъ Марино Гропелли. Въ церкви собора хранятся слѣдующія святыни:

1. Голова св. Лаврентія въ серебряной ракѣ, надъ которой находится готическая надпись: «Reliquie santi Laurenti, magister Gulermus me fecit. A. Dni. 1348».

2. Голова св. Власія въ серебряной ракѣ, на которой вырѣзаны изображенія слѣдующихъ святыхъ: Власія, Петра, Андрея, Матвѣя, Іакова, Іоанна Крестителя, Зиновія и Іоанна Барскаго.

3. Рука св. Власія въ серебряной ракѣ съ эмалевыми изображеніями святыхъ: Лаврентія, Андрея, Нерея, Акилы, Луки, Ѳомы, Симеона, Варѳоломея и Павла съ надписью: «Tomaso Paleologo Despotà del Peloponeso donato a Giorgio Radovanovich. Civi Ragvseo. 1452.»

Изъ другихъ достопримѣчательностей церкви св. Власія слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующія: двѣ картины на полотнѣ художника Петра Матея, изображающія торжество христіанской вѣры; картина «Пресвятая Дѣва Марія съ предвѣчнымъ младенцемъ Іисусомъ» произведеніе дубровницкаго художника Бенка Стайя; также замѣчательна картина поклоненіе трехъ волхвовъ. Нельзя не упомянуть здѣсь еще о серебрянно-вызолоченномъ рукомойникѣ съ чашей и ковшомъ. Это замѣчательное произведеніе дубровницкаго золотыхъ дѣлъ мастера Ивана Прогоновича. Оно бы-

ло сдѣлано по заказу дубровницкаго архіепископа Тимоѳея Маффей для венгерско-хорватскаго короля Матвѣя Корвина. Но по случаю его смерти, это произведеніе не было послано по своему назначенію.

Церковь во имя св. Маріи была прежде каѳедральнымъ соборомъ: постройка ея относится къ концу XII ст. Въ 1667 году отъ землетрясенія церковь эта испытала громадныя повреждения, такъ что, въ началѣ XVIII ст., она была заново перестроена въ стилѣ Renaissance архитекторомъ Анджело Біанки. Въ церкви мы находимъ нѣкоторые предметы, которые заслуживаютъ особаго вниманія: 1. «подвижной алтарь» (altare portatile): обыкновенно брали съ собою этотъ алтарь дубровницкіе посланники, когда отправлялись въ Турцію съ данью, которую начиная съ половины XV ст. стали ежегодно платить туркамъ; 2. «рака»; это единственные памятники, которые сохранились отъ древняго каѳедральнаго собора.

Кромѣ вышепоименованныхъ зданій на городской площади находятся: ратуша, гауптвахта, большое кафе и много другихъ. Переулокъ соединяетъ городскую площадь съ рынкомъ овощей, а отсюда, по крутой лѣстницѣ, взбираешься въ бывшій іезуитскій монастырь, гдѣ, въ настоящее время, помѣщается военный госпиталь.

Доминиканскій монастырь, расположенный въ городѣ, вблизи Пильскихъ воротъ, нѣкогда входилъ въ составъ оборонительной линіи, которая была возведена для защиты Дубровника. Монастырь и находящаяся при немъ церковь во имя св. Доминика были построены въ первой половинѣ XIV ст. (1302—1348 г.), позднѣе были исправлены, а именно въ XV ст. архитекторомъ Паскале Микели, какъ это видно изъ надписи, находящейся въ ризницѣ:

PASQVALIS MICHA
ELIS RAGVSINVS PLV
'RA INGENIO CLARA
INVENIENS ANNO
QVO PORTVM
EDIDIT. MCCCCLXXXV.

Съ фронтона церкви находится портикъ, который поддержи-

ваютъ колонны, выведенныя въ смѣшанномъ римско-готическомъ стилѣ. Этотъ портикъ представляетъ собою правильную четвероугольную площадь съ четырьмя аркадами по угламъ, поддерживающими сводъ крестообразно. Въ церкви находятся образа, крайне замѣчательные въ художественномъ отношеніи; большинство изъ нихъ принадлежитъ къ школамъ византійско-славянской и итальянской, какъ напримѣръ: изображеніе св. Іакова, работы дубровницкаго художника Петра Матейя; изображенія святыхъ Іоанна, Николая, Магдалины и другихъ. Нельзя не обратить вниманія въ монастырской церкви на надгробныя плиты (нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ къ XIV ст.), и на фамильную картину князей Медо-Пучичей: это художественное произведеніе, какъ говорятъ, принадлежитъ кисти Тиціана. Въ ризницѣ хранится серебряный крестъ съ надписью, писанною кириллицей: этотъ крестъ былъ сдѣланъ по заказу сербскаго короля Уроша IV. Монастырская колокольня, построенная въ 1424 году изъ высѣченнаго камня архитекторомъ фратеромъ Стефаномъ дубровчаниномъ, крайне замѣчательна въ архитектурномъ отношеніи: на ней находятся два довольно старыхъ колокола; одинъ вылитъ въ 1364 году, а другой въ 1516 году. Въ монастырской библіотекѣ находится много древнихъ рукописей, писанныхъ на пергаментѣ.

Франци-сканскій монастырь меньшихъ братьевъ принадлежитъ къ числу древнихъ памятниковъ дубровницкой республики. Постройка его началась въ началѣ XIV ст., а именно въ 1317 году, а окончилась въ 1363 году, подъ руководствомъ архитектора Миха Петраба изъ Антивари, какъ видно изъ надписи, находящейся на надгробномъ его памятникѣ;

S. DE MAGIST
ER MICHA PETRAB
D'ANTIVAR QVI FE
CIT CLAVSTRVM.
CVM OMNIBVS SVIS.

Монастырское зданіе, которое, по своей архитектурѣ, принадлежитъ къ римскому стилю, сильно пострадало отъ бывшаго въ 1667

году въ Дубровникѣ землетрясенія. Сохранился портикъ, гдѣ встрѣчаются надписи, писанныя готическими буквами; надписи эти относятся къ XIV и XV ст. Монастирская библіотека заключаетъ въ себѣ одно изъ лучшихъ собраній рукописныхъ памятниковъ древнеславянскаго юга; въ особенности въ ней хранится много дубровницкихъ рукописей.

Описанныя церкви, находящіяся въ Дубровникѣ, не представляютъ собою ничего замѣчательнаго: всѣ онѣ относятся къ позднѣйшему времени т. е. ко времени, послѣдовавшему за землетрясеніемъ 1667 года. Мы не можемъ при этомъ не замѣтить, что въ Дубровникѣ есть православная церковь во имя Успенія Пр. Богородицы и часовня во имя архистратига Михаила: все мѣстное православное населеніе простирается до 341 души.

Вблизи воротъ Пильскихъ и Рыбарскихъ находится по одному фонтану или «точнику», какъ его называютъ дубровчане. Въ особенности замѣчателенъ, по своей художественной отдѣлкѣ, фонтанъ, который находится вблизи воротъ Пилле. Хотя этотъ фонтанъ и потерпѣлъ значительныя поврежденія отъ землетрясенія, бывшаго въ 1667 году въ Дубровникѣ, все-таки, по сохранившимся его частямъ, уже можно судить объ изяществѣ его постройки. Онъ состоитъ изъ круглаго бассейна, сдѣланнаго изъ вытесаннаго камня, на которомъ высѣчены различныя фигуры. Посреди бассейна, который сохранился въ цѣлости, стоитъ левъ и изъ его пасти течетъ вода. Надъ бассейномъ находится навѣсъ, поддерживаемый мраморными колоннами, которыя украшены статуями. Впрочемъ, навѣсъ во многихъ мѣстахъ обрушился. Этотъ фонтанъ былъ построенъ въ 1435 году архитекторомъ Онуфріемъ Джордано, уроженцемъ Неаполя. Дубровницкое вѣче весьма щедро наградило строителя. Такъ ему былъ подаренъ домъ въ городѣ, выдана была изъ казначейства денежная награда въ 8,250 дукатовъ и было дозволено получать безпошлинно вина изъ-за границы. Вода въ этомъ фонтанѣ проведена изъ источника Шумето, протекающаго по живописной долинѣ того же имени и лежащаго отъ города въ восьми верстахъ разстоянія. Вблизи фонтана нѣкогда находился большой женскій монастырь во имя св. Клары, который,

въ позднѣйшее время, какъ мы выше замѣтили, былъ обращенъ въ казармы. Фонтанъ, находящійся вблизи Рыбарскихъ воротъ, былъ построенъ въ 1438 году: на немъ вырѣзана надпись, гдѣ значится имя строителя. Эти два фонтана снабжаютъ весь городъ въ избыткѣ весьма здоровою водой, чѣмъ не каждый городъ въ Далмаціи можетъ похвастаться. Мы не считаемъ лишнимъ при этомъ замѣтить, что въ городѣ Дубровникѣ есть сберегательная касса (cassa di risparmio), которая является настоящимъ благодѣяніемъ для бѣднаго класса мѣстнаго населенія.

Еслибы кто пожелалъ судить о состояніи прежняго Дубровника по нынѣшнему его виду, то онъ пришелъ бы, какъ мы выше замѣтили, къ совершенно превратнымъ и фальшивымъ заключеніямъ. Точно также если кто по историческимъ памятникамъ изучалъ бы бытъ дубровчанъ тѣхъ временъ, когда ихъ территорія составляла независимое государство и пожелалъ бы, на основаніи этихъ данныхъ, вывести заключеніе о политико-экономическихъ условіяхъ, при которыхъ находятся теперешніе дубровчане, то въ своихъ выводахъ и заключеніяхъ онъ бы также сильно ошибся. Со времени паденія дубровницкой республики т. е. въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, Дубровникъ почти утратилъ все то, чѣмъ нѣкогда онъ гордился: свободу и богатство, науку и искуство, торговлю и промышленность, общественное управленіе и народные обычаи. Западно-европейскій матеріализмъ, австрійское бюрократство и итальянская легкомысленность съ ея деморализаціей проникли въ жизнь потомковъ древнихъ свободныхъ дубровницкихъ гражданъ. Впрочемъ, того и слѣдовало ожидать. Дубровницкія аристократическія фамиліи разъѣхались въ разныя стороны, а многія изъ этихъ фамилій навсегда поселились за границей, вдали отъ своей родины; остальная же часть мѣстнаго населенія — граждане и простой народъ, предоставленные самимъ себѣ, незамѣтно поддались вліянію чуждыхъ имъ элементовъ.

Мужское поколѣніе Дубровника, который былъ родиной извѣстнаго юго-славянскаго писателя Ивана Гундулича и многихъ другихъ славянскихъ ученыхъ и писателей, стало воспитываться въ итальянскихъ и полуитальянскихъ школахъ, а черезъ то само

постепенно утрачивать тотъ патріотизмъ, который нѣкогда служилъ твердымъ камнемъ древней независимости и свободы дубровницкихъ гражданъ. Древніе дубровницкіе аристократы охотно отдавались общественной жизни, тогда какъ ихъ потомки, еще не покинувшіе своей родины, выродились въ какихъ то узкихъ эгоистовъ, для которыхъ общество невыносимо, а мысли и чувства, которыя являются важною артеріей въ развитіи внутреннихъ силъ народа, имъ вполнѣ чужды. Однимъ словомъ, дубровницкая аристократія, которая въ настоящее время крайне малочисленна и очень бѣдна, держитъ себя въ сторонѣ отъ остальной части мѣстнаго населенія, а вслѣдствіе этого и влачитъ самое безотрадное существованіе. Жизнь домашняя и семейная нынѣшняго дубровчанина, по примѣру итальянца, превратилась въ городскую и трактирную. Языкъ итальянскій вытѣснилъ изъ употребленія языкъ славянскій; только, въ послѣднее время, снова стала слышаться въ Дубровникѣ славянская рѣчь. Впрочемъ, языкъ итальянскій все-таки остается языкомъ салоннымъ.

Въ женскомъ поколѣніи Дубровника также произошла замѣтная перемѣна. Благодаря своему воспитанію и образованію, прежнія дубровчанки высоко держали знамя славянской народности. Нѣкоторыя изъ нихъ занимали видное мѣсто въ юго-славянскомъ литературномъ кружкѣ. Подъ нравственнымъ давленіемъ новыхъ доктринъ, быстро охватившихъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія весь материкъ Европы и нашедшихъ себѣ удобную почву даже въ Дубровникѣ, стала постепенно ослабѣвать связь, нѣкогда прочно соединившая дубровчанокъ съ ихъ народностью. Ультрамонтанскія тенденціи нынѣшняго женскаго поколѣнія служатъ главною отличительною его чертою. Впрочемъ само мѣстное римско-католическое духовенство весьма энергично поддерживаетъ въ немъ такое настроеніе духа, часто устроивая съ этою цѣлью различныя религіозныя церемоніи. При этомъ въ выгодѣ одно духовенство, такъ какъ оно, благодаря этимъ процессіямъ, имѣетъ неизсякаемый, вѣрный источникъ своихъ доходовъ.

Путешественнику въ первый разъ посѣтившему Дубровникъ, не можетъ не показаться страннымъ, что двери въ комнатахъ не

запираются на ключъ; въ нихъ не имѣется ни замковъ, ни ключей. Если не свѣдущій путешественникъ обратится къ квартирной хозяйкѣ съ вопросомъ: «чѣмъ запереть дверь?», то обыкновенно получаетъ слѣдующій отвѣтъ: «господинъ, вамъ этого не нужно; не забудьте того, что вы въ Дубровникѣ; васъ никто здѣсь не обокрадетъ». Дѣйствительно, дубровчане отличаются удивительною честностью: неслыханная вещь въ Дубровникѣ, чтобы кто-либо тамъ былъ обокраденъ. Нельзя при этомъ не вспомнить, что древнимъ славянамъ, по словамъ современныхъ писателей, не были извѣстны ни воровство, ни кража. И до сихъ поръ, существуетъ въ Дубровникѣ обычай, что если кто-либо потеряетъ или найдетъ, то спѣшитъ взять слѣпаго, который начинаетъ тогда ходить по городу изъ дома въ домъ, громко заявляя: «кто нашелъ потерянную вещь (подробно описывая именно какую) или кто потерялъ такую-то вещь, которая найдена? Обыкновенно эти поиски увѣнчиваются успѣхомъ. Вообще, блюстителямъ благочинія въ Дубровникѣ не представляется много дѣла.

Мы не можемъ не обратить вниманія читателя еще на одну отличительную черту жителей Дубровника: они весьма опрятны. Стоитъ посмотрѣть въ какой чистотѣ содержатся всѣ улицы Дубровника. Въ этомъ отношеніи Дубровникъ составляетъ рѣзкій контрастъ, какъ съ городами Италіи, такъ и съ объитальянившимися городами Далмаціи.

Съ восточной стороны города расположено его предмѣстье Плоче. На городскихъ воротахъ, ведущихъ въ предмѣстье, находится статуя св. Власія, которая замѣчательна по художественной отдѣлкѣ. Въ Плоче находится довольно пространная площадь, на которой разъ въ недѣлю происходитъ базаръ. Эта площадь какъ бы предназначена служить границей между восточнымъ варварствомъ и западною культурой. Здѣсь можно встрѣтить цѣлые караваны турокъ и христіанъ, пріѣзжающихъ изъ Герцеговины и Босніи въ Дубровникъ по торговымъ дѣламъ и натолкнуться на толпу набожныхъ мусульманъ, обыкновенно черезъ Дубровникъ отправляющихся въ Мекку. Если кто пожелаетъ хоть нѣсколько познакомиться съ востокомъ, тотъ долженъ непременно посѣтить

эту площадь; между прочимъ, онъ наглядно можетъ видѣть насколько славяне-христіане позаимствовали и свои обычаи и свою одежду отъ османлы-мусульманъ. Мѣсто это можетъ также служить хорошею школой для славянскаго лингвиста. На площади находится постоялый дворъ (караванъ-сарай), который отворяетъ свои двери подобнаго рода путешественникамъ послѣ того, какъ они, по установленному порядку, выдержатъ на границѣ Плоче карантинъ. Мы не можемъ при этомъ не замѣтить, что изъ Плоче вдоль приморья пролегаетъ черезъ Цавтатъ, Ноби и Рисань дорога въ Которъ. Впрочемъ по этому пути рѣдко отправляются въ Которъ. Переправа изъ Дубровника въ Которъ обыкновенно совершается на пароходахъ Ллойда.

VII.

Окрестности Дубровника: Вишница; Бетина Спилья; бенедиктинскій монастырь Жупа: ея мѣстоположеніе и достопримѣчательности. Рѣка: ея мѣстоположеніе; утесъ стрижено-кошено; вилинская Спилья. Характеристическія особенности населенія окрестностей Дубровника. Цавтатъ. Коновлянская долина. Суторино.

Окрестности Дубровника крайне живописны. Въ получасовомъ разстояніи отъ города, по направленію къ югу, лежитъ въ живописной мѣстности селеніе «Вишница», скрывающееся, можно сказать, среди масличныхъ деревьевъ. Дорога изъ предмѣстья Плоче въ селеніе «Вишница» проходитъ по равнинѣ. Приходится проѣзжать мимо небольшаго домика, гдѣ въ XVI ст. жилъ извѣстный математикъ и астрономъ Маро Гетальдичъ, уроженецъ Дубровника. Вблизи этого дома находится глубокая и довольно пространная пещера, извѣстная подъ именемъ «Бетина Спилья». Изъ этой-то пещеры Маро Гетальдичъ слѣдилъ за движеніемъ звѣздъ и планетъ. Здѣсь онъ производилъ различные опыты съ помощью зажигательнаго стекла и вообще дѣлалъ отсюда всесторонніе на-

блюденія надъ явленіями, происходящими на небѣ и на землѣ. Народъ говорилъ о немъ, какъ о волшебникѣ, который одаренъ способностью предсказывать по звѣздамъ будущее, повелѣвать всѣми животными, а съ помощью зажигательнаго стекла, сожигать рыбацкія лодки. Въ силу этого народнаго предразсудка, рыбаки обыкновенно занимались своимъ промысломъ на почтительномъ разстояніи отъ этой пещеры. Даже и теперь селянинъ неохотно къ ней приближается. Въ селеніи «Вишница» нѣкогда находился бенедиктинскій монастырь съ церковью во имя св. Іакова, а въ настоящее время въ немъ помѣщаются богадѣльня и гостинница. Въ бывшей монастырской церкви обращаетъ на себя вниманіе образъ св. Іакова: онъ принадлежитъ кисти дубровницкаго художника Петра Матея; въ церкви погребенъ послѣдній дубровницкій великій князь Джержичъ.

На югъ отъ Дубровника идетъ великолѣпная дорога, усѣянная по обѣимъ сторонамъ красивыми дачами. Эти дачи утопаютъ въ садахъ, гдѣ тропическія растенія зеленѣютъ круглый годъ: тамъ встрѣчаются масличныя, кипарисовыя и апельсиновыя деревья. Такая дорога тянется на три четверти часа пути вплоть до Дубаца, гдѣ находится церковь во имя св. Стефана, построенная еще въ XIV ст. Начиная отъ Дубаца дорога входитъ въ скалы столь высокія, что на ней темновато даже днемъ. Этотъ «скалистый» путь ведетъ къ великолѣпной долинѣ Жупѣ (Breno). Долина эта, гдѣ нѣкогда были расположены два города Спиланъ и Градацъ, отъ которыхъ не сохранилось никакихъ слѣдовъ, была подарена дубровницкой общинѣ, какъ мы выше замѣтили, хорватскимъ правителемъ Степаномъ I. Села, деревни и дачи, окруженныя садами, южныя растенія, здоровый климатъ, благорастворенный воздухъ, плодородная почва: словомъ природа не пожалѣла своихъ даровъ, чтобы сдѣлать жупанскую долину прелестнѣйшимъ уголкомъ въ мірѣ. Въ Жупѣ находится доминиканскій монастырь, который въ настоящее время крайне запущенъ. Въ монастырской церкви есть два замѣчательныхъ образа: св. Доминика, писанный художникомъ Карпели, и Сошествіе св. Духа—работа художника Пруццины. Жупанская долина ведетъ къ турецкой границѣ: черезъ эту долину пролегаетъ

дорога изъ Дубровника въ Требинье. Сама природа какъ бы опредѣлила турецкую границу: за жупанскою долиной панорама мѣняется довольно рѣзко, начинается песокъ, камень, скалы. Мы не считаемъ лишнимъ замѣтить, что въ долинѣ Жупѣ есть мѣстность, которая носитъ названіе «Ильина Главица»: здѣсь-то находится вилла князя Медо-Пучича.

По берегу гавани идетъ хорошая и широкая дорога въ живописную долину «Рѣка» (Ombla), по которой протекаетъ рѣчка того-же имени. На берегу моря, вблизи устья рѣчки «Рѣка», лежатъ два села: по правую сторону село Сустиванъ, а по лѣвую—село Мокошице. Тамъ же на берегу моря лежитъ крѣпостца «Annunziate». Немного далѣе лежатъ дачи дубровницкихъ жителей—Бунича, Заманья и Гучетича, окруженныя самою роскошною растительностью. Вблизи ихъ находится утесъ, который носитъ названіе: «Стрижено-кошено». О происхожденіи этого смѣшнаго названія утеса народъ разсказываетъ слѣдующее: «какъ-то разъ одинъ мужъ, придя съ своею женой къ этому мѣсту, заспорилъ о томъ: трава стрижена или кошена? Мужъ утверждалъ, что она кошена; жена настойчиво доказывала, что стрижена; мужъ съ досады бросилъ съ утеса жену въ воду, но она, утопая, не переставала твердить, что трава стрижена». Вблизи этого утеса лежитъ село Чайковичи: это село со всѣхъ сторонъ окружено столь высокими горами и скалами, что лучъ солнца никогда не западаетъ въ эту мѣстность, такъ что она постоянно находится въ тѣни. Въ скалѣ, стоящей надъ селомъ Чайковичи, находится углубленіе, которому народъ далъ названіе: «Вилинская Спиля». По народному понятію тамъ нѣкогда жили вилы. Не много далѣе находится на половину разрушенный францисканскій монастырь, построенный еще въ XIV ст. Монастырское зданіе значительно пострадало отъ землетрясенія, бывшаго въ 1667 году; въ цѣлости сохранилась только колокольня. Тамъ находится не мало надгробныхъ памятниковъ: нѣкоторые изъ нихъ относятся къ XVI и XVII ст. Поднимаясь далѣе по «Рѣкѣ», мы встрѣчаемъ вдоль берега много дачъ дубровчанъ, а на одной изъ возвышенностей бѣлѣется часовня во имя св. Троицы, вокругъ которой растутъ кипарисы.

Вообще, долина «Рѣка» представляетъ крайне роскошную растительность: олеандры растутъ здѣсь на открытомъ воздухѣ и достигаютъ громадныхъ размѣровъ; кактусы, кипарисы, лимонныя и маслиничныя деревья попадаются здѣсь въ изобиліи.

Говоря объ окрестностяхъ Дубровника, мы не можемъ не упомянуть при этомъ о нѣкоторыхъ отличительныхъ чертахъ ихъ жителей. Если, напримѣръ, простой селянинъ изъ окрестностей Дубровника отправляется въ городъ, то всегда надѣваетъ новое свое платье, а поселянки обыкновенно идутъ въ городъ босикомъ, а вблизи городскихъ воротъ надѣваютъ чистые чулки и башмаки. Жители окрестностей Дубровника отправляются въ городъ либо пѣшкомъ, либо верхомъ на лошадяхъ или на ослахъ; а тяжести обыкновенно носятъ женщины, а иногда онѣ ихъ возятъ на ослахъ, такъ что въ окрестностяхъ Дубровника нельзя встрѣтить телѣгъ. Въ былое время окрестные жители для переноски тяжестей употребляли носилки, а теперь о нихъ и помину нѣтъ. Ежегодная ярмарка, которая происходитъ въ Дубровникѣ 22-го января (3-го февраля), привлекаетъ въ городъ массы жителей изъ его окрестностей.

Въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ Жупанской долины по направленію на юго-западъ бѣлѣется на берегу моря небольшой городокъ Цавтатъ (Ragusa-Vecchia), гдѣ около 1000 жителей. Въ городѣ есть римско-католическая церковь и торговая площадь. На этомъ мѣстѣ нѣкогда лежалъ славный въ древности городъ «Epidaurus», основанный греками въ IV ст. до Рожд. Христова. Объ этой отдаленной эпохѣ напоминаютъ находящіяся здѣсь развалины водопровода. Отъ города Цавтата по направленію къ Суторину идетъ почтовая дорога, которая пролегаетъ черезъ Коновльянскую равнину, а по ней протекаетъ потокъ Конаварь. На пути встрѣчаются села—Груде, гдѣ есть римско-католическая церковь и Плочице. Вдоль границъ Суторино тянется австрійскій военный кордонъ.

Если отправляешься изъ Цавтата моремъ, то вплоть до залива Которскаго (Bocca di Cattaro) не встрѣчаются на пути ни города, ни села, ни даже острова. Вообще, побережье въ этой части

Далмаціи производитъ весьма грустное впечатлѣніе на путешественника. Угрюмо стоитъ возвышенность «Ильинъ-верхъ»: на ней находится довольно много древнихъ славянскихъ надгробныхъ памятниковъ, поставленныхъ изъ четвероугольныхъ плитъ, а на этихъ плитахъ сохранились разнаго рода изображенія, какъ-то: сѣкиры, кресты и т. п. Народъ разсказываетъ, что вблизи села Польицы изъ подъ такихъ надгробныхъ плитъ чья-то невидимая рука кидаетъ каменья. Которскій заливъ знаменитъ своимъ прошлымъ, богатъ историческими воспоминаніями. Въ теченіе многихъ вѣковъ боролись здѣсь за господство греки и римляне, славяне и венеціанцы, арабы, венгры, генуезцы, испанцы, французы, русскіе и англичане. Хорватскіе, сербскіе и боснійскіе короли на время овладѣвали этимъ краемъ; но ни у одного изъ нихъ не хватало на столько ума и прозорливости, чтобы войти въ соглашеніе со всѣми славянскими племенами и совокупными силами возстановить твердую ограду противъ стремленій иноземныхъ элементовъ къ упроченію въ этомъ краѣ своей власти. Сильный царь Душанъ, владѣя которскимъ заливомъ и адріатическимъ побережьемъ, не придавалъ особой важности своимъ приморскимъ владѣніямъ. Такъ, мы видимъ, что онъ ничуть не думалъ объ упроченіи своей власти на морѣ, а вслѣдствіе этого и былъ вынужденъ заискивать расположенія и дружбы у коварныхъ венеціанцевъ, которые, въ концѣ концевъ, овладѣли всѣмъ этимъ побережьемъ. Которскій заливъ переполненъ разнаго рода укрѣпленіями, фортами, баттареями и крѣпостями; но, во время войны, они не могутъ дать никакого серьёзнаго отпора непріятельскому дессанту или оказывать противодѣйствіе внутреннему возстанію. Прибрежные жители искони славятся своею привязанностью къ морскому дѣлу: постранствовавъ по дальнимъ морямъ и составивъ себѣ небольшой капиталецъ, они возвращаются къ себѣ на родину и строятъ себѣ домикъ. Такихъ домиковъ встрѣчается много вдоль залива; но подальше отъ берега заливъ не обстроенъ.

Входъ въ Которскій заливъ весьма узокъ. При входѣ въ заливъ съ моря лежитъ нѣсколько австрійскихъ укрѣпленій. Такъ съ лѣвой стороны на материкѣ лежитъ укрѣпленіе «Punta d'Ostro», а съ правой—крѣпостца «Mamula». Вблизи отъ нихъ виднѣется боль-

шой островъ «Фаницца», на которомъ находится фортъ «Maldina», а немного поодаль лежатъ два утесистыхъ островка «Рондина» и «Мартелло», на которыхъ также находятся укрѣпленія.

Налѣво отъ входа идетъ узкая полоса турецкой территоріи, извѣстная подъ именемъ «Суторино». Мы должны замѣтить, что двѣ узкія полосы земли, изъ которыхъ одна идетъ изъ Герцеговины въ которскій заливъ и носитъ названіе «Суторино», а другая тянется изъ Герцеговины прямо къ Адріатическому морю и извѣстна подъ именемъ «Клекъ», принадлежатъ Турціи. Теперь посмотримъ, при какихъ условіяхъ Турція пріобрѣла означенныя полосы далматинской территоріи. Коммерческія дѣйствія Венеціи постоянно парализировались торговою политикой дубровчанъ. Поэтому-то Венеція и порѣшила уничтожить торговлю своихъ соперниковъ, посредствомъ самой обширной конкурренціи. Для этой цѣли Венеція выбрала два порта, очень удобные для торговли, какъ-то: Клекскій и Суторинскій. Планъ Венеціи былъ хорошо задуманъ и дубровницкая торговля должна бы была непремѣнно погибнуть. Маленькая дубровницкая республика, видя, что венеціанская республика, захвативъ въ свои руки все далматинское прибрежье, намѣрено теперь овладѣть и пограничными пунктами ея территоріи, поспѣшила вступить въ переговоры съ Турціей, которая была, въ то время, сильнѣйшей изъ сосѣднихъ державъ. Въ силу тайнаго договора, заключеннаго въ 1699 году между правительствами дубровницкимъ и турецкимъ, Турція пріобрѣла порты Клекъ и Суторино, впрочемъ съ условіемъ, что она не будетъ пользоваться этими портами ни для коммерческихъ, ни для военныхъ цѣлей. Клекъ и Суторино сдѣлались нейтральною территоріей между венеціанскими и дубровницкими владѣніями. По паденіи дубровницкой республики, французское правительство утвердило за Турціей обладаніе Клекомъ и Суторино съ полосами, къ нимъ ведущими. Какъ извѣстно, по вѣнскому договору, Далмація была присоединена къ Австріи и тогда впервые былъ поднятъ вопросъ о клекской и суторинской полосахъ земли.

Турція упорно стояла за обладаніе этими полосами. Тогда Австрія постаралась сдѣлать эти полосы возможно болѣе безполезными для Турціи и безвредными для Австріи. Особымъ договоромъ,

заключеннымъ въ 1815 году, было, между прочимъ, поставлено, что суторинскій и клекскій анклавы составляютъ турецкую территорію и только море, орошающее этотъ анклавъ, какъ «mare clausum», принадлежитъ Австріи. Такимъ образомъ ни одно иностранное судно, въ томъ числѣ турецкое, не имѣетъ права, безъ особаго каждый разъ испрашиваемаго разрѣшенія австрійскихъ властей, войти въ эти гавани. Такимъ образомъ Порта могла пользоваться Клекомъ и Суторино только съ сухаго пути, а не съ моря. Въ 1850 году, прибылъ въ Суторино турецкій пароходъ-фрегатъ съ дессантомъ въ 1,400 человѣкъ, для подкрѣпленія арміи Омеръ-паши. Войско это, высадившись въ Суторино, отправилось черезъ эту мѣстность въ Требинье противъ возставшихъ, въ то время, герцеговинскихъ славянъ. Въ январѣ 1851 года австрійское правительство протестовало противъ нарушенія Турціей договора 1815 года, о которомъ мы выше говорили. Не получивъ со стороны Оттоманской Порты удовлетворительнаго отвѣта, Австрія, въ апрѣлѣ 1852 года, сочла нужнымъ отправить свои военныя суда и даже войска на границу Клека и въ томъ же году было приступлено къ возведенію укрѣпленій при входѣ въ Которскій заливъ, о которыхъ мы говорили, а самый заливъ былъ сдѣланъ военнымъ портомъ. Турція, съ своей стороны, тоже хотѣла укрѣпить „Punta Kobila“ въ Суторино, но Австрія этому сильно воспротивилась. Въ началѣ 1853 года, когда Портѣ нуженъ былъ вѣрнѣйшій союзникъ въ виду собиравшейся надъ нею грозы, Австрія прислала въ Константинополь фельдмаршала-лейтенанта графа Лейнингена, который, между прочимъ, имѣлъ порученіе выхлопотать въ Портѣ утвержденіе договора относительно Клека и Суторино. Турція, хотя и не уступала этихъ портовъ Австріи, дозволила императорскому правительству пользоваться этапными дорогами на турецкой территоріи, по которымъ Австрія получила право передвиженія даже военныхъ силъ въ случаѣ надобности. Приэтомъ Турція отказалась отъ своихъ владѣльческихъ правъ на Клекъ и Суторино. Въ силу этого договора, Порта встала въ прямую и тяжелую зависимость отъ Австріи. Дѣйствительно, мы видимъ, что при всякой отправкѣ турецкихъ войскъ въ Герцеговину, между Австріей и Турціей начинаются безконечныя объясненія, какъ только Турція поже-

лаетъ высадить свои войска или вывести военные и боевые припасы въ эти порты. Турція обязана теперь предварительно испрашивать у Австріи дозволеніе на то, чтобы не нарушить правъ нейтральной территоріи.

VIII.

Нови: его исторія. Описаніе Которскаго залива отъ Нови до Рисаня. Общины— Кривошеи и Ульи. Перасто. Доброта. Которъ: постройка города и его исторія; достопримѣчательности города; значеніе Котора въ торговомъ отношеніи. Описаніе пути изъ Котора въ Будву. Исторія Будвы. Кастель-Ластва.

Рядомъ съ Суторино лежитъ австрійскій городокъ Нови (Castelnuovo), прилѣпившійся къ скаламъ, опоясывающимъ берега залива. Въ римскія времена, этотъ городокъ былъ извѣстенъ подъ именемъ «Neo-castrum». Сербскій король Твердко I укрѣпилъ этотъ городокъ, съ цѣлью защитить заливъ отъ непріятельскихъ вторженій. Герцогъ Степанъ, тотъ самый, который далъ Герцеговинѣ настоящее свое названіе, возобновилъ укрѣпленія, построенныя Твердко I. Вскорѣ послѣ смерти Степана, городъ Нови въ 1687 году перешелъ во власть венеціанцевъ. Венеціанцы окружили городъ толстыми стѣнами, выстроили въ немъ значительныя укрѣпленія, съ цѣлію оградить свои владѣнія отъ вторженія турокъ. Какъ городская стѣна, такъ и часть этихъ укрѣпленій сохранилась и по настоящее время. Вблизи города на сѣверо-восточной его окраинѣ, австрійцы выстроили небольшую крѣпость «Forte Spagnuolo»; съ другой стороны находится селеніе «Мелина» съ гаванью, которая служитъ хорошею стоянкой для австрійскихъ военныхъ судовъ. Въ мѣстечкѣ Мелинѣ находится военный госпиталь. Въ городѣ Нови считается не болѣе 2,000 жителей; они извѣстны своею смѣлостью и отвагою.

Отъ города Нови, Которскій заливъ круто поворачиваетъ на юго-востокъ. По обѣимъ его сторонамъ лежатъ селенія: съ лѣвой стороны — «Зеленика», «Кумбуръ» (гдѣ православная церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы), «Столе», «Баошичь»

(гдѣ православная церковь во имя св. Николая Чудотворца), «Бѣла» (Віанса) (гдѣ находится православная церковь во имя положенія ризы и пояса Пресвятой Богородицы, ея постройка относится ко времени царя Душана); съ правой же стороны лежитъ селеніе «Лушница;» всѣ эти селенія болѣе или менѣе знамениты въ исторіи хорватско-сербскаго народа. Затѣмъ, заливъ идетъ по направленію на сѣверо-востокъ и обстроенъ по обѣимъ сторонамъ: съ лѣвой стороны лежитъ мѣстность, которая съ давняго времени извѣстна подъ общимъ именемъ «Камено». Названіе этой мѣстности, по всей вѣроятности, произошло отъ качества почвы. Дѣйствительно, все пространство, занимаемое этою мѣстностью, покрыто каменьями, имѣющими форму куринаго яйца. Принявши во вниманіе то обстоятельство, что на всемъ пространствѣ, начиная съ морскаго берега и оканчивая означенною мѣстностью, встрѣчаются окаменѣлости морскихъ раковинъ, можно предполагать, что и мѣстность «Камено» была нѣкогда покрыта водою. Много связано преданій съ находящимися на этой мѣстности возвышенностями: «Тайно-брдо», «Яловый Градъ», «Юнаковъ-до», «Дѣвоячке-греде» и «Црквина». Эти преданія объясняютъ происхожденіе этихъ странныхъ названій. Такъ въ 1687 году, черногорцы пришли на помощь венеціанскому генералу Корнеру, который осаждалъ городъ Нови, занятый турками. Удачная аттака венеціанскаго генерала заставила турокъ оставить занятый ими городъ. Во время преслѣдованія турокъ, черногорцы, засѣвшіе вблизи одной возвышенности, неожиданно напали на бѣгущихъ и много порубили турокъ; съ того времени эта возвышенность носитъ названіе «Тайно-брдо» (тайная гора). Вблизи отъ этой возвышенности лежитъ еще другая возвышенность «Яловый градъ»: во время войны турокъ съ венеціанцами находилось здѣсь въ засадѣ большое венеціанское войско; по разбитіи турокъ, оно оставило мѣсто своей засады, отъ чего и самое мѣсто стало называться «Яловымъ градомъ» (укрѣпленіе ъ празднымъ, т. е. оставленнымъ войсками). На мѣстѣ, которое теперь называется «юнаковъ-до» (долина героевъ), въ былые дни встрѣтились двѣ невѣсты, которыя, въ сопровожденіи своихъ сватовъ, въѣхали туда съ двухъ противоположныхъ сторонъ: сваты одной изъ нихъ не

хотѣли дать дороги сватамъ другой; завязалась крупная ссора; сваты схватились за сабли и перерѣзали другъ друга. По этой-то причинѣ означенная возвышенность получила названіе „юнаковъ-до“ (долина героевъ). Двѣ невѣсты, при видѣ этой рѣзни, съ отчаянія бросились съ ближайшей каменистой возвышенности, которая стала съ тѣхъ поръ называться «Дѣвоячка-греда» (каменная стѣна дѣвушекъ). Обезображенные трупы ихъ были подняты ихъ родными и погребены на одной изъ близь находящихся возвышенностей, получившей названіе «Црквина», отъ построенной на этомъ мѣстѣ церкви. Въ мѣстности «Камено» лежатъ 4 села съ сербскимъ поселеніемъ въ 430 душъ: Дражевичъ (гдѣ православная церковь во имя св. архидіакона Стефана), Забрдже (православная церковь во имя св. Николая Чудотворца), Пипери (православная церковь рождества св. Іоанна Предтечи) и Нугаль. Вблизи мѣстности «Камено» лежатъ на берегу залива селенія: «Святая Недѣля» съ древнею церковью, построенною въ византійскомъ стилѣ и на половину осадившеюся въ землю и «Джюричи», а съ правой—селенія «Тиваде» (Teodo), «Ластва» (Lastua) и «Лепетани». Всѣ эти селенія расположены въ крайне-живописной мѣстности: онѣ смотрятся въ воды залива какъ бы съ тѣмъ, чтобы налюбоваться своею красотой. Вдоль берега, тянутся лѣса оливковыхъ деревьевъ, а за ними высоко подымаются горные кряжи—«Оріашке», «Орьевъ», «Велья Греда», «Вермацъ», которые, вмѣстѣ съ горою Ловченъ, составляя чудный хороводъ, гордо красуются надъ голубымъ моремъ. Дѣйствительно сама природа постаралась придать особую прелесть Которскому заливу и въ теченіи шести-часоваго плаванія по немъ на каждомъ шагу нельзя не восхищаться чудесною панорамой, которая передъ вами открывается.

Въ самомъ узкомъ мѣстѣ залива лежитъ селеніе «Вериги» *), гдѣ находятся два полуразрушенныхъ укрѣпленія. По сохранившемуся преданію, это узкое мѣсто получило свое названіе отъ того, что во время владычества тамъ венеціанцевъ, оно замыкалось цѣпями,

*) Верига—цѣпь.

которыя были прокладываемы на противоположный берегъ залива къ городу Перасто съ цѣлью воспрепятствовать пиратамъ входъ въ юго-восточныя части залива. Со временемъ же и самому населенію было дано названіе «Вериги». Чѣмъ далѣе ѣдешь по заливу, тѣмъ болѣе восхищаешься живописностью его положенія. Онъ идетъ крутыми извилинами, каждая изъ которыхъ образуетъ, въ свою очередь, заливы меньшихъ размѣровъ. При одномъ изъ этихъ заливовъ въ очаровательной мѣстности лежитъ небольшой городъ Рисань (Risano). Въ 1649 году городъ этотъ перешелъ отъ турокъ во власть венеціанцевъ. Въ городѣ считается до 1,000 жителей, которые вообще славятся своею отвагою и неустрашимостью. Народный костюмъ мѣстныхъ жителей весьма красивъ и крайне оригиналенъ. Въ городѣ есть православная церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла. Вдоль лѣвой стороны залива тянется лѣсъ лавровыхъ деревьевъ. Далѣе, по направленію къ сѣверо-западу, проходятъ каменистыя горы, на которыхъ расположены общины «Кривошеи» и «Убли». На пути въ «Кривошеи», встрѣчается крѣпостца Леденице и равнина Дврзно, которая лежитъ на 3,000 футовъ надъ уровнемъ моря; а въ самой мѣстности «Кривошеи»—крѣпостца Драгаль. Въ общинѣ Кривошеи—10 селъ, православное населеніе которыхъ доходитъ до 1,055 душъ: въ селѣ Поньицѣ находится приходская православная церковь во имя св. Параскевы; притомъ есть еще двѣ филіальныя церкви во имя св. Іоанна Крестителя (въ селѣ Звечавѣ) и во имя Рождества Пресвятой Богородицы (въ селѣ Маловдо). Въ общинѣ «Убли» два села съ православнымъ населеніемъ въ 597 душъ. Въ селеніи Убли есть православная приходская церковь во имя св. великомученика Георгія и филіальная церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Мы не считаемъ лишнимъ при этомъ замѣтить, что мѣстность «Кривошеи» получила названіе, по всей вѣроятности, отъ того, что тамошніе жители и, по настоящее время имѣютъ кривыя шеи. Эта маленькая горная община въ 1869—70 годахъ торжествовала побѣды надъ австрійскими войсками и побудила кабинетъ Гискры-Гербста къ кнезлакскому миру, въ силу котораго австрійское правительство согласилось на требованія означенной общины.

лишь одинъ народъ съ своимъ патріархомъ, которымъ былъ въ то время Арсеній II-й. Вообще сербскіе патріархи являлись не только представителями сербской церкви и охранителями православія, но и защитниками гражданскихъ правъ сербскаго народа. Пока существовалъ сербскій патріархатъ, а слѣдовательно и самостоятельная, народная іерархія сербы, въ тяжелыя годины своего политическаго существованія, обыкновенно отдавали себя подъ защиту своихъ патріарховъ, которые являлись всегда заступниками сербскаго народа передъ турецкими властями. Такимъ образомъ установилась тѣсная связь между патріархомъ и народомъ, чему много способствовало и то, что турки, послѣ завладѣнія Сербіей, обложили сербскую патріархію налогами и отняли у нея церковныя имущества. Сербскій народъ долженъ былъ теперь на свои средства содержать своего патріарха.

По смерти Арсенія II, патріаршій престолъ занимали одинъ за другимъ: Ѳеодосій, Ѳеофанъ, Филиппъ и Павелъ; объ ихъ архипастырской дѣятельности не сохранилось никакихъ свѣдѣній. Въ 1558 году былъ выбранъ въ патріархи Макарій I. Онъ извѣстенъ, какъ особенно усердный поборникъ духовнаго просвѣщенія у сербовъ. Благодаря своему родству съ великимъ визиремъ Махометомъ Соколи, Макарій I успѣлъ добыть султанскій хати-шерифъ, въ силу котораго ему было дозволено возобновлять православные церкви и монастыри, разоренные турками. За тѣмъ слѣдуетъ рядъ патріарховъ, о дѣятельности которыхъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній; ихъ имена: Антоній, Савватій, Никаноръ и Іероѳей.

Въ 1592 году сербскимъ патріархомъ былъ поставленъ Іоаннъ: при немъ звѣрства турокъ приняли небывалые размѣры. Патріархъ былъ вынужденъ отправить въ 1606 году монаха Даніани фратера Доминика Андріановича къ правителю Штиріи Фердинанду, съ просьбой придти съ войскомъ для освобожденія Сербіи отъ турецкаго ига. Но ходатайство патріарха не увѣнчалось успѣхомъ. Онъ померъ въ Константинополѣ въ 1614 году. Преемникомъ патріарха Іоанна былъ Паисій, управлявшій сербскою церковію въ теченіе 32-хъ лѣтъ, т. е. съ 1614 по 1646 годъ. При немъ сербская церковь находилась въ крайне тяжеломъ состояніи. Турки обложили сербскую патріархію значи-

тельными налогами и совершали всевозможныя неистовства среди сербскаго населенія; такъ они подвергали жестокимъ преслѣдованіямъ священниковъ и монаховъ, разоряли православные монастыри и церкви и т. д. Въ 1641 году Паисій отправилъ скопльянскаго митрополита Симеона къ русскому царю Михаилу Ѳеодоровичу, съ просьбой дозволить монахамъ ипекскаго монастыря пріѣзжать черезъ каждые семь или восемь лѣтъ въ Москву для сбора тамъ денежныхъ пожертвованій въ пользу ипекской патріархіи. Ходатайство Паисія было уважено русскимъ правительствомъ.

Послѣ Паисія, сербскимъ патріархомъ былъ поставленъ Гавріилъ Раичъ. Желая помочь сербской патріархіи, которая крайне нуждалась въ денежныхъ средствахъ, онъ порѣшилъ отправиться въ Россію для сбора тамъ денежныхъ пожертвованій. Прибывъ въ Россію, онъ присутствовалъ на созванномъ въ Москвѣ въ 1655 году соборѣ, на которомъ принималъ участіе и антіохійскій патріархъ. Проживъ въ Россіи два года и собравъ, въ теченіи этого времени, довольно значительныя денежныя суммы, патріархъ Гавріилъ Раичъ вернулся затѣмъ къ себѣ на родину. Во время его отсутствія былъ поставленъ сербскимъ патріархомъ Максимъ. Желая сохранить за собою патріаршее достоинство, Максимъ обвинилъ передъ турецкими властями Гавріила въ измѣнѣ. Поэтому едва только Раичъ вернулся въ патріархію, какъ былъ вызванъ въ Константинополь, гдѣ его побуждали отказаться отъ христіанства и принять исламъ. Но такъ какъ онъ остался вѣренъ православію, то и былъ отправленъ въ заточеніе въ Бруссу, гдѣ въ 1659 году былъ повѣшенъ.

Патріархъ Максимъ старался съ одной стороны отдалить сербовъ отъ Россіи, а съ другой вступить въ дружественныя сношенія съ Австріей, предполагая, что съ помощью этой державы возможно будетъ освободить сербовъ изъ подъ ига турецкаго. Австрійское правительство, хорошо понимая, что, привлекши на свою сторону сербскаго патріарха, оно заручится черезъ то самое и расположеніемъ всего сербскаго народа, поспѣшило сблизиться съ патріархомъ Максимомъ, въ надеждѣ сдѣлать его современемъ орудіемъ своей политики. Въ скоромъ времени представился случай

австрійскому правительству сдѣлать сербскаго патріарха своимъ пособникомъ въ дѣлѣ выполненія своихъ тайныхъ плановъ. Патріархъ Максимъ отправился на богомолье въ Іерусалимъ. На обратномъ пути онъ заѣхалъ въ Константинополь, гдѣ, въ то время, агентомъ австрійскаго правительства былъ Кундсбергъ. Максимъ вступилъ въ тайные переговоры съ Кундсбергомъ, съ цѣлью составить планъ освобожденія сербовъ изъ подъ власти турокъ; по взаимному соглашенію было положено избрать въ сербскіе правители Юрія Бранковича, который въ то время находился въ Константинополѣ въ качествѣ буковинскаго агента. Патріархъ Максимъ въ сопровожденіи Юрія Бранковича и Кундсберга отправился изъ Константинополя въ Адріанополь, гдѣ въ 1663 году въ тамошней церкви былъ тайно совершенъ обрядъ вѣнчанія короною сербскаго правителя.

Австрійское правительство, относясь сочувственно къ стремленіямъ сербовъ освободиться изъ подъ ига турокъ, было, въ сущности, далеко отъ мысли помогать имъ въ дѣлѣ осуществленія ихъ завѣтныхъ желаній. Оно стремилось лишь къ тому, чтобы пріобрѣсти себѣ популярность среди сербовъ, чтобы найти въ нихъ себѣ хорошихъ союзниковъ на случай войны съ турками. Такимъ образомъ австрійское правительство преслѣдовало однѣ цѣли, а патріархъ съ сербскимъ народомъ—другія.

Юрій Бранковичъ, не посвященный въ тайны политики австрійскаго правительства, отправился изъ Андріанополя въ Вѣну, чтобы вступить въ личные переговоры съ императоромъ Леопольдомъ I и сообща комбинировать общій планъ военныхъ дѣйствій противъ турокъ. Во время пребыванія его въ Вѣнѣ былъ разработанъ слѣдующій общій планъ военныхъ дѣйствій: едва только австрійскія войска вступятъ въ турецкія владѣнія, Юрій Бранковичъ немедленно долженъ собрать до 30,000 ратниковъ; по мѣрѣ движенія австрійскаго войска во внутренность страны, число сербскихъ ратниковъ должно было увеличиться. Въ случаѣ, если турки будутъ изгнаны съ территоріи Балканскаго полуострова, восточныя его части должны были отойти къ Австріи. Императоръ Леопольдъ I выказалъ особое свое благоволеніе Юрію Бранковичу.

Въ 1683 году ему была пожалована грамота, въ которой говорилось: «Te Georgium Brancovich—in haereditate praesepecificatorum Herczegovinae, Syrmiae et Joannopolis (in qua nimirum Wlaskae et Batska continentur) districtum confirmandum-esse duximus». И такъ, въ силу означенной грамоты, было пожаловано Юрію Бранковичу достоинство сербскаго деспота. Въ томъ же году ему былъ данъ титулъ барона, въ 1688 году—графа венгерскаго, а позднѣе—князя Имперіи (Princeps imperii).

Въ 1688 австрійскія войска, подъ начальствомъ принца Баденскаго Людовика, покорили Боснію и вступили въ Сербію. Въ это время въ австрійскій лагерь явился Юрій Бранковичъ и заявилъ, что въ его распоряженіи находятся 30,000 сербовъ, которые готовы соединиться съ австрійскими войсками и что, по мѣрѣ того, какъ его войска будутъ подвигаться далѣе на югъ, число сербскихъ ратниковъ будетъ болѣе и болѣе возрастать. Принцъ Баденскій съ недовѣріемъ отнесся къ заявленію Юрія Бранковича, просилъ его ѣхать въ Смедерево, гдѣ и выжидать дальнѣйшихъ приказаній. Но едва только Юрій Бранковичъ прибылъ въ Смедерево, какъ былъ тамъ арестованъ. Въ 1689 году онъ былъ отправленъ въ Сибинь, а оттуда—въ Вѣну. Намъ неизвѣстно, какими побужденіями руководился принцъ Баденскій при арестованіи Юрія Бранковича, который много содѣйствовалъ успѣху австрійскаго оружія въ дѣйствіяхъ противъ турокъ. Дѣйствовалъ ли въ этомъ случаѣ принцъ Баденскій по личнымъ соображеніямъ или же въ силу инструкцій, полученныхъ изъ Вѣны, трудно рѣшить. Впрочемъ есть нѣкоторыя данныя, которыя убѣждаютъ насъ въ послѣднемъ предположеніи. Австрійское правительство постоянно опасалось, чтобы сербы не сплотились въ государственное цѣлое и такимъ образомъ не явились опасными для него сосѣдями. Принцъ Баденскій старался посѣвать раздоръ между сербскими воеводами, обѣщая каждому изъ нихъ достоинство деспота. Юрій Бранковичъ, который дѣйствительно стремился къ тому, чтобы сдѣлаться самостоятельнымъ правителемъ сербской земли, являлся, понятно, опаснымъ лицомъ въ глазахъ австрійскаго правительства. Сначала это послѣднее еще не было увѣрено въ томъ, будетъ ли его войско

съ успѣхомъ дѣйствовать противъ турокъ, поэтому и старалось привлечь на свою сторону Юрія Бранковича, какъ лице, пользовавшееся популярностью среди сербовъ. Одержавъ побѣду надъ турками въ Босніи, оно уже могло тогда сбросить съ себя маску и открыто заявить свои политическія стремленія по отношенію къ Юрію Бранковичу.

Въ 1681 году скончался патріархъ Максимъ. Преемникъ его, патріархъ Арсеній III Черноевичъ, въ сопровожденіи значительнаго числа сербовъ, переселился въ 1690 году въ Австрію. Это событіе было истиннымъ несчастіемъ для сербской націи. Правда, что сербская церковь находилась въ то время въ крайне бѣдственномъ состояніи: турки наложили большіе налоги на печскую патріархію; константинопольскіе патріархи строили всевозможныя козни, чтобы присвоить себѣ власть и надъ печскимъ патріархатомъ, паши и спахіи производили въ Сербіи самыя ужасныя звѣрства. Но все это являлось, можно сказать, временнымъ зломъ, отъ котораго сербскій народъ могъ надѣяться избавиться. Тяжелыя условія, въ какихъ находились въ то время сербы, должны были побудить патріарха Арсенія III, по примѣру своихъ предшественниковъ, вступить въ сношенія съ какимъ-либо сильнымъ государствомъ, какъ напримѣръ съ Австріей, но никакъ не должны бы побудить ихъ оставить свою родину и переселиться съ полумилліоннымъ населеніемъ изъ мѣстъ, которыя служили, такъ сказать, сердцемъ Сербіи. Это переселеніе сербовъ имѣло для сербскаго народа болѣе пагубныя послѣдствія, чѣмъ даже Коссовская битва. Послѣдняя уничтожила сербскую государственную независимость, но народъ остался въ ней когда ударилъ бы часъ свободы, сербскій народъ, сгруппированный въ одной большой массѣ, былъ бы въ состояніи однимъ дружнымъ натискомъ разбить оковы рабства и такимъ образомъ вторично появиться на политической аренѣ полнымъ жизненныхъ силъ. Съ переселеніемъ $^1|_9$ части сербовъ въ Австрію, внѣшнія условія оставшихся въ Турціи сербовъ должны были, понятно, совершенно измѣниться. Поэтому если въ виду грозившей лично патріарху Арсенію III опасности, сей послѣдній былъ вынужденъ переселиться въ Австрію, то во всякомъ случаѣ было съ

его стороны крайне неблагоразумно и непатріотично подстрекать сербовъ въ большихъ массахъ оставлять свою родину. Вообще сербскіе патріархи, жившіе во второй половинѣ XVII ст., нагляднымъ образомъ доказали свою неопытность и политическую незрѣлость, чѣмъ съумѣли воспользоваться враги сербовъ. Австрія, не успѣвъ овладѣть турецкими землями, лежавшими вдоль рѣки Савы и Дуная, начала въ концѣ XVII ст. слѣдовать уже иному пути по отношенію къ сербамъ турецкимъ: она подняла вопросъ о переселеніи турецкихъ сербовъ въ свои владѣнія, въ чемъ вполнѣ и успѣла.

Сербская церковь, сербское духовенство и вообще весь сербскій народъ дорого заплатили за измѣну патріарха Арсенія III по отношенію къ церкви и государству. Турки, сильно переполошенные сербскою эмиграціей, думали теперь лишь о томъ, какъ бы излить свою злобу на оставшихся въ Турціи сербахъ. Они начинаютъ разорять и сожигать православные монастыри и церкви; сербскіе духовные и міряне бывали вынуждаемы принимать исламъ. Константинопольскій патріархъ начинаетъ настойчиво дѣйствовать въ пользу соединенія печскаго патріархата съ константинопольскимъ и подчиненія сербской церкви греческому патріарху. По настоянію константинопольскаго патріарха былъ поставленъ въ 1696 году администраторомъ печской патріархіи нѣкто Каллиникъ I, грекъ по происхожденію, который прибылъ въ Печъ въ сопровожденіи двухъ греческихъ епископовъ. Число греческихъ епископовъ въ Сербіи стало возростать. И такъ сербы теперь находились подъ двойнымъ игомъ—греческихъ фанаріотовъ и турецкихъ пашей. Каллиникъ I не долго управлялъ патріархіей. Его преемникомъ былъ Аѳанасій I, а за нимъ Моисей, родомъ сербъ.

Еще при жизни патріарха Моисея, былъ созванъ соборъ, на которомъ въ 1725 году былъ выбранъ сербскимъ патріархомъ Арсеній IV Іоанновичъ (Шакабентъ); онъ былъ послѣднимъ патріархомъ свободной сербской іерархіи, учрежденной Стефаномъ Душаномъ. Поддавшись льстивымъ обѣщаніямъ австрійскаго правительства, Арсеній IV уговорилъ было многихъ сербовъ переселиться въ Австрію. Но на этотъ разъ эмиграція сербовъ не вполнѣ удалась: турки,

узнавъ о приготовленіяхъ къ ней, приняли надлежащія мѣры къ тому, чтобы она не осуществилась. Патріархъ съ нѣсколькими священниками успѣлъ переселиться въ Австрію, но большая часть послѣдовавшихъ за нимъ сербовъ или погибла отъ меча турокъ или была вынуждена вернуться на родину и тамъ испытать всѣ ужасы мученій. Бѣгство патріарха Арсенія IV въ Австрію такъ сильно озлобило турокъ противъ сербовъ, что симъ послѣднимъ не было дозволено выбрать себѣ новаго патріарха. По ходатайству константинопольскаго патріархата, печскимъ патріархомъ въ 1740 году былъ поставленъ Іоанникій III, родомъ грекъ; въ 1760 году онъ былъ перемѣщенъ на каѳедру константинопольскую.

Преемникомъ Іоанникія III былъ Аѳанасій II Гавриловичъ, родомъ сербъ изъ Скопьи. Онъ носилъ слѣдующій титулъ: «Аѳанасій, по милости Божіей, православный архіепископъ печскій, всѣхъ сербовъ, болгаровъ, Поморья, Далмаціи, Босніи, Хорватіи съ этой стороны Дуная и всей Имперіи патріархъ». Патріархъ Аѳанасій много заботился объ упроченіи православія въ сербской землѣ и о развитіи въ странѣ духовнаго просвѣщенія. По смерти его, патріаршую каѳедру занимали слѣдующія лица: Гавріилъ II, родомъ сербъ; Гавріилъ III, родомъ грекъ; Викентій—сербъ; Паисій II—сербъ; Кириллъ—грекъ; Гавріилъ IV—грекъ и Василій Бркичъ—сербъ. Послѣдній былъ заподозрѣнъ въ измѣнѣ и былъ отправленъ въ заточеніе на островъ Кипръ, откуда въ началѣ 1766 года бѣжалъ въ Черногорію.

Послѣ ссылки патріарха Василія Бркича, былъ присланъ изъ Константинополя въ Ипекъ Каллиникъ II, который, патріаршествовавъ 37 лѣтъ, и былъ послѣднимъ сербскимъ патріархомъ. Съ назначеніемъ Каллиника II печскимъ патріархомъ, греческій элементъ въ сербской патріархіи сильно окрѣпъ. Печская патріархія должна была уплатить большую денежную сумму турецкому правительству. Константинопольскій патріархъ Самуилъ I выразилъ турецкому правительству свою готовность уплатить означенную сумму, если ему будетъ дарованъ титулъ печскаго патріарха. Турецкое правительство отнеслось сочувственно къ этому предложенію. Такимъ

образомъ въ 1766 году прекращается существованіе печскаго патріархата. Да и всѣ епископскія каѳедры въ сербской землѣ были предоставлены греческимъ епископамъ. И такъ народная церковная іерархія въ сербской землѣ окончательно пала: греческое духовенство является теперь тамъ охранителемъ православія.

Очеркъ исторіи сербской православной церкви въ Хорватіи и Славоніи.

I.

Первыя свѣдѣнія о сербахъ въ Австріи и объ отношеніяхъ къ нимъ мадьяръ; пространство сербской территоріи въ Австріи отъ XII до XV ст.; сербскіе деспоты: Георгій, Стефанъ, Вукъ и Иванъ Бранковичи и Стефанъ Штиньяновичъ; вліяніе іезуитовъ на политику Австріи по отношенію къ сербамъ.

Первыя свѣдѣнія о сербахъ, жителяхъ древней Паноніи, относятся къ VII ст. Въ исходѣ IX ст. появляются въ Европѣ мадьяры и покоряютъ, между прочимъ, Паноніи. На первыхъ порахъ существовали самыя дружественныя отношенія между побѣдителями и побѣжденными и, въ случаѣ войны, сербы охотно вступали въ ряды мадьярскаго войска. Упроченію добраго согласія между мадьярами и сербами много содѣйствовало и то, что первый венгерскій король Стефанъ I Святой принялъ въ 1000 году христіанскую вѣру по восточному обряду отъ греческихъ монаховъ, чему служатъ доказательствомъ, между прочимъ, греческія надписи, сохранившіяся на венгерской коронѣ и на венгерской мантіи, а также и на грамотахъ, которыя были жалуемы греческимъ монахамъ. За свои воинскія доблести, сербы нерѣдко достигали высшихъ государственныхъ должностей. Такъ четвертымъ палатиномъ Венгріи былъ Радивой, сербъ по происхожденію: на его средства былъ построенъ въ городѣ Митровицѣ (въ

Сремѣ) православный монастырь, съ церковью во имя Св. Димитрія. Восьмымъ венгерскимъ палатиномъ былъ Иванъ I Урошъ.

Благодаря дружественнымъ отношеніямъ, существовавшимъ между сербами и мадьярами, сербы—жители сербскаго царства стали иногда переселяться во владѣнія венгерскаго королевства. Такъ мы видимъ, что въ XII ст. сербы населяли уже всю территорію, которая нынѣ входитъ въ составъ православной будимской епархіи, а именно: отъ города Пожуна (Пресбурга) до низовья рѣки Тиссы и отъ Карпатскихъ горъ вдоль рѣки Тиссы до рѣки Дравы и ея притока Муры. Послѣ коссовскаго погрома, эмиграція сербовъ въ предѣлы Австріи начала замѣтно принимать большіе размѣры. Сербскіе переселенцы были поселены въ слѣдующихъ областяхъ: въ Хорватіи, Славоніи, Сремѣ, Банатѣ и Бачкѣ. Мы не считаемъ лишнимъ при этомъ замѣтить, что сербскіе переселенцы обыкновенно вступали въ переговоры съ австрійскимъ правительствомъ относительно условій, при которыхъ они могли бы поселиться въ предѣлахъ Австріи. Въ числѣ этихъ условій было то, чтобы населенная сербами мѣстность составляла ихъ полную собственность, а слѣдовательно чтобы имъ представлялась возможность ввести въ населенныя ими мѣстности свою администрацію, свой судъ; при этомъ имъ была предоставлена свобода вѣроисповѣданія.

При венгерскомъ королѣ Сигизмундѣ сербскій деспотъ Георгій Бранковичъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ сербскихъ семействъ бѣжалъ въ Венгрію. Хотя венгерскій король Сигизмундъ и былъ слѣпымъ орудіемъ римскихъ папъ, все таки, въ силу политическихъ соображеній, онъ старался поддерживать доброе согласіе съ сербскими переселенцами. За Георгіемъ Бранковичемъ былъ признанъ титулъ «сербскаго деспота», ему было подарено до 110 селъ въ арадскомъ и зарандскомъ комитатахъ; онъ съ своей стороны, уступилъ Сигизмунду: Бѣлградъ, Шабацъ и другіе города Сербіи. Такимъ образомъ Георгій Бранковичъ, желая закрѣпить за своими потомками недвижимыя имущества въ Венгріи, продавалъ венграмъ сербскія земли.

Со времени переселенія Георгія Бранковича въ Венгрію, эмиграція сербовъ стала постепенно увеличиваться. Стефанъ, сынъ Георгія Бранковича, въ сопровожденіи массы сербовъ, переселился въ 1460

году въ Венгрію. Сербскіе переселенцы поселились въ Сремѣ и Банатѣ и, покровительствуемые венграми, удержали собственное, независимое правленіе: Стефанъ Георгіевичъ былъ провозглашенъ «деспотомъ» всѣхъ сербовъ, живущихъ въ Венгріи. Въ 1461 году Стефанъ Георгіевичъ отправился изъ Срема въ Сербію съ цѣлью поднять сербовъ противъ турокъ; но его предпріятіе не удалось; онъ былъ вынужденъ искать себѣ спасенія въ Албаніи у Скандеръ-бега, а по смерти сего послѣдняго, въ 1467 году, бѣжалъ въ Италію, гдѣ и померъ.

Въ 1465 году переселилось изъ Сербіи въ Венгрію нѣсколько сербскихъ семействъ, имѣя во главѣ Вука Григорьевича, сына Григорія Георгія Бранковича: онъ былъ выбранъ въ деспоты. Семь разъ нападали турки на владѣнія венгерскія и семь разъ Вукъ Бранковичъ, прозванный «змѣей», отражалъ непріятеля, распространяя смерть и ужасъ въ войскѣ Магометовомъ. Во время деспотованія Вука Бранковича, въ 1481 году до 50.000 сербовъ поселилось въ Венгріи въ окрестностяхъ Крушевца. По ходатайству Вука Бранковича, венгерскій король Матвѣй Корвинъ издалъ въ 1481 году законъ, въ которомъ говорилось: «православные сербскіе эмигранты не должны платить десятины, такъ какъ они переселились въ Венгрію добровольно; впрочемъ этотъ законъ не имѣетъ силы на вѣчныя времена». Не смотря на этотъ законъ, римско-католическіе епископы стали заставлять православныхъ сербовъ отдавать имъ десятую часть своихъ доходовъ съ земли; римско-католическіе священники пріобрѣли право на взиманіе вблизи лежавшей православной церкви половины доходовъ отъ продажи въ ней свѣчей и т. д. Итакъ права и преимущества, которыя были жалуемы венгерскими королями сербскимъ переселенцамъ, имѣли вполнѣ фиктивное значеніе. На венгерскомъ сеймѣ 1492 года, Бранковичу былъ данъ титулъ «барона мадьярскаго государства».

Поселившись въ Венгріи, сербы жили или въ городахъ, гдѣ они занимались торговлею и ремеслами или въ селахъ, гдѣ обычнымъ ихъ занятіемъ являлось земледѣліе. Такимъ образомъ сербскіе переселенцы не только охраняли границы Венгріи отъ внѣшнихъ враговъ, но и служили также рабочими силами страны. Не даромъ Швартнеръ говоритъ: «сербы принесли съ собой въ Венгрію вмѣсто древнихъ хар-

тій—плуги, а вмѣсто греческихъ и латинскихъ книгъ—оружіе и тѣлесное геройство». Весьма естественно, что венгры придавали большое значеніе переселенію сербовъ въ Венгрію, а потому и охотно жаловали имъ всевозможныя права и льготы.

При венгерскомъ королѣ Владиславѣ II, сербскимъ деспотомъ былъ Иванъ Бранковичъ. Онъ отличился геройскою защитой Срема отъ турокъ; въ 1494 году онъ овладѣлъ городами Митровицей и Раольце, а въ 1496 году покорилъ монастырь Крушедолъ и 16 селъ. Съ этого времени правительство начинаетъ, повидимому, благосклонно относиться къ заявленіямъ сербовъ. Такъ на хорватско-венгерскомъ сеймѣ 1495 года, статьею XLV было постановлено: «такъ какъ многія мѣстности, населенныя сербами, было искони изъяты отъ всякихъ податей, хотя римско-католическіе прелаты и не переставали заставлять ихъ платить имъ десятину, то постановляется, что сербы не должны впредь платить никакой подати». Хотя это постановленіе сейма и было подтверждено королевскою властью, однако оно, какъ и слѣдовало ожидать, не было приведено въ исполненіе.

По смерти Ивана Бранковича, достоинство деспота было предложено въ 1503 году князю захумскому Стефану Штильяновичу. При немъ много сербовъ переселилось изъ Турціи въ Венгрію. Стефанъ Штильяновичъ, проживая сначала въ Моравичѣ (въ Сремѣ), геройски сражался съ турками. Когда-же онъ не былъ въ силахъ долѣе охранять границы Срема отъ турокъ, по приказанію венгерскаго короля Владислава II, мѣстность Баранье (въ Венгріи) была предназначена для жительства какъ Стефана Штильяновича, такъ и всѣхъ сербовъ, жившихъ въ Сремѣ. Въ 1508 году былъ назначенъ Стефану Штильяновичу ежегодный окладъ въ 3,000 гульд. золотою монетою. Въ 1526 году Сремъ былъ окончательно покоренъ турками.

По покореніи Срема, турки двинулись по направленію къ сѣверозападу и въ 1530 году покорили Будинъ (Buda), древнюю столицу венгерскаго королевства. Они стали укрѣплять этотъ городъ, такъ какъ въ стратегическомъ отношеніи онъ имѣетъ весьма большое значеніе. Весьма естественно, что австрійскій царствующій домъ находился постоянно въ страхѣ, что турки подступятъ къ стѣнамъ Вѣны. Желая еще болѣе привлечь на свою сторону сербовъ, австрійское пра-

вительство стало относиться къ нимъ крайне благосклонно. Такъ на пресбургскомъ сеймѣ 1574 года статьею IV было постановлено, что сербы должны впредь платить десятину исключительно только епископамъ и священникамъ своей религіи. Это постановленіе было подтверждено императоромъ Максимиліаномъ II.

Дѣйствуя сообща и вполнѣ дружно противъ внѣшнихъ враговъ, австрійскіе южные славяне къ сожалѣнію перессорились между собою: возникъ раздоръ между хорватами и сербами. Въ XVI ст., когда только тотъ считался образованнымъ, кто былъ воспитанъ подъ надзоромъ іезуита, іезуитскій орденъ началъ проникать и во владѣнія хорватскаго королевства. Іезуиты не замедлили взять подъ свое покровительство воспитаніе и образованіе молодаго славянскаго поколѣнія. Направляя свою дѣятельность къ подавленію православія, они обратили особое вниманіе и на искорененіе въ славянскомъ населеніи народныхъ нравовъ и обычаевъ. Хорваты дѣйствительно поддались вліянію іезуитской пропаганды, стали мало по малу утрачивать преданія своей прежней народной жизни, которыя въ неприкосновенности сохранились доселѣ у сербовъ, т. е. славянъ, оставшихся вѣрными православію. Понятно, что вслѣдствіе того неминуемо сталъ обозначаться мало по малу, въ средѣ славянскаго населенія религіозный антагонизмъ, съ одной стороны разжигаемый іезуитами, съ другой поддерживаемый правительствомъ.

Само австрійское правительство, находясь подъ вліяніемъ іезуитовъ, замѣтно оказывало предпочтеніе хорватамъ, т. е. славянамъ-католикамъ передъ сербами, т. е. славянами православными. Вообще, католическое населеніе Хорватіи и Славоніи стало пользоваться бо́льшими правами, чѣмъ православное; такъ напримѣръ, православный сербъ, отличившійся воинскими доблестами въ войнахъ съ турками, не иначе могъ добыть дворянство, какъ принявши римско-католическую вѣру. Весьма естественно, что стали утрачивать значеніе и тѣ права, которыя раньше были дарованы сербамъ. Такъ напримѣръ, несмотря на постановленіе хорватско-венгерскихъ сеймовъ, сербы бывали вынуждаемы платить десятину римско-католическимъ епископамъ. Декретомъ императора Рудольфа II, отъ 28-го апрѣля 1588 года, пред-

писывалось вмѣсто юліанскаго календаря ввесть въ употребленіе грегоріанскій. Впрочемъ, не смотря на помянутый декретъ, у православныхъ продолжалъ оставаться въ употребленіи юліанскій календарь, что видно изъ декрета 1599 года, которымъ былъ опредѣленъ штрафъ въ 1,000 гульденовъ со всякаго, кто продолжалъ держаться этого календаря. Итакъ австрійское правительство съ одной стороны жаловало сербамъ права и преимущества, которыя могли бы, повидимому, служить гарантіей въ дѣлѣ упроченія православія въ странѣ, а съ другой — отдавало явное предпочтеніе римско-католической церкви передъ православною. Прямымъ послѣдствіемъ этой двусмысленной политики австрійскаго правительства было то, что православіе въ Хорватіи и Славоніи стало замѣтно клониться къ упадку.

II.

Война Австріи съ Турціей и ея послѣдствія; переговоры патріарха Арсенія III-го съ австрійскимъ правительствомъ относительно переселенія сербовъ изъ Турціи въ Австрію; неудачныя военныя операціи австрійскаго войска въ Турціи; эмиграція сербовъ въ Австрію; грамоты; враждебное настроеніе мадьярскаго дворянства и римско-католическаго духовенства по отношенію къ сербамъ; перенесеніе патріаршей каѳедры изъ монастыря Крушедола въ Сентъ-Андре; тяжелое положеніе сербскихъ выходцевъ въ Австріи; уничтоженіе патріаршаго достоинства. Исаія Дьяковичъ: крушедольскій соборъ 1707 г. Софроній Подгоричанинъ: враждебная политика австрійскаго правительства по отношенію къ сербамъ. Викентій Поповичъ: карловицкій соборъ 1715 г.; пожаревацкій миръ; состояніе православія; учрежденіе двухъ митрополій—бѣлградской и карловицкой. Моисей Петровичъ: важное значеніе Карловицкаго собора 1726 г.; объ одеждѣ сербскаго духовенства; ограниченіе правъ сербскаго народа; бѣлградскій соборъ 1730 г. Викентій Іоановичъ: дѣйствія правительства въ пользу уніи; декретъ 1732 г.; сформированіе „иллирско-сербскаго гусарскаго полка"; декретъ 1735 г.; бѣгство Викентія Іоановича изъ Бѣлграда. Арсеній VI: его переселеніе изъ Турціи въ Австрію; политика императрицы Маріи Терезіи по отношенію къ сербамъ. Исаія Антоновичъ. Павелъ Ненадовичъ. Іоаннъ Георгіевичъ. Викентій Іоановичъ Видакъ.

Овладѣвъ городомъ Будиномъ (Budda), турки стали выжидать благопріятнаго случая, чтобы двинуть свои войска къ Вѣнѣ. Вступивши

въ соглашеніе съ венгерскими бунтовщиками, предводительствуемыми Текели, турки, подъ личнымъ начальствомъ Солимана II подступили въ 1683 году къ Вѣнѣ; но, благодаря вооруженному содѣйствію польскаго короля Іоанна Собѣскаго, Вѣна была спасена отъ турокъ, которые въ свою очередь были преслѣдуемы австрійскими войсками: въ 1686 году турки были вынуждены оставить городъ Будинъ (Buda), а въ 1688—Бѣлградъ; въ томъ же году была присоединена къ австрійской Имперіи область Эрдель (Семиградія) съ волошскимъ православнымъ населеніемъ.

Преслѣдуя турокъ, австрійскія войска, подъ начальствомъ принца баденскаго Людовика, вступили въ 1688 году на турецкую территорію: овладѣвъ Босніей, они двинулись по направленію къ городу Нишу въ то время, какъ австрійскій генералъ Пиколомини, находясь во главѣ сербовъ, дошелъ до города Скопьи (Юскупъ). Послѣ взятія сербскаго деспота Юрія Бранковича, о чемъ мы выше говорили, австрійское правительство поручило генералу Пиколомини вступить въ переговоры съ сербскимъ патріархомъ Арсеніемъ III, чтобы, съ помощью различныхъ обѣщаній, уговорить его принять иниціативу въ дѣлѣ переселенія сербовъ изъ турецкихъ владѣній въ Австрію. Весьма естественно, что австрійское правительство могло бы отнестись съ бо́льшимъ довѣріемъ къ сербскимъ выходцамъ, когда бы они прибыли въ сопровожденіи монаха, чѣмъ если бы во главѣ сербской эмиграціи стоялъ энергичный деспотъ, какимъ былъ Юрій Бранковичъ.

Патріархъ Арсеній III Черноевичъ не вполнѣ довѣрялъ обѣщаніямъ, которыя были ему словесно переданы генераломъ Пиколомини отъ имени императора Леопольда I. Поэтому онъ поручилъ іенопольскому епископу Исаіи Дьяковичу лично переговорить съ императоромъ Леопольдомъ I и договориться съ нимъ объ условіяхъ, при которыхъ могло произойти переселеніе сербовъ изъ Турціи въ Австрію. Епископъ Исаія Дьяковичъ въ точности выполнилъ возложенное на него порученіе. Сербы-выходцы должны были принять на себя слѣдующія обязательства: 1) принять австрійское подданство и присягнуть въ вѣрности царствующей династіи габсбурговъ; 2) охранять территорію австрійской имперіи отъ вторженій турокъ.

Со своей стороны и австрійское правительство приняло на себя обязательства, которыя были изложены въ граматахъ, о которыхъ мы скажемъ ниже.

Благодаря вооруженному содѣйствію сербовъ и мадьяръ, австрійское правительство стало уже подумывать закруглить свои владѣнія черезъ присоединеніе къ нимъ Балканскаго полуострова. Можетъ статься Австрія и съумѣла бы достигнуть желанныхъ результатовъ, если бы военное счастіе ей не измѣнило. Но начиная съ 1689 года, т. е. со смерти храбраго генерала Пиколомини, австрійскія войска начинаютъ уже съ меньшимъ успѣхомъ вести войну съ турками. Главнокомандующимъ былъ сначала назначенъ генералъ Карлъ-фонъ-Гольштейнъ, а позднѣе Штрассеръ, при которыхъ въ австрійскія войска сталъ проникать духъ анархіи. Австрійскія войска стали обходиться крайне безчеловѣчно съ жителями Старой Сербіи, Албаніи и Босніи, черезъ что вооружили противъ себя мѣстныхъ жителей. Да и въ самой Австріи начались внутреннія смуты. Покоривъ Боснію, гдѣ былъ убитъ генералъ Штрассеръ, турки въ 1689 году вторично овладѣли Бѣлградомъ, затѣмъ вторглись въ Славонію, Сремъ, Бачку и Банатъ. Въ это время въ сѣверной части Венгріи вспыхнуло возстаніе.

Австрійское правительство находилось такимъ образомъ въ крайне затруднительномъ положеніи. Съ цѣлью сдѣлать диверсію турецкимъ войскамъ, оно порѣшило произвести возстаніе на Балканскомъ полуостровѣ, подстрекнувъ къ тому сербовъ. 6-го апрѣля 1690 года появилось воззваніе австрійскаго правительства къ турецкимъ сербамъ, въ которомъ сербы приглашались возстать противъ турокъ, заклятыхъ враговъ христіанства; въ то же время имъ было обѣщано вооруженное содѣйствіе со стороны австрійскаго правительства. 6-го августа 1690 года была обнародована грамота, въ которой между прочимъ говорилось о многихъ льготахъ, которыя будутъ дарованы сербамъ, если только они пожелаютъ переселиться въ Австрію. Укажемъ на нѣкоторые пункты означенной грамоты: 1) право выбора своего воеводы (promittimus vobis... servata im primis... digendi Vojvodae.. libertate); 2) свобода вѣроисповѣданія (promittimus vobis... servata im primis... religionis suae...

въ [illegible] и администрація въ земляхъ, которыя будутъ [illegible]дъ турецкаго ига (excusse autem jugo Turcico, [illegible]am stabilem et ordinem debitum pro futuro ad [illegible] satis factionem vostram redigemus); 4) движимыя и [illegible]имыя имущества, которыя будутъ отняты сербами у турокъ [illegible]ступаютъ въ собственность сербовъ (promittimus insuper, donamus et concedimus-liberam bonorum sive mobilium sive immobilium, quaecunque Turcis in confinibus suis ademerint possessionem).

Грамота заканчивалась слѣдующими словами: «и такъ, сербы, переселяйтесь безъ страха во владѣнія нашей имперіи, оставляйте спокойно вашу страну и ваше хозяйство, приглашайте вашихъ братьевъ послѣдовать вашему примѣру и воспользуйтесь случаемъ, который никогда уже вамъ не представится».

По полученіи этой грамоты въ Сербіи, патріархъ Арсеній III Черноевичъ сталъ убѣждать сербовъ склониться на приглашеніе Австріи. Результатъ его увѣщаній былъ тотъ, что въ концѣ 1690 года 37,000 сербскихъ семействъ, представлявшихъ массу народа въ 500 тысячъ человѣкъ, подъ его начальствомъ, перешли границу Австріи. Сербскіе выходцы были поселены въ Сремѣ, Славоніи и въ свободныхъ королевскихъ городахъ: Будинѣ, Пештѣ, Сентъ-Андре, Стольномъ Бѣлградѣ, Темешварѣ, Арадѣ, Сегединѣ, Печуѣ, Мухачѣ, Іегри, Великомъ Варадѣ, Острогонѣ, Комаранѣ, Джурѣ и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ. Мѣстомъ жительства патріарха Арсенія III былъ назначенъ монастырь Крушедолъ (въ Сремѣ).

По водвореніи сербовъ въ Австріи, имъ было пожаловано нѣсколько грамотъ, въ которыхъ были изложены обязательства, которыя принимало на себя австрійское правительство по отношенію къ сербамъ-выходцамъ. Эти грамоты, извѣстныя подъ именемъ «diplomata protectionalia» были слѣдующія:

Грамота 11-го декабря 1690 года; она предоставляла сербамъ: 1) право избранія воеводы; 2) изъятіе сербовъ отъ всякихъ податей и повинностей, кромѣ тѣхъ, которыми были обложены земли еще въ періодъ времени, предшествовавшій турецкому владычеству; 3) право владѣнія всѣми движимыми и недви-

ной части острова лежитъ городъ того же имени, владѣющій хорошимъ портомъ. Въ городѣ около 2,200 жителей. Всѣ городскія зданія по архитектурѣ напоминаютъ Венецію. Каѳедральный соборъ построенъ по образцу римскихъ базиликъ. Въ монастырской церкви ордена францисканцевъ много надгробныхъ памятниковъ XV, XVI и XVII столѣтій и много образовъ, замѣчательныхъ въ художественномъ отношеніи—произведеній Франца Санта-Кроче, Мате Росселя и др. Въ городѣ есть училище, тюрьма и больница. Вблизи города лежатъ двѣ крѣпости—«Spagnuolo», построенная испанцами при Карлѣ V и «San Nikolo»—французами. На островѣ есть еще двѣ весьма удобныя для стоянки судовъ гавани—«Трапань» и «Тельса». Въ селѣ Тельсѣ сохранилась каменная арка временъ римскихъ. На островѣ Хварѣ, отчасти, сохранилось и древнее раздѣленіе жителей его по сословіямъ. Такъ тамъ существуютъ три класса населенія: благородные (nobile), граждане (cittadino) и поселяне (villico). Въ праздникъ Рождества Христова за обѣднею епархіальный архіерей обыкновенно говоритъ проповѣдь на трехъ языкахъ: по-латыни—для благородныхъ, по-итальянски—для гражданъ и по-славянски—для поселянъ. Островъ славится прекраснымъ климатомъ, плодородною почвой, и весьма богатою растительностью. Смоквы, финики, миндаль, виноградъ, алой (agave americana), розмаринъ и оливки растутъ на островѣ въ изобиліи, въ особенности въ долинѣ Стари-градъ (Citta-vecchia). Изъ листьевъ розмарина добывается масло, извѣстное подъ именемъ «Oleum anthos», а изъ цвѣтовъ розмарина приготовляется ароматическая вода—«acqua di regina». Главнымъ источникомъ доходовъ мѣстнаго населенія служитъ ловля сарделей (clupea encrasicolus): въ благопріятный годъ, мѣстные жители могутъ заработать на этомъ промыслѣ до 90,000 гульденовъ. На этомъ островѣ есть возвышенность «Св. Витъ» (2,400 ф.).

На юго-западѣ отъ острова Хвара лежитъ небольшой островъ Вись (Lissa). Нѣкоторые ученые предполагаютъ, что впервые островъ Вись былъ заселенъ греками. Въ подтвержденіе своего мнѣнія они указываютъ на тотъ фактъ, что какъ островъ Вись, такъ и островъ Лесбосъ носили въ древности названіе «Issa». Впрочемъ, по мнѣнію

Въ [illegible] былъ впервые населенъ пеласгами, почему и [illegible] древности подъ общимъ названіемъ—«островъ [illegible]ъ пеласговъ перешелъ онъ во власть этрусковъ, [illegible]ательствомъ служитъ, между прочимъ, и то, что даже и [illegible]стоящее время, при раскопкахъ, находятъ въ землѣ этрускіе со[illegible]уды и другія издѣлія. Въ виду опасности, грозившей острову со стороны иллирійцевъ, мѣстные жители—этруски искали себѣ вооруженной помощи у сицилійскихъ грековъ, которые и отправляли къ нимъ значительный флотъ, подъ начальствомъ тирана Діонисія. Вслѣдствіе своего географическаго положенія, островъ этотъ ранѣе другихъ острововъ сдѣлался римскою колоніей. Мѣстнымъ жителямъ были дарованы льготы, въ особенности въ административномъ отношеніи. Гиртій повѣствуетъ, что жители острова Вися были весьма преданы императору Октавію, который нашелъ себѣ тамъ даже убѣжище. Въ началѣ XI столѣтія, островъ Вись вошелъ въ составъ венеціанской республики; когда же пала республика, то перешелъ во власть англичанъ, а позднѣе, по рѣшенію вѣнскаго конгресса, былъ окончательно присоединенъ къ Австріи. Въ сѣверныхъ частяхъ острова лежитъ городъ того же имени, который владѣетъ великолѣпнымъ портомъ, можно сказать—однимъ изъ лучшихъ портовъ во всей Австріи. На островѣ есть еще одно село Комижа. Все населеніе острова простирается до 5,000 душъ. Островитяне питаютъ сильную ненависть къ австрійцамъ. Роскошная растительность, чудный климатъ, въ воздухѣ благорастворение — все это доставило острову громкую извѣстность. Главный источникъ доходовъ мѣстнаго населенія составляетъ рыбная ловля. На островѣ находится долина «Campo grande». По острову тянется горная возвышенность «Хумъ», которая достигаетъ до 1,802 футовъ въ высоту.

Подвигаясь далѣе на югъ, мы встрѣчаемъ островъ Корчуля (Kurzola): онъ имѣетъ въ длину 25 итальянск. м., а въ ширину—до 5 миль. Въ древности онъ носилъ названіе «Corcyra-Nigra». Есть преданіе, что, по взятіи города Трои, князь троянскій Антеноръ отправился съ приближенными къ нему лицами по направленію къ Венеціи и, на пути, остановившись на островѣ Корчулѣ, устроилъ тамъ колонію. Въ позднѣйшее время островъ

этотъ переходилъ отъ однихъ правителей къ другимъ; такъ сначала онъ находился подъ властью хорватскихъ королей, а затѣмъ—князей неретвенскихъ. Въ XIV столѣтіи дубровницкая республика, въ числѣ другихъ островов, пріобрѣла себѣ и островъ Корчуля. На немъ было введено демократическое правленіе. Островитяне сохранили свои законы и статуты. У нихъ былъ сборъ—народная сходка, имѣвшій законодательную власть и, вообще, завѣдывавшій всѣми дѣлами, касавшимися общей администраціи всего острова. Кромѣ того на островѣ было вѣче—большое и малое. Во главѣ мѣстнаго управленія стоялъ князь, который имѣлъ судебно-административную власть; впрочемъ, въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ зависѣлъ отъ вѣча. Когда демократическій принципъ уступилъ въ дубровницкой республикѣ мѣсто аристократическому, то дубровницкое правительство, видя, что островитяне не соглашаются принять новую форму правленія, а въ то же время и опасаясь ослабить свое вліяніе въ метрополіи, отказалось отъ права владѣть принадлежавшими ему далматинскими островами, которые признали надъ собою покровительство венеціанской республики; венеціанское правительство не замедлило окончательно ихъ подчинить своей власти. Въ сѣверо-восточныхъ частяхъ острова, на берегу моря, лежитъ городъ того же имени, гдѣ считается до 2,200 жителей. Городъ окруженъ стѣнами: въ верхней части лежитъ запущенная крѣпость, построенная англичанами. Городъ владѣетъ хорошею гаванью. Изъ городскихъ зданій обращаетъ на себя вниманіе церковь св. Іеронима. Въ городѣ есть низшая гимназія, народная школа и тюрьма. Городъ Корчуля есть родина даровитаго хорватскаго писателя Канавелича. На этомъ островѣ находится озеро Блата, которое высыхаетъ лѣтомъ. Кромѣ того на островѣ находятся слѣдующія села: Ломбарда, Зрнова, Пупната, Рачишче, Кцара, Смоквица, Влато и Лука. Мѣстные жители, по преимуществу, занимаются судостроеніемъ, земледѣліемъ и рыболовствомъ. Островъ Корчуля богатъ пихтовыми лѣсами. Изъ предметовъ растительнаго царства заслуживаетъ особаго вниманія миндаль, который въ продажѣ извѣстенъ подъ именемъ «mandole ambrosine».

На югъ отъ острова Корчуля лежитъ небольшой островъ Ластово (Lagosta). Въ XIV ст. онъ вошелъ въ составъ дубровницкой респу-

блики. На немъ было введено мѣстное управленіе, которое состояло изъ «сбора» и «малаго вѣча». Однимъ словомъ этотъ островъ испыталъ ту же участь, какъ и островъ Корчула. Островъ Ластово наиболѣе отдаленный отъ далматинскихъ острововъ, богатъ бухтами, которыя служатъ хорошею стоянкою для судовъ, отправляющихся къ какому-либо пункту австрійскаго побережья. На сѣверо-восточной части острова лежитъ городъ того же имени.

Островъ Млѣтъ (Meleda)—самый восточный изъ всѣхъ далматинскихъ острововъ: онъ лежитъ въ 4-хъ миляхъ отъ Дубровника и въ одной мили отъ полуострова Пельешаца (Sabioncello). Этотъ островъ имѣетъ въ длину 5 миль, а въ ширину $^1/_2$ мили, и вообще занимаетъ пространство въ $1^1/_2$ кв. мили; онъ подверженъ частымъ землетрясеніямъ. Въ VII ст. хорваты, поселившись въ Далмаціи, завладѣли и островомъ Млѣтомъ. Въ половинѣ X ст. онъ подпалъ власти жупановъ неретвенскихъ. Въ XI и XII ст. захумскіе князья владѣли Млѣтомъ. Потомъ Млѣтъ перешелъ во власть сербскаго правителя изъ рода Нѣманя, а сербскій король Стефанъ Урошъ подарилъ означенный островъ своимъ сановникамъ — Басету Баричену Биволичичу и Трипету Миховичу Китичу, которые его продали венеціанцамъ; отъ сихъ послѣднихъ этотъ островъ перешелъ во власть Дубровницкой республики. Сначала было дозволено острову Млѣту сохранить древнее свое устройство; тамъ былъ «сборъ», который являлся законодательнымъ собраніемъ и «аббатъ», который былъ представителемъ судебно-административной власти. Начиная съ XV ст., дубровницкія вѣча стали вмѣшиваться во внутреннюю администрацію острова, такъ что млѣтскій аббатъ сталъ постепенно утрачивать свѣтскую власть на островѣ, а въ 1524 году и вовсе ее утратилъ. Въ XVI ст. Дубровницкое правительство уступило островъ Млѣтъ патеру Іосифу Каласантію, основателю «delle scuole pie» или «scolopii», въ видѣ награды за воспитаніе юношества въ Дубровникѣ, а позднѣе онъ былъ отданъ бенедиктинцамъ, которые имъ владѣли до XIX ст.

Греки дали этому острову названіе «Мелета». Островъ Мальта носилъ то-же самое названіе; вслѣдствіе чего, при чтеніи нѣкоторыхъ историческихъ памятниковъ, невольно возникаетъ

сомнѣніе о мѣстѣ, гдѣ происходило описываемое въ нихъ событіе. Въ историческомъ отношеніи островъ Млѣтъ замѣчателенъ также и тѣмъ, что вблизи его береговъ апостолъ Павелъ, вмѣстѣ съ своими учениками, потерпѣлъ кораблекрушеніе, о чемъ упоминается въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ (см. главы XXVII и XXVIII). Портъ съ двойнымъ входомъ (εις τοπον δι θαλασσον), о которомъ говорится въ дѣяніяхъ апостольскихъ, не существуетъ на островѣ Мальтѣ, притомъ островъ Мальта не могъ быть населенъ варварами, такъ какъ въ то время онъ уже былъ римскою колоніею и находился въ весьма цвѣтущемъ положеніи; наконецъ и направленіе вѣтра, на которое указывается въ дѣяніяхъ апостольскихъ, было таково, что апостолъ Павелъ никакъ не могъ бы прибыть къ острову Мальтѣ. Изъ всего этого видно, что апостолъ Павелъ не могъ высадиться на островѣ Мальтѣ. Напротивъ, мы видимъ, что на островѣ Млѣтѣ находится портъ «Прожора» (Prosgura), который, во время владычества тамъ венеціанцевъ, носилъ названіе «Portochiave». Этотъ портъ имѣетъ двойной входъ, жители его находятся и по настоящее время въ невѣжествѣ; однимъ словомъ все заставляетъ насъ предполагать, что апостолъ Павелъ высадился на островѣ Млѣтѣ. У мѣстныхъ жителей сохранилось и по настоящее время преданіе о посѣщеніи апостоломъ Павломъ этого острова: по народному повѣрью, апостолъ въ бытность свою на этомъ островѣ, поразилъ всѣхъ змѣй, оттого и теперь ихъ тамъ нѣтъ. Сохранилось преданіе, что, въ древности островъ Млѣтъ славился особою породою небольшихъ собачекъ, которыя дорого цѣнились римскими дамами. Въ историческихъ памятникахъ мы находимъ свѣдѣнія о томъ, что римляне, а позднѣе венеціанцы, считали пиратами жителей острова Млѣта. Поэтому они или зарѣзывали или же продавали въ рабство островитянъ, едва только эти послѣдніе приходили въ возмужалый возрастъ.

На островѣ находится нѣсколько селеній: Бабино-поле, Марановичъ, Продьюра, Корита, Блато и Говедьяри. Селеніе Бабино-поле служитъ центромъ мѣстной администраціи. Вблизи этого селенія, въ скалѣ «Градо-гора», расположенной среди острова, находится знаменитый гротъ «Ogygia» или «Aeaea», имѣющій до 300 футовъ въ высоту; здѣсь, по народному преданію, жила нимфа Ка-

липсо, которая обѣщала Одиссею, что онъ сохранитъ на вѣчныя времена свою молодость, если согласится навсегда остаться съ нею на островѣ. На островѣ Млѣтѣ дѣйствительно находится гротъ, который былъ не разъ воспѣтъ древними поэтами. Въ сѣверо-западной части острова лежитъ извѣстный въ историческомъ отношеніи, портъ «Полача» (Porto-Palazzo), который имѣетъ въ длину 5 миль и $^1/_2$ мили въ ширину. Въ этомъ портѣ находится дворецъ, построенный Ажезилою Киликійскимъ для своего отца Опіана, сосланнаго, по приказанію императора Септимія Севера, на этотъ островъ. По настоящее время сохранились еще нѣкоторыя башни и стѣны, по которымъ можно судить о всей грандіозности дворца. Къ сожалѣнію, съ каждымъ годомъ, этотъ памятникъ старины все болѣе и болѣе разрушается. Мѣстные поселяне употребляютъ каменья отъ этихъ развалинъ на постройку своихъ домовъ, хотя въ окрестностяхъ и много камня, годнаго для построекъ.

Въ селеніи «Бабино-поле» есть римско-католическая церковь во имя св. Панкратія, которая, въ былое время, составляла собственность бенедиктинскаго монастыря, находившагося на островѣ Локрумѣ. Есть еще приходская римско-католическая церковь въ селеніи Марановичѣ. Къ западу отъ острова Млѣта на небольшомъ островѣ, расположенномъ въ заливѣ «Іезеро», въ крайне живописной мѣстности лежитъ бенедиктинскій монастырь съ церковью во имя пр. Богородицы. Когда Млѣтъ былъ покоренъ французами, тогда означенный монастырь перешелъ въ завѣдываніе дубровницкихъ піаристовъ. Мы считаемъ долгомъ замѣтить, что этотъ монастырь—весьма древній: онъ былъ построенъ въ XII ст., а въ XVI ст. былъ подаренъ ордену бенедиктинскому.

По острову тянутся отлогія возвышенности, и на немъ лежитъ нѣсколько небольшихъ долинъ; а именно: Бабино-поле (около $^1/_4$ кв. мили въ объемѣ), Струлье, Пропади, Долъ, Поповъ-долацъ и др. Островъ Млѣтъ имѣетъ зигзагообразную форму и образуетъ собою много бухтъ и заливовъ, гдѣ хорошая стоянка для судовъ. Изъ заливовъ слѣдуетъ упомянуть слѣдующіе: «Велико Іезеро» и «Мало Іезеро». Эти заливы соединены съ моремъ посредствомъ узкаго пролива, шириною отъ 1 до $1^1/_2$ сажени. На островѣ много цистернъ, изъ нихъ наибольшая—«Водице», въ селеніи Бабино-поле.

Хотя островъ пользуется прекраснымъ климатомъ, но, вслѣдствіе каменистой почвы, населеніе его крайне бѣдно, такъ что не находитъ у себя достаточнаго корма для своего скота. Во время засухи, жители кормятъ скотъ соломою и, ради вкуса, смѣшиваютъ ее со свѣжими листьями, срываемыми съ кустарниковъ, тамъ и сямъ растущихъ на отдаленномъ другъ отъ друга разстояніи у подошвы скалъ. Если кой-гдѣ встрѣчается пахатная земля, то она хорошо обработана: тамъ растетъ пшеница, кукуруза и ячмень. На островѣ растутъ оливковыя деревья, смоквы, миндаль и яблоки. Изъ мѣстныхъ фруктовъ, которые отличаются пріятнымъ вкусомъ, приготовляется ликеръ, извѣстный подъ именемъ «Рукотацъ». Есть козы, ослы и овцы.

На островѣ считается до 1,300 жителей. Населеніе, какъ мы выше замѣтили, крайне бѣдно: оно питается почти исключительно рыбою. Болѣе всего употребляется въ пищу рыба, извѣстная на мѣстномъ нарѣчіи подъ именемъ «подланица». Образованіе пустило слабые корни въ мѣстномъ населеніи; впрочемъ жители въ томъ не виноваты. Мѣстное духовенство могло бы подѣйствовать на поднятіе уровня образованія среди населенія; но еслибъ оно и пожелало взять на себя трудъ духовно и нравственно воспитать ввѣренную ему паству, то не могло бы не встрѣтить на этомъ пути своего рода препятствія. Австрійское правительство весьма недовѣрчиво относится ко всѣмъ тѣмъ, которые являются поборниками народнаго образованія и смотритъ на нихъ, какъ на политическихъ агитаторовъ. Сельскій священникъ по неволѣ бываетъ вынужденъ, такъ сказать, по заказу выполнять свои духовныя обязанности.

Религіозное чувство и суевѣріе составляютъ въ островитянинѣ нѣчто цѣлое, а это то и является прямымъ доказательствомъ игривости его фантазіи. При свѣтломъ умѣ, благородномъ характерѣ, островитяне, если бы были только нѣсколько образованы, могли бы образовать собою новую расу древнихъ римлянъ, облагороженную христіанскимъ ученіемъ, но, вслѣдствіе того, что они находятся въ состояніи невѣжества, предразсудки и суевѣрія играютъ у нихъ видную роль.

По направленію на юго-востокъ отъ острова Млѣта, лежитъ

небольшой островъ Шипанъ (Giuppana), на которомъ находятся два селенія: Лука и Суджурачъ. На этомъ островѣ находится бенедиктинскій монастырь съ церковью во имя св. архистратига Михаила.

При входѣ въ Гружскій заливъ стоятъ, какъ бы стражами, утесистые островки: Дакса и Колочепъ (Calamotta), воспѣтый въ народныхъ пѣсняхъ островъ Лопудъ (Jsola di Mezzo) и пустынный островокъ св. Андрея, нѣкогда служившій мѣстопребываніемъ хорватскому поэту Ветраничу, уроженцу Дубровника.

Вблизи Дубровника лежитъ островъ Локрумъ (Lacroma), который защищаетъ его гавань отъ морскихъ вѣтровъ: этотъ островъ имѣетъ въ длину около 3 итальянскихъ миль. Въ 1192 году, англійскій король Ричардъ Львиное Сердце потерпѣлъ кораблекрушеніе вблизи далматинскаго побережья. Во время бури, онъ далъ обѣтъ построить церковь во имя Пресв. Богородицы въ томъ мѣстѣ, гдѣ ему удастся высадиться. Ему было суждено высадиться на островѣ Локрумѣ; но, по просьбѣ дубровницкаго правительства, онъ построилъ церковь въ Дубровникѣ, а Дубровничане на свое иждивеніе выстроили церковь на островѣ Локрумѣ. Мы находимъ на этомъ островѣ и благорастворенный воздухъ, и роскошную растительность, и живописную мѣстность. Не даромъ покойный императоръ Максимиліанъ, когда еще былъ эрцъ-герцогомъ австрійскимъ, избралъ островъ Локрумъ своимъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ, построилъ для себя загородный дворецъ на мѣстѣ, гдѣ нѣкогда находился доминиканскій монастырь. По смерти Максимиліана, нѣкто Думитичъ купилъ этотъ островъ за 27,000 гульд., а въ іюлѣ 1874 года перепродалъ его за 437,500 гульд. господину Сальбергу изъ Берлина, какъ мы слышали, агенту одного англійскаго общества, которое намѣрено было устроить на этомъ островѣ лечебницу для грудныхъ болѣзней. На самомъ видномъ мѣстѣ стоитъ крѣпостца «Fort Royal», построенная французами: она рельефно обрисовывается со стороны моря. На островѣ находятся развалины бенедиктинскаго монастыря.

Вблизи города Котора выдается изъ залива небольшой островокъ «Превлака»; на немъ сохранились и по настоящее время,

развалины, по народному преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ нѣкогда большой православный монастырь, въ которомъ пребывалъ которскій митрополитъ. Римско-католическіе жители Котора отравили митрополита и всю монашествующую братію. Въ началѣ текущаго столѣтія, одна жительница города Рисаня, по имени Екатерина Властелиновича, выстроила на томъ мѣстѣ церковь, а вблизи нея—домъ. Когда рабочіе раскапывали развалины монастыря, то нашли плиту съ надписью, нѣсколько словъ которой можно было разобрать, а именно: «унук цара Уроша». При смерти, она завѣщала церковь со всѣми принадлежностями черногорскому владыкѣ Петру Петровичу Нѣгошѣ I.

Такимъ образомъ далматинскіе острова представляютъ много интереснаго не только для географа, но и для археолога, геолога и живописца. Красота мѣстностей привлекаетъ взоры любителя изящнаго; присутствіе многихъ древностей заставляетъ воображеніе путешественника переноситься въ былыя времена и ученый, съ свойственною ему любознательностью, роется въ этихъ руинахъ прошедшаго величія.

II.

ВОЕННАЯ ГРАНИЦА.

ХОРВАТСКО-СЛАВОНСКАЯ ВОЕННАЯ ГРАНИЦА.

Разсмотрѣвъ по возможности всесторонне положеніе дѣлъ въ Хорватіи, Славоніи и Далмаціи, намъ слѣдуетъ теперь представить нѣкоторыя данныя о странѣ, хотя и отчужденной, въ политико-административномъ отношеніи, отъ поименованныхъ юго-славянскихъ провинцій Австро-Венгріи, однако тѣсно связанной съ оными и по языку, и по народнымъ преданіямъ, и по прошлой своей исторической жизни. Такою страной является хорватско-славонская Военная Граница, которая занимаетъ пространство въ 353 кв. мили 24 кв. сажени съ населеніемъ въ 693,907 душъ.

О Военной Границѣ составилось вообще понятіе, какъ о странѣ, куда едва проникли проблески европейской культуры, которая находится здѣсь если не въ вполнѣ дикомъ, то, по меньшей мѣрѣ въ полудикомъ состояніи. Въ австрійско-нѣмецкомъ обществѣ возбуждали и доселѣ возбуждаютъ къ себѣ глубокое сожалѣніе тѣ лица нѣмецкаго происхожденія, которыхъ судьба забрасываетъ на службу въ эти отдаленныя мѣста юго-славянскаго міра.

Оставаясь вѣрнымъ тому безпристрастному взгляду, котораго мы держались при описаніи Хорватіи, Славоніи и Далмаціи, мы считаемъ нужнымъ, и въ настоящемъ случаѣ, замѣтить, что нельзя винить граничара за то, что земля его плохо воздѣлана, что, въ культурномъ отношеніи, онъ стоитъ ниже жителя какой-либо нѣмецкой, даже славянской провинціи Австро-Венгріи и т. д. Слѣдуетъ помнить, что жизнь граничарскаго населенія сложилась при условіяхъ крайне неблагопріятныхъ развитію въ странѣ культуры. Военная

Граница служила, даже и теперь служитъ, ареной борьбы нѣмецкаго элемента, поддерживаемаго римско-католическимъ, со славянскимъ или православнымъ. Господство тамъ милитаризма, построеннаго на нѣмецкомъ началѣ, должно было тяжело отозваться на всѣхъ сторонахъ общественной, даже частной, семейной жизни граничара. Ограниченіе личной самостоятельности и свободы труда, какъ и слѣдовало ожидать, сильно тормозило правильное развитіе экономической жизни страны. Правда, въ настоящее время военная система управленія Военною Границей отмѣнена, и можно надѣяться, что, съ теченіемъ времени страна эта, въ политико-административномъ отношеніи, будетъ соединена съ Хорватіей и Славоніей; но и въ этомъ случаѣ все-таки потребуется еще много времени и не мало усиленныхъ стараній со стороны мѣстнаго населенія, чтобы страна могла переродиться и получить прочныя основы правильнаго развитія экономическихъ ея силъ.

Исторія страны служитъ важнымъ пособіемъ при изученіи вопроса о состояніи тамъ народнаго образованія и экономическихъ условій положенія мѣстнаго населенія. Поэтому мы считаемъ нужнымъ представить нѣкоторыя историческія свѣдѣнія о Военной Границѣ. Бытовой стороны граничарскаго населенія мы коснемся въ отдѣлѣ «этнографіи»; что же касается географическихъ данныхъ этого края, то мы уже выше представили оныя въ отдѣлѣ: «географическо-статистическій очеркъ Хорватіи и Славоніи».

Настоящее наше изслѣдованіе мы раздѣлили на слѣдующіе отдѣлы: А) историческій очеркъ хорватско-славонской Военной Границы; Б) состояніе народнаго образованія въ этомъ краѣ; В) состояніе въ немъ сельскаго хозяйства и Г) состояніе промышленности и торговли.

А. Историческій очеркъ хорватско-славонской военной границы.

I.

Мнѣнія о происхожденіи границы: сеньское капитанство и личко-крбавская украйна. Сербско-православная лично-крбавская княжина. Украйна хорватская и украйна славонская. Вараждинскій Генералатъ. Проектъ устройства маркграфства. Винидишко-хорватскій постоянный Генералатъ. „Brucker-Libell". Петриньская украйна.

Къ числу австро-венгерскихъ областей, получившихъ свое устройство подъ вліяніемъ средне-вѣковыхъ учрежденій Европы, слѣдуетъ отнести территорію, входящую въ составъ такъ называемой «хорватско-славонской Военной Границы». По вопросу о томъ, когда и подъ вліяніемъ какихъ политическихъ событій создалась хорватско-славонская Военная Граница, существуютъ различныя мнѣнія, которыя мы находимъ въ трудахъ нѣмецко-славянскихъ ученыхъ. Такъ по мнѣнію однихъ ученыхъ, нѣкій графъ Альбенъ Цили, начальникъ германскаго войска, стоявшаго лагеремъ въ небольшомъ городкѣ Сеньѣ *), устроилъ «сеньское капитанство», въ которомъ и ввелъ военное устройство. Это-то капитанство, устроенное еще въ XV ст., при венгерскомъ королѣ Сигизмундѣ и послужило такъ сказать, образцомъ, по которому стала современемъ устраиваться Военная Граница. Но это мнѣніе не выдерживаетъ исторической критики. Въ историческихъ памятникахъ мы находимъ указанія, что германскія войска при королѣ Сигизмундѣ несли гарнизонную службу въ Сеньѣ, съ цѣлью охранять этотъ городъ, равно какъ и прилежавшую къ нему мѣстность, отъ вторженій туда турокъ: графъ Альбенъ Цили, какъ начальникъ войска, носилъ титулъ «капитана», и, въ силу военныхъ соображеній, ввелъ военную организацію въ районѣ, ввѣренномъ его управленію. Можетъ статься, мѣстность, находившаяся подъ его властью, и носила названіе «капитанство»; но тамошняя, военная организація вполнѣ разнилась отъ той, кото-

*) Сенья (Zeng)—небольшой городокъ на берегу адріатическаго моря.

рая была введена въ области, вошедшія со временемъ въ составъ хорватско-славонской Границы: въ первомъ случаѣ она была построена на военно-нѣмецкомъ началѣ, тогда какъ во второмъ случаѣ—на началѣ федеративномъ, на правахъ и привилегіяхъ, которыя были жалуемы тамошнему населенію. Иначе и не могло быть. Передовыми борцами съ турками является пришлый, славянскій, а не германскій элементъ. Это-то обстоятельство и служитъ объясненіемъ того историческаго факта, почему хорватско-венгерскіе короли такъ охотно принимали къ себѣ на службу славянскихъ переселенцевъ. Итакъ въ дѣлѣ созданія Военной Границы принялъ непосредственное участіе пришлый, славянскій элементъ, а не нѣмецкій: не будь славянскихъ переселенцевъ, можетъ быть не было бы и Военной Границы. Правда, что, съ теченіемъ времени, нѣмецкій элементъ, какъ представитель власти въ странѣ, придалъ внутренней ея организаціи нѣмецкій характеръ, однако, граничарское населеніе и по сіе время сохранило въ себѣ задатки славянской народности. Поэтому, по вопросу о происхожденіи хорватско-славонской Военной Границы, заслуживаетъ въ историческомъ отношеніи, большаго вѣроятія то мнѣніе, поборниками котораго являются славянскіе ученые, которые утверждаютъ, что во 2-й половинѣ XV ст., при хорватско-венгерскомъ королѣ Матвѣѣ Корвинѣ, сербы и босняки стали массами переселяться изъ Турціи на территорію хорватско-венгерскаго королевства. Этимъ-то славянскимъ переселенцамъ были отведены для мѣста жительства двѣ области: «Лика» и «Крбава» *), съ условіемъ, чтобы они образовали изъ себя «военную пограничную стражу» (miles confinarius), съ цѣлью охранять хорватско-венгерскую территорію отъ турокъ. Эти славянскіе выходцы принесли съ собою, понятно, и свое родовое устройство. Въ случаѣ опасности, они сформировывали изъ себя отдѣльные отряды—«дружины» (четы) и изъ своей среды выбирали своихъ начальниковъ, которые были извѣстны подъ именемъ «арамбашей». Эта народная милиція признавала своимъ поглаваремъ, по-

*) Область «Лика» лежала у подножія горы Велебита и получила свое названіе отъ рѣчки Лики, а область «Крбава», носившая свое названіе отъ рѣчки Крбавы, была отдѣлена отъ Лики горою Вербачка—Стаза.

литическимъ и военнымъ, хорватскаго бана, была подчинена законодательству хорватскаго королевства и даже была защищена особыми постановленіями противъ нападокъ генераловъ и капитановъ австрійскаго и нѣмецкаго войска. Въ мирное время эта милиція даже и содержала себя на свои собственныя средства. Въ военное же время однѣ дружины получали денежную субсидію отъ правительства и назывались «besoldete Nazionalmiliz», а другіе служили безплатно (unbesoldete Nazionalmiliz). Имѣются, правда, свѣдѣнія о томъ, что славянскіе выходцы, населявшіе области Лику и Крбаву, находились въ нѣкоторой зависимости отъ сеньскаго капитана. Но если эта зависимость и существовала, то была вполнѣ номинальная. Сеньскій капитанъ, управлявшій территоріею, соприкасавшеюся съ помянутыми областями, былъ, можетъ статься, уполномоченъ правительствомъ слѣдить за положеніемъ дѣлъ во вновь устроеной украйнѣ. Итакъ личко-крбавская украйна послужила, по мнѣнію славянскихъ ученыхъ, такъ сказать, первообразомъ хорватско-славонской Военной Границы.

Приступая къ изложенію дальнѣйшихъ политическихъ событій, подъ вліяніемъ которыхъ стала мало по малу устроиваться Военная Граница на хорватско-славонской территоріи, мы не считаемъ лишнимъ остановить вниманіе читателя на судьбѣ, постигшей личко-крбавскую украйну, этотъ зародышъ хорватско-славонской Границы. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ число славянскихъ переселенцевъ православнаго вѣроисповѣданія начало значительно возрастать въ Ликѣ и Крбавѣ, мѣстный католическій элементъ сталъ постепенно подпадать подъ власть православнаго элемента, а вмѣстѣ съ тѣмъ утрачивать свое политическое тамъ значеніе. Такимъ образомъ туземцы-корваты т. е. славяне римско-католическаго вѣроисповѣданія, которые мало по малу стали извѣстны подъ именемъ «придружницы» (adjuncti), жили у себя на родинѣ лишь по милости пришлаго сербскаго православнаго элемента. Численное превосходство православнаго населенія надъ римско-католическимъ повело къ тому, что въ концѣ XV ст. личко-крбавская украйна, созданная подъ вліяніемъ римско-католическаго начала, была преобразована въ «сербско-православную личко-крбавскую кнежину», которая подпала подъ непосредственную

власть венгерскаго палатина. Впрочемъ, эта «кнежина» не долго просуществовала. Мы видимъ, что, начиная съ первой половины XVI ст., турки быстрыми шагами подвигаются по разнымъ направленіямъ хорватско-славонской территоріи. Такимъ образомъ ея границы отступили съ одной стороны къ Вировитицѣ и къ Илоку, а съ другой—къ рѣкѣ Унѣ. Хорватско-венгерскій король Людовикъ II поспѣшаетъ оказать вооруженную помощь хорватамъ, утратившимъ уже всякую надежду пріостановить побѣдоносное шествіе турокъ. Германскія войска, подъ начальствомъ австрійскаго эрцъ-герцога Фердинанда, занимаютъ въ 1523 году пограничные пункты королевства. Между прочимъ одна часть войска, имѣвшая во главѣ графа Ивана Карловитья, была отправлена въ личко-крбавскую кнежину, которой грозила опасность со стороны турокъ. Вскорѣ по пріѣздѣ, графъ Карловитья возбудилъ противъ себя всеобщее неудовольствіе въ мѣстномъ населеніи и былъ вынужденъ поспѣшно оставить страну. Послѣ бѣгства графа Карловитьи, настала полная анархія въ странѣ, чѣмъ воспользовались турки и подчинили «кнежину» своей власти.

Важнымъ событіемъ въ исторіи Хорватіи и Славоніи является битва при Мохачѣ въ 1526 году, послѣдствіемъ которой было то, что значительная часть ея территоріи отошла подъ власть турокъ. Такимъ образомъ границы Хорватіи и Славоніи отодвинулись еще далѣе, а именно къ предѣламъ городовъ Копривницы, Крижевца и Иванича съ одной стороны, и къ рѣкѣ Купѣ съ другой. Этотъ погромъ такъ сильно переполошилъ хорватовъ, что они стали употреблять всевозможныя старанія къ выселенію эмиграціи славянъ изъ турецкихъ областей. Понятно, почему славянскіе переселенцы были обыкновенно водворяемы на тѣхъ поземельныхъ участкахъ, которые находились въ сосѣдствѣ съ турецкими владѣніями. Такимъ образомъ, славянскимъ выходцамъ было предназначено служить передовою стражей къ охраненію территоріи Хорватіи и Славоніи отъ вторженія туда турокъ. Впрочемъ, за недостаткомъ тамъ правильной военной организаціи, военныя поселенія утрачивали въ военно-стратегическомъ отношеніи всякое значеніе. Поэтому Фердинандъ I, вступивши въ 1527 году на хорватско-венгерскій престолъ, не преминулъ подраздѣлить земли, населенныя славянскими эмигрантами, на двѣ области, именно: «украйна хорват-

ская» (Kroatische Gränzen) и «украйна славонская» (Windische und Kopreinitze Gränzen). Эти области подпали непосредственной власти государя венгерскаго и хорватскаго. Въ составъ хорватской украйны вошла территорія, занимавшая пространство земли между адріатическимъ моремъ и рѣкою Уной. Въ этой области лежали города: Рѣка, Сенья, Отогацъ, Брюндель, Берлогъ, Дресникъ, Цетинь, Слуинь, Огулинъ, Модружь, Глина, Храстовитцъ, Сисакъ и другіе*). А славонская украйна обнимала территорію, которая нынѣ составляетъ сѣверо-восточную часть Хорватіи. Въ этой области лежали слѣдующіе города: Вараждинъ, Св. Георгій, Крижевцы, Цирквени, Иваничъ, Загребъ и Копривница. Помянутыя области были также извѣстны подъ названіями: «desertum primum» и «desertum secundum», такъ какъ онѣ носили на себѣ слѣды турецкихъ вторженій. Мы не считаемъ лишнимъ при этомъ замѣтить, что населеніе украинъ хорватской и славонской имѣло, такъ сказать, свое народное самоуправленіе, въ силу котораго народъ самъ выбиралъ свои военныя власти; граничары сами были собственниками поземельныхъ участковъ, а слѣдовательно надъ ними не лежалъ гнетъ спахій (помѣщиковъ), какъ это было въ Хорватіи и Славоніи. Теперь понятно, почему граничары невольно поддавались самообольщенію, что они находятся при внѣшнихъ условіяхъ болѣе благопріятныхъ, чѣмъ жители сосѣднихъ съ ними земель—Хорватіи и Славоніи.

Внутреннія австрійскія земли—Штирія, Каринтія и Крайна, сильно опасаясь вторженій со стороны турокъ, стали охотно отправлять и войска и деньги въ особенности въ славонскую украйну, какъ сосѣднюю имъ область. Съ приходомъ туда нѣмецкихъ войскъ, нѣмецкій элементъ сталъ постепенно усиливаться въ мѣстномъ управленіи. Такимъ образомъ мало по малу славонская украйна была преобразована въ «вараждинскій генералатъ», который, въ военно-административномъ отношеніи, былъ подраздѣленъ на три капитанства: копривницкое, крижевское и иваничское, получившихъ свое названіе отъ городовъ, въ которыхъ пребывали капитаны. Всѣ эти капитаны были

*) Изъ этого перечня городовъ въ хорватской украйнѣ видно, что при Фердинандѣ I, границы Хорватіи соприкасались съ Покупію т. е. съ мѣстностью, идущею вдоль рѣки Купы.

*

подчинены оберъ-капитану (генералу), который проживалъ въ городѣ Вараждинѣ, лежавшемъ по сосѣдству съ внутренно-австрійскими землями. Военное устройство было введено почти исключительно въ городахъ Копривницѣ, Крижевцахъ и Иваничѣ, тогда какъ остальная часть населенія вараждинскаго генералата находилась подъ тѣмъже конституціоннымъ управленіемъ, подъ какимъ и все населеніе Хорватіи и Славоніи.

Учрежденіе вараждинскаго генералата, подъ непосредственнымъ вліяніемъ нѣмецкаго элемента, не принесло впрочемъ желанныхъ результатовъ: оно являлось скорѣе пальятивною, чѣмъ радикальною мѣрой. Вотъ почему внутренно-австрійскія земли, при посредствѣ австрійскаго эрцъ-герцога Карла, стали ходатайствовать у императора Максимиліана II о принятіи болѣе радикальныхъ мѣръ для защиты юго-славянскихъ окраинъ отъ самопроизвола и звѣрства турокъ. Впрочемъ они, въ этомъ случаѣ, руководились и другими побужденіями, вытекавшими изъ ихъ стремленія подчинить хорватскую украйну нѣмецкому вліянію. Этимъ-то обстоятельствомъ и можно объяснить, почему въ основу составленнаго въ Вѣнѣ проекта легла мысль установить тѣсную политическую связь между означенными окраинами и германской имперіей. Такъ главная суть проекта заключалась въ томъ, что хорвато-славонская окраина должна составить одно «маркграфство», которое бы имѣло сдѣлаться наслѣдственною собственностью какого-либо германскаго государства, а на семъ послѣднемъ и лежала обязанность оказывать ему вооруженную помощь противъ турокъ. Это маркграфство должно было имѣть, въ полномъ смыслѣ слова, военное устройство. Притомъ, для защиты приморской части окраины слѣдовало бы завести военный флотъ. Впрочемъ, при жизни Максимиліана II, не было суждено осуществиться вышеописанному проекту.

Преемникъ Максимиліана II, Рудольфъ II, по вопросу о Военной Границѣ, пожелалъ слѣдовать пути, проложенному его предшественникомъ. Въ 1576 году былъ образованъ «виндишско-хорватскій постоянный генералатъ», въ составъ котораго вошли всѣ земли, составлявшія территорію хорватско-славонской украйны. Этотъ генералатъ былъ отданъ въ завѣдываніе австрійскаго эрцъ-герцога Кар-

ла. Впрочемъ его власть была крайне ограничена: онъ являлся лишь начальникомъ расположеннаго въ генералатѣ австрійскаго войска, тогда какъ туземное пограничное войско осталось подъ непосредственною зависимостью бана. Эрцъ-герцогъ Карлъ, въ качествѣ королевскаго намѣстника, созвалъ въ 1578 г. въ городѣ Брукѣ (на рѣкѣ Мурѣ въ Штиріи) сеймъ, на которомъ приняли участіе и хорватскіе чины. Постановленія, принятыя на этомъ сеймѣ и извѣстныя подъ именемъ «Brucker Libell», состояли изъ слѣдующихъ главныхъ пунктовъ: 1) «виндишско-хорватскій постоянный генералатъ» былъ подраздѣленъ на два генералата: «виндишскій» или «вараждинскій» и «хорватскій», которому въ 1579 году было дано названіе «карлштадтскаго»; 2) внутренно-австрійскія земли приняли на себя обязательство ежегодно вносить опредѣленную денежную сумму на содержаніе помянутыхъ генералатовъ, а именно: Штирія 274,102½ гульденовъ на содержаніе «виндишскаго генералата», а Карантія, Крайна и Горица—274,102½ гульденовъ на содержаніе «хорватскаго генералата»; 3) введеніе повсемѣстно военнаго устройства въ общихъ генералатахъ, причемъ былъ составленъ, по сему предмету, проектъ, который вошелъ въ силу въ 1580 году. Означенныя постановленія были утверждены императоромъ, который, съ своей стороны, заявилъ желаніе выдавать означеннымъ генералатамъ лично отъ себя ежегодную денежную субсидію въ размѣрѣ 140,000 гульденовъ.

Въ описываемый нами періодъ времени, габсбургская династія переживала тяжелую годину своей политической жизни; въ имперіи, можно сказать, царствовала полная анархія, чему не мало способствовало угрожающее положеніе, какое принимали съ одной стороны — реформаты, а съ другой—мадьярскіе инсургенты. Императоръ Рудольфъ II придавалъ большое значеніе эмиграціи славянъ изъ Турціи, такъ какъ онъ видѣлъ, что славянскіе выходцы, отличавшіеся отвагою на полѣ битвы и преданностью своему государю, могли представить прочную опору коронѣ въ дѣлѣ ослабленія революціонныхъ стремленій мадьяръ. Съ цѣлью поощрить эмиграцію славянъ, императоръ Рудольфъ II сталъ имъ жаловать разныя льготы. Этимъ-то и можно объяснить, почему такъ усилилась эмиграція славянъ изъ турецкихъ областей въ хорватско-славонскія окраины въ исходѣ XVI столѣтія, почему

наплывъ славянскихъ выходцевъ на территорію, лежавшую между рѣками Купой и Уной, былъ столь значителенъ, что въ 1598 году было положено устроить въ той мѣстности особую область—«петриньскую украйну» (Petriniane Gränze), которой было дано военное устройство. Итакъ славянскимъ переселенцамъ было предназначено играть двоякую роль: съ одной стороны охранять территоріальную цѣлость имперіи, а съ другой—являться поборниками порядка и спокойствія внутри государства.

II.

Законъ 1630 года. Петриньскій генералатъ. Личко-Крбавская вармедія. Учрежденіе славонской Военной Границы. Банская Граница. Домогательства хорватовъ относительно введенія гражданскаго устройства въ Военной Границѣ. Административное устройство Военной Границы. Судебная реформа 1754 года. Учрежденіе бригадъ. Свободныя военныя общины. Дворцовый военный совѣтъ. Дворцовая илирская депутація. Уставъ 1766 года. Военный кордонъ. Послѣдующія преобразованія въ хорватско-славонской Военной Границѣ. Современное административное устройство Военной Границы.

Славонскіе выходцы, поселяясь на хорватско-славонской территоріи, приносили съ собой и задатки выборнаго начала, которое лежало въ основѣ домашней, семейной жизни славянина. Притомъ, находясь подъ конституціоннымъ управленіемъ, общимъ всему населенію Хорватіи и Славоніи, граничары сильно отстаивали самоуправленіе и личную свободу въ странѣ, если со стороны нѣмецкихъ военныхъ властей высказывались попытки къ ограниченію того и другаго. Въ силу политическихъ событій, вѣнскій дворъ былъ вынужденъ держаться по отношенію къ граничарскому населенію двуличной политики: съ одной стороны онъ, повидимому, сочувственно относился къ національнымъ стремленіямъ туземнаго населенія, съ другой—старался, насколько было возможно, затормозить оныя. Такъ мы видимъ, что при Фердинандѣ II былъ изданъ законъ 5-го октября 1630 года, который, впрочемъ, вошелъ въ силу лишь въ виндишскомъ или вараждинскомъ генералатѣ. Вотъ главныя положенія этого закона: 1) относительно замѣщенія должностей въ мѣстной

администраціи, граничарскому населенію было предоставлено право выбора лицъ на низшія должности въ мѣстной администраціи. Впрочемъ, такой выборъ требовалъ еще утвержденія со стороны генерала. Назначеніе же на высшіе посты въ мѣстной администраціи составляло неотъемлемое право короны. 2) Въ каждомъ капитанствѣ было устроено по одному суду первой инстанціи, въ сферу дѣятельности котораго вошли лишь однѣ гражданскія дѣла маловажнаго характера. Судебный персоналъ состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: изъ предсѣдателя, носившаго титулъ «старшаго судьи» (Oberrichter) и изъ неопредѣленнаго числа членовъ — «ассесоровъ» (Beisitzer). Члены суда должны быть выбираемы «кнеземъ» или «старѣйшиной» и утверждаемы въ своемъ званіи генераломъ. Второю судебною инстанціей долженъ былъ служить «генеральскій судъ», предсѣдателемъ котораго былъ самъ генералъ: этотъ судъ былъ устроенъ въ Вараждинѣ. 3) Вараждинскій генералатъ, въ административномъ отношеніи, долженъ составлять одно политическое цѣлое, вполнѣ независимое ни отъ Венгріи, ни отъ Хорватіи. Этотъ законъ хранился на колокольнѣ старинной сербской церкви въ Северинѣ, куда вели желѣзныя двери, запертыя тяжелымъ замкомъ.

Законъ 1630 года, хотя, по видимому и открылъ свободный доступъ выборному началу въ странѣ, въ сущности-же былъ изданъ съ цѣлью положить преграду свободному развитію этого начала. Можно сказать, что со времени обнародованія означеннаго закона, населеніе вараждинскаго генералата, равно какъ и всей остальной части Границы, стало переходить подъ власть нѣмецкаго элемента. Такъ мы видимъ, что въ силу закона 1630 года было даровано граничарскому населенію право, по своему личному выбору, замѣщать низшія должностныя мѣста. Но это право было обставлено такими формальностями, что на дѣлѣ оно утрачивало свое значеніе. Весьма естественно, что генералъ, которымъ всегда было лицо нѣмецкаго происхожденія, утверждалъ выборъ лишь тогда, когда выбранное лице было нѣмецкаго происхожденія или-же пользовалось его довѣріемъ. Впрочемъ и судебная реформа открыла свободый путь произволу въ странѣ. Лица, принадлежавшія къ судебному персоналу, должны были

играть роль покорныхъ слугъ нѣмецкаго генерала, а слѣдовательно быть пассивными зрителями его самоволія. Уголовныя дѣла остались въ непосредственномъ завѣдываніи начальника капитанства, который, въ этомъ случаѣ могъ дѣйствовать съ полною свободой. Нерѣдко случалось, что и гражданскому дѣлу было придаваемо значеніе уголовнаго.

Дѣятельность нѣмцовъ, имѣвшая цѣлію онѣмеченіе Военной Границы, принимаетъ, съ теченіемъ времени, самые широкіе размѣры. Подъ вліяніемъ нѣмецкаго элемента, «петриньская украйна» была преобразована въ генералатъ, который былъ подраздѣленъ на пять капитанствъ: костайницкое, глинское, дубицкое, ясеновацкое и зринское. Въ 1652 году этотъ генералатъ, получившій названіе «петриньскаго», былъ присоединенъ къ вараждинскому. На помощь нѣмцамъ, при искорененіи славянской народности въ Границѣ, явились и мадьяры. Въ 1689 году были завоеваны у турокъ области Лика и Крбава, которыя, въ силу императорскаго декрета отъ 22-го іюня 1693 года, образовали одну область, получившую венгерское названіе «вармедія»: въ этой области было введено военное устройство.

Хорваты, понятно, стали употреблять всевозможныя усилія, чтобы съ одной стороны ослабить у себя вліяніе нѣмецкаго элемента, а съ другой—стать подъ непосредственное управленіе хорватскаго бана. Выразителемъ этихъ стремленій хорватовъ явился загребскій сеймъ. Въ 1696 г. на этомъ сеймѣ было постановлено предоставить хорватскому бану званіе «оберъ-капитана петриньскаго генералата». Въ то время австрійское правительство старалось быть въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ хорватами. Этимъ-то и можно объяснить, почему правительство одобрило постановленіе сейма. Съ теченіемъ времени территорія Границы значительно расширилась. Такъ въ 1699 году, по карловицкому миру, къ Австріи отошли земли, лежащія вдоль рѣкъ Савы, Тейсы и Мароша. Эти-то земли, которыя стали отводить для поселенія вновь прибывавшимъ изъ Турціи славянскимъ выходцамъ, образовали такъ называемую «славонскую Военную Границу».

Подчиненіе петриньскаго генералата хорватскому бану, понятно, возбудило въ хорватахъ желаніе включенія всей остальной Военной

Границы въ составъ хорватско-славонскаго королевства. Ихъ желанія въ этомъ отношеніи могли-бы осуществиться, если-бы тому не помѣшало ракоцкое возстаніе. 6, 15 іюня и 10 іюля 1703 г., состоялись уже императорскіе декреты, по которымъ военныя украйны — вараждинская, карштадтская и славонская должны были стойти подъ власть хорватскаго бана. Но въ это время вспихнуло ракоцкое возстаніе. Императоръ Леопольдъ I, сильно озабоченный широкими размѣрами революціоннаго движенія въ Венгріи, счелъ за нужное оставить status quo по отношенію къ устройству помянутыхъ украинъ. Мы не считаемъ лишнимъ замѣтить, что территорія Военной Границы значительно увеличилась вслѣдствіе пріобрѣтенія, по миру пассаровицкому, земель, лежавшихъ между рѣками Уной и Савой. Здѣсь-то въ 1718 году была устроена «Банская Граница».

Хорваты, при всякомъ удобномъ случаѣ, предъявляли свои требованія относительно соединенія Военной Границы въ политико-административномъ отношеніи съ Хорватіей и Славоніей. Такъ, загребскій сеймъ, принявъ въ 1721 году прагматическую санкцію, не преминулъ при этомъ заявить, чтобы было приведено въ исполненіе обѣщаніе, данное императоромъ Леопольдомъ I, о которомъ говорилось въ императорскихъ декретахъ отъ 6, 15 іюня и 10 іюля 1703 года. Вслѣдствіе такого заявленія въ 1723 году, подъ предсѣдательствомъ хорватскаго бана, была наряжена коммисія, которой было поручено внимательно разсмотрѣть заявленія хорватовъ по вопросу о политико-административномъ устройствѣ Военной Границы. Но и на этотъ разъ домогательства хорватовъ не увѣнчались успѣхомъ. Начались войны и съ турками и за престолонаслѣдіе; все это было причиной, что засѣданія коммисіи были пріостановлены.

При императрицѣ Маріи Терезіи было обращено особое вниманіе на введеніе правильной организаціи въ Военной Границѣ. Такъ, Военной Границѣ было дано слѣдующее административное устройство: а) «Банская Граница» (Banal-Militär-Grenze) [1]) была подраздѣлена въ 1745 году на два регимента: «первый банскій» (I Banal-Grenze-

---

[1]) Въ 1750 году хорватскій банъ сдѣлался собственникомъ (Inhaber) банской Границы.

Regimente); полковой штабъ въ городѣ Глинѣ и «второй банскій» (II Banal-Grenz-Regimente); полковой штабъ въ городѣ Петриньѣ [1]). б) «Карлштадтская Граница» (Carlstadter-Militär-Grenze) была подраздѣлена въ 1746 году на четыре регимента: 1) «Личкій» (Likaner-Grenz-Regimente); полковой штабъ въ городѣ Госпичѣ. 2) «Оточацкій» (Ottochaner-Grenz-Regimente); полковой штабъ въ городѣ Оточацѣ. 3) «Огулинскій» (Oguliner-Grenz-Regiminte); полковой штабъ въ городѣ Огулинѣ, и 4) «Слуинскій» (Sluiner-Grenz-Regimente); полковой штабъ въ городѣ Карлштадтѣ. в) «Вараждинская Граница» (Warasdiner-Militär-Grenze) была подраздѣлена въ 1746 году на два регемента: «Крижевскій» (Warasdiner-Keutzer-Grenz-Regimente) и «св. Георгіевскій» (Warasdiner-St.-Georger-Grenz-Regimente); полковой штабъ обоихъ регментовъ въ городѣ Бѣловарѣ [2]). «Славонская Граница» была подраздѣлена въ 1750 году на три регимента: 1) «градишскій» Gradiskaner-Grenz-Regimente); полковой штабъ въ городѣ Ново-градишкѣ; 2) «бродскій» (Broder-Grenz-Regimente); полковой штабъ въ городѣ Винковцы и 3) «Петро-варадинскій» (Peter-vardainer-Grenz-Regimente); полковой штабъ въ городѣ Земунѣ (Semlin).

Всѣ эти регименты, во главѣ управленія которыхъ стояли полковники (Oberster), были подраздѣлены, въ военно-административномъ отношеніи, на роты (компаніи), находившіяся подъ властью капитановъ (Hauptmann). Въ мирное время каждый регментъ состоялъ изъ двухъ батальоновъ, а въ батальонѣ было шесть ротъ (компаній). Трудно сказать, сколько было солдатъ въ каждомъ регментѣ, такъ какъ это зависѣло отъ численности населенія самого регмента. Въ военное-же время бывали сформированы—третій, четвертый, пятый даже шестой батальоны: въ этихъ дополнительныхъ батальонахъ полагалось по четыре роты. Кромѣ того, въ каждомъ регментѣ было устроено по одному эскадрону кавалеріи. По бѣдности

---

[1]) Начиная съ 1753 года, когда „петриньская граница“ вошла въ составъ Банской.

[2]) Въ 1753 году отошла въ вараждинской Границѣ небольшая территорія, лежащая между Хорватіей и Славоніей и извѣстная подъ именемъ „Жумберкъ“ (Sichelburg).

граничарскаго населенія, оно было не въ состояніи на свои собственныя средства содержать кавалерію. Поэтому-то правительство и стало выдавать на сей предметъ денежную субсидію, а именно по 24 гульд. на каждый изъ тѣхъ домовъ, на который падало содержаніе кавалеріи.

Въ 1754 году была произведена судебная реформа въ Военной Границѣ. Были устроены суды — «полковой» и «ротный», которые и явились первою судебною инстанціей. Теперь посмотримъ, какую организацію они получили. а) «Полковой судъ» (Grenz-Regiments-Gericht); въ каждомъ региментѣ по одному суду. Въ сферу дѣятельности полковаго суда, которому были подсудны и офицеры до полковничьяго чина, вошли уголовныя дѣла, равно какъ и гражданскія большой важности. Въ военное время полковой судъ бывалъ уполномоченъ правомъ произнесть надъ преступникомъ и смертный приговоръ. Судебный его персоналъ былъ составленъ изъ слѣдующихъ должностныхъ лицъ: «полковыхъ аудиторовъ» (Regiments-auditor) — числомъ два и «ассесоровъ», число которыхъ было неопредѣлено. Эти послѣдніе бывали обыкновенно выбираемы изъ среды штабъ и оберъ-офицеровъ и фельдфебелей. Говоря о полковомъ судѣ, мы не можемъ при этомъ не сказать нѣсколько словъ о «jus gladii aggratiandi» (законъ о наказаніяхъ и милостяхъ). Этотъ законъ имѣлъ силу лишь для тѣхъ австрійскихъ генераловъ, которые, въ награду за особыя услуги, оказанныя государству, бывали награждаемы почетнымъ званіемъ «собственника полка» (Regimets-Inhaber). Такъ было имъ предоставлено право или отмѣнять приговоръ полковаго суда, или же уменьшать положенное судомъ наказаніе; но ни въ какомъ случаѣ не увеличивать онаго. Въ случаѣ, если генералъ, собственникъ полка; пожелалъ бы усилить наказаніе, произнесенное на судѣ, слѣдовало войти, по этому предмету, въ сношеніе съ высшею военною властью.

б) «Ротный судъ» (Campagnie-Gericht). Въ каждой ротѣ было устроено по одному суду: ему были подсудны какъ лица всѣхъ гражданскихъ званій, такъ и низшіе военные чины. Въ сферу его компетентности вошли гражданскія дѣла. Обязанности предсѣдателя несъ ротный начальникъ. Лицо, обвиненное въ какомъ-либо проступкѣ, если только оно принадлежало къ военному званію, бывало обыкновенно наказываемо палочными ударами, впрочемъ, не болѣе 25.

Императрица Марія Терезія, вступивъ разъ на путь реформъ по отношенію къ Военной Границѣ, пожелала довести начатое ею дѣло до конца. Такъ мы видимъ, что была произведена новая классификація полковъ: Личкій региментъ былъ обозначенъ подъ № 1, Оточацкій—№ 2, Огулинскій—№ 3, Слуинскій—№ 4, Крижевскій—№ 5, Св. Георгіевскій—№ 6, Бродскій—№ 7, Градишскій—№ 8, Первый Банскій—№ 10 и второй банскій—№ 11. Вся хорватско-славонская Граница была раздѣлена на пять бригадъ: 1) «оточацко-личкая»: бригадный штабъ въ г. Оточацѣ. 2) «Слуинско-Огулинская»; бригадный штабъ въ «Карловцѣ (Carlstadt). 3) «Банальская»; бригадный штабъ въ г. Петриньѣ. 4) «Крижевско-св. Георгіевская»; бригадный штабъ въ г. Бѣловарѣ. 5. «Градишско-Бродская» бригадный штабъ въ г. Винковцахъ. Нѣкоторые города, жители которыхъ заявили свою воинскую доблесть въ войнахъ съ турками, были преобразованы въ «свободныя военныя общины» (Freie-Militär-Kommunitäten). Такими городами были слѣдующіе: Карлопаго (въ Личкомъ региментѣ), Сенья (въ Оточацкомъ региментѣ), Петриньа и Костайница (во второмъ Банскомъ региментѣ), Бѣловарь и крѣпость Иваничъ (въ Крижевскомъ региментѣ) и Бродъ (въ Бродскомъ региментѣ). Въ этихъ городахъ мѣстное управленіе было сосредоточено въ магистратахъ, членами которыхъ были почти исключительно военные чины. Эти магистраты являлись представителями административно-судебной власти во всемъ районѣ, входившемъ въ составъ городскаго управленія. Магистратскій судъ (Kommunitäts-Matisgrats-Gericht) компетентенъ исключительно по дѣламъ гражданскимъ. Наивысшимъ наказаніемъ, къ какому онъ былъ уполномоченъ приговорить, было трехмѣсячное тюремное заключеніе.

Высшія военныя власти, которыми были почти исключительно лица нѣмецкаго происхожденія, являлись, можно сказать, вполнѣ безотвѣтственными въ своихъ дѣйствіяхъ. Составляя изъ себя пришлый элементъ и относясь къ средѣ, ихъ окружающей, крайне враждебно, онѣ находили въ порядкѣ вещей, что уроженцы Границы въ чинѣ капитана заканчивали свою карьеру, что граничаръ, имѣя какой-либо офицерскій чинъ, могъ владѣть лишь однимъ рало земли (около 1,600 кв. саж.), а по выходѣ въ отставку, не болѣе 6 рало, что

граничарскій офицеръ былъ лишенъ права жить въ одномъ домѣ съ своими родными, да притомъ не могъ служить въ той компаніи, въ которой его родные владѣютъ какою-либо поземельною собственностью и т. д. И въ судопроизводствѣ также царствовалъ полный произволъ. Полковыми аудиторами были, въ большинствѣ случаевъ, лица нѣмецкаго происхожденія, мало знакомыя съ славянскимъ языкомъ. Такимъ образомъ предварительные допросы подсудимаго обыкновенно происходили при посредствѣ переводчика, который, передавая его слова, нерѣдко искажалъ суть дѣла, вслѣдствіе чего болѣе всего страдало лицо, привлеченное къ суду. Принявъ во вниманіе и то, что полковые аудиторы составляли, какъ мы выше замѣтили, обвинительный актъ, сообразуясь при этомъ съ показаніями, представленными имъ со стороны мѣстныхъ военныхъ властей, можно уже поэтому судить въ какомъ искаженномъ видѣ являлось предъ судомъ то или другое гражданское и уголовное дѣло. Теперь посмотримъ какъ поступали мѣстныя военныя власти для открытія какого-либо преступленія, а также съ лицами заподозрѣнными въ неблагонадежности. Въ случаѣ, если-бы въ какомъ-либо селеніи было совершено преступленіе, мѣстные жители, были обязаны, въ теченіе мѣсяца донести ротному начальнику объ имени преступника, въ противномъ случаѣ они должны были уплатить, въ видѣ штрафа, денежную сумму въ размѣрѣ 100 гульд., а эта денежная пеня была извѣстна подъ именемъ «мустулюкъ». Въ случаѣ, если, въ теченіи года, преступникъ не былъ открытъ, означенная сумма поступала въ собственность полковой кассы. Если граничаръ хоть разъ въ жизни былъ пойманъ въ воровствѣ или же былъ лишь въ томъ заподозрѣнъ, то онъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, не смѣлъ, въ ночное время, оставлять своего жилища и, во время прохода мимо его дома ночнаго патруля, долженъ былъ на его окликъ подавать голосъ. Граничаръ, заподозрѣнный мѣстными военными властями въ неблагонадежности, былъ обязанъ жить вблизи мѣстнаго начальства. Такимъ образомъ граничаръ бывалъ вынуждаемъ оставлять свой домъ, если только онъ отстоялъ поодаль отъ мѣстожительства ротнаго начальника. Мы могли бы привести еще много примѣровъ въ объясненіе того тяжелаго по-

ложенія, въ какомъ находилось граничарское населеніе въ описываемый нами періодъ времени.

Въ 1763 году Военная Граница отошла въ вѣдѣніе «дворцоваго военнаго совѣта» (Hof-Kriegsrath), а въ 1766 году—«иллирской дворцовой депутаціи». Относительно внутренняго устройства Военной Границы было издано много положеній, которыя вскорѣ были замѣняемы другими. Между прочимъ въ 1766 году былъ обнародованъ уставъ, въ силу котораго территорія каждаго регимента, въ административномъ отношеніи, была раздѣлена на три «кантона». Каждый кантонъ долженъ былъ выставить по одному батальону, который имѣлъ состоять изъ шести ротъ (компаній): въ ротѣ, въ мирное время, слѣдовало имѣть 160 человѣкъ, а въ военное время—200 человѣкъ. Каждый граничаръ, если только онъ былъ способенъ къ военной службѣ, обязанъ былъ нести воинскую повинность, получая отъ казны лишь пару сапоговъ. Когда же граничарское войско, въ случаѣ войны, покидало свою территорію, то было содержимо и продовольствуемо на счетъ государства. Притомъ каждый граничаръ, въ мирное время, былъ обязанъ, ежегодно въ теченіи 18 дней, работать тамъ, куда пошлетъ его военное начальство. Все граничарское населеніе было обложено поземельною податью.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о военномъ кордонѣ. На всемъ протяженіи кордонной линіи, тянувшейся вдоль турецкой границы, были построены «чардацы» (Wachhäuser): подъ этимъ названіемъ разумѣлись небольшія деревянныя постройки, въ которыхъ помѣщались военные караулы, имѣвшіе своею обязанностью оповѣщать о приближеніи непріятеля, а въ случаѣ нужды и отбивать первые его натиски. Эти «чардацы» находились въ такомъ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго, что военный сигналъ быстро передавался отъ одного аванпоста къ другому, такъ что въ теченіе непродолжительнаго времени становилось извѣстно на всей линіи о приближеніи непріятеля. Тогда съ главныхъ передовыхъ постовъ бывали немедленно отправляемы вѣстовые въ ближайшіе полковые штабы, а оттуда уже подавались сигналы по всему регименту о сборѣ войскъ, что обыкновенно производилось посредствомъ сжиганія сноповъ соломы, которые бывали разставляемы на проѣзжихъ до-

рогахъ. Граничаръ, увидѣвши подобный сигналъ, былъ обязанъ, въ свою очередь, бить въ набатъ, посредствомъ удара въ желѣзныя доски, которыя составляли необходимую принадлежность каждаго граничарскаго дома. Тогда всѣ граничары, которые были только способны носить оружіе, спѣшили принять на себя уже заранѣе опредѣленныя для каждаго изъ нихъ обязанности. Мы не считаемъ лишнимъ при этомъ замѣтить, что кордонная служба хотя и лежала на обязанности мѣстнаго граничарскаго населенія, которое было извѣстно подъ именемъ «сережановъ» *), однако каждый регментъ, даже и въ мирное время, долженъ былъ выставить ежегодно для кордонной службы отъ 100 до 200 воиновъ, которые находились подъ командою своихъ собственныхъ начальниковъ. Въ мирное время на кордонной стражѣ лежали слѣдующія обязанности: отыскивать дезертировъ, преслѣдовать разбойниковъ и вообще исполнять всѣ порученія, какія бывали возлагаемы на нее военными властями.

Съ теченіемъ времени оказалось, что нѣкоторыя изъ нововведеній, о которыхъ мы выше говорили, не принесли желанныхъ результатовъ; напротивъ того онѣ или падали тяжелымъ бременемъ на мѣстное населеніе, или же представляли широкое поле произволу. Въ силу этихъ соображеній, какъ тѣ, такъ и другія были отмѣнены. Такъ мы видимъ, что въ 1786 году были упразднены пограничные кавалерійскіе эскадроны, такъ какъ правительственная субсидія на содержаніе ихъ оказалась крайне недостаточной; въ томъ же году «право наказанія и помилованія» (jus gladii et aggratiandi) было передано хорватскому бану, какъ главному начальнику Военной Границы, а въ 1815 году—высшему военному суду въ Вѣнѣ. Впрочемъ, хорватскій банъ, какъ собственникъ банскихъ регментовъ, сохранилъ за собой помянутое право.

Между тѣмъ внѣшнія событія шли своимъ чередомъ, что неминуемо отзывалось и на положеніи дѣлъ въ Военной Границѣ. Въ 1791 году территорія Военной Границы немного расширилась, вслѣдствіе присоединенія къ ней земель, пріобрѣтенныхъ Австріей по си-

*) Они имѣли свой народный костюмъ и находились подъ властью своихъ начальниковъ—„арамбашей“.

стовскому миру. Такъ мы видимъ, что карлштадтскіе регименты были нѣсколько округлены; они добыли крѣпость Цѣтинь и нѣкоторыя другія мѣста. 1-го ноября 1800 года, было отмѣнено дѣленіе региментовъ на кантоны и возстановлено въ Границѣ прежнее ея административное устройство. По вѣнскому миру 1809 года, Австрія утратила Карлштадтскіе и Ванскіе регименты, а по парижскому миру 1814 года, она вторично ихъ пріобрѣла.

Теперь вкратцѣ охарактеризуемъ преобразованія, которыя были произведены въ Военной Границѣ въ теченіи послѣднихъ 50 лѣтъ. Слуинскій региментъ былъ раздѣленъ на три отдѣла: «нижній»(unter-Kreis), прилегавшій къ гор. Карлштадту; средній (mittlerer-Kreis)— небольшое пространство территоріи, лежащее при западныхъ границахъ Хорватіи и ограниченное поворотомъ р. Купы, и верхній (Oberer-Kreis) который лежитъ при западныхъ границахъ Хорватіи между рѣками Купа и Сава. Со времени введенія судебной реформы по военному вѣдомству въ Австріи, хорватско-славонская Военная Граница получила общее всей Имперіи военное законодательство, которое, впрочемъ, было нѣсколько измѣнено, сообразно самому положенію граничарскаго населенія. Первую судебную инстанцію составили «полковой судъ» и «ротный судъ», о которыхъ мы выше говорили. Второю судебною инстанціей явился военный судъ (K. K. Landes-Militärgericht) въ Загребѣ, предсѣдателемъ котораго сдѣлался хорватскій банъ, какъ главный начальникъ Военной Границы; а третьею судебною истанціей—«высшій военный судъ» (K. K. Oberstes—Militärgericht) въ Вѣнѣ.

Въ періодъ времени отъ 1848 по 1851 годъ, когда все австрійское войско было раздѣлено на четыре арміи, въ составъ 4-й арміи вошли войска, расположенныя въ Хорватіи и Славоніи, равно какъ и все граничарское войско, находившееся въ десяти региментахъ хорватско-славонской Военной Границы. Начальство надъ этою 4-ю арміей, которая называлась «Sud-Slavische-Armee», было возложено на хорватскаго бана Іосифа Іелатича, а устроенное въ Загребѣ военное управленіе получило названіе «Sud-Slavische-Armee-Kommando». Притомъ Личкому регименту было дано названіе

«Kaiser-Franz-Josef-Likaner-Grenz-Regimente», а первому банскому—«Graf Jellatitsch I Banal-Grenz-Regimente».

Правительственная система централизма произвела своего рода вліяніе и на военную организацію юго-славянскихъ окраинъ Австріи. 4-я армія, иначе извѣстная подъ именемъ «юго-славянской», прекратила свое существованіе. Въ силу императорскаго рескрипта отъ 23-го іюля 1853 года, «Sud-Slavische-Armee-Kommando» было переименовано въ «K. K. Landes-Ganeral-Kommando»: въ немъ было сосредоточено все военное управленіе какъ хорватскимъ королевствомъ, такъ и хорватско-славонской Военной Границей. Въ 1852 году появился законъ о рекрутскомъ наборѣ въ хорватско-славонской Военной Границѣ. Вотъ его главныя положенія: 1) рекрутскій наборъ долженъ быть производимъ ежегодно; 2) единственный сынъ въ семьѣ освобождается отъ военной службы; если-же въ семьѣ нѣсколько сыновей, то одинъ изъ нихъ также освобождается отъ военной службы; 3) граничаръ долженъ находиться въ военной службѣ въ теченіи 10 лѣтъ, а именно—4 года въ дѣйствительной службѣ, 4 года—въ резервахъ и 2 года — въ отпуску; по прошествіи 10-ти лѣтняго срока, онъ получаетъ безсрочный отпускъ. Въ случаѣ же войны и безсрочно-отпускные обязаны, по первому призыву, вступить въ ряды войска.

Вопросъ о введеніи гражданскаго устройства въ Военной Границѣ служилъ широкимъ полемъ, на которомъ хорваты продолжали упорно вести борьбу съ правительствомъ. Вопросъ этотъ былъ поднятъ въ 1861 году на загребскомъ сеймѣ, на которомъ былъ разрѣшенъ въ смыслѣ благопріятномъ заявленіямъ хорватовъ. Но постановленіе сейма не было утверждено правительствомъ. Лишь въ послѣдствіи, подъ вліяніемъ политическихъ событій, австрійское правительство сдѣлалось уступчивѣе въ этомъ отношеніи. Въ 1869 году, было введено гражданское устройство въ региментахъ—Св. Георгіевскомъ и Крижевскомъ и въ военныхъ общинахъ—Сеньѣ, Бѣловарѣ, Иваничѣ и Сисакѣ. Въ силу императорскаго рескрипта отъ 8-го марта 1872 года, былъ уничтоженъ въ хорватско-славонской Границѣ военный кордонъ, и взамѣнъ его была устроена таможенная служба,

съ цѣлью взимать пошлины съ товаровъ, привозимыхъ изъ Турціи въ Австрію.

Въ 1871 году былъ изданъ законъ относительно переустройства хорватско-славонской Военной Границы. Въ Военной Границѣ было введено такъ называемое провизорное управленіе. Территорія Границы, въ административномъ отношеніи, была раздѣлена на шесть округовъ, управляемыхъ окружными начальниками (окружни предстойникъ); каждый округъ былъ въ свою очередь подраздѣленъ на уѣзды (котары), находящіеся подъ управленіемъ уѣздныхъ начальниковъ (котарски предстойникъ), а уѣзды состоятъ изъ общинъ. Именно.

1) Личко-оточкій округъ (Lika-Otočaner-Grenz-District): въ немъ уѣздовъ 8, общинъ—31 (сельскихъ 30 и городская 1), пространство—103 кв. мили 31 кв. сажень, численность населенія—177,489 душъ, мѣстопребываніе окружнаго начальника—городъ Госпичъ.

2) Огулинско-слуинскій округъ (Ogulin-Sluiner-Grenz-District): въ немъ уѣздовъ 6, общинъ—30, пространство—70 кв. миль 33 кв. саж., численность населенія—158.345 душъ, мѣстопребываніе окружнаго начальника—г. Огулинъ.

3) Банскій (Banal-Grenz-District): въ немъ уѣздовъ 7, общинъ—29 (сельскихъ—27 и городскихъ—2), пространство—48 кв. миль 15 кв. саж., численность населенія—129.680 душъ, мѣстопребываніе окружнаго начальника—городъ Петринья.

4) Градишскій (Gradiskaner-Grenz-District): въ немъ уѣздовъ 3, общинъ—18, пространство—33 кв. мили 24 кв. саж., численность населенія—57,118 душъ, мѣстопребываніе окружнаго начальника—городъ Ново-Градишко.

5) Бродскій (Broder-Grenz-District): въ немъ уѣздовъ—4, общинъ—28 (сельскихъ 27 и городская—1), пространство—38 кв. миль 62 кв. саж., численность населенія — 73,787 душъ, мѣстопребываніе окружнаго начальника—городъ Винковцы.

6) Петроварадинскій (Petervardainer-Grenz-District): въ немъ уѣздовъ 6, общинъ—43 (сельскихъ—40 и городскихъ—3), пространство—59 кв. миль 59 кв. саж., численность населенія—97,488 душъ, мѣстопребываніе окружнаго начальника—городъ Земунъ (Semlin).

Высшее административное управленіе Военной Границы осталось по прежнему въ завѣдываніи особаго учрежденія «C. Kr. glavno vojno zapovjedničtvo», которое находится въ Загребѣ. Во главѣ этого учрежденія стоитъ австрійскій генералъ, который носитъ титулъ «Kommandirender General:» онъ—непосредственный начальникъ всѣхъ войскъ, расположенныхъ какъ въ Хорватіи и Славоніи, такъ и въ Военной Границѣ; по всѣмъ дѣламъ, непосредственно входящимъ въ сферу его дѣятельности, онъ зависитъ отъ военнаго министра. Мы не считаемъ лишнимъ замѣтить, что при военномъ министерствѣ въ Вѣнѣ есть отдѣленіе для дѣлъ, касающихся Военной Границы. Главнокомандующій имѣетъ право самъ назначать на низшіе посты мѣстной администраціи; тогда какъ назначенія на высшія должности могутъ состояться не иначе, какъ съ утвержденія императора.

Въ каждомъ округѣ есть по нѣскольку судовъ первой инстанціи, а именно: въ Личко-оточкомъ—8, въ Огулинско-слуинскомъ—6, въ Банскомъ—5, въ Градиискомъ—3, въ Бродскомъ—4, и въ Петроварадинскомъ—4. Второю судебною инстанціей служитъ Банскій Столъ въ Загребѣ, третьею инстанціей—Седиорице (Septemvirat) въ Загребѣ.

Во всѣхъ вышепоименованныхъ округахъ созываются скупщины, которыя имѣютъ право обсуждать дѣла общественно-административныя, касающіяся всего округа. Впрочемъ Военная Граница не пріобрѣла права отправлять депутатовъ въ загребскій сеймъ.

Вышеописаннымъ нами административнымъ устройствомъ Военной Границы крайне недовольны и граничары и вообще всѣ югославяне. Это видно какъ изъ неоднократныхъ ходатайствъ граничаровъ о подчиненіи ихъ, въ административномъ отношеніи, хорватскому бану, такъ и изъ торжественныхъ заявленій загребскаго сейма въ видѣ адресовъ на имя австрійскаго императора, въ которыхъ высказывалась необходимость положить конецъ провизорному положенію бывшей Военной Границы и присоединить ее къ *матери—землѣ*. Всѣ эти ходатайства и адресы остались безъ послѣдствій. Впрочемъ, трудно и предполагать, что австрійское правительство, находящееся подъ сильнымъ давленіемъ мадьярскаго элемента, могло-бы явиться исполнительницей горячихъ желаній хорватовъ.

В. Состояніе образованія въ хорватско-славонской Военной Границѣ.

Школы-проводники нѣмецкаго вліянія въ краѣ. Устройство сербскихъ школъ. Вліяніе правительственной системы централизма на состояніе учебнаго дѣла въ краѣ. Учебная реформа 1860 года. Сербскій соборъ 1870 года. Школьный законъ 1871 года. Очеркъ современнаго состоянія учебной части въ Военной Границѣ.

Въ историческомъ очеркѣ хорватско-славонской Военной Границы, мы обратили вниманіе читателя на стремленія австрійскаго правительства къ усиленію нѣмецкаго вліянія въ описываемой нами мѣстности. Такъ какъ лучшимъ ему пособникомъ, въ этомъ отношеніи, могла явиться школа, то и было обращено особое вниманіе на устройство тамъ нѣмецкихъ училищъ. Уже въ началѣ прошлаго столѣтія стали появляться въ нѣкоторыхъ городахъ и селахъ Военной Границы нормальныя 2-хъ классныя школы, которыя сдѣлались проводниками нѣмецкаго начала въ странѣ. Учебнымъ языкомъ былъ въ нихъ принятъ языкъ нѣмецкій, воспитанникамъ было строго воспрещено говорить въ зданіи училища на родномъ имъ славянскомъ языкѣ. Въ большихъ размѣрахъ стремленія австрійскаго правительства, въ дѣлѣ «онѣмеченія» граничарскаго населенія, стали проявляться со второй половины прошлаго столѣтія, а именно съ 1755 года, когда стали открывать въ Военной Границѣ 4-хъ классныя и 3-хъ классныя нормальныя училища (по преимуществу въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ находились полковые штабы). Эти училища обыкновенно устроивались подъ вліяніемъ нѣмецкаго начала и по образцу среднихъ учебныхъ заведеній. Учебная часть въ нихъ ввѣрялась лицамъ нѣмецкаго происхожденія. А въ императорскомъ рескриптѣ отъ 1764 года прямо говорилось, чтобы «въ каждой ротѣ было по одному учителю нѣмецкаго происхожденія, который бы обучалъ необразованный граничарскій народъ, дабы могли бы выйти изъ его среды лица, способныя къ военной службѣ и знающія читать и писать по нѣмецки». Устроенная въ Вѣнѣ «иллирская дворцовая депутація» ревностно продолжала работать въ виду, съ помощью школъ, упрочить въ странѣ нѣмецкое начало.

Дѣятельность австрійскаго правительства, клонившаяся къ ослабленію славянскаго элемента въ краѣ, естественно возбуждала неудовольствіе среди мѣстныхъ жителей—сербовъ, т. е. славянъ православнаго вѣроисповѣданія, которые составляли значительную часть мѣстнаго населенія. Силою политическихъ событій австрійское правительство было вынуждено выполнить горячее желаніе сербовъ — имѣть училища, которыя были бы проводниками сербской народности. Такъ въ 1779 году было открыто нѣсколько сербскихъ школъ впрочемъ на средства самихъ сербовъ.

Мы не станемъ говорить о постепенномъ ходѣ учебнаго дѣла въ Военной Границѣ. Достаточно замѣтить, что, начиная съ 1836 года, общины стали открывать, на свои собственныя средства, народныя училища, хорватскія и сербскія. Къ сожалѣнію, многія изъ нихъ, по истеченіи нѣкотораго времени, были закрыты единственно по недостатку денежныхъ средствъ въ общинахъ.

Правительственная система централизма произвела непосредственное вліяніе на состояніе учебнаго дѣла въ Военной Границѣ. Такъ мы видимъ, что общинныя школы на языкѣ офиціальномъ стали носить названіе «Deutsche-Gemeinde-Schulen». Самое уже названіе ясно показываетъ, что эти школы вполнѣ находились подъ нѣмецкимъ вліяніемъ. Понятно, учебнымъ языкомъ былъ принятъ въ нихъ языкъ нѣмецкій, учили читать и по сербски, но по книгамъ, писаннымъ латинскимъ шрифтомъ. Нѣкоторыя общинныя школы однако удержали за собою названіе «хорватскихъ школъ», несмотря на то, что значительная часть воспитанниковъ принадлежала къ сербской народности. Итакъ эти послѣднія, какъ видно изъ самаго ихъ названія, были устроены съ цѣлью сдѣлать ихъ проводниками римско-католическаго начала въ краѣ. Какъ нѣмецкія, такъ и хорватскія училища стали устраиваться на счетъ правительства. Такъ, между прочимъ, нормальныя 3-хъ классныя училища, находившіяся въ городахъ: Петриньѣ, Глинѣ, Карловцѣ, Огулинѣ и Оточцѣ—были преобразованы въ 4-хъ классныя, а нормальныя 2-хъ классныя училища, устроенныя въ компаніяхъ, были преобразованы въ 3-хъ классныя. Итакъ, молодое славянское поколѣніе православнаго вѣроисповѣданія, посѣщавшее мѣст-

ныя училища, должно было испытать на себѣ двойной гнетъ со стороны нѣмецкаго и римско-католическаго элемента, что сильно тормозило самобытное развитіе народнаго образованія въ краѣ и не могло не повліять неблагопріятно и на состояніе тамъ учебнаго дѣла. Мы не считаемъ лишнимъ при этомъ замѣтить, что стремленія правительства къ онѣмеченію, сколь возможно скорѣе, граничарскаго населенія, приняли столь широкіе размѣры, что было даже воспрещено граничарскимъ офицерамъ подписываться на славянскія газеты.

Въ 1860 году была произведена учебная реформа въ Военной Границѣ, устроено восемь учебныхъ округовъ: личкій, оточацкій, огулинскій, слуинскій, первый банскій, второй банскій, градишскій и бродскій. Во главѣ каждаго округа былъ поставленъ «граничарскій школьный совѣтникъ», которому былъ порученъ надзоръ за находившимися тамъ учебными заведеніями. Въ свою очередь граничарскій школьный совѣтникъ подлежалъ зависимости отъ мѣстной высшей военной власти. Эта реформа, какъ и слѣдовало ожидать, была построена на нѣмецко-римско-католическихъ началахъ.

Политика австрійскаго правительства, направленная, какъ мы выше замѣтили, къ ослабленію въ Военной Границѣ православія и сербской народности, естественно вызывала неудовольствіе среди мѣстнаго сербскаго населенія, отголоскомъ чего явилось принятое на сербскомъ соборѣ 1870 года постановленіе, въ которомъ говорилось о неотложной потребности устроить 30 сербскихъ училищъ въ хорватско-славонской Военной Границѣ.

Въ 1871 году вошелъ въ силу въ Военной Границѣ новый школьный законъ, въ основу котораго положенъ австрійскій законъ 1869 года. Обученіе было признано обязательнымъ для дѣтей обоего пола. Такъ дѣти обоего пола, начиная съ 6-ти лѣтняго возраста *), должны посѣщать школу въ теченіи 7—8 лѣтъ; а затѣмъ, въ теченіи 2—3 лѣтъ посѣщать воскресныя школы (опетовнице). Было признано необходимымъ составить списокъ дѣтей, могущихъ посѣщать школу, равно какъ и вести классную книгу, въ которой слѣдовало было

*) Впрочемъ, въ селеніяхъ, расположенныхъ въ гористыхъ мѣстностяхъ, тамошнія училища должны посѣщаться дѣтьми начиная лишь съ 7-ми лѣтняго возраста.

помѣчать сколько уроковъ, въ теченіи недѣли, было пропущено дѣтьми.

Теперь посмотримъ въ какомъ состояніи находится, въ настоящее время, учебное дѣло въ хорватско-славонской Военной Границѣ. Учебныя заведенія подраздѣлены на среднія и низшія.

а) *Среднія учебныя заведенія.* Къ этому разряду принадлежатъ гимназіи и реальныя училища. Гимназіи подраздѣлены на высшія или восьмиклассныя и низшія или четырехклассныя; высшая гимназія находится въ городѣ Винковцахъ, а низшая въ г. Карловцѣ. Равнымъ образомъ и реальныя училища подраздѣлены на высшія или семиклассныя и низшія или четырехклассныя; а именно: высшее реальное училище въ Раковцѣ (вблизи Карловца), а низшія реальныя училища въ Госпичѣ и Петриньѣ.

б) *Низшія учебныя заведенія.* Къ этому разряду принадлежатъ слѣдующаго рода училища:

1. «Уѣздныя или городскія училища»; ихъ 9, а именно: въ Карлопагѣ, Оточцѣ, Огулинѣ, Глинѣ, Костайницѣ, Ново-Градишкѣ, Бродѣ, Слуинѣ и Грачацѣ.

2. «Приходскія училища». Онѣ суть слѣдующія:

Названіе округовъ.	Элементарныя школы (почетне).			женскія рукодѣльныя школы.	воскресныя школы (одетовнице).	общая сложность.
	М.	Ж.	для дѣтей обоего пола.			
Личкій	1	1	27	1	27	57
Оточацкій	3	4	26	—	33	66
Огулинскій	3	4	30	7	26	70
Слуинскій	9	—	28	—	22	59
I Банскій	—	1	24	14	9	48
II Банскій	3	2	38	7	37	87
Градишскій	7	8	74	—	87	176
Бродскій	10	9	66	—	55	140

Низшія учебныя заведенія въ Военной Границѣ находятся въ крайне дурномъ состояніи. Всѣ эти училища, за небольшими лишь исключеніями, мало способствуютъ развитію образованія въ краѣ, а въ то же время пагубно дѣйствуютъ на здоровье дѣтей. Мы не считаемъ лишнимъ при этомъ замѣтить, что въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ нѣтъ учебной программы, не имѣется метода преподаванія, даже не распредѣлены по часамъ классныя занятія. Уроки славянскаго языка состоятъ въ буквальномъ переписываніи чего-либо изъ книги. Молодой воспитанникъ, не вникая, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ своего обученія, въ смыслъ того, что онъ переписываетъ, и отстраняя отъ себя всякую умственную работу, весьма легко утрачиваетъ въ себѣ мыслительную способность. Такимъ образомъ, воспитанникъ, пробывши 5 — 6 лѣтъ въ училищѣ, не только не бываетъ въ состояніи разсказать имъ прочитанное, но даже не умѣетъ правильно читать и писать. Вообще всѣ предметы преподаются тамъ крайне дурно. Достаточно указать на то, что воспитанникъ, посѣщающій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ школу, не знаетъ ни одной молитвы, ни заповѣдей, ни символа вѣры, равно какъ не имѣетъ никакого понятія о значеніи церковныхъ праздниковъ, ни о литургіи. Воспитательная часть въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ находится также въ полномъ пренебреженіи. Можно удивляться лишь тому, какъ еще могутъ существовать въ XIX ст., въ образованномъ европейскомъ государствѣ при такой внѣшней обстановкѣ училища.

Учебная и воспитательная часть въ помянутыхъ училищахъ находится въ рукахъ учителей. Посмотримъ, что это за личности. Приходскіе учители, въ большинствѣ случаевъ, суть лица, не получившія ни какого образованія: всѣ ихъ познанія состоятъ лишь въ томъ, что они умѣютъ читать и писать. Это и понятно. Ни одинъ мало мальски образованный человѣкъ не пожелаетъ избрать карьеру приходскаго учителя, когда она даетъ самыя скудныя средства къ жизни. Общины отдѣляютъ 10% отъ поземельной подати на содержаніе училищъ и учителей, такъ что размѣръ оклада учителя вполнѣ зависитъ отъ средствъ самой общины. Вообще приходскіе учители получаютъ въ годъ начиная съ 120 гульд.

и не свыше 300 гульд., впрочемъ не всегда наличными деньгами, весьма часто провиціей. Иногда учитель, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, не получаетъ жалованья. Спрашивается, какой способный педагогъ пожелаетъ посвятить себя учебной карьерѣ въ Военной границѣ, когда его трудъ столь плохо оплачивается? Неудивительно, что многія школы остаются безъ учителей. Дѣти весьма не акуратно посѣщаютъ школу. Родители платятъ учителю небольшую денежную сумму, чтобы онъ не отмѣчалъ въ школьной книгѣ, что дѣти ихъ не ходятъ въ школу. «Школьные совѣтники», которымъ ввѣренъ надзоръ за училищами, относятся крайне небрежно къ своимъ обязанностямъ.

Сельныя училища находятся въ крайне плохомъ положеніи. Помѣщенія темныя, сырыя, иногда даже въ нихъ нѣтъ и пола: дѣти, приходя босикомъ въ школу и оставаясь тамъ въ сырости и на землѣ нѣсколько часовъ, невольно простуживаются. Нерѣдко случается и то, что распускаютъ дѣтей по домамъ либо по случаю дождя когда дождь проникаетъ черезъ крышу въ классную комнату) либо по случаю холода (когда не оказывается дровъ для отопленія печей (въ школѣ). Классныя принадлежности и учебныя пособія находятся въ самомъ дурномъ состояніи.

В. Состояніе сельскаго хозяйства въ хорватско-славонской Военной Границѣ.

I.

Наслѣдственныя и переходныя поземельныя владѣнія. Производительныя и непроизводительныя земли. Поземельная подать. Общинныя касы. Причины, препятствующія правильному развитію сельскаго хозяйства въ краѣ.

Со времени устройства Военной Границы и по настоящее время, тамъ не существовало подраздѣленія мѣстнаго населенія на два класса: на землевладѣльцевъ или спахій и земледѣльцевъ

или кметовъ, что мы находимъ въ сосѣднихъ съ нею областяхъ—въ Хорватіи и Славоніи. «Задружное» начало, которое легло въ основу домашней жизни граничара, проявляется въ своей силѣ и по отношенію къ поземельному его владѣнію. Каждая «задруга» въ Военной Границѣ была собственникомъ бо́льшаго или мѐньшаго поземельнаго участка. Лишь въ послѣднее время, а именно 8-го іюня 1871 года, былъ изданъ законъ, въ силу котораго поземельныя владѣнія въ Военной Границѣ были подраздѣлены на двѣ категоріи: наслѣдственныя поземельныя собственности (Stammgut) и переходныя поземельныя собственности (Überland). Первыми могутъ владѣть лишь тѣ мѣстные жители, которые несутъ военную повинность, вторыми и тѣ, которые освобождены отъ нея—иностранцы, духовные всѣхъ вѣроисповѣданій и лица, принадлежащія къ торговому и ученому сословіямъ. Наслѣдственная поземельная собственность, извѣстна также подъ именемъ «ленъ» (feudum),—подъ этимъ названіемъ разумѣются собственно такія земли, которыя составляютъ потомственное владѣніе одной какой-либо семьи. Наслѣдственныя земли не могутъ быть ни продаваемы *), ни закладываемы, ни передаваемы, по духовному завѣщанію, постороннему лицу. Въ случаѣ же смерти всѣхъ членовъ семьи, наслѣдственная ея земля переходитъ въ собственность казны, которая раздѣляетъ оную либо между наибѣднѣйшими жителями края, либо между лицами, составившими себѣ извѣстность въ дѣлѣ промышленности. Итакъ при изданіи закона отъ 8-го іюня 1871 года австрійское правительство, очевидно, имѣло въ виду, чтобы съ одной стороны *прикрѣпить* граничара къ его поземельному участку, а съ другой стороны сдѣлать его лишь номинальнымъ собственникомъ своего поземельнаго владѣнія. Переходную поземельную собственность составляютъ тѣ земли, которыя, съ разрѣшенія мѣстнаго начальства, могутъ быть продаваемы, закладываемы, отдаваемы въ аренду и т. д. Если граничаръ, въ теченіи трехъ лѣтъ, не

*) Впрочемъ, продажа наслѣдственныхъ земель бываетъ разрѣшаема лишь въ двухъ случаяхъ: 1) если владѣлецъ наслѣдственной земли пожелаетъ переселиться въ другую мѣстность; 2) если семья задолжала столь значительную сумму, что уплата долга можетъ быть произведена лишь черезъ продажу наслѣдственной земли.

обрабатывалъ принадлежащею ему участка переходной земли и, несмотря на внушенія своего начальства, продолжалъ все-таки не радѣть о немъ, то означенный участокъ бывалъ у него отнимаемъ и раздѣляемъ между бѣдными жителями той мѣстности, гдѣ онъ находился. Мы не считаемъ лишнимъ при этомъ замѣтить, что, несмотря на введеніе въ краѣ провизорнаго управленія, вышеописанное подраздѣленіе поземельной собственности на двѣ категоріи сохранилось во всей своей силѣ.

Военная Граница въ сельско-хозяйственномъ отношеніи занимаетъ далеко не видное мѣсто въ Австро-Венгріи. Въ 1864 году была назначена «постоянная кадастровая комиссія» (Stabiler Grund-Steuerkataster) съ цѣлью раздѣлить земли, по степени доброкачественности, на три разряда, произвести ихъ оцѣнку и сообразно ихъ стоимости, опредѣлить количество подати, какую за нихъ слѣдовало платить государству. Благодаря трудамъ этой комиссіи стало извѣстнымъ, что производительныя земли въ Военной Границѣ обнимаютъ пространство въ 287,96 австр. геогр. кв. миль, а непроизводительныя—64,93 австр. геогр. кв. миль, — въ это число входятъ и земли, имѣющія каменистый грунтъ и занимающія пространство приблизительно въ 35,5 австр. геогр. кв. миль. Наиплодороднѣйшія земли лежатъ въ юго-восточныхъ окраинахъ Военной Границы, а именно въ областяхъ, нѣкогда входившихъ въ составъ регментовъ слуинскаго, перваго и втораго банскаго; сѣверо-восточныя же и юго-западныя ея окраины не отличаются доброкачественностью почвы, хотя кой-гдѣ и встрѣчаются плодородные участки, какъ напримѣръ: долины — Зерванъ, Кореница, Крбава, Бриньe и т. д. По вопросу объ опредѣленіи количества подати по стоимости поземельной собственности, постоянная кадастровая комиссія не пришла ни къ какому рѣшенію. Такимъ образомъ въ Военной Границѣ остался въ силѣ законъ 1807 года, въ основу котораго легло не количество дохода, получаемаго съ поземельной собственности, а пространство ея территоріи. Количество подати, которою обложены поземельныя владѣнія, распредѣлено между ними слѣдующимъ образомъ: 1) владѣтели небольшихъ поземельныхъ участковъ платятъ незначительную подать; 2) владѣтели большихъ поземельныхъ участ-

кемъ платить уже болѣе значительную подать и 3) духовенство платитъ особую подать за тѣ поземельные участки, которые составляютъ собственность приходовъ. Такимъ образомъ, Военная Граница ежегодно вноситъ приблизительно до 1.791,427 гульденовъ поземельной подати. Эта денежная сумма, вмѣстѣ съ другой, составившейся отъ взноса всѣхъ возможныхъ податей и налоговъ, препровождается въ военное министерство въ Вѣну. Мы считаемъ необходимымъ при этомъ замѣтить, что изъ доходовъ края вносится 2% въ венгерское казначейство на покрытіе такъ называемыхъ общихъ расходовъ.

Въ сельско-хозяйственномъ отношеніи играютъ видную роль такъ называемыя «общинныя кассы» (Gemeinde-cassen). Каждая община имѣетъ свою кассу, въ которую поступаютъ доходы, получаемые отъ найма общинныхъ домовъ, отъ платы за посѣвъ хлѣба на общинныхъ земляхъ и т. д. Изъ общинной кассы выдаются денежныя суммы въ размѣрѣ не свыше 100 гульденовъ на покрытіе расходовъ, произведенныхъ общиной на свои нужды. Если паче чаянія встрѣтится расходъ на сумму свыше 100 гульденовъ, то требуется въ семъ случаѣ испросить особое разрѣшеніе у мѣстнаго начальства. Въ случаѣ же, если расходы бываютъ столь значительны, что они не могутъ быть покрыты общинной кассой, то, для покрытія оныхъ, составляется подписка между членами общинъ.

Топографическія и климатическія условія *), повидимому, благопріятствуютъ сельскому хозяйству въ Военной Границѣ. Но оно находится тамъ въ крайне дурномъ состояніи. Разсмотримъ вкратцѣ причины, препятствующія правильному развитію сельскаго хозяйства въ краѣ. Всѣмъ извѣстна та истина, что причины, которыя производятъ извѣстныя послѣдствія, если, съ теченіемъ времени, и отстраняются, все-таки оставляютъ еще на долго по себѣ память. Такой причиной, повліявшей на состояніе сельскаго хозяйства въ Военной Границѣ, служитъ военная система мѣстнаго управленія. Всеобщая воинская повинность въ самыхъ широкихъ

*) Правда, что въ гористыхъ мѣстностяхъ продолжительная и суровая зима, ранніе морозы осенью и поздніе—весною, порывистые вѣтры и т. п. не могутъ не отзываться крайне дурно на состояніи сельскаго хозяйства.

размѣрахъ, продолжительный срокъ въ военной службѣ и т. п., все это было причиной, почему граничаръ неохотно брался за плугъ, предоставляя женскому полу полевыя и вообще всѣ сельско-хозяйственныя работы. По этому мы видимъ, что въ Военной Границѣ главныя отрасли сельскаго хозяйства, какъ-то: земледѣліе и скотоводство, находились и находятся по настоящее время, почти исключительно въ рукахъ женщинъ, которыя являются главною рабочею силой въ краѣ. Сложилось даже о достоинствѣ женщины слѣдующее понятіе: если момокъ (парень) задумываетъ жениться, то его родные смотрятъ прежде всего на руки избранной имъ дѣвушки,— если онѣ не загорѣлы и безъ мозолей, то обыкновенно говорятъ: «оставь ее, она не для тебя; женись на той, которая любитъ работу». Причины, которыя являются тормазомъ развитія сельскаго хозяйства въ Военной Границѣ, суть слѣдующія:

1) Недостатокъ рабочихъ силъ—неизбѣжное слѣдствіе того, что въ Военной Границѣ, какъ мы выше замѣтили, всѣ сельско-хозяйственныя работы лежатъ почти исключительно на женщинахъ: вслѣдствіе недостатка рабочихъ силъ многія земли остаются невоздѣланными.

2) Нераціональное распредѣленіе податей, которыя часто являются непомѣрно тяжелымъ бременемъ для граничарскаго населенія.

3) Пьянство. Граничаръ любитъ выпить. Онъ охотно тратитъ лишній гульденъ на покупку себѣ ракіе, но не подумаетъ его употребить на улучшеніе своего сельскаго хозяйства.

4) Недостатокъ хорошихъ путей сообщеній, вслѣдствіе котораго сельскій трудъ слабо окупается.

5) «Задруги». Въ основу этого родоваго учрежденія, какъ извѣстно, легло то, что всѣ члены «задруги» вносятъ свою трудовую деньгу въ «задружную кассу», на счетъ которой всѣ они содержатся. Весьма естественно, что граничары, работая въ сообществѣ другихъ лицъ, а не въ отдѣльности для прокормленія своей собственной семьи, не могутъ составить себѣ понятія о томъ, что такое экономія. По этому когда «задруги», въ силу какихъ-либо обстоятельствъ, начинаютъ дробиться, то лица, привыкшія жить

подъ «задружнымъ» началомъ, являются крайне неопытными по отношенію къ веденію самостоятельно своего сельскаго хозяйства.

б) Недостатокъ культуры. Благодаря слабому развитію культуры въ Военной Границѣ, граничаръ не имѣетъ яснаго понятія о томъ, какъ слѣдуетъ вести сельское хозяйство. Слѣдовало бы подраздѣлять пахатныя земли на три части: на однѣхъ сѣять озимый хлѣбъ, на другихъ—яровой, а третьи—оставлять подъ сѣнокосъ. Въ Военной Границѣ не существуетъ такого подраздѣленія земель. Земли тамъ плохо удобряется, засѣвается сѣменами доброкачественными и недоброкачественными; а потому и производитъ дурной урожай.

Таковы, по нашему мнѣнію, главныя причины, препятствующія развитію сельскаго хозяйства въ Военной Границѣ и содѣйствующія усиленію бѣдности среди мѣстнаго населенія. За недостаткомъ матеріальныхъ средствъ не имѣется тамъ и усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій: обработка земли производится вполнѣ патріархально. Понятно, что она даетъ плохой плодъ.

II.

Главныя отрасли сельскаго хозяйства: земледѣліе; скотоводство; лѣсоводство и винодѣліе.

Сельское хозяйство въ Военной Границѣ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, обставлено внѣшними условіями крайне неблагопріятными успѣшному его процвѣтанію. Разсмотримъ въ отдѣльности каждую изъ главныхъ отраслей сельскаго хозяйства въ краѣ.

Земледѣліе. Пахатныя земли въ Военной Границѣ тянутся на пространствѣ приблизительно $71\frac{1}{2}$ кв. миль, а именно въ личкомъ округѣ онѣ занимаютъ пространство 8 кв. миль; въ оточацкомъ 5 кв. миль; въ огулинскомъ—7 кв. миль; въ слуньскомъ—10 кв. миль; въ первомъ банскомъ—10 кв. миль; во второмъ банскомъ—$8\frac{1}{2}$ кв. миль; въ градиньскомъ—10 кв. миль и въ бродскомъ—13

кв. миль. Здѣсь родится всѣхъ сортовъ жито, пшеница, рожь, ячмень, ярица (лѣтняя пшеница), метлашъ (особаго рода просо), овесъ, просо, гречиха и кукуруза. Лучше всего родится кукуруза и овесъ. Кромѣ того здѣсь растутъ слѣдующіе сорты овощей: картофель, фасоли, капуста, рѣпа и другія.

Граничаръ мало обращаетъ вниманія на то, что тамошнія пашни требуютъ хорошаго удобренія и что земля можетъ утратить въ себѣ жизненныя силы, если ея обработка будетъ слѣдовать безостановочно. Такъ мы видимъ, что въ Военной Границѣ весьма часто случается, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду засѣваютъ одну и ту же пашню кукурузой, картофелемъ и просо. Населеніе Военной Границы крайне нуждается въ хлѣбныхъ продуктахъ. Это видно изъ того, что ежегодно туда привозится, въ значительномъ количествѣ, жито— въ сѣверныя части изъ Баната, Славоніи и Босніи, а въ южныя и юго-западныя — изъ Италіи и Россіи. Между тѣмъ тамошняя земля, при хорошемъ за нею уходѣ, могла бы прокормить граничара. Граничары хорошо понимаютъ, что навозъ составляетъ крайне необходимый предметъ при воздѣлываніи земли. Но онъ обыкновенно выбрасывается изъ дурно построеннаго хлѣва на дворъ, гдѣ солнце и вѣтеръ его сушатъ, а дождь мочитъ, такъ что онъ употребляется для удобренія земли лишь тогда, когда уже утратилъ всю удобрительную силу. Притомъ въ Военной Границѣ существуетъ обыкновеніе орать землю лишь одинъ разъ въ году, съ помощью плохихъ земледѣльческихъ орудій, и весьма небрежно. Такимъ образомъ не представляется возможности хорошо ее выборонить, такъ что остаются комы земли, смѣшанные съ травой. Сѣмена, брошенныя между этими комами земли, понятно, не могутъ родить хорошій плодъ.

Скотоводство. Пастбища въ Военной Границѣ обнимаютъ пространство въ 59 кв. миль: въ личкомъ округѣ онѣ тянутся на протяженіи 15 кв. миль, въ оточацкомъ—13 кв. миль, въ огулинскомъ—4 кв. миль, въ слуинскомъ—6 кв. миль, въ первомъ банскомъ—4 кв. миль, во второмъ банскомъ—5 кв. миль, въ градинскомъ—7 кв. миль и въ бродскомъ—5 кв. миль. Домашній скотъ составляютъ:

1. Лошади. Округи—бродскій, градишскій и второй банскій славятся породою лошадей, которые обыкновенно берутся въ кавалерійскіе полки. Въ сѣверной части Военной Границы мѣстныя лошади вообще небольшаго роста и принадлежатъ къ породѣ боснійскихъ. Въ округахъ—слуинскомъ и первомъ банскомъ, хотя мѣстныя лошади небольшаго роста и вообще некрасивы, отличаются однако выносливостью въ пути. Лошади же жумбергскаго округа по преимуществу служатъ для перевозки тяжестей.

2. Быки и коровы. Они не отличаются достоинствомъ породы. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ окраинахъ, смѣжныхъ съ Славоніей, встрѣчаются быки и коровы венгерской породы.

3. Овцы. Ихъ много въ сѣверной Границѣ. Въ округахъ—слуинскомъ и первомъ банскомъ овцеводство весьма развито; къ сожалѣнію тамошнія овцы не крупны и дурной породы. Въ гористыхъ мѣстностяхъ, гдѣ климатъ суровъ, овецъ стригутъ обыкновенно одинъ разъ въ теченіе года и каждая изъ нихъ даетъ приблизительно отъ одного до одного съ половиной фунта шерсти весьма недоброкачественной.

4. Козы. Ихъ встрѣчается немного въ Военной Границѣ. Можетъ статься ихъ разводятъ тамъ въ небольшомъ количествѣ потому, что онѣ причиняютъ большой вредъ въ особенности молодымъ лѣсамъ. Молоко и масло идетъ въ пищу граничару, изъ кожи выдѣлываетъ онъ мѣшки, а изъ шерсти попоны.

4. Свиньи. Въ мѣстностяхъ прилегающихъ къ Славоніи, разводятся въ большихъ размѣрахъ свиньи. Онѣ идутъ для мѣстнаго потребленія.

5. Лошаки и ослы. Ихъ весьма много. Въ гористыхъ мѣстностяхъ они приносятъ несомнѣнную пользу мѣстному населенію при перевозкѣ тяжестей.

Есть много причинъ, которыя препятствуютъ успѣшному развитію скотоводства въ Военной Границѣ. Укажемъ на главныя изъ нихъ:

1. Недостатокъ въ кормѣ. Граничаръ думаетъ лишь о томъ, какъ бы увеличить количество своего домашняго скота, забывая при этомъ, будетъ ли онъ въ состояніи его прокормить; безпечность гра-

ничара въ этомъ отношеніи весьма поразительна. Онъ мало заботится о томъ, чтобы своевременно заготовить на зиму въ достаточномъ количествѣ кормъ. Поэтому если зимой бываютъ холода въ теченіе продолжительнаго времени, то количество его домашняго скота замѣтно уменьшается: либо онъ околѣваетъ отъ недостатка въ кормѣ, либо же самъ селянинъ спѣшитъ продать за ничтожную сумму часть своего скота.

2. Дурной уходъ за скотомъ. Граничаръ начинаетъ запрягать въ плугъ или въ телѣгу крайне молодыхъ лошадей и воловъ. Эта работа, несоразмѣрная ихъ физическимъ силамъ, препятствуетъ правильному развитію ихъ организма. Притомъ домашній скотъ содержится въ крайне плохо устроенныхъ помѣщеніяхъ.

3. Небрежность граничара въ дѣлѣ разведенія хорошихъ породъ скота.

Понятно, что скотоводство не можетъ процвѣтать въ Военной Границѣ, когда встрѣчаетъ тамъ столь много неблагопріятныхъ условій.

Лѣсоводство. Лѣса могли бы составить въ Военной Границѣ главный источникъ богатства страны. Они тянутся въ Военной Границѣ на протяженіи $90^1/_2$ кв. миль; а именно: въ личкомъ округѣ они занимаютъ пространство 14 кв. миль, въ оточацкомъ—21 кв. милю, въ огулинскомъ—$17^1/_2$ кв. миль, въ слуинскомъ—5 кв. миль, въ первомъ банскомъ—$5^1/_2$ кв. миль, во второмъ банскомъ—8 кв. миль, въ градишскомъ—$9^1/_2$ кв. миль и въ бродскомъ—10 кв. миль. Оточацкій округъ представляетъ собою наиболѣе лѣсистую мѣстность. Дубовые лѣса тянутся по южнымъ частямъ округовъ—личкаго, огулинскаго и оточацкаго.

Въ силу закона отъ 7-го мая 1850 года, всѣ лѣса, находящіеся въ Военной Границѣ, составляютъ собственность правительства: граничары могутъ ими пользоваться лишь для домашнихъ потребностей. На загребскомъ сеймѣ 1861 года, было постановлено, чтобы одна часть государственныхъ лѣсовъ перешла въ собственность общинъ, тогда какъ другая ихъ часть составила бы собственность Хорватіи и Славоніи. Но это постановленіе сейма не было утверждено австрійскимъ правительствомъ. Въ силу императорскаго декрета отъ 8 го іюля 1871 года, половина граничарскихъ лѣсовъ должна была

отойти въ собственность мѣстнаго населенія, а другая имѣла быть распродана съ тѣмъ впрочемъ, чтобы деньги, полученныя отъ продажи оныхъ, были употреблены на улучшеніе въ странѣ путей сообщеній, на развитіе тамъ образованія и т. д. Для обсужденія этого вопроса, была образована особая коммисія, въ составъ которой вошли представители отъ военнаго министерства, хорватскаго правительства и граничарскаго населенія. Впрочемъ венгерское правительство, желая пріобрѣсть въ свою собственность денежныя суммы отъ продажи граничарскихъ лѣсовъ, стало вообще сильно тормозить дѣятельность помянутой коммисіи. Мы видимъ, что въ 1872 году, за подписью венгерскаго министра Слави появляется проектъ о «сегрегаціи» граничарскихъ лѣсовъ. Въ этомъ проектѣ даже и не упоминалось о томъ, на что должны быть употребляемы денежныя суммы отъ продажи граничарскихъ лѣсовъ, хотя объ этомъ ясно было сказано въ императорскомъ декретѣ отъ 8-го іюля 1871 года. «Сегрегація» лѣсовъ во всѣхъ округахъ, за исключеніемъ личкаго и оточацкаго [1]), уже покончена. Такъ напримѣръ лѣса въ огулинскомъ округѣ на протяженіи $10^1/_2$ кв. миль (стоимостью въ 18.954,306 гульд. 19 крейцеровъ) перешли въ собственность общинъ. Мы не считаемъ лишнимъ при этомъ замѣтить, что въ послѣднее время было продано въ Военной Границѣ лѣсу приблизительно на пространствѣ 3 кв. миль; но неизвѣстно, въ чьи руки поступила денежная сумма, полученная отъ продажи, равно какъ и на что она была употреблена. Вообще лѣсоводство въ Военной Границѣ находится въ дурномъ состояніи. Причинами тому, между прочимъ, служатъ: недостатокъ въ свѣдущихъ лѣсничихъ, плохой надзоръ за лѣсами, и многія другія.

Винодѣліе. Виноградники въ Военной Границѣ занимаютъ пространство въ 13 кв. миль: въ градишскомъ округѣ они обнимаютъ наибольшее пространство, а въ личкомъ—наименьшее. Мѣстныя вина не отличаются доброкачественностью. Это происходитъ отъ того, что виноградники плохо удобряются, вообще не имѣютъ хорошаго ухода, да притомъ и вино выдѣлывается крайне патріархальнымъ об-

---

[1]) Можно надѣяться, что въ теченіи 1879 года будетъ покончена «сегрегація» лѣсовъ въ этихъ округахъ.

разомъ. Кромѣ того, неизвѣстно, почему до 50-хъ годовъ текущаго столѣтія было строго воспрещено въ Военной Границѣ разводить виноградъ; если иногда это дозволялось, то лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда земля оказывалась непригодной ни для пастбищъ, ни для посѣва хлѣба.

Г. Состояніе промышленности и торговли въ хорватско-славонской Военной Границѣ.

а. Состояніе промышленности.—Промышленность, какъ прямое послѣдствіе внутренняго строя частной жизни граничара. — Причины, препятствующія правильному развитію оной въ краѣ.—Главныя отрасли промышленности: кораблестроеніе; горнозаводская промышленность; мельничная промышленность; пчеловодство; шелководство и напитки.

Промышленность въ хорватско-славонской Военной Границѣ находится на самой низкой степени развитія, что вполнѣ понятно. Состояніе промышленности въ каждой странѣ находится въ тѣсной связи съ тѣми условіями, какими обставлена сама жизнь мѣстнаго населенія; чѣмъ ограниченнѣе потребности мѣстнаго населенія, тѣмъ уже рамки, въ которыя бываетъ поставлена мѣстная промышленность. Домашняя жизнь граничара сложилась, какъ мы видѣли, при самой патріархальной внѣшней обстановкѣ, что не могло не отозваться и на его потребностяхъ въ жизни. Граничаръ весьма не прихотливъ, его потребности крайне ограничены, все въ чемъ онъ нуждается, онъ съумѣетъ приготовить самъ для себя. Такъ напримѣръ изъ овечьей шерсти граничаръ выдѣлываетъ для себя сукна и ткани, изъ овечьей шкуры — сѣдла для верховой ѣзды и для перевозки тяжестей и т. д. Правда, что всѣ эти предметы туземной промышленности стоятъ ниже всякой критики; но въ этомъ нѣтъ бѣды: національное чувство граничара вполнѣ удовлетворено тѣмъ, что эти предметы его издѣлія,—не имѣя понятія о лучшихъ издѣліяхъ фабричнаго производства, онъ не чувствуетъ и потребности въ оныхъ.

Хотя жизнь граничарскаго населенія проходитъ, какъ мы выше

мѣтили, при такой внѣшней обстановкѣ, которая мало благопріятствуетъ поднятію уровня промышленности въ краѣ, однако есть причины, являющіяся важнымъ тормазомъ правильнаго ея развитія въ описываемой нами странѣ. Укажемъ на главныя причины.

1) Недостатокъ техническаго образованія. Въ Военной Границѣ нѣтъ ни одного техническаго училища, даже ремесленной школы. Граничарское населеніе, по скудости своихъ матеріальныхъ средствъ, не въ состояніи устроивать на свое иждивеніе подобнаго рода училища, да, можетъ статься, не находитъ въ оныхъ даже и потребности. Поэтому-то австрійское правительство должно бы оказать денежное содѣйствіе граничарскому населенію по части техническаго образованія тѣмъ болѣе, что всѣ доходы страны поступаютъ въ кассу военнаго министерства въ Вѣну.

2. Недостатокъ въ законоположеніи, которое бы отвѣчало промышленнымъ интересамъ страны. Въ Военной Границѣ находится въ силѣ австрійскій промышленный законъ 20-го декабря 1859 года. Хотя въ немъ и были сдѣланы въ 1863 году нѣкоторыя измѣненія и дополненія, все таки онъ является плохимъ пособникомъ въ дѣлѣ развитія туземной промышленности.

3. Недостатокъ въ промышленно-торговыхъ камерахъ. На всемъ пространствѣ Военной Границы имѣется всего одна промышленно-торговая камера, устроенная въ 1870 году въ Петриньѣ. Такимъ образомъ граничарское населеніе, въ дѣлѣ развитія промышленности въ краѣ, предоставлено своимъ собственнымъ попеченіямъ.

4. Отсутствіе духа предпріимчивости Оно прямое послѣдствіе военной системы управленія. Военное начало, подъ какимъ находилось граничарское населеніе до послѣдняго времени, тяжело отзывалось на домашней его жизни и не могло не подавить, въ самомъ зародышѣ, всякое проявленіе въ немъ духа предпріимчивости. Въ подтвержденіе сказаннаго приведемъ нѣсколько примѣровъ. Еслибы граничаръ пожелалъ продать что либо изъ домашняго скота, то онъ долженъ предварительно получить на сей предметъ письменное дозволеніе отъ ближайшаго своего военнаго начальства. Взявши съ собой корову, лошадь, однимъ словомъ то, что думалъ продать, граничаръ отправлялся въ ротную канцелярію, гдѣ и составлялся про-

токолъ, что такой-то граничаръ намѣревается продать то и то изъ своего домашняго скота, причемъ взималась установленная такса за право продажи скота. Такимъ образомъ, для продажи одной головы скота слѣдовало потратить 2—3 дня, не говоря уже о расходахъ, которые бывають при этомъ неизбѣжны. Если у граничара оказывалась надобность обратиться къ кому либо за денежною ссудой или заключить съ кѣмъ либо контрактъ и т. д., во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ былъ обязанъ испрашивать дозволеніе у своего военнаго начальства, которое заносило эти ходатайства и положенныя по нимъ резолюціи въ ротный протоколъ. Хотя въ послѣднее время военная опека надъ граничарскимъ населеніемъ уже нѣсколько ослаблена, однако потребуется еще много времени, если только внѣшнія условія будутъ тому благопріятствовать, чтобы въ граничарскомъ населеніи проявился духъ предпріимчивости.

Теперь разсмотримъ вкратцѣ главныя отрасли мѣстной промышленности.

Кораблестроеніе. Корабельныя верфи находятся въ слѣдующихъ портахъ Военной Границы: въ Сеньѣ (Zeng), *) св. Юріѣ (S. Giorgio), Теплѣ, Ябланцѣ и Багѣ (Karlopago). Тамъ строятся суда рыболовныя, каботажныя, равно какъ и суда дальняго плаванія. Изъ всѣхъ этихъ портовъ, въ отношеніи кораблестроенія, наиболѣе важенъ — Сенья (Zeng). Въ 1870 году въ этомъ городѣ было устроено акціонерное общество съ капиталомъ въ 500,000 гульд. для постройки коммерческихъ судовъ.

Горнозаводская промышленность. Каменноугольныя копи находятся во многихъ мѣстахъ Военной Границы. Разработка оныхъ, въ большихъ размѣрахъ, производится неподалеку отъ г. Новой-Градишки вблизи селенія Решетара. Военная Граница богата желѣзными и другаго рода рудами. Поэтому можно было бы предполагать, что горнозаводская промышленность займетъ въ краѣ видное мѣсто. Тѣмъ не менѣе она находится тамъ на низкой степени развитія. Есть всего одинъ литейный заводъ, а именно—въ первомъ

*) Городъ Сенья, какъ мы выше замѣтили, получилъ гражданское устройство. Мы отнесли его къ портамъ Военной Границы, такъ какъ онъ такимъ значится въ оффиціальныхъ актахъ.

банскомъ округѣ на Петровой горѣ вблизи селенія Топуско. На этомъ заводѣ, составляющемъ собственность какого-то иностранца, вырабатываются различныя желѣзныя издѣлія.

Мельничная промышленность. Въ Военной Границѣ приблизительно свыше 2000 мельницъ, по большей части вѣтряныхъ и водяныхъ; впрочемъ, встрѣчаются кой-гдѣ и паровыя. Мука, которую онѣ вымалываютъ, идетъ почти исключительно для потребленія мѣстнаго населенія.

Пчеловодство. Пчеловодство должно бы составлять важную отрасль сельскаго хозяйства, такъ какъ оно даетъ большую прибыль, требуя небольшихъ расходовъ. Но и эта отрасль сельскаго хозяйства оставляетъ здѣсь еще многаго желать. Причинами дурнаго состоянія пчеловодства въ Военной Границѣ служатъ съ одной стороны климатическія и топографическія условія края, а съ другой небрежность населенія въ дѣлѣ веденія этой важной отрасли сельскаго хозяйства. Такъ напримѣръ мало обращается вниманія на устройство ульевъ, которые служатъ вообще плохимъ убѣжищемъ для пчелъ въ случаѣ непогоды.

Шелководство. Эта отрасль сельскаго хозяйства весьма распространена въ Военной Границѣ, именно въ слуинскомъ округѣ. Оно находится при лучшихъ условіяхъ, чѣмъ въ другихъ юго-славянскихъ провинціяхъ Австро-Венгріи. Есть шесть шелковыхъ прядилень, главнѣйшія изъ нихъ находятся въ городахъ Винковцахъ, Градишкѣ и Митровицѣ.

Напитки. Въ Военной Границѣ приготовляютъ раки (водка изъ винограда) и пиво. Раки составляетъ любимый напитокъ мѣстнаго населенія. Выдѣлка раки обыкновенно производится въ селахъ и составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ сельской промышленности. Пивоваренныхъ заводовъ весьма много въ Военной Границѣ. Впрочемъ, мѣстное пиво не славится доброкачественностью.

б). *Состояніе торговли.*—Сухопутныя пути сообщенія. Торговые пункты.

Торговля въ Военной Границѣ находится, можно сказать, въ такомъ же полномъ застоѣ, какъ и промышленность. Причинъ тому много. Мы не станемъ говорить о нихъ, такъ какъ пришлось бы повторить сказанное выше. Представимъ лишь перечень дорогъ, по которымъ происходитъ торговое движеніе, равно какъ наиболѣе важныхъ торговыхъ пунктовъ въ краѣ.

Сухопутные пути сообщенія. 1) Изъ города Карловца (Carlstadt) черезъ Слуинь, Огулинъ, Оточацъ, Госпичъ, Оштаріа (селеніе на горѣ Велебитѣ въ Багъ (Carlopago).

2) Изъ города Сисака (Sisek) черезъ Петринью въ Глину; въ этомъ мѣстѣ дороги развѣтляются: одна дорога идетъ въ Карловацъ (Carlstadt), а другая въ Огулинъ.

3) Изъ города Осѣка (Essek) черезъ Вуковарь, Винковцы, Врполье въ Бродъ.

4) Желѣзная дорога: изъ города Землина черезъ Руму, Митровитцу, Винковцы, Бродъ, Сисакъ, Петринью, Глину, Карловацъ, Огулинъ въ Даль. Эта дорога соединила бассейны двухъ наиболѣе важныхъ, въ торговомъ отношеніи, рѣкъ Савы и Тисы, равно какъ и двѣ наиплодороднѣйшія области Австро-Венгріи, Банатъ и Сремъ. Эта дорога имѣетъ важное значеніе въ торговомъ отношеніи для Военной Границы.

Торговые пункты. Мы выше замѣтили, что торговля въ Военной Границѣ находится въ крайне дурномъ состояніи. Поэтому нельзя ожидать встрѣтить въ Военной Границѣ такой пунктъ, который бы славился торговымъ движеніемъ. Впрочемъ есть нѣсколько пунктовъ въ Военной Границѣ, которые, въ торговомъ движеніи, имѣютъ нѣкоторое значеніе. Они суть слѣдующіе:

1) Карловацъ (Carlstadt) лежитъ при судоходной рѣкѣ Купѣ (Kulpa) и загребско-рѣчкой желѣзной дорогѣ. Этотъ городъ служитъ пунктомъ развѣтленія нѣсколькихъ дорогъ, идущихъ въ разныя направленія. Карловацъ пріобрѣтаетъ важное значеніе по отношенію къ хлѣбной торговлѣ, такъ какъ онъ находится въ прямомъ сообщеніи съ Земуномъ (Zemlin), главнымъ складомъ банатскаго жита.

2) Бродъ лежитъ на рѣкѣ Савѣ на перекресткѣ дорогъ, тянущихся по разнымъ направленіямъ Славоніи, вблизи того мѣста, гдѣ начинается главная сараевская дорога. Такимъ образомъ городъ Бродъ, по своему географическому положенію, служитъ, такъ сказать, посредствующимъ пунктомъ для торговли между Босніей и Славоніей.

3) Старо-Градишка на р. Савѣ вблизи баньялукской дороги.

4) Ясеновацъ—при впаденіи рѣки Уны въ Саву.

5) Глина.

6) Костайница. Какъ въ этомъ городѣ такъ и въ Глинѣ бываютъ ярмарки, на которыя пригоняютъ весьма хорошей породы свиней изъ Босніи. Въ этихъ двухъ городахъ происходитъ въ большихъ размѣрахъ торговля свиньями, которыя оттуда отправляются въ Тріестъ и Вѣну.

7) Заваль́е; этотъ городъ служитъ важнымъ пунктомъ для транзитной торговли. Заграничные товары, привозимые въ адріатическіе порты Австро-Венгріи и предназначаемые для отправки въ Боснію, обыкновенно идутъ черезъ Заваль́е въ мѣсту своего назначенія.

Въ заключеніе, мы считаемъ не лишнимъ замѣтить, что, за неимѣніемъ точныхъ статистическихъ данныхъ о торговомъ движеніи въ Военной Границѣ, мы по необходимости могли лишь въ общихъ чертахъ охарактеризовать состояніе тамъ торговли.

III.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФІЯ

ВСѢХЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЮГО-СЛАВЯНСКИХЪ ПРОВИНЦІЙ

АВСТРО-ВЕНГРІИ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЮГО-СЛАВЯНСКИХЪ ПРОВИНЦІЙ АВСТРО-ВЕНГРІИ.

Эту часть своего труда мы раздѣлимъ на четыре отдѣла: первый будетъ содержать миѳологическія вѣрованія, какъ древнія, такъ и сохранившіяся до сихъ поръ; второй отдѣлъ—описаніе домашней жизни юго-славянина; третій — полу-христіанскіе обряды и повѣрья, которые хотя и заключаютъ въ себѣ остатки язычества, однако сильно видоизмѣнились подъ благотворнымъ вліяніемъ христіанскаго ученія; четвертый—будетъ посвященъ разсмотрѣнію народныхъ игръ и плясокъ. Народная жизнь представляетъ такъ много своеобразныхъ проявленій, находящихся одно съ другимъ въ такой тѣсной связи, что крайне трудно подвести ихъ подъ извѣстныя рамки, сгруппировать по извѣстной системѣ: въ своемъ трудѣ мы, однако, хотимъ сдѣлать попытку такой систематизаціи произведеній духовной жизни юго-славянскаго міра.

А) О миѳологическихъ вѣрованіяхъ австрійскихъ южныхъ славянъ.

I.

Общее понятіе объ южно-славянской миѳологіи. Созданіе вселенной. Поименованіе боговъ. Описаніе ихъ качествъ и назначенія. Жертвоприношенія. О вѣрѣ древнихъ славянъ въ безсмертіе души.

Воображеніе народа, находящагося еще въ младенческомъ состояніи, обыкновенно такъ же впечатлительно, какъ и воображеніе ребенка. Весьма естественно, что для необразованной массы не

понятна сила науки и знанія: тамъ, гдѣ работаетъ наука, по понятію народному, работаетъ какая-то сверхъестественная сила. Воображеніе народа сильно поражается внѣшними явленіями, происходящими какъ въ частной его жизни, такъ и въ самой природѣ, и старается все это объяснить своеобразнаго рода представленіями. Трудности и превратности, какія испытываетъ человѣкъ въ жизни, начиная съ своей колыбели, эта вѣчная его борьба со внѣшними силами природы — доставили богатый матеріалъ народной фантазіи. Этотъ общій законъ духовной жизни человѣка имѣетъ полное примѣненіе и въ славянствѣ и здѣсь народная фантазія окружила человѣка враждебными ему стихіями, старающимися, подъ различными видами, его поглотить. Враждебное человѣку начало въ природѣ было олицетворено въ формѣ вѣштицы: летая ночью по окружающимъ мѣстностямъ, она приноситъ повсюду вредъ и злыя болѣзни. Всѣ болѣзни и недуги также дѣло чудесной, сверхъестественной силы: вдова тоскуетъ по своемъ дорогомъ, нѣжно-любимомъ мужѣ; образъ его не покидаетъ ея и во снѣ; она начинаетъ нравственно томиться, гаснуть. Хотя причина ея болѣзни и ясна, но народъ говоритъ, что вукодлакъ—мертвецъ приходитъ ночью изъ своей темной могилы мучить несчастную женщину. Для разъясненія народу тайнъ врачебнаго искуства явился цѣлый рядъ сверхъестественныхъ силъ въ видѣ врачарицъ, веленицъ и т. д.

Разрисовавъ самыми живыми красками эту борьбу человѣка съ враждебными ему стихіями, народная фантазія указала на то, что и по смерти человѣка душѣ его, покинувшей тѣло, предназначено долго бороться въ загробномъ царствѣ, пока онъ не найдетъ себѣ тамъ вожделеннаго покоя: у славянъ сложились разсказы о похожденіяхъ собластей, т. е. о душахъ, не находящихъ себѣ пристанища въ загробномъ царствѣ. Вотъ вспыхиваетъ костеръ и озаряетъ красноватымъ пламенемъ окрестность—вѣрно вѣтеръ раздулъ его: то собласти, несчастныя души умершихъ, говоритъ въ страхѣ народъ, бросились въ пламя. Передадимъ читателю вкратцѣ содержаніе одного народнаго разсказа о «црной кралицѣ» (черной королевѣ). «Давнымъ-давно уже, въ Медвѣдь-

градѣ, лежавшемъ вблизи города Загреба, жила черна кралица—злая, эхидная королева; много загубила народу она на своемъ вѣку. Эта царица имѣла большаго ворона, который помогалъ ей въ злодѣяніяхъ, которыя причиняла она мѣстнымъ жителямъ. Плохо бывало тому, кто впадалъ въ ея немилость: она посылала на него своего чернаго ворона, а тотъ клевалъ и раздиралъ на части тѣло несчастнаго. Душа ея, такимъ образомъ, постоянно была запятнана всевозможными преступленіями; но за то тѣло ея было чисто, потому что она крайне любила купаться въ студеной водѣ источника, протекавшаго около города; иногда она купалась въ молокѣ, чтобы придать болѣе мягкости и бѣлизны своему роскошному тѣлу. Куда бы ни шла черна кралица, всюду за ней несся по воздуху ея любимецъ-воронъ. Въ ея царствованіе много было чего построено: была проложена черезъ гору Велебитъ дорога и, черезъ ту-же гору, былъ прорытъ узкій проходъ—краличьи врата (королевскія ворота), который соединялъ турецкую Хорватію съ Далмаціей; она построила на турецкой границѣ большую крѣпость, развалины которой сохранились и по настоящее время. Хотя съ тѣхъ поръ и много лѣтъ прошло, но душа ея нигдѣ не находитъ себѣ покоя: печальное привидѣніе, понуря голову, ходитъ, при лунномъ освѣщеніи, по берегу Адріатическаго моря: оно устремляетъ взоръ вдаль, долго стоитъ и смотритъ куда то, а затѣмъ вдругъ пропадаетъ».

Народная фантазія представила и свѣтлыя стороны борьбы человѣка съ враждебными ему стихіями; она выставила на видъ тотъ фактъ, что человѣкъ, хотя и слабое созданіе, можетъ остаться, однако, побѣдителемъ, если только съумѣетъ воспользоваться дарованными ему качествами. Народная фантазія создала большую толпу прекрасныхъ, молодыхъ женщинъ, именуемыхъ «вилами»: онѣ населили и высокія, крутыя горы и роскошныя, широкія долины и глубокія, подводныя пучины. Всюду, гдѣ бы ни находился человѣкъ, за нимъ слѣдуетъ прекрасная женщина, его «посестрима», обворожительная обитательница заколдованнаго міра: она является его заступницей, въ случаѣ приключившагося съ нимъ несчастія и его совѣтницей въ случаѣ угрожающей ему опасности. Народъ, еще по-

лудикій, суевѣрный и непросвѣщенный, какими были наши предки славяне въ эпоху, когда сложились ихъ легенды, сказки и народныя пѣсни, каждому явленію природы любилъ придавать антропоморфическіе образы и толкованія. Такъ, происхожденіе мутной воды, вытекающей изъ подъ городской стѣны Скутари, онъ непреминулъ объяснить себѣ совершенно человѣкообразно. Въ народной легендѣ о постройкѣ города Скутари говорится, между прочимъ, слѣдующее: «когда молодую жену Гойку стали замуравливать въ основаніе городской стѣны, то она обратилась къ зодчему съ просьбой, чтобы тотъ оставилъ отверстіе въ стѣнѣ для ея грудей, чтобы ея ребенокъ Иванъ могъ ихъ сосать. Ея просьбу исполняютъ. Замуравленная мать-молодка кормитъ, такимъ образомъ, свое дитя ежедневно въ продолженіе недѣли, а потомъ и цѣлый годъ, но, потерявши голосъ, она уже не могла переговариваться съ малюткой». Легенда продолжаетъ: «какъ было тогда, такъ осталось и теперь: молоко до сихъ поръ течетъ изъ отверстій въ стѣнѣ и служитъ цѣлебнымъ средствомъ для матерей, груди которыхъ лишены молока». У южныхъ славянъ сохранилось еще представленіе о вилахъ, какъ о полногрудыхъ, прекрасныхъ богиняхъ, изъ грудей которыхъ течетъ молоко, имѣющее цѣлебное средство для мало-молочныхъ женъ. Подъ этими грудями и этимъ молокомъ, текущимъ изъ нихъ, надо разумѣть не что другое, какъ облака и падающій изъ нихъ на землю дождь. Однимъ словомъ, славянская миѳологія коснулась всѣхъ проявленій частной и общественной жизни человѣка и оттѣнила ихъ своего рода колоритомъ.

Христіанская религія произвела, разумѣется, глубокое вліяніе на всѣ стороны жизни австрійскихъ южныхъ славянъ. Она дала совершенно другое направленіе понятіямъ народа. Такъ, мы видимъ, что, подъ вліяніемъ христіанскаго ученія, народъ сталъ переносить на святыхъ качества и силу, какія онъ нѣкогда приписывалъ богамъ. Понятно, что отъ нѣкоторыхъ религіозныхъ вѣрованій, какъ несогласныхъ съ духомъ христіанскаго ученія, народъ долженъ былъ вполнѣ отказаться. По мѣрѣ того, какъ народъ сталъ разумно усвоивать начала христіанскаго ученія, по мѣрѣ того, какъ научныя свѣдѣнія стали проникать въ массу

народа, и самыя представленія народа объ окружающемъ его мірѣ стали понемногу измѣняться. Миѳологическія вѣрованія создаются вѣками, входятъ, такъ сказать, въ плоть и кровь народа, и разстаться съ ними не легко. Поэтому, нельзя было и ожидать, чтобы тѣ понятія, какія народъ связываетъ съ миѳологическимъ міромъ, могли скоро искорениться въ немъ. Мы видимъ, что, подъ вліяніемъ христіанскаго ученія и науки, новыя идеи народа начинаютъ, мало-помалу, одухотворять старый, отживающій миѳологическій міръ, который начинаетъ представляться уже при иной внѣшней обстановкѣ. Существа, наполняющія этотъ міръ, начинаютъ идеализироваться, принимать болѣе духовное, нравственно-разумное значеніе. Вилы, врачарицы, вукодлаки и т. д., завѣщанные глубокою стариною, живутъ еще въ народѣ, но область, занимаемая ими, все болѣе и болѣе съуживается. Итакъ, несмотря на то, что прошло болѣе тысячи лѣтъ, какъ сѣмя христіанской религіи было брошено въ нѣдра южно-славянской народности, несмотря на то, что чуждые, иноземные элементы воздѣйствовали на эту почву, въ народномъ міросозерцаніи сохранилось и свято чтится, какъ неотъемлемая, дорогая собственность, цѣлая фаланга вѣрованій, которая представляетъ собою языческій культъ.

Объ исторіи сотворенія міра ходитъ слѣдующая легенда: сперва, говорятъ южные славяне, былъ одинъ Богъ и существовали двѣ стихіи: воздухъ и вода. Богъ носился въ воздухѣ; но вслѣдствіе сильнаго утомленія онъ заснулъ: въ природѣ водворилось молчаніе. Но вотъ Богъ просыпается: онъ смотритъ кверху и — куда не упадетъ его взглядъ, всюду появляются его созданія; сила творенія проявилась: на голубомъ небѣ заблистали звѣзды. Самъ ходилъ повсюду, чтобы видѣть, что онъ создавалъ; а если утомлялся, то шелъ купаться въ море. Однажды, выходя изъ воды, онъ уронилъ изъ подъ ногтя кусочекъ грязи и изъ этой грязи создалась земля, которая стала плавать по водной пучинѣ. Міръ созданъ; не доставало человѣка. Въ то время, какъ Богъ ходилъ по землѣ, онъ сильно утомился, съ чела его пала капля божественнаго пота на землю и изъ этого мѣста выросъ человѣкъ, самимъ происхожденіемъ предназначенный снискивать себѣ пропитаніе въ потѣ лица, трудиться до утомленія.

Объяснивъ себѣ, такимъ образомъ, все сотворенное, какъ происшедшее отъ единаго лица—Бога, древніе южные славяне постарались уразумѣть и нравственныя основы міра: происхожденіе добра и зла, двухъ великихъ началъ, постоянно между собою борющихся, изъ которыхъ одно все создаетъ для блага и счастья людей, а другое все разрушаетъ, стремясь причинить людямъ вредъ. Дуалистическій взглядъ славянъ на явленія природы, который истекалъ изъ чисто физическихъ условій и ихъ различнаго воздѣйствія на живые организмы, не могъ не высказаться и въ религіозныхъ ихъ вѣрованіяхъ. Творческая сила природы была олицетворена въ видѣ «бѣл-бога»—источника добра, свѣта,—самоприлагательное бѣлый (бѣл-богъ) собственно значитъ—свѣтлый, ясный; а разрушительная сила природы—въ видѣ «черно-бога»—источника зла. Эпитетомъ къ бѣлому богу является у славянъ прилагательное «частиви», имѣющее одинаковое значеніе съ римскимъ «venerabilis». Злое начало имѣло нѣсколько названій: нечастиви, бѣсъ, старый кривикъ и т. д. Въ славянскихъ пѣсняхъ и сказкахъ, къ сожалѣнію не сохранилось воспоминаній о тѣхъ обрядахъ и религіозныхъ почестяхъ, которыми чествовали какъ бѣлаго, такъ и чернаго бога; но, основываясь на нѣкоторыхъ повѣрьяхъ мы можемъ сказать, что къ первому прибѣгали въ минуту опасности, просили о ниспосланіи милостей; втораго остерегались, какъ, напримѣръ, существуетъ повѣрье, что если кто вступитъ на кучу земли и плюнетъ на нее, то его тѣло покроется оспенными прыщиками, а это означаетъ, что онъ возбудилъ къ себѣ гнѣвъ чернаго бога.

Такимъ образомъ въ первые вѣка жизни южныхъ славянъ, они имѣли двухъ боговъ: бѣлаго и чернаго. Первый былъ одаренъ, какъ мы выше замѣтили, силами созидательными, а второй—разрушительными. Но, съ разсѣяніемъ славянъ по разнымъ странамъ, эти двѣ силы, такъ сказать, подраздѣлились на нѣсколько группъ: явились боги различные по своимъ названіямъ, но сходные по тѣмъ силамъ, представителями которыхъ они были. Олицетворяя божественныя силы природы въ человѣческихъ образахъ, народъ перенесъ на нихъ и свои бытовыя формы. Притомъ, по мѣрѣ того, какъ мѣнялось поэтическое воззрѣніе человѣка на природу, мѣнялись и взаимныя отношенія обоготворяемыхъ имъ свѣтилъ и стихій: боги становились добрыми семьянинами,

были—отцы, супруги, дѣти, родичи. «Бѣл-богъ» и «Чернобогъ» раздѣлились, распались. Появилась длинная фаланга боговъ, а именно:

1. Перунъ. Нравственныя качества и физическія силы, какія соединялъ въ себѣ, по понятію древнихъ славянъ, бѣл-богъ, были олицетворены въ образѣ Перуна, который почитался старѣйшимъ изъ боговъ; онъ явился творцомъ вселенной и всѣхъ стихійныхъ силъ природы, богомъ неба, дающимъ всему жизнь; однимъ словомъ, началомъ всякой жизни, и всего того, что вызываетъ къ жизни силы природы. Олицетворивъ въ образѣ Перуна доброе начало, народная фантазія не преминула разрисовать живыми красками борьбу его съ злыми геніями: Перунъ, въ концѣ концовъ, побѣждается злыми геніями, умираетъ или засыпаетъ на зиму, лишенный всякой дѣятельности. Съ наступленіемъ же весны, когда солнечные лучи пріобрѣтаютъ силу растопить ледяной покровъ земли, Перунъ, по понятію народному, пробуждается отъ своего сна или смерти, своимъ молотомъ разбиваетъ ледяные оковы земли, пробуждая ее къ жизни, а затѣмъ начинаетъ снова вести попрежнему борьбу съ злымъ началомъ. Приписавъ Перуну столь обширную сферу дѣятельности, древніе славяне не могли не видѣть въ немъ бога грозы и молніи, бога огня, свѣта, воды и вѣтровъ, а наконецъ—покровителя плодородія и земледѣлія. Народная фантазія изобразила Перуна въ образѣ старика съ длинной сѣдой бородой, съ густыми бровями и рѣсницами; волосы падаютъ кудрями на плечи; онъ одѣтъ въ огненную рубашку (грозовыя тучи); въ лѣвой рукѣ носитъ колчанъ стрѣлъ, а въ правой — лукъ: слово его—громъ, дыханіе—вѣтры, оплодотворяющее сѣмя—дожди; стрѣлы его появлялись въ видѣ молніи; лукъ — въ видѣ радуги. Когда Перунъ вступалъ въ борьбу съ злыми геніями, то спускалъ въ нихъ изъ лука свои стрѣлы: въ шумѣ бури и въ вихряхъ древніе славяне видѣли воинственные клики сражающихся. Перунъ, какъ мы выше замѣтили, почитался также богомъ огня и свѣта, и все то, что приписывалось солнцу, какъ живительной и созидающей силѣ, приписывалось и Перуну. По понятію древнихъ славянъ, Перунъ похитилъ съ неба огонь и послалъ его людямъ на землю, въ видѣ молніи. Поэтому миѳологія славянъ представляетъ себѣ Перуна вѣчно окруженнымъ огнемъ, пламенемъ. На праздникъ, устраиваемый въ честь Пе-

руна, народъ являлся въ капище этого бога съ зажженными факелами. Дождь, по понятію народному, появлялся отъ различныхъ причинъ, либо отъ удара огненныхъ стрѣлъ о скалы, либо отъ удара копытъ перуновыхъ коней объ облака, когда Перунъ, въ лѣтнее время, разъѣзжаетъ по небу въ огненной своей колесницѣ и вызываетъ къ жизни силы природы; либо отъ брачнаго соединенія Перуна съ богинею земли. Въ частности Перунъ почитался у древнихъ славянъ покровителемъ силы вообще въ природѣ, а потомъ —силы физической въ человѣкѣ. На этомъ основаніи ему посвящались заповѣдныя дубовыя рощи, дубовыя именно потому, что это дерево, по свойству своему, крѣпче другихъ.

2. Свантевидъ или Световидъ. По мѣсту, которое славянская миѳологія отводитъ богу Свантевиду, а равно по тѣмъ признакамъ и атрибутамъ, съ которыми славянинъ-язычникъ соединялъ понятіе объ этомъ богѣ, онъ близко подходитъ къ Перуну. Поэтому, культъ бога Свантевида ничѣмъ почти не отличался отъ культа Перуна: и тотъ, и другой почитались богами неба, свѣта, грозы и молніи. Впрочемъ, по понятіямъ древнихъ славянъ, Свантевидъ былъ больше мирнымъ богомъ, нежели воинственнымъ. Славянская миѳологія представила Свантевида въ образѣ высокаго мужчины, у котораго четыре бородатыхъ головы на отдѣльныхъ шеяхъ: лицами своими онѣ были обращены на четыре страны свѣта — символъ четырехъ временъ года и четырехъ странъ свѣта; въ правой рукѣ онъ держитъ турій рогъ, наполненный виномъ — символъ плодородія и вообще изобилія: помощью этого рога жрецы предсказывали хорошее или дурное лѣто; въ лѣвой рукѣ онъ держитъ фонарь, который изображалъ собою солнце; такъ что, когда солнце заходило, народъ говорилъ, что богъ спитъ.

3. Жива. Подъ этимъ именемъ была извѣстна у славянъ богиня весны. Называлась же она «Живою» потому, что давала жизнь или призывала къ жизни, съ наступленіемъ весны, живительныя силы природы, проявляющіяся въ растительномъ и животномъ царствахъ. Богиня Жива относилась славянами къ разряду добрыхъ боговъ. Въ первыхъ числахъ мѣсяца мая устраивался въ честь ея праздникъ; въ теченіе всего этого мѣсяца, въ храмѣ, посвященномъ этой богинѣ, было совершаемо по утрамъ богослуженіе, за которымъ бывалъ ей приносимъ въ жертву пѣтухъ, почитавшійся священною пти-

цер, такъ какъ онъ каждый день своимъ пѣніемъ возвѣщаетъ наступленіе утра, свѣтлаго времени дня. Древніе славяне посвящали богинѣ Живѣ также и птицу кукушку, такъ какъ эта птица своимъ появленіемъ предвозвѣщала наступленіе весны.

4. Радигостъ—самое названіе показываетъ, что онъ былъ богомъ гостепріимства.

5. Курентъ. Славянская миѳологія причисляетъ бога Курента къ семьѣ злыхъ духовъ: это былъ богъ веселья; на него смотрѣли древніе славяне, какъ на бога-проказника. По народному повѣрью, онъ владѣлъ волшебной дудкой, и всякій, кто слышалъ только игру на этой дудкѣ, непремѣнно пускался въ пляску и тутъ-же до того уставалъ, что падалъ полумертвымъ или мертвымъ. Вообще о волшебной дудкѣ бога Курента мы находимъ чрезвычайно много любопытныхъ сказаній. Существуетъ народная легенда, въ которой повѣствуется о томъ, какъ богъ Курентъ спасъ, во время потопа, одного человѣка на виноградной вѣткѣ. Представимъ вкратцѣ содержаніе этой легенды: во время потопа, одинъ человѣкъ взобрался на высокую гору и, боясь, чтобы постепенно прибывающая вода не снесла его своими волнами, случайно ухватился за виноградную вѣтку, которую спустилъ съ неба богъ Курентъ; во все время потопа, онъ держался за эту вѣтку и питался ея гроздями. Каковъ былъ культъ этого бога объ этомъ мы не находимъ данныхъ въ трудахъ славянскихъ ученыхъ.

6. Триглавъ. Онъ почитался богомъ неба, земли и ада, поэтому онъ изображался съ тремя головами; въ частности онъ былъ богомъ войны; ему былъ посвященъ конь. По ржанію коня, жрецы предсказывали хорошій или дурной исходъ войны, милость или гнѣвъ бога.

7. Право—богъ справедливости.

8. Велесъ или Волосъ—почитался пастыремъ небесныхъ облаковъ, которыя онъ то собираетъ въ тучи, то разгоняетъ. Современемъ славяне стали признавать Велеса за покровителя скота, а затѣмъ и за покровителя земледѣлія: богу Велесу приносились жертвы, чтобы онъ послалъ хорошій урожай.

9. Лада или Ленья—богиня красоты и любви, богиня весны. Съ наступленіемъ каждой весны, богъ Перунъ, по вѣрованіямъ древнихъ славянъ, вступалъ въ брачный союзъ съ богиней Ладой, которая въ

свою очередь, начинаетъ тогда вести борьбу съ злыми духами. Славянская миѳологія представляетъ Ладу въ образѣ красивой женщины, украшенной ослѣпительными лучами солнца; утренняя роса считалась слезами этой богини.

10. Дидъ—богъ кладовъ, а также и богъ подземнаго огня, иначе сказать, огня, выходящаго изъ нѣдръ земли и появляющагося въ воздухѣ. По вѣрованіямъ славянъ, богъ Дидъ на зиму удалялся въ подземное царство, а съ наступленіемъ весны выходилъ изъ своего мѣста и обсѣменялъ поля зерномъ и всякими плодами. Народная фантазія представляла его въ образѣ старика съ огненно-золотою бородой, въ нищенской, рваной одеждѣ и съ сумой на спинѣ.

Кромѣ этихъ главныхъ боговъ, было еще много второстепенныхъ боговъ, какъ то: «Даворь»—богъ геройства, «Кресъ»—богъ огня, «Додонъ»—богъ грома и дождя, и много другихъ.

Жертвоприношенія бывали совершаемы въ храмахъ, которые носили названіе «веже»; въ жертву приносили воловъ, овецъ, птицъ и разныя овощи. Вокругъ храмовъ бывали сажаемы липы, которыя, по народному повѣрью, почитались деревьями, наиболѣе пріятными богамъ.

Древніе славяне вѣровали въ безсмертіе души. Смерть не почиталась ими несчастіемъ, такъ какъ добродѣтельнаго человѣка ожидала въ загробномъ царствѣ лучшая жизнь, чѣмъ какою онъ пользовался въ этомъ мірѣ.

II.

Вилы: значеніе вилъ въ жизни юго-славянина; дѣленіе ихъ—по мѣсту нахожденія и по качествамъ; описаніе внѣшняго ихъ вида; отличительныя ихъ черты.

Небо, покрытое облаками, темный лѣсъ, утесистая гора, глубокая рѣка—все это смущаетъ душу необразованнаго человѣка; этотъ міръ кажется ему неразгаданнымъ, какимъ-то таинственнымъ: человѣкъ населяетъ его сверхъ-естественными существами. Вилы, кото-

рыя играютъ важную роль въ славянской миѳологіи, составляли въ древности особый міръ, средній между высшими божествами и людьми. Подтвержденіе высказанной нами мысли мы находимъ въ слѣдующей пѣснѣ:

Градъ градила бѣла Вила
Ни на небу ни на земльи,
Нег' на грани одъ облака;
На граду е трое врата,
Едно врата одъ скерлета,
Друго врата одъ бисера,
Трече врата сухог' злата,
Што су врата одъ скерлета,
На та Вила шчерь удава,
Што л'су врата одъ бисера,
На та Вила жени сына,
Што ли врата сухог' злата,
На та Війла сѣди сама,
Виля гледа у облаке,
Десе муня зъ громомъ игра,
Мила сестра су два брата,
А невѣста съ два дерева:
Муня грома надиграла
Мила сестра оба брата,
И невѣста два девера,
А то мило Вили было.

(Бѣлая вила построила городъ не на небѣ и не на землѣ, но на границѣ облаковъ; въ городѣ было трое воротъ, одни изъ краснаго камня, другіе изъ перловъ, третьи изъ золота; на тѣхъ воротахъ, которые изъ краснаго камня, вила выдала замужъ дочь; на тѣхъ воротахъ, которые были изъ перловъ, вила женила сына; на тѣхъ воротахъ, которые были изъ золота, вила сидѣла сама и глядѣла въ облака, гдѣ молнія играла съ громомъ, милая сестра съ двумя братьями, и невѣста съ двумя деверьями. Молнія наигралась съ громомъ, милая сестра съ двумя братьями, а невѣста съ двумя деверьями).

И такъ, вилы населяютъ пространство, находящееся между небомъ и землею. Самое слово «вила» образовалось отъ глагола вить, скручивать, соединять пряди въ одну нить, и указываетъ на облачную дѣву, которая прядетъ облачныя кудели и тянетъ изъ нихъ золотыя нити молній. Въ сербской пѣснѣ говорится: «се муньe вију»

по облаку. Отъ слова «вила» происходитъ прилагательное «вилован» или «виловит» — чародѣйскій, волшебный. У южныхъ славянъ вилы имѣли то же значеніе, какое въ древней Греціи придавалось нимфамъ, напримѣръ Нереидамъ или Сиренамъ; вилы являются геніями добра и зла и очень походятъ на скандинавскую богиню Валкирію или на русскихъ нимфъ-русалокъ.

По мѣрѣ развитія представленія народа о сверхъестественныхъ существахъ, по мѣрѣ болѣе точнаго опредѣленія народомъ круга ихъ дѣятельности и внѣшнихъ ихъ признаковъ, и сами вилы уже начинаютъ населять различныя мѣстности. Смотря по мѣсту своего нахожденія, онѣ раздѣляются, мы видимъ, на вилы — «воздушныя», «земныя» и «водныя».

По понятію славянъ, въ природѣ постоянно происходитъ борьба двухъ противуположныхъ началъ: начала добра и начала зла. Христіанская вѣра, провозгласившая торжество добра, не могла не повліять и на представленія народа, по отношенію къ его сверхъестественнымъ существамъ. Сила добра начинаетъ превосходить силу зла и надъ нимъ, въ большинствѣ случаевъ, брать вверхъ. Поэтому и сами вилы являются уже то добрыми, то злыми; онѣ начинаютъ чтить воскресный день и совѣтовать не начинать ссоры въ этотъ день. Такъ въ одной народной пѣснѣ говорится:

Яви му се изъ облака Вила:
Зашто брате Кралевичу Марко
Я самъ ли те боланъ говорила,
Да не чинишь кавги у недѣлю.

(Явилась Марку Кралевичу изъ облака вила и сказала: зачѣмъ ты жалуешься, не я-ли говорила тебѣ, чтобы ты не начиналъ ссоры въ воскресенье). Вообще онѣ стали снисходительно относиться къ человѣку, брать его сторону и выражать ему свой гнѣвъ только тогда, когда онъ осмѣливался нарушить ихъ законы. Итакъ, подъ вліяніемъ христіанскаго ученія, вилы замѣтно утратили свой первоначальный характеръ: онѣ, мало по малу, усвоили качества, свойственныя каждому человѣку.

Посмотримъ теперь: какъ народное повѣрье изображаетъ вилу. Она является въ образѣ женщины-красивой, вѣчно-молодой, съ

длинными, густыми, падающими до самой земли золотистыми волосами, и одѣтой въ бѣлое одѣяніе, опоясанное серебрянымъ поясомъ. Безъ сомнѣнія, вслѣдствіе своего бѣлаго одѣянія, вилы обыкновенно называются «бѣлыми» и причисляются къ свѣтлымъ существамъ. Впрочемъ, слово «бѣлый» часто уже употребляется, въ особенности въ поэзіи, въ смыслѣ «красивый»; а именно въ случаяхъ сравненія женщины съ вилой, какъ, напримѣръ: «она бѣла, какъ горска вила», т. е. она красива, какъ горняя вила. Вилы высоки, имѣютъ лицо выразительное, глаза пронзительные, какъ молнія, живые, быстрые; худо тому, на кого онѣ посмотрятъ: тотъ вѣчно будетъ мучиться, всюду будетъ ему являться этотъ пронзительный взглядъ. Вилы имѣютъ крылья; такъ, въ одной пѣснѣ говорится: «полетѣла вила на бијела крыла». По преданіямъ южныхъ славянъ, вилы часто летаютъ на крыльяхъ мотылька, отчего мотылекъ или бабочка называются вилинымъ конемъ. Впрочемъ каждая вила можетъ принимать разные образы.

Вилы одарены громадной силой: никто, кромѣ Марка Кралевича и бана Секуля, дяди Ивана Гуніади, не могъ сравниться съ ними въ силѣ. Въ Военной Границѣ существуетъ о Марко Кралевичѣ народное преданіе, гдѣ разсказывается, что этотъ народный герой, совершая одну изъ своихъ богатырскихъ поѣздокъ, наткнулся на хороводъ, состоящій изъ вилъ (вилино коло): вилы заманили его въ свой хороводъ и начинается отчаянная пляска. Проходитъ день, наступаетъ ночь: многія вилы, изнеможенныя отъ усталости, попадали на землю; но герой не усталъ: онъ продолжаетъ плясать, при лунномъ освѣщеніи; турниръ, гдѣ съ одной стороны мы видимъ цѣлый рядъ прекрасныхъ, молодыхъ, одѣтыхъ въ бѣлое одѣяніе женщинъ, а съ другой—отважнаго, полнаго юношескихъ силъ героя бѣшено пляшущихъ, картина достойная кисти хорошаго художника. Вилы сознали свое безсиліе и заключили съ Марко Кралевичемъ братскій союзъ, признавши его своимъ «побратимомъ». Про силу и отвагу бана Секуля такъ поетъ народная пѣсня:

Ловъ ловіо Бан' Секуле
И планиномъ и горицомъ,
Намѣра га наніела

На юначко разбоиште,
На Вучіе віліште,
И Вилине игралиште;
Ту уфати Секулъ Вилу,
Богомъ куми бѣла Вило:
«Богомъ брате Бан'-Секула!
Не води ми Уйку своме,
Своме Уйку Угрин'Янку.
Три чу теби казат'биля:
Да си честанъ у дружины,
Да ти люби роди сына,
Да ти сабля сѣче Турке».
Аг'іой вели Бан' Секула:
«Муч' нелудуй бѣла Вило!
Бно Секулъ юнакъ собомъ
Бы'че частанъ у дружину;
Была здраво глава моя.
Роди'че ми люби сына.
А и оштра сабля моя,
Здрава моя десна рука
Сѣче ми сабля Турке».
Пакъ одведе бѣлу Вилу,
Дарива е Уйку своме,
А онъ нѣму крило златно
Крило златно и перятно.

(Банъ Секулъ охотился въ горахъ; случайно онъ напалъ на разбойничье мѣсто, на волчій притонъ, и на вилино игралище. Тутъ поймалъ Секулъ вилу. Заклинала богомъ бана Секула бѣлая вила не отдавать ее его дядѣ Угрину Янку и говорила: обѣщаю тебѣ три вещи: ты будешь уважаемъ дружиною, твоя жена родитъ тебѣ сына, твоя сабля будетъ рубить турокъ. Отвѣчаетъ ей банъ Секулъ: недурачься бѣлая вила, я и такъ юнакъ, уважаетъ меня дружина; буду здоровъ, то жена родитъ мнѣ сына, а сабля моя остра, здорова правая рука и рубитъ моя сабля турокъ. Потомъ отвелъ ее къ своему дядѣ, а онъ ему за то подарилъ крыло съ золотыми перьями).

Вся сила вилы заключается въ волосахъ: если она потеряетъ хоть одинъ волосъ, то тотчасъ-же исчезаетъ. Нѣкоторыя хорватскія сказки сохранили преданіе о томъ, какъ вила въ бѣлоснѣжной одеждѣ съ золотистыми волосами приходитъ къ мужу: она ложится съ нимъ спать на золотомъ ложѣ, и все кругомъ ея, вся ливада, принимаетъ

золотистый блескъ ея волосъ. Но объ этомъ узнала злая мачиха юноши, обрѣзала вилѣ золотыя косы: мгновенно исчезла прекрасная дѣва. Обыкновенно она надѣляетъ силой того, кто поможетъ ей сберечь роскошные ея волосы. Народное преданіе разсказываетъ, что какъ-то разъ пастухъ встрѣтилъ вилу въ дремучемъ лѣсу, въ чащѣ котораго она запуталась своими длинными, роскошными волосами. Боясь смерти, она невольно обрадовалась, увидавши пастуха, и стала его упрашивать, чтобы онъ распуталъ ея косу. Пастухъ помогъ ей, и тогда она дала ему такую силу, которая сразу его выдѣлила изъ массы прочихъ пастуховъ, и онъ заслужилъ всеобщее уваженіе. Несмотря на свою физическую силу, вилы легки, какъ птицы. Народныя пѣсни часто сравниваютъ борзаго коня съ быстротою полета вилы: «ан'је брза пуста бедевија, брза му је, као горска вила». Народныя пѣсни останавливаются на описаніи ихъ голоса. Если кто случайно услышитъ мелодичный голосъ вилы, то въ его ушахъ будетъ вѣчно раздаваться гармоническая пѣсня невѣдомаго ему созданія: онъ начнетъ тосковать, чахнуть и преждевременно помретъ. Вила одарена даромъ пророчества и колдовства; она хорошо знакома съ врачебнымъ искуствомъ. Изъ словъ «град градила бјела вила» видно, что вилы почитались строительницами воздушныхъ замковъ и вообще всѣхъ явленій миража. На этомъ основаніи часто въ преданіяхъ южныхъ славянъ вилы почитались пособницами и строительницами и земныхъ твердынь. Такъ, въ народныхъ пѣсняхъ говорится, что вилы воздвигаютъ зданія, которыя вообще отличаются изящностью своей архитектуры; строятъ онѣ быстро ходящія суда и отлично куютъ саблю, которая можетъ разсѣкать даже желѣзо. Иногда вила, судя по народному сказанію, существующему въ Истріи, бываетъ не прочь вступить въ брачную связь съ молодымъ славяниномъ: жизнь полная счастья ожидаетъ этого избранника.

Давши общее понятіе о вилахъ, мы перейдемъ теперь къ описанію отличительныхъ чертъ, образа жизни и значенія для человѣка каждой изъ вышеупомянутыхъ группъ вилъ.

Вилы воздушныя (виле зрачне, или виле облакине). Народная фантазія изображаетъ ихъ въ видѣ звѣздъ и облаковъ. Воздуш-

ния или облачныя вилы населяютъ собою небесныя горы. Въ одной пѣснѣ вила говоритъ о своемъ происхожденіи:

Mene je gora rodila,
U zeleny listak povila,
Sutrenja rosa padala,
Mene je vilu dojila;
Od gore vetric pukao,
Mene je vilu sikao:
To su mi bite dadije.

(Меня гора родила, свила въ зеленый листокъ, утренняя роса падала, меня вилу поила; съ горы вѣтеръ подувалъ, меня вилу покачивалъ, это-то мнѣ дало бытіе).

Въ одномъ преданіи мы находимъ указаніе на то, что эти вилы обитаютъ на облакахъ. Такъ въ одной народной пѣснѣ говорится, что однажды банъ Секулъ преслѣдовалъ вилу, которая, не видя другаго спасенія отъ преслѣдованій, «дигне се небу под облаке».

Въ окрестностяхъ города Вараждина (въ Хорватіи) существуетъ повѣрье, что вилы воздушныя были прежде прекрасными, молодыми дѣвушками; но за свою гордость были унесены вѣтромъ на небо, и теперь обитаютъ на созвѣздіи плеядъ (влашичи) и водятъ тамъ свое коло. Можетъ статься, изъ этого народнаго повѣрья и вышелъ обычай, по настоящее время сохранившійся у хорватовъ: семь молодыхъ дѣвушекъ, украшенныхъ вѣнками, (онѣ носятъ особое названіе—ладавице), ходятъ отъ дома къ дому съ пѣснями по селамъ наканунѣ дня св. Георгія, а по городамъ—утромъ въ самый день праздника. Жилище воздушныхъ вилъ—чудесно: это — золотые замки, стѣны которыхъ внутри обиты дорогимъ бархатомъ и унизаны разноцвѣтнымъ бисеромъ; они построены на облакахъ. Эти вилы только изрѣдка, какъ-то весною и лѣтомъ, сходятъ на землю для своего удовольствія: тогда онѣ предаются веселой пляскѣ въ мѣстностяхъ, согрѣваемыхъ солнцемъ; можно узнавать по измятой травѣ о мѣстѣ ихъ веселья. Но, въ большинствѣ случаевъ, онѣ оставляютъ свои золоченые чертоги и являются на землѣ въ образѣ красивой женщины для того, чтобы оказать какую-либо помощь человѣку: либо предостеречь его отъ опасности, либо спасти его въ минуту опасности. На-

родная хорватская пѣсня передаетъ печальную повѣсть о жизни одной молодой женщины, по имени Маріи: вила предупреждала ее не ходить съ дѣтьми въ лѣсъ, такъ какъ разбойники (хайдуки) ее тамъ возьмутъ; она не послушалась, и ее постигла участь, предсказанная вилою. Въ одной изъ народныхъ пѣсенъ разсказывается слѣдующее: во время рукопашнаго боя Мусы Кеседжіи съ Марко Кралевичемъ, этотъ послѣдній былъ поваленъ на землю. Вдругъ на облакѣ появилась вила, посестрима Марко Кралевича: Муса взглянулъ вверхъ на облако, въ это время Марко Кралевичъ вынулъ ножъ изъ-за пазухи и распоролъ Мусу отъ пояса до горла.

Воздушныя вилы повелѣваютъ облаками, которыя собираютъ онѣ въ тучи громомъ и молніей; плохо будетъ тому, кто заслужитъ ихъ гнѣвъ: онѣ побиваютъ его либо крупнымъ градомъ, либо огненными стрѣлами. Въ одной сербской пѣснѣ повѣствуется, какъ одна дѣвушка, не желая смотрѣть на грозу, замѣчаетъ: «нит сам вила, да збијало облаке» (развѣ я вила, чтобы собирать облака).

Земныя вилы (виле земальске) раздѣляются по мѣсту своего жительства на «горныя» и на «полевыя». Весьма распространенная въ Хорватіи и Далмаціи народная легенда повѣствуетъ о ихъ происхожденіи слѣдующее: прежде онѣ были гордыми, прекрасными, молодыми дѣвушками; онѣ сознавали свое внѣшнее совершенство и высоко имъ гордились. За ихъ высокомѣріе Богъ наказалъ ихъ: преобразивъ нѣкогда прекрасныя ихъ ноги въ козьи ноги съ конскими копытами, назначилъ имъ въ удѣлъ—вѣчно скитаться по горамъ, пещерамъ и долинамъ. Чтобы закрыть свои безобразныя ноги, земныя вилы носятъ длинное, бѣлое одѣяніе. Въ Славоніи существуетъ иного рода сказаніе о происхожденіи земныхъ вилъ: «Богъ посѣтилъ какъ-то разъ Адама на землѣ и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Между прочимъ, Богъ спросилъ Адама: сколько у него дѣтей? Какъ у Адама было весьма много дѣтей, то онъ устыдился сказать правду; поэтому и поименовалъ одну половину своихъ дѣтей, а другую — утаилъ. Богъ сильно на него разгнѣвался за ложное показаніе, преобразивъ половину утаенныхъ имъ дѣтей въ вилъ и предназначивъ имъ оставаться въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока не покончится Адамово поколѣніе, пока не наступитъ новый міръ». И такъ,

земныя вилы существуютъ, по народному повѣрью, отъ начала міра.

а). «Горныя вилы», горски вилы, иначе извѣстныя подъ названіями «виле планинкине или поторкине».

Онѣ живутъ или на вершинахъ горъ, или въ гротахъ. По народному повѣрью, горы, обитаемыя вилами, суть слѣдующія: «Велебитъ» (въ приморской Хорватіи); «Клекъ» (вблизи г. Огулина—въ Военной Границѣ); «Самоборская и Крапинская» (во внутренней части Хорватіи); «Фрушка—гора» (въ Славоніи); «Мироджагъ» и «Авала» (въ Сербіи); «Триглавъ» (въ Крайнѣ); «Урвина» (въ Истріи) и «Суторманъ» (на границѣ Черногоріи, Албаніи и Австріи): по народному повѣрью, эта гора служитъ главнымъ мѣстомъ сходки вилъ, которыхъ болѣе, чѣмъ сколько въ году дней. Существуетъ далматинская легенда, что на одной горѣ вблизи г. Будвы находится «вилино гумно»: окрестные жители, въ особенности момки (парни) и молодыя дѣвушки въ своихъ праздничныхъ нарядахъ и съ цвѣтами на головѣ собираются въ Спасовъ день на этой горѣ и, въ продолженіе всего дня, поютъ пѣсню, которая начинается слѣдующими словами: «добро ютро бѣле виле и нама га дайти всходили на гору» (доброе утро бѣлыя вилы: вы намъ дозволили взойти на гору).

О гротахъ, которые служатъ обиталищемъ вилъ, существуетъ множество народныхъ легендъ. Возвращаясь съ полей въ свои горныя жилища, вилы превращаются въ змѣй (молній) и такимъ образомъ проскользаютъ въ узкія отверстія своихъ жилищъ, внутри которыхъ онѣ опять превращаются въ дѣвъ. Этими таинственными гротами весьма богата вараждинская жупанія. Они суть слѣдующіе: 1) «Плачаникъ»—вблизи г. Крапины. Разсказываютъ, что какъ-то разъ молодой, красивый пастухъ, прокодившій около этого грота, былъ схваченъ вилами и унесенъ ими въ свое жилище: тамъ онѣ стали принуждать его полюбить одну изъ нихъ. Красивый пастухъ тщетно отказывался отъ предлагаемой ему чести; онъ говорилъ, что у него есть жена; но онѣ неотвязно приставали къ нему, молили, угрожали, такъ что онъ наконецъ, принужденъ былъ выбрать одну изъ нихъ. Прошло два дня: вилы, думая, что молодой пастухъ вполнѣ очарованъ прелестями своей подруги, которую онъ выбралъ изъ ихъ среды, отправи-

лись всѣ на охоту, оставивъ его одного; онъ воспользовался этимъ временемъ и убѣжалъ. 2) «Вилина яма» — вблизи г. Крапины. О ней существуетъ слѣдующая легенда: Вулина (сестра-Чеха, Леха и Меха—трехъ родныхъ братьевъ, родоначальниковъ славянъ) измѣнническки предала своихъ братьевъ въ руки любимаго ею римлянина. Но когда этотъ послѣдній не могъ съ ними справиться, то отпустилъ ихъ на волю. Вулина, боясь братской мести, скрылась у вилъ въ «вилиной ямѣ». Чехъ, Лехъ и Мехъ выкупили свою сестру у вилъ за одного вола, поставивъ, между его рогами, дитю съ золотымъ яблокомъ въ рукѣ; затѣмъ помянутые братья закопали свою сестру въ основаніи строимаго ими города Крапины. 3) «Крижнякова яма»—около мѣстечка Любли (вблизи вараждинскихъ минеральныхъ водъ). Этотъ гротъ имѣетъ крайне узкій входъ: народъ разсказываетъ, что вилы, желая войти въ него, превращаются въ змѣй. 4) «Вучья яма» —вблизи села Липы, расположеннаго въ Быстрицкой долинѣ.

Подъ каменистою горою «Пештинъ-градъ», вблизи г. Котора, находится, по народному повѣрью, гротъ, гдѣ живутъ добрыя вилы: изъ этого грота вытекаютъ прозрачныя воды ручья, куда пастухи пригоняютъ свои стада. Невдалекѣ отъ мѣстечка Доброты лежитъ гротъ — «красна яма». Народная легенда повѣствуетъ, что въ рѣчкой нахіи (въ Черногоріи), подъ развалинами мѣстечка Ободы, находится гротъ: тамъ спитъ черногорскій юнакъ основатель Черногоріи — Черноевичъ Иво; его оберегаютъ горныя вилы; но настанетъ часъ, когда онъ воспрянетъ отъ сна, чтобы своими могучими силами послужить дѣлу объединенія славянъ: онъ соединитъ съ Черногоріей синее море, Которъ и, прогнавши турокъ изъ Европы, объединитъ всѣхъ южныхъ славянъ, во главѣ которыхъ будетъ развиваться черногорское знамя. Когда наступитъ этотъ часъ—не извѣстно: народный герой спитъ теперь непробуднымъ сномъ.

Итакъ, поименованные гроты можно подраздѣлить на два разряда: обиталища добрыхъ и злыхъ вилъ. Къ первому разряду слѣдуетъ отнести слѣдующіе гроты: «плачаникъ», «вилина яма» и гротъ, находящійся подъ «Пештинъ-градомъ»; а ко второму разряду — «крижнякова яма», «вучья яма» и «красна яма». Намъ неизвѣстно народное преданіе, которое бы содержало описаніе обиталища доб-

рыхъ вилъ. Въ одной народной пѣснѣ описывается внутренность грота «красна яма», обиталища злыхъ вилъ. «Посреди грота на возвышеніи», говорятъ пѣсня, «стоитъ прекрасная статуя богини, полъ хрустальный и стѣны унизаны перлами и жемчугомъ, золотые столы уставлены самой богатой посудой, внутри жилище ихъ убрано цвѣтами и зеленью. Когда человѣку удается пробраться во внутрь этого очаровательнаго замка, то все превращается въ камень— и несчастный, не находя выхода, помираетъ тамъ съ тоски и голода».

Впрочемъ, кромѣ горъ и гротовъ, вилы иногда живутъ среди народа въ деревняхъ, въ селахъ. Въ Далмаціи обиталищами вилъ служатъ мѣстечки — Доброта и Ловчане, а въ Черногоріи — селенія Кома, Вернощъ и Журина.

Вилы весьма охотно предаются пляскѣ подъ звуки гусли и пастушеской свирѣли: онѣ обыкновенно пляшутъ до истомленія. Завидѣвъ юношу, онѣ увлекаютъ его въ хороводъ свой и кружатъ его до тѣхъ поръ, пока тотъ не падетъ замертво. Если же кто такъ искусно и неутомимо танцуетъ, что вилам трудно его уходить, то съ нимъ заключаютъ онѣ побратимство: такъ было съ Марко Кралевичемъ, котораго имъ не удалось замучить въ танцахъ, о чемъ мы уже выше говорили. Во время пляски вилъ раздается въ горахъ мелодичное ихъ пѣніе *). На какомъ языкѣ онѣ поютъ — неизвѣстно. Народъ разсказываетъ, что мелодіи ихъ пѣсень очень походятъ на маршъ. Вукъ-Караджичъ, извѣстный собиратель юго-славянскихъ народныхъ пѣсень, во время своихъ поѣздокъ по Далмаціи, Военной Границѣ и Славоніи, отмѣчалъ тѣ пѣсни, которыя, по словамъ народа, слышаны были имъ отъ вилъ: такихъ вилиныхъ пѣсень помѣщено въ его сборникѣ большое количество. Приведемъ для примѣра слѣдующую пѣсню:

Ој вишњо, вишњице!
Дигне горе граде,
Испод тебе виле
Дивно коло воде.
Пред њими Радиша

*) Юго-славянскій писатель Марьинъ Держичъ (умеръ въ 1580 г.) въ комедіи «Вила Тирени» изображаетъ вилъ, какъ прекрасныхъ пѣвицъ.

Бичем росу тресе,
До две виле води,
А третъеј беседи:
«Подь за мене, вило!
Код моје теги мајке
У ладу седити
Танку свилу прести
На златно вретено».

(Вишня, вишенька! подыми вверхъ вѣтви, подъ тобою вила дивный хороводъ водитъ. Передъ нимъ Радиша бичемъ росу стряхаетъ, двухъ вилъ водитъ, а третьей говоритъ: пойди за меня, вила! подлѣ моей матери будешь сидѣть въ прохладѣ и прясть тонкій шелкъ на золотое вертено).

Сверхъ пляски и пѣнія, любимымъ занятіемъ горныхъ вилъ служитъ охота на птицъ и звѣрей: вооруженныя стрѣлами, онѣ весьма ловко спускаютъ ихъ съ тетивы въ добычу. Теперь опишемъ дѣятельность вилы по отношенію къ человѣку.

При рожденіи каждаго славянина, по народному повѣрью, присутствуетъ отъ трехъ до семи вилъ, которыя носятъ названіе «роженицы» (rodjenice) или «суженицы» (sudjenice). Онѣ держатъ между собою совѣтъ о томъ: будетъ ли счастливъ новорожденный или же ожидаютъ его въ жизни одни страданія? Его участь рѣшается на этомъ совѣтѣ. Такъ, разсказываютъ, что къ хижинѣ одного богатаго селянина, во время родовъ его жены, подошелъ гусляръ и запѣлъ пѣсню о ниспосланіи счастія и всякаго благополучія на эту мирную кровлю. Было позднее время: селянинъ приглашаетъ добраго вѣстника раздѣлить съ нимъ ужинъ и переночевать въ его хижинѣ. Когда наступила полночь, гусляръ услышалъ въ трубѣ сильный шумъ и затѣмъ увидѣлъ семь молодыхъ, одѣтыхъ въ бѣлое одѣяніе, женщинъ. Ему удалось подслушать ихъ разговоръ: «судице, дружице», говорила одна изъ нихъ, «въ этомъ домѣ родился мальчикъ; я хочу, чтобы онъ прожилъ 70 лѣтъ, былъ бы богатъ, какъ его отецъ, и былъ три раза женатъ: отъ перваго брака имѣлъ бы одного сына, отъ втораго — двухъ дочерей и отъ третьяго — четырехъ сыновей, и пусть онъ умретъ мгновенно отъ удара». Другая «суженица» сказала слѣдующее: «пусть проживетъ онъ 89 лѣтъ въ господствѣ и богатствѣ, пусть будетъ епископомъ и умретъ отъ горячки (врутицы»). Третья же

сказала: «пусть онъ занимается торговлею и, растративши все свое состояніе, какъ безумецъ, помретъ отъ сильныхъ душевныхъ мукъ». Рѣчь четвертой вилы была кратка:- «пусть громъ его убьетъ на 19 году отъ роду». Съ этимъ послѣднимъ рѣшеніемъ согласилось все собраніе; такимъ образомъ участь новорожденнаго была рѣшена: поутру, съ первымъ пѣніемъ пѣтуховъ, всѣ «суженицы» исчезли. На другой день гусляръ разсказалъ все, слышанное имъ въ эту ночь, хозяину. Испуганный отецъ, желая сохранить жизнь своего малютки, сейчасъ же созвалъ работниковъ и условился съ ними о постройкѣ высокой, крѣпкой башни. Прошло 19 лѣтъ: изъ малютки образовался отважный молодой человѣкъ, преданный догматамъ христіанской религіи; наступило время исполненія, предсказаннаго вилою: наступилъ день его рожденія, въ который должно было ему минуть 20 лѣтъ. Родители стали его убѣждать запереться въ крѣпкій замокъ, нарочно выстроенный для того, чтобы спасти его отъ молніи; но молодой человѣкъ не согласился, онъ вѣровалъ въ Бога и на одного Его возлагалъ всѣ свои надежды. Въ день своего рожденія, онъ, обреченный вилами на вѣрную смерть, отправился въ поле совершить свою обычную молитву: была хорошая погода и ни что не предвѣщало скорой грозы; но къ полдню черныя тучи стали заволакивать небо, отдаленные раскаты грома возвѣстили о приближающейся грозѣ, еще минута и засверкавшая молнія разсѣкла дубъ, стоящій среди поля, вблизи молящагося юноши; но онъ остался невредимъ. Между тѣмъ, его родные, увидавшіе, что предсказаніе вилы исполняется, пришли въ ужасное отчаяніе: они плакали, поднимали руки къ небу, прося защитить ихъ дорогое дитя. Но горе ихъ смѣнилось радостью, когда они увидѣли идущаго съ поля молодаго человѣка невредимымъ. Онъ остался живъ; но замокъ, выстроенный для его защиты отъ предстоящей опасности, разрушился. Этотъ молодой человѣкъ дожилъ до глубокой старости—до 95 лѣтъ; вступивши въ бракъ съ молодой, красивой дѣвушкой, имѣлъ семь сыновей и двухъ дочерей. Онъ постоянно говорилъ: «судацъ—Богъ, а судицы—вралицы», т. е. судья—Богъ, а судице — лгуньи. Изъ этого разсказа видно; что, по народному повѣрью, благочестивый человѣкъ можетъ найти въ своей набожности источникъ спасенія отъ злополучной участи, предназначенной ему вилами.

Добрыя вилы при встрѣчѣ съ человѣкомъ дѣлаютъ ему подарокъ даже за то, что онъ только пожелаетъ имъ здравствовать; такъ что существуетъ народная поговорка относительно видавшаго вилу, но не привѣтствовавшаго ее: «тражила те е срете, а ти ю лютъ ни си умѣлъ найти», т. е. счастье искало тебя, а ты былъ до того безуменъ, что не съумѣлъ его найти. Вообще добрая вила весьма щедра на подарки: она ниспосылаетъ въ даръ счастливца, оказавшаго ей услугу, богатство. Такъ, народная молва передаетъ, что какъ-то разъ пастухъ, лежа на берегу горнаго ручья, увидѣлъ волка, съ остервенѣніемъ бросавшагося на прекрасную вилу: ее ожидала неминуемая смерть; пастухъ убилъ волка. Въ благодарность за свое спасеніе, вила повела пастуха къ своимъ подругамъ, посовѣтовавъ ему попросить у нихъ угля. Получивъ большое количество угля, но не находя себѣ въ немъ потребности, пастухъ выбросилъ въ лѣсу изъ мѣшка уголь, и съ пустымъ мѣшкомъ отправился домой. Придя къ себѣ, онъ замѣтилъ въ мѣшкѣ что-то блестящее, смотритъ, и что-же? онъ увидѣлъ кусокъ золота: оказалось, что уголь превратился въ драгоцѣнный металлъ. Пастухъ бросился въ лѣсъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ высыпалъ уголь; но тамъ уже ничего не было.

Добрыя вилы, обладая даромъ распознавать цѣлебныя травы, обучаютъ человѣка составлять изъ нихъ лѣкарства, исцѣляющія его отъ различныхъ недуговъ. Равнымъ образомъ имъ извѣстна цѣлебная сила воды. Онѣ сообщаютъ это людямъ, которые имъ нравятся, или которые принудятъ ихъ силою сдѣлать это.

Такъ, въ посавской Хорватіи разсказываютъ, что вилы приходятъ на землю каждый «стари петакъ» (первая пятница предъ новолуніемъ), съ цѣлью научить женщинъ различнымъ способамъ лѣченія отъ недуговъ, которымъ подверженъ человѣкъ. Женщины, желающія узнать отъ вилъ тайны врачебнаго искуства, распускаютъ себѣ волосы и отправляются, въ вышеозначенное время, въ лѣсъ; прійдя туда, онѣ находятъ вилъ, къ которымъ себя привязываютъ, и потомъ, отходя на нѣкоторое разстояніе, насколько позволяетъ привязь, начинаютъ прислушиваться къ изрѣченіямъ вилъ, и при этомъ жевать «предиво» (ленъ), которое, по народному повѣрью, даетъ возможность лучше запомнить таинственныя слова, по врачебному искуству,

вилъ. Такая женщина, побывавшая въ лѣсу въ «стари нетамъ» и научившаяся врачебному искусству, называется въ народѣ «вештицей». Одинъ народный разсказъ повѣствуетъ слѣдующее: какая-то женщина, изъ селенія Ловчичи (въ градишскомъ округѣ), пошла какъ-то разъ на поле за покупкой сѣна. Проходя мимо одного дерева, она замѣтила лежащаго возлѣ него ребенка, нагаго и дрожавшаго отъ холода. Она поспѣшила снять съ себя плащокъ и покрыть имъ младенца. Вдругъ появилась вила: похваливъ женщину за ея милосердный поступокъ, она научила ее распознавать врачебныя травы и лечить ими различные недуги.

Будучи въ веселомъ расположеніи, вилы вступаютъ иногда и въ споры съ людьми. Мы приведемъ здѣсь два примѣра для характеристики этихъ споровъ; описаніе различныхъ споровъ, происходившихъ между людьми и вилами, мы находимъ въ произведеніяхъ древнихъ юго-славянскихъ писателей—Ганибала Лучича (род. въ 1480 г.—умеръ въ 1525 г.), Марьина Держича (род. въ 1530 г.—ум. въ 1580 г.) и Ивана Гундулича (род. въ 1587 году ум.—въ 1638 году). Момокъ спорилъ съ вилой о томъ, что его невѣста гораздо красивѣе ея. Въ назначенный день вила явилась въ извѣстную мѣстность, куда момокъ обѣщался привести свою невѣсту: красота славянки поразила вилу; она должна была отдать пальму первенства молодой своей соперницѣ. При этомъ вила сказала: «нѣтъ ничего удивительнаго, дѣвушка всегда носитъ бѣлье, всегда одѣвается въ шолкъ; бѣдной же вилѣ приходится часто лежать на каменьяхъ, покрываломъ ей служатъ листья, падающіе съ деревьевъ». Въ нижеслѣдующей пѣснѣ находится описаніе спора, происходившаго между дѣвушкой и вилой:

Kladila se vila i divojka,
Koja ce ih pervo uraniti,
Dvòr pomesti i vode doniti,
Mudra bila gizdava divojka,
Mudra bila, mudrose sitila.
Ona zove pticu lastavicu:
«Ta Boga ti, ptico lastavico,
«Kada pervi pitli zapivaju
«Ti doleti i mene probudi.»
To je lasta za Boga primila,
J za Boga i za posestrimstvo.

Kad su pervi pitli zapivali
Doletila, pak divojku budi:
«Ajd'ustaai, gizdava divojko,
«Dvor pomesti i vode donesti.»
Dok divojka bili dvor pomela
Jstom Vila od' sna se prenula,
Dok divojka vodice donila;
Jstom vila bili dvor pomela.
Al'govori pribijela vila:
«Ta Boga ti, gizdava divojko,
«Tko je tebe od sna probudio,
«Mene mladu gorko privario?
Al' govori gizdava divojka:
«Nebudali pribijela vilo,
«Bog mi posla pticu lastavicu,
«Ona me je od sna probudila,
«A i tebe tako privarila
«Jer sam prie mlada uranila».

(Вила съ дѣвушкой бились объ закладъ: кто изъ нихъ раньше встанетъ, вымететъ дворъ и принесетъ воды. Хвастливая дѣвушка мудро объ этомъ подумала. Она позвала къ себѣ птичку ласточку: «ради Бога, птичка ласточка, когда въ первый разъ пѣтухи запоютъ, прилети ко мнѣ и разбуди меня.» Ради Бога и ради побратимства, согласилась на то ласточка. Когда запѣли первые пѣтухи, она прилетѣла къ дѣвушкѣ, и стала ее такъ будить: «подымись-ка, хвастливая дѣвушка, подмети свой дворъ, и принеси-ка воды». Когда дѣвушка подмела дворъ, только тогда вила проснулась; когда дѣвушка принесла воды, только къ тому времени она успѣла подмести дворъ. Тогда бѣлая вила сказала: «скажи-ка мнѣ, ради Бога, хвастливая дѣвушка, кто тебя разбудилъ, меня молодую такъ сильно поддѣлъ?» Хвастливая дѣвушка такъ сказала: «не сердись на меня, бѣла вила; Богъ послалъ ко мнѣ птицу ласточку; она меня разбудила, а тебя она такъ обманула, что я встала раньше тебя».) Изъ этой народной пѣсни видно, что люди, благодаря своей хитрости, часто выходятъ побѣдителями изъ предпринятаго ими съ вилами состязанія.

Впрочемъ добрыя вилы бываютъ иногда мстительны, когда, напримѣръ, человѣкъ нарушаетъ ихъ повелѣнія. «Одному селянину, изъ села Любешчицы», повѣствуетъ народное преданіе, «вилы дали, подъ условіемъ никогда не жениться, «вилину книгу», въ которой

описывались лѣкарства отъ всевозможныхъ болѣзней. Но селянинъ не исполнилъ своего обѣщанія: чрезъ нѣсколько времени, по полученіи книги, онъ женился. Вилы отмстили ему: онъ помѣшался, безумнымъ бѣгалъ по горамъ, наконецъ, вилы собственноручно убили его».

Еще проявляется въ доброй вилѣ стремленіе къ мщенію и тогда, когда человѣкъ наноситъ ей оскорбленіе. Преданіе говоритъ, что царь Стефанъ, построивши Которъ, созвалъ на пиръ гостей, и между прочимъ пригласилъ вилу, помогавшую ему строить этотъ городъ. На пиру царь началъ хвалиться тѣмъ, что ему удалось построить такой великолѣпный городъ. Гордая вила ему замѣтила, что безъ нея онъ ничего-бы не сдѣлалъ. Царь разсердился и ударилъ вилу по лицу. Тогда вила разсердилась, отравила всѣ источники и наслала на царскихъ гостей одурь. И только по просьбѣ царя вила возвратила ихъ къ разсудку; одинъ изъ источниковъ вблизи южныхъ городскихъ воротъ, впрочемъ, остался отравленнымъ.

Горныя вилы, избравши молодаго славянина своимъ любимцемъ, своимъ «побратимомъ», дѣлаютъ ему щедрые подарки (напримѣръ вила посестрима Марко Кралевича подарила ему коня Шараца, острую саблю и копье); за тѣмъ начинаютъ ему покровительствовать въ теченіе всей его жизни: то помогаютъ ему своими совѣтами, то спасаютъ его въ минуту опасности. «Когда старцу Новаку», разсказываетъ народная пѣсня, «грозила смерть отъ руки Гершича, то вила Новака, преобразившись въ дѣвушку, заняла веселымъ разговоромъ его врага и тѣмъ дала старцу время собраться съ своими силами и убить Гершича». Князь Янко изъ мѣстности Колара былъ убитъ Нукичемъ; вила его, не могши спасти его отъ вражеской руки, захотѣла отомстить убійцѣ: она беретъ къ себѣ сына Янко, Николицу, и начинаетъ его обучать военному искуству. Когда Николица возмужалъ, она купила ему юнацкое платье, саблю, и, научивъ, какъ выгоднѣе напасть на непріятеля, посылаетъ его въ ту мѣстность, гдѣ живетъ Нукичъ. И дѣйствительно Николица убилъ Нукича: такимъ образомъ вила отомстила за смерть своего любимаго князя. Въ одной черногорской пѣснѣ разсказы-

вается, что къ Марко Кралевичу, въ минуту опасности, пришло на помощь 99 вилъ; одна изъ нихъ, по имени Равіоля, не захотѣла къ нему подойти; но и та, послѣ недолгихъ увѣщаній, согласилась слѣдовать за своими подругами. Вилы обладаютъ даромъ предвидѣнія будущаго: онѣ предсказываютъ человѣку, и въ особенности своимъ любимцамъ-побратимамъ, все, что ихъ ожидаетъ въ жизни, и самую смерть. Сохранилось въ народѣ много преданій о смерти Марко-Кралевича. Вила-посестрима этого народнаго героя предсказала ему смерть, которую онъ встрѣтитъ на горѣ Урвинѣ. Марко-Кралевичъ не повѣрилъ ей: онъ отправился на своемъ конѣ на вышеупомянутую гору. Подъѣзжая къ горѣ, онъ сталъ замѣчать, что вѣрный его конь «Шарацъ» начинаетъ спотыкаться, а изъ глазъ его падаютъ слезы. «Вотъ уже 160 лѣтъ», говорилъ Марко-Кралевичъ, «какъ мы съ тобой, Шарацъ, дѣлимъ горе и радость, совершаемъ богатырскія поѣздки, никогда ты еще не спотыкался; вдругъ теперь ноги твои стали слабѣть; изъ глазъ твоихъ, я вижу, падаютъ слезы—это не предвѣщаетъ ничего хорошаго: одному изъ насъ, должно быть, грозитъ страшная опасность». Услыша слова эти, вила такъ отвѣчала Марко-Кралевичу: «тебя жалѣетъ твой добрый конь; онъ чуетъ, что недолго ему осталось носить тебя; заболѣешь ты, Марко, и умрешь отъ злаго духа». Разгнѣванный этими словами, герой закричалъ вилѣ: «пусть у тебя заболитъ горло, пусть у тебя отсохнетъ языкъ; какъ можно мнѣ разстаться съ дорогимъ Шарацемъ, на которомъ я объѣхалъ обширныя страны, на которомъ покорялъ я неприступныя крѣпости»! Тогда вила возразила ему: «въѣзжай на гору и посмотри справа налѣво, тамъ стоятъ двѣ тонкія ели, а межъ ними струится свѣтлый ключъ: сойди съ коня, загляни въ воду на свое лицо, и узнаешь, что тебя ожидаетъ смерть».

Безстрашный герой продолжалъ свой путь. Въ свѣтлое воскресное утро, Марко-Кралевичъ подъѣхалъ къ расположенному на горѣ Урвинѣ озеру; желая напоить своего коня, онъ нечаянно посмотрѣлъ въ воду и увидѣлъ тамъ свою смерть. Тогда онъ убиваетъ своего коня, знаменитаго Шараца, ломаетъ копье и саблю, и бросаетъ въ озеро сѣкиру. Разставшись такимъ образомъ съ вещами, дорогими для

него по воспоминаніямъ, онъ положилъ на землю платокъ, легъ на него, и спокойно испустилъ свое послѣднее дыханіе. Другое преданіе говоритъ: воткнувъ въ землю саблю и приказавши своему «Шарацу» себя стеречь, Марко-Кралевичъ заснулъ. Сабля стала изъ земли выходить: когда она совсѣмъ выйдетъ и когда Шарацъ съѣстъ разложенный около него мохъ, тогда Марко-Кралевичъ пробудится. Существуетъ въ народѣ повѣрье, что, по смерти славянина, вилы— его несестрины три раза кружатся около его трупа, а потомъ неизвѣстно куда улетаютъ. Одна народная пѣсня говоритъ, что не только человѣкъ, но и нѣкоторыя животныя имѣютъ своихъ вилъ, которыя предохраняютъ ихъ отъ опасностей, какъ напримѣръ: орелъ, волкъ и другіе.

Вообще вмѣшательство добрыхъ вилъ въ дѣла людей производитъ, въ большинствѣ случаевъ, весьма благотворныя послѣдствія. Народное преданіе гласитъ, что римско-католическая церковь св. Витта, находящаяся въ г. Рѣкѣ, была построена вилами: оно объясняетъ то странное явленіе, что окно, находящееся въ правой стѣнѣ помянутой церкви, до сихъ поръ не окончено, тѣмъ, что во время постройки этой церкви, славящейся своею архитектурою, вдругъ неожиданно запѣлъ пѣтухъ; испуганныя вилы разбѣжались, не успѣвши окончить своей работы. Въ хорватскомъ приморьѣ существуетъ много разсказовъ о томъ, какъ молодой красивый славянинъ вступаетъ въ брачную связь съ вилой: дѣти отъ этого брака отличаются необычайною даровитостью, въ слѣдствіе чего народъ считаетъ всякаго умнаго человѣка происшедшимъ отъ вилъ.

Злыхъ горныхъ вилъ несравненно менѣе, чѣмъ добрыхъ, имена нѣкоторыхъ изъ нихъ извѣстны, а именно—Равіоля и Анджелича. Если кому случится встрѣтиться съ злой вилой, то навѣрно она прострѣлитъ ему ногу или руку, чего онъ самъ и не замѣтитъ. Поэтому у кого заболитъ рука или нога, по неизвѣстной ему причинѣ, тотъ немедленно зоветъ къ себѣ знахаря. Родители часто говорятъ своимъ дѣтямъ: «не ходите туда-то (указывая при этомъ на обиталища злыхъ вилъ), гдѣ вы могли бы натолкнуться на бѣду».

Плохо бываетъ тому, кто захочетъ состязаться съ злой вилой въ талантахъ. Народное повѣрье гласитъ, что какъ-то разъ народ-

ный герой Марко-Кралевичъ шелъ съ своимъ пріятелемъ Милошемъ Обиличемъ, который имѣлъ прекрасный голосъ и считался въ свое время лучшимъ пѣвцомъ. Марко-Кралевичъ, желая разогнать свой сонъ, сталъ упрашивать Милоша спѣть одну изъ любимыхъ своихъ пѣсней; но онъ отказывался, говоря, что вила Равіоля запретила ему пѣть: онъ боялся этой мстительной злой вилы и не хотѣлъ исполнить просьбы своего друга. Тогда Марко-Кралевичъ, сознавая свою силу, свое могущество, сказалъ: «пока у меня на плечахъ голова, ты можешь спокойно пѣть, не дамъ тебя въ обиду». Милошъ запѣлъ: звучный его голосъ поразилъ Равіолю; его трели, то шумныя, бурныя, подобныя потоку, то тихія, сладкія, нѣжныя, ласкающія ухо, какъ нѣжіе соловья въ хорошую майскую ночь, заставили смолкнуть всю природу и она съ упоеніемъ стала прислушиваться къ очаровательной пѣснѣ молодаго пѣвца. Запѣла вила; но ея голосъ терялся, не производилъ никакого впечатлѣнія на слушателей. Тогда злая Равіоля спустилась съ своихъ высотъ и бросила двѣ стрѣлы въ Милоша: одна пронзила ему горло, другая—сердце. Марко-Кралевичъ, увидавъ своего друга мертвымъ, побѣжалъ за вилою и заставилъ ее сейчасъ же вылечить Милоша Обилича. Этотъ послѣдній дѣйствительно скоро выздоровѣлъ и сталъ пѣть лучше прежняго. Иногда злыя вилы требовали для своего умилостивленія человѣческихъ жертвъ. Это видно изъ народной легенды о постройкѣ города Скутари. Въ народной пѣснѣ «Зиданье Скадра на Воянье» разсказывается, что сербскій царь Вукашинъ съ двумя братьями началъ строить городъ Скутари; а вилы стали по ночамъ разрушать городскія стѣны, выстроенныя въ продолженіе дня. Желая умилостивить вилъ, братья порѣшили замуравить въ основаніе стѣнъ ту изъ своихъ вѣрныхъ женъ, которая первая на другой день принесетъ кушанье зодчимъ; два старшіе брата предупредили объ этомъ своихъ женъ и тѣ притворились больными; утромъ явилась одна только прекрасная Гайка, жена младшаго брата, и ее порѣшили замуравить. Послѣ этого вилы дозволили возводить городскія стѣны.

б) «Полевыя вилы» (виле поличке) обладаютъ тѣми же качествами, тою же наружностью, какъ и горнія, и отличаются отъ послѣднихъ только по мѣсту своего нахожденія: онѣ живутъ на поляхъ,

орошаемыхъ рѣками, ручьями и протоками, живутъ также и по дорогамъ. Любимое мѣсто ихъ сходокъ—дерево ясень; по народному повѣрью въ Сремѣ, онѣ сходятся подъ вѣтвями ясени, преимущественно наканунѣ Спасова дня, скачутъ и срываютъ ея верхушки.

Въ былое время, когда народъ былъ добръ, когда благотворительность процвѣтала на землѣ, вилы косили траву, во время засухи поливали водою крестьянскія нивы, плели, строили дома, помогали селянамъ платить подати и много, много добра оказывали мѣстному населенію. Но этотъ «aetas aurea» прошелъ безвозвратно; начиная съ того времени, какъ человѣкъ сталъ порочень, вмѣсто добра воцарилось на землѣ зло. Теперь же, пригладивши свои роскошные, золотистые волосы и составивши хороводъ, онѣ предаются своему любимому занятію—пляскѣ либо на поляхъ, которыя бываютъ, по этой причинѣ, помяты, либо же, со свѣчами въ рукахъ, на могилахъ людей, павшихъ отъ руки убійцы. Полевыя вилы строго воспрещаютъ подходить къ мѣсту своихъ игрищъ. Такъ народная пѣсня повѣствуетъ, что вила запретила Сибиньанину Янко и Ивану Гуніади раскидывать шатеръ на мѣстѣ ихъ игръ и они должны были, боясь гнѣва вилы, искать себѣ другаго мѣста. Одинъ только «керстникъ» можетъ своею палицею прогнать ихъ съ мѣста ихъ игръ. Названіе «керстникъ» носитъ 12-й сынъ. По народному повѣрью, онъ родился въ «красной шапкѣ» и съ «палицей» въ рукѣ; впрочемъ, все это сокрыто подъ кожей. Онъ посвященъ во всѣ роды чародѣйства, но не смѣетъ никому ихъ передавать.

Полевыя вилы очень страстны и крайне влюбчивы: онѣ часто влюбляются въ молодыхъ, красивыхъ парней и неотвязно ихъ преслѣдуютъ. Такъ одинъ красивый пастухъ, выгоняя поутру свое стадо на паству, увидѣлъ пляшущую подъ ясенемъ вилу. Она на него посмотрѣла и влюбилась. И съ тѣхъ поръ крестьянинъ никогда не находилъ себѣ покоя: образъ вилы всюду его преслѣдовалъ; онъ совершенно измучился. Тогда посовѣтовали ему обратиться къ священнику; священникъ прочелъ надъ нимъ молитву, и пастухъ совершенно оправился.

Молодыя дѣвушки, желая задобрить вилъ, приходятъ въ поле съ цвѣтами, шелковыми лентами и свѣтлыми камешками и, рас-

полагая все это на землѣ, говорятъ: «возьми, виле, что тебѣ мило», и весьма часто вилы исполняютъ ихъ желанія. Такъ въ приморской хорватской пѣснѣ разсказывается, какъ одна молодая дѣвушка умоляла «звѣзду-даницу» (утреннюю звѣзду), чтобы та дала ей красоту; но звѣзда не внемлетъ ея мольбѣ; тогда вила является къ ней, украшаетъ ея голову цвѣтами, вдѣваетъ въ ея косу золотое перо, возлагаетъ на шею жемчужное ожерелье и такимъ образомъ, красота дѣвушки дѣлается еще замѣтнѣе, болѣе выдается. Другая дѣвушка упрашивала вилу сохранить жизнь ея любимца, отправившагося на войну; вила обѣщала: она раскинула шатеръ надъ молодымъ человѣкомъ и тѣмъ предохранила его отъ вражескихъ стрѣлъ.

Вилы водныя (виле водене), какъ само названіе показываетъ, обитательницы морей, рѣкъ и ручьевъ: онѣ живутъ либо на глубинѣ морей и рѣкъ и, въ этомъ случаѣ, носятъ названіе «морске деклице» (морскія дѣвушки), либо на поверхности водъ; тогда онѣ называются «поводкине». Въ подводное царство этихъ вилъ ведутъ, по народному повѣрью, хрустальныя ворота: за кѣмъ затворяются эти ворота, тотъ уже не можетъ покинуть этого царства. Какъ тѣ, такъ и другія имѣютъ корпусъ молодой красивой дѣвушки, который заканчивается рыбьимъ хвостомъ.

Водяныя вилы—это суть злыя, ехидныя созданія, стремящіяся причинить людямъ какъ можно болѣе вреда. Народныя пѣсни предупреждаютъ жителей многихъ мѣстностей не пить воды изъ нѣкоторыхъ ручьевъ и рѣкъ, гдѣ, по народному повѣрью, живутъ вилы и въ водахъ которыхъ купаются.

На водици вила баждарица
Те узима тешку баждарину,
Одъ юнака оба церна ока,
А одъ коня ноге свее четыре.

(На водѣ вила—сборщица податей, взимаетъ тяжелую подать, у юнака—оба черныхъ глаза, а у коня—всѣ четыре ноги). Въ одной пѣснѣ говорится, что воздушная вила, посестрима Марко Кралевича, ему сказала: «нег не иде на воду, зръ тамо э бродарица-вила» (не подходи къ водѣ, ибо тамъ живетъ морская вила). Марко Кралевичъ не послушался совѣта вилы, своей посестримы:

онъ пошелъ на озеро напоить своего коня, знаменитаго Шарца; напоилъ своего коня, а вмѣстѣ съ тѣмъ смутилъ воду. Въ это время на днѣ озера спала злая, водяная вила: услышавъ плескъ воды, она встрепенулась и выплыла на поверхность воды, съ твердымъ намѣреніемъ вырвать очи у Марко-Кральевича и отсѣчь ему ноги. Марко-Кральевичъ пустился бѣжать. Злая вила погналась за нимъ въ догонку на оленѣ, взнуздавъ его тремя змѣями и взявъ одну змѣю за бичъ. Уже полчаса продолжалась борьба Марко-Кральевича съ вилой. Вдругъ воздушная вила, посестрима Марко-Кральевича, озарилась такимъ сильнымъ блескомъ, что злая вила подняла вверхъ голову, желая узнать, откуда идетъ сіяніе; Марко-Кральевичъ воспользовался этимъ мгновеніемъ и убилъ водяную вилу.

Въ вечернее время, при лунномъ освѣщеніи, въ особенности по пятницамъ, водяныя вилы пляшутъ по поверхности проточныхъ водъ: онѣ то погружаются въ прохладную влагу, то снова выплываютъ и, озираясь кругомъ, съ жадностью ищутъ добычу; звучная ихъ пѣсня раздается далеко, и плохо бываетъ тому, кто, увлекшись ею, пойдетъ по направленію голосовъ: онѣ сейчасъ же схватываютъ его и потопляютъ. Если эти вилы разсердятся, то поднимается буря: онѣ нагоняютъ вѣтры, вздымаютъ волны; вода крутится, пѣнится и ищетъ жертвы. Запоздалый пловецъ, застигнутый такою бурею, неминуемо сдѣлается жертвою разгнѣванныхъ вилъ: вода унесетъ его въ подводное царство.

Водяныя вилы нерѣдко вмѣшиваются и во взаимныя отношенія людей, посѣвая между ними раздоръ. «Нѣкогда жили два брата-турка», говоритъ народная пѣсня, «они любили другъ друга, вмѣстѣ работали и никогда не ссорились. Какъ-то разъ они пошли на озеро поохотиться на «утву» (утка): поохотившись долгое время, они расположились въ тѣни на берегу озера и заснули; былъ поздній вечеръ; вилы, обитательницы этихъ водъ, поднялись на поверхность; при свѣтѣ луны, онѣ увидѣли двухъ спящихъ братьевъ. Кто возьмется, сказала одна вила, поссорить между собою этихъ миролюбивыхъ братьевъ? они такъ дружно живутъ, такъ любятъ другъ друга, что вполнѣ счастливы; необходимо разстроить ихъ счастье. Одна изъ самыхъ злыхъ вилъ взяла на себя посѣять разладъ между

братьями. Съ этою цѣлью она преобразилась въ молодую, прекрасную дѣвушку и надѣла на себя легкій нарядъ, дающій возможность видѣть ея прелестныя формы. Подошедши къ одному изъ братьевъ, она разбудила его и стала съ нимъ разговаривать: въ это время проснулся другой, и ему показалось, что около его брата находится двѣ дѣвушки. «Да убіетъ тебя Богъ», сказалъ онъ разсерженный, «у тебя двѣ дѣвушки, а у меня—ни одной». Между ними завязался крупный споръ, который окончился печально: одинъ братъ убилъ другаго, взялъ вилу и отправился съ нею домой. Подходя къ дому, онъ увидѣлъ ворону съ однимъ простреленнымъ крыломъ: какъ мнѣ жаль тебя, ворона, сказалъ онъ ей, что ты съ однимъ крыломъ. Птица ему отвѣчала: какъ мнѣ жаль тебя, у котораго нѣтъ брата. Услышавъ эти слова, онъ вернулся къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ убитый братъ его; но добрая полевая вила воскресила его: она вдунула въ него дыханіе жизни, залѣчила раны, и онъ сталъ здоровъ попрежнему. Злая вила, видя, что планъ ея не вполнѣ удался, мгновенно покинула того, который, прельстившись ея прелестями, убилъ своего роднаго брата. Когда она исчезла, тогда братъ съ горя пронзилъ себя кинжаломъ.

Изъ вышеизложеннаго мы видимъ, что добрыя вилы, воздушныя и земныя, часто спасаютъ человѣка отъ козней злыхъ, водныхъ вилъ и чрезъ то самое недаютъ возможности этимъ послѣднимъ насладиться своимъ злодѣяніемъ. Добро торжествуетъ свою побѣду, извлекая несчастныхъ жертвъ изъ разставленныхъ имъ сѣтей богинями зла. Такое миросозерцаніе юго-славянъ весьма сходно съ доматами нѣкоторыхъ древнихъ религій, которыя впрочемъ болѣе рельефно охарактеризовывали эти противоположныя начала. Грозный Тифонъ египетской миѳологіи и добродушный Озирисъ—это два противоположныхъ полюса: съ одной стороны—олицетворенное зло; съ другой полное добро; они оба суть боги и борьба между ними неминуема.

III.

Вѣдьмы (вѣштицы): наружность; ночныя прогулки; ихъ духъ—«вѣдина»; способы отъ нихъ избавиться. Знахарки (врачарицы) и знахари (врачары): чудесные атрибуты знахарокъ; знаніе способовъ леченія; наше мнѣніе. Домовые геніи (вѣдогони): общее понятіе о нихъ. Мора: ея происхожденіе; наружный видъ; ея дѣятельность; средства отъ нея избавиться. Смерть: ея наружность; народныя легенды. Вампиры (вукодлаки): ихъ происхожденіе; наружный видъ; ихъ дѣятельность; средства отъ нихъ избавиться. Души усопшихъ (собласти): ихъ происхожденіе; наружний видъ; какъ избавляются они отъ блужданія по этому міру; добрыя ихъ качества. Моровая язва (куга): ея происхожденіе; олицетвореніе; дѣятельность и средства избавиться отъ нея. Баба-руга; значеніе ея въ народѣ. Кукушка (кукавица): ея происхожденіе; народныя примѣты. Кудесники (маджіоники): магическая сила ихъ атрибутовъ; народное повѣрье. О поклоненіи змѣю и дереву: о значеніи змѣи въ славянской миѳологіи; о происхожденіи змѣинаго культа и о внѣшней формѣ его проявленія; о значеніи дерева въ славянской миѳологіи, а въ частности—о деревѣ «сѣновитъ». Особенности празднованія южными славянами возрожденія природы, какъ во времена язычества, такъ и въ эпоху христіанства.

Вѣдьмы (*вѣштицы*). — Народныя преданія ставятъ вѣштицъ въ близкое родство съ стихійными богами; но разница между ними заключается въ томъ, что первыя вращаются среди людей, тогда какъ вторые представляются имъ въ таинственной недоступности. Такъ, по народнымъ понятіямъ, вѣштицы, обладающія чародѣйственною силою, являются старыми, сутуловатыми, одаренными проницательнымъ взглядомъ женщинами съ постоянно растрепанными, повисшими волосами и имѣющими небольшой, тщательно скрываемый хвостикъ, который обыкновенно бываетъ похожъ на коровій.

Отправляясь къ своимъ подругамъ въ «Верзино коло», находящееся вблизи города Огулина (въ Военной Границѣ), на «Клекѣ», каменистой возвышенности горы Велебита, или же на «пометно гумно» *), вѣштица выворачиваетъ свое одѣяніе и, сѣвши на помело, мечетъ повсюду огненныя искры, а на своемъ полетѣ заметаетъ свой слѣдъ помеломъ. Основаніе народнаго представленія о заметаніи слѣда помеломъ таится въ языкѣ, который всѣ сходныя впечатлѣнія выражаетъ тождественными звуками. Вѣтры метутъ облака, сбиваютъ ихъ въ кучу или разносятъ (разметаютъ) въ разныя стороны, словно небесная метла въ рукахъ чародѣйныхъ силъ; вьюга, подобно помелу, сглаживаетъ всякій слѣдъ. Теперь спрашивается: что слѣдуетъ разумѣть подъ «пометно гумно»? Такъ какъ раскаты грома

*) Такъ называется гумно, гдѣ обыкновенно собираются вѣштицы.

уподоблялись славянами стуку молотильныхъ цѣповъ, а вихри, несущіе облака, метламъ, то вмѣстѣ съ этимъ сводъ небесный долженъ былъ представляться гумномъ. Народное преданіе говоритъ, что вѣштица иначе не можетъ вылетѣть изъ дому, какъ чрезъ трубу, и что слѣдъ ея полета обозначается огненною струей, но надо помнить, что и здѣсь, какъ въ каждомъ дѣйствіи языческихъ славянскихъ боговъ, разумѣется, дѣйствіе стихійныхъ силъ. Молнія, если поражаетъ кого-либо въ домѣ, то не иначе, какъ спустившись черезъ трубу: этимъ путемъ чаще всего воздушное электричество проникаетъ во внутренность нашихъ жилищъ. Полетъ вѣштицы вообще означаетъ движеніе вѣтра. Въ Далмаціи существуетъ повѣрье, что затмѣніе луны и солнца зависитъ отъ злыхъ вѣдьмъ, которыя, во время своихъ ночныхъ экскурсій, часто похищаютъ мѣсяцъ и звѣзды, что и производитъ затмѣніе.

Передъ тѣмъ, какъ вылетѣть изъ дому, что обыкновенно происходитъ ночью, въ особенности въ равноденствіе, вѣштицы намазываютъ себѣ подмышки особою волшебною мазью, приготовляемою, по народному понятію, изъ человѣческой крови, смѣшанной съ мукой и пепломъ, а затѣмъ говорятъ: «ни о трнъ, ни о грнъ, вечь на пометно гумно» (ни о тернъ, ни о кустарникъ, но на пометно гумно). Одинъ человѣкъ замѣтилъ, что его жена весьма часто встаетъ ночью и, намазавши себѣ подмышки какою-то мазью, садится на помело, сказавши затѣмъ «ни о трнъ, ни о грнъ, вечь на пометно гумно», улетаетъ. Какъ-то разъ, когда его жена улетѣла, онъ спѣшитъ вскочить съ постели, намазаться волшебною мазью, схватить помело и въ торопяхъ произнести: «и о трнъ, и о грнъ». Несчастный много испыталъ горя во время своего полета: онъ ударялся о каждое дерево, наконецъ, крайне изнуренный и совсѣмъ разбитый, прилетѣлъ въ гумно, гдѣ уже происходило пиршество. Когда пиршество покончилось, всѣ вѣштицы, намазавшись мазью, которую онѣ принесли съ собою, улетѣли. Онъ же, не взявши съ собою мази, долженъ былъ провести тамъ ночь. Уже поутру, когда разсвѣло, онъ замѣтилъ, что находится въ вполнѣ незнакомомъ ему мѣстѣ. Онъ поспѣшилъ оставить гору и только спустя семь лѣтъ вернулся къ себѣ домой.

Иной разъ, напавши на человѣка и ударивши его бичемъ, имѣ-

юдинъ чудесную силу, вѣштицы превращаютъ его въ лошадь и, взнуздавъ ее, отправляются на свое ночное празднество. Пріѣхавши туда, онѣ привязываютъ своего импровизированнаго коня къ терновому кусту. По народному повѣрью, человѣкъ, разъ превращенный въ лошадь, становится слабымъ, болѣзненнымъ и вообще недолго живетъ. Разсказываютъ, что какъ-то жили два кузнеца: одинъ изъ нихъ вдругъ сталъ чахнуть, слабѣть; у него появилась изнурительная лихорадка, блѣдность покрывала его щеки. Товарищъ его, замѣчая въ немъ перемѣну, сталъ его разспрашивать: откуда такая блѣдность? что за причина такого внезапнаго упадка силъ? Тогда этотъ послѣдній сообщилъ ему, что каждую ночь является къ нему вѣштица и, ударивъ его своимъ бичемъ, превращаетъ его въ лошадь, а затѣмъ ѣздитъ на немъ въ гумно. Они спали рядомъ; товарищъ предложилъ ему поменяться постелями. Улегшись спать, они съ нетерпѣніемъ ожидали прихода вѣштицы. Наступила полночь и ожидаемая гостья тихо вошла въ комнату; она подошла къ той постели, на которой постоянно спалъ ея знакомый кузнецъ и, не посмотрѣвши ему въ лицо, ударила его своимъ бичемъ, произнесши при этомъ магическія слова: «нег буде конем» (стань конемъ), взнуздала его и поѣхала, быстро погоняя его. Долго неслись они; кузнецъ изнемогалъ отъ усталости; но вѣштица все болѣе и болѣе подгоняла его. Наконецъ она подъѣхала къ горѣ, на вершинѣ которой происходило шумное сборище: она привязала коня къ терновнику и поспѣшно пошла на гору. Въ ея отсутствіе, конь успѣлъ разуздать себя, освободиться отъ магической узды и опять превратиться въ кузнеца: онъ спрятался за пригоркомъ и сталъ поджидать возвращенія вѣштицы. Прошло нѣсколько минутъ; онъ замѣтилъ, что она тихо приближается къ пригорку: тогда онъ быстро выскакиваетъ изъ своей засады и ударяетъ ее бичемъ, произнося: «нег буде кобила» (стань кобылой). И что же? вмѣсто женщины, предъ нимъ стояла лошадь: онъ ее взнуздалъ, усѣлся и понесся по направленію къ дому. Пріѣхавши домой, онъ отправился въ ковальню, вынесъ оттуда четыре подковы и подковалъ вѣштицу и затѣмъ разнуздалъ ее: она мгновенно исчезла. Прошло нѣсколько времени: пріятели кузнецы отправились въ гости къ своей хозяйкѣ и, къ великому своему удивленію, замѣ-

тили на ея рукахъ и ногахъ громадныя кровяныя пятна, происшедшія конечно отъ гвоздей, которыми прикрѣпилъ кузнецъ подковы къ своей лошади.

Мы выше сказали, что вѣштицы отправляются на ночныя прогулки въ вывороченномъ одѣяніи. Онѣ бываютъ крайне раздражены, если встрѣтятъ человѣка, у котораго платье или что-либо при немъ не на выворотъ. Такъ какъ-то разъ вѣштица встрѣтила поселянина въ вывороченномъ платьѣ, только табачный кисетъ находился у него какъ слѣдуетъ; замѣтивши это, она его немедленно убила.

Что побуждаетъ вѣштицъ дѣлать зло людямъ? «Вѣштица», говоритъ Вукъ Караджичъ, «имѣетъ въ себѣ нѣкій дьявольскій духъ, который выходитъ изъ нея во время сна, превращается въ бабочку, курицу или индѣйку, летаетъ по домамъ и поѣдаетъ людей, особенно младенцевъ. Находя спящаго человѣка, вѣштица ударяетъ его прутомъ въ лѣвый сосокъ, открываетъ ему грудь, достаетъ и съѣдаетъ сердце, послѣ чего грудь опять сростается. Нѣкоторые изъ этихъ лишенныхъ сердца людей тотчасъ же умираютъ, а другіе продолжаютъ жить столько времени, сколько присудила имъ вѣштица, когда ѣла ихъ сердце, и погибаютъ отъ той смерти, какую она имъ назначила. Вѣштицы, своими сверхъестественными качествами, нерѣдко причиняютъ страданія и своимъ родственникамъ. Приведемъ для примѣра пѣсню, которая состоитъ изъ разговора матери съ сыномъ:

Budila majka Jakoba:
Ustani sine Jakobe.
«Nemogu majko ustati;
Svu no sam Turkom dvorio,
I hladnu vodu nosio;
Vištice serce vadile».
Majka ga pita: «Jakobe,
Bili jih znao koje su?»
«Ta bi jih majko ja znao:
Perva si majko ti bila,
Druga je seka sestrica,
Treća je Zjuba Ljubica.
Perva si majko te bila,
I ti s' mi serce vadila.
Druga je seka sestrica,

Ona je tanjur deržala.
Treća je Ljuba Ljubica,
Ona je s kalom svitila.
To su ti majko vištice
Koje s' mi serdce pojile.»
Govori majka majčica:
«Neplači sine Jakobe
Skuvat će majka travice
Ličit će sina Jakoba.»
Govori sine Jakobe:
«Nekuvaj majko majćice
Nekuvaj gorke travice
Neće mi serdca povratit.»

(Мать будила Якова: «встань сынъ Яковъ». «Не могу я встать, матушка, всю ночь проработалъ я у турка и носилъ холодную воду; вѣштицы вынули изъ меня сердце». Мать его спрашиваетъ: «знаешь ли ты, Яковъ, кто онѣ?» «Какъ мнѣ матушка ихъ не знать: первая была ты, матушка, вторая же сестра-сестрица, а третья—жена Любица. Первая ты была, матушка, и ты изъ меня вынимала сердце; другая же, сестра-сестрица, она блюдо держала, а третья—жена Любица, она свѣтила свѣчей. Вотъ тебѣ, матушка, и вѣштицы, которыя поѣли у меня сердце. «Мать ему говоритъ: не крушись сынъ Яковъ, мать сваритъ тебѣ травы и станетъ лѣчить сына Якова Сынъ Яковъ говоритъ: «не вари матушка горькихъ для меня травъ; никогда не вернешь мнѣ этимъ сердца»).

Злое начало, заключенное въ вѣштицѣ и одухотворяющее ея тѣло, есть, по народному повѣрью, «вѣдина»; еслибы даже вѣштицы и не захотѣли дѣлать зла, то все-таки онѣ должны были бы подчиниться ея влеченіямъ, такъ какъ «вѣдина» составляетъ часть ихъ природы; безъ нея онѣ мертвы, какъ тѣло безъ души. Духъ этотъ или «вѣдина» иногда въ полночь выходитъ, покидаетъ вѣштицъ, оставляя ихъ мертвыми тѣлами, и только поутру, послѣ троекратнаго пѣнія пѣтуха, снова возвращается въ покинутое тѣло. Одна легенда повѣствуетъ, что жила богатая госпожа, имѣвшая много слугъ. Однажды она ранѣе обыкновеннаго отправилась спать, легла на кровать и сейчасъ же послѣ этого начала храпѣть. Это обстоятельство обратило на себя вниманіе одного изъ ея слугъ: онъ сталъ прислушиваться и вдругъ

услышалъ, что все стихло, смолкло въ барской комнатѣ. Онъ входитъ въ нее и видитъ барыню, лежащую на кровати совершенно безъ движенія, какъ будто мертвую: духъ «вѣдина» вылетѣлъ изъ нея. Тогда слуга далъ другое положеніе ея тѣлу: перевернулъ ее такъ, что помѣстилъ голову тамъ, гдѣ прежде приходились ноги, а на мѣсто ногъ положилъ голову. Наступило утро; пропѣлъ пѣтухъ и «вѣдина», ея духъ, вернулся къ оставленному имъ въ полночь трупу; но тщетно пыталась «вѣдина» войти въ него; тѣло имѣло другое положеніе: она не могла воодушевить свою вѣштицу. Старая барыня умерла, ее похоронили; но духъ постоянно посѣщалъ это зданіе, производилъ сильный шумъ, билъ посуду и, наконецъ, поджегъ домъ.

Чтобы объяснить себѣ такую кровожадность «вѣдины», поселянинъ увѣрилъ себя, что вѣштицамъ суждено носить «опанке» (родъ башмаковъ), сдѣланные изъ человѣческихъ венъ и, какъ имъ потребно много обуви, то духъ ихъ «вѣдина» и поѣдаетъ много человѣческихъ сердецъ. Если въ какомъ-либо селѣ много умираетъ, поселяне думаютъ, что такую смертность причиняютъ вѣштицы. Бывали примѣры, что народъ хваталъ старую женщину, заподозрѣваемую въ чародѣйствѣ и, принявши ее за вѣштицу, бросалъ въ воду: если она начинала тонуть, изъ этого выводили, что она не вѣштица и сейчасъ же ее спасали; въ противномъ случаѣ, вынувши ее изъ воды, бросали въ огонь; это дѣлали въ сербскомъ княжествѣ при Карѣ Георгіевичѣ.

Издревле народная фантазія населяла воздушныя области миѳическими существами, которыя принимали то человѣкоподобный, то звѣриный образъ. Со временемъ народъ сталъ надѣлять и земныхъ звѣрей, даже птицъ, тѣми чудесными свойствами, которыми обладалъ тотъ или другой стихійный богъ. Но мало по малу за земными звѣрями и птицами осталась простая миѳическая форма, утратившая то значеніе метафоры, съ которой было связано понятіе объ извѣстномъ стихійномъ явленіи. Такъ существуетъ въ народѣ повѣрье, что и летучая мышь вмѣщаетъ въ себѣ «вѣдину». Поэтому поселянинъ, увидавши летучую мышь, старается ухватить ее и подпалить ей крылья, а затѣмъ, пуская на волю, говоритъ: «дойди сутра, да ти дамъ соли» (приходи завтра, я тебѣ дамъ соли). Первая женщина на дру-

гой день по утру пришедшая въ его домъ, если только у ней что-либо обожжено, почитается вѣштицей, «вѣдина» которой наканунѣ летала въ образѣ летучей мыши.

Народная фантазія, изобразившая вѣштицу, какъ существо неимовѣрно страшное, стремящееся къ искорененію человѣческаго рода, не преминула указать человѣку и на средства избавиться отъ тлетворной ея дѣятельности. Въ народѣ ходитъ преданіе о томъ, какъ одна вѣштица не оставляла въ покоѣ одного молодаго парня. Тогда онъ взялъ стеклянный пузырекъ и, выждавши моментъ, когда «вѣдина» ее покинула, вдавилъ въ него этотъ злой духъ; часть его, не помѣстившаяся въ пузырькѣ, вторично вошла въ вѣштицу, которая, начиная съ того времени, стала съ трудомъ дышать. Впрочемъ, есть и другія средства болѣе радикальныя и менѣе сложныя. По народному понятію, рогъ, крапива, терновый сучекъ, бѣлый лукъ служатъ средствами, при содѣйствіи которыхъ человѣкъ можетъ предохранить себя отъ нападеній на него вѣштицъ. Поэтому поселяне, которые боятся вѣштицъ, кладутъ на ночь поперегъ дверей рогъ, либо намазываютъ себѣ грудь, бока и подъ пазухой бѣлымъ лукомъ, чаще всего наканунѣ рождественскаго поста, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, «вѣдины» вѣштицъ наиболѣе ѣдятъ сердца человѣческія во время означеннаго поста; а если кто отправляется въ путь, тотъ беретъ съ собой терновый кустъ.

Впрочемъ, если вѣштицы разъ покаются, то злой духъ «вѣдина» навсегда ихъ оставляетъ и одухотворяющимъ ихъ началомъ является уже добрый духъ. Она становится знахаркой и начинаетъ лечить преимущественно тѣхъ, которыхъ, по народному повѣрью, испортили или сглазили; впрочемъ она не лишена бываетъ способности и лечить людей вообще отъ всѣхъ недуговъ.

Знахарки (врачарицы) и знахари (врачары). Народная фантазія, склонная во всемъ видѣть что-то таинственное, представляетъ врачарицъ и врачаровъ существами, одаренными какою-то сверхъ естественною силою. Такъ, по народному повѣрью, врачарицы, которыя суть посестримы добрыхъ вилъ, окружены чудесными атрибутами своей власти: онѣ носятъ при себѣ по мизинцу мертво-рожденнаго, съ помощью чего могутъ найти всѣ сокрытыя богатства,

а также имѣютъ при себѣ камешки; головы ихъ украшены тщательно скрываемыми рожками; въ обществѣ ихъ постоянно находятся дьяволята, которыхъ имъ достаютъ злыя вилы; при содѣйствіи вѣтки дерева ясени врачарицы могутъ подчинить своей власти всѣхъ гадовъ и змѣй. Вилы-посестримы преподали имъ способы леченія отъ всѣхъ человѣческихъ недуговъ. Въ южной Далмаціи, врачарица носитъ названіе «бахорица»; такъ одна пѣсня начинается:

„Нешто ме э заболѣла глава
„Нег ми зови бахорицу, мајко.

(Матушка — у меня голова что-то разболѣлась, позови-ка ко мнѣ знахарку).

Врачары, по народному повѣрью, суть побратимы добрыхъ вилъ, которыя, во время ихъ болѣзни, обучали ихъ врачебному искуству. Назадъ тому 30 лѣтъ одинъ человѣкъ, выдававшій себя въ Далмаціи за врачара, разсказывалъ, какъ разъ вилы его схватили и унесли въ свои чертоги, гдѣ онъ многому научился.

Существуетъ народная легенда, изъ которой видно, что врачары обладаютъ способностью узнавать будущее. «Какъ-то разъ врачаръ», говоритъ легенда, «предсказалъ нѣкоему царю, что прекрасная его царевна умретъ отъ укушенія змѣей. Испуганный царь заключилъ свою дочь въ стеклянномъ дворцѣ, куда не могъ войти даже муравей, а тѣмъ болѣе — змѣя. Царь не выпускалъ изъ этого дворца своей дочери, думая тѣмъ спасти ее отъ предопредѣленія грозной судьбы. Но въ день, когда назначена была ей смерть, вдругъ у нея явилось желаніе покушать винограду: она приказала слугѣ принести корзинку, наполненную спѣлыми ягодами. Едва только она хотѣла прикоснуться къ винограду, какъ изъ корзинки выползла змѣя, укусила ее, и царевна умерла.

Народъ питаетъ полное довѣріе къ заговорамъ, заклятіямъ и врачебнымъ пособіямъ, употребляемымъ врачарами и врачарицами, и питаетъ полное отвращеніе къ научной медицинѣ. За народные способы леченія стоятъ исконныя преданія, крѣпко сросшіяся съ роднымъ

словомъ, а слѣдовательно, и съ самыми убѣжденіями человѣка. Народъ вполнѣ увѣренъ, что лѣчебные заговоры, большею частью произносимые надъ болящимъ шопотомъ, и снадобья, приготовляемыя изъ травъ, производятъ болѣе цѣлительное дѣйствіе, чѣмъ всѣ лѣкарства, даваемыя оффиціальными врачами. Сгруснется ли парню по своей жестокосердой возлюбленной, или въ сердцѣ дѣвушки появится чувство ревности, они охотно прибѣгаютъ къ врачарицѣ, въ полной увѣренности ея снадобье умиритъ и сердечную тоску, и ревность. Народъ чистосердечно вѣритъ тому, что врачарицы и врачары продали свои души дьяволу, который за это одарилъ ихъ искуствомъ «портить» людей; но они съумѣли такъ усовершенствовать это искуство, что ихъ знанія превышаютъ знаніе дьявола и могутъ, по этой причинѣ, приносить пользу человѣку, одержимому какимъ-либо недугомъ. Сверхъ-естественнымъ кажется народу то, что врачарицы и врачары, увидавши впервые больнаго, знаютъ всѣ подробности его жизни и причины его болѣзни. Народъ не смекнетъ того, что они, прежде чѣмъ увидятъ больнаго, наводятъ о немъ всѣ нужныя справки, при посредствѣ своего помощника.

Отбрасывая миѳическій элементъ въ дѣлѣ образованія врачарицъ и врачаровъ, мы должны при этомъ замѣтить, что какъ тѣмъ, такъ и другимъ доступны нѣкоторыя знанія цѣлебныхъ травъ, кореньевъ и другихъ снадобій, на которыя случайно набрелъ наблюдательный умъ ихъ предковъ; но объемъ этихъ знаній крайне ограниченъ. Въ одну изъ нашихъ поѣздокъ по Хорватіи, намъ пришлось встрѣтиться въ окрестностяхъ города Крижевца съ однимъ врачаромъ, который снискалъ себѣ извѣстность тѣмъ, что лѣчилъ какой-то травой страждущихъ отъ укушенія бѣшеною собакой. Этотъ способъ леченія, который унаслѣдовалъ онъ отъ своихъ предковъ, онъ держалъ подъ большимъ секретомъ.

Кромѣ дьявольскаго духа «вѣдины», который ночью выходитъ изъ вѣштицъ, существуетъ, по народному повѣрью, еще другой, добрый духъ — «вѣдогонь», который покидаетъ тѣло человѣка ночью во время сна.

Домовые геніи (вѣдогони). По вѣрованіямъ южныхъ славянъ, душа, еще въ теченіи жизни человѣка, можетъ временно раз-

ставаться съ тѣломъ и потомъ снова возвращаться въ него. Такое удаленіе души обыкновенно бываетъ въ часы сна, такъ какъ сонъ и смерть — явленія родственныя. Сербо-хорваты убѣждены въ томъ, что въ каждомъ человѣкѣ, который родился въ сорочкѣ, обитаетъ духъ — «вѣдогонь»: такому человѣку придаютъ эпитетъ «видовит». Этотъ духъ — «вѣдогонь» покидаетъ ночью тѣло, объятое крѣпкимъ сномъ, чтобы оберегать жилище и имущество своихъ кровныхъ родичей отъ нападеній воровъ, чужеродныхъ «вѣдогоней», стремящихся поживиться чужимъ добромъ и отъ волшебныхъ чаръ. Поэтому нерѣдко вѣдогонь вступаетъ въ борьбу съ чужеродными вѣдогонями и вампирами. Если мы видимъ, что сорванныя вѣтромъ листья, колеблясь, несутся въ воздухѣ, то славянинъ говоритъ, что это вѣдогони дерутся между собою; они часто сворачиваютъ огромныя камни и вырываютъ съ корнями деревья. Далматинцы увѣрены, что вѣдогони прилетаютъ къ нимъ съ итальянскаго берега и сражаются съ туземными вѣдогонями, и тѣ изъ нихъ, которые побѣждаютъ, уносятъ лѣтніе плоды на свою родину: нужно разумѣть, что они перегоняютъ дождевыя тучи изъ одного края въ другой. Человѣкъ, вѣдогонь котораго погибнетъ въ дракѣ, уже болѣе не пробуждается: его тотчасъ же постигаетъ быстрая смерть. Если умираетъ человѣкъ, о которомъ думали, что въ немъ обитаетъ духъ «вѣдогонь», то надъ его трупомъ производятъ разнаго рода операціи, чтобы онъ не могъ встать изъ могилы: такъ ему обрѣзываютъ подколѣнныя жилы и вставляютъ подъ ногти кусочки боярышника; за тѣмъ кладутъ въ гробъ и закапываютъ его въ могилѣ.

Мы упомянемъ еще объ одномъ миѳическомъ существѣ, нечистый духъ котораго причиняетъ людямъ различнаго рода мученія. Это «мора» или «морана», которое играетъ одинаковую роль, какъ у насъ «кикимора» или «шишимора». Самыя названія указываютъ на существа мрачныя, темныя.

Мора. Мора или морана, въ древней славянской миѳологіи, являлась богинею смерти: страшный ея образъ посѣщалъ тѣ дома, въ которыхъ долженъ былъ кто нибудь помирать. Въ настоящее же время существуютъ два различныя сказанія, относительно происхожденія моры. По одному изъ нихъ мора есть показавшаяся вѣштица:

демоническій ея духъ, переставши ѣсть сердца человѣческія, сталъ сосать человѣческую кровь, съ цѣлью ослабить жизненныя силы человѣка. По другому же сказанію, мора есть молодая женщина, сдѣлавшаяся вѣштицей, вскорѣ по своемъ выходѣ замужъ.

Такое близкое соотношеніе, существующее между вѣштицей и морой, должно было повліять какъ на наружный видъ, такъ и на внутреннія качества этой послѣдней. По народному преданію, нечистый духъ вылетаетъ ночью изъ моры въ видѣ мотылька и направляется къ какой нибудь избѣ: чтобы туда проникнуть, онъ принимаетъ столь малые размѣры, что можетъ пройти даже сквозь игольное ушко. Прилетѣвши къ постели и принявши человѣческій образъ, онъ сперва охватываетъ ноги спящаго; постепенно подымаясь, онъ доходитъ до его груди и начинаетъ сильно въ нее давить; страшная боль, въ ушахъ звенитъ, кажется, что домъ хочетъ обрушиться; несчастный человѣкъ не можетъ подняться; всѣ его члены, какъ будто окованы; дыханіе спирается подъ тяжестью страшной силы; онъ не можетъ звать себѣ на помощь. И такъ обыкновенное явленіе прилива крови у полнокровныхъ людей или же состояніе кошемара, славяне олицетворяли въ образѣ миѳическаго существа — «моры».

Народъ вѣритъ тому, что этотъ демоническій духъ съ удовольствіемъ сосетъ дѣтскую кровь. Иногда же онъ принимаетъ видъ коня и клока волосъ. Такъ существуетъ слѣдующая народная легенда: «Мора сильно мучила одного человѣка, и вотъ онъ, наконецъ, рѣшился покинуть свое мѣстожительство, переѣхать въ другую страну, думая тѣмъ избавиться отъ посѣщеній моры. Уставши отъ продолжительнаго пути, онъ улегся въ маленькой комнатѣ портнаго спать: думая, что мора далеко теперь отъ него, что не можетъ больше къ нему явиться, онъ заснулъ. Портной же сидѣлъ около его постели и продолжалъ шить, желая поскорѣе покончить спѣшную работу. Вдругъ портной замѣтилъ, что его гость началъ тяжело дышать, ровное дыханіе перешло въ сопѣнье, голосъ его охрипъ; видно было, что кто-то давитъ ему въ грудь, его лицо приняло ужасное выраженіе, вмѣстѣ съ тѣмъ портной замѣтилъ какой-то волосъ вьющійся по тѣлу спящаго. Портной подрѣзалъ этотъ

волосъ, тогда его гость началъ опять ровно дышать: лицо приняло обыкновенное выраженіе; онъ отлично проспалъ до слѣдующаго утра. На другой день портной разсказалъ ему о странномъ явленіи, поразившемъ его въ прошедшую ночь. Молодой человѣкъ помнилъ, что дѣйствительно кто-то давилъ его въ грудь и потомъ онъ вдругъ получилъ облегченіе; затѣмъ, поблагодаривъ своего радушнаго хозяина, онъ отправился въ конюшню, чтобы осѣдлать лошадь. Но каково было его удивленіе, когда онъ нашелъ свою лошадь издохшей: оказалось, что мора превратилась въ лошадь и въ такомъ видѣ думала сопровождать его повсюду. Портной, подрѣзавъ волосъ, вмѣстѣ съ тѣмъ умертвилъ ее».

Этотъ демоническій духъ, который, по причинѣ ночныхъ своихъ посѣщеній, носитъ названіе «ночница», поселяетъ къ себѣ столько страху въ славянахъ, что они сложили пѣсню, въ родѣ молитвы, въ которой просятъ «мора-бора» не посѣщать ихъ.

Итакъ народъ боится моры и невольно изыскиваетъ средства распознавать ее, чтобы избавиться отъ ея посѣщеній. По народному повѣрью, если человѣкъ проснется немедленно, какъ почувствуетъ давленіе себѣ въ грудь и произнесетъ слова: «дойди сутра, да ти дамъ соли» (приходи завтра я тебѣ дамъ соли), то навѣрно на другой день по утру явится къ нему мора въ обыкновенномъ своемъ образѣ. А чтобы избавиться отъ посѣщеній моры, прибѣгаютъ для этого къ различнаго рода средствамъ. По народному повѣрью, надлежитъ положить на порогѣ около входа въ домъ метлу, которую никогда не перешагнетъ мора, или же намазать сосуды бѣлымъ лукомъ, котораго она боится. Въ одной народной пѣснѣ разсказывается, что врачарица дала испить мому снадобье, приготовленное изъ различныхъ травъ и тѣмъ спасла его отъ козней моры. Для предохраненія же ребенка отъ моры, рисуютъ символическіе знаки на обручѣ люльки, въ которой спитъ младенецъ: эти знаки состоятъ изъ двухъ перпендикулярно-расположенныхъ треугольниковъ, или же вѣшаютъ въ люлькѣ зеркальце, котораго мора страшится. Но самое радикальное средство состоитъ въ томъ, чтобы постараться убить нечистый ея духъ, такъ какъ со смертью его, и сама мора умираетъ. Въ одной пѣснѣ говорится, что можно убить этотъ демоническій духъ только

посредствомъ кинжала, обративъ его лезвіе въ противную сторону. Если человѣку удастся такимъ способомъ его убить, то на другой день онъ непремѣнно найдетъ какую либо знакомую женщину мертвой: она и есть мора!

Такимъ образомъ славянину приходится жить среди сверхъестественныхъ существъ, изъ которыхъ однѣ всѣми силами стараются причинять ему зло, а другія помогаютъ ему въ трудныя минуты его жизни. Но вотъ страшный недугъ одолѣваетъ славянина: онъ долженъ разстаться съ жизнью, улетѣть въ загробное царство; передъ нимъ является образъ смерти.

Смерть. Въ каждомъ народѣ существуетъ фантастическое представленіе смерти, которая является къ человѣку въ минуту тяжкой болѣзни, когда его участь должна рѣшиться: останется ли онъ зрителемъ этого міра или полетитъ въ другое загробное царство? Народъ объясняетъ этотъ законъ природы—появленіемъ сверхъестественнаго существа, которое садится у изголовья больнаго и тѣмъ приноситъ съ собою смерть. Она—худощавая женщина, одѣтая, по понятію однихъ, въ бѣлое, а по понятію другихъ, въ черное одѣяніе; руки и ноги имѣетъ на выворотъ, одною рукою она поддерживаетъ косу, переброшенную чрезъ плечо, въ другой блистаетъ у ней сѣкира, которою подрѣзывается нить жизни. При приближеніи смерти, кототорая, по народному повѣрью, не подкупна и слѣдуетъ велѣніямъ свыше, собаки начинаютъ лаять: кто умретъ ночью, можно видѣть смерть, стремящуюся покинуть домъ, гдѣ находится покойникъ.

По поводу появленія смерти, существуетъ у южныхъ славянъ много легендъ. Какой-то довольно зажиточный человѣкъ имѣлъ жену, которая ежегодно рождала дѣтей; но онѣ вскорѣ послѣ крещенія помирали. Тщетно онъ перемѣнялъ крестныхъ родителей, думая, что, можетъ статься, они приносятъ несчастіе въ домъ; тщетно молился Богу и всѣмъ святымъ, чтобы они оставили въ живыхъ, хоть одно его дитя; все было напрасно: дѣти помирали. Тогда, въ отчаяніи, обратился онъ къ смерти, прося ея помощи. Въ ту-же минуту предстала предъ нимъ худощавая женщина съ переброшенною чрезъ плечо косою: это была смерть. При видѣ ея, онъ такъ испугался, что упалъ предъ ней на колѣни и сталъ упрашивать ее сдѣлаться крестною матерью

его дѣтей, дабы она поберегла ихъ. Смерть сказала: «хорошо; когда твоя жена родитъ, приходи въ лѣсъ и попроси меня объ этомъ; тамъ ты меня встрѣтишь въ образѣ старой женщины, одѣтой въ черное платье съ бѣлымъ платкомъ на головѣ». Когда у селянина родился сынъ, онъ пошелъ въ лѣсъ и упросилъ смерть быть крестною матерью новорожденнаго. Ребенокъ не померъ. Съ тѣхъ поръ селянинъ часто встрѣчался съ смертью и разговаривалъ съ нею. Онъ спрашивалъ у нее: «отчего иные мгновенно умираютъ, а другіе — отъ болѣзней? какъ можно узнать: умретъ ли больной или нѣтъ?» Она разъяснила ему, что его интересовало: «если я, говорила смерть, сижу у изголовья больнаго, то онъ долженъ помереть; если у ногъ, то онъ выздоровѣетъ; если же съ боку, то я тѣмъ показываю, что онъ тяжело и долго будетъ болѣнъ и не скоро поправится». Получивши такой отвѣтъ, поселянинъ сталъ присматриваться къ каждому больному, котораго только онъ видѣлъ, и по положенію у его постели смерти, могъ сказать, какая ожидаетъ его участь. Такими предсказаніями онъ заслужилъ себѣ славу врачара. Когда пришла судьба ему помирать, онъ тщетно старался помѣстить свою смерть либо у ногъ своихъ, либо съ боку; три раза обращалъ назадъ свою голову и все видѣлъ у своего изголовья молчаливую смерть. Наконецъ она махнула своею косою, подрѣзала сѣкирой нить жизни, и онъ испустилъ послѣднее дыханье. Подъ вліяньемъ, безъ сомнѣнія, христіанскаго ученія, составилась легенда, въ которой повѣствуется о томъ, какъ святой архангелъ наносилъ смерть людямъ: одного человѣка онъ изсѣкъ въ куски, другого ударилъ ножомъ три раза, а на третьяго только замахнулся, и онъ умеръ.

Но и послѣ смерти, по понятію славянъ, люди живутъ; они или превращаются въ «вукодлаковъ», или же ихъ души носятся по свѣту въ видѣ «собластей», нигдѣ не находя себѣ покоя, и только немногіе обрѣтаютъ себѣ въ могилѣ спокойствіе.

Вампиры (*вукодлаки*). Вукодлаки были извѣстны еще въ римскія времена подъ именемъ «Fauni ficarii». Самое названіе «вукодлакъ», т. е. существо, покрытое волчьею шерстью или шкурою, уже ясно указываетъ на то, что это враждебный демонъ, ко-

торый, по своему хищному, разбойничьему нраву, весьма схожъ съ волкомъ. По народному повѣрью, каждый человѣкъ, находившійся при жизни въ дружескихъ отношеніяхъ съ вѣштицами, злыми вилами, или дьяволами, и умершій безъ покаянія, дѣлается послѣ смерти вукодлакомъ: нѣкій дьявольскій духъ, входя въ тѣло мертвеца, одушевляетъ его и вынуждаетъ его причинять всевозможныя несчастія человѣку. Впрочемъ, и добродѣтельныхъ людей, по народному повѣрью, ожидаетъ иногда въ загробной жизни судьба вукодлака. Это происходитъ тогда, когда чрезъ покойника, въ то время, какъ онъ лежитъ на столѣ, перебѣжитъ кошка, собака или курица. Поэтому славяне выгоняютъ этихъ животныхъ изъ домовъ на все время, пока тамъ находится покойникъ.

Иногда человѣку, еще при его жизни, предназначена бываетъ, послѣ смерти, судьба вукодлака. Такъ бываетъ съ дѣтьми, рождающимися отъ брачной связи вукодлака съ женщиной. По народному понятію, колдуны и вѣдьмы, въ пылу злобы и мщенія, не рѣдко предназначаютъ человѣку, при его жизни, судьбу вукодлака. Къ такому человѣку иногда ночью является злой духъ съ волчьей шкурой и ему приказываетъ ее надѣть. Какъ скоро онъ облечется въ этотъ нарядъ, въ ту же минуту совершается его превращеніе въ волка: онъ начинаетъ по ночамъ рыскать, а съ утреннимъ разсвѣтомъ, снявши съ себя волчью шкуру, уже принимаетъ человѣческій образъ. Человѣкъ, которому суждено сдѣлаться вукодлакомъ, не можетъ, при жизни своей, отличаться хорошими качествами: злыя вилы управляютъ всѣми его дѣйствіями, обучаютъ его колдовству и вообще совращаютъ его съ пути истины. Онъ обыкновенно бываетъ хитрымъ, мощнымъ, замѣчательно-безобразнымъ и весьма счастливымъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ; любимымъ его занятіемъ служитъ колдовство; онъ умираетъ мгновенно: «вукодлаки поѣли его», замѣчаетъ при этомъ народъ.

Народная фантазія самыми яркими красками разрисовываетъ образъ вукодлака: желтоватое, изрытое глубокими морщинами лице; всклокоченные, стоящіе дыбомъ волосы; красные, налитые кровью, глаза; покрытыя кровью до локтей руки; желѣзные зубы, черные,

какъ смоль; голубоватые усы и отвисшая кожа на тѣлѣ: таковъ внѣшній видъ вукодлака. Но когда ночью покидаетъ онъ темную свою обитель, то или превращается въ летучую мышь, или же принимаетъ человѣческій образъ, сохранивши только свои желѣзные зубы. Впрочемъ, послѣ перваго пѣнія пѣтуха, онъ спѣшитъ возвратиться къ себѣ въ могилу.

Скажемъ нѣсколько словъ о дѣятельности вукодлаковъ и, на основаніи многочисленныхъ легендъ, пѣсень и разсказовъ, которые намъ удалось читать и слышать, постараемся разъяснить причины, почему народъ съ такимъ страхомъ относится къ появленію этого жителя загробнаго царства? Почти каждую ночь съ какой-либо могилы на кладбищѣ тихо поднимается летучая мышь и летитъ по направленію села: это—вукодлакъ стремится въ село, гдѣ онъ нѣкогда жилъ и откуда свезли его на погостъ; онъ спѣшитъ въ свое родное мѣсто, чтобы тамъ высасывать кровь изъ людей и собакъ. Собаки чуютъ его и сильнымъ лаемъ извѣщаютъ своихъ хозяевъ о приближеніи вукодлака къ ихъ жилищу. Иной разъ вукодлакъ, въ образѣ красиваго парня, спѣшитъ къ молодой вдовѣ, заставляетъ ее вступить съ нимъ въ брачную связь, и плодомъ этого брака являются дѣти, которыя, по словамъ народа, обыкновенно бываютъ безъ костей. Иногда вукодлаки посѣщаютъ посидѣлки, на которыя собираются дѣвушки по вечерамъ въ зимнее время. Такъ въ одной легендѣ повѣствуется, что двое парней, каждый вечеръ, приходили на посидѣлки въ одинъ домъ, гдѣ собиралась вся сельская молодежь. Каждый изъ нихъ влюбился въ дѣвушку. Одна изъ нихъ призналась своей матери въ любви къ парню. Мать посовѣтовала своей дочери посмотрѣть на зубы незнакомаго ей парня, предмета ея страсти. Когда наступилъ вечеръ, дочь, взявши съ собою младшую свою сестру, пошла на посидѣлки. Дѣвушка всѣми силами старалась разсмотрѣть любимаго ею парня; но онъ все воздерживался отъ смѣха. Тогда она сняла съ прялки прядь льна, подожгла ее и бросила ее въ колесо прялки другой дѣвушки. Любимый ею парень разсмѣялся и показалъ ей свои желѣзные зубы. Тогда дѣвушка въ страхѣ поспѣшила оставить посидѣлки и въ торопяхъ позабыла взять съ собой свою шубку. Въ глухую ночь эти два незнакомыхъ парня стали бѣсноваться: одинъ изъ нихъ разор-

валъ на части любимую имъ дѣвушку и сталъ ее ѣсть; а другой, съѣвши оставленную шубку, пошелъ въ домъ за любимой имъ дѣвушкой. Мать дѣвушки, не отворяя двери, заняла его разговоромъ; вдругъ запѣлъ пѣтухъ; вукодлакъ мгновенно исчезъ. Въ Далмаціи существуетъ повѣрье, что когда бываетъ сухое лѣто и когда вообще урожай бываетъ плохой, вукодлаки ходятъ вокругъ мельницъ и подсмѣиваются надъ поселянами, что имъ нечего молоть; затѣмъ заходятъ въ амбары и ѣдятъ все то, что тамъ находятъ. Въ большинствѣ-же случаевъ, вукодлаки появляются въ промежутокъ времени съ Рождества Христова до Вознесенія Господня.

Чтобы избавиться отъ посѣщеній вукодлака, поселяне обыкновенно просятъ священника окропить домъ святой водой. Можно также избавиться отъ этого выходца съ того свѣта, убивъ его въ собственной могилѣ коломъ изъ боярышника: только этимъ деревомъ можно убить вукодлака, такъ какъ онъ боится бѣловатаго сока, вытекающаго изъ него. Даже когда вспоминаютъ о вукодлакѣ въ домѣ, то обыкновенно говорятъ: «на путу му броть и глогово трнье» (пусть встрѣтитъ онъ на пути марену и тернъ боярышника); надо замѣтить, что мѣста, гдѣ сѣется марена, покрыты терномъ боярышника. Но вся трудность выполненія этого средства заключается въ томъ, какъ найти могилу вукодлака. Въ большинствѣ случаевъ, для открытія могилы вукодлака употребляютъ слѣдующій способъ: если жители извѣстной мѣстности замѣчаютъ среди себя большую смертность, то приписываютъ это обстоятельство частымъ посѣщеніямъ ихъ жилищъ вукодлаками. Желая отыскать ихъ могилу, они берутъ молодаго жеребца и вмѣстѣ съ нимъ отправляются на кладбище, гдѣ заставляютъ его переходить съ могилы на могилу до тѣхъ поръ, пока не замѣтятъ, что жеребецъ начинаетъ пятиться отъ какой-либо могилы, дѣлать прыжки въ сторону, желая тѣмъ показать, что онъ боится могилы, что въ ней скрыто что-то страшное. Селяне хорошо понимаютъ значеніе этихъ дѣйствій; они узнаютъ, что въ могилѣ лежитъ вукодлакъ. Быстро приближаются они къ ней, окружая ее со всѣхъ сторонъ, раскапываютъ, и если замѣчаютъ, что тѣло мертвеца еще не истлѣло, несмотря на то, что уже давно похороненъ, или-же если мертвецъ имѣетъ внѣшній видъ, свойственный вукодлаку, то перево-

рачиваютъ его навзничь и между плечъ вбиваютъ колъ изъ боярышника: вукодлакъ начинаетъ выть, какъ волкъ, и затѣмъ испускаетъ послѣднее дыханіе. Селяне спѣшатъ сжечь и его трупъ, и колъ, которымъ онъ былъ убитъ.

Существуетъ легенда объ одной женщинѣ, которая, потерявши мужа, находилась одно время въ страшномъ отчаяніи: вукодлакъ постоянно являлся къ ней, мучилъ ее, не давалъ ей покоя. Она стала худѣть, никто изъ сосѣдей не рѣшался ее охранять; всѣ боялись увидѣть вукодлака. Но онъ продолжалъ ее посѣщать: своими отвисшими губами онъ цѣловалъ ее, сжималъ ее въ своихъ кровавыхъ рукахъ; она задыхалась, просила помощи; но страхъ окружалъ ее жилище: никто не рѣшался въ него проникнуть. Въ скоромъ времени въ этомъ селѣ нашлось нѣсколько смѣльчаковъ, молодыхъ парней, которые рѣшились убить вукодлака въ его собственной могилѣ. Взявши съ собой терновый сукъ въ три фута длины, они пошли на могилу и стали копать ее. Въ это время подошла къ нимъ какая-то старая, хромая женщина и посовѣтовала имъ сперва убѣдиться, дѣйствительно ли въ этой могилѣ лежитъ вукодлакъ, а уже потомъ начать копать ее. Посовѣтовавшись, эти молодые парни нашли слова незнакомой имъ старухи справедливыми и порѣшили сперва убѣдиться въ томъ, дѣйствительно ли эта могила вукодлака? Женщина, которая имѣла несчастіе понравиться вукодлаку, взяла клубокъ нитокъ, сплетенныхъ въ «младу недѣлю», т. е. въ первую недѣлю мѣсяца, изъ трехъ волоконъ льна и конопли, и когда ночью вукодлакъ явился къ ней, она привязала къ ногѣ его конецъ нитки. Поутру, когда заря только что начинала заниматься, вукодлакъ поспѣшно покинулъ свою милую, чтобы возвратиться въ свою могилу и потащилъ съ собой клубокъ нитокъ. На другой день, замѣтивъ слѣдъ, отважные парни сейчасъ же отправились къ могилѣ и начали ее раскапывать. И что же они увидѣли? Они увидѣли ужаснаго мертвеца: всклокоченные волосы стояли дыбомъ; красные налитые кровью глаза и отвисшая кожа—все давало знать, что лежащій предъ ними мертвецъ есть вукодлакъ. Они ударили терновымъ сукомъ въ его грудь, раздался пронзительный стонъ; онъ заревѣлъ какъ волкъ. Убивъ его и сжегши трупъ мертвеца и терновый кустъ,

они закопали затѣмъ пепелъ въ могилу. Съ тѣхъ поръ страшный обожатель молодой вдовы пересталъ ее посѣщать, и она могла уже спокойно жить.

Души усопшихъ (*собласти*). Замѣчая, что нѣкоторые трупы долгое время остаются неистлѣвшими, славяне-язычники вывели изъ этого то заключеніе, что таинственная связь между тѣломъ и душой не прекращается вдругъ по смерти человѣка, и что душа только тогда дѣлается свободною, когда тѣло совершенно истлѣетъ. Можетъ статься, по этой причинѣ сложилось въ народѣ повѣрье, что человѣческая душа, покинувъ тѣло, только на седьмой день достигаетъ вожделѣннаго покоя. Славяне-язычники обыкновенно устраивали на седьмой день по кончинѣ кого-либо празднество за упокой его души: это празднество было извѣстно подъ названіемъ «седмины».

Преподанное хорватамъ христіанское ученіе о раѣ, адѣ и чистилищѣ, гдѣ человѣческая душа должна испытать различныя мученія, пока совершенно не очистится и пока не откроются ей врата царствія небеснаго, не могло не повліять и по отношенію къ представленію народа о блужданіи человѣческой души по бѣлому свѣту, пока она не получитъ себѣ мѣста въ загробномъ царствѣ. Народная фантазія, подъ вліяніемъ христіанскаго ученія, не преминула, понятно, придать этимъ вѣрованіямъ славянскаго міра особый колоритъ, сообразный духу новаго ученія. По народному повѣрью, каждому человѣку предназначено умереть въ извѣстное время: къ этому времени и отводится ему на небѣ или въ преисподней мѣсто, которое онъ долженъ занять послѣ смерти. Если же онъ умретъ ранѣе означеннаго срока, то душа его (собласть) должна мыкаться по свѣту, нигдѣ не находя себѣ пристанища: двери ада и рая заперты для нея. Души этихъ умершихъ страшно мучатся: онѣ то ударяются о камни и деревья, то стараются сжечь себя въ огнѣ (если раздастся въ огнѣ трескъ, то, говорятъ, что это происходитъ отъ присутствія въ нихъ собластей), то бросаются въ морскую пучину и тамъ сверкаютъ миріадами огней, или пронзительно яркихъ, или тусклосиневатыхъ, дающихъ понятіе о ихъ затаенной скорби (фосфорическій блескъ моря народъ приписываетъ присутствію въ его водахъ несчастныхъ душъ). И по настоящее время народъ говоритъ «klati se kao kriva duša» (бороться какъ виноватая душа).

Въ какомъ образѣ являются собласти? Въ одной народной пѣснѣ поется, какъ братъ, вставшій изъ гроба, пришелъ къ своей сестрѣ:

«što si tako brate potavnjeo,
baš kan da si pod zemljicom bio».

(что ты такъ почернѣлъ братецъ? или ты былъ подъ землей?) Относительно наружнаго вида собластей существуютъ и другіе народные разсказы. Какой-то путешественникъ, проѣзжая по проселочной дорогѣ, замѣтилъ овцу па близь лежащей полянѣ: онъ слѣзъ съ повозки, желая убить животное; но къ его удивленію, вдругъ овца превратилась въ ежа, который сталъ все болѣе и болѣе увеличиваться въ объемѣ. Путешественникъ въ него выстрѣлилъ; но пистолетъ сдѣлалъ осѣчку. Испуганный возница просилъ путешественника оставить это животное, потому что оно собласть. Намъ разсказывали, что одинъ старикъ, житель села Липы (вблизи города Рѣки) увидѣлъ какъ-то разъ въ полѣ большой стогъ сѣна: бѣлые кони, которые его окружали, старались перескочить чрезъ стогъ. Пораженный этимъ зрѣлищемъ, онъ поспѣшилъ домой; но едва вошелъ къ себѣ, какъ почувствовалъ сильное землетрясеніе, услышалъ необыкновенный звонъ; на полѣ-же—все исчезло. Собласти появляются два раза въ сутки—утромъ и ночью въ промежутокъ времени между 11 и 12 часами; особенно много ихъ появляется четыре раза въ годъ: во время равноденствій и солнцестояній.

Собласти могутъ найти себѣ пріютъ въ загробномъ мірѣ чрезъ посредство людей, если только они совершатъ молитву въ церкви за упокой ихъ. Въ подтвержденіе вышесказаннаго, приведемъ слѣдующій народный разсказъ. «Молодой пастухъ въ продолженіи довольно долгаго времени, постоянно на «младой недѣли» (первое воскресенье послѣ новолунія) слышалъ какой-то собачій лай, неизвѣстно откуда раздававшійся: онъ неоднократно осматривалъ мѣстность, но не могъ нигдѣ найти собаки. Однажды, услышавъ страшный собачій лай, онъ беретъ сѣкиру и идетъ по направленію лая, и что-же? Онъ увидѣлъ человѣка, бѣгающаго по долинѣ и лающаго по собачьи. Пастухъ скрылся въ чащѣ кустарника и, какъ только приблизилось къ нему это странное существо, выскочилъ изъ своей засады и вскричалъ:

«всякая душа прославляетъ Бога; прославляешь-ли ты Его?» Едва произнесъ онъ эти слова, какъ стоящій предъ нимъ человѣкъ преобразился въ скелетъ и въ отвѣтъ онъ услышалъ: «прославляю». Тогда пастухъ спросилъ духа: «чего ты ищешь? чего ты желаешь? зачѣмъ ты всегда вычешь?» Духъ отвѣчалъ: «неподалеку отсюда родился я; ежедневнымъ моимъ занятіемъ была охота на зайцевъ, селезней и куропатокъ; даже по воскресеньямъ, вмѣсто того, чтобы идти въ церковь, я отправлялся на охоту. Теперь я осужденъ вѣчно скитаться и мучиться, какъ охотничья собака: нѣсколько разъ въ году можно меня слышать и видѣть». На вопросъ пастуха: «какъ можно ему помочь?» былъ отвѣтъ: «молитвами и обѣдней». Пастухъ поспѣшилъ заказать въ церкви обѣдню, вознесъ теплую молитву Создателю, и съ тѣхъ поръ онъ уже болѣе не слышалъ этого страшнаго собачьяго лая и не видѣлъ этого страннаго видѣнія».

Иной разъ съ помощью хитрости, собласти сами себя избавляютъ отъ мученій скитальческой жизни. Нѣкогда жилъ очень смѣлый селянинъ, не боявшійся ни смерти, ни дьявола; но все таки, въ концѣ концевъ, онъ померъ и явился въ адъ. Въ адъ его не пустили, такъ какъ у него была тамъ много враговъ; онъ отправился въ рай; но врата царствія небеснаго были заперты: огненный херувимъ не пустилъ его туда. Куда было дѣваться этой несчастной душѣ? по неволѣ она должна была начать скитаться по свѣту. Какъ-то разъ, пролетая по поднебесной, эта несчастная душа увидѣла апостола Петра съ ключомъ отъ царствія небеснаго: она упросила его отворить немного царственныя врата. Тогда собласть бросила въ рай имѣвшійся при ней мѣшочекъ и стала еще убѣдительнѣе упрашивать апостола Петра, чтобы онъ позволилъ ей войти въ рай, и взять тамъ мѣшочекъ. Апостолъ уступилъ ея просьбѣ: несчастная душа вошла въ царствіе небесное, усѣлась на мѣшочекъ и сказала: «здѣсь мое мѣсто». Такимъ образомъ, несчастная душа смѣлаго человѣка нашла себѣ доступъ въ высшую обитель, гдѣ и успокоилась отъ треволненій и мученій здѣшней жизни.

Древніе славяне благотворили собласти, какъ существа добрыя и дружелюбныя. Дѣйствительно, онѣ не вымѣщаютъ на людяхъ своего несчастнаго положенія, онѣ не имѣютъ склонности причинять

людямъ вредъ или страданія; напротивъ того, весьма часто подаютъ хорошіе совѣты, въ особенности тѣмъ людямъ, которые окажутъ имъ какую-либо услугу. Такъ существуетъ народное преданіе, что одинъ селянинъ изъ села Желяне, лежащаго въ долинѣ Бруснѣ неподалеку отъ города Тріеста, помогъ собласти выдти изъ мучительнаго положенія: въ награду за то, она посвятила его во всѣ тайны врачебнаго искуства и онъ вскорѣ разбогатѣлъ.

Позабывая о связи старинныхъ метафорическихъ выраженій съ явленіями природы, читая въ нихъ не тотъ первоначальный смыслъ, какой они первоначально въ себѣ заключали, напротивъ понимая ихъ буквально, народъ приписалъ, какъ мы уже выше видѣли, своеобразныя качества вѣдьмамъ, домовымъ, вампирамъ и другимъ миѳическимъ существамъ, посѣщающимъ жилища мирныхъ гражданъ. Понятно, что народная фантазія разрисовываетъ болѣе или менѣе мрачными красками всякое явленіе, которое поселяетъ страхъ и ужасъ въ народѣ. Такъ, между прочимъ, есть болѣзни крайне заразительныя, наводящія ужасъ на все населеніе той мѣстности, гдѣ онѣ появляются. Въ числѣ такого рода болѣзней, первое мѣсто, безъ сомнѣнія, занимаетъ моровая язва. Посмотримъ теперь, какъ отнеслась народная фантазія къ этому народному бичу.

Моровая язва (*куга*). По народному сказанію, куги суть души людей, которые умерли не отъ тѣхъ болѣзней, отъ которыхъ имъ было суждено помереть: онѣ скитаются по домамъ, пуская туда свое смертоносное дыханіе, отъ котораго, въ короткое время, умираетъ вся семья. Впрочемъ о происхожденіи куги существуетъ еще другое народное преданіе. «Нѣкогда царствовалъ король, у котораго было много золота и всякаго рода богатства; семь разъ онъ женился и съ каждой женой семь лѣтъ проживалъ, все таки дѣтей у него не было. Казнивъ всѣхъ своихъ женъ за ихъ неплодіе, король порѣшилъ уже болѣе не жениться. Какъ-то разъ охотясь въ лѣсу, онъ сбился съ пути и блуждалъ тамъ нѣсколько дней; наконецъ, встрѣтилъ одну молодую, красивую женщину, которая помогла ему выйдти изъ лѣсу. Король на ней женился и имѣлъ отъ нея трехъ дочерей, которыя родились съ козьими но-

гами. Когда онѣ подросли, то королева заявила своему мужу, что она—дьяволъ, принявшій женскій образъ съ цѣлью его искушать; за тѣмъ нечистый духъ исчезъ. Король немедленно заключилъ своихъ дочерей въ темницу, гдѣ онѣ томились долгое время. При содѣйствіи одной придворной дамы, онѣ успѣли выйти изъ своего заточенія. Тогда эти три сестры, желая вымѣстить на населеніи королевства свою злобу на короля, начали морить тамъ народъ. Всѣ мѣры короля противодѣйствовать развитію этого смертоноснаго бича, оказались недѣйствительными. Когда все населеніе вымерло, тогда эти три сестры разбрелись въ разныя стороны и донынѣ блуждаютъ по свѣту».

Народная фантазія олицетворяетъ кугу въ видѣ страшно-безобразной, старой женщины низкаго роста, сухой, какъ скелетъ и имѣющей козьи ноги; вытянутая ея голова безъ носа и ушей и съ маленькими, змѣиными, глубоко-вдавшимися глазами, а на рукахъ—длинные когти.

Народъ вѣритъ тому, что существуютъ «кужныя страны» (онѣ славятся убійственнымъ климатомъ, но гдѣ онѣ находятся—неизвѣстно); тамъ царствуетъ «кужный король», который посылаетъ куги въ тѣ страны, гдѣ люди злы и несправедливы. Въ народныхъ легендахъ мы часто встрѣчаемъ описанія того, какъ куги странствуютъ. «Куга, опустошивши одно село», говоритъ одна народная легенда, «положила ѣхать въ другое. Но она не знала на чемъ ей ѣхать. Случайно она встрѣтила селянина, возвращавшагося съ полевыхъ работъ и объявила ему, что она—куга и приказала отнести ее въ другое село. Поселянинъ, помѣстивши ее на свои плеча, понесъ ее въ село. Во время пути, селянинъ не думалъ роптать на тяжесть своей ноши. Это его самоотверженіе такъ понравилось кугѣ, что она обѣщала пощадить его домъ. По приходѣ этой незванной гостьи въ село, поднялся тамъ сильный лай собакъ; тогда куга, превратившись въ летучую мышь, улетѣла».

По народному повѣрью, существуютъ средства, противодѣйствующія вліянію смертоноснаго потока, приносимаго кугой. Такъ въ началѣ болѣзни, надо держать посуду и всѣ предметы хозяйства въ чистотѣ, а въ пищѣ и питьѣ—соблюдать умѣренность. При томъ

начиная съ перваго воскресенья послѣ новолунія и въ теченіи нѣсколькихъ дней за тѣмъ, 12 цѣломудренныхъ молодыхъ дѣвушекъ и 12 молодыхъ парней, неиспорченной нравственности, должны нагими и неглядя другъ на друга проорать семь разъ вокругъ села по одному и тому-же мѣсту и за тѣмъ спокойно разойтись по домамъ. Чтобы предохранить домъ отъ посѣщенія его кугой, слѣдуетъ держать въ домѣ собаку, которая ни разу не была бита ни метлой, ни головней, ни кочергой. Вообще куги, по народному повѣрью, боятся собакъ. Какъ-то разъ куга, подойдя къ рѣкѣ, не могла перейти ее въ бродъ: она упросила перевозчика перевести ее на противоположную сторону. Они поплыли. Вдругъ собака, спавшая въ углу лодки, проснулась и, почуявши недобрый духъ, накинулась на кугу, начала ее грызть; испуганная куга бросилась въ воду и съ большими трудностями доплыла до берега.

Баба-руга. Это миѳическое существо сохранилось въ южной Далмаціи; имъ пугаютъ дѣтей, если онѣ часто просятъ хлѣба. «Не смѣй просить хлѣба», говоритъ мать своему ребенку, «убьетъ тебя баба-руга» и эта угроза сильно дѣйствуетъ на воображеніе дитяти. Но что такое «баба-руга?» какіе ея признаки? неизвѣстно. Съ этимъ названіемъ что-то страшное представляется народу; но что именно, сознаніе не можетъ дать себѣ отчета.

Кукушка (кукавица). Птица «кукавица» служитъ эмблемой сильной, сердечной печали по дорогомъ покойникѣ. Поэтому мы не рѣдко видимъ на кладбищахъ на деревянныхъ могильныхъ крестахъ изображеніе этой птицы. У сербовъ существуетъ выраженіе «кукавичја суза» (кукушкины слезы). Сербы думаютъ, что когда кукушка кукуетъ, то изъ глазъ ея падаютъ слезы. Относительно происхожденія птицы «кукавицы» существуютъ три народныхъ преданія. Такъ эта птица была сначала женщиной, которая, лишившись своего единственнаго брата, стала сильно по немъ тосковать. Въ наказаніе за то, что она несправедливо горевала по братѣ, такъ какъ онъ умеръ по высшей волѣ, Богъ превратилъ ее въ птицу. Существуетъ и другаго рода преданіе: была одна женщина, которая постоянно горевала и тосковала, сама не зная о чемъ и тѣмъ самымъ до того надоѣла своему брату, что онъ ее проклялъ, и вслѣдъ затѣмъ она

превратилась въ птицу. Разсказываютъ также, что когда Лазарь (братъ Маріи и Марѳы) умеръ, то его сестры рѣшили плакать и «кукати» (выть) въ теченіи всей своей жизни. Когда Іисусъ Христосъ воскресилъ Лазаря, то создалъ птицу, которая вѣчно куковала.

Кукушка считается въ народѣ святой птицей, а потому и ставится въ грѣхъ ее убить. Если у кого въ карманѣ будутъ деньги въ то время, какъ кукушка весной въ первый разъ начинаетъ куковать, то онъ спѣшитъ потрясти свой карманъ, чтобы деньги не переводились у него до слѣдующаго года; а если у кого въ ту пору не будетъ въ карманѣ денегъ, то это признается за вѣрный знакъ, что ихъ не будетъ и въ теченіи всего года. Ранній прилетъ кукушки, по народному повѣрью, предвѣщаетъ неудачу хайдукамъ (разбойникамъ).

Кудесники (маджіоники). Умѣніе понимать таинственный языкъ обожествленной природы, наблюдать и истолковывать ея явленія и примѣты, молить и заклинать ея стихійныхъ дѣятелей—все это признавалось за существенные, необходимые признаки божественныхъ и демоническихъ существъ. Ими-то и являются «маджіоники». По народному понятію они имѣютъ большое сходство съ вѣштицами. Маджіоники постоянно носятъ при себѣ разныя вещицы, которыя заключаютъ въ себѣ магическую силу, какъ-то: иглы безъ ушковъ, сѣдые волосы, обрѣзанные ногти, черную шерсть и т. д.; каждою изъ этихъ вещей, они могутъ причинять зло человѣку. Поэтому, если кто-либо увидитъ одну изъ этихъ магическихъ вещей, то не рѣшится ее взять.

По народному повѣрью, маджіоникъ, послѣ молитвы, прочитанной надъ нимъ священникомъ, оставляетъ свои занятія магіей; но въ будущемъ его ожидаетъ ужасная участь: сердце выходитъ изъ него.

Поклоненіе змѣю и дереву. Первоначальная древнѣйшая основа всѣхъ народныхъ сказаній была, какъ мы выше замѣтили, чисто миѳическая; мѣсто дѣйствія впослѣдствіи было перенесено съ неба на землю и было привязано къ извѣстнымъ урочищамъ, что весьма часто происходитъ въ исторіи миѳа. Весьма естественно, что быстрая перемѣна временъ года не могла не произвести сильнаго впечатлѣнія на младенческій умъ славянина—язычника: въ немъ появ-

лялся невольный страхъ съ приближеніемъ того времени, когда перестаютъ литься съ неба благодатные дожди и когда зимняя стужа налагаетъ на облака свои леденящіе оковы. Славянинъ также замѣчалъ, что въ этотъ періодъ времени перестаютъ сверкать молніи. Понятно, что чего славянинъ страшился въ обыденной своей жизни, тѣмъ онъ и объяснилъ извѣстное явленіе въ природѣ. Такимъ-то образомъ и сложилось народное сказаніе о томъ, что демоны-змѣи прячутся на зиму въ облачныхъ пещерахъ и скалахъ и засыпаютъ въ нихъ долгимъ, непробуднымъ сномъ до тѣхъ поръ, пока не явится могучій громовникъ и не отопретъ эти пещеры и скалы ключемъ—молніей. И такъ это сказаніе, которое распространено въ народномъ эпосѣ, было основано на миѳѣ о похищеніи небесныхъ свѣтилъ и о скрытіи дождевыхъ источниковъ злобнымъ демономъ-змѣемъ. Дѣйствительно солнце, луну, звѣзды, молнію ,народная фантазія уподобила серебру и золоту и самоцвѣтнымъ каменьямъ; ихъ яркій свѣтъ, поглощаемый тучами, на метафорическомъ языкѣ назывался многоцѣннымъ сокровищемъ, похищеннымъ демономъ мрака т. е. демонами-змѣями и запрятанными въ глубокія подземелья облачныхъ горъ. Вторгаясь въ эти пещеры и убивая змѣя, богъ-громовникъ не только проливаетъ дождевые потоки, но и открываетъ дорогіе клады.

Съ теченіемъ времени былъ затерянъ смыслъ старинной метафоры, вышеизложенное поэтическое объясненіе явленій природы, понятое буквально, стало прилагаться къ обыкновеннымъ змѣямъ и гадамъ, которыхъ холодная зима повергаетъ въ состояніе оцѣпененія. Такъ въ одной сербской сказкѣ говорится о змѣѣ, который по ночамъ выползалъ изъ пещеры на землю, гдѣ и оставался до перваго пѣнія пѣтуховъ. Какъ-то разъ у всѣхъ пѣтуховъ той мѣстности повыдергали языки. Въ ожиданіи пѣнія пѣтуха змѣй не покидалъ земли, какъ вдругъ солнце взошло и своими палящими лучами его растопило. Стали также появляться сказанія о змѣяхъ, жадно оберегающихъ въ подземныхъ пещерахъ, въ ущеліяхъ скалъ, въ глубинѣ морей и рѣкъ, громадные склады серебра, золота и драгоцѣнныхъ камней.

Метаморфоза, происходящая въ природѣ съ наступленіемъ вес-

ны, не могла не произвести своеобразнаго представленія этого явленія народною фантазіей. Такъ мы видимъ, что богиня весенняго солнца и грозъ представляется въ народныхъ сказаніяхъ въ образѣ дѣвы, имѣющей человѣческое туловище и длинные распущенные волосы, а на мѣсто ногъ—змѣю: помѣрѣ того, какъ эта зачарованная дѣва вступаетъ въ обладаніе своимъ царствомъ — природой, она все болѣе и болѣе освобождается отъ змѣи и принимаетъ человѣческій образъ. И такъ эта дѣва служитъ нагляднымъ олицетвореніемъ двухъ началъ—начала свѣта и начала мрака,—въ концѣ концовъ первое одолѣваетъ послѣднее.

Славянинъ—язычникъ съ одной стороны страшился чудовищныхъ, демоническихъ змѣевъ, населявшихъ небесную атмосферу, съ другой наталкивался на землѣ на змѣевъ, которые причиняли ему вредъ. Можетъ статься подъ непосредственнымъ давленіемъ страха и возникла въ славянскомъ язычествѣ потребность въ умилостивленіи змѣя, въ поклоненіи ему. Впрочемъ намъ неизвѣстно при какой внѣшней обстановкѣ появился змѣиный культъ на югославянской почвѣ, хотя мы и имѣемъ несомнѣнное доказательство того, что онъ тамъ существовалъ. Намъ приходилось видѣть древніе амулеты съ изображеніемъ змѣя. Сохранились преданія, изъ которыхъ видно, что змѣй служилъ символомъ пораженія и врачеванія. Мы не можемъ при этомъ не упомянуть объ одномъ народномъ преданіи, которое сохранилось о побоищѣ, происходившемъ въ XIII ст. между хорватами и монголами на Іеленѣ—полѣ въ 10 верстахъ отъ города Рѣки (Фіумэ). „Во время боя», говоритъ преданіе, «падали съ неба на монголовъ змѣи съ собачьими головами (пасоглавцы), держа въ своихъ пастяхъ по камню. Они бросали камни въ монголовъ и высасывали изъ нихъ кровь. Много монголовъ пало, отъ того и самое поле получило съ того времени названіе «Гробничкаго поля» (поля гробовъ) *). Оставшіеся въ живыхъ монголы поспѣшили отъ страха обратиться въ бѣгство».

*) Это поле и по настоящее время сохраняетъ помянутое названіе. Теперь поле это представляетъ пространство, покрытое мелкими камешками, а въ его окрестностяхъ иногда попадаются змѣи небольшихъ размѣровъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это народное сказаніе сложилось подъ вліяніемъ того понятія, какое соединялъ славянинъ, находясь еще въ язычествѣ, со змѣемъ.

По народному повѣрью, змѣй, который обладаетъ знаніемъ цѣлебныхъ зелій, научилъ человѣка искуству врачеванія. У южныхъ славянъ сохранилось преданіе о змѣиной травѣ, исцѣляющей всякія болѣзни и раны. Мы считаемъ долгомъ при этомъ упомянуть, что въ дубровничкомъ округѣ, въ восточной части каменистой возвышенности «Снѣжницы», примыкающей къ равнинѣ Конавлье (Kanali) лежитъ пещера извѣстная подъ именемъ «пещеры Ескулапа». Входъ въ нее не болѣе 8 футовъ въ ширину, а пещера занимаетъ пространство 92 фута въ длину, и 164 фута въ ширину, богата всѣми сортами сталактита и сталагмита. Въ пещерѣ находится озеро, имѣющее 20 фут. въ длину и 12 футовъ въ ширину: вода въ немъ кисла на вкусъ. Внутри пещеры есть еще бассейнъ, извѣстный подъ именемъ „бассейна Нимфы", такъ какъ, въ древности, по народному повѣрью, онъ былъ охраняемъ нимфой. Эта пещера замѣчательна по миѳологическимъ преданіямъ, какія сохранились въ народѣ. Въ ней, будто бы, жила Ескулапова змѣя, которая и научила окрестныхъ жителей искуству врачеванія. И по настоящее время мѣстное населеніе славится своими свѣдѣніями въ народной медицинѣ. Въ окрестностяхъ этой пещеры растетъ и по настоящее время много цѣлебныхъ травъ. Мѣстные жители употребляютъ воду изъ озера, находящагося въ пещерѣ, какъ средство противъ злокачественныхъ лихорадокъ *).

Древній человѣкъ добывалъ огонь изъ дерева и древесными вѣнками и обрубками поддерживалъ его священное пламя на очагѣ. Такимъ образомъ сложилось у славянъ мало по малу преданіе о міровомъ деревѣ, которое пріобрѣло миѳическое значеніе дерева, посвященнаго громовнику Перуну. Этимъ-то деревомъ, по понятіямъ славянъ, является лишь тотъ дубъ, который отличается наибольшею

*) Народъ разсказываетъ, что есть змѣя съ золотой короной на головѣ, а по тому и носитъ названіе «короля змѣй». Если кому удастся убить эту змѣю, то съ помощью ея короны можно узнать, гдѣ сокрыты подъ землей сокровища.

крѣпкостью и долговѣчностью. Въ сербскомъ языкѣ самыя слова «грм» (дубъ), «грмов» (дубовый) «грмик» (дубовый лѣсъ) ясно свидѣтельствуютъ о близкомъ отношеніи этого дерева къ Перуну и небеснымъ громамъ. Весьма естественно, что славянинъ-язычникъ, посвятивъ это міровое дерево богу Перуну, не могъ не видѣть въ немъ посредника между богомъ и людьми. Такъ мы видимъ, что древніе славяне творили судъ и правду подъ старымъ дубомъ и глубоко вѣрили, что всѣ постановленные подъ его сѣнію приговоры изрекались по внушенію божества. Южные славяне и въ настоящее время имѣютъ своеобразное представленіе о нѣкоемъ деревѣ, которое въ ихъ языкѣ извѣстно подъ именемъ «сѣновитъ». Въ хорватско-сербскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ слово «сјен» (тѣнь), «сјенаст» или «sienit» (тѣнистый), «сјеновати» (производить тѣнь). Очевидно, подъ «сѣновитомъ» разумѣется старый дубъ, о значеніи котораго въ славянской миѳологіи мы уже выше говорили. Въ которской окраинѣ существуетъ одно повѣрье между жителями окрестныхъ селъ. Разсказываютъ, что такъ есть дерево, «сѣновитъ»: если кто его срубитъ, тотъ, по народному повѣрью, или тотчасъ же помретъ, или будетъ хворать въ теченіи многихъ лѣтъ. По этому которскіе поселяне, при рубкѣ дровъ въ лѣсу, нерѣдко прибѣгаютъ къ различнымъ способамъ, съ цѣлью узнать—не срубаютъ-ли они столь опасное для нихъ дерево «сѣновитъ». По народному повѣрью существуетъ радикальное средство, съ помощію котораго селянинъ въ состояніи отстранить отъ себя опасность, если срубитъ «сѣновитъ». Оно состоитъ въ томъ, что на пнѣ срубленнаго дерева слѣдуетъ отсѣчь у живого пѣтуха голову. Мы должны замѣтить, что пѣтухъ и змѣй были посвящены Ескулапу. Притомъ пѣтухъ, какъ птица, предвѣщающая восходъ солнца, играетъ весьма значительную роль въ древнихъ вѣрованіяхъ славянъ: крикъ его какъ бы прогоняетъ мракъ ночи и потому сравнивается съ звономъ къ заутренѣ, раздающимся на разсвѣтѣ. И такъ для умилостивленія этой демонической силы, могущей произвести вредное дѣйствіе на человѣка, надлежитъ ей принести въ жертву ея врага — пѣтуха.

Съ наступленіемъ весны, когда мать—сыра земля, словно юная и

прекрасная невѣста, начинала рядиться въ роскошные уборы растительнаго царства, тогда славяне-язычники устраивали общенародныя игрища и празднества въ честь богини Весны, какъ-бы для выраженія своей радости, что она съумѣла, благодаря содѣйствію Перуна, освободиться изъ объятій демона-змѣи. Славяне-язычники разводили костры и начинали плясать подъ звуки музыки. Музыка служила, по всей вѣроятности, олицетвореніемъ грозныхъ силъ природы, являющихся для разрушенія царства демона-змѣя; а по народному повѣрью южныхъ славянъ, змѣи слетаются и сгораютъ на разведенномъ кострѣ подъ звуки чудесной музыки, т. е. подъ бурные напѣвы грозы.

Въ эпоху христіанства празднованіе возрожденія природы было пріурочено къ первому маю т. е. ко дню, въ который христіанская церковь празднуетъ память св. пророка Іереміи, можетъ быть потому, что сей святой мужъ исцѣлялъ людей, укушенныхъ ядовитыми змѣями. Празднованіе перваго мая сопровождается повсемѣстно у южныхъ славянъ своеобразными обычаями. На канунѣ перваго мая, пополудни, молодые момки (парни) идутъ въ лѣсъ, гдѣ рубятъ по преимуществу длинные сучья березовые *) или дубовые. Обрѣзавъ у нихъ всѣ вѣтви, за исключеніемъ тѣхъ, которые находятся вблизи ихъ оконечностей и которыя образуютъ собою, такъ сказать, короны, момки отправляются съ этими сучьями къ себѣ домой. Затѣмъ они ихъ украшаютъ цвѣтами, лентами, фруктами и т. п. Въ такомъ видѣ сучекъ носитъ названіе «май» (Maibaum). Втеченіе всей ночи наканунѣ перваго мая, сельскіе музыканты ходятъ по селамъ и наигрываютъ на своихъ самодѣльныхъ инструментахъ разныя народныя мелодіи. При первыхъ звукахъ музыки, момки спѣшатъ украсить своими «маями» окна домовъ, гдѣ живутъ любимыя дѣвушки. Иной разъ шутникъ-момокъ разставитъ свой «май» вдоль окна старой женщины. По народному повѣрью, проточныя воды наканунѣ перваго мая пріобрѣтаютъ цѣлительную силу. Такъ, между прочимъ, у кого болятъ глаза, тому слѣ-

*) Съ приходомъ весны, береза начинаетъ точить свой сладкій сокъ. Славяне святятъ на коровій праздникъ березовые прутики и выгоняютъ ими коровъ: какъ береза даетъ весною сладкій сокъ, такъ и коровы станутъ давать вкусное молоко.

дуетъ только помочить ихъ проточною водой и онъ тотчасъ же почувствуетъ облегченіе. Поэтому страждущіе какимъ-либо недугомъ спѣшатъ идти на рѣку или къ источникамъ. Еще до восхода солнца, старыя жены идутъ въ лѣсъ, чтобы поискать цѣлебныхъ травъ. По народному повѣрью надлежитъ рвать травы при глубокомъ молчаніи, въ противномъ случаѣ онѣ утрачиваютъ свою цѣлебную силу. Въ Дубровникѣ рано утромъ въ первый день мая бѣгаетъ по улицамъ мамокъ, верхнее платье котораго унизано зелеными листьями и цвѣтами, а по верхъ плечъ перекинуты змѣи. Онъ называется «бембель» и изображаетъ собою какъ-бы наступленіе лѣта. Въ которскомъ округѣ существуетъ повѣрье, что всякій человѣкъ, желая, чтобы лѣтомъ не укусила его змѣя, по утру въ первый день мая долженъ ступить ногой въ сковороду, произнося слѣдующія знаменательныя слова:

Іеремія идетъ въ поле,
Змѣи всѣ уходятъ въ море.

Мѣстное населеніе думаетъ, что такимъ способомъ поселянинъ предохраняетъ себя отъ укушеній змѣями впродолженіи всего предстоящаго лѣта. Южные славяне, какъ народъ, любящій музыку и пѣніе, сложили немало пѣсенъ по случаю празднованія перваго мая: въ этихъ пѣсняхъ играетъ видную роль змѣй.

Въ своемъ бѣгломъ обзорѣ, мы далеко не исчерпали всего богатаго содержанія юго-славянской миѳологіи. Полагаемъ, однако, что дали достаточно ясное понятіе о ея существенныхъ основахъ и наиболѣе характерныхъ особенностяхъ, насколько то требовалось общимъ планомъ нашей работы. Въ этнографическихъ трудахъ юго-славянскихъ ученыхъ описаніе миѳологическихъ вѣрованій славянъ составляетъ наиболѣе обширный, съ особенною любовію разрабатываемый отдѣлъ; но и въ нихъ частныя отрывочныя данныя далеко еще не приведены въ систему, такъ что въ этомъ отношеніи юго-славянская наука далеко еще не сказала своего послѣдняго слова.

Б. Домашняя жизнь.

Приступая къ описанію семейной-домашней жизни юго-славянскаго селянина, мы полагаемъ, что небезъинтересно будетъ читателю познакомиться съ тѣми началами, на которыхъ сложилась эта жизнь, хотя, въ послѣднее время, онѣ стали утрачивать свой первоначальный характеръ. Поэтому мы сочли нужнымъ начать настоящій отдѣлъ описаніемъ древняго славянскаго родоваго учрежденія—«задруга». Затѣмъ мы перейдемъ къ ежедневной жизни славянина, гдѣ также можно встрѣтить много интереснаго: Здѣсь мы познакомимъ читателя съ тѣми проявленіями славянскаго быта, которыя наиболѣе характеризуетъ этотъ бытъ и нравственную сторону славянской натуры,—таковы напримѣръ обряды, установляющіе дружбу, на вѣки ненарушимую—«побратимство» и «посестримство».

Въ первобытномъ своемъ состояніи юго-славянинъ вполнѣ отдавался матери-природѣ и дѣйствіемъ ея силъ объяснялъ всѣ случайности, встрѣчавшіяся съ нимъ въ жизни. Поэтому въ народѣ сложилось понятіе, свято сохраняемое и по настоящее время, что человѣческая жизнь, со всѣми ея радостями и бѣдами, уже напередъ опредѣляется при самомъ рожденіи младенца. Съ теченіемъ времени и съ измѣненіемъ условій общественной жизни юго-славянъ, это народное понятіе принимало и особый колоритъ, но все-таки обрядность, завѣщанная стариною, переходила по преданію изъ поколѣнія въ поколѣніе. Иностранцы, водворяясь среди юго-славянъ, стараются мало по малу выводить изъ употребленія древніе славянскіе обычаи и обряды; но своеобразное народное міровоззрѣніе такъ глубоко залегло въ жизнь юго-славянина, что доселѣ каждый важный актъ въ этой жизни бываетъ обставленъ мѣстными, чисто-національными обрядами.

Своеобразными обрядами обставлены полевыя работы селянина, также какъ и его жизнь у домашняго очага. Вотъ у селянина рождается желаніе обзавестись своей семьей и своимъ домомъ: выступаютъ на сцену смотрины, сговоръ, оригинальные обряды обрученія и вѣнчанія. Вотъ славянинъ уже семьянинъ, у него родилось дитя: выступаютъ на сцену повѣрья, своеобразно объясняющія обстоятель-

ства, отъ которыхъ зависитъ будущность новорожденнаго. Вотъ ребенокъ качается въ люлькѣ; въ семьѣ идутъ приготовленія къ крестинамъ и самые крестины: опять являются обряды. Постигаетъ селянина какой-либо недугъ: является на сцену своеобразная народная медицина, разныя примѣты относительно лучшаго способа врачеванія. Постигаетъ славянина смерть и уноситъ его ad patres: и здѣсь не обходится дѣло безъ различнаго рода своеобразныхъ погребальныхъ обрядовъ, поминокъ. Въ этомъ порядкѣ теченія жизни югославянина мы разскажемъ, что знаемъ о народныхъ вѣрованіяхъ, обрядахъ и обычаяхъ и, наконецъ, покажемъ читателю скромное сельское кладбище, чтобы познакомить его съ тѣми юго-славянскими народными обычаями, въ которыхъ проявляется образъ отношеній славянъ къ памяти родичей и предковъ.

I.

Задруга: происхожденіе названія и внутреннее ея устройство; историческая замѣтка о задругѣ: причины, почему въ однѣхъ мѣстностяхъ она утратила свое первоначальное значеніе, а въ другихъ—окончательно изчезла: о происхожденіи родовыхъ прозвищъ. Побратимство: его виды и способы, какими оно устанавливается. Посестримство.

Въ основу семейной жизни хорвата легли три начала, на первый взглядъ непримиримыя: выборное, родственное и начало взаимной помощи. Эти три начала чрезвычайно раціонально совмѣщаетъ въ себѣ древнее славянское родовое учрежденіе «задруга», которая еще твердо держится въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Хорватіи, Славоніи, Военной Границы и Далмаціи. Впрочемъ и самое названіе «задруга»*) ясно показываетъ, что она была основана на семейномъ началѣ. Поэтому мы и сочли нужнымъ представить нѣкоторыя данныя о «задругѣ» (Hausgenossenschaft, Hauskomunion) прежде чѣмъ приступимъ къ описанію семейной жизни хорвата.

---

*) „Задруга“ происходитъ отъ слова „здружити“ т. е. сдружить, принимать въ товарищество.

Чтобы вступить въ «задругу», требуется во 1-хъ быть совершеннолѣтнимъ и во 2-хъ находиться въ родствѣ съ кѣмъ либо изъ ея членовъ, которыми могутъ быть какъ женатые, такъ и холостые. Дѣвушки не могутъ быть членами «задруги»: по выходѣ за мужъ, онѣ, безъ права, впрочемъ, голосованія, вступаютъ въ тѣ «задруги», къ которымъ принадлежатъ ихъ мужья. Если лицо, пожелавшее вступить въ «задругу», выполняетъ всѣ требуемыя для этого условія, то оно принимается въ ея члены, а по этому случаю, устраивается своего рода празднество. Всѣ члены «задруги» пользуются одинаковыми правами. Членами «задруги» считаются и тѣ, которыя находятся въ военной службѣ, а также отправляющіеся на заработки въ чужія страны.

Во главѣ «задруги» стоитъ, по выбору, задружный старѣйшина, который носитъ различныя названія: «доматинь», «куте-хазда» и «куте-господарь». Задружнымъ старѣйшиной не всегда бываетъ наистарѣйшій членъ рода; выбирается вообще тотъ, кто и по безукоризненному образу жизни и по опытности внушаетъ къ себѣ довѣріе всѣхъ членовъ «задруги». На задружномъ старѣйшинѣ лежатъ слѣдующія обязанности:

1) онъ ежедневно распредѣляетъ работу между членами «задруги»: одни пасутъ стадо, другіе обработываютъ землю и т. д.;

2) онъ имѣетъ непосредственный надзоръ надъ всѣми членами «задруги»: въ случаѣ ссоры между ними, долженъ стараться примирить между собою ссорящихся;

3) онъ завѣдуетъ задружною кассой, въ которую всѣ члены «задруги» вносятъ заработываемыя ими денежныя суммы: по покрытіи домашнихъ расходовъ, задружный старѣйшина ежемѣсячно раздѣляетъ между членами «задруги« оставшуюся въ задружной кассѣ сумму, взявъ при этомъ во вниманіе сколько каждый изъ нихъ заработалъ въ теченіе мѣсяца. Въ случаѣ, если кто либо по старости или по болѣзни не можетъ работать, то задруга содержитъ его на свой счетъ;

4) онъ управляетъ задружнымъ имуществомъ.

Понятно, что задружный старѣйшина долженъ дѣйствовать въ интересахъ «задруги», а по предметамъ особой важности ему слѣ-

дуетъ совѣтоваться съ ея членами. Онъ отвѣтственъ предъ ними въ своихъ дѣйствіяхъ; если найдутъ, что онъ дѣлаетъ какія-либо опущенія при выполненіи своихъ обязанностей, на мѣсто его выбираютъ другаго. Однимъ словомъ задружный старѣйшина является исполнителемъ воли своей «задруги». Задружному старѣйшинѣ въ управленіи имъ «задругой» обыкновенно помогаетъ его жена, которая въ этомъ случаѣ носитъ названіе: «домачица» или «господарица:» она распредѣляетъ работу между женщинами: однѣ идутъ на полевыя работы, другіе ткутъ дома сукна, полотна для домашняго обихода, третьи смотрятъ за дѣтьми и т. д.

Члены «задруги» обыкновенно женятся по очереди: рѣдко случается, что младшій ея членъ женится раньше старшаго. Жена покойнаго члена «задруги», въ случаѣ даже если и оставляетъ семью, вправѣ требовать выдѣла ей той части задружнаго имущества, которая ей осталась по смерти мужа, такъ какъ женщины не пользуются никакими правами въ «задругѣ»; она имѣетъ право только на полученіе доходовъ съ той части движимаго и недвижимаго имущества, которая была ей завѣщана покойнымъ ея мужемъ. Малолѣтніе не утрачиваютъ права на наслѣдство своихъ родителей: надъ ними обыкновенно назначается опекунъ, который выбирается изъ среды членовъ «задруги» и на обязанности котораго лежитъ охранять въ неприкосновенности ту часть задружнаго имущества, которая имъ досталась въ наслѣдство по смерти ихъ родителей. Если членъ «задруги» пожелалъ-бы кого-либо усыновить съ цѣлью завѣщать ему въ наслѣдство свое имущество, то необходимо испросить на то согласіе у остальныхъ ея членовъ.

О времени возникновенія «задругъ» мы не имѣемъ никакихъ историческихъ данныхъ. Можно только сказать, что это, крайне древнее семейное родовое учрежденіе, было сначала общее всѣмъ славянамъ. По мнѣнію славянскихъ ученыхъ, появленіе «задругъ» слѣдуетъ отнести къ доисторическому времени славянъ, тому времени, когда царствовала у нихъ личная и имущественная равноправность. Семейства, связанныя близкими узами родства, жившія подъ однимъ кровомъ, и составили «задругу». Понятно, что если всѣ члены «задруги» не находили себѣ помѣщенія въ одномъ домѣ, то пристраивали

новые дома и обыкновенно такимъ образомъ, что старый домъ занималъ середину площадки, вокругъ которой строились новые дома. Такимъ образомъ, первоначально названіемъ «задруги» обозначались члены извѣстной семьи, живущей на извѣстномъ поземельномъ участкѣ.

Свою древнюю родовую организацію хорваты перенесли и въ завоеванную ими страну. На хорватско-далматинской территоріи «задруги» уже пріобрѣли болѣе широкое значеніе: онѣ преобразовались такъ сказать въ родовыя учрежденія т. е. учрежденія, основанныя уже на родовомъ началѣ. Постоянная опасность, грозившая южнымъ славянамъ въ новомъ своемъ отечествѣ со стороны внѣшнихъ враговъ, побуждало первыхъ соединиться между собою тѣснѣе и тѣснѣе. Мы видимъ, что на поземельныхъ участкахъ, принадлежавшихъ «задругамъ», стали мало по малу образовываться села. Обыкновенно селу давали названіе либо соотвѣтственное тому имени, какое носилъ родоначальникъ извѣстного рода либо-же соотвѣтственное географическому положенію самаго села. Въ подтвержденіе вышесказаннаго можно привести настоящія названія хорватскихъ селъ: Орсичи, Цвѣтковичи, Власичи и т. д. Каждое село, составленное изъ нѣсколькихъ родственныхъ семействъ и извѣстное подъ общимъ названіемъ «слобода» *), имѣло землю, которая была собственностью не отдѣльныхъ лицъ, но всего населенія. Это общинное недвижимое имущество не раздроблялось, такъ какъ вопросъ о наслѣдствѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ теперь понимается, не былъ извѣстенъ славянамъ.

Посреди каждаго села стояла липа. Подъ раскидистыми ея вѣтвями велись дружественные разговоры, выбирались задружные старѣйшины и рѣшались всѣ общинныя дѣла. Такъ напримѣръ совершившаго какое-либо преступленіе, старѣйшина призывалъ къ «липѣ» и въ присутствіи всѣхъ членовъ «задруги» разсмотрѣвъ его дѣло, назначалъ ему наказаніе. Этотъ судъ былъ безъаппеляціоннымъ. Самымъ важнымъ наказаніемъ почиталось изгнаніе изъ «задруги». Чѣмъ дальше, тѣмъ больше славянская «задруга» принимала совер-

*) Можетъ статься, что селенія, въ былое время, носили названіе «слобода» (свобода), единственно потому, что южные славяне, дорожа своего индивидуальною свободой, строили свои селенія вдали одно отъ другаго.

шеннѣйшую форму, пока не достигла той степени развитія, удерживая которую она такъ много содѣйствовала сохраненію вѣры и народности среди славянъ.

Теперь разсмотримъ причины, почему древнее славянское родовое учрежденіе «задруга» стала утрачивать въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ свое первоначальное значеніе, а въ другихъ, какъ напримѣръ на территоріи древней дубровницкой республики, теперь и вовсе не существуетъ. Такихъ причинъ много. Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ.

1) Пожалованіе правъ и преимуществъ членамъ «задругъ». Мы выше замѣтили, что всѣ члены «задруги» пользовались одинаковыми правами. Эта равноправность членовъ задруги существуетъ и по настоящее время, но отъ времени до времени, подъ вліяніемъ политическихъ событій, въ «задругѣ» происходилъ нѣкотораго рода разладъ, который оставилъ по себѣ слѣды въ томъ, что нѣкоторые изъ ея членовъ за свои воинскія доблести стали получать особыя права и преимущества и возвышаться такимъ образомъ надъ народной массой. Членъ «задруги», занявъ привилегированное положеніе въ странѣ, обыкновенно покидалъ это родовое учрежденіе, взявши съ собою и принадлежавшую ему часть задружнаго имущества.

2) Государственный строй, созданный подъ вліяніемъ иноземнаго элемента, сталъ утверждаться на хорватско-далматинской территоріи и не могъ, съ теченіемъ времени, не произвести своего рода вліянія на положеніе и самой «задруги».

3) Эмансипація крестьянъ. Вслѣдствіе крестьянской реформы, и въ средѣ самихъ членовъ «задруги» проявилось стремленіе къ пріобрѣтенію права самостоятельно владѣть недвижимымъ имуществомъ, а слѣдовательно и стремленіе къ личной самостоятельности и къ свободѣ труда.

4) Образованіе. Пока образованіе не пустило еще корней въ народную почву, пока суевѣрныя представленія о различнаго рода явленіяхъ природы и о божествѣ смущаютъ народъ, до того времени онъ крѣпко держится своихъ преданій, живетъ, такъ сказать, опытомъ своихъ предковъ, строго соблюдаетъ обрядовую сторону своей жизни. Но съ постепеннымъ ходомъ цивилизаціи, съ постепеннымъ

проникновеніемъ въ народъ массы разнообразныхъ познаній, уравниваются болѣе или менѣе выдающіяся стороны его жизни; то что прежде обставлялось извѣстнымъ обычаемъ, перешедшимъ отъ предковъ, съ появленіемъ цивилизующаго начала, приноравливается уже болѣе къ удобствамъ человѣка, чѣмъ къ традиціямъ. Однимъ словомъ съ развитіемъ образованія въ странѣ, невольно стали проникать и въ среду членовъ «задругъ» единоличные интересы.

5) Спекулятивный духъ членовъ «задругъ». Въ прежнія времена «задруга» служила главнымъ рычагомъ къ развитію сельскаго хозяйства, такъ какъ число ея членовъ вполнѣ соотвѣтствовало объему поземельной ея собственности. Когда-же, со временемъ, «задруги» крайне увеличились и по числу своихъ членовъ и по владѣемой ими поземельной собственности, то онѣ стали дробиться на меньшія «задруги», понятно, съ отводомъ имъ поземельныхъ участковъ; въ концѣ концовъ вышло то, что однѣ задружныя земли были населены крайне мало, другія крайне много. На послѣднихъ поземельныхъ участкахъ рабочая сила стала мало цѣниться, а вслѣдствіе этого селяне этихъ участковъ стали оставлять свои сельскія занятія, не доставлявшія имъ нужныхъ средствъ къ существованію и начали ходить на заработки въ другія страны, мало по малу оставляя свои «задруги». Такимъ образомъ во многихъ мѣстахъ «задруга» была причиной упадка сельскаго хозяйства. Неурожаи и другія причины также побуждали селянъ пренебрегать своимъ сельскимъ хозяйствомъ и заниматься ремеслами, торговлею и т. д.

6) Политика австрійскаго правительства. Австро-венгерское правительство отчасти содѣйствуетъ уничтоженію «задругъ», такъ какъ онѣ, съ одной стороны, поддерживаютъ въ славянахъ сознаніе своей народности, съ другой уменьшаютъ имущественные доходы: можно взимать больше подати съ нѣсколькихъ отдѣльныхъ домовъ, чѣмъ съ одного.

7) Отмѣна военной системы управленія въ Военной Границѣ. Въ былое время первою обязанностью граничара являлась служба военная: каждый граничаръ, даже и пожилыхъ лѣтъ, былъ обязанъ, по первому призыву, вступить въ ряды войска. Весьма естественно, что граничары желали сплотиться въ одну семью, построенную на род-

ственномъ началѣ. Въ случаѣ ухода на войну, граничаръ былъ спокоенъ, что его жена и дѣти будутъ содержаться на счетъ «задружной» кассы. Съ отмѣной военной системы управленія въ Военной Границѣ миновала и потребность жить въ обществѣ другихъ лицъ.

И такъ «задруга», этотъ союзъ родства, существовавшій вѣками, цѣлыми поколѣніями, стала распадаться или, по мѣстному выраженію, «дѣлиться». Теперь посмотримъ, какъ происходитъ раздѣлъ задружнаго имущества. При раздѣлѣ недвижимаго имущества или сами члены «задруги», по взаимному соглашенію, раздѣляютъ его поровну, или поручаютъ двумъ-тремъ постороннимъ лицамъ произвести этотъ раздѣлъ. Хотя и существуетъ законъ, въ которомъ изложены правила относительно раздѣла задружнаго недвижимаго имущества, но иныя «задруги» и ихъ уполномоченные въ этомъ случаѣ руководятся своими личными соображеніями. Обыкновенно младшему брату всегда дается «очагъ», т. е. домъ, гдѣ раньше раздѣла собирались всѣ остальные братья. При раздѣлѣ выдѣляются также тѣ части задружнаго имущества, которыя составляютъ приданое дочерей членовъ «задруги». Впрочемъ, размѣръ приданаго дочери часто зависитъ отъ обычая извѣстной мѣстности. Когда бываетъ покончень раздѣлъ недвижимаго имущества, то составляютъ протоколъ, въ которомъ подробно говорится на долю кого что досталось; общинное управленіе скрѣпляетъ этотъ протоколъ.

Представивъ краткій очеркъ «задруги», мы не можемъ не упомянуть при этомъ о происхожденіи родовыхъ прозвищъ, которыя и по настоящее время находятся въ употребленіи у хорвато-далматинцевъ. Эти прозвища составлялись слѣдующимъ образомъ:

1. Брали имя старшаго въ родѣ и прибавляли къ нему окончанія: «овичь» или «евичь». Такъ, напримѣръ, если старшій въ родѣ носилъ имя «Цвѣтка», то его породичи получали произвище «Цвѣтковичь», а если онъ назывался «Милошемъ», то они носили названіе «Милошевичь».

2. Если старшій въ родѣ умиралъ раньше своей жены, то къ крестному имени сей послѣдней обыкновенно прибавляли окончаніе— «ичь«, какъ напримѣръ, отъ имени «Ружа» произошло прозвище

«Ружичь», отъ имени «Стана» — «Станичь», и эти прозвища уже переходили на ихъ родъ.

3. Иногда старшій въ родѣ, за особенности его характера либо за отличительныя его внѣшнія примѣты, получалъ соотвѣтствующее тому прозвище. Это прозвище переходило и на его родъ съ тою только разницею, что въ первомъ случаѣ прибавляли къ этому прозвищу окончаніе «ица», а во второмъ случаѣ — окончаніе «ина». Такъ, напримѣръ, если старшій въ родѣ былъ горячаго темперамента, то его обыкновенно называли «ватра» (огонь), его родъ получалъ названіе «ватрица»; если у него были длинныя руки, то обыкновенно его называли «рукавъ», а его родъ сохранялъ за собою названіе «рукавина». И до сихъ поръ сохранился между поселянами обычай давать своимъ односельчанамъ подобнаго рода прозвища. Такъ, напримѣръ, если у селянина большая голова, то его нерѣдко называютъ «главашемъ»; можетъ статься, что его родъ со временемъ будетъ извѣстенъ подъ именемъ: «главашица». Впрочемъ, намъ случалось слышать такія прозвища, происхожденіе которыхъ трудно объяснить. Въ одномъ хорватскомъ селѣ мы встрѣтили селянина, котораго односельчане прозвали «дошло» (пришло).

4. Окончанія — «ичь» и «евичь», о которыхъ мы выше говорили, иногда бывали присоединяемы къ тому слову, какимъ обозначалось званіе въ родѣ старшаго. Такъ, напримѣръ, если онъ былъ «воеводой», то его родъ носилъ названіе «воеводичь», отъ названія «прота» (протоіерей) произошло прозвище «Протичь», отъ званія «князь» — «Княжевичь».

И послѣ того, какъ задруга у южныхъ славянъ начала распадаться, у хорвато-далматинцовъ удержалось еще влеченіе установить договоръ взаимной помощи, дружбы, который-бы былъ на вѣки ненарушимъ. Этотъ договоръ, иначе сказать, союзъ дружбы, извѣстный подъ именемъ «побратимства», устанавливается иногда даже между христіанами и мусульманами. Узы дружбы, связывающіе двухъ «побратимовъ», считаются святыми и плохо бываетъ тому, кто посягнетъ нарушить ихъ. Разъ установившееся побратимство свято чтится въ душѣ славянина, даже хайдука, и только въ крайнемъ случаѣ ихъ нарушаетъ завѣтъ дружбы. Узы, соединяющіе двухъ побратимовъ,

скорѣе могутъ быть названы, по своей сущности, узами родства, чѣмъ дружбы; побратимство не только соединяетъ двухъ лицъ, заключающихъ этотъ союзъ, но и ихъ семейства. Побратимство сопровождается извѣстнаго рода церковными обрядами, такъ что этотъ союзъ часто является союзомъ, освященнымъ церковію. Разсмотримъ различные виды побратимства и укажемъ на тѣ способы, какими оно устанавливается. Побратимство бываетъ троякаго рода: а) побратимство неволи; б) мало-побратимство, и в) побратимство причесно.

а) Побратимство неволи. Этотъ родъ побратимства устанавливается въ томъ случаѣ, если кто спасетъ кого отъ неминуемой погибели или опасности. «Помоги мнѣ во имя Бога и св. Іоанна, и я возьму тебя за своего побратима», говоритъ находящійся въ опасности славянинъ, прося кого-либо о помощи и обѣщая ему считать его впредь своимъ побратимомъ. Когда этотъ послѣдній выручитъ его изъ опаснаго положенія, то они цѣлуются три раза и такимъ образомъ устанавливается между ними «побратимство неволи».

б. Мало-побратимство устанавливается между людьми, уже находящимися въ дружбѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оно обыкновенно заключается въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣлѣ. Въ означенный день, послѣ полудня, собираются момки (парни) и дѣвушки, заводятъ на лужайкѣ вблизи приходской церкви разныя игры и «дружатся» (дружичаю се *), по большей части момки съ момками, а дѣвушки съ дѣвушками, плетутъ вѣнки и сквозь нихъ цѣлуются — момки съ момками, а дѣвушки съ дѣвушками, затѣмъ взаимно обмѣниваются вѣнками и такимъ образомъ момки заключаютъ между собою «побратимство», а дѣвушки — «посестримство» на годъ. По прошествіи года побратимство и посестримство или снова возобновляется или расторгается.

в. Побратимство причесно. Оно состоитъ въ томъ, что два человѣка, между которыми уже заключено на годъ мало-побратимство, хотятъ упрочить свою дружбу новымъ болѣе долгимъ и прочнымъ союзомъ. Давши слово вѣчно сохранять дружбу, всегда оказывать

*) Поэтому и мало-побратимство иначе извѣстно подъ именемъ «дружичало».

другъ другу помощь, а въ случаѣ крайности даже жертвовать жизнію другъ за друга, два пріятеля идутъ въ церковь, гдѣ, снявши съ себя оружіе, садятся на извѣстное мѣсто, взявъ при этомъ въ руки по зажженной свѣчѣ. Около нихъ обыкновенно становится сельскій староста, держа также въ рукѣ зажженную свѣчу. Священникъ, во время обѣдни, подходитъ къ нимъ и спрашиваетъ: «что за причина, братъ?» На это старшій изъ нихъ отвѣчаетъ: «За любовь». Получивъ такой отвѣтъ, священникъ начинаетъ имъ объяснять важность даннаго имъ обѣта: «смотрите», говоритъ онъ, «чтобы въ послѣдствіи вамъ-бы не пришлось раскаяться въ своемъ поступкѣ; если вы разъ заключите вѣчное побратимство, то должны твердо держаться даннаго обѣта». Затѣмъ священникъ читаетъ особую на этотъ случай молитву и благословляетъ ихъ. Въ концѣ обѣдни, они троекратно цѣлуются и, выйдя изъ церкви, стрѣляютъ изъ ружей, чтобы придать бо́льшую торжественность заключенному ими братскому союзу. Родные обоихъ побратимовъ сопровождаютъ ихъ до дому, гдѣ было заключено побратимство и гдѣ ожидаетъ ихъ обѣдъ. За столомъ оба побратима садятся вмѣстѣ и должны пить изъ одной кружки *) и ѣсть хлѣбъ отъ одного куска. Во время обѣда, одинъ изъ нихъ провозглашаетъ слѣдующій тостъ: «за наше побратимство! дабы мы цѣлые годы пили и здоровы были, дабы одинъ справлялся о томъ, куда-бы другой пошелъ; вѣчно любили-бы другъ друга и не ссорились бы». Начиная съ этого дня, каждый изъ побратимовъ зоветъ отца другаго «поочимъ», мать «помайка», жену «невѣстка», сестру «посестрима», сына «посинакъ», брата «побратимъ». и, приходя въ его домъ, приноситъ всѣмъ домашнимъ по подарку, состоящему изъ шапки, платка или табаку и т. п. Въ случаѣ отъѣзда одного побратима жена остающагося даритъ уѣзжающему его пріятелю рубашку, платокъ или сапоги. При разлукѣ стрѣляютъ изъ ружей и говорятъ: «побратимъ, счастливый путь!» Этотъ родъ побратимства связываетъ крѣпкими, неразрывными узами побратимовъ и договоръ о вѣчной дружбѣ такъ свято соблюдается, что въ народѣ соста-

*) Въ приморской Хорватіи существуетъ обычай, что одинъ побратимъ кладетъ въ чашу вина каплю своей крови, а другой—долженъ выпить.

вилась даже поговорка: «родные братья могутъ ссориться, а побратимы никогда».

Договоръ дружбы, заключаемый между женщинами, какъ мы выше замѣтили, называется «посестримство» и установляется въ тѣхъ же случаяхъ, съ тѣми-же церемоніями и условіями, какъ и побратимство. Это вполнѣ родственный договоръ: двѣ «посестримы» какъ-бы двѣ родныя сестры; черезъ нихъ породнились ихъ семейства. Въ приморской Хорватіи посестримство заключается на канунѣ праздника сошествія св. Духа: каждая дѣвушка, предварительно сдѣлавъ изъ дерева крестъ и выбравъ себѣ подругу, идетъ съ ней на канунѣ означеннаго дня въ село Крижъ (въ Крайнѣ); тамъ заключается посестримство.

Но, кромѣ этихъ видовъ дружбы, существуютъ также союзы, заключаемые между мокомъ и дѣвушкой: узы побратимскаго родства ставятъ ихъ въ отношенія брата и сестры. Народъ крѣпко держится этой родственной стороны побратимства, такъ что мококъ не можетъ жениться на той дѣвушкѣ, съ которой заключенъ договоръ дружбы.

Мы вкратцѣ описали союзы дружбы, которые существуютъ на хорватско-далматинской территоріи. Чѣмъ болѣе будетъ такихъ союзовъ, тѣмъ народная масса все болѣе и болѣе будетъ объединяться; каждый славянинъ будетъ видѣть въ другомъ своего брата, связаннаго съ нимъ неразрывными узами родства хотя и духовнаго, нравственнаго, но такого, которое, пожалуй, имѣетъ бо́льшую силу, чѣмъ родство физическое. Дай Богъ, чтобы этотъ родственный кругъ все болѣе и болѣе расширялся, чтобы родственныя славянскія племена, вычеркнувъ изъ страницъ будущей своей исторіи слова «междоусобіе и война», устроили-бы свою жизнь на великомъ христіанско-славянскомъ началѣ—началѣ братства. Нужно желать, чтобы эти союзы, какъ обручальныя кольца, всегда соединяли славянъ другъ съ другомъ, поддерживая общее чувство народности.

II.

Сельскій календарь: причина его появленія; «бронице»; о значеніи праздника Рождества; народныя повѣрья, связанныя съ днемъ св. Лукіи и съ наступленіемъ весны; метеорологическія наблюденія селянина во время лѣта. - Обрядовая сторона полевыхъ работъ: посѣвъ хлѣба; «додола и прпоруше»; покосъ травы; жатва хлѣба; мельницы; сборъ винограда.

Много въ жизни южныхъ славянъ поэтическаго, многія древнія вѣрованія сохранили они неповрежденными; въ этомъ отношеніи и сельскій ихъ календарь, какъ проявленіе народной фантазіи, весьма интересенъ.

Ведя жизнь пастуховъ и пахарей, славяне-язычники, по своимъ обиходнымъ занятіямъ, должны были обнаруживать самое усиленное вниманіе ко всѣмъ явленіямъ природы, и дѣйствительно наблюденія ихъ отличались необыкновенною живостью и закрѣплялись мѣткимъ, живописующимъ словомъ. Смѣна годовыхъ временъ особенно рѣзко выставляла имъ то благодатныя, то разрушительныя свойства божества. Въ представленіяхъ народной фантазіи божество это распадалось на два отдѣльныхъ, враждебныхъ другъ другу, образа. Какъ мы видѣли, силы природы, въ ихъ вредныхъ вліяніяхъ, обыкновенно приписывались демоническимъ чудовищамъ; тѣже самыя силы, ради ихъ благодатныхъ вліяній, принимались за проявленія дѣятельности добрыхъ боговъ; между демонами и богами шли нескончаемыя битвы за владычество, и въ извѣстное время одни изъ нихъ осиливали другихъ. Весьма естественно, что славянина крайне интересовало знать, успѣетъ-ли одна сила вполнѣ одолѣть другую, и судя поэтому, онъ дѣлалъ свои соображенія на счетъ того, можетъ-ли онъ расчитывать на хорошій урожай или нѣтъ.

Еще въ глубокую зиму селянинъ производитъ различнаго рода наблюденія надъ погодой и, по извѣстнымъ примѣтамъ, судитъ о томъ, какова будетъ погода въ теченіи всего года. Начиная со дня, въ который христіанская церковь празднуетъ память святой мученицы Лукіи, иначе сказать съ 13-го декабря и до 26-го декабря, народъ внимательно наблюдаетъ надъ состояніемъ погоды; такъ какъ эти 12 дней, которые носятъ особое названіе

«брояннце», представляютъ собою, по народному понятію, 12 мѣсяцевъ, то народъ слѣпо вѣритъ, что какова была погода въ каждый изъ означенныхъ дней, такова погода будетъ и въ тѣ мѣсяцы, которые соотвѣтствуютъ этимъ днямъ. Впрочемъ, народъ придерживается и другихъ примѣтъ, по которымъ онъ уже заранѣе старается предугадать—какова погода будетъ въ теченіи всего года. Эти примѣты основаны на томъ, на какой день падаетъ праздникъ Рождества Христова. Если Рождество приходится въ воскресенье, то, по народному понятію, это означаетъ, что весна и осень будутъ дождливые, лѣто сухое, а зимой хотя будутъ дуть сильные вѣтры, все таки погода будетъ ясная. Если Рождество Христово приходится въ понедѣльникъ, то весной и зимой будетъ стоять теплая погода, лѣто—вѣтряно, а осень—дождлива.—Если во вторникъ, то весна—дождлива, лѣто—сухое, осень—ясная, а зима—снѣжная и продолжительная. Если въ среду, то весна—бурная, лѣто—теплое, осень—сухая, а зима холодная. Если въ четвергъ, то весна—дождливая, лѣто—жаркое, осень—ясная, а зима—теплая; если въ пятницу, то весна—вѣтряная, лѣто—сухое, осень—теплая, а зимой—сильная стужа, если въ субботу, то весна и лѣто—вѣтряны, осень—холодная и дождливая, а зима—теплая. Мы должны при этомъ замѣтить, что если вѣтеръ дуетъ наканунѣ Рождества, то, по народному повѣрью, онъ будетъ дуть и втеченіи всего года. Впрочемъ, юго-славянинъ придумалъ даже средство узнавать, какова будетъ погода въ будущемъ году въ день Рождества. Съ этою цѣлью онъ раскалываетъ репейникъ и если находитъ въ немъ два полныхъ зерна, то съ увѣренностью утверждаетъ, что въ означенный день будетъ дождливая погода.

Весьма естественно, что всѣ эти метеорологическія наблюденія селянина сводятся къ тому, чтобы узнать какова будетъ жатва въ наступающемъ году. Онъ разсчитываетъ на хорошій урожай только тогда, когда праздникъ Рождества приходится въ воскресенье или во вторникъ, если онъ падаетъ на среду или четвергъ, то это предвѣщаетъ хорошій сборъ винограда. Существуетъ еще одно народное повѣрье, связанное съ днемъ св. Лукіи. Рано по утру въ этотъ день встаетъ хозяинъ дома и идетъ въ хлѣвъ и наблюдаетъ, какъ спятъ жи-

вотныя? Если они подогнули подъ себя ноги, то это предвѣщаетъ дурной годъ; если-же спятъ съ вытянутыми ногами, то предстоитъ урожайный годъ.

Но вотъ наступаетъ весна—преддверіе лѣта. Съ началомъ весны связано слѣдующее народное повѣрье: назадъ тому много лѣтъ, какая-то баба, въ началѣ марта мѣсяца, выгнала на гору свою молодую козу. Вдругъ подулъ вѣтеръ и сталъ падать снѣгъ. Несмотря на то, она нисколько не испугалась и не только не пожелала вернуться домой, но напротивъ обратилась съ слѣдующими словами къ суровому мѣсяцу марту: «козелъ мартъ, мы не боимся тебя: мои козы о пяти рогахъ». Услышавъ такую рѣчь, разгнѣвался еще болѣе мартъ, отнялъ нѣсколько послѣднихъ дней у февраля и разразился снѣгомъ и холодомъ. Женщина, неиспугавшаяся разгнѣванныхъ силъ природы, вмѣстѣ съ своею козой, замерзла и окаменѣла отъ холода. «И до сихъ поръ», говоритъ народъ, «на вершинѣ одной горы можно видѣть два камня: большой—это окаменѣлая баба, а около нея маленькій — окаменѣлая коза; и до сихъ поръ весенній мѣсяцъ мартъ держитъ при себѣ захваченные имъ отъ февраля холодные дни». Это повѣрье такъ глубоко вкоренилось въ народѣ, что онъ не преминулъ означить особыми названіями состояніе погоды въ мартѣ мѣсяцѣ: если снѣгъ падаетъ въ мартѣ, то обыкновенно его называютъ «бабини ярци» (бабьи козы), а если стоитъ весьма теплая погода, то говорятъ, что теперь «бабино лѣто» (бабье лѣто). Мы не можемъ не привести при этомъ одну поговорку, которая находится въ употребленіи у селянъ въ Далмаціи: «se gennaio non genniza, se febbraio non febbriza, marzo genniza, febbriza, marziza». Когда слышатся въ первый разъ раскаты грома, то селянинъ начинаетъ считать число дней, остающихся до Георгіева дня: по народному понятію, столько крейцеровъ (старыхъ) будетъ стоить осьмина (Metze) жита, сколько осталось дней до означеннаго праздника.

По мѣрѣ приближенія лѣта, селянинъ начинаетъ внимательно слѣдить за состояніемъ погоды. Если идетъ дождь въ великій пятокъ, то это предвѣщаетъ неурожайное лѣто. Если дождь пошелъ въ день св. Урбана (25-го мая), то онъ не будетъ

переставать, по мнѣнію народа, въ теченіи сорока дней. Но вотъ черныя тучи заволакиваютъ небо, перекаты грома становятся все чаще и чаще: селяне спѣшатъ либо звонить на церковной колкольнѣ, либо стрѣлять изъ ружей, а иногда выносятъ изъ дома освященныя въ Рождество розы, надѣясь тѣмъ прогнать демоническую силу природы. Если происходитъ другое явленіе и дискъ солнца темнѣетъ, а по землѣ распространяется мракъ, то селяне спѣшатъ стрѣлять изъ ружей, направивъ ихъ на солнце: они думаютъ этимъ защитить солнце отъ невѣдомаго врага. «Солнце пожирается», говоритъ въ страхѣ народъ.

Представивъ нѣкоторыя свѣдѣнія о сельскомъ календарѣ, мы не можемъ не обратить вниманія читателя и на бытовую сторону жизни народа т. е. на тѣ его обряды, которыми онъ обставляетъ свой производительный трудъ. Много зависитъ отъ увѣренности рабочаго человѣка, что онъ дѣйствительно достигнетъ своей цѣли т. е. исполнитъ хорошо работу. Эта увѣренность подогрѣвается различнаго рода предзнаменованіями, онъ старается направить силы природы въ свою пользу и вотъ появляется цѣлый рядъ обычаевъ и обрядовъ.

Каждый хозяинъ выбираетъ себѣ время для посѣва. Наблюдательный селянинъ замѣчаетъ, что погода обѣщаетъ много хорошихъ дней въ будущемъ; его мысль проясняется и онъ начинаетъ съ полною энергіей бороздить родную ему почву. Начиная со дня посѣва и въ теченіе всего года не слѣдуетъ поливать земли ни кипяткомъ, ни щелокомъ, что объясняется желаніемъ, чтобы жито было чисто отъ чернухи. Въ день, назначенный для посѣва, сѣятель, будь это хозяинъ дома или кто-либо другой, одѣвается чисто. Въ окрестностяхъ города Дьяковаря (въ Славоніи) существуетъ обычай сначала посыпать землю пепломъ, затѣмъ кропить ее водой и только тогда уже начинаютъ сѣять. Въ двойную сумку (бисаге) кладутъ рождественскія свѣчи, которыя тамъ остаются съ перваго дня посѣва до окончанія его. Въ окрестностяхъ г. Дьяковаря не употребляютъ для посѣва двойныхъ сумокъ, но мѣшечки. Нижній уголъ мѣшка связывается веревочкой и поддерживается лѣвою рукой, а другую часть мѣшка прикрѣпляютъ къ плечу и такимъ

образомъ сѣютъ. Прежде чѣмъ начать сѣять, возносятъ молитву Божьей Матери и Іисусу Христу, прося ихъ о помощи, чтобы они надѣлили ихъ своимъ святымъ благословеніемъ и увѣнчали ихъ трудъ успѣхомъ. Потомъ подымаются и начинаютъ сѣять съ непокрытою головой, непрестанно молясь Богу; затѣмъ сѣятель встаетъ, посмотритъ на солнце и взываетъ: «Всемогущій Боже, Творецъ всего! удостой меня своею милостью, чтобы мой посѣвъ былъ такъ чистъ, какъ чисто солнце и плодотворенъ и обиленъ, какъ несчетныя звѣзды на небѣ». Не довольствуясь мольбой къ Творцу міра, селянинъ прибѣгаетъ и къ разнаго рода колдовствамъ. Такъ существуетъ обычай, что весной, въ первое воскресенье послѣ новолунія, до восхода солнца, хозяинъ идетъ на свою ниву и тамъ произноситъ всякаго рода заклинанія и прибѣгаетъ къ разнымъ колдовствамъ, чтобы избавить жито отъ чернухи. Между прочимъ, онъ беретъ концомъ своего платья росу и бросаетъ ее на сосѣднее жито, вѣруя, что этимъ бросаетъ чернуху и куколь съ своей нивы на сосѣднюю.

Если лѣто бываетъ очень сухое и жаркое и солнце начинаетъ сжигать посѣвы на нивахъ, то селяне прибѣгаютъ къ различнаго рода обрядамъ, послѣдствіями которыхъ, по мнѣнію народа, бываетъ освѣжительный дождь. Укажемъ здѣсь на два обряда: «додола», который находится въ употребленіи въ Славоніи и «прпоруше»— въ южной Далмаціи. Нѣсколько дѣвушекъ ходятъ, во время засухи, по селу изъ дома въ домъ, распѣвая пѣсни, на этой случай составленныя, и извѣстныя подъ именемъ «додольскихъ пѣсень». Эти пѣсни содержатъ въ себѣ мольбу, чтобы Богъ послалъ дождь и оросилъ нивы и за каждымъ стихомъ слѣдуетъ припѣвъ: «ой додо, ой додоле». Вотъ примѣръ такой пѣсни:

Наша дода Бога моли, ој додо! ој додоле!
Да удари росна киша, ој додо! ој додоле!

(Наша додола проситъ Бога, чтобы пошелъ дождь) или

Ми идемо преко села,
А облаци преко неба.
А ми брже, облак брже;
Облаци нас претекоше,
Жито, вино поросише.

(Мы идемъ чрезъ село, а облака—по небу; мы быстрѣе и облака—быстрѣе. Облака насъ перегнали, жито, виноградъ оросили).

Одна изъ дѣвушекъ раздѣта до гола, но обвернута листьями и цвѣтами, такъ что изъ-за нихъ совсѣмъ не видать ея наготы. Эта дѣвушка называется «додола», а отъ нея и самый народный обрядъ носитъ тоже самое названіе. «Додола», одѣтая въ зелень и цвѣты и сопровождаемая толпою дѣвушекъ, изображаетъ богиню весны, шествующую надъ полями и нивами съ свитою полногрудныхъ нимфъ, за которыми стремительно гонятся въ шумѣ весенней грозы Перунъ и его спутники, настигаютъ ихъ разящими молніями и тѣмъ самымъ вступаютъ съ ними въ любовный союзъ. «Облак» въ сербскихъ пѣсняхъ служитъ метафорическимъ обозначеніемъ жениха. Происхожденіе «Додолы» можетъ быть объяснено именно этимъ своеобразнымъ воззрѣніемъ древнихъ славянъ на явленія природы; во всякомъ случаѣ современная «додола» олицетворяетъ собою роскошную растительность, которая-бы могла покрывать данную мѣстность, еслибы только дождь пролилъ на нее свою освѣжительную влагу. Поэтому, когда «додола», въ сопровожденіи дѣвушекъ подходитъ къ дому, то кто-либо изъ домашнихъ беретъ котелъ съ водой и выливаетъ ее на «додолу»; она же начинаетъ плясать, быстро поворачиваясь то вправо, то влѣво и тѣмъ выражаетъ, что природа оживляется; звучное пѣніе дѣвушекъ дополняетъ ликованіе природы. Въ южной Далмаціи мѣсто «додолы-дѣвицы» заступаетъ не женатый мужикъ, котораго зовутъ «прпац»; товарищей его (все холостые парни) называютъ «прпоруше»; самый обрядъ существенно ничѣмъ не отличается отъ додольскаго: также одѣваютъ своего предводителя зеленью и цвѣтами, обливаютъ его передъ каждою избой и поютъ о ниспосланіи плодородія. Приведемъ начало одной изъ пѣсень на этотъ случай составленныхъ:

Прпоруше ходиле,
Терем Бога молиле
Да нам даде кишицу,
Да намъ роди година,
И шеница бјелица,
И винова лозица,
И невјеста hетиhа
До првога Божиhа.

(Прпоруше ходили и просили Бога, чтобы пошелъ дождь, чтобы родилась у насъ въ этомъ году и бѣлая пшеница и виноградная лоза росла и невѣста дѣтей принесла-бы къ ближайшему празднику Рождества). «Прпац» представляетъ бога-громовника, какъ додолабогиню громовницу.

Полевыя работы раздѣлены между мужчинами и женщинами; разумѣется на долю первыхъ выпадаютъ всѣ тѣ, которыя требуютъ физической силы и ручной ловкости. Полевыя работы начинаются съ покоса травы. Мы не считаемъ лишнимъ при этомъ замѣтить, что исключительно только мужчины занимаются покосомъ травы и употребляютъ для этого косы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при покосѣ травы, придерживаются своего рода обычаевъ. Такъ наканунѣ сѣнокоса, владѣлецъ луга приглашаетъ своихъ сосѣдей придти ему на помощь. Первый, кто придетъ на лугъ и закоситъ, именуется «косбаша», ибо ранѣе другихъ пришелъ. Въ теченіи этого дня, онъ неограниченный господинъ и чтобы онъ не приказалъ—надлежитъ исполнить; онъ можетъ даже бить непокорныхъ. Второй пришедшій именуется «вузбаша», а прочіе—«косцы» (косари). Утромъ въ 7 часовъ они ѣдятъ (заручати)—сыръ, хлѣбъ и пьютъ ракіе; около 10 часовъ обѣдаютъ (ручати)—супъ, овощи и мясо; въ 2 часа ужинаютъ (вечеряти) то, что остается отъ обѣда и въ 5 часовъ снова ѣдятъ (ловрати), что нибудь мясное или мучное. Одинъ изъ домашнихъ ничего другаго не дѣлаетъ. какъ только приноситъ изъ дому свѣжую воду и вино, а обыкновенно молодая дѣвушка приноситъ на головѣ съѣдобное. Всякій разъ, какъ момокъ приходитъ со свѣжею водой и виномъ, долженъ обратиться къ «косбашѣ» примѣрно съ слѣдующими словами: «желаю тебѣ здоровья, косбаша! Не уморился-ли ты? Вотъ я кой-что принесъ, чѣмъ можно себя немного подкрѣпить, чтобы душа изъ тебя не вышла и ребра твои сдѣлались-бы крѣпче». Косбаша пьетъ и даетъ поочередно косарямъ. Когда всѣ попьютъ и поострятъ косы, то начинаютъ далѣе косить. Итакъ, если хозяинъ приглашаетъ своихъ сосѣдей на сѣнокосъ, то косарскія работы ему дорого обходятся: онъ долженъ всего много приготовить, такъ какъ они много ѣдятъ и пьютъ.

Косари, работая, поютъ веселыя пѣсни, звуки которыхъ далеко

разносятся по обширнымъ лугамъ; когда они поютъ, то обыкновенно раздѣляются на двѣ стороны: одни поютъ одинъ стихъ, другіе — другой. Каждый стихъ начинается словами: «ей», «ой», «кой», которыя поются довольно протяжно, а слѣдующія слова стиха больше говорятся, чѣмъ поются, за исключеніемъ послѣдняго слова, которое такъ долго тянется, пока другіе косари не начнутъ пѣть слѣдующій стихъ. Подъ вечеръ, когда смеркнетъ, косари замотаютъ косы въ траву, положатъ ихъ въ телеги или держа ихъ въ рукахъ, пляшутъ, а позднѣе или пѣшкомъ или сѣвши въ тѣлеги возвращаются съ пѣснями домой и при этомъ кто-либо изъ нихъ играетъ на свирѣли.

Когда покосъ травы поконченъ, то поселянки съ веселыми пѣснями начинаютъ убирать сѣно и укладывать его въ стоги и съ веселыми-же пѣснями вечеромъ возвращаются домой съ работы. Впрочемъ какъ при покосѣ травы, такъ и при уборкѣ сѣна существуютъ нѣкоторые предразсудки и повѣрья, съ которыми мы не считаемъ лишнимъ познакомить читателя. Женщины берутъ для себя первую траву, которую скоситъ косбаша. По народному понятію, эта трава, если будетъ приложена къ животу беременной женщины, облегчаетъ ея роды. Другіе-же сохраняютъ первую скошенную траву въ хлѣвахъ, чтобы скотъ былъ здоровъ, а если на волахъ появляются раны отъ запряжки, то прикладываютъ эту траву къ ранамъ и т. п. При уборкѣ сѣна, когда въ полдень на колокольнѣ сельской церкви раздается обычной звонъ «angelus», женщины обыкновенно берутъ семь стебельковъ и прежде окончанія звона, кладутъ себѣ за пазуху. Пришедши домой, обвертываютъ ихъ каждый отдѣльно въ тряпки. На седьмой день, въ полдень, когда звонятъ на колокольнѣ, семь разъ молятся Божьей Матери и сожигаютъ ихъ. Этотъ пепелъ, по народному понятію, служитъ хорошимъ средствомъ отъ головныхъ болей; если беременная женщина выпьетъ семь разъ настоя воды изъ этого пепла, то легче родитъ.

Но вотъ наступаетъ жатва хлѣба. При жатвѣ, хозяинъ работаетъ вмѣстѣ съ своими сосѣдями. Два, три семейства сходятся и работаютъ сначала на полѣ одного, затѣмъ другаго и т. д. Дѣ-

вушки *) срѣзываютъ колосья серпомъ, а затѣмъ съ осторожностью, чтобы ни одно зерно не выпало, полагаютъ ихъ на землю, а селяне, связавъ колосья въ снопы, ставятъ ихъ на полѣ; а по окончаніи жатвы, селяне, сложивъ всѣ снопы на телѣги, отвозятъ ихъ на дворъ хозяина поля, гдѣ выбиваютъ палками зерна изъ колосьевъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ въ Славоніи и въ окрестностяхъ Вараждина, гдѣ тянутся на большое разстояніе поляны, на которыхъ сѣютъ только хлѣбъ, селяне снимаютъ его косою и обыкновенно выбиваютъ зерна изъ колосьевъ на мѣстѣ самой жатвы. Въ концѣ жатвы проявляется тоже благочестіе въ жнецахъ и жницахъ, какъ и въ началѣ ея. Хотя въ характерѣ южнаго славянина замѣчается нѣкоторая доля лѣности, все таки онъ въ одно и то-же время и работаетъ и веселится, чего мы не встрѣчаемъ у другихъ народовъ. Приведемъ здѣсь пѣсни, которыя поются во время жатвы, въ окрестностяхъ Загреба.

1) Утромъ, когда поселяне и поселянки отправляются на полевыя работы:

Румяная моя роза,
Какъ красиво ты появилась;
Какъ солнце изъ-за горы,
Какъ Іисусъ отъ матери.

2) Въ полдень:

О, студеная моя росица!
Тобою моется красная дѣвушка;
Она-то собирается къ обѣднѣ
Къ Матери Божіей Быстрицкой.

3) Вечеромъ, когда поселяне и поселянки возвращаются домой съ полевыхъ работъ:

Гудѣли днемъ два колокола
А еще величественнѣе вечеромъ,
Проходили мимо насъ два братца,
Они оба были крайне грустны.

***

Что съ вами случилося?
Отчего вы такъ грустны?
Какъ не быть намъ грустными,
У насъ жены поссорились.

***

*) Женщины въ особенности матери семействъ остаются дома для хозяйства и только обработываютъ близъ лежащій огородъ.

Успокойтесь вы, братцы.
Завтра будутъ двѣ ярмарки,
Купите ремни кожаные
И бейте имъ своихъ женъ по вечерамъ,

***

Маленькихъ дѣтей по утру
И молодыхъ юнаковъ каждый день,
А молодыхъ дѣвушекъ—никогда.

По окончаніи жатвы, селяне и поселянки идутъ работать на полѣ мѣстныхъ помѣщиковъ. Жатва продолжается нѣсколько дней, смотря по обширности полей землевладѣльцевъ. Когда жатва покончена и стебли связаны въ снопы, парни и дѣвушки, въ послѣдній разъ передъ окончаніемъ работъ, совершаютъ слѣдующій обрядъ: момки выбираютъ изъ среды своей самаго красиваго парня и украшаютъ его шапку букетомъ, составленнымъ изъ травы и цвѣтовъ; онъ называется «краль». Въ свою очередь дѣвушки также выбираютъ между собою наикрасивѣйшую, которую одѣваютъ въ праздничное платье; на ея голову кладутъ вѣнокъ, который бываетъ сплетенъ изъ лучшаго колоса, а къ платью прикалываютъ цвѣты и ленты: она носитъ названіе «кралицы». Послѣ вечерняго звона «angelus», вся эта ватага жнецовъ и жницъ, вооруженная косами и серпами и предшествуемая «кралемъ» и «кралицей», отправляется, распѣвая пѣсни, къ хозяину поля. Подошедши къ воротамъ хозяйскаго дома, всѣ они становятся въ рядъ и начинаютъ пѣть слѣдующую пѣсню:

Изъ зеленаго стебля и зеленой травки
Марія свила золотой вѣнокъ;
Идутъ предъ домъ господъ,
Приносятъ туда золотой вѣнокъ,
Да дастъ имъ Іисусъ здоровье.

если къ нимъ выходитъ одна хозяйка, то момокъ-краль, снимая съ своей шапки букетъ, а дѣвушка-кралица — съ своей головы вѣнокъ, подносятъ все это владѣтельницѣ поля, гдѣ была жатва, выражая тѣмъ особенное уваженіе и почтеніе къ ея особѣ. Если же выходитъ помѣщикъ съ помѣщицей, то первому даютъ букетъ, а второй—вѣнокъ. Получивъ такой подарокъ, помѣщикъ даритъ «кралю» и «кралицѣ» нѣсколько серебряныхъ монетъ, а жнецамъ велитъ дать вина, которое они и пьютъ за его здоровье. Въ иныхъ мѣстахъ

бываетъ затѣмъ пляска, въ которой и семейство помѣщика принимаетъ участіе. Этотъ обычай напоминаетъ то время, когда существовало равенство между славянами. Помѣщица вѣшаетъ вѣнокъ въ углу комнаты, гдѣ онъ и остается до дня св. Матѳея. Въ этотъ день селяне носятъ въ церковь чистыя зерна для освященія. Во время посѣва, эти зерна мѣшаются съ остальными сѣменами и ими дѣлаютъ первый посѣвъ.

Говоря о жатвѣ хлѣба, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о мельницахъ. Съ особымъ торжествомъ празднуется постановка жернововъ. Въ большинствѣ случаевъ мельницы составляютъ собственность цѣлой общины, а потому и въ торжествѣ этомъ принимаютъ участіе всѣ члены общины. Сначала идутъ попарно парни и дѣвушки, одѣтые въ праздничные костюмы и украшенные цвѣтами; поютъ пѣсни и тихо подвигаются ко вновь построенной мельницѣ; затѣмъ попарно ведутъ воловъ и лошадей (также украшенныхъ цвѣтами), которыя везутъ жернова. На жерновахъ сидитъ «кетушъ» (хозяинъ мельницы, если мельница принадлежитъ отдѣльному лицу) съ чутурой вина (деревянный сосудъ), идутъ «дудаши» (музыканты), которые не переставая играютъ на своихъ инструментахъ. При постановкѣ жернововъ, священникъ кропитъ ихъ святою водой и читаетъ молитву.

Сборъ винограда сопровождается особымъ празднествомъ, которое проводится весьма шумно. Въ виноградникѣ собирается семейство хозяина и большинство его знакомыхъ. Тамъ разводятся огни, хозяйка жаритъ на вертелѣ ягненка, мужики стрѣляютъ изъ ружей, молодое вино (масть) льется рѣкою, веселая пѣсня раздается повсюду, на лицахъ всѣхъ присутствующихъ замѣтно непритворное веселіе. Послѣ обѣда начинаются танцы, которые продолжаются до поздней ночи. Это празднество длится нѣсколько дней.

И такъ полевыя работы представили обширное поле народной фантазіи, и она обставила ихъ разнообразными обрядами, появившимися подъ вліяніемъ своеобразнаго взгляда славянина на явленія окружающей его природы.

III.

Бытовая сторона жизни хорвато-далматинцевъ: внѣшній ихъ видъ; описаніе крестьянской избы; пища; обычныя занятія сельскаго населенія; одежда; взглядъ селянина на ученаго; гостепріимство; базарные дни; храмовые праздники; замѣтка о сельскихъ шинкахъ и харчевняхъ.

Хорваты и сербы, живущіе въ Хорватіи, Славоніи и Военной Границѣ, вообще обладаютъ представительною наружностью. Жители сѣверныхъ окраинъ большею частію средняго роста, жители южныхъ окраинъ отличаются высокимъ ростомъ; всѣ они крѣпкаго тѣлосложенія, плечисты и весьма красивы. Много говорится въ славянскихъ пѣсняхъ о красотѣ и удали хорватско-сербскаго юнака; могучая пѣсня славянскаго барда прозвучала и о его мужествѣ. Женскій полъ отличается крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, но отнюдь не красотою. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ то: въ Мославинѣ и Туропольѣ, женщины славятся красотою и вообще не мало заботятся о своей наружности.

Смотря по мѣстности, крестьянскія избы (кутья) строятся изъ камня или глины, смѣшанной съ соломой (именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ ни лѣсу, ни камня) съ деревянною или соломенною крышей. Одна изба стоитъ нѣсколько поодаль отъ другой, вокругъ избы обыкновенно растутъ яблони и сливы. Войдемъ теперь въ скромную хату юго-славянина; посмотримъ какъ онъ живетъ и чѣмъ питается.

Крестьянская изба обыкновенно состоитъ изъ трехъ комнатъ или отдѣленій. Входятъ въ большую комнату (соба), которая служитъ и кухней, и столовой, и спальней для дѣтей, и гардеробомъ. Вправо большая печь, на которой обыкновенно дѣти спятъ; влѣво у стѣнки стоитъ длинный столъ, двѣ скамьи возлѣ стола, два-три стула, одинъ или нѣсколько ткацкихъ станковъ, да еще «ладица» (деревянный сундукъ, который служитъ женскимъ гардеробомъ), приклеенныя къ стѣнамъ изображенія святыхъ, да гдѣ-нибудь на гвоздѣ виситъ праздничный нарядъ хозяина дома: вотъ и вся внѣшняя обстановка этой комнаты. Въ шкапу, сдѣланномъ въ стѣнѣ, хранится

домашняя посуда. Изъ этой комнаты одна дверь ведетъ въ кладовую (комора), другая въ небольшую, темную комнату, гдѣ спитъ хозяинъ съ хозяйкой. Кровать деревянная, на ней матрацъ обыкновенно сдѣланный изъ листьевъ со стеблей кукурузы. Позади дома помѣщается хлѣвъ для скота.

Пища селянина весьма незатѣйливая; въ большинствѣ случаевъ, она состоитъ изъ земледѣльческихъ продуктовъ. Мать—сыра—земля кормитъ славянина: рѣдко за обѣдомъ крестьянина подаются такія отборныя кушанья, какъ жареные ягнята, гуси или свиньи; большею частію эти блюда, какъ роскошь, подаются только въ особенно важныхъ случаяхъ. Обыкновенною пищею селянина служитъ хлѣбъ изъ кукурузной муки, желтый какъ шафранъ; въ слѣдствіе свойства муки, онъ крайне тяжелъ для желудка и неудобоваримъ. Хлѣбъ этотъ печется одинъ разъ въ недѣлю, именно по субботамъ, и селяне умѣютъ его такъ хорошо сохранить, что онъ остается свѣжимъ въ продолженіи цѣлой недѣли. Въ Военной Границѣ пекутъ хлѣбъ ежедневно, а иногда два, три раза въ день. Это происходитъ отъ того, что тамъ нѣтъ печей для печенія хлѣба; его пекутъ въ желѣзномъ котлѣ (пека), не употребляя въ тѣсто дрожжей. Поэтому слѣдуетъ его скоро ѣсть, иначе онъ испортится. Хлѣбъ тамъ ѣдятъ даже съ картофелемъ и вообще онъ потребляется въ большомъ количествѣ. Пищею селянина служатъ также различнаго рода каши (гречневая, кукурузная), которыя носятъ общее названіе «жганице», бобы, кислая капуста, сыръ и молоко, а въ прирѣчныхъ и приморскихъ мѣстностяхъ рыба. Всякая пища запивается виномъ или «сливовицей» (особый сортъ водки, приготовляемой изъ сливъ).

Пряденіе льна и конопля является обычнымъ занятіемъ поселянина въ зимніе, длинные вечера; изъ нихъ они ткутъ полотно, которое идетъ на домашнее употребленіе. Поселянки прядутъ также овечью шерсть, изъ которой на первобытныхъ ткацкихъ станкахъ выдѣлываютъ грубое сукно. Впрочемъ поселянки въ Славоніи и Военной Границѣ ткутъ изъ овечьей шерсти ковры, поясы, одѣяла, «торбы» (сумки), «кабаницы» (плащи) и т. д.

Костюмъ славянина разнообразится, смотря по мѣстности. Мужчины носятъ на ногахъ вязанные чулки — «чарапе» и

«опанци» (родъ башмаковъ, дѣлаемыхъ изъ бычачьей кожи), которые привязываются къ ногѣ ремешками, называемыми «опутъ». Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ на границѣ Крайны и Штиріи, селяне носятъ сапоги «чизмы», обвертываютъ ноги въ тряпки. Затѣмъ они носятъ широкіе, бѣлые, полотнянные шаровары—«гатье», подпоясанные краснымъ поясомъ съ длинными концами. Если селяне носятъ «опанци», то ихъ шаровары спускаются до самой ступни, а если «чизмы», то шаровары обыкновенно бываютъ въ нихъ вложены. Затѣмъ они носятъ бѣлую рубашку—«кошуля», жилетъ—«іечерма» изъ темно-синяго или голубаго сукна или жилетъ изъ чернаго сукна, носящій названіе «сурина», или же, какъ напримѣръ въ Военной Границѣ, однобортный жилетъ, называемый «лайбецъ», изъ голубаго или краснаго сукна: онъ вышитъ спереди нитками разныхъ цвѣтовъ, вдоль борта находится рядъ одна около другой пришитыхъ пуговицъ. Поверхъ жилета они носятъ суконную куртку — «кожухъ»: лѣтомъ—безъ рукавовъ, а зимой—съ рукавами. Кромѣ того, въ зимніе мѣсяцы надѣваютъ «кабаницу»—нѣчто въ родѣ плаща изъ толстаго бѣлаго или чернаго сукна, обыкновенно вышитаго различными узорами. Во внутреннихъ частяхъ Хорватіи, этотъ плащъ—обыкновенно широкій, длинный, изъ толстаго бѣлаго сукна, сзади имѣетъ видъ квадратной перелинки и украшается краснымъ сукномъ или разноцвѣтными шнурами. Черезъ плечо юго-славянинъ носитъ «торбу» т. е. сшитый изъ парусины или вытканный изъ шерсти мѣшокъ, на лицевой сторонѣ котораго обыкновенно вышиты различныя фигуры: кругомъ онъ обшитъ широкою бахромой. Бѣлая или черная войлочная шляпа (шеширъ) съ широкими полями покрываетъ голову хорвата. Таковъ національный его костюмъ. Жители мѣстностей, сосѣднихъ съ Турціей, носятъ за поясомъ цѣлый арсеналъ оружія, а на головѣ—фесъ.

Женскій костюмъ менѣе сложенъ, чѣмъ мужской, и смотря по мѣстностямъ, разнообразится. Замужнія женщины обыкновенно носятъ на ногахъ бѣлые чулки (бѣчва) и черные «опанци», а дѣвушки—красные чулки, красные «опанци». Необходимою принадлежностью костюма хорватки является рубашка — «кошуля», которая, смотря по мѣстностямъ, бываетъ различной величины и

разнообразныхъ цвѣтовъ, равно какъ имѣетъ разнообразныя украшенія. Такъ во внутреннихъ частяхъ Хорватіи поселянки носятъ длинныя, бѣлыя рубашки, вышитыя на груди и на рукавахъ или красною матеріею или красною шерстью, а иногда и серебряными и золотыми нитками. Эти рубашки обыкновенно подвязываются краснымъ поясомъ. Въ мѣстностяхъ, пограничныхъ съ Крайной и Штиріей, носятъ двѣ бѣлыхъ рубашки: короткую съ длинными рукавами, которые застегиваются, и поверхъ ея длинную безъ рукавовъ, которая стягивается у ворота шнуркомъ. Вблизи Вараждина, гдѣ мало воды для мытья, поселянки носятъ рубашки изъ полотна темно-синяго цвѣта съ бѣлыми пятнышками. Поверхъ рубашки носятъ суконное одѣяніе «кожухъ» (въ родѣ нашей поддевки): дѣвушки безъ рукавовъ, а замужнія женщины — съ рукавами, а въ Военной Границѣ черную кофту (попрсника), вышитую узоромъ изъ шелка. Вокругъ шеи непремѣнно вьется нить бисера или коралловъ. Головной уборъ—весьма различенъ, замужнія женщины носятъ особаго фасона чепчикъ — «почулица» *), обыкновенно надѣваемый на затылокъ. Онъ сдѣланъ изъ краснаго сукна, вышитъ золотомъ и обыкновенно бываетъ покрытъ бѣлымъ вуалемъ — «печа» или разноцвѣтнымъ платкомъ (рубацъ); въ иныхъ мѣстахъ, чепчикъ дѣлается изъ бѣлаго полотна, вышитаго золотомъ и красными нитками. Эти головныя украшенія часто замѣняются платкомъ. Дѣвушки вплетаютъ обыкновенно въ свои косы шелковую ленту и ходятъ съ непокрытою головой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Срема сербки носятъ на головѣ фесы, которые бываютъ покрыты червонцами. Этотъ головной уборъ составляетъ приданое дѣвушки.

Говоря о бытовой сторонѣ хорватскаго селянина, мы не можемъ не упомянуть о крайне-оригинальномъ взглядѣ на ученаго. Ученость, по понятію народа, происходитъ отъ сношенія съ нечистою силой. Существуетъ повѣрье, что на вершинѣ горы Велебитъ находится мѣстность, извѣстная подъ именемъ «Врзино-коло», гдѣ вилы проводятъ время въ различныхъ играхъ. По окончаніи 12-ти лѣт-

---

*) Впрочемъ «почулицы» бываютъ различныхъ фасоновъ, такъ что по формѣ чепчика можно знать изъ какой жупаніи та или другая поселянка.

няго курса ученія (т. е. 4 года въ народномъ училищѣ и 8 лѣтъ въ гимназіи) воспитанники, въ числѣ двѣнадцати, уходятъ въ «Врзиноколо», гдѣ имъ даютъ читать особую книгу очень ученаго содержанія. Во время чтенія одинъ изъ нихъ изчезаетъ—это діаволы или вилы совершаютъ похищеніе, которое производится крайне ловкимъ образомъ; оставшіеся товарищи никакъ не могутъ догадаться, кого изъ нихъ недостаетъ. Если народъ о комъ-либо говоритъ, что онъ былъ въ «Врзиномъ колѣ», то это означаетъ, что его считаютъ очень ученымъ. Къ разряду ученыхъ народъ относитъ и народныхъ учителей.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о бытовой сторонѣ жизни далмата-селянина.

Далматы хорошо сложены, въ особенности мужчины, мускулисты, высокаго роста и отличаются ловкостью; глаза у нихъ сѣрые или голубые, вообще чрезвычайно выразительны; лобъ широкій, выдающійся; волосы бѣлокурые или рыжеватые, но чаще черные; цвѣтъ кожи нѣсколько смуглый. Вслѣдствіе каменистой почвы Далмаціи, далматы-селяне обыкновенно строятъ себѣ жилища изъ камня, смазывая его известью. Сельская изба состоитъ обыкновенно изъ одного помѣщенія; впрочемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ встрѣчаются въ ней два отдѣленія: «баскалукъ»—гардеробная и «миикаръ»—комната для жилья. Пища селянина крайне проста: ржаной хлѣбъ или хлѣбъ, приготовляемый изъ смѣси ржи съ просомъ и боромъ или кукурузы съ полбой; впрочемъ въ праздничные дни появляется на столѣ селянина и пшеничный хлѣбъ. Далматы-селяне охотно ѣдятъ козлиное мясо и пьютъ козье молоко. Впрочемъ въ большомъ потребленіи и коровье молоко, изъ котораго они выдѣлываютъ масло, сыръ и «сиренья» (особаго сорта сыръ). Національными блюдами являются «цицвара» и «каурма»: первое приготовляется изъ масла, сыра и яицъ, а второе изъ ржи, мяса и печенки. Жители горныхъ мѣстностей, говоря вообще, весьма бѣдны: скудная пища вредно вліяетъ на ихъ здоровье.

Національные костюмы далматовъ крайне разнообразны: можно сказать, что каждая мѣстность имѣетъ свой особый костюмъ. Поэтому

мы опишемъ національные костюмы лишь нѣкоторыхъ мѣстностей; а именно:

1) Задаръ (Zara). Національнымъ костюмомъ мѣстныхъ жителей служатъ: красная, плоская шапочка, вышитый жилетъ съ широкимъ бортомъ и цвѣтной доломанъ, живописно перекинутый черезъ плечо; на ногахъ лапти на деревянныхъ подошвахъ, необходимыхъ для хожденія по горамъ.

2) Кистанье. Мѣстные жители весьма красивы, не менѣе красивъ и ихъ національный костюмъ. Мужчины носятъ красные жилеты, на которыхъ нашиты въ большомъ количествѣ серебряпныя токи (продолговатыя пуговицы), долама изъ краснаго сукна, голубые, узкіе брюки, бѣлые чулки, а на головѣ красныя шапочки.

3) Кастельское поле (между Трогиромъ и Сплѣтомъ). Мужчины обыкновенно брѣютъ усы и бороду, носятъ длинные голубаго цвѣта кафтаны съ узкими рукавами. Національный костюмъ женщинъ весьма красивъ. На головѣ бѣлая косыночка, подвязанная бантикомъ на затылкѣ: вокругъ шеи нѣсколько нитей красныхъ коралловъ, къ которымъ привѣшивается крестъ. На плечи набрасываютъ бѣлую косынку, обшитую золотомъ; платье носятъ голубаго цвѣта, подпоясанное кушакомъ; къ нему привѣшивается серебряная цѣпь, на оконечности которой виситъ полукруглый ножикъ; зеленую кофточку (іечерминца), съ узкими рукавами, обшлага которыхъ обшиты краснымъ сукномъ и золотомъ; желтые чулки, черные башмаки съ бѣлыми металическими застежками.

4) Сплѣтъ. Національный костюмъ мѣстныхъ жителей слѣдующій: мужчины носятъ на головѣ низенькія, красныя шапочки, однобортный голубаго цвѣта жилетъ съ металлическими пуговицами; голубые, узкіе брюки; бѣлые чулки; красные башмаки; коричневаго цвѣта изъ толстаго сукна куртку. Брюки подпоясаны шалью. Женщины обыкновенно носятъ косы съ вплетенными въ нихъ красными лентами, на головѣ голубой платокъ; платье, обшитое вдоль подола красною тесьмой; красные чулки; желтые башмаки; коротенькая кофта съ длинными рукавами, обшитыми галуномъ и узорчатый передникъ.

5) Польица. Праздничный костюмъ мѣстныхъ жителей слѣдующій: зеленые и красные жилеты, которые разукрашены карманчиками

съ серебряными галунами и золоченными звѣздами и стрѣлами, на плечи надѣваютъ красный плащъ, обшитый золотымъ галуномъ. Ноги обвертываютъ въ голубые чакширы (платки), поверхъ которыхъ надѣваются опанки; на головахъ носятъ красныя шапочки.

6) Жупа. Жители Жупы, а также и близь лежащихъ селъ и деревень, носятъ полу-турецкую, полу-хорватскую одежду, на головѣ—чалму. Золотыя и серебряныя украшенія играютъ въ ихъ костюмѣ весьма важную роль; эти украшенія обыкновенно пріобрѣтаются мѣстными жителями въ Дубровникѣ. Впрочемъ женщины въ своей одеждѣ больше сохранили славянскій типъ, чѣмъ мужчины.

Говоря о бытовой сторонѣ далмата—селянина мы не можемъ не упомянуть объ одномъ разсказѣ, который пришлось намъ слышать и который отчасти знакомитъ съ нравственною стороной жителей Польицы. Одинъ 12-ти лѣтній мальчикъ влюбился въ восьми лѣтнюю дѣвочку. Въ теченіе десяти лѣтъ, онъ свято хранилъ свою любовь самымъ безукоризненнымъ образомъ. Когда ему минуло 22 года, онъ просилъ руки дѣвушки у ея отца. Отецъ дѣвушки приказалъ ей выйти замужъ за другаго момка. Въ силу древняго обычая, дѣвушка должна была повиноваться волѣ своего отца. Но прежде чѣмъ выйти замужъ, она упросила своего любимаго момку пойти въ священники и такимъ образомъ остаться ей вѣрнымъ. Момокъ счелъ долгомъ выполнить ея желаніе. Вообще отличительными чертами населенія Польицы служатъ: безусловная покорность дѣтей волѣ родителей, высокая нравственность женщинъ и точное выполненіе обѣщанія, даннаго мужчиною женщинѣ.

Гостепріимство въ самой чистой, первобытной формѣ сохранилось у славянскихъ племенъ вообще, а въ особенности у юго-славянъ. Въ этой чертѣ ихъ быта выражается великое чувство безкорыстной, христіанской любви, вся прелесть славянской натуры.

Усталый, измученный путникъ не напрасно будетъ стучаться у дверей скромной хижины юго-славянина: подъ ея мирнымъ кровомъ онъ встрѣтитъ полнѣйшее радушіе, селянинъ накормитъ его лучшими припасами своего небольшаго хозяйства и окажетъ ему всевозможное вниманіе. «Возлюбите ближняго, какъ самаго себя» сказалъ Спаситель

и юго-славяне крѣпко держатся великихъ словъ, завѣщанныхъ Богочеловѣкомъ. Чтобы рельефнѣе обрисовать эту черту народнаго духа, скажемъ нѣсколько словъ объ юго-славянскомъ гостеріимствѣ.

Если кто въ первый разъ приходитъ въ домъ славянина, его сажаютъ за столъ и начинаютъ угощать различнаго рода яствами. Въ иныхъ мѣстахъ лишь только войдетъ въ хижину усталый путникъ, хозяйка или ея дочь, спѣшитъ принесть теплой воды, чтобы обмыть его ноги. Во время обѣда, хозяйка подноситъ гостю на тарелкѣ большую кружку вина, налитаго самимъ хозяиномъ и называемую «биликумъ»; на той-же тарелкѣ около кружки лежатъ ключи отъ погреба и отъ воротъ. Вслѣдъ за хозяйкой, подходитъ къ гостю самъ хозяинъ, который обыкновенно обращается къ нему съ слѣдующею рѣчью: «днемъ и ночью двери нашего дома и погреба будутъ съ этихъ поръ отворены для дорогаго гостя.» По произнесеніи этихъ словъ, гость обязанъ бываетъ выпить всю чашу вина. Этотъ «биликумъ» является залогомъ того, что новоприбывшій гость будетъ постоянно радушно принятъ въ этомъ домѣ. Вино веселитъ сердце человѣка, а поэтому хозяинъ подноситъ пришельцу ключи не только отъ дома, но и отъ погреба. Этотъ древній славянскій обычай сохраняется и въ замкѣ аристократа. Въ концѣ обѣда, хозяинъ дома обращается къ новоприбывшему гостю съ поздравительнымъ тостомъ, который извѣстенъ подъ именемъ «добродошницы»; можетъ статься этому тосту дано такое названіе вслѣдствіе привѣтственныхъ словъ: «добро си ми дошао» (пожаловалъ ко мнѣ въ добрый часъ), съ которыми хозяинъ обыкновенно обращается къ своему гостю.

Юго-славянское гостепріимство проявляется въ полной силѣ, по преимуществу, въ базарные дни, которые являются вмѣстѣ съ тѣмъ и праздничными днями. Почти въ каждомъ юго-славянскомъ селѣ находится или церковь или часовня, и базары обыкновенно происходятъ въ селѣ въ день храмоваго праздника. А если въ селѣ нѣтъ ни церкви, ни часовни, то оно имѣетъ своего святаго покровителя, въ день памяти котораго и устраивается тамъ базаръ. За день до открытія въ извѣстномъ мѣстечкѣ базара, начинаютъ отовсюду стекаться туда торговцы, которые раскиды-

ваютъ тамъ свои шатры. На этихъ базарахъ можно найти всевозможнаго рода мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ: въ одномъ отдѣлѣ базара помѣщаются сапожники, башмачники и другіе торговцы, по преимуществу евреи съ мелкимъ товаромъ; второй отдѣлъ базара—съѣдобный: онъ носитъ названіе корчмы (механе); здѣсь жарятъ свинину (кермѐтина), козлиное мясо (перчевина) и т. д. и потомъ всѣ эти незатѣйливыя произведенія народной кухни продаютъ въ разноску; въ третьемъ отдѣлѣ, носящемъ названіе «пецара», выкуриваютъ водку и продаютъ ее.

Наканунѣ открытія базара гуськомъ тянутся туда селяне не только изъ ближайшихъ, но и изъ дальнихъ мѣстъ. Жизнь того мѣстечка, гдѣ происходитъ базаръ, представляетъ собою рядъ своеобразныхъ удовольствій для сельскаго населенія. Мужчины и женщины того села, гдѣ происходитъ церковное празднество, по окончаніи службы обыкновенно становятся при церковныхъ дверяхъ и начинаютъ созывать къ себѣ своихъ родныхъ и знакомыхъ; въ домъ зажиточнаго селянина соберется иной разъ до 80 гостей. Приходящія женщины цѣлуются съ хозяйкой и приносятъ ея дѣтямъ подарки: яблоки, калачъ и т. д. Мужчины здороваются съ хозяиномъ за руку, произнося при этомъ слѣдующія слова: «фаленъ буде Іесусъ Христусъ» (да будетъ прославленъ Іисусъ Христосъ), на что хозяинъ дома отвѣчаетъ: «во всѣ вѣки». Впрочемъ и при всякой встрѣчѣ, славяне обыкновенно обмѣниваются подобными-же привѣтствіями. Когда гости соберутся, то, по правиламъ юго-славянскаго гостепріимства, необходимо сейчасъ-же подать обѣдъ. Прежде, чѣмъ мужчины садятся за столъ, пьютъ ракіе (дистилированный виноградный сокъ). Праздничный обѣдъ селянина обыкновенно состоитъ изъ слѣдующихъ кушаній: «хладнетина» (холодное блюдо), «шкембеты» (это кушанье приготовляется изъ мяса, тѣста и луку), вмѣсто него въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подаютъ «чорба» (супъ), который бываетъ различныхъ сортовъ; мужчины ѣдятъ супъ изъ простыхъ глиняныхъ тарелокъ, а женщины—изъ деревяннаго выдолбленнаго блюда, извѣстнаго подъ именемъ «здела»; затѣмъ обносятъ гостей солеными огурцами, капустою, приготовляемою съ мясомъ и сосиськами (это кушанье извѣстно подъ именемъ «сарма»); кислымъ

супомъ (каурма); печенкою, пирогами, калачами всѣхъ сортовъ, а въ заключеніе обѣда подаются фрукты. Все это запивается виномъ. Во время обѣда произносятся тосты, такъ, напримѣръ одинъ изъ гостей въ такихъ словахъ желаетъ благоденствія семейству хозяина: «да пошлетъ Богъ счастье хозяину дома, который насъ такъ радушно и весело принялъ, да даруетъ Богъ и празднуемый Святой (при этомъ произносится имя святаго) счастіе и всякое благополучіе его семейству». Послѣ нѣсколькихъ тостовъ въ честь хозяина, онъ самъ спѣшитъ поблагодарить гостей въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «какъ вы мнѣ желали счастія и благополучія, такъ и я желаю, чтобы Богъ ниспослалъ вамъ счастіе и благополучіе». Этотъ тостъ обыкновенно сопровождается радостными криками «живіо». По окончаніи обѣда, женщины выходятъ изъ-за стола и идутъ разговаривать со своими пріятельницами или танцовать «коло», мужчины-же еще долго остаются за столомъ, распѣвая веселыя пѣсни и поглощая большое количество вина. Пѣсни и тосты продолжаются до тѣхъ поръ, пока не подадутъ на столъ «цицвару». Затѣмъ гости начинаютъ прощаться съ хозяевами. Каждой женщинѣ хозяйка спѣшитъ вручить, при прощаньи, калачъ и нѣсколько фруктовъ, чтобы та отнесла этотъ гостинецъ своимъ дѣтямъ.

На храмовыхъ праздникахъ въ селеніяхъ привлекаютъ на себя всеобщее вниманіе слѣпые гусляры, которые, пріютившись на церковной паперти и настроивъ свои гусли *), поютъ пѣсни о давноминувшихъ временахъ, разсказываютъ великую эпопею народныхъ битвъ или въ грустной пѣснѣ передаютъ народную скорбь. Крайне знаменательная черта жизни юго-славянина: лишь однимъ слѣпымъ или увѣченнымъ суждено тамъ играть роль славянскихъ бардовъ.

Еслибы кто пожелалъ изучать національные оттѣнки юго-славянъ, тотъ долженъ посѣтить шинокъ, гдѣ славянская натура проявляется во всей своеобразной формѣ. Скажемъ кстати нѣсколько словъ

*) Небольшая однострунная гитара, на которой играютъ смычкомъ, имѣющимъ овальный видъ. На оконечности гуслей обыкновенно вырѣзывается голова птицы или что-либо другое.

о шинкѣ и о сельскихъ харчевняхъ (остеріяхъ), которыя играютъ не послѣднюю роль въ жизни юго-славянина.

Шинокъ обыкновенно помѣщается посреди села, въ небольшомъ домикѣ, надъ дверями котораго вывѣшиваютъ вѣтвь можжевельника. Въ самой большой его комнатѣ, которая предназначается для посѣтителей, находится большая печь для стряпни и для печенія хлѣба. Она не особенно свѣтла; хотя въ ней и есть нѣсколько небольшихъ оконъ, но въ нихъ не имѣется рамъ, вмѣсто которыхъ употребляются деревянныя сплоченныя ставни; только два или три окна имѣютъ стекла, въ большинствѣ случаевъ разбитыя, съ наклеенными листами бумаги. Въ этой комнатѣ немного мебели: здѣсь обыкновенно помѣщается длинный, деревянный столъ, по обѣимъ сторонамъ котораго бываютъ поставлены двѣ скамьи. Столовый-же приборъ состоитъ изъ глиняныхъ сосудовъ, изъ которыхъ пьютъ вино.

По выбѣленнымъ стѣнамъ комнаты всегда бываютъ развѣшены картины, въ большинствѣ случаевъ, духовнаго содержанія: различныя изображенія Быстрицкой Божьей Матери, свиданіе апостоловъ Павла съ Тимоѳеемъ. Послѣдняя картинка, произведеніе какого-то доморощеннаго художника, особенно обращаетъ на себя вниманіе: выписавъ слова апостола Павла, обращенныя къ апостолу Тимоѳею: «впередъ пей не одну воду, но употребляй не много вина, ради желудка твоего и частыхъ твоихъ недуговъ (первое посланіе апостола Павла къ Тимоѳею гл. VI ст, 23), художникъ изобразилъ мѣсто около погреба: подъ навѣсомъ виднѣются двѣ бочки, изъ одной изъ нихъ прислужникъ наливаетъ вино; на первомъ планѣ красуется фигура апостола Павла, который, сидя, пишетъ вышеприведенныя слова, а около него стоитъ Тимоѳей, жалующійся ему на свою боль въ желудкѣ; позади этихъ двухъ библейскихъ личностей виднѣется еще одна фигура, которая знаками одобряетъ мнѣніе апостола Павла о необходимости употребленія вина. Сзади апостола Павла изображена виноградная лоза. Понятны причины распространенности этой картинки. Всякій человѣкъ старается оправдать свои дѣйствія указаніями на извѣстный авторитетъ, а кто-же можетъ болѣе имѣть значенія въ глазахъ народа,

какъ не апостолъ. Если святые находятъ полезнымъ пить вино, то простому смертному можно это дѣлать тѣмъ болѣе. Слова апостола Павла въ юго-славянскихъ селахъ понимаются въ самомъ широкомъ смыслѣ. Кромѣ этихъ картинокъ, по стѣнамъ шинка обыкновенно бываютъ развѣшаны: торба, чутура (деревянный сосудъ для воды, который обыкновенно берется селяниномъ, отправляющимся въ дорогу), ружье, «чизмы» (сапоги), «опанки« (родъ башмаковъ), пучки освященныхъ вербъ, гирлянды изъ колосьевъ, а у болѣе зажиточныхъ шинкарей—небольшое зеркальце въ деревянной или картонной, обыкновенно весьма разноцвѣтной рамкѣ. Все это придаетъ крайне оригинальный видъ внутреннему убранству славянскаго шинка. Возлѣ шинка обыкновенно находится подвалъ для храненія вина.

Въ праздничные дни, юго-славянскій селянинъ любитъ поразвлечься, попить въ веселомъ обществѣ, поэтому въ эти дни шинки бываютъ полны народа. Впрочемъ и въ будни онъ былъ-бы не прочь явиться горячимъ поклонникомъ Бахуса, а если это имъ и не дѣлается, то скорѣе по необходимости, но никакъ не по недостатку въ немъ желанія. Наканунѣ праздничнато дня, шинкарь выгоняетъ изъ парадной комнаты индюшекъ, гусей и свиней, оставляя въ ней только однихъ куръ, которыя пользуются печью, для высиживанія циплятъ; затѣмъ чиститъ комнату и наполняетъ сдѣланный въ стѣнѣ шкапикъ закусками для завтрашнихъ своихъ посѣтителей. Мы должны замѣтить, что шинкарями, по преимуществу, являются мѣстные селяне. Вотъ собралась въ шинкѣ кучка селянъ и усѣлась вокругъ стола. Поставивши на столъ предъ посѣтителями по глиняной кружкѣ, жена шинкаря обходитъ гостей и по очередно наливаетъ въ кружки вино; самъ-же шинкарь садится съ прочими гостями за столъ и принимаетъ участіе въ общемъ разговорѣ. Затѣмъ хозяйка подаетъ лукъ, соленый сыръ (сухой творогъ съ примѣсью соли) и хлѣбъ. Хотя эта незатѣйливая закуска и весьма дешево стоитъ; но такъ какъ она способствуетъ къ увеличенію жажды, а слѣдовательно и къ большому спросу вина, то и приноситъ хорошій барышъ. Хозяйка съ большою поспѣшностью наполняетъ виномъ опорожненныя кружки. За кружкой вина, славяне охотно разсуждаютъ объ обще-

ственныхъ дѣлахъ, произносятъ тосты за здоровье приходскаго священника, сельскаго судьи и звонаря, въ шинкѣ часто раздается игра на тамбурицѣ, слышится пѣніе и составляются танцы, если только есть въ шинкѣ женщины. Впрочемъ юго-славянскія женщины не любятъ заходить въ шинокъ: онѣ только бываютъ въ немъ во время дороги, когда предпринимаютъ какой-либо дальній путь. Мы не считаемъ лишнимъ указать при этомъ на одну характеристическую черту хорватскаго селянина. Если онъ подвыпьетъ, то вообще бываетъ въ крайне веселомъ расположеніи духа: при встрѣчѣ съ кѣмъ-либо спѣшитъ ему поклониться съ сколь возможно — большимъ уваженіемъ. Пришедши домой, онъ нерѣдко бьетъ свою жену; эти побои для нея вещь весьма привычная; по народному понятію, если селянинъ не бьетъ своей жены, то это означаетъ, что онъ ее не любитъ.

Сельскія харчевни, составляющія собственность мѣстныхъ землевладѣльцевъ обыкновенно помѣщаются возлѣ церквей и почтовыхъ станцій. До постройки желѣзныхъ дорогъ въ Хорватіи, когда поѣздки изъ одной мѣстности въ другую совершались въ собственномъ или въ почтовомъ экипажѣ, эти харчевни, управленіе которыми обыкновенно бывало поручаемо помѣщикомъ одному изъ своихъ служителей, представляли болѣе комфорта, чѣмъ въ настоящее время. Теперь-же харчевни отдаются на аренду; арендаторами являются, въ большинствѣ случаевъ, евреи, которые умѣютъ весьма ловко эксплуатировать народъ. Здѣсь продается вино, полуразбавленное водою. Впрочемъ въ харчевни проникли и зачатки цивилизаціи: такъ въ нихъ пьютъ вино уже изъ стакановъ, а не изъ глиняныхъ кружекъ; подаютъ кушанья на тарелкахъ, разрисованныхъ разными фигурами, играютъ въ карты и вообще чувствуются нѣкоторыя стѣсненія.

Возлѣ харчевни арендаторъ-еврей обыкновенно открываетъ лавочку, въ которой можно найти гнилой курительный табакъ, чернила еврейскаго издѣлія, школьныя тетрадки, сильно размѣльченную для большаго вѣса соль, свиное сало, уже попробованное крысами, кукурузную муку и т. д. Еврей не заставляетъ селянина тотчасъ платить за вещи, которыя онъ у него покупаетъ. Но когда на-

ступаетъ время жатвы или сбора винограда, то арендаторъ-еврей обращается къ селянину съ требованіемъ уплаты его долга и заставляетъ его продать ему свои сельскія произведенія по цѣнѣ, назначенной самимъ евреемъ. Славяне, произнося молитву Господню, особенно выразительно ударяютъ на слово «и избави насъ отъ лукаваго». Не думаемъ, чтобы они съумѣли когда избавиться отъ «лукаваго», который является имъ въ образѣ еврея.

IV.

Женитьба: взглядъ селянина на разводъ; смотрины; взглядъ селянина на женщину; сговоръ; приданое; приготовленіе невѣсты къ сватьбѣ; замѣтка о свадебныхъ пиршествахъ; «запой» или «ябука»; «сватовскій дукатъ»; подвѣнечные башмаки; канунъ сватьбы; описаніе свадебнаго наряда жениха и невѣсты; свадебная процессія; вѣнчанія; свадебныя пиршества; уходъ новобрачной въ домъ мужа; «побожична часть».

Глубокая старина со всѣми ея атрибутами является на сцену югославянской жизни въ каждый важный семейный праздникъ. Однимъ изъ самыхъ главныхъ семейныхъ торжествъ, въ которомъ принимаютъ участіе почти всѣ жители села служитъ женитьба. Трудно опредѣлить на которомъ году отъ рожденія момокъ признается совершеннолѣтнимъ, а слѣдовательно можетъ жениться, такъ какъ въ каждой мѣстности существуетъ, по этому предмету, своеобразный взглядъ. Разводы у юго-славянъ не въ употребленіи, хотя браки часто бываютъ очень несчастливы, такъ что даже существуетъ поговорка относительно несчастно-женившагося: «онъ не женился, но оледенѣлъ». Бракъ и разводъ, эти два противоположные акта семейной жизни, часто совмѣстимые въ жизни образованныхъ классовъ, не совмѣстимы въ жизни селянина: то, что связано церковью, не можетъ быть разорвано, говоритъ народъ, волею человѣка. Селянинъ скорѣе будетъ роптать на судьбу, отравлять постоянною перебранкой семейную свою жизнь, чѣмъ искать развода.

Въ южной Далмаціи, а именно въ которскомъ округѣ за долго еще до рожденія ребенка ведутся переговоры между представителями

двухъ семействъ о томъ, что если у одного изъ нихъ родится сынъ, а у другаго дочь, то впослѣдствіи надо будетъ сочетать ихъ бракомъ. Въ нѣкоторыхъ-же мѣстахъ Славоніи сами родители момка выбираютъ ему дѣвушку въ жены и нерѣдко случается, что онъ съ нею знакомится только подъ вѣнцомъ. Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ, парню предоставлена полная свобода въ выборѣ будущей подруги своей жизни. Такъ напримѣръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ слѣдующій обычай: въ «Видовъ-дань» т. е. 15-го іюня, момки и дѣвушки ходятъ на рѣку и, ставъ въ ней по колѣна, смотрятъ въ воду, чтобы увидѣть въ ней суженую или суженаго.

Смотрины обыкновенно бываютъ или осенью, когда парни и дѣвушки ежедневно по вечерамъ собираются въ чьемъ-либо домѣ, чтобы очищать отъ стебля кукурузы листья или зимой, въ промежутокъ времени отъ крещенія до среды первой недѣли великаго поста, когда они приходятъ по вечерамъ на посидѣлки (прело или сијело); дѣвушки прядутъ ленъ и пеньку, а момки дѣлаютъ метлы и корзины, вынимаютъ зерна кукурузы изъ стеблей, а также зерна фасоли. Момки и дѣвушки смотрятъ на этого рода работу, какъ на развлеченіе въ своей монотонной, трудовой жизни. Дѣвушки, повертывая колеса прялокъ, поютъ веселыя пѣсни; если-же пѣсня ихъ затихнетъ, то кто-либо изъ момковъ начнетъ разсказывать повѣсть, завѣщанную стариною, о прошломъ, давно минувшемъ времени, или начнетъ чтеніе книги веселаго содержанія, какъ напримѣръ: народныя пѣсни Катича, сатиры Матвея Рельковича и т. п.; общій смѣхъ раздается при этомъ въ хижинѣ. Вотъ предлагаются для разгадыванія различныя загадки; всякій спѣшитъ блеснуть своею находчивостью, но какъ обыкновенно случается въ такихъ обстоятельствахъ, не разгадываютъ, какъ слѣдуетъ, всѣ волнуются, суетятся. На этихъ-то вечеринкахъ момки и дѣвушки ближе узнаютъ другъ друга.

Какія качества требуются отъ дѣвушки, чтобы она могла остановить на себѣ вниманіе молодаго парня, чтобы его родители могли ему сказать, что онъ выбралъ себѣ въ жены хорошую дѣвушку? На этотъ вопросъ нельзя дать положительнаго отвѣта: юго-славянинъ имѣетъ своеобразный взглядъ на женщину, смотря

по той мѣстности, которую онъ населяетъ. Такъ напримѣръ въ приморской Хорватіи, гдѣ, по причинѣ каменистой почвы, мѣстное населеніе не въ состояніи имѣть домашняго скота и вообще крайне бѣдно, замужнія женщины несутъ самыя тяжелыя работы. Онѣ, между прочимъ, занимаются торговлею углемъ, который носятъ на своихъ плечахъ на разстояніи шести—семи часовъ въ городъ Рѣку. Дѣвушки остаются дома, занимаются хозяйствомъ либо ходятъ работать на фабрики табачную и писчебумажную, находящіяся въ этомъ городѣ. Поэтому качество наиболѣе уважаемое у дѣвушки въ приморской Хорватіи есть физическая сила. Тамошнія дѣвушки весьма хитры: желая сдѣлать себѣ хорошую репутацію, онѣ носятъ иногда черезъ деревню громадныя тяжести. Напротивъ того въ Военной Границѣ, гдѣ всѣ мужчины несутъ воинскую службу и гдѣ поэтому всѣ домашнія и сельскія работы скотоводство, земледѣліе и т. д. предоставлены женскому полу, главнымъ достоинствомъ дѣвушки почитается трудолюбіе. Граничаръ ни за что не женится на бѣлоручкѣ; поэтому можетъ расчитывать на замужество только та дѣвушка, у которой руки въ мозоляхъ.

Выбравъ себѣ дѣвушку, момокъ изыскиваетъ случаи почаще съ нею встрѣчаться. Вотъ начинаетъ онъ съ нею плясать на сельскихъ праздникахъ, помогать ей въ работѣ и вообще, при всякой встрѣчѣ, оказывать ей предпочтеніе передъ другими дѣвушками. Если парень замѣчаетъ, что выбранная имъ дѣвушка обращаетъ на него болѣе вниманія, чѣмъ на другихъ парней, то онъ ее спрашиваетъ: согласна-ли она выйти за него замужъ? Получивъ утвердительный отвѣтъ, момокъ заявляетъ о томъ своей матери и проситъ ее сходить къ роднымъ своей возлюбленной и отнести, по принятому обычаю, подарки серебряную монету, калачъ, яблоки и другіе фрукты. Послѣ обычныхъ привѣтствій и краткаго разговора съ родными дѣвушки, мать момка подноситъ ей вышеупомянутые подарки; если она ихъ приметъ, то это почитается хорошимъ знакомъ. Тогда мать веселая возвращается домой и спѣшитъ сообщить радостную вѣсть своему сыну. Отецъ момка проситъ теперь нѣкоторыхъ своихъ родственниковъ начать сватовство: всѣ тѣ лица, которыя

начинаютъ съ этою цѣлью посѣщать родительскій домъ дѣвушки, извѣстны подъ общимъ названіемъ «сватови» (сваты).

На слѣдующій день послѣ посѣщенія родительскаго дома дѣвушки матерью молка, отецъ его, взявъ съ собою «чутуру« (деревянный сосудъ) съ виномъ, калачъ и деньги, идетъ, въ сопровожденіи сватовъ, въ домъ выбранной сыномъ дѣвушки. Подошедши къ дверямъ дома, онъ начинаетъ разговаривать съ отцомъ или братомъ дѣвушки и объявляетъ отъ имени всѣхъ сватовъ, что они купцы и что они слышали о продажѣ въ этомъ домѣ одной вещицы, которую желали-бы купить: согласны-ли вы ее продать? Послѣ переговоровъ, ихъ впускаютъ въ домъ. Если дѣвушка изъ другаго села, то сваты сперва заходятъ къ ея сосѣду, который, въ этомъ случаѣ, именуется «валаушъ» и уже сосѣдъ приводитъ ихъ въ дверямъ дома невѣсты и произноситъ при этомъ слѣдующія слова: «други пріятели! охотно-ли вы примете гостей, людей-странниковъ изъ далекихъ краевъ!» На это отвѣчаютъ ему изъ дому: «Богъ помощь вамъ, мы охотно принимаемъ добрыхъ людей». Всѣ эти обряды сопровождаются своеобразными пѣснями. Для примѣра мы приведемъ одну изъ тѣхъ пѣсень, которыя поются, когда сваты подходятъ къ дому дѣвушки съ цѣлью испрашивать ея руки. Эта пѣсня состоитъ изъ вопросовъ, дѣлаемыхъ на распѣвъ родителями дѣвушки и отвѣтовъ, даваемыхъ сватами.

Ой! вотъ сваты, сваты идутъ! ле, лелья, ле!
Куда вы идете? чего ищете? ле, лелья, ле!
Мы знаемъ, куда идемъ, мы ищемъ красну дѣвицу, ле, лелья, ле!
У насъ теперь есть такая дѣвица! ле, лелья, ле!
Дозволите ли вы къ вамъ пожаловать, чтобы руки ея испрашивать? ле, лелья, ле!
Начните къ намъ похаживать, мы вамъ ее дадимъ, ле, лелья, ле.

Когда сваты входятъ въ домъ, то отецъ молка подноситъ суженой «чутуру», калачъ и деньги. Въ присутствіи всего своего семейства, та принимаетъ принесенные ей подарки; затѣмъ бываетъ угощеніе. Когда сваты расходятся, то дѣвушка пришпиливаетъ къ груди каждаго изъ нихъ платокъ. Эта помолвка носитъ въ народѣ названіе: «испросити дѣвойку». Въ Военной Границѣ обрядъ испрашиванія руки дѣвушки несравненно проще описаннаго. Моло-

дой граничаръ, взявъ съ собою яблоко, идетъ въ домъ своей суженей, пришедши туда, онъ предлагаетъ ей яблоко и при этомъ говоритъ: «если ты меня любишь, то спроси родительскаго дозволенія принять это яблоко». Если дѣвушка приметъ яблоко, то момокъ испрашиваетъ у ея родителей ея руки. Эта помолвка обыкновенно бываетъ въ промежутокъ времени отъ дня св. Екатерины до Рождества Христова; а въ Военной Границѣ — между праздниками св. апостоловъ Петра и Павла и Рождествомъ Пресвятой Богородицы.

Вскорѣ за помолвкой, родители момка и дѣвушки, по обоюдному соглашенію опредѣляютъ день, въ который имѣетъ быть «мала рѣчь». Въ этотъ день отецъ и мать момка, взявши съ собою двухъ сосѣдей, идутъ въ домъ родителей дѣвушки на «малу рѣчь». На этотъ разъ ведутся тамъ переговоры относительно приданаго. По народному понятію, дочь равноправна съ сыновьями въ отношеніи имущества: она можетъ взять въ приданое слѣдующую ей часть, даже изъ скота. Приданое обыкновенно состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ: 1) изъ бѣлья и верхней одежды — все это бываетъ уложено въ «ладицѣ» (деревянномъ сундукѣ, выкрашенномъ національными цвѣтами—голубой, бѣлой и красной красками): необходимо дать въ приданое двѣ «ладицы», хотя бы бѣлья и платья въ нихъ находилось лишь на половину; 2) изъ домашняго скота бѣдная дѣвушка получаетъ въ приданое одну корову, а богатая — корову и нѣсколько свиней. Въ этотъ день невѣста даритъ каждому мужчинѣ по платку, а женщинамъ — полотенца. Затѣмъ происходитъ угощеніе, послѣ котораго всѣ расходятся.

Начиная съ этого времени, помолвленная дѣвушка перестаетъ заниматься домашними дѣлами и уже начинаетъ дѣлать приготовленія къ свадьбѣ. Эти приготовленія состоятъ въ томъ, что невѣста начинаетъ ходить по селу «балу побирати»; при этомъ ей даютъ ячмень, жито и т. п.; она выбираетъ «старосватицу» (жену старшаго свата), «куму» и «сватицъ» (молодыхъ дѣвушекъ, своихъ подругъ, которыя участвуютъ въ свадебной процессіи). Въ то же время и момокъ выбираетъ между сватами: 1) «стараго свата», которымъ обыкновенно бываетъ одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ; онъ почитается старшимъ между сватами во время

свадьбы и всѣ его слушаютъ; 2) «кума» (шафера) называемаго въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ «войчиномъ»; 3) деверя, которымъ обыкновенно бываетъ либо старшій братъ жениха, либо ближайшій его родственникъ; ему поручается невѣста во все время, пока она не обвѣнчается; деверь долженъ постоянно при ней находиться, только послѣ свадьбы къ нему присоединяется кумъ; 4) «чавуша» или «капетана», который управляетъ всею свадебною процессіею. Помолвленная дѣвушка начинаетъ заботиться о томъ, чтобы приготовить по больше свадебныхъ подарковъ. Молокъ начинаетъ ежедневно посѣщать свою суженую; въ первый разъ онъ идетъ къ ней въ сопровожденіи всѣхъ своихъ родственниковъ и несетъ съ собою слѣдующіе подарки: будущей своей тещѣ (пуницѣ)—платокъ и башмаки, невѣстѣ—«кабаницу» (верхнюю одежду), бѣлье и обувь, а старшему брату невѣсты—деньги, или верхнее платье. Въ свою очередь женихъ получаетъ отъ тещи рубашку и шаровары, а отъ невѣсты — полотенце и наволоку. При этомъ невѣста укоряетъ брата за продажу своей сестры, такъ какъ и онъ получилъ подарокъ отъ ея жениха.

Свадебныя пиршества, которыя требуютъ значительныхъ расходовъ, обыкновенно превышающихъ самыя средства поселянина, не только его разоряютъ, но вообще дурно вліяютъ на поселянъ. Такъ напримѣръ для свадебнаго пиршества закалываются 3 — 4 борова, волъ, 2—3 барана и несчотное количество индюшекъ и куръ; кромѣ того въ большихъ размѣрахъ потребляется ракія и вино. Женихъ обыкновенно на свой счотъ справляетъ свою сватьбу. Весьма естественно, что чѣмъ больше дней продолжаются свадебныя угощенія, тѣмъ въ бо́льшемъ количествѣ, потребляются припасы и вино; а все это дурно отзывается на сельскомъ хозяйствѣ. Поэтому епархіальное начальство и предписало священникамъ, по мѣрѣ возможности, вѣнчать въ среду, чтобы свадебныя пиршества не длились болѣе трехъ дней, такъ что пятницей днемъ постнымъ заканчивается свадебное угощеніе. Впрочемъ сватьба зажиточнаго поселянина обыкновенно бываетъ въ воскресенье: пиръ продолжается до пятницы. Поэтому когда родители моика и дѣвушки приходятъ къ приходскому священнику, чтобы условиться о днѣ сватьбы, то священникъ, въ этомъ слу-

чаѣ, обыкновенно строго держится предписаній своего епархіальнаго начальства.

Въ послѣднее воскресенье передъ сватьбой момокъ устраиваетъ въ своемъ домѣ пиршество, на которое собираются всѣ его родные. Въ тотъ же день и въ домѣ родителей дѣвушки происходитъ пиршество, которое извѣстно подъ именемъ «запой» или «ябука»; въ немъ принимаютъ участіе одни только ея родные. Пооконченіи угощенія въ своемъ домѣ момокъ съ своими родителями и въ сопровожденіи кума и стараго свата идетъ на «запой». За столомъ, во время ужина, кумъ занимаетъ первое мѣсто; вправо отъ него садятся родители момка, а влѣво родители дѣвушки. За ужиномъ кумъ предлагаетъ разные тосты. Послѣ угощенія происходитъ обмѣнъ колецъ—«прстенованье» или «ликова»; впрочемъ въ иныхъ мѣстахъ обмѣнъ обручальныхъ колецъ происходитъ обыкновенно въ церкви въ самый день сватьбы. Обручальныя кольца обыкновенно дѣлаются изъ желтой мѣди; къ кольцу бываетъ придѣлано сердце, сдѣланное изъ того же металла. Въ Военной Границѣ обручальное кольцо должно быть съ краснымъ камнемъ, а если выходитъ замужъ вдова, то съ голубымъ. Возвращаясь домой, женихъ уноситъ съ собой приданое и даетъ при этомъ нѣсколько крейцеровъ момкамъ, которые его стерегли, момки отдаютъ эти деньги невѣстѣ, которая, въ свою очередь, прійдя послѣ сватьбы въ домъ жениха, даритъ ихъ его матери. Если невѣста изъ другаго села, то приданое даютъ на третій день послѣ сватьбы, въ то время, когда молодая уходитъ въ домъ мужа.

На слѣдующій день т. е. въ понедѣльникъ, въ домѣ жениха (заручника) собираются всѣ его родные и всѣ они, за исключеніемъ родителей, отправляются въ домъ невѣсты. Прежде чѣмъ войти въ ея домъ, необходимо сбить зарядомъ яблоко или апельсинъ, воткнутые въ верхній сукъ дерева, растущаго около дома. Сбивъ яблоко, они подходятъ къ дверямъ дома, которые все таки еще затворены и и вдоль порога поставлено корыто съ водою. Извнутри дома, ихъ спрашиваютъ: «чего вы желаете?» на это они отвѣчаютъ: «дѣвушку», и послѣ троекратнаго произношенія этого слова, дверь отворяется. Каждый, кто перешагнетъ корыто, долженъ бросить туда крейцеръ, ко-

торый поэтому называется «сватовскій дукатъ». Когда родня жениха войдетъ въ комнату, то старая сватица раздаетъ мужчинамъ платки и прикалываетъ цвѣты къ шапкамъ. Кумъ же со стороны невѣсты приноситъ ей въ подарокъ подвѣнечные башмаки, въ которые обыкновенно бываютъ положены деньги: эти башмаки онъ самъ долженъ надѣть на ноги невѣсты, поэтому и говорятъ, что «дѣвушка должна идти по серебру на вѣнчанье».

Во вторникъ т. е. наканунѣ свадьбы, у невѣсты собираются всѣ знакомыя ея дѣвушки: онѣ плетутъ вѣнки и поютъ веселыя пѣсни; въ этотъ день невѣста, въ послѣдній разъ, пляшетъ въ дѣвичьемъ хороводѣ; незамѣтно грусти на ея лицѣ, неизвѣстность будущаго ничуть ее не пугаетъ. Юго-славяне смотрятъ на бракъ какъ на прямое призваніе мужчины и женщины. Въ одной народной пѣснѣ говорится: «если момокъ не хочетъ жениться, то пусть онъ голодаетъ и вянетъ, а если дѣвушка не хочетъ выйти за мужъ, то пусть на всегда останется глупой». Народъ даже подсмѣивается надъ дѣвушками, которыя волей-неволей остаются въ дѣвичествѣ. Эта народная насмѣшка выражается въ особомъ обрядѣ, совершаемомъ въ первый день великаго поста, а именно: дѣвушка, невышедшая за мужъ въ прошлый мясоѣдъ, привязываетъ къ лѣвому и правому своему боку по полѣну, и въ такомъ видѣ ходитъ по селу, показывая этимъ, что еще не имѣетъ семейной обуви. Это такъ вошло въ обычай, что дѣвушки не считаютъ для себя оскорбительнымъ исполнять этотъ смѣшной обрядъ.

Приступая къ описанію свадебныхъ обрядовъ, мы не считаемъ лишнимъ замѣтить, что, въ большинствѣ случаевъ, свадьба бываетъ въ промежутокъ времени между днемъ поминовенія усопшихъ и днемъ св. Екатерины, либо между Крещеніемъ и Великимъ постомъ, либо послѣ Пасхи. Если лѣто было неурожайное, то свадьба нерѣдко откладывается до болѣе благопріятнаго времени. У богатыхъ селянъ, которые имѣютъ большой запасъ вина и пшеницы, сохранившейся отъ прошлаго года, свадьба иногда бываетъ и лѣтомъ.

Наканунѣ свадьбы по утру деверь съ «чутурой» (деревянный сосудъ) вина и съ музыкантомъ по очереди обходитъ родственниковъ и знакомыхъ жениха и невѣсты и отъ ихъ имени обыкновенно

произноситъ при входѣ въ домъ кого-либо слѣдующія слова: «пріятель! я принесъ тебѣ отъ NN (имена жениха и невѣсты) поклонъ и приглашеніе—придти завтра на сватьбу NN». За тѣмъ деверь предлагаетъ всѣмъ присутствующимъ пить вино изъ принесенной имъ «чутуры». Въ тотъ же день вечеромъ всѣ сваты собираются въ домѣ жениха, гдѣ они пьютъ, ѣдятъ, танцуютъ далеко за полночь.

Рано по утру въ день свадьбы, родные жениха собираются у него въ домѣ. Затѣмъ деверь, въ сопровожденіи музыканта (дудашъ), идетъ за невѣстой отъ имени жениха. Онъ ударяетъ три раза въ дверь; но невѣста не отворяетъ ее. Деверь ни съ чѣмъ возвращается къ жениху, который вторично его посылаетъ въ домъ невѣсты; но и во второй разъ его туда не пускаютъ. Тогда женихъ спѣшитъ одѣться въ свадебный костюмъ. Этотъ костюмъ весьма простъ: онъ состоитъ изъ обыкновеннаго сельскаго платья, поверхъ котораго накинутъ длинный съ перелянкою плащъ изъ темно-синяго сукна. Всѣ присутствующіе—отецъ, кумъ, сватъ и другіе, имѣютъ на плечахъ такіе же плащи, какой и на женихѣ, а въ своихъ шапкахъ—по вѣточкѣ розмарина, украшенной лентами и узенькими полосками изъ позолоченной бумаги; а если трудно бываетъ достать розмаринъ, то втыкаются искуственные цвѣты: безъ этого головнаго убора, нельзя идти, по народному понятію, за невѣстой. Объ этомъ головномъ уборѣ поѣзжанъ заботится дѣвушка, ближайшая родственница жениха, а за неимѣніемъ ея—сами поѣзжане. Свадебная процессія отправляется изъ дома жениха къ невѣстѣ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди идетъ «чавушъ», за нимъ—женихъ съ кумомъ, который несетъ съ собой «чутуру» вина; за тѣмъ остальные,—принимающіе участіе въ свитѣ жениха, идутъ по парно, сзади всѣхъ шутъ—«чайо» и музыкантъ—«дудашъ». Если невѣста изъ другаго села, то всѣ они ѣдутъ туда на телѣгахъ: въ первой—кумъ съ женихомъ, а въ остальныхъ—прочіе поѣзжане по парно; въ Военной Границѣ ѣдутъ обыкновенно верхомъ на коняхъ и стрѣляютъ изъ ружей. Вся эта толпа, отправляясь въ домъ невѣсты, старается, чтобы не случилось чего-либо непріятнаго на пути, такъ какъ всякое непріятное приключеніе, встрѣтившееся ей на дорогѣ, означаетъ то, что молодые нехорошо будутъ жить.

Мы должны замѣтить, что юго-славянская народная поэзія весьма богата пѣснями, сложенными, можно сказать, на каждое событіе въ жизни юго-славянина. Такъ напримѣръ, когда женихъ идетъ за невѣстой, то поется между прочимъ слѣдующая пѣсня:

Облако собирается на голубомъ небѣ
И красивый (имя жениха) на бѣломъ дворѣ,
Разстается онъ съ своею матерью,
Съ своею матерью, со своимъ отцомъ:
«Отпусти меня, дорогая матушка!
«Дорогая матушка, ненаглядная голубушка,
«Отпусти меня и благослови меня;
«Я теперь иду въ село чуждое,
«Въ село чуждое, за чужою сестрой,
«За чужою сестрой, за моею женой».

Прежде чѣмъ женихъ придетъ въ домъ любимой имъ дѣвушки, посмотримъ чѣмъ она занята бываетъ въ это время въ кругу своихъ подругъ? По народному повѣрью, злыя женщины, ненавистницы вступающихъ въ бракъ, шепчутъ эхидныя слова надъ дурными, ядовитыми травами, призывая нечистую силу помочь имъ сдѣлать, чтобы молодая дѣвушка, идущая подъ вѣнецъ, была бы безплодна, не имѣла бы дѣтей. Для этой цѣли онѣ также употребляютъ и другое средство: незамѣтно завязываютъ узелъ на брачномъ одѣяніи молодыхъ. Понятно, что каждая сельская дѣвушка, выходящая за мужъ, желаетъ имѣть дѣтей, особенно мужескаго пола. Въ этотъ важный моментъ своей жизни она сильно боится злыхъ навѣтовъ своихъ ненавистницъ, которыя хотятъ помрачить ея будущее счастіе. Поэтому она невольно начинаетъ гадать: эти гаданія касаются, по преимуществу, рожденія дѣтей: она проситъ своихъ подругъ—помочь ей совѣтомъ, какъ бы ослабить злые умыслы своей ненавистницы. Лучшимъ средствомъ противъ нечистыхъ силъ почитается бѣлый лукъ; положивши себѣ за пазуху кусокъ его она идетъ съ нимъ въ церковь, а позднѣе—въ домъ своего мужа. Покончивши гаданья, невѣста спѣшитъ одѣться въ подвѣнечный костюмъ, которымъ является или обыденный или праздничный костюмъ. Затѣмъ она надѣваетъ синій плащъ, сверхъ котораго накидываетъ большой красный платокъ, который она обыкновенно беретъ на этотъ случай или у кухарки приходскаго римско-ка-

толическаго священника, считающейся въ деревнѣ весьма важною особою, или же у кого-либо изъ окрестныхъ помѣщицъ *). Опишемъ теперь головной уборъ нѣвѣсты изъ окрестностей Загреба а именно дѣвушки, не имѣвшей дѣтей до брака. Ея волосы бываютъ совершенно покрыты: спереди на лбу красуется красная шерстяная или шелковая повязка, вышитая золотомъ или серебромъ, а въ большинствѣ случаевъ мишурой; надъ этою повязкой помѣщается вѣнокъ изъ искуственныхъ красныхъ цвѣтовъ, перемѣшанныхъ съ листьями, сдѣланными изъ вызолоченной бумаги; изъ такой же бумаги сдѣланы и звѣзды, которыми унизанъ этотъ вѣнокъ; къ нему прикалывается множество лентъ одинаковой длины, хотя разной ширины и разныхъ цвѣтовъ; эти ленты, падая до поясницы, въ родѣ разноцвѣтнаго платка, совершенно покрываютъ собою сзади волосы новобрачной. Если невѣста дѣвушка, имѣвшая до брака дѣтей, то она, по народному обычаю, не имѣетъ права дѣлать себѣ головнаго убора, а просто покрываетъ голову платкомъ. Если же она вдова, то надѣваетъ обыкновенный головной уборъ замужней женщины, который мы уже выше описали. Весьма естественно, что, какъ подвѣнечный костюмъ, такъ и головной уборъ невѣсты весьма разнообразится, смотря по мѣстности. Такъ, напримѣръ, въ Польицѣ (въ Далмаціи) верхняя одежда невѣсты обыкновенно приготовляется изъ алаго сукна; на голову надѣваютъ вѣнокъ изъ зеленыхъ листьевъ, въ которые вплетаются золотыя нитки. Ноги обуты въ желтые башмаки и красные чулки, украшенные желтыми лентами. Опоясываютъ ее обыкновенно золотымъ и голубымъ поясами.

Когда женихъ со всей своей свитой подойдетъ къ дверямъ дома невѣсты, то «чавушъ» запрещаетъ пѣть; кто его ослушается, тотъ долженъ выпить всю «чутуру» вина, принесенную кумомъ. Двери

*) Многія помѣщицы нарочно заготовляютъ эти красные платки, которые даютъ надѣвать выходящимъ за мужъ дѣвушкамъ окрестныхъ деревень; такъ напримѣръ: хорватская землевладѣлица графиня Войнфи нарочно для этого случая заказала богатый платокъ изъ краснаго сукна, усѣянный золотыми звѣздами, который давала, въ теченіи десяти лѣтъ, надѣвать бѣднымъ сельскимъ невѣстамъ тѣхъ двухъ приходовъ, гдѣ находятся ея земли.

бываютъ заперты, кумъ долженъ бываетъ заплатить извѣстную сумму, чтобы ихъ отворили. Невѣста, въ присутствіи деверя и дружки, встрѣчаетъ поѣзжанъ и, поочередно поцѣловавши ихъ, вводитъ въ комнату. Дѣвушки-родственницы и подруги невѣсты раздаютъ присутствующимъ сплетенные наканунѣ вѣнки и поютъ сложенныя на этотъ случай пѣсни. Въ Военной Границѣ существуетъ слѣдующій обычай: когда женихъ со свитой подходитъ къ дверямъ невѣсты, отецъ невѣсты отворяетъ дверь куму или «чаушу», и при этомъ спрашиваетъ: «что за люди пришли? откуда? и чего они ищутъ?» Одинъ изъ сватовъ отвѣчаетъ: «одна наша овца убѣжала и мы желаемъ знать, не забѣжала-ли она въ вашъ плетень?» Отецъ невѣсты говоритъ: «у меня въ стадѣ нѣтъ чужой овцы». Чтобы удостовѣриться въ справедливости его словъ, поѣзжане спѣшатъ войти во внутрь дома. Старыя женщины начинаютъ имъ показывать всѣхъ и получаютъ отрицательные отвѣты до тѣхъ поръ, пока не покажутъ имъ самой невѣсты. Женихъ, поцѣловавши невѣсту въ лобъ, долженъ потрясти ее за голову; если онъ этого не сдѣлаетъ, то не онъ будетъ управлять женою, а она имъ.

Послѣ того какъ всѣ соберутся въ домѣ невѣсты, ставятъ на столъ горшокъ съ супомъ: женихъ и невѣста подходятъ къ столу и берутъ по одной ложкѣ суну. Затѣмъ кумъ подводитъ ихъ къ родителямъ невѣсты за полученіемъ благословенія. Получивши родительское благословеніе, невѣста, въ послѣдній разъ танцуетъ съ своими подругами-дѣвушками «коло», а по окончаніи танца, даетъ одной изъ своихъ подругъ платокъ, который та передаетъ «воеводѣ» *). При этомъ дѣвушки поютъ пѣсню:

Знаменосецъ — гордость наша,
Коло дастъ тебѣ подарокъ,
Если жь сдѣлать не захочетъ,
То съ коня мы снявъ узду
И сейчасъ ее продавъ,
Купимъ мы подарокъ коло.

*) Этотъ обычай завѣщанъ стариною, когда воевода носилъ сватовское знамя. Впрочемъ, еще и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Военной Границы носится знамя. Въ него обыкновенно втыкается два яблока: одно снимаютъ, когда молодые выходятъ изъ дома; а другое — остается; если оно затеряется, то это означаетъ, что въ томъ же году свекоръ и свекровь должны умереть.

Обрядъ вѣнчанія долженъ непремѣнно происходить въ церкви того прихода, гдѣ живутъ женихъ и невѣста; если-же они изъ разныхъ приходовъ, то обрядъ вѣнчанія бываетъ въ церкви того села, гдѣ живетъ невѣста. Обрядъ вѣнчанія обыкновенно происходитъ утромъ послѣ обѣдни, во время которой молодые причащаются.

Оставляя родительскій домъ, невѣста должна пройти кухню, гдѣ на полу ставятъ горшокъ съ сырымъ молокомъ. Проходя мимо горшка, невѣста должна его опрокинуть ногой. Пролитое такимъ образомъ молоко означаетъ, что молодые будутъ жить въ изобиліи. Когда всѣ поѣзжане выйдутъ изъ дома, старая сватица бросаетъ черезъ домъ калачъ, а затѣмъ и остальные присутствующіе начинаютъ бросать по тому же направленію все, что имъ попадается подъ руку. Если женихъ изъ того-же села, откуда и невѣста, то онъ, вмѣстѣ съ невѣстой и въ сопровожденіи поѣзжанъ, идетъ въ домъ своихъ родителей за полученіемъ благословенія; въ противномъ случаѣ, вся свадебная процессія отправляется прямо въ церковь пѣшкомъ, несмотря на то, что иногда церковь находится на весьма большомъ разстояніи отъ дома родителей невѣсты. Главнымъ лицомъ въ свадебной процессіи является кумъ, который отдаетъ приказаніе «чавушу», какъ все надлежитъ устроить. Процессія подвигается въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала идетъ «чавушъ», обыкновенно вооруженный саблею, за нимъ «старая сватица» съ «чутурой» вина, привязанной къ поясу, и съ яблокомъ, приколотымъ къ груди, за ней — музыканты; далѣе — невѣста подъ руку съ кумомъ, въ сопровожденіи своихъ родныхъ *); замыкаетъ шествіе женихъ, который идетъ поодаль отъ своихъ родственниковъ, а за нимъ его отецъ и родные. Прежде чѣмъ войти въ церковь, невѣста, идя подъ руку съ кумомъ, три раза обходитъ вокругъ нея; затѣмъ переходитъ она церковный порогъ, стараясь его не коснуться, чтобы, по народному повѣрью, у ней легче рождались дѣти.

---

*) Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Славоніи, невѣста, въ сопровожденіи одной только дѣвушки — своей родственницы, идетъ пѣшкомъ въ церковь, гдѣ ее ожидаютъ женихъ и сваты.

Во время вѣнчанія кумъ стоитъ сзади жениха, а старшій сватъ — сзади невѣсты. На плечи жениха и невѣсты налагаютъ два куска матеріи шерстяной или ситцевой, смотря по средствамъ стараго свата и кума; эти матеріи составляютъ ихъ подарки новобрачнымъ. По окончаніи вѣнчанія, новобрачные смотрятъ: на какой сторонѣ алтаря свѣчи больше сгорѣли и на какой — меньше: если на сторонѣ новобрачнаго свѣчи меньше сгорѣли, чѣмъ на сторонѣ новобрачной, то мужъ будетъ жить дольше своей жены и на оборотъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ, въ Польицѣ (въ Далмаціи), невѣста послѣ бракосочетанія тутъ же въ церкви раздаетъ присутствующимъ яблоки.

По окончаніи вѣнчанія свадебная процессія идетъ въ домъ новобрачной въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди всѣхъ танцуетъ и скачетъ шутъ, испуская крики радости и дѣлая различныя остроты на счетъ проходящихъ; за нимъ слѣдуетъ музыка; далѣе идетъ молодой, сопутствуемый отцомъ, кумомъ, старымъ сватомъ и другими ближайшими родственниками; затѣмъ идетъ новобрачная подъ руку съ кумомъ, а сзади нея—кума, которая обыкновенно наблюдаетъ за ея туалетомъ, въ особенности—за ее головнымъ уборомъ, а за кумой—идутъ родные молодой. Свадебная процессія идетъ теперь уже по иной дорогѣ, чѣмъ по какой шла въ церковь, если встрѣчается на пути кабакъ или домъ кого-либо изъ знакомыхъ, то вся эта толпа останавливается, чтобы выпить за здоровье молодыхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ въ Польицѣ (въ Далмаціи), лица, принимающія участіе въ свадебной процессіи, дорогою поютъ и стрѣляютъ изъ ружей. А въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Славоніи невѣста съ одною изъ своихъ родственницъ возвращается пѣшкомъ изъ церкви въ домъ родительскій, куда женихъ со сватами ранѣе ея пріѣзжаетъ на телѣгахъ.

Пришедши въ домъ новобрачной, родственники молодыхъ посылаютъ музыку сзывать на свадьбу остальныя приглашенныя семейства. Когда всѣ онѣ соберутся въ домѣ молодой, то подаютъ обѣдъ. На одномъ концѣ стола, который обыкновенно ставится близко къ стѣнѣ, сидитъ новобрачная; сзади на крючкахъ, вбитыхъ въ стѣну, повѣшены: во 1-хъ, полотенце, чтобы новобрачная могла облокотиться

объ стѣну, не запачкавши при этомъ своего платья; и во 2-хъ на ленточкахъ—яблоки. Во время свадебнаго обѣда, новобрачная мало говоритъ и мало ѣстъ, желая выразить тѣмъ свою скромность; около нея обыкновенно стоитъ кума и безпрестанно поправляетъ ея головной уборъ. Вмѣстѣ съ молодыми сидятъ за столомъ только мужчины; женщины же остаются въ кухнѣ, помогаютъ кухаркѣ готовить кушанье и прислуживать при столѣ. Свадебный обѣдъ обыкновенно состоитъ изъ трехъ—четырехъ сортовъ суповъ, которые подаются одинъ за другимъ, изъ овощей, жаркого и разныхъ пироговъ; особенно отличается онъ обиліемъ вина; почитается особою честью быть «делибашемъ», который подаетъ вино за столомъ. Въ то время, когда подаютъ кислую капусту, деверь начинаетъ говорить рѣчь, въ заключеніе которой провозглашаетъ тостъ за здоровье молодыхъ, сопровождаемый музыкой. Тогда молодая встаетъ изъ-за стола и обходя всѣхъ присутствующихъ, поочередно ихъ цѣлуетъ. Когда пьютъ за здоровье молодой, она должна встать съ чашей мужа и поблагодарить за этотъ тостъ: кумъ полагаетъ ей въ чашу нѣсколько монетъ. Въ то время, когда пьютъ за здоровье молодыхъ, соѣзди, стоящіе вблизи дома новобрачной, стрѣляютъ изъ ружей; сваты угощаютъ ихъ виномъ. Въ концѣ обѣда молодая дѣвушка изъ родныхъ новобрачной, танцуя и держа на головѣ корзинку, въ которой находится свадебный пирогъ «гибаница», обыкновенно приготовленный изъ творогу и сушенаго винограда или орѣховъ, входитъ въ комнату. Въ окрестностяхъ г. Загреба и въ Славоніи существуетъ обычай, по которому по окончаніи обѣда, новобрачная со сватомъ обходитъ всѣхъ присутствующихъ; сватъ держитъ тарелку, на которой лежатъ ситцевые платки, молодая же даритъ ихъ присутствующимъ.

Послѣ обѣда начинаются танцы: сперва гости танцуютъ съ дѣвушкой, принесшей «гибаницу», а потомъ, и съ прочими дѣвушками. Новобрачный обыкновенно танцуетъ съ новобрачной, а если кто либо изъ гостей и пожелалъ бы съ ней танцовать, то онъ можетъ исполнить это желаніе не иначе, какъ получивши на то согласіе ея мужа. Въ пѣсняхъ и пляскахъ проходитъ первый день свадьбы. Вечеромъ, во время ужина, старый сватъ беретъ за руку кухарку, которая приготовила свадебный обѣтъ и ужинъ и, обходя

съ нею всѣхъ присутствующихъ, говоритъ при этомъ слѣдующее: «кухарка обожглась, въ кухнѣ много сгорѣло, понесла она большой убытокъ,—пусть ей дадутъ, сколько могутъ». При этомъ каждый изъ присутствующихъ даетъ кухаркѣ по нѣскольку крейцеровъ. Надо замѣтить, что молодая, въ теченіи всего дня, постоянно кланяется каждому свату, если бы имъ былъ даже ребенокъ.

Послѣ ужина, молодые, получивши родительское благословеніе, идутъ въ спальню, въ сопровожденіи кума, кумы, стараго свата, деверя и шута. Кума снимаетъ съ новобрачной головной уборъ, расплетаетъ ея косы въ знакъ того, что она не будетъ больше ходить съ непокрытою головой. Мужъ снимаетъ съ своей молодой жены вѣнецъ, а она стягиваетъ съ его ногъ сапоги. Этотъ обрядъ выражаетъ собою взглядъ юго-славянъ на отношеніе супруговъ: снимая вѣнокъ, надѣтый на голову молодой во время дѣвичества, мужъ доказываетъ тѣмъ самымъ свои права на ея дѣвственность, а жена, снимая съ ногъ своего мужа сапоги, выражаетъ тѣмъ свою готовность добровольно подчиняться его волѣ. Затѣмъ приносятъ горшокъ съ меломъ и двѣ ложки, чтобы молодые ѣли и пили, и красивыхъ дѣтей родили; послѣ этого деверь и кумъ подводятъ молодую къ брачному ложу (таламосъ): молодые остаются одни. Съ уходомъ молодыхъ, свадебный пиръ не кончается: онъ длится далеко за полночь.

На слѣдующій день утромъ, кума надѣваетъ на молодую обыкновенный чепчикъ замужней женщины, описаніе котораго мы уже выше представили и выходитъ съ нею изъ спальни въ другую комнату. Домочадцы стерегутъ моментъ, когда молодая выходитъ изъ спальни съ покрытою головой. Едва только ее они замѣтятъ, какъ начинаютъ стрѣлять изъ ружей. Тогда сосѣди знаютъ, что молодая встала. Первымъ ея дѣломъ—идти въ кухню, вымести тамъ полъ, развести огонь и т. д. Затѣмъ, взявши рукомойникъ, она идетъ на рѣку за водой. Вернувшись домой, молодая становится въ комнатѣ поодаль отъ входа, держа въ рукахъ рукомойникъ, а возлѣ нея—деверь или кумъ съ умывальницей въ рукахъ. По принятому обычаю, новобрачная поливаетъ изъ руко-

мойника воду на руки всѣхъ тѣхъ, которые приходятъ ее поздравить; посѣтители же, получая въ то же время отъ деверя или кумы по яблоку, бросаютъ, смотря по своимъ средствамъ, въ умывальницу по серебряной или мѣдной монетѣ. Эти денежные подарки носятъ особое названіе «поливочина», отъ слова поливать. Значеніе этого обряда неизвѣстно: очень можетъ статься, что онъ означаетъ то, чтобы новобрачная была быстра въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ текущая вода. Такое мытье рукъ продолжается до половины дня. Впрочемъ въ Славоніи молодая моетъ руки только своимъ домашнимъ, затѣмъ, въ сопровожденіи деверя, шута и музыканта, отправляется руки мыть по очередно ко всѣмъ сватамъ и къ куму; каждый изъ нихъ даетъ ей по нѣсколько крейцеровъ. Когда всѣ посѣтители—кумъ, кума, сваты и родственники молодыхъ, соберутся въ домъ новобрачной, происходитъ угощеніе; за столомъ прислуживаетъ молодая. Послѣ обѣда, сваты получаютъ подарки: либо по калачу, украшенному искуственными цвѣтами и лентами, либо по ситцевому красному платку. Когда подарки бываютъ розданы, «воевода», взявши тарелку и сопровождаемый шутомъ, обходитъ всѣхъ сватовъ: каждый изъ нихъ полагаетъ на тарелку монету мѣдную или серебряную. Затѣмъ начинаются пляски, пѣніе и т. п.

Въ большинствѣ случаевъ, новобрачная, въ теченіе первыхъ трехъ дней послѣ свадьбы остается въ родительскомъ домѣ; впрочемъ въ иныхъ мѣстахъ, уже на второй день свадьбы она идетъ въ домъ своего мужа. Теперь посмотримъ, какъ молодые проводятъ третій день свадьбы, въ случаѣ если и на этотъ день новобрачная остается въ домѣ своихъ родителей? Въ этотъ день приходятъ къ молодымъ обѣдать родственники мужа. Главною принадлежностью этого обѣда служитъ свадебный пирогъ «гибаница». Во время обѣда, «чавушъ» обходитъ съ тарелкою всѣхъ присутствующихъ и собираетъ деньги для молодыхъ. Въ концѣ обѣда ставятъ на столъ для продажи хлѣбъ, называемый «погача»; вырученныя отъ продажи деньги идутъ въ пользу «куте-хазды» (отца семейства). Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ втыкаютъ розу въ яблоко, которое получаетъ названіе «зелене горе» и продаютъ его, а вырученныя деньги даются молодой

женѣ. По окончаніи обѣда, одинъ изъ музыкантовъ обходитъ всѣхъ присутствующихъ, прося денегъ въ пользу музыкантовъ.

Но вотъ наступаетъ время, когда новобрачная должна оставить родительскій домъ и отправиться въ домъ своего мужа. Прежде чѣмъ молодая выходитъ изъ родительскаго дома, ей подаютъ горшокъ съ супомъ: она ѣстъ ложку супу; за тѣмъ братъ молодой, держа ее за правую руку, а деверь за лѣвую, подводятъ ее къ разведенному огню; туда подходятъ и родители новобрачной съ большимъ калачемъ въ рукахъ, на которомъ обыкновенно бываетъ поставлена чаша, наполненная виномъ: эта чаша называется «молитвена чаша». Отецъ новобрачной спрашиваетъ у сына и деверя: «чего вы ищете отъ меня грѣшника?» на это они отвѣчаютъ: «мы ищемъ отъ тебя, чтобы ты сказалъ своей дочери доброе слово, чтобы Богъ далъ ей всякое доброе счастье, какъ и тебѣ». Тогда отецъ молодой, держа въ рукахъ калачъ, произноситъ слѣдующія слова: «дщерь, пусть Богъ пошлетъ тебѣ всякое счастье и всякое добро, какое я желаю самому себѣ». За тѣмъ мать молодой, держа также въ рукахъ калачъ, подходитъ къ своей дочери и говоритъ ей: «дорогая моя дочь! да дастъ тебѣ Богъ доброе счастье! сколько шаговъ ты сдѣлаешь отъ родительскаго порога до мужняго дома, столько да пошлетъ тебѣ Богъ добрыхъ и счастливыхъ часовъ въ жизни». Это благословеніе родителями новобрачной называется «добра молитва», самый же калачъ «молитвенница»; въ южной Далмаціи этотъ калачъ носитъ названіе «самунъ». По полученіи благословенія новобрачной, мужъ надѣваетъ на ея голову свою шапку: можетъ статься, что этотъ обычай беретъ начало изъ глубокой древности, а именно у римлянъ, которые имѣли также обычай «nubere» т. е. покрывать голову невѣсты. За тѣмъ молодая прощается съ своей родней; но прежде чѣмъ выйти изъ дома, гдѣ происходило свадебное пиршество, мужъ беретъ какую либо посуду и разбиваетъ ее. При этомъ родители новобрачной пьютъ за ея здоровье, произнося слѣдующія пожеланія: «Боже помоги ей! Иди съ Богомъ, дочь; изъ этого дома ты выходишь въ добрый часъ, а въ другой домъ ты вступишь въ еще болѣе счастливый часъ! Лю-

бающая дочь, пусть Богъ тебѣ поможетъ, чтобы великая твоя работа столь-же быстро подвигалась, какъ вода въ Рождество и какъ листъ и трава въ Юрьевъ день, чтобы твой братъ и всякій твой пріятель позавидовали бы твоему счастью, и чтобы не иначе ты пришла въ этотъ домъ, какъ въ гости».

Получивъ такого рода наставленія, молодые оставляютъ родительскій домъ новобрачной; ихъ сопровождаетъ иногда мальчикъ, обыкновенно сидящій на конѣ (наконче, чета). Если мужъ изъ другаго села, то онъ отправляется къ себѣ въ домъ съ молодой въ телѣгѣ; сзади подруги новобрачной везутъ въ телѣгѣ ея кровать. Если лошади не захотятъ бѣжать или же ось въ телѣгѣ сломается, то все это означаетъ, по народному повѣрью, что нѣчто недоброе ожидаетъ молодую въ новомъ ея жилищѣ. При выѣздѣ изъ села, мѣстные селяне окружаютъ мужа и не выпускаютъ изъ села молодую, говоря, что онъ долженъ ее выкупить. Тогда мужъ даетъ имъ калачъ и немного денегъ. Пріѣхавши въ село мужа, молодая должна дать сельскимъ дѣтямъ калачъ; наконецъ они подходятъ къ родительскому дому мужа; но двери его заперты. Родители мужа спрашиваютъ его: «сынъ, кого ведешь?» Онъ отвѣчаетъ: «жену». Тогда родители отворяютъ двери. Прежде, чѣмъ войти въ домъ, молодая, вынувши изъ-за пазухи яблоко, бросаетъ его черезъ домъ. При входѣ новобрачныхъ въ домъ, отецъ и мать мужа окропляютъ ихъ святою водой; затѣмъ даютъ молодой рѣшето съ житомъ, которое она должна просѣять и просѣянное даетъ птицамъ. Посреди комнаты разводится огонь: молодая должна три раза обойти вокругъ огня и во все время раздувать его. Когда онъ сильно разгорится и яркимъ пламенемъ озаритъ всю комнату, то молодые нагибаются и цѣлуютъ землю около разведеннаго огня. Послѣ этого соблюдается слѣдующій обрядъ: молодая сажаетъ на свои колѣни мальчика, выражая тѣмъ свое желаніе, чтобы ихъ первенецъ былъ мужескаго пола; этотъ обрядъ называется «колѣнчить». Въ Военной Границѣ молодая, взявши на руки ребенка, обходитъ три раза вокругъ разведеннаго огня, стараясь при этомъ все болѣе и болѣе его раздувать. Молодая пьетъ вино, поданное ей свекровью, за здоровье всѣхъ

присутствующихъ, а когда опорожнитъ чашу, то кладетъ внутрь ея монету, которую беретъ себѣ свекровь. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Славоніи существуетъ слѣдующій обычай. Свекровь ставитъ подъ каждую пазуху молодой по одному пшеничному хлѣбу, молодая, въ свою очередь, взявши на руки дитя мужескаго пола, обвертываетъ вокругъ его шеи платокъ и смотритъ на печь: хлѣбы означаютъ, что молодая никогда не должна терпѣть голода, а въ печь она смотритъ для того, чтобы ея дѣти имѣли черные глаза; иногда ей даютъ жевать медъ, чтобы изъ ея устъ постоянно лилась сладкая рѣчь. Впрочемъ въ каждомъ селѣ существуетъ своего рода обычай. Мы не можемъ при этомъ не замѣтить, что молодая, едва только переступаетъ порогъ дома своего мужа, не можетъ изъ скромности, какъ говоритъ народъ, называть своихъ новыхъ родственниковъ, по имени; а если обращается къ нимъ, то не иначе какъ съ ласкательными словами, какъ напримѣръ: «златойе», «соколъ» и другими.

По окончаніи свадебныхъ празднествъ въ первое воскресенье, родители молодой приходятъ навѣстить дочь; за ними приходятъ къ молодой: кумъ, старой сватъ и шутъ, а иногда и другіе сваты. Поздно вечеромъ кончается обѣдъ; за тѣмъ всѣ расходятся по домамъ. Въ первую пятницу послѣ сватьбы, молодые обыкновенно идутъ навѣстить своихъ родныхъ и сосѣдей. Они отправляются въ домъ своего тестя, гдѣ ихъ угощаютъ «цицварой»; тесть даетъ ему деньги и одежду, а теща носки. У сербовъ существуетъ обычай отправлять, въ первое время послѣ сватьбы, въ масоѣдъ молодую жену съ ея деверемъ на нѣсколько дней къ ея роднымъ: этотъ обычай называется «побожична часть».

Но вотъ жизнь молодыхъ вошла въ обычную колею; тихо начинаетъ двигаться монотонно вертящееся колесо семейной жизни, одушевляемой только изрѣдка радостными празднествами крестинъ и свадебъ и грустною погребальною процессіей.

V.

Родины: народныя примѣты относительно беременности женщины; замѣтка объ условіяхъ, отъ которыхъ зависитъ будущность ребенка; народныя суевѣрія, связанныя съ кормленіемъ ребенка; о важности положенія кума и кумы въ семействѣ новорожденнаго. Крестины. «Бабине». «Материнице». Описаніе празднованія дня именинъ. Слава.

Родины обставлены различнаго рода обрядами и народными повѣрьями, на которыя мы и обратимъ вниманіе читателя.

Въ Далмаціи существуетъ повѣрье, что если появится у кого-либо на глазу ячмень, это означаетъ, что какая-либо изъ его родственницъ беременна; если ячмень появится на верхней рѣсницѣ, это явный признакъ того, что родится дитя мужескаго пола, если на нижней, то женскаго пола. Во все время беременности женщина ѣстъ и пьетъ все, что попадается ей подъ руку; впрочемъ остерегается потребленія мяса овцы или козы, укушенной волкомъ: если она поѣстъ этого мяса, то родившееся дитя будетъ покрыто ранами, которыя носятъ названіе «вукоедина».

Но вотъ наступаетъ время родовъ. Если они бываютъ трудны, то родственницы родильницы, какъ существуетъ обыкновеніе въ южной Далмаціи, спѣшатъ взять сосудъ съ водою и начинаютъ переливать ее черезъ голову родильницы, произнося при этомъ слѣдующія слова: «вода изъ сосуда, а тебѣ дѣтей», иначе сказать онѣ желаютъ родильницѣ, чтобы она столь же быстро разрѣшилась отъ бремени, сколь быстро течетъ вода изъ сосуда. Притомъ родственницы родильницы спѣшатъ выгнать изъ ея дома всѣхъ домашнихъ животныхъ. Если черезъ новорожденнаго, прежде чѣмъ онъ будетъ окрещенъ, перескочитъ кошка или какое-либо другое животное, то онъ, по народному суевѣрію, становится несчастнымъ на всю жизнь: онъ не будетъ имѣть постояннаго жительства и, въ теченіи всей своей жизни, будетъ вынужденъ ходить изъ села въ село и добывать себѣ деньги, забавляя народъ то игрою на какомъ-либо инструментѣ, то различнаго рода кривляніями, а также шарлатанствомъ. Но деньги не пойдутъ ему въ прокъ: какъ легко онѣ ему будутъ доставаться, такъ легко и будутъ уходить у него изъ рукъ. Въ на-

родѣ онъ носитъ особое названіе «чаратанъ» (шарлатанъ). Вообще юго-славянинъ, въ моментъ рожденія младенца, наблюдаетъ, при какихъ условіяхъ онъ родился и по нимъ опредѣляетъ его будущность. По понятію юго-славянъ, будущность новорожденнаго зависитъ отъ слѣдующихъ обстоятельствъ: 1) отъ времени рожденія. Если появившаяся на небосклонѣ луна освѣтила сельскій домикъ въ тотъ моментъ, когда родился тамъ младенецъ, то участь новорожденнаго была уже рѣшена: онъ будетъ несчастенъ въ своей жизни. Народъ придаетъ также большое значеніе рожденію двухъ братьевъ въ одинъ и тотъ же мѣсяцъ, хотя и въ разные года. Въ этомъ случаѣ они называются «едномѣсечи». По народному повѣрью, одинъ изъ нихъ не можетъ быть счастливымъ въ жизни. Если одинъ помретъ, то другой привязываетъ свою ногу къ ногѣ покойника и говоритъ стоящему подлѣ него своему пріятелю, который обыкновенно принимаетъ участіе въ этомъ обрядѣ: «ты мой братъ по Богу, пусти меня». Тогда его пріятель отвязываетъ его ногу и съ этихъ поръ между ними установляется побратимство, если только раньше оно не было заключено. Будущность новорожденнаго зависитъ также во 2-хъ отъ количества дѣтей мужескаго пола. Если у кого двѣнадцать дѣтей мужескаго пола, то двѣнадцатый называется «крестникъ«, его ожидаетъ участь «врачара»: ему будетъ даровано, по народному понятію, знаніе всѣхъ родовъ колдовства; но онъ не будетъ смѣть никому ихъ передать.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Славоніи, мать не даетъ своему младенцу груди до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ окрещенъ. По народному понятію, грѣшно давать что-либо младенцу ранѣе крестинъ. Существуетъ повѣрье, что мать не должна начинать кормить своего новорожденнаго лѣвою грудью, такъ какъ впослѣдствіи онъ сдѣлается лѣвшой. Прежде чѣмъ мы приступимъ къ описанію обрядовой стороны крестинъ, скажемъ нѣсколько словъ о положеніи кума и кумы въ семействѣ новорожденнаго. Кумъ и кума, которые на свадьбѣ, какъ мы выше замѣтили, играютъ роль посаженнаго отца и посаженной матери, выбираются родителями для всѣхъ своихъ дѣтей и только въ случаѣ смерти младенца, выбираютъ другихъ куновей для вновь родившихся дѣтей. Вообще они пользуются большимъ

уваженіемъ въ томъ домѣ, гдѣ были воспріемниками. Даже существуетъ пословица: «надлежитъ поклониться кумовой оградѣ, а тѣмъ болѣе куму». Важность положенія кума въ семействѣ видна и изъ того, что весьма часто выбираютъ въ кумовья того, кто во время несчастія, постигшаго семейство, оказалъ ему услугу. «Помоги мнѣ и первое кумовство въ моемъ домѣ пусть будетъ твоимъ» такъ одинъ юго-славянинъ говоритъ другому въ минуту несчастія. Вообще народъ думаетъ, что если кумовья счастливы то и ихъ крестникъ также будетъ счастливъ.

Крещеніе обыкновенно происходитъ въ церкви, въ самый день рожденія младенца. Положивши новорожденнаго на подушку и покрывши его узорчатымъ платкомъ, въ большинствѣ случаевъ молодая дѣвушка несетъ его на рукахъ въ церковь, а за нею идутъ кумъ и кума. Прежде, чѣмъ вынесутъ новорожденнаго изъ дому, старая женщина слегка прикасается до него какимъ-либо орудіемъ, напримѣръ сѣкирой, если только онъ мужескаго пола, и говоритъ при этомъ слѣдующее: «будь хорошимъ пахаремъ, боронильщикомъ и косаремъ, какъ твой отецъ, и способнымъ тесаремъ и столяромъ, какъ твой дѣдъ», а если младенецъ женскаго пола, то прикасается до него прядью и произноситъ слѣдующія слова: «будь хорошей прачкой, ткачихой, швеей и вязальщицей, какъ твоя бабушка и твоя мать». Затѣмъ эта старая женщина посыпаетъ возлѣ новорожденнаго немного соли и бросаетъ нѣсколько кусковъ хлѣба: соль означаетъ богатство, а хлѣбъ изобиліе. При крещеніи кумъ обыкновенно держитъ правою рукой за голову, а лѣвою за ноги младенца; кума-же прикасается къ груди. Изъ церкви кума несетъ новорожденнаго въ домъ. По возвращеніи изъ церкви кумъ и кума приносятъ различнаго рода подарки родителямъ новорожденнаго. При крещеніи обыкновенно даютъ и имя новорожденному; по большей части дается ему либо имя того святаго, который чтется въ семействѣ родильницы или же въ день котораго онъ родился, либо имя родителей; иногда даютъ новорожденному имя «Живко», чтобы онъ долго жилъ и т. д.

Въ Сремѣ существуетъ обычай, извѣстный подъ именемъ «бабине»: онъ состоитъ въ томъ, что, въ теченіи семи дней, домъ, въ

которомъ находится родильница, обыкновенно посѣщается сосѣдками. Утромъ приходятъ къ родильницѣ на «бабине» женщины съ дѣтьми, принося съ собой «мале бабине»: такъ называется пища, которою, во все это время, питаются семейства родильницы и гости. Она состоитъ изъ «цацвары» (особый родъ кушанья), «пите» (пирогъ) и калача. Ночью-же сосѣди и сосѣдки собираются въ домѣ родильницы, чтобы стеречь «бабине»: это состоитъ въ томъ, что сидятъ всю ночь около родильницы, разговариваютъ, поютъ различныя пѣсни, однимъ словомъ стараются провести время какъ можно веселѣе. Собранія бываютъ многолюдны въ третью и седьмую ночь. Если кто-либо засыпаетъ, въ особенности въ седьмую ночь, то пришиваютъ что-либо къ его платью и затѣмъ начинаютъ надъ нимъ подсмѣиваться. Если праздникъ Святаго, чтимаго семействомъ родильницы, совпадаетъ со временемъ, когда исполнится восемь или девять дней новорожденному, то въ домѣ устраивается семейное торжество—«селике бабине», на которое, кромѣ кума, собираются преимущественно женщины. Если какой-либо сосѣдъ случайно зайдетъ въ этотъ день въ домъ родильницы, то присутствующіе на семейномъ праздникѣ спѣшатъ взять у него шапку и до тѣхъ поръ ему не возвращаютъ, пока онъ ее не выкупитъ: деньги, полученныя за выкупъ шапки идутъ въ пользу новорожденнаго. Хозяйка дома обыкновенно даетъ обѣдъ, на которомъ почотныя мѣста занимаютъ кумъ и куна. Въ концѣ обѣда, повивальная бабка подноситъ новорожденнаго къ куму или къ кумѣ (если новорожденный мужескаго пола, то она его подноситъ къ куму, а если—женскаго, то къ кумѣ) и даетъ куму или кумѣ ножницы, чтобы обрѣзать нѣсколько волосъ у новорожденнаго: это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы голова у новорожденнаго не болѣла и чтобы волосы хорошо росли, какъ существуетъ объ этомъ повѣрье. Въ это время родильница даритъ куму полотенце, а кумѣ—„оплечакъ“ (вышитое оплечье женской рубашки); въ свою же очередь, кумъ и куна кладутъ на пеленки своего воспріемника по нѣскольку монетъ. Затѣмъ начинаются сборы денегъ съ присутствующихъ: сначала повивальная бабка обходитъ ихъ съ тарелкою и собираетъ деньги въ пользу родильницы, а потомъ та женщина, которая приготовила обѣдъ: эта послѣдняя собираетъ уже въ свою пользу. Въ этотъ день нищіе обыкновенно получаютъ щедрое подаяніе.

Мы не можемъ при этомъ не упомянуть еще объ одномъ семейномъ празднествѣ «матерчинце», въ которомъ принимаютъ участіе только матери замужнихъ дѣтей. Это празднество бываетъ разъ въ годъ, а именно за двѣ недѣли до новаго года и состоитъ въ томъ, что гости, приходящіе въ избу замужней женщины, имѣвшей въ томъ году ребенка, связываютъ ее слегка веревкой, лентой или шнуркомъ: она должна отъ нихъ откупаться орѣхами, сушеными сливами и т. д. послѣ этого бываетъ угощеніе. По народному понятію, не слѣдуетъ новорожденному, ранѣе года, стричь ногтей, чтобы онъ не сдѣлался, со временемъ, воромъ.

Новорожденный мало по малу подростаетъ: онъ становится юношей и, наконецъ, вступаетъ въ зрѣлый возрастъ. Славянинъ, какъ римско-католикъ, такъ и православный празднуетъ свой «godovni dan» или «имендань» (именины), или «крсно име» (крёстное имя). Наканунѣ именинъ его-либо, приходятъ къ нему сосѣди и пріятели поздравить его съ наступающими именинами: «честита ти светковина, жив и здрав бio и много их іош у весельу и міру божьем доживіо» или «честита ти светковина, жив и здрав бio и оженіо се и я ти у светових бие—одкуни се или тью те обесит». Гости приносятъ подарки, именинникъ ихъ угощаетъ.

Отдѣльныя лица имѣютъ свой «имендань»; роды и семьи празднуютъ свою «славу». Обычай праздновать «славу» сохранился почти исключительно у сербовъ. Православные сербы, какъ богатые, такъ и бѣдные, стараются сколь возможно торжественнѣе отпраздновать свою «славу»: такъ называется празднованіе памяти какого-либо святаго, въ день котораго, по преданію, предки ихъ приняли крещеніе, вслѣдствіе чего этотъ святой считается патрономъ цѣлаго рода или семьи. Опишемъ теперь самое празднество. Наканунѣ «славы», поутру, самые молодые члены той семьи, которая будетъ праздновать день своего патрона, ходятъ по селу, созывая гостей на свой семейный пиръ. Входя въ домъ своихъ знакомыхъ, они снимаютъ шапки и обращаются къ нимъ съ слѣдующею рѣчью: «Богъ вамъ да поможетъ! Отецъ (или братъ) вамъ кланяется и проситъ придти на стаканъ раніа (водка); мы поговоримъ вмѣстѣ и проведемъ такимъ образомъ вечеръ наканунѣ дня святаго

Николая (или другого святаго, смотря по тому, который изъ нихъ празднуется); не откажите намъ, постарайтесь къ намъ придти». Приглашенные собираются вечеромъ въ домѣ того семейства, въ которомъ на слѣдующій день будутъ праздновать «славу». Входя въ домъ, они обыкновенно говорятъ: «счастливый вечеръ! желаемъ вамъ прожить много лѣтъ въ здравіѣ и веселіѣ». Нѣкоторые приносятъ съ собою яблоко или апельсинъ. Многіе изъ другихъ селъ приходятъ на «славу» безъ приглашенія. Послѣ ужина всѣ расходятся. Хозяинъ, провожая своихъ гостей, приглашаетъ ихъ снова придти къ нему съ наступленіемъ утра: «приходите завтра на стакань ракіа». Такъ заканчивается канунъ «славы». На слѣдующій день всѣ члены семьи, которая празднуетъ «славу» собираются въ церкви, принесши съ собою сосудъ съ пшеницей: по окончаніи литургіи, священникъ освящаетъ пшеницу и при этомъ молится за упокой душъ ихъ родственниковъ. По возвращеніи изъ церкви подаютъ обѣдъ. Прежде чѣмъ сѣсть за столъ, священникъ читаетъ кондакъ и тропарь святаго, въ честь котораго устраивается означенное празднество, и благословляетъ трапезу. Среди обѣда всѣ поднимаются изъ-за стола: въ комнату вносятъ восковую свѣчу, ладонъ и калачъ; священникъ снова читаетъ молитву, а затѣмъ раздѣляетъ калачъ между присутствующими. Надо замѣтить, что свѣчу, зажженную во время «славы», не задуваютъ, а тушатъ ее особымъ образомъ, именно—заливаютъ ее виномъ или-же хозяинъ того дома, въ которомъ празднуется «слава», беретъ кусочекъ хлѣба, обмоченный въ винѣ, и тушитъ имъ свѣчу, а хлѣбъ затѣмъ съѣдаетъ. Послѣ перерыва, происшедшаго въ срединѣ обѣда, всѣ опять садятся и въ это время начинаютъ предлагать тосты за членовъ семьи. Затѣмъ поются пѣсни въ большинствѣ случаевъ героическаго содержанія. Зажиточный сербъ устроиваетъ угощеніе и для бѣдныхъ своего околодка. Празднество это теперь продолжается всего одинъ день; но въ былое время продолжалось оно въ теченіе нѣсколькихъ дней. Такъ, напримѣръ, по народнымъ пѣснямъ, Марко Кралевичъ «славилъ» около недѣли дни св. Николая и св. Георгія.

Ни одинъ славянскій народъ не имѣетъ подобныхъ праздниковъ, которые носятъ на себѣ вполнѣ туземный отпечатокъ, исключительно

сродный сербамъ. Мы не можемъ не замѣтить, что празднованіе «славы», не смотря на все ея важное значеніе, очень не безвредно для народа, такъ какъ еще болѣе разоряетъ безъ того уже плохое его хозяйство.

VI.

О народныхъ способахъ врачеванія: взглядъ народа на различные недуги; постепенный ходъ развитія способовъ лѣченія; знахари и знахарки и ихъ способы лѣченія; талисманы; способы лѣченія дѣтскихъ болѣзней.—*Сельскій врачъ:* объ его научныхъ средствахъ; его обязанности; о способахъ лѣченія; описаніе универсальнаго средства отъ всѣхъ недуговъ, употребляемаго въ заведеніи стубицкихъ минеральныхъ водъ; причина недовѣрія народа къ врачу; о тяжеломъ положеніи сельскаго врача.

Болѣзни, по понятію народа, являются помощницами и спутницами смерти. Существуетъ легенда, что страшная «Мора» (въ древнеславянской миѳологіи «Мора» являлась богинею смерти) обѣщала одному крестьянину предупредить его о своемъ появленіи. Крестьянинъ зналъ всегда; его не безпокоила мысль о смерти; онъ крѣпко вѣрилъ данному обѣщанію. Но время проходило; молодость пролетѣла быстро и вотъ наступила старость со всѣми ея недугами. Старикъ и тутъ не унывалъ, ожидая появленія спутницъ смерти. Разъ вечеромъ, когда сумерки опустились уже на землю, предъ нимъ предстала страшная «Мора»: она хотѣла схватить его и унести въ загробное царство. Крестьянинъ вырывается: «какъ» говоритъ онъ, «ты не сдержала своего обѣщанія; ты вѣдь хотѣла прислать своихъ спутницъ предупредить меня о страшной минутѣ?» Мора отвѣчала: «развѣ не била тебя лихорадка? развѣ ты не чувствовалъ головокруженій,—ломы въ костяхъ, ослабленія зрѣнія и глухоты? Почему же ты лежишь на мнѣ, я сдержала свое обѣщаніе».

Эта легенда наглядно обрисовываетъ взглядъ народа на различные недуги, которые часто имъ олицетворяются. Чуму народъ представляетъ въ видѣ страшно-безобразной какого рода женщины, сухой, какъ знаютъ; вытянутая голова ея, безъ ушей

и безъ носа, имѣютъ маленькіе, глубоко-ввалившіеся глаза, наподобіе змѣиныхъ, а на ея рукахъ—длинные когти. Лихорадки представляются народу въ образѣ 12 чахлыхъ сестеръ, которыя изъ подземныхъ своихъ жилищъ прилетаютъ на землю, вселяются въ людей, начинаютъ ихъ трясти, разслабляютъ ихъ суставы и ломаютъ кости. Особенно интересно замѣчаніе хорвато-склавина о причинѣ появленія перемѣжающихся лихорадокъ. Когда у этихъ сестеръ бываетъ слишкомъ много дѣла, когда имъ нужно поспѣть и туда и сюда, то каждая изъ нихъ или цѣлуетъ при полетѣ избранную ею жертву, или же входитъ въ ея тѣло; но находится въ немъ недолго. Параскевинъ спохватывается, значитъ она вышла и улетѣла къ другому. Но разъ посѣтивъ тѣло, она его не позабываетъ и черезъ три дня возвращается туда обратно. Впрочемъ, по народному понятію, есть возможность узнавать—какого рода болѣзни будутъ господствовать въ наступающемъ году. Такъ напримѣръ если праздникъ Рождество приходится въ понедѣльникъ, то это предвѣщаетъ, что, въ наступающемъ году повсемѣстною болѣзнію будетъ лихорадка, если въ четвергъ, — то колотья въ боку, а если въ субботу, то будетъ большая смертность.

Такимъ образомъ, во всѣхъ болѣзняхъ играетъ преобладающую роль сверхъестественная сила; необходимо ее умилостивить, чтобы освободить себя отъ недуга. Первобытный способъ леченія былъ крайне простъ: земля признавалась, такъ сказать, вмѣстилищемъ всевозможныхъ болѣзней и чтобы исцелиться, необходимо было принести ей что-либо въ даръ. Такъ у нѣкоторыхъ славянъ существовалъ обычай зарывать въ землю, во время болѣзни, какую-либо вещь или просто цѣловать землю, обращаясь къ ней съ умилостивительными словами.

Въ слѣдующій періодъ мысли народа обращаются отъ земли къ небу и въ лицѣ жрецовъ начинаютъ соединяться обязанности служителя боговъ и врача. Способами леченія являются какого рода заклинанія, умилостивленія силъ небесныхъ и тѣхъ земныхъ предметовъ, которые почему-либо пріятны божеству или считаются мѣстомъ его пребыванія. Такъ напримѣръ, темный лѣсъ и тихія воды, которыя воображеніе народа населяетъ сверхъестественными существами, признаются спасительными средствами отъ различныхъ недугъ. Да еще теперь существуетъ у нашихъ славянъ обычай, во время жарко-

жающейся лихорадки, когда первый пароксизмъ болѣзни пройдетъ, отправляться къ близь растущей плакучей ивѣ, вѣтви которой свѣшиваются надъ рѣкой, и къ одной изъ нихъ привязать какую-либо вещь, затѣмъ больной «безъ оглядки» долженъ «бѣжать» домой. Въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ страдающій лихорадкой просверливаетъ въ деревѣ дырочку и кладетъ туда клокъ своихъ волосъ или кусочекъ своего платья; это жертвоприношеніе, часто портящее дерево, имѣетъ, по мнѣнію народа, спасительную силу и исцѣляетъ больнаго. Для излѣченія сумасшествія, южные славяне употребляютъ слѣдующій способъ. Родные несчастнаго приводятъ его подъ ясень и оставляютъ тамъ ночевать, положивши возлѣ него калачъ, чашу съ виномъ и кувшинъ съ водой. На другой день они возвращаются и начинаютъ раскапывать то мѣсто, гдѣ лежалъ больной; если находятъ какое-либо насѣкомое, то сейчасъ же кладутъ его въ кувшинъ съ водой и даютъ умалишенному пить эту воду. Народъ вполнѣ увѣренъ, что этотъ настой, выпитый при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ возстановить умственныя способности сумасшедшаго. Кромѣ того, сохранилось у южныхъ славянъ много и другихъ вѣрованій отъ этого періода божествленія силъ природы. Такъ придается особая цѣлебная сила огню, добываемому посредствомъ тренія и только-что почерпнутой водѣ, не служившей нуждамъ человѣка.

Далѣе народъ переходитъ отъ универсальныхъ средствъ къ болѣе частнымъ, спеціально предназначеннымъ только къ извѣстному роду болѣзней. Чрезъ посредство своихъ знахарей (врачаровъ) и знахарокъ (врачарицъ), онъ начинаетъ изучать цѣлебную силу травъ и примѣнять ихъ къ извѣстнаго рода болѣзнямъ. На этомъ послѣднемъ періодѣ развитія народныхъ способовъ врачеванія, за которымъ открывается уже обширное поле научной области, т. е. медицины, какъ науки, мы остановимся.

Когда болѣзнь начинается, крестьянинъ обыкновенно думаетъ, что его безпокоитъ дурная кровь. Больной спѣшитъ тогда обратиться къ ветеринару, прося его пустить кровь. Сельскій ветеринаръ обыкновенно продолжаетъ ремесло отца, совершенствуя его собственною практикой. Кромѣ ветеринарныхъ обязанностей, онъ также занимается и лѣченіемъ людей, а именно: пускаетъ кровь,

приготовляетъ разные пластыри отъ всевозможныхъ болѣзней и т. д. Въ изготовленіи пластырей ему часто является конкуренція: каждый ветеринаръ, желая пріобрѣсти покупателей, продаетъ свои пластыри подешевле и притомъ рисуетъ самыми яркими красками ихъ цѣлебную силу. Сельскій ветеринаръ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и дантистъ и цирюльникъ. Онъ вырываетъ зубы обыкновенно щипцами, прижимая колѣнкой паціента къ стѣнѣ.

Если болѣзнь принимаетъ серьёзный оборотъ, то зовутъ къ больному знахаря или же знахарку. Мы не считаемъ лишнимъ при этомъ замѣтить, что въ Далмаціи, а также и на далматинскихъ островахъ знахарки бываютъ двоякаго рода: однѣ извѣстны подъ именемъ «пеккара», другія — подъ именемъ «бахорнича»: къ симъ послѣднимъ прибѣгаютъ за совѣтами втайнѣ и только въ крайней нуждѣ. По понятію народа, знахари и знахарки находятся въ прямыхъ сношеніяхъ съ нечистою силой, очень близки къ прекраснымъ виламъ, которыя дали имъ средства врачеванія. Живутъ они часто въ уединенныхъ лачужкахъ, куда пробирается лишь тотъ, кто желаетъ спросить ихъ вѣщаго совѣта. Знахари и знахарки, обыкновенно либо до восхода солнца въ день св. Георгія либо въ ночь на Ивановъ день, собираютъ цѣлебныя растенія и травы и изъ нихъ приготовляютъ въ урочное время и погоду различныя лѣкарственныя снадобья и пластыри. Эти доморощенные эскулапы, пришедши въ домъ больнаго, начинаютъ его, смотря по роду его болѣзни, либо пичкать всѣми возможными снадобьями, приготовленными изъ различныхъ травъ или кореньевъ, либо натирать его мазью, либо заставляютъ его носить пластырь или талисманъ, однимъ словомъ употребляютъ всевозможныя средства, и чѣмъ средства разнообразнѣе, тѣмъ большее довѣрія пріобрѣтаютъ они къ себѣ среди простаго народа.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о томъ, изъ какихъ травъ знахари и знахарки приготовляютъ свои снадобья и къ какимъ средствамъ они прибѣгаютъ въ извѣстныхъ рода болѣзняхъ. Знахари и знахарки приготовляютъ свои снадобья изъ слѣдующихъ травъ и растеній: 1) «Одольанъ-трава» — это бѣлоцвѣтная и желтоцвѣтная кувшинка (nymphaea alba и lutea); 2) «Omedobe

трава»—подъ этимъ именемъ извѣстны разные виды цѣпнаго репейника; 3) «Прострео-трава»—это названіе дается тѣмъ травамъ, которыя, по формѣ ихъ стебля или корня, могутъ быть названы «простреленными», какъ напримѣръ: лютикъ, купальница — wolfswurz (aconitum lycoctonum); 4) лавровый листъ; 5) шалфей; 6) полынь; 7) мята; 8) розмаринъ; (изъ цвѣтковъ послѣдняго знахарки въ Далмаціи приготовляютъ душистую воду); 9) василекъ; 10) божье деревцо. Теперь посмотримъ—отъ какихъ болѣзней какія средства они употребляютъ.

Изъ травы «одольанъ-трава» дѣлаютъ слабый отваръ, такъ какъ крѣпкій можетъ произвести вредное дѣйствіе на организмъ. Этотъ отваръ служитъ средствомъ отъ зубной боли и отравы. Отваръ изъ травы «отодево-трава» даютъ женщинамъ во время сильнаго и частаго мѣсячнаго очищенія. Траву «прострео-трава» употребляютъ для залечиванія ранъ, нанесенныхъ острымъ орудіемъ, а отваръ изъ нея дается противъ кроваваго поноса. Воспаленіе въ горлѣ носитъ у приморскихъ хорватовъ названіе «гуштеръ» (большая ящерица). Причину этой болѣзни видятъ въ насѣкомомъ огромныхъ размѣровъ, которое, зарождаясь въ организмѣ, а именно подъ надкожною плевой средней части руки, постепенно увеличиваясь, достигаетъ до горла и даже до неба рта, а затѣмъ приводитъ въ воспаленное состояніе пищепроводный каналъ. Найдя такую причину страшной боли, мѣшающей больному глотать пищу, мѣстная знахарка спѣшитъ употребить тотъ способъ леченія, который, по ея мнѣнію, можетъ убить этого незваннаго гостя. Такъ она начинаетъ своимъ большимъ пальцемъ, омоченнымъ предварительно слюною, растирать до красноты и до появленія опухоли среднюю часть руки больнаго; затѣмъ она насыпаетъ на ложечку немного растолченнаго перцу и обсыпаетъ имъ, какъ воспаленную часть неба, такъ и язычекъ. Покончивъ эту операцію, знахарка, съ серьезной миной произнося таинственныя слова, обходитъ три раза вокругъ своего паціента, послѣ чего заставляетъ его совершить крестное знаменіе. Затѣмъ она, съ полною увѣренностью, заявляетъ, что съумѣла убить ужаснаго «гуштера». Несчастная жертва своего невѣжества иной разъ должна бываетъ заплатить

смертью за то довѣріе, которое она питала въ простотѣ своей души къ лѣкаркѣ. Всякую болѣзнь, появившуюся отъ разстройства желудка, приписываютъ дѣйствію поліша. Для уничтоженія его, знахарка прибѣгаетъ къ слѣдующему радикальному, по ея увѣренію, средству: принесши съ собой отваръ, приготовленный изъ лавроваго листа съ примѣсью лавроваго масла, она начинаетъ имъ дѣлать втиранія по брюху, груди и вдоль пищепроводнаго канала. Такое средство употребляютъ знахари, при лѣченіи колотья въ боку (мадрунъ), которымъ часто страдаютъ крестьяне. Всѣ виды ненормальнаго состоянія глаза носятъ на языкѣ народа названіе «перда». Если глазная болѣзнь находится на слабой степени развитія, то знахарь впускаетъ въ больной глазъ, посредствомъ гусинаго пера, нѣсколько капель воды, собранной весною въ виноградномъ кустѣ, или же нѣсколько капель раствора, приготовленнаго изъ какихъ-либо ѣдкихъ веществъ. Если же болѣзнь приняла болѣе широкіе размѣры, то знахарь дуетъ въ больной глазъ мелкорастолченный сахаръ и впускаетъ затѣмъ нѣсколько капель ѣдкаго раствора, по одному или понѣскольку разъ каждую минуту, смотря по наградѣ, какую надѣется получить отъ паціента. Нѣкоторыя болѣзни знахарки лѣчатъ исключительно средствами собственнаго изобрѣтенія, которыя продаются ими по довольно дорогой цѣнѣ бѣдному люду. Такъ напримѣръ отъ цѣлаго ряда болѣзней, извѣстныхъ подъ именемъ «слезень», и состоящихъ, по преимуществу, въ засореніи печени и селезенки, лѣчатъ посредствомъ пластырей, выдѣлываемыхъ ими изъ простой сахарной бумаги, которая натирается различными мазями, а также употребляются знахарями настойки, выдѣланныя изъ различныхъ травъ, какъ то шалфея, полыни и мяты. Когда крестьянинъ чувствуетъ ломъ въ поясницѣ, появляющійся либо отъ поднятія значительной тяжести, либо отъ паденія съ высоты, или же отъ какой-либо иной причины, то онъ говоритъ: «ледва су ми пале» (отнялись у меня чресла). По понятію народа, чресла прикрѣплены къ позвонку кусками мяса, которые могутъ легко отстать отъ него. Чтобы положить эти куски мяса на свои мѣста, знахарь прибѣгаетъ къ слѣдующаго рода операціи: положивши на полъ своего паціента, раздѣтаго до нага, самъ

знахарь опускается передъ нею на колѣни и кладетъ одну руку на затылокъ больнаго, а другую на поясницу; затѣмъ подвигаетъ зубами находящуюся подъ поясницей кожу, оставляя такимъ образомъ на ней слѣды зубовъ. Окончивъ эту операцію, онъ спѣшитъ приложить къ поясницѣ какой-то липкій пластырь, который будто-бы и имѣетъ силу удержать отсталые куски мяса на томъ мѣстѣ, на которое они были имъ поставлены.

Вѣра въ чудесное присуща всѣмъ народамъ. Этимъ объясняется значеніе талисмановъ, которые извѣстны подъ именемъ «ладанка», «запись», а у приморцевъ—подъ именемъ «скапулеръ». Талисманами служатъ мистическія слова, или какая-либо молитва, неразборчиво написанная на ключѣ бумажки, или зашитые въ мѣшочекъ образки изъ святыхъ мѣстъ, или комки той земли, съ которой соединены какія-либо священныя воспоминанія или мѣдныя, а также и жестяныя, медали съ изображеніемъ св. Анны, которыя обыкновенно носятся на шеѣ (какъ это въ употребленіи у жителей острова Мюда) или огарокъ пасхальной свѣчи, или же наконецъ извѣстнаго рода травы. По народному понятію, талисманъ можетъ предохранить отъ всякаго несчастія, а въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ служитъ радикальнымъ средствомъ. Такъ напримѣръ, по понятію народа, «одольанъ-трава» одолѣваетъ всякую нечистую силу. Поэтому каждый, кто отправляется въ дальній путь, запасается ею и она служитъ чѣмъ-то въ родѣ талисмана. Отваръ же этой травы служитъ любимымъ напиткомъ, способнымъ пробудить нѣжныя чувства въ сердцѣ женщины. Отваръ изъ травы «отодеже-трава» служитъ наилучшимъ средствомъ противъ дѣвичьей закнобы. Всякая болѣзнь, появившаяся невзначай, безъ особой видимой причины, носитъ названіе «надстранъ». О больномъ говорятъ, что его «сглазили». Больной пьетъ святую воду, прикѣпливаетъ къ шеѣ талисманъ и затѣмъ ложится въ постель; какъ платье больнаго, такъ и его жилище, окуриваются разными травами. Противъ укушенія бѣшеною собакой, знахарки употребляютъ слѣдующее противоядіе: онѣ берутъ хлѣбъ и на верхней его коркѣ пишутъ таинственныя слова; затѣмъ даютъ больному съѣсть эту корку, а самый хлѣбъ достается знахаркѣ. Въ другихъ болѣзняхъ народъ придаетъ особенную силу заговору знахаря. Такъ напримѣръ, при родѣ,

называемой «нешить», знахарь дѣлаетъ троекратное крестное знаменіе большимъ пальцемъ правой руки надъ больнымъ мѣстомъ и затѣмъ произноситъ заклинаніе бѣсовъ. Покончивъ этотъ первый актъ лѣченія, онъ обвертываетъ больное мѣсто въ сахарную бумагу, обмазанную камфорой.

Изъ всего этого видно, что знахари и знахарки пользуются большимъ довѣріемъ въ околоткѣ. Послѣднія занимаются также акушерствомъ, несмотря на то, что находятся въ селѣ акушерки, назначаемыя туда правительствомъ и содержимыя на счетъ общины. Предпочтеніе, оказываемое въ этомъ случаѣ поселянами знахаркамъ, можно объяснить отчасти тѣмъ, что онѣ, какъ уроженки селъ, находятся, въ большинствѣ случаевъ, въ родствѣ съ роднльницами, а поэтому и дѣлаютъ либо даромъ, либо за ничтожную плату все нужное при родахъ, тогда какъ акушеркѣ приходится платить по два гульдена.

Разсмотримъ теперь способъ лѣченія различныхъ дѣтскихъ болѣзней.

Если у ребенка болитъ голова, родители объясняютъ это тѣмъ, что его сглазили, и чтобы еще болѣе въ томъ увѣриться, берутъ сосудъ съ водой и кладутъ въ него горячіе уголья: если уголь тотчасъ же потонетъ, то это несомнѣнный знакъ, что ребенка сглазили. Чтобы избавить его отъ этого, надо перебросить черезъ голову его уголь, который потомъ долженъ упасть въ огонь; при этомъ бросающій произноситъ слѣдующія слова: «кто меня сглазилъ, у того пусть глаза горятъ». Въ случаѣ лихорадки (грозница или огница), ребенку привязываютъ на шею траву «грозничаръ» и если болѣзнь не прекратится въ продолженіи цѣлаго лѣта, то употребляютъ другое средство: осенью, во время перелета птицъ въ теплыя страны, говорятъ: «унесите съ собой нашу лихорадку». По народному понятію, лихорадка должна неминуемо пройти. Когда выпадаетъ первый зубъ, то просверливаютъ его и втыкаютъ туда щепку; затѣмъ зашиваютъ этотъ зубъ въ тряпку и вѣшаютъ его на вѣтви дерева, растущаго вблизи дома: по народному повѣрью, этотъ просверленный и зашитый въ тряпку зубъ является спасительнымъ средствомъ противъ зубной боли. Въ нѣкоторыхъ же юго-славянскихъ мѣстностяхъ существуетъ слѣдующій обычай: маленькіе дѣти сами

перебрасываютъ черезъ свои головы первый выпавшій зубъ, приговаривая при этомъ: «мышь, мышь! возьми себѣ зубъ костяной, а дай мнѣ гвоздяной». При произнесеніи этихъ словъ, которыя повторяются три раза, дѣти плюютъ въ сторону. Если ребенокъ страдаетъ безсонницей, то его мать отыскиваетъ траву, носящую названіе «вѣштичкій изъедъ» (дикій маковый цвѣтокъ) и кладетъ его подъ изголовье ребенка или натираетъ его тѣло бѣлымъ лукомъ; при первыхъ раскатахъ грома, родители велятъ своимъ дѣтямъ валяться по землѣ: по народному понятію, это предохраняетъ отъ боли въ костяхъ.

Описанные нами народные способы врачеванія крайне странны, поразительны, въ большинствѣ случаевъ, принаровлены къ каждому возрасту человѣка: на нихъ отразилась сила преданія, завѣщанная давно минувшими вѣками, на нихъ отразились также ботаническія знанія народа, постепенно пріобрѣтенныя посредствомъ опыта.

Представителемъ научнаго способа врачеванія въ селѣ является сельскій врачъ. Въ каждой юго-славянской общинѣ находится врачъ, хотя и назначаемый отъ правительства, но содержимый на счетъ общины. Общинными врачами являются вообще люди самого посредственнаго образованія: это, по большей части, лица, не окончившія курса въ медико-хирургическихъ академіяхъ и университетахъ и, по ограниченности матеріальныхъ своихъ средствъ, вынужденныя охотно принять первое представившееся имъ мѣсто. Поселившись, въ силу обстоятельствъ, въ деревнѣ и находясь вдали отъ центра научной дѣятельности, они крайне затрудняются увеличивать запасъ научныхъ своихъ знаній: въ юго-славянской литературѣ не имѣется медицинской журналистики, а матеріальныя средства не дозволяютъ имъ выписывать иностранныя сочиненія по части медицины. Посредствомъ практическаго изученія болѣзней, сельскій врачъ могъ бы еще обогащать кругъ своихъ знаній; но, какъ говорятъ сами они, они немогутъ чрезъ то ничего выиграть. «Австрійское правительство», говорятъ они, «хотя меня и не контролируетъ, но за то и весьма скупо меня награждаетъ; матеріальное мое положеніе можетъ быть обезпечено лишь тогда, когда я буду употреблять, при леченіи, средства, по народному понятію, универсальныя отъ всѣхъ болѣзней». Понятно теперь, что сельскій врачъ пред-

почитаетъ читать какую либо мѣстную политическую газету: занимаясь политикой, можно, по крайней мѣрѣ, разсуждать съ приходскимъ священникомъ, съ общиннымъ судьей, съ аптекаремъ не только о вопросѣ хорватско-венгерскомъ, но и о восточномъ, церковномъ, либеральномъ и т. д.

Обязанности сельскаго врача весьма обширны. Такъ онъ долженъ лечить больныхъ, прививать дѣтямъ оспу, присутствовать въ общинномъ управленіи при разсматриваніи дѣлъ, касающихся мѣстныхъ гигіеническихъ условій, и наконецъ давать свои заключенія въ уголовныхъ процессахъ, когда вопросъ идетъ объ изувѣченіи кого-либо или объ убійствѣ. Поэтому сельскій врачъ играетъ одну изъ важныхъ ролей среди мѣстнаго населенія, а между тѣмъ матеріальное его положеніе крайне дурно обезпечено. Смотря по денежнымъ средствамъ общины, годичный его окладъ простирается отъ 100 до 300 гульденовъ, причемъ онъ обязанъ безплатно лечить мѣстныхъ сельскихъ обывателей. Ему нужно, между прочимъ, завести лошадь, такъ какъ нѣтъ физической возможности пѣшкомъ обходить ввѣренный ему районъ, часто раскинутый на весьма большомъ пространствѣ, нерѣдко крайне гористомъ. Поэтому невольно приходится ему подумать о пріисканіи средствъ къ улучшенію матеріальнаго своего положенія. Главный источникъ его доходовъ составляетъ продажа приготовляемыхъ имъ лекарствъ селянамъ. Впрочемъ онъ находитъ возможнымъ принимать на себя роль аптекаря только въ тѣхъ селахъ, гдѣ, по малочисленности населенія, не имѣется аптекъ. Эти лекарства обыкновенно бываютъ крайне просты и безвредны: это или слабительныя или потогонныя. И такъ врачъ, явившись въ деревнѣ и ставъ, такъ сказать, лицемъ къ лицу съ народомъ, вынужденъ бываетъ, во время леченія принаравливаться къ мѣстнымъ взглядамъ, даже чуть не нисходить до роли старыхъ бабъ, знахарокъ, пичкать больныхъ, безъ разбору, медикаментами, почему-либо показавшимися народу цѣлебными. Благодаря такой внѣшней обстановкѣ, поверхностныя знанія сельскаго врача въ медицинѣ мало по малу вывѣтриваются, порывъ его къ дѣятельности видимо проходитъ и онъ начинаетъ съ полнымъ равнодушіемъ относиться къ своимъ занятіямъ.

Опишемъ теперь докторскій визитъ въ хижинѣ бѣднаго селянина.

Послѣ нѣсколькихъ поѣздокъ за докторомъ, наконецъ давно желаемый гость является пьянымъ или въ сильно дурномъ расположеніи духа. Первымъ дѣломъ онъ начинаетъ ругать селянина за то, что онъ призвалъ его къ себѣ, а затѣмъ спѣшитъ написать на клочкѣ съ собою принесенной бумажки первое пришедшее ему въ голову лекарство; при этомъ, разумѣется, не находитъ нужнымъ спросить у больнаго: что у него болитъ? съ какого времени? и отъ чего? Впрочемъ иногда благосклонный докторъ удостоитъ своимъ внимательнымъ взглядомъ больнаго, который, въ эту минуту, спѣшитъ, если у него довольно силы, указать на больное мѣсто; если же онъ совершенно безсиленъ, то это указаніе совершаютъ его родственники, изъ которыхъ каждый, при опредѣленіи больнаго мѣста, болѣе руководствуется своими собственными соображеніями, чѣмъ заявленіями больнаго. Такимъ то образомъ, получаетъ докторъ данныя для опредѣленія качества болѣзни. Докторъ думаетъ, что честно исполнилъ свою обязанность, если, прійдя къ больному, дастъ ему пилюли либо порошки, а чаще — въ большомъ количествѣ какое либо горькое или кислое питье, зная хорошо, что лекарство пріятнаго вкуса и въ маломъ количествѣ не поселяютъ къ себѣ довѣрія въ селянахъ; въ случаѣ же заразительной болѣзни, прикажетъ прокуривать комнаты можевельникомъ, чтобы спасти здоровыхъ отъ заразы. Во время эпидемій, сельскіе врачи дѣлаются еще болѣе невнимательными, потому что считаютъ себя еще менѣе отвѣтственными: корь, холера, оспа и т. п. виноваты въ томъ, что цѣлая половина населенія вымираетъ, а ни въ какомъ случаѣ не докторъ; онъ не святой: такъ разсуждаетъ сельскій врачъ въ годину народныхъ бѣдствій. Крайне оригиналенъ взглядъ сельскаго врача на тяжело-больнаго. Если болѣзнь опасна, то не слѣдуетъ его болѣе безпокоить, такъ какъ больной долженъ умереть. Если-же напротивъ того, болѣзнь крайне продолжительная т. е. когда кризисъ наступаетъ спустя долгое время послѣ ея начатія, какъ напримѣръ чахотка, то докторъ также объявляетъ, что его не слѣдуетъ безпокоить, такъ какъ смерть больнаго еще далека. Такое отсутствіе гуманности въ сельскомъ врачѣ до крайности изумляетъ свѣжаго заѣзжаго человѣка. Впрочемъ сельскій врачъ измѣняетъ свою тактику, если бываетъ приглашаемъ

въ домъ зажиточнаго селянина или въ домъ мѣстнаго помѣщика: тогда онъ употребляетъ въ дѣло всѣ свои докторскія знанія и является достойнымъ сыномъ эскулапа.

Говоря о способахъ врачеванія, употребляемыхъ сельскими врачами, мы не можемъ не упомянуть еще объ одномъ способѣ, съ которымъ мы имѣли случай познакомиться во время посѣщенія нами заведенія стубицкихъ минеральныхъ водъ. Съ цѣлью увеличить источникъ доходовъ означеннаго заведенія, мѣстные врачи изобрѣли средство, по ихъ мнѣнію, универсальное отъ всѣхъ недуговъ. Такимъ средствомъ является ставка рожковъ, дѣлаемыхъ изъ козьихъ роговъ. Мы должны замѣтить, что ежегодно въ концѣ августа собираются въ заведеніи стубицкихъ минеральныхъ водъ хорватскіе паломники и паломницы, возвращающіеся съ богомолья изъ селенія Быстрицы, расположеннаго въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія отъ Загреба.

По приходѣ въ заведеніе стубицкихъ минеральныхъ водъ, всякій скоро замѣчаетъ, что у него что-либо болитъ: у одного чувствуется боль въ головѣ, у другого что-то неловко въ спинѣ, у третьяго начинаютъ ныть зубы и т. д. Идутъ совѣтоваться съ докторомъ. «Что у тебя болитъ?» спрашиваетъ докторъ селянина. «Кровь бросается у меня въ голову, я весь горю, во всемъ тѣлѣ чувствую какой-то ужасный жаръ», отвѣчаетъ больной, выпивъ заранѣе громадное количество вина, по случаю церковнаго праздника, съ котораго онъ теперь возвращается. «Тебя надо освободить отъ дурной крови», заключаетъ самоувѣренно докторъ и спѣшитъ ему выдать билетикъ. Вообще докторъ охотно выдаетъ билетики, на которыхъ обозначено: сколько рожковъ слѣдуетъ поставить предъявителю билетика и не скупится увеличивать число рожковъ, такъ какъ за каждый рожокъ надлежитъ заплатить по десяти крейцеровъ *). Заручившись доктор-

*) Вся эта сумма доходовъ записывается въ особой книгѣ и идетъ въ пользу баронессы Раухъ, владѣтельницы означеннаго заведенія; впрочемъ извѣстная ихъ часть удѣляется и въ пользу доктора. Стубицкія минеральныя воды даютъ ихъ владѣтельницѣ среднимъ числомъ до 2 тысячъ гульденовъ дохода въ годъ: большая часть дохода получается съ селянъ за рожки.

скими билетиками, вся толпа богомольцевъ и богомолокъ, раздѣвшись на дворѣ и едва прикрытая тряпьемъ, входитъ въ бассейнъ воды, при температурѣ отъ 31° до 32° R., садится на деревянныя скамьи, обращая лице къ противоположной стѣнѣ. Представляется ужасающая картина: вотъ сидитъ беременная женщина, которая, истомившись въ дальней дорогѣ, почувствовала боль въ спинѣ, и докторъ прописалъ ей поставить на спину двѣ эмблемы Бахуса; возлѣ нея усѣлся здоровый парень, сильно подгулявшій на быстрицкомъ праздникѣ: ему надлежало поставить два рожка на лбу, а рядомъ съ нимъ молчаливо, потупя глаза внизъ, сидитъ молодая дѣвушка: она страдаетъ зубною болью и докторъ предписалъ поставить рожокъ на свѣжую, правую ея щеку. Мы не станемъ описывать недуги всего этого общества, среди котораго пришлось намъ провести нѣсколько минутъ. Наконецъ важный моментъ операціи наступилъ. Вошелъ фельдшеръ съ своимъ помощникомъ, который несъ длинную, продолговатую корзину, наполненную рожками; начали, по очереди, обходить всѣхъ тамъ сидящихъ, изъ которыхъ каждый спѣшилъ предъявить докторскій билетикъ; фельдшеръ ставилъ означенное на немъ количество рожковъ на указанныя докторомъ мѣста, не заботясь при этомъ произведутъ-ли они свое дѣйствіе или нѣтъ. Если кто отъ сильной потери крови впадалъ въ обморокъ, то ему вливали въ ротъ глотокъ вина. Послѣ этой операціи, богомольцы, вымывшись въ водѣ, смѣшанной съ кровью, оставляли этотъ бассейнъ, который показался намъ чѣмъ-то страшнымъ. Затѣмъ вся эта толпа богомольцевъ стала пьянствовать, желая, безъ сомнѣнія, возстановить тѣмъ самымъ силы, возвратить утраченную кровь; а затѣмъ стали расходиться по домамъ, взявъ съ собою на дорогу значительный запасъ вина. Хотя кухня стубицкаго ресторана вполнѣ принаровлена ко вкусу подобнаго рода посѣтителей, все-таки они не охотно пользуются ея явствами: каждый хорватъ, отправляясь на богомолье, беретъ съ собой столько провизіи, чтобы ее хватило ему на все время, пока не вернется домой.

Всякой здравомыслящій человѣкъ хорошо пойметъ, какое пагубное вліяніе производитъ на здоровье селянъ это варварское обыкно-

веніе, въ особенности, если онъ припомнитъ, что этой операціи, производимой въ горячей водѣ, подвергаются бѣдные люди, утомленные длиннымъ переходомъ, иной разъ отсутствіемъ хорошей питательной пищи; что всего хуже, ослабѣвъ послѣ этой операціи, они должны снова немедленно пуститься въ болѣе или менѣе отдаленный путь. Къ сожалѣнію это варварское обыкновеніе и по настоящее время остается во всей своей силѣ.

Говоря о сельскомъ врачѣ, мы не можемъ при этомъ не замѣтить, что селяне весьма неохотно обращаются за совѣтомъ къ врачу. Посылаютъ за нимъ только въ томъ случаѣ, когда болѣзнь принимаетъ уже серьёзный характеръ. Поэтому даже у селянъ существуетъ предубѣжденіе, что если къ кому позовутъ доктора, то это означаетъ, что его смерть близка. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ простонародье идетъ съ охотой къ врачу, какъ напримѣръ если приходится залечить большую рану, контузіи и т. п. или зашить кожу, выправить кости, вытащить гвоздь или занозу и т. д.

Крайности, къ какимъ прибѣгаютъ иногда сельскіе врачи, служатъ отчасти причинами, почему они не поселяютъ къ себѣ довѣрія въ народѣ. Для объясненія вышесказаннаго, приведемъ слѣдующіе случаи. Семейство графа Шлипенбаха, прибывшее изъ Пруссіи для водворенія въ Хорватіи, привезло съ собою гувернера, который, въ то же время, былъ и докторомъ, гомеопатомъ: онъ лечилъ всю графскую фамилію и ея прислугу по любимому своему способу. Этотъ молодой человѣкъ лютеранскаго вѣроисповѣданія возъимѣлъ желаніе принести посильную пользу тому краю, куда занесла его судьба, а можетъ статься, въ виду распространенія тамъ протестантскаго ученія, пожелалъ являться въ деревняхъ милосердымъ самаряниномъ. Но трудъ его не увѣнчался успѣхомъ. Крестьяне громко подсмѣивались надъ отважнымъ пруссакомъ, вооруженнымъ баночками и пузырьками и при этомъ говорили: «этотъ нѣмецъ хочетъ насъ вылечить, заставляя проглотить блошиныя яйца». Одинъ молодой докторъ, окончившій курсъ въ Вѣнѣ, получилъ мѣсто въ одной юго-славянской общинѣ и, пріѣхавъ туда, началъ лечить селянъ по новой методѣ холодною водой. Но каково было его изумленіе, когда крестьяне не только не стали слушаться его совѣтовъ, но даже угрожали ему побоями, про-

износя слѣдующія знаменательныя слова: «за подобнымъ средствомъ намъ не зачѣмъ обращаться къ доктору; мы и сами съумѣемъ себя вылечить водою».

Итакъ, элементъ интелектуальный, элементъ науки, пошелъ навстрѣчу глубоко вкоренившемуся въ народѣ понятію объ окружающей его природѣ. Понятно, что народъ не можетъ охотно отказаться отъ убѣжденій, унаслѣдованныхъ имъ отъ предковъ, а потому недовѣрчиво относится къ научному способу леченія. Притомъ сельскіе эскулапы едва-ли могутъ поселить къ себѣ довѣріе народа, прибѣгая при леченіи къ гомеопатіи или къ холодной водѣ. Гомеопатическій способъ леченія отвергаемъ большинствомъ даже и образованнаго класса мѣстнаго населенія, а леченіе холодною водой не совсѣмъ согласно съ тѣми условіями, въ которыя поставленъ сельскій житель. Этотъ послѣдній способъ леченія можетъ оказать пользу только тѣмъ людямъ, которые имѣютъ достаточно бѣлья и которые могутъ предохранить себя отъ простуды, хорошо закутавшись въ теплую одежду; но не бѣдному селянину, живущему въ плохо выстроенной хижинѣ и имѣющему, можетъ быть, не болѣе двухъ рубашекъ: при подобныхъ условіяхъ этотъ способъ леченія можетъ принести болѣе вреда, чѣмъ пользы. Поэтому несправедливо обвинять селянъ въ ихъ отвращеніи къ медицинской наукѣ и въ недовѣріи, иногда даже презрѣніи, высказываемомъ народомъ къ докторамъ.

Впрочемъ, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что положеніе сельскаго врача крайне тяжелое. Правда, что не приходится ему дѣлать издержекъ на покупку жизненныхъ продуктовъ, такъ какъ они приносятся ему въ даръ: если больной селянинъ приглашаетъ къ себѣ доктора то, чтобы, такъ сказать, нравственно заставить его къ нему пріѣхать, обыкновенно посылаетъ ему либо курицу либо яица и т. д. Во всякомъ случаѣ, матеріальныя средства сельскаго врача, какъ мы выше замѣтили, крайне скудны, притомъ ему суждено испытать всѣ трудности своего служенія. За частую, во всякое время дня и ночи, въ сильный дождь или снѣгъ, приходится ему идти или ѣхать въ телѣжкѣ по ужаснымъ дорогамъ въ отдаленное село къ бѣдному больному, страдающему иной разъ заразительною болѣзнью. Для этого

надлежитъ быть нетолько христіаниномъ, но даже святымъ. Время великихъ безкорыстныхъ жертвъ проходитъ, если не совсѣмъ прошло. Притомъ-же приходится ему бороться съ невѣжествомъ массы; но борьба возможна только при независимости, тогда какъ сельскій врачъ вполнѣ зависитъ отъ мѣстнаго населенія.

VII.

О религіозно-обрядовой сторонѣ быта хорвато-далматинцевъ: описаніе духовно-семейнаго торжества на островахъ Кварнеро, по случаю принятія священнаго сана; религіозные способы леченія; различные виды обѣтовъ; паломничество.

Народности, входящія въ составъ славянскаго племени, рѣзко распадаются, въ религіозномъ отношеніи, на двѣ группы: однѣ изъ нихъ исповѣдуютъ православную религію, другія—римско-католическую. Догматы православія и римскаго католичества, хотя и не всегда ясно сознаются въ народѣ, все-таки порождаютъ между народностями религіозный антагонизмъ. Но, кромѣ догматовъ, существуетъ въ религіи обрядовая сторона, завѣщанная стариною и тѣсно связанная съ народностью. Всякій мало развитой человѣкъ, не могущій понять сущности вещей, хватается, при опредѣленіи извѣстнаго рода понятія или явленія за внѣшнюю ихъ форму: его поражаетъ не идея вещи, не внутреннее ея содержаніе, а внѣшняя, наружная ея оболочка.

Южные славяне римско-католическаго вѣроисповѣданія, хотя и отличаются набожностью, все-таки неохотно посвящаютъ себя служенію церкви. Впрочемъ если только представляется юго-славянину случай явиться поборникомъ церкви и народности, то неминуемо измѣняется и взглядъ его на духовную карьеру. Дѣйствительно мы видимъ, что въ юго-славянинѣ чувство религіозное тѣсно связано съ чувствомъ національнымъ. Поэтому-то и высоко цѣнится санъ священника въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ представители римско-католической церкви считаются и представителями народа. Съ такимъ явленіемъ мы встрѣчаемся на кварнерскихъ островахъ, прилегающихъ къ Хорватіи и Истріи. Причина такого сильнаго сочувствія народа къ мѣст-

ному духовенству лежитъ въ томъ, что административное управленіе острововъ исключительно предоставлено лицамъ нѣмецкаго происхожденія, и только представители приходовъ связаны единокровными узами съ мѣстнымъ славянскимъ населеніемъ. Жители острововъ съ радостью отдаютъ своихъ дѣтей въ римско-католическія семинаріи, льстя себя надеждою, что сыновья ихъ будутъ впослѣдствіи звѣньями, связывающими церковь съ народностью. Тотъ день, въ который одинъ изъ членовъ семьи посвящается въ духовное званіе, ознаменовывается большимъ семейнымъ торжествомъ. Еще за 15 дней до своего посвященія, «миссникъ» т. е. будущій католическій священникъ приглашаетъ къ себѣ своихъ родныхъ и знакомыхъ и изъ среды ихъ выбираетъ самыхъ почтенныхъ лицъ, которыя носятъ наименованіе «кума» и «кумы»; въ большинствѣ случаевъ выбираются въ кумовья— мужъ и жена. За три дня до посвященія «миссника», его родные начинаютъ приготовляться къ этому празднику; они заготовляютъ провизію, придумываютъ различнаго рода увеселенія, которыми долженъ ознаменоваться радостный для семьи день посвященія одного изъ ея членовъ въ санъ священника. Наканунѣ этого дня, «кумъ сóпацъ» т. е. кумъ музыкантъ, въ сопровожденіи двухъ-трехъ музыкантовъ, обходитъ всѣхъ знакомыхъ «миссника», приглашая ихъ на праздникъ, при этомъ иногда стрѣляютъ изъ ружей. Родители посвящаемаго вывѣшиваютъ на своемъ домѣ трехцвѣтный флагъ; къ концу палки, на которой развѣвается флагъ, обыкновенно прикрѣпляютъ калачъ. Между тѣмъ въ домѣ идутъ приготовленія къ завтрашнему дню: закалываютъ двухъ—трехъ барановъ или козъ и приготовляютъ изъ нихъ разнообразныя кушанья; вечеромъ около дома «миссника» играетъ музыка. Но вотъ наступаетъ день семейнаго праздника. Рано утромъ, родители героя дня спѣшатъ поднять на своемъ домѣ трехцвѣтный флагъ, который былъ спущенъ на ночь; вскорѣ затѣмъ приходитъ «кумъ-сóпацъ» съ музыкантами и подъ веселые звуки «роженицы» (мѣховой музыкальный инструментъ), либо «тороро» (волынка) начинаютъ собираться въ домъ «миссника» гости: имъ подаются различнаго рода угощенія, состоящія изъ сыра, вина, хлѣба и кофе. Покушавши вдоволь, всѣ присутствующіе отправляются въ церковь. Процессія подвигается въ слѣдующемъ

порядкѣ: сперва идутъ музыканты (сопцы); затѣмъ братъ «миссника», а за неимѣніемъ его ближайшій родственникъ, который несетъ флагъ, а за нимъ уже слѣдуетъ «миссникъ» со всѣми приглашенными. Участвующіе въ церемоніи, приходя въ церковь, ставятъ посреди ея флагъ (барьякъ); а затѣмъ поочередно подходятъ къ престолу, на который кладутъ яблоко съ привязанною къ нему монетой. Тогда какъ кумъ и кума «миссника» посылаютъ на квартиру приходскаго священника той церкви, гдѣ имѣетъ происходить обрядъ рукоположенія, въ видѣ подарка—барана, четвертую часть свиньи и 12 калачей, а тетка «миссника»—простыню (пюньяво). По окончаніи обряда рукоположенія, одинъ изъ присутствующихъ священниковъ приглашаетъ, по заведенному обычаю, подарить что-либо новопосвященному на память о высокоторжественномъ для него днѣ. «Миссникъ» (такъ называется новопосвященный) становится съ крестомъ въ рукѣ около алтаря, всѣ присутствующіе во храмѣ подходятъ къ нему прикладываться ко кресту и кладутъ на близь стоящее блюдо деньги. Благодаря этому завѣщанному стариной обычаю, новопосвященный иной разъ собираетъ порядочную сумму денегъ, которая будетъ постоянно напоминать о щедрости мѣстныхъ прихожанъ. Затѣмъ, простившись со всѣми присутствующими, какъ-бы желая тѣмъ показать, что онъ разстается со всѣмъ его окружающимъ и переносится въ новый міръ, идетъ въ ризницу и тамъ облачается въ ризу, чтобы совершить первую въ своей жизни миссу, которая носитъ названіе «млада мисса». За неимѣніемъ органа, во время этой первой для новаго священнослужителя миссы, играютъ обыкновенно на инструментѣ «тороро». Послѣ чтенія евангелія, братъ «миссника», а за неимѣніемъ его одинъ изъ его ближайшихъ родственниковъ, всходитъ на церковную каѳедру и говоритъ рѣчь, въ которой излагаетъ высокія обязанности служителя церкви и обыкновенно заключаетъ свою рѣчь провозглашеніемъ похвалы родителямъ «миссника», которые съумѣли приготовить своего сына къ духовному званію. По окончаніи миссы, всѣ присутствующіе въ церкви возвращаются въ домъ «миссника» въ томъ-же порядкѣ, въ какомъ шли въ церковь. Въ домѣ «миссника» бываетъ приготовленъ обѣдъ; въ промежуткахъ между кушаньями играетъ музыка; обѣдъ заканчивается тостомъ за здоровье «миссни-

ка». Послѣ обѣда начинаются танцы; въ первой парѣ идетъ обыкновенно «миссникъ» подъ руку со своею матерью; въ танцахъ принимаютъ участіе всѣ приглашенные, даже и священники. Шумное веселіе, продолжающееся до заката солнца, ознаменовываетъ этотъ радостный для семьи день. Но вотъ солнце закатилось и уставшіе гости идутъ ужинать, опять начинается питье вина; разговоры дѣлаются все шумнѣе и шумнѣе. Будущіе подвиги «миссника», подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, принимаютъ широкіе размѣры. Сколько пожеланій, сколько увѣреній въ истинной дружбѣ, въ желаніяхъ поддерживать на всемъ жизненномъ поприщѣ молодаго миссника слышится въ этомъ шумномъ обществѣ! Оканчивается ужинъ и опять начинаютъ танцовать Слѣдующій день также проводится въ увеселеніяхъ. Такъ знаменуетъ юго-славянская семья торжественный день въ ея жизни—посвященіе одного изъ ея членовъ въ санъ священника.

Говоря о положеніи, какое занимаетъ римско-католическій священникъ въ средѣ хорватовъ, мы не можемъ не упомянуть о повѣрьѣ, которое у нихъ существуетъ относительно фратеровъ. По народному повѣрью, не слѣдуетъ отправляться въ путь съ фратеромъ, такъ какъ онъ везетъ съ собой несчастіе. По всей вѣроятности, это повѣрье получило свое начало еще въ темныя времена римской инквизиціи, когда фратеры, въ качествѣ инквизиторовъ, причиняли немало несчастій людямъ.

Область религіозныхъ способовъ леченія, употребляемыхъ хорватами т. е. славянами римско-католическаго вѣроисповѣданія, обширна: достаточно сказать, что эти средства—универсальны. Болитъ-ли что либо у хорвата, онъ спѣшитъ призвать къ себѣ на помощь священника. Приходитъ священникъ въ домъ больнаго и читаетъ надъ нимъ молитву «малую» или «великую»: «малая молитва» служитъ средствомъ противъ головной боли, лихорадки и т. п., а «великая»—противъ болѣзней болѣе опаснаго характера. Если и послѣ этого больному не лучше, если недугъ его не покидаетъ, то хозяйка того дома, гдѣ онъ находится, спѣшитъ въ церковь съ горшкомъ свѣжаго масла; она ставитъ этотъ горшокъ на престолъ. По окончаніи обѣдни, священникъ освящаетъ принесенное масло, которымъ натираютъ затѣмъ больное мѣсто страждущаго. Но и это сред-

ство не помогаетъ больному: ему становится все хуже и хуже. Что дѣлать? Чѣмъ умилостивить Бога? И вотъ благочестивые поселяне, ближайшіе родственники больнаго, рѣшаютъ принесть Пресвятой Богородицѣ или какому-либо наиболѣе чтимому въ семьѣ святому курицу или какой-либо другой продуктъ сельскаго хозяйства: выбравъ, напримѣръ, лучшую курицу и завернувъ ее въ платокъ, идутъ они въ церковь къ обѣднѣ. Жертва принесена въ церковь; она громко кудахтаетъ, заявляя протестъ противъ своихъ хозяевъ. И это кудахтанье въ хорватскихъ церквахъ принимаетъ иногда обширные размѣры, въ случаѣ, если бываетъ въ деревнѣ много больныхъ. Такъ всякій спѣшитъ принесть какому-либо святому жертву, надѣясь тѣмъ самымъ доставить своему больному родственнику, если не полное выздоровленіе, то, во всякомъ случаѣ, облегченіе въ его страданіяхъ. Обѣдня кончается; затѣмъ церковникъ обходитъ церковь, собирая принесенныя туда жертвоприношенія, при чемъ кудахтанья все усиливаются и усиливаются. Помѣстивши куръ въ большую корзину, церковникъ, по ошибкѣ или какому-нибудь основательному расчету, относитъ на кухню приходскаго священника предметы, посвященные Пресвятой Богородицѣ или святому. Во время трудной болѣзни, родственницы больнаго приходятъ въ церковь и даютъ свѣчи своимъ знакомымъ женщинамъ: во время обѣдни, всѣ онѣ съ зажженными свѣчами обходятъ три раза алтарь.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ обѣтахъ. Различныя причины побуждаютъ юго-славянскаго селянина давать обѣтъ (завѣтовати се), обращаться за помощью къ святымъ, иначе сказать, отправляться пѣшкомъ въ извѣстный день на поклоненіе святому. По понятіямъ хорвата, каждый святой спеціально занимается излеченіемъ извѣстнаго недуга, такъ напримѣръ: если начнется зубная боль, то необходимо прибѣгнуть за помощью къ св. Аполлонію, въ случаѣ головной боли—къ св. Іоанну и т. д. Разумѣется, не однѣ болѣзни заставляютъ юго-славянъ обращаться за помощью къ угодникамъ божіимъ, всякое несчастіе, какъ большое, такъ и малое, постигшее селянина въ его убогомъ хозяйствѣ, непремѣнно влечетъ за собою обѣтъ сходить на поклоненіе къ извѣстному святому: въ случаѣ падежа скота обращаются за помощью къ св.

Антонію. Обѣтъ произносится обыкновенно въ слѣдующей формѣ «Да поможетъ мнѣ Богъ, Пресвятая Троица, Блаженная Дѣва Марія и Мать Божія и святой (здѣсь произносится имя того святого, которому дается обѣтъ); я обращаюсь къ его помощи, чтобы онъ испросилъ у Бога и единороднаго Его Сына мнѣ милость—избавить меня отъ недуга (или несчастія), которымъ я страдаю (или которое со мною случилось) и даю обѣтъ въ продолженіе трехъ (или болѣе) дней передъ его праздникомъ поститься, затѣмъ сходить въ церковь ему посвященную, прослушать тамъ обѣдню и исповѣдаться. Да поможетъ мнѣ Богъ, Пресвятая Троица, Блаженная Дѣва Марія и святый (происносится его имя)». Во время болѣзни мужчины обыкновенно этотъ обѣтъ произноситъ женщина, больной-же за нею повторяетъ каждое слово, затѣмъ его кропятъ святою водой и сидѣлка, становясь на колѣни, начинаетъ молиться Богу о ниспосланіи больному облегченія въ его страданіяхъ. Во время бури, приморскіе хорваты обыкновенно даютъ обѣтъ, въ случаѣ спасенія, повѣсить рисунокъ своего корабля на стѣнѣ церкви францисканскаго монастыря въ Трсатѣ (вблизи города Рѣки). Мы не можемъ при этомъ не упомянуть, что жители города Синя, осажденные въ 1717 году турками, дали, во время осады, обѣтъ, что, въ случаѣ побѣды, долженъ быть совершенъ крестный ходъ въ сельскую церковь во имя Пресвятой Богородицы. Мы видимъ, что какъ горожане, такъ и жители изъ окрестностей города Синя свято соблюдаютъ и по настоящее время, обѣтъ, данный ихъ предками—совершать крестный ходъ въ означенную церковь въ храмовой ея праздникъ т. е. 15-го августа. Дѣйствительно, въ этотъ день со всѣхъ концовъ медленно подвигаются церковныя процессіи къ церкви во имя Пресвятой Богородицы, гдѣ и служатъ благодарственный молебенъ. Впрочемъ, бываютъ и другаго рода обѣты: иной клянется именемъ какого-либо святаго въ томъ, что, въ теченіе опредѣленнаго срока времени, не будетъ ѣсть даже и рыбы по середамъ и пятницамъ, а иной даетъ обѣтъ соблюдать, въ теченіе извѣстнаго времени, строгій постъ только по понедѣльникамъ; этого рода обѣтъ называется «понедионичать». Часто въ случаѣ опасности или болѣзни, даются юго-славянами обѣты крайне оригинальнаго содержанія, такъ

въ большинствѣ случаевъ, женщины обѣщаются въ извѣстные дни, напримѣръ по пятницамъ, не причесываться или не носить одежды яркихъ цвѣтовъ, какъ напримѣръ—краснаго, или не ѣсть за обѣдомъ того или другаго блюда. Но какъ ни страненъ данный обѣтъ, если разъ онъ данъ, ничто не можетъ заставить юго-славянина нарушить данное слово.

Въ населеніи Хорватіи сильно развита склонность къ паломничеству и весьма рѣдко можно встрѣтить въ тѣхъ мѣстностяхъ мужчину или женщину пожилыхъ лѣтъ, которые не были бы хоть разъ въ загорской Быстрицѣ (село въ четырехъ часахъ разстоянія отъ города Загреба) для поклоненія Маріи Быстрицкой. Римско-католическая церковь, построенная въ означенномъ селѣ въ честь Быстрицкой Божіей Матери или, какъ говоритъ народъ, въ честь Маріи Быстрицкой, составляетъ главное мѣсто паломничества хорватовъ. Всѣ свѣдѣнія, какія только имѣются объ этой церкви, мы можемъ заимствовать изъ единственнаго по этому предмету сочиненія, вышедшаго въ 1775 году и написаннаго Петромъ Бенке, римско-католическимъ священникомъ быстрицкаго прихода. Оно написано на древне-хорватскомъ языкѣ и носитъ слѣдующее заглавіе: «Chudnovita pripechenija, y ozebuine milosche, kotere pri chudnovitom kipu Marie Bisztrichke visse vre let sże szkasuju, z-kratkum od kipa ovoga historium, y haznovitem navukom, pobošnem putnikom Marianskem, na veksse nyihovo razveszelenie, po nevrednom negda meszta kapelanu Petru Benke» (чудесныя приключенія и особенныя милости, которыя, въ теченіи многихъ лѣтъ, явлены чудотворною статуей Маріи Быстрицкой, съ краткою исторіей этой статуи, съ душеспасительными наставленіями для большаго развеселенія благочестивыхъ паломниковъ Маріи Быстрицкой, написалъ капелянъ Петръ Бенке). Эта книга имѣла только одно изданіе, и составляетъ, въ настоящее время, большую рѣдкость: сколько намъ извѣстно, одинъ экземпляръ этой книги находится въ библіотекѣ быстрицкаго прихода, а другой—въ архивѣ загребскаго капитула. Авторъ означеннаго сочиненія, довольно обширнаго по объему, при составленіи своего труда, руководствовался, по видимому, исключительно желаніемъ развить въ народѣ чувство набожности.

Оно содержитъ, главнымъ образомъ, описаніе чудесъ Пресвятой Богородицы и мало представляетъ историческихъ данныхъ о самой церкви. Изъ этой книги мы, между прочимъ, узнаемъ, что первыя изслѣдованія о началѣ и о причинахъ поклоненія статуѣ, изображающей собою Марію Быстрицкую, были сдѣланы священникомъ быстрицкаго прихода Андреемъ Ивсичемъ, который собралъ по этому предмету свѣдѣнія у людей наистарѣйшихъ и наиболѣе просвѣщенныхъ въ краѣ, словамъ которыхъ онъ, по видимому, придавалъ большое значеніе. Въ 1688 году, по смерти своей, онъ оставилъ манускриптъ, составленный на основаніи фактовъ и разсказовъ; имѣя въ виду, безъ сомнѣнія, отстранить даже и малѣйшее сомнѣніе въ истинности своихъ показаній, въ заключеніи своего манускрипта, онъ заявилъ, что присягалъ въ достовѣрности сообщенныхъ имъ свѣдѣній. Безъ сомнѣнія, первоначальная рукопись этого интереснаго документа находится если не въ архивѣ загребскаго капитула, то въ какомъ-либо шкапу библіотеки быстрицкаго прихода. Петръ Бенке заимствовалъ свои свѣдѣнія о Маріи Быстрицкой изъ помянутаго манускрипта. Сочиненіе Бенке заслуживаетъ тѣмъ болѣе вниманія, что мы не находимъ никакихъ данныхъ о быстрицкой церкви въ ученыхъ трудахъ хорватскихъ писателей, которые, къ сожалѣнію, вообще мало интересуются этимъ главнымъ мѣстомъ паломничества хорватовъ, хотя внимательное изученіе характера и наклонностей паломниковъ, стекающихся туда изъ всѣхъ краевъ Хорватіи, даже изъ Венгріи, могло бы доставить богатый матеріалъ для ученыхъ изслѣдованій.

Марія Быстрицкая изображена въ формѣ деревянной статуи съ бѣлымъ раскрашеннымъ лицомъ, на щекахъ котораго играетъ румянецъ: художникъ положилъ очень много розовой краски, чтобы представить вѣчную молодость Пресвятой Дѣвы. На ея головѣ постоянно бываетъ надѣто нѣсколько коронъ, а платье, облекающее ея станъ, отличается большею или меньшею роскошью, смотря по важности праздника. Впрочемъ Марія Быстрицкая бываетъ одинаково одѣта съ предвѣчнымъ младенцемъ Іисусомъ. Котораго она держитъ на лѣвой рукѣ. Еще въ 1588 г. статуя эта пользовалась большимъ уваженіемъ, вслѣдствіе чудесъ, которыя она, какъ вѣруютъ хорваты, неоднократно являла. Въ означенномъ году полчища турокъ и татаръ напали на

Хорватію и проникли даже до мѣстечка Златаря (въ разстояніи на одинъ часъ отъ с. Быстрицы). Священникъ быстрицкаго прихода (имя его неизвѣстно), боясь, чтобы эта святая статуя не досталась варварамъ, закопалъ ее тогда подъ плитой, лежавшей подъ церковными хорами. Въ теченіе почти сорока лѣтъ статуя эта находилась такимъ образомъ въ означенномъ мѣстѣ, не испытавши ни малѣйшаго поврежденія. Народъ объяснилъ это обстоятельство великимъ чудомъ; хотя, по нашему мнѣнію, весьма естественно, что дерево, выкрашенное свѣжими масляными красками, сохраняется долгое время въ сухомъ мѣстѣ. Эта статуя была найдена вслѣдствіе слѣдующаго чуда: священникъ Лукачъ, преемникъ того священника, при которомъ она была закопана, какъ-то разъ прохаживаясь вокругъ церкви въ то время, какъ звонили на колокольнѣ вечерній «angelus», вдругъ замѣтилъ, что церковное окно озарилось сильнымъ свѣтомъ. Онъ поспѣшилъ войти въ церковь и, какъ самъ разсказывалъ, увидѣлъ тамъ мерцающій свѣтъ, который вдругъ потухъ подъ камнемъ, лежавшимъ подъ хорами. На слѣдующій день онъ приказалъ поднять плиту и, къ своему великому удивленію, увидѣлъ подъ ней статую Пресвятой Богородицы: она была оттуда вынута и съ торжествомъ поставлена на возвышенномъ мѣстѣ, въ стѣнѣ, сзади престола. Хотя поклоненіе этой статуѣ такимъ образомъ снова началось, но оно продолжалось не долго, такъ какъ Марія Быстрицкая, вслѣдствіе небрежности и равнодушія приходскихъ священниковъ, преемниковъ Лукача, перестала творить чудеса. Со временемъ она была снята съ означеннаго мѣста и была поставлена на небольшомъ окнѣ верхней части стѣны, внутри церкви. Неизвѣстно по какой причинѣ, спустя нѣкоторое время, окно это было задѣлано, впрочемъ такъ, что макушка святой статуи осталась не задѣланною. Существуетъ народное преданіе, что какъ-то разъ, въ «младу недѣлю» (первое воскресенье послѣ новолунія), едва только быстрицкій священникъ Петръ Брецаричъ окончилъ свою проповѣдь, какъ неожиданно взошла на каѳедру одна женщина - удивительной красоты, одѣтая въ свѣтло - голубое платье, и обратилась къ присутствующимъ съ слѣдующими словами: «молитесь, чтобы я могла снова появиться среди васъ». Затѣмъ привидѣніе вмѣшалось въ толпу женщинъ, а потомъ мгновенно исчезло.

По окончаніи обѣдни, священникъ съ церковнымъ привратникомъ поѣхалъ въ маленишанскій замокъ, въ Поградьѣ. Во время пути они разговаривали объ этомъ странномъ явленіи; каково было ихъ удивленіе, когда вблизи дома госпожи Юдиѳы Балаговичей, владѣтельницы замка, они замѣтили тоже видѣніе въ свѣтло-голубомъ платьѣ! Они ускорили ходъ лошадей, въ надеждѣ подъѣхать къ этому чудному видѣнію; но оно вдругъ изчезло. Это событіе, которое, въ свое время, надѣлало много шуму, было забыто со смертью священника и ничего не было сдѣлано къ открытію быстрицкой статуи. Можетъ статься, что это явленіе скорѣе поколебало, чѣмъ укрѣпило чувство набожности въ народѣ; можетъ статься, что это явленіе и заставило быстрицкаго священника не вынимать статуи Маріи Быстрицкой изъ окна, въ которомъ она была задѣлана. Прошло съ того времени около тридцати лѣтъ, какъ однажды священникъ быстрицкаго прихода Янусъ Молитарисъ, находясь въ Загребѣ, былъ случайно приглашенъ на обѣдъ загребскимъ епископомъ Мартыномъ Борковичемъ. За обѣдомъ рѣчь зашла о томъ, какое мѣсто въ Австріи было наиболѣе прославлено чудесами Пресвятой Богородицы? Боровковичъ вдругъ вспомнилъ, что слышалъ еще въ молодости объ одной святой статуѣ, находящейся въ быстрицкой церкви и творившей много чудесъ. Это воспоминаніе, явившееся подъ вліяніемъ происходившаго разговора, такъ сильно его воодушевило, что онъ не могъ до тѣхъ поръ успокоиться, пока не отправилъ изъ Загреба помянутаго священника быстрицкаго прихода, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ священниковъ загребскаго капитула, въ село Быстрицу, давши имъ приказаніе отыскать въ тамошней церкви статую Маріи Быстрицкой. Въ субботу, въ вечернее время, они успѣли найти мѣсто, гдѣ она находилась, и поспѣшили оттуда ее вынуть. На слѣдующій день, въ воскресенье, съ большимъ торжествомъ, она была поставлена въ стѣнѣ, на мѣстѣ нѣсколько возвышенномъ, сзади алтаря. Пресвятая Богородица освятила этотъ день чудомъ, исцѣливши пятилѣтнюю дѣвочку Магдалину Паулету, которая была разбита параличемъ. Разсказываютъ, что въ тотъ же день въ полночь, Пресвятая Богородица Быстрицкая явилась

христіанамъ въ г. Канишѣ (въ Венгріи), страдавшимъ подъ турецкимъ игомъ, и обратилась къ нимъ съ слѣдующими словами: «ne boitesze, szinki moji; nego sze s tverdnem uffayem k'meni na Bistrizu vteczette, kade ja denez vidyenye ieszem zadobila, y hochette sze uszloboditi», т. е. не бойтесь, дѣти мои; приходите съ твердымъ упованіемъ ко мнѣ въ Быстрицу, въ особенности теперь, когда я снова появилась на свѣтъ, и вы освободитеся. Христіане, обыватели г. Канишы, дали тогда обѣтъ ежегодно совершать паломничество въ Быстрицу; послѣ того немедленно спали съ ихъ рукъ и ногъ желѣзныя оковы, отворились двери темницъ и городскія ворота, и они счастливо бѣжали изъ г. Канишы, ища себѣ убѣжища въ г. Леградѣ. Тамошній городской начальникъ, въ сопровожденіи массы мѣстныхъ жителей, сопутствовалъ избавившимся отъ турецкаго ига обывателямъ г. Канишы въ с. Быстрицу, на поклоненіе Маріи Быстрицкой. Авторъ помянутаго сочиненія, разумѣется, старается доказать достовѣрность чудесъ, явленныхъ Маріей Быстрицкой.

Къ первымъ покровителямъ быстрицкой церкви относятъ древняго хорватскаго бана, графа Ивана Пальфи, который выстроилъ большой престолъ въ этой церкви; затѣмъ баронъ Петръ Прашинскій завѣщалъ все свое большое состояніе быстрицкому приходу. Его духовное завѣщаніе, безъ сомнѣнія, находится въ библіотекѣ этого прихода: копія съ этого духовнаго завѣщанія помѣщена въ книгѣ г. Бенке. Въ этомъ завѣщаніи особенно обращаетъ вниманіе то, что въ немъ упоминается о фондаціи, учрежденной для содержанія двухъ капеляновъ при означенной церкви: одинъ изъ нихъ долженъ знать языкъ нѣмецкій, а другой—венгерскій; каждый долженъ получать ежегодно по 125 ранички (раничка — цванцигеръ). Намъ кажется, что эта фондація была учреждена подъ вліяніемъ политическихъ тенденцій учредителя. Необходимость имѣть проповѣдниковъ — венгерскаго и нѣмецкаго—можетъ быть объяснена тѣмъ, что въ с. Быстрицу приходили на богомолье большія процессіи изъ Венгріи; но не надо забывать того, что паломники приходили туда и съ береговъ Адріатическаго моря, а слѣдовательно нужно было бы въ такомъ случаѣ имѣть и итальянскаго проповѣдника. Какъ видно, въ томъ краѣ политика играла во всемъ большую роль. Политическія тенденціи мѣстныхъ вла-

стей не дозволяли даже и Маріи Быстрицкой ни быть исключительно хорватской, ни сдѣлаться космополитной.

Приходская церковь во имя св. Маріи Быстрицкой—весьма простой архитектуры. Особенно замѣчательна помѣщающаяся въ ней ризница, которая содержитъ въ себѣ много сокровищъ: желѣзная дверь съ хитро сдѣланнымъ замкомъ, къ глубокому сожалѣнію разбойниковъ, крѣпко защищаетъ богатство св. Маріи отъ нечестивыхъ человѣческихъ рукъ. Посмотримъ, что въ ней помѣщается. Во 1-хъ, большое количество церковной серебряной утвари; во 2-хъ множество дорогихъ платьевъ Пресвятой Дѣвы и Ея младенца; въ 3-хъ, много серебряныхъ и золотыхъ вещей, пожертвованныхъ мѣстными зажиточными землевладѣльцами; напримѣръ, у кого болитъ рука или нога, или кто страдаетъ сильнымъ біеніемъ сердца, даетъ обѣтъ Пресвятой Дѣвѣ пожертвовать ей, въ случаѣ своего исцѣленія, маленькую серебряную руку, ногу, или сердце, смотря потому, что болѣло; болѣзнь проходитъ, и богатство Маріи Быстрицкой увеличивается новымъ даромъ. Такого рода вещицы украшаютъ и образа, и стѣны храма. Но главнымъ доходомъ этой церкви являются деньги, получаемыя за отправленіе различныхъ церковныхъ требъ, за совершеніе обѣденъ за больныхъ, или за упокой душъ умершихъ и т. д. Нѣкоторая часть получаемыхъ денегъ идетъ въ пользу аббата *), остальная же часть составляетъ доходъ собственно церкви.

Церковь окружена высокими стѣнами, которыя разрисованы изображеніями чудесъ, совершенныхъ Маріей Быстрицкой въ продолженіе земной Ея жизни: здѣсь мы видимъ нагихъ людей, изъ ранъ которыхъ извергаются громадные потоки крови на подобіе водопада и которые умоляютъ Марію Быстрицкую облегчить ихъ страданія; на другой картинѣ, находящейся вблизи первой, изображено, какъ эти страждущіе получаютъ исцѣленіе. Здѣсь можно видѣть также картину, изображающую экипажъ, запряженный парою прекрасныхъ лошадей: лошади взбѣ-

---

*) Аббатъ главное лицо въ приходѣ: онъ управляетъ его имуществомъ и даетъ за извѣстные проценты церковныя деньги въ долгъ помѣщикамъ, такъ что въ той мѣстности почти нѣтъ ни одного землевладѣльца, который бы не состоялъ должникомъ Маріи Быстрицкой.

*

сились и понеслись къ пропасти; сѣдоки не могутъ удержать ихъ; но вотъ является Марія, и лошади останавливаются, какъ вкопанные. И вообще, много, много примѣровъ изъ міра чудесъ передастъ потомству эта высокая церковная стѣна. Богомольцы, приходящіе туда изъ далекихъ странъ, съ благоговѣніемъ разсматриваютъ эти изображенія и возвратясь въ свои хижины, къ своему скромному, домашнему очагу, передаютъ домашнимъ исторію многочисленныхъ земныхъ подвиговъ Пресвятой Дѣвы и тѣмъ возбуждаютъ, въ подрастающемъ поколѣніи, охоту самимъ побывать на поклоненіи Маріи Быстрицкой.

Самымъ важнымъ мѣстнымъ праздникомъ является праздникъ Успенія Пресвятой Богородицы, 15-го августа. На это церковное торжество богомольцы стекаются со всѣхъ концевъ Хорватіи, а также и изъ южныхъ краевъ Венгріи. Иные, по данному обѣту, приходятъ изъ далека пѣшкомъ на этотъ праздникъ; а другіе пріѣзжаютъ въ телѣгахъ, привозя съ собою провизію, необходимую на все время пребыванія въ дорогѣ и на праздникѣ *). Въ означенный день, длинные крестные ходы изъ окрестныхъ приходскихъ церквей тянутся по направленію къ быстрицкой церкви. Эти церковныя процессіи отличаются особенною торжественностію: спереди несутъ національный флагъ и при этомъ бьютъ въ барабаны, затѣмъ идетъ церковный сторожъ, держа въ рукахъ запрестольный крестъ; а за нимъ—мѣстный приходскій священникъ въ сопровожденіи двухъ капеляновъ въ полномъ церковномъ облаченіи; далѣе идутъ попарно сначала мужчины, а за ними женщины. Принимающіе участіе въ этой духовной процессіи поютъ духовныя пѣсни. По приходѣ крестныхъ ходовъ въ быстрицкую церковь, начинается въ ней обѣдня, по окончаніи которой открывается ярмарка, устраиваемая вблизи церкви. Здѣсь продаютъ различные предметы домашняго обихода, какъ то: скотъ, земледѣльческія орудія, домашнюю утварь, а также различнаго рода матеріи, привлекающія взоры молодыхъ богомолокъ яркими разноцвѣтными узорами. Въ особенности же здѣсь происходитъ продажа изображеній Маріи Быстрицкой: на этихъ лубочныхъ картин-

---

[1]) Хорваты обыкновенно пѣшкомъ идутъ на богомолье, въ случаѣ же если вся семья туда отправляется, то они ѣдутъ въ телѣгѣ.

кахъ представлена мѣстная церковь и надъ ней носится въ облакахъ Пресвятая Дѣва съ предвѣчнымъ младенцемъ. Каждый богомолецъ непремѣнно покупаетъ себѣ эти картинки, въ нѣсколькихъ экземплярахъ, такъ они стоютъ очень дешево (по одной копейкѣ за картинку). Отправляясь обратно въ дорогу, богомольцы пришпиливаютъ одну изъ нихъ къ своей шляпѣ, а, придя домой, снимаютъ это изображеніе со шляпы и вѣшаютъ его на стѣнѣ. Женщины же для своихъ родныхъ и знакомыхъ, оставшихся дома, покупаютъ сердца, сдѣланныя изъ особаго тѣста, состоящаго изъ смѣси муки съ медомъ: эти сердца изображаютъ собою сердце Маріи Быстрицкой, образъ которой къ нимъ прилѣпливается. На ярмаркѣ продаются и другія изображенія, сдѣланныя изъ того же тѣста. Во время праздника, богомольцы выпиваютъ громадное количество вина, почему-то отождествляя поклоненіе Маріи Быстрицкой съ обожаніемъ Бахуса. Но торжество оканчивается; Пресвятую Богородицу одѣваютъ въ будничное платье, и богомольцы расходятся по домамъ.

Другимъ мѣстомъ богомолья служитъ францисканскій монастырь въ мѣстности Трсатѣ, расположенной на возвышенности вблизи г. Рѣки. По народному преданію, туда ангелы принесли изъ г. Назарета домикъ, гдѣ нѣкогда жили Іосифъ, Марія и Іисусъ Христосъ, но здѣсь не долго побылъ этотъ святой домикъ; черезъ нѣсколько времени онъ былъ унесенъ ангелами въ Италію, въ г. Лоретто [1]). На этомъ мѣстѣ въ Трсатѣ, гдѣ стояло это чудомъ перенесенное зданіе, выстроенъ монастырь, куда ведетъ изъ г. Рѣки лѣстница, состоящая изъ 400 ступенекъ: часто можно видѣть, какъ женщины, вслѣдствіе даннаго ими обѣта, привязавъ къ головѣ зажженныя свѣчи, подымаются на колѣняхъ на вершину этой возвышенности [2]). Разскажемъ народное преданіе, связанное съ означеннымъ мѣстомъ па-

---

[1]) Свѣдѣнія объ этомъ мѣстѣ паломничества хорватовъ заимствованы мною изъ статьи «Relazione istorica delle translazioni della S. Casa di M. V. da Nazareta a Tersatto ed indi a Loreto nel secolo XIII», помѣщенной въ журналѣ «Almanaco Fiumano» per gli anni 1859 e 1860, стр. 111—116.

[2]) Въ монастырской церкви, за извѣстную денежную сумму, дозволяется развѣшивать рисунки судовъ, спасшихся отъ кораблекрушенія.

ломничества приморскаго хорватскаго населенія. «Въ маленькомъ собственномъ домикѣ въ г. Назаретѣ жили Іоакимъ и Анна; отъ нихъ родилась тамъ единственная ихъ дочь Марія, которую они выдали за мужъ за плотника Іосифа. Марія продолжала жить въ этомъ домѣ до своего отъѣзда въ Виѳлеемъ. Въ это скромное жилище архангелъ Гавріилъ принесъ ей благую вѣсть, что отъ нея родится Спаситель міра; въ этомъ домѣ положено было начало искупленія рода человѣческаго. Здѣсь же, по возвращеніи изъ Египта, Христосъ проводилъ время до своего крещенія. Въ этомъ обиталищѣ возвышался алтарь, на которомъ св. Апостолы приносили безкровную жертву; впослѣдствіи въ немъ былъ воздвигнутъ великолѣпный алтарь, на которомъ, въ половинѣ XIII ст., былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, по случаю освобожденія Галилеи отъ египетскаго царя Мелихъ-Салеха. 10-го мая 1291 года, этотъ домикъ былъ перенесенъ ангелами изъ Галилеи на гору Трсато». Какимъ же образомъ совершилось это чудо? Народъ разсказываетъ такъ: «Пресвятая Дѣва захотѣла поселить еще бо́льшее къ себѣ уваженіе и любовь въ мѣстныхъ жителяхъ какимъ-либо чудомъ. Тамошній приходскій священникъ Александръ Джіорджіо сильно былъ боленъ: прихожане уже потеряли надежду на выздоровленіе своего уважаемаго пастыря. Вдругъ ему снится перенесеніе дома Пресвятой Дѣвы изъ Назарета въ Трсато и, при появленіи этого дома, онъ почувствовалъ себя совершенно здоровымъ. Вставши съ постели, онъ поспѣшилъ въ часовню, гдѣ вознесъ теплую молитву къ своей спасительницѣ. Все мѣстное населеніе было крайне обрадовано вѣстью о выздоровленіи любимаго имъ священника и еще болѣе пришло въ восторгъ, услышавъ о совершившемся чудѣ. Сейчасъ же была наряжена коммисія для того, чтобы убѣдиться, настоящій-ли это домъ Пресвятой Дѣвы Маріи? Не существуетъ-ли иного такого дома въ Галилеѣ? Отправленные въ Галилею депутаты на мѣстѣ собрали свѣдѣнія о святомъ домѣ, и что же оказалось? Оказалось, что такого дома въ тѣхъ мѣстностяхъ не существуетъ; но по оставшимся, сохраненнымъ временемъ, слѣдамъ, можно было заключить, что онъ былъ того же размѣра и сдѣланъ изъ того же матеріала, какъ и чудесно появившійся домъ въ Трсато». Народная память свято хранитъ это преданіе. Толпа богомольцевъ высоко

чтить то мѣсто, гдѣ Пресвятая Богородица явила свою божественную силу. Въ монастырской церкви находится могила Николая Франкопана, бана хорватскаго, который былъ членомъ отправленной въ Галилею депутаціи. Прошло три года послѣ описаннаго нами чуда, и домъ Пресвятой Дѣвы въ 10 часовъ вечера, 10-го декабря 1294 г., совершилъ вторичное путешествіе въ Италію, въ г. Лоретто, гдѣ и пребываетъ до сихъ поръ.

Кромѣ селеній—Быстрицы и Трсато, существуютъ въ Хорватіи еще нѣсколько менѣе извѣстныхъ мѣстъ, куда собираются богомольцы, какъ напримѣръ: римско-католическая церковь св. Вита въ г. Рѣкѣ; церковь св. Косьмы въ г. Бакрѣ (въ двухъ часахъ разстоянія отъ г. Рѣки) и другія.

Въ заключеніе нашего краткаго очерка религіознообрядовой стороны быта хорватовъ, замѣтимъ, что хотя описанныя нами паломничества хорватовъ имѣютъ нѣкоторыя хорошія стороны, именно укрѣпляютъ въ народѣ религіозное чувство, но по той внѣшней обстановкѣ, при которой они происходятъ, они имѣютъ и пагубное вліяніе на народную нравственность. Во 1-хъ—неизбѣжны нѣсколько дней пьянства, этого совсѣмъ не духовнаго веселья, по случаю праздника Маріи-ли Быстрицкой, или какого другаго святаго; во 2-хъ, народъ отрывается отъ обыденныхъ своихъ занятій, идетъ въ отдаленную мѣстность, чтобы попьянствовать, посмотрѣть на разряженную Богородицу, внесть скудную лепту въ ея сокровищницу, купить изображеніе ея и нѣсколько вещей, очень часто совершенно не нужныхъ, и въ заключеніе утомиться въ дальнемъ пути, а иной разъ и захворать. Какое тутъ спасеніе въ такомъ богомольѣ? Римско-католическое духовенство поощряетъ народное невѣжество созданіемъ болѣе или менѣе фантастическихъ легендъ о святыхъ мѣстахъ, доказывая народу необходимость идти то на то, то на другое богомолье. Но этому злоупотребленію будетъ-же когда нибудь конецъ, и рано или поздно хорватъ узнаетъ, что подъ ученой тогой патера весьма часто скрываются разсчоты, унижающіе достоинство человѣка.

VIII.

Погребальные обычаи: взглядъ селянина на смерть и на загробную жизнь; приготовленія къ похоронамъ; плакальщицы; кладбище; погребальная процессія; похоронный обѣдъ; «задужбина»; поминки; особенности поминовенія всѣхъ усопшихъ.

Погребальные обычаи австрійскихъ южныхъ славянъ сохранили на себѣ слѣды язычества; въ нихъ проглядываетъ крайне-узкій взглядъ славянина на смерть и на загробную жизнь. Такъ мы видимъ, что обыкновенный исходъ жизни—смерть, этотъ естественный законъ природы, юго-славяне стараются объяснить себѣ извѣстными случайностями, разными комбинаціями, въ основу которыхъ легли крайне шаткія начала. Если собака воетъ около чьего-либо дома и, несмотря на побои, продолжаетъ выть по прежнему, то это означаетъ, по народному понятію, что кто-либо изъ домашнихъ скоро умретъ. Если двое изъ домашнихъ скоропостижно умираютъ, то еще кто-либо изъ нихъ въ томъ-же году умретъ. Отъ какой болѣзни кто захвораетъ въ пятницу, отъ той-же болѣзни онъ и умретъ. Отецъ и мать, у которыхъ умеръ ребенокъ, не должны ѣсть свѣжихъ плодовъ до тѣхъ поръ, пока не дадутъ ихъ бѣднымъ сиротамъ въ поминокъ за душу своего дитяти, въ противномъ случаѣ, усопшее дитя не получитъ на томъ свѣтѣ райскихъ плодовъ, вынуждено будетъ грызть свои пальцы и станетъ горько жаловаться на своихъ родителей.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ въ Военной Границѣ въ Огулинско-Слуинскомъ округѣ, если больной уже находится въ агоніи, то всѣ его родственники и сосѣдие обираются каждую ночь въ его домѣ и спѣшатъ зажечь свѣчи, едва только онъ испускаетъ послѣднее дыханіе, а также выгнать изъ дома покойника всѣхъ домашнихъ животныхъ. Вымывъ покойника, одѣваютъ его въ лучшую праздничную его одежду; положивши на груди крестообразно руки, полагаютъ покойника на столъ, покрытый бѣлою скатертью; если онъ былъ холостъ, то его голову украшаютъ вѣнкомъ изъ бѣлыхъ розъ. По одну сторону покойника ставятъ зажженныя восковыя свѣчи (двѣ, три, четыре и свыше, смотря по средствамъ покойника), а у ногъ его—чашу, наполненную святою водой, въ которую, вмѣ-

сто кропила, кладутъ вѣточку василька: всякій, приходящій отдать послѣдній долгъ усопшему, окропляетъ его святою водой, затѣмъ становится на колѣни и молится объ упокоеніи усопшаго. Вообще всѣ родные и знакомые сходятся въ домъ покойника помолиться о душѣ новопреставившагося раба Божія. При этомъ ведутся длинные разговоры, вспоминаются одни только добрыя качества покойника.

Заунывно раздается три раза въ день во все время, пока покойникъ въ домѣ, звонъ колокола сельской церкви, извѣщая селянъ, что еще одинъ изъ нихъ предсталъ предъ престолъ Всевышняго. Надъ трупомъ покойника раздается громкій, иной разъ раздирающій душу, плачъ женщинъ, которыя иногда приходятъ изъ другихъ селъ, чтобы поплакать, попричитать надъ трупомъ покойника. Эти женщины, извѣстныя въ Славоніи подъ именемъ «покайнице» (плакальщицы), а въ приморской части Далмаціи между городами Сплѣтомъ и Трогиромъ подъ именемъ «нарикаче» (плакальщицы), за извѣстную плату, обливаются горючими слезами, выражаютъ въ извѣстныхъ причитаніяхъ свою громаднѣйшую скорбь о потерѣ, какъ онѣ говорятъ, дорогаго для нихъ человѣка. Эти причитанія создаются, разумѣется, по извѣстному образцу: сперва онѣ говорятъ, чѣмъ занимался покойникъ, потомъ воздаютъ ему хвалу и заканчиваютъ привѣтствіемъ, обращеннымъ ко всѣмъ тѣмъ, въ чьемъ домѣ находится умершій. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что если померъ ребенокъ, то даже его мать, по народному повѣрью, не должна по немъ плакать; дитя ея безгрѣшно; его душа улетѣла въ лучшій міръ; за чѣмъ же плакать? говоритъ народъ.

Вблизи села обыкновенно находится кладбище, на которомъ каждая семья имѣетъ отведенное для себя мѣсто. Маленькія земляныя насыпи, обложенныя дерномъ, вокругъ которыхъ обыкновенно бываетъ посажена или плакучая ива или яворъ, имѣютъ единственнымъ своимъ украшеніемъ деревянный крестъ, раскрашенный народными цвѣтами: бѣлымъ, голубымъ и краснымъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ по украшеніямъ, придѣлываемымъ къ кресту, можно узнать погребенъ-ли тамъ мужчина, замужняя женщина или дѣвушка: въ первомъ случаѣ крестъ украшается саблею или какою-либо другою эмблемою юначества; во второмъ случаѣ—крестъ покрывается ка-

кою-либо матеріею, а въ третьемъ—къ кресту прикрѣпляется прядь льна или что-либо въ родѣ этого. На нѣкоторыхъ старыхъ могилахъ иногда возвышаются большіе отесанные камни (стетьякъ): эти надгробные памятники обыкновенно имѣютъ въ діаметрѣ два аршина, а въ высоту около $1^1/_2$ аршина.

По народному суевѣрію не слѣдуетъ копать могилы за день до погребенія: народъ вполнѣ увѣренъ въ томъ, что если могила, въ теченіи хоть одной ночи, простоитъ пустою, то кто-либо изъ домашнихъ умретъ въ томъ году. Поэтому рано по утру въ день похоронъ, знакомые покойника идутъ на кладбище копать могилу, взявши съ собою вино, а также съѣстное, что и раздаютъ всѣмъ тѣмъ, которые попадутся имъ на встрѣчу.

Но вотъ сельскій столяръ принесъ гробъ, въ которомъ, слѣдуя народному суевѣрію, сдѣлалъ нѣсколько трещинъ. Вотъ пришелъ и священникъ въ домъ покойника: послѣ коротенькой литіи, погребальная процессія начинаетъ медленно подвигаться по направленію къ сельской церкви. Сначала несутъ запрестольный крестъ, на который обыкновенно вѣшаютъ платокъ или полотенце покойника, какъ-бы для обозначенія того, что онъ былъ вѣрнымъ сыномъ церкви; далѣе идутъ селяне по двое въ рядъ со свѣчами въ рукахъ; за ними священникъ, имѣя по обѣ стороны отъ себя по церковнику: одинъ изъ нихъ несетъ чашу со святою водой, а другой—зажженную свѣчу; затѣмъ гробъ несутъ на носилкахъ или везутъ на телѣгѣ: въ послѣднемъ случаѣ обыкновенно прикрѣпляютъ къ лошадямъ два платка бѣлый и черный. За гробомъ идутъ родственники и пріятели покойнаго по парно: сначала мужчины, а потомъ и женщины. Во время шествія этой погребальной процессіи, заунывно раздается звонъ съ колокольни сельской церкви. Это процессія въ томъ же порядкѣ подвигается изъ церкви къ могилѣ.

Вернувшись съ кладбища, селяне, прежде чѣмъ войти въ домъ покойника, обыкновенно моютъ себѣ руки и, взявши щипцами горячій уголь, перебрасываютъ его черезъ плечи. Затѣмъ бываетъ обѣдъ. Похоронный обѣдъ, иначе называемый «карпина», бываетъ либо въ домѣ умершаго, либо въ домѣ одного изъ самыхъ близкихъ его родственниковъ. Главною принадлежностью

его составляетъ красный ситцевый платокъ съ орѣхами, который кладутъ на столъ. На этомъ обѣдѣ обыкновенно пьютъ за упокой души такого-то или такой-то, во славу святыхъ и т. п. Но такъ какъ существуетъ обычай провозглашать тосты за здоровье извѣстной пары, какъ напримѣръ: мужа и жены, жениха и невѣсты и т. д., то и на этихъ обѣдахъ произносятъ тосты въ честь какого-либо святаго и какой-либо святой, какъ напримѣръ: пьютъ во славу св. Іосифа и св. Анны и т. д. Впрочемъ на этихъ обѣдахъ пьютъ за здоровье живыхъ, если кому-либо изъ нихъ желаютъ оказать особое уваженіе. Такъ какъ приходскій священникъ занимаетъ первое мѣсто на похоронномъ обѣдѣ, то обыкновенно пьютъ за его здоровье и за одно съ нимъ и за здоровье какой-либо святой. Послѣ каждаго тоста, присутствующіе спѣшатъ опорожнить стаканы, наполненные виномъ. За обѣдомъ поютъ сложенныя на этотъ случай пѣсни; приводятся тексты изъ Евангелія; разсказываются разныя исторіи и разныя легенды духовнаго содержанія. Послѣ обѣда присутствующимъ раздаются орѣхи и плоды. Такимъ обѣдомъ заканчивается день похоронъ. Въ теченіи всего этого дня, всѣ стараются имѣть грустный видъ. Мы не считаемъ лишнимъ при этомъ замѣтить, что въ слуинскомъ округѣ вблизи селенія Вельюна (въ Военной Границѣ) существуетъ у сербовъ обычай такого рода: если кто умретъ, то всѣ родственники покойника, жившіе съ нимъ въ одномъ домѣ, въ теченіи отъ 3 до 8 дней, имѣютъ обыкновеніе выходить изъ дома съ непокрытою головой, не обращая при этомъ вниманія ни на дождь, ни на снѣгъ, ни на солнце.

Зажиточный славянинъ, чувствуя близость своей смерти, обыкновенно дѣлаетъ духовное завѣщаніе, въ которомъ назначаетъ извѣстную сумму на поминъ своей души: эта дача въ церковь на поминъ души носитъ названіе «задубжина». Мы не можемъ при этомъ не замѣтить, что у южныхъ славянъ существуетъ оригинальное обозначеніе сироты, а именно «безмливница».

Поминки (датья) по умершимъ бываютъ три раза въ годъ: 1) по прошествіи сорока дней послѣ смерти (четрдесница), 2) спустя полгода (полугодишьница) и 3) черезъ годъ (годишьница). Для этого выбирается обыкновенно особое время; чаще онѣ бываютъ въ

воскресенье утромъ. Ближайшіе родные умершаго приглашаютъ его родныхъ и знакомыхъ на поминки такими словами: «приходите вечеромъ (или утромъ) помянуть усопшаго». Въ назначенное время приглашенные собираются на могилѣ, на которой священникъ освящаетъ кутью. За тѣмъ всѣ приглашенные идутъ обѣдать: во время обѣда пьютъ за упокой души преставившагося раба (или преставившейся рабы); потомъ всѣ присутствующіе поютъ въ одинъ голосъ: «да проститъ Богъ душѣ его (или ея) всѣ прегрѣшенія».

По понятію славянъ язычниковъ души усопшихъ, вступая въ среду стихійныхъ духовъ, раздѣляютъ и ихъ судьбу. По этому въ зимній періодъ, окованныя стужею и морозами, онѣ повергаются въ то-же оцѣпенѣніе, въ тотъ-же долгій сонъ, какъ и всѣ творческія силы природы. Съ пробужденіемъ-же природы отъ зимняго сна (омертвѣнія), пробуждаются къ жизни и души усопшихъ. По этой то причинѣ праздникъ весны былъ у славянъ-язычниковъ вмѣстѣ и праздникомъ въ честь усопшихъ предковъ, обычною порою сношеній съ ними, посѣщенія кладбищъ и поминокъ. Понятно, что поминальныя празднества должны были получить двойственный характеръ: съ одной стороны, оставшіеся въ живыхъ горевали по своимъ покойнымъ родичамъ, лили о нихъ слезы и сожалѣли о вѣчной съ ними разлукѣ, а съ другой, признавая усопшихъ за существа стихійныя, считали религіознымъ долгомъ участвовать въ ихъ шумной радости при весеннемъ пробужденіи природы.

Праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенья пріуроченъ къ тому времени, когда природа обновляется и, такъ сказать, призывается къ новой жизни. Поэтому къ этой-же эпохѣ главнѣйшимъ образомъ относится и поминовеніе душъ усопшихъ. Понедѣльникъ на Ѳоминой недѣлѣ, извѣстный подъ именемъ «побушени понедѣльникъ» или «радуница», имѣетъ у южныхъ славянъ назначеніе поминовенія всѣхъ усопшихъ. На канунѣ этого дня, бѣдные жители селъ и городовъ идутъ звонить на церковную колокольню, затѣмъ они ходятъ по селамъ и деревнямъ, прося милостыню. Въ самый-же день поминовенія всѣхъ усопшихъ въ каждомъ домѣ курится ладонъ, поселяне идутъ въ церковь, гдѣ даютъ священнику поминальныя записки и книжки, куда они обыкновенно вносятъ имена всѣхъ умершихъ сво-

ихъ родственниковъ. Когда священникъ, во время службы, начинаетъ читать поминанія, то каждый изъ присутствующихъ зажигаетъ свѣчу; по окончаніи службы, всѣ идутъ на могилы своихъ родственниковъ и ставятъ тамъ зажженныя свѣчи, которыя и горятъ до вечера. Въ день «радуницы» приносятъ пищу на могилу, слѣдуя суевѣрію, что впродолженіи праздника пасхи, души усопшихъ постоянно обращаются между живыми, пьютъ, ѣдятъ и радуются вмѣстѣ съ ними. Народъ обыкновенно раздаетъ милостыню за упокой души; священники читаютъ краткія молитвословія на могилахъ умершихъ. Помолившись за упокой души своихъ родственниковъ, начинаютъ вспоминать различныя событія изъ ихъ жизни. Это поминовеніе именуется «дружичало».

Впрочемъ, кромѣ этого дня поминовенія всѣхъ усопшихъ, существуютъ и другіе дни, въ которые происходятъ эти поминовенія, а соблюдаемые при этомъ обряды носятъ названіе «задушнице». Такъ поминовенія всѣхъ усопшихъ происходятъ у православныхъ сербовъ, вопервыхъ за недѣлю до великаго поста—это время называется «задушна недѣля» и вовторыхъ—предъ петровскимъ постомъ, а у хорватовъ-католиковъ—2-го ноября. Мы не можемъ при этомъ не замѣтить, что двойственный характеръ древней тризны и до нынѣ остается любопытною чертою народныхъ поминокъ.

Г. Полу-христіанскіе обряды и повѣрья.

Легендарная обстановка праздниковъ, установленныхъ христіанскою церковью, принадлежитъ тому позднѣйшему времени, когда, подъ вліяніемъ христіанскаго ученія, аттрибуты и подвиги различныхъ героевъ языческаго эпоса были усвоены христіанскимъ угодникамъ. Весьма естественно, что хотя ученіе Христа и бросило, со временемъ, свои плодотворные корни на славянской почвѣ, все-таки народъ не могъ отрѣшиться отъ своихъ поэтическихъ вѣрованій, и вотъ старинныя языческія представленія переносятся на ветхо-

и ново-завѣтныхъ святыхъ, а слѣдовательно и на праздники, въ ихъ честь установленные христіанскою церковью. Такимъ образомъ празднества, совершаемыя въ дни, посвященные важнѣйшимъ событіямъ жизни Іисуса Христа и Святыхъ, соединены съ различными народными обрядами и вѣрованіями, которыя въ большинствѣ случаевъ, унаслѣдованы отъ языческой старины и, подъ вліяніемъ христіанства, получили только новую форму.

Празднованіе Рождества Христова, установленное христіанскою церковью, совпало съ тѣмъ временемъ, когда солнце поворачиваетъ на лѣто, а вслѣдствіе этого и рождественскіе праздники были пріурочены къ празднику «Коляда», который устроивали славяне-язычники въ честь новорожденнаго солнца. Съ возрожденіемъ природы къ новой жизни, невольно явилось въ славянинѣ-язычникѣ желаніе узнать, что его ожидаетъ въ предстоящемъ году. Онъ чутко прислушивался къ разнымъ звукамъ, которые прерывали тишину священныхъ ночей праздника «Коляды». Лаетъ-ли собака вдали, слышится-ли изъ дома сосѣда веселый или печальный говоръ, проходитъ-ли мимо прохожій и что онъ скажетъ—все это славянинъ-язычникъ, въ данномъ случаѣ, объяснялъ къ добру или худу на цѣлый годъ. Онъ находилъ вѣщіе знаки въ крикѣ и движеніяхъ домашнихъ животныхъ, въ звукахъ, которые неслись къ нему изъ сосѣдняго лѣса, въ затѣйливыхъ фигурахъ, которыя чертили по снѣгу морозъ и вѣтеръ, въ горѣніи дровъ на своемъ очагѣ и т. д. Все это, и по сохранившемуся доселѣ повѣрью, не спроста въ святочныя ночи, все что нибудь вѣщаетъ—доброе или худое. Желаніе узнать свою судьбу на годъ породило стремленіе дѣлать искуственные опыты надъ явленіями природы, поставлять ихъ въ извѣстныя положенія, чтобы выпытать у нихъ отвѣтъ на свой вопросъ: примѣта переходила въ гаданье. Такъ образовался цѣлый циклъ святочныхъ гаданій, предметомъ которыхъ служатъ главнѣйшія обстоятельства жизни въ опредѣленномъ кругу времени: жизнь, смерть, свадьба, урожай и т. д. Вообще многочисленность обрядовъ, соблюдаемыхъ во время Рождества Христова, показываетъ, какую большую важность придаютъ юго-славяне этому празднику. Дѣйствительно, всѣ обряды выражаютъ желаніе, чтобы Богъ, по случаю такого великаго праздника,

ознаменовалъ этотъ день полною милостью къ человѣку, чтобы онъ помогъ славянину въ его домашнемъ обиходѣ; далъ-бы хорошій урожай; сохранилъ скотъ отъ падежа и, наконецъ, чтобы снизошло счастье на скромную кровлю славянской хижины.

Праздникъ Богоявленія Господня былъ пріуроченъ къ тому времени, когда совершался обрядъ религіознаго омовенія, установленный во славу «возрожденія солнца». Со времени принятія христіанской вѣры, народъ сталъ скакать въ прорубь на Іорданѣ.

Весною церковь празднуетъ Пасху или Свѣтлое Христово Воскресеніе, съ которымъ нераздѣльна мысль о несомнѣнной побѣдѣ жизни надъ смертью, а вслѣдствіе этого и обряды, которыми сопровождались празднованія въ честь возрожденія природы, были перенесены на праздникъ Пасхи. Яйца у всѣхъ языческихъ народовъ служили символическимъ знакомъ возрожденія къ новой жизни. Поэтому и существуетъ обычай даритъ яица въ Пасху. Во время пасхальнаго богослуженія, селяне производятъ выстрѣлы изъ ружей или изъ петардъ: эти выстрѣлы знаменуютъ весенній громъ, прогоняющій нечистую силу зимы.

Древнее поклоненіе языческой богинѣ весеннихъ грозъ и земнаго плодородія—«Ладѣ» было перенесено, въ христіанскую эпоху, на Пречистую Дѣву Марію, которую сербы вслѣдствіе того, называютъ «огняна Марія», а въ народныхъ пѣсняхъ говорится о ней, какъ о сестрѣ Ильи громовитаго, который, при раздѣлѣ вселенной, взялъ себѣ громъ небесный, а Маріи далъ молнію и стрѣлу. Такимъ образомъ мысль о весеннихъ родахъ матери-земли въ народныхъ воззрѣніяхъ сливается съ мыслью о благословенномъ плодѣ чрева Богоматери. Поэтому-то всѣ повѣрья, которыя, въ былое время, были связаны съ богиней Ладой, въ христіанскую эпоху были перенесены на Пречистую Дѣву Марію и соединены съ церковнымъ праздникомъ Благовѣщенія Пресвятой Богородицы.

Празднованіе Троицына дня, установленное христіанскою церковью, совпало съ тѣмъ временемъ, когда были совершаемы народныя игрища въ честь бога Триглава; а потому и были перенесены на христіанскій праздникъ Св. Троицы тѣ обряды, которыми былъ обставленъ языческій праздникъ въ честь бога Триглава.

Съ принятіемъ христіанства, славяне преобразовали своего языческаго бога Креса въ св. Іоанна Крестителя, а слѣдовательно и нѣкоторые языческіе обряды, связанные съ празднествомъ въ честь бога Креса, были перенесены на праздникъ Рождества св. Іоанна Предтечи.

Воинственные аттрибуты бога Перуна и сказанія о его битвахъ съ демонами, были перенесены въ христіанскую эпоху на Илью пророка. Такое отождествленіе ветхо-завѣтнаго святаго съ языческимъ богомъ можно объяснить лишь тѣмъ, что въ жизни пророка Иліи, по свидѣтельству Библіи, были такія обстоятельства, которыя весьма аналогичны съ миѳическими подробностями бытія Перуна. Пророкъ Илія былъ взятъ живой, какъ говоритъ Библія, на небо въ огненной колесницѣ, на огненныхъ коняхъ, а во время земной своей жизни низводилъ съ неба огонь, творилъ засуху, проливалъ дождь. На территоріи древней дубровницкой республики немало мѣстностей, которыя носятъ названіе «Ильиныхъ», какъ напримѣръ: «Ильина главина», «Ильинъ верхъ» и т. д. Этотъ фактъ наглядно доказываетъ, что народъ охотно давалъ мѣстностямъ названія въ честь бога-громовника — Перуна, а съ принятіемъ христіанства всѣ его свойства были перенесены на пророка Илію. Такимъ образомъ съ церковнымъ праздникомъ въ честь св. пророка Иліи связаны тѣ обряды и повѣрья, которые были соединены съ празднествами, устраиваемыми въ честь бога Перуна.

Начиная съ окончанія лѣта и до праздника «Коляды», всѣ нечистыя силы, по понятію славянина-язычника, переставали злотворно дѣйствовать на домашній скотъ. Поэтому-то славяне-язычники и праздновали съ особою торжественностью окончаніе лѣта. Церковный праздникъ Преображенія Господня совпалъ со временемъ празднованія славянами-язычниками окончанія лѣта. Дѣйствительно, много миѳическихъ преданій, остатковъ глубокой древности связываются въ народной памяти съ Спасовымъ днемъ. Сербо-хорваты и до сихъ поръ убѣждены въ томъ, что злые вѣдуны и вѣдьмы, начиная съ Рождества и до Спасова дня, т. е. до 6-го августа, строятъ самыя ужасныя козни, съ цѣлью погубить домашній скотъ и сдѣлать коровъ тощими и недойными. Понятно теперь, что Спасовъ день пріі-

обрѣтаетъ важное значеніе для пастуховъ и пастушекъ и празднуется ими съ особенною торжественностью.

Представивъ вкратцѣ содержаніе настоящаго отдѣла, мы не считаемъ лишнимъ при этомъ замѣтить, что славяне-христіане придали и другимъ святымъ угодникамъ свойства языческихъ боговъ, такъ напримѣръ, св. Виту—свойство и качество бога Световида; св. Власію—Волоса и т. д.

I.

Особенности рождественскихъ праздниковъ: приготовленія къ праздникамъ; особенности встрѣчи и провожденія праздниковъ; языческій и христіанскій элементы въ празднованіи «Коляды». *Объ обрядовой сторонѣ праздника Богоявленія Господня*: водосвятіе; окропленіе домашняго скота святою водой; народныя повѣрья.

Приступая къ описанію обрядовой стороны праздника Рождества Христова, мы полагаемъ удовлетворить любознательности читателя, если познакомимъ его съ нѣкоторыми приготовленіями, которыя дѣлаются юго-славянами задолго до наступленія дня 25 декабря. Начиная со дня св. Андрея, память котораго празднуется 30 ноября, начинаются въ юго-славянскомъ семействѣ двоякаго рода приготовленія къ высоко-торжественному празднику Рождества Христова. Въ продолженіи всего этого времени, т. е. въ теченіи трехъ недѣль, «куте-хазда» (глава нѣсколькихъ родственныхъ между собою семействъ) собираетъ каждый вечеръ вокругъ себя всѣхъ своихъ родственниковъ: въ одинокой избѣ мѣрно раздается старческій голосъ «куте-хазды», иной разъ много испытавшаго и перенесшаго въ своей жизни; онъ читаетъ своимъ домочадцамъ о жизни и страданіяхъ Спасителя; въ глубокой тишинѣ внимаютъ они великому евангельскому слову. Въ теченіе означеннаго промежутка времени «куте-хаздарица» (жена куте-хазды) исключительно занята приготовленіями по хозяйству, зная слабость юго-славянской натуры хорошо поѣсть на большихъ праздникахъ. Такъ какъ главнымъ праздничнымъ блюдомъ на Рождествѣ служитъ свинина, то «куте-

хаздарица» начинаетъ откармливать свиней отборною пищей, а именно кукурузой. Мы не можемъ при этомъ не замѣтить, что народная фантазія создала многіе предразсудки, которые твердо держатся на юго-славянской почвѣ. Такъ напримѣръ: если кто наканунѣ дня св. Лукіи (13 декабря) начнетъ дѣлать стулъ и, ежедневно работая, покончитъ эту работу къ Рождеству, то стулъ этотъ пріобрѣтаетъ магическую силу: тотъ, кто посидитъ на немъ въ церкви за ранней обѣдней, получаетъ въ даръ, по народному понятію, способность распознавать между женщинами колдуній.

Канунъ Рождества Христова называется «бадньи-дан» отъ слова «бадньяк», означающаго сырую дубовую колоду, сжигаемую, въ это время, на домашнемъ очагѣ. Символическій обрядъ возженія «бадньяка» является, такъ сказать, прославленіемъ на землѣ творческаго подвига, совершеннаго на небѣ Перуномъ, который пожелалъ доставить солнцу свѣтоносную силу, а изъ дубоваго дерева приготовляется «бадньякъ» потому, что дубъ, какъ извѣстно, былъ посвященъ Перуну. Итакъ, обрядъ возженія «бадньяка» носитъ на себѣ отпечатокъ глубокой древности, языческихъ временъ.

Рано поутру въ «бадньи-дан», хозяинъ дома, спрятавъ всю домашнюю утварь, а также угольную лопату (ватраль), ступу, пестъ, даже скамьи, отправляется въ лѣсъ, пріискиваетъ молодой дубъ, вырубаетъ изъ него колоду и приноситъ ее къ себѣ въ домъ. Этимъ «бадньякомъ», онъ растапливаетъ печь. Принеся къ себѣ въ домъ «бадньяк», хозяинъ посыпаетъ его хлѣбными зернами, произнося при этомъ слѣдующія слова: «доброе утро и счастливый тебѣ бадньи-дан; я тебя пшеницею, а ты мнѣ дай мальчишекъ, скота, пшеницы и всякаго счастья». Прежде чѣмъ положить «бадньяк» въ печь, хозяинъ три раза зажигаетъ его и, держа за конецъ, противоположный горящему, обноситъ его вокругъ пчельника, полагаетъ его на землю около молодой сливни или яблони, затѣмъ тушитъ его виномъ. Обрядъ «посыпанія» бадньяка хлѣбными зернами знаменуетъ весеннее осѣмененіе матери-земли; а обрядъ «поливанія» его виномъ имѣлъ важное значеніе во времена языческія. Славянскій богъ Свѣтовитъ держалъ въ правой рукѣ рогъ, который ежегодно наполнялся виномъ. Свѣтовитовъ рогъ съ виномъ служилъ знаменіемъ тѣхъ сосудовъ, изъ

которыхъ небесные боги проливали на землю благотворные дожди. Съ этимъ напиткомъ соединялась идея плодородія, здравія и богатства, также какъ и съ дождемъ. Осѣмененная зернами и увлаженная дождями, мать-земля пріобрѣтаетъ себѣ силу производительности. Итакъ «бадньяк» служитъ аллегорическимъ изображеніемъ матери-земли. Можетъ статься вслѣдствіе атмосферическихъ условій, возженіе «бадньяка» совершается на домашнемъ очагѣ. По мнѣнію южно-славянъ, «бадньякъ» обладаетъ плодородною силой. Поэтому, какъ мы выше видѣли, окуриваютъ «бадньякомъ» ульи и т. д. съ тѣмъ, чтобы будущій годъ былъ изобиленъ на медъ и садовые плоды.

Въ теченіи всего «бадньи-дана», всѣ домочадцы заняты работой. Мамки спѣшатъ въ лѣсъ нарубить побольше дровъ, такъ какъ въ первые два дня праздника почитается грѣхомъ ходить въ лѣсъ для рубки дровъ, или жарятъ на вертелѣ ягнятъ, «печеницу» (такъ называется поросенокъ, котораго жарятъ наканунѣ Рождества Христова); а женщины пекутъ млинцы, бадньяку (сочельникскій калачъ), ледньяку (рождественскій калачъ), крвницу (прѣсный хлѣбъ, который имѣетъ форму пеклеванника): на всѣхъ этихъ печеніяхъ дѣлаются изъ тѣста разнаго рода рисунки солнце, мѣсяцъ, звѣзды и т. п.

Какъ только смеркнется, всѣ домашніе собираются у себя дома. Разставляютъ внутри дома въ амбразурахъ оконъ сучья деревьевъ: на нихъ вѣшаютъ краснаго цвѣта яблоки, унизанные деревянными шпильками, въ которыя втыкаются орѣхи; ихъ бываетъ такъ много, что они покрываютъ собою все яблоко; также вѣшаютъ на сучья вырѣзанныхъ изъ бумаги голубей, представляющихъ собою св. Духа. Эти рождественскіе яблоки называются «божичница», а самое дерево, которое ими украшается, «божичъ». Разставивши у себя въ домѣ рождественскія деревья, домохозяинъ вторично отправляется въ лѣсъ за «бадньякомъ» и приноситъ его къ себѣ въ домъ; затѣмъ обращаясь къ домочадцамъ, привѣтствуетъ ихъ слѣдующими словами: «добрый вечеръ и счастливый вамъ бадньи дан». Въ это время, кто-либо изъ домашнихъ обмазываетъ «бадньякъ» по краямъ медомъ, посыпаетъ его хлѣбными зернами и, положивши его въ печь на горя-

чіе уголья, произноситъ слѣдующія слова: «пусть Богъ пошлетъ этой семьѣ всякое благополучіе и счастье». Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, кромѣ большого бадньяка, возлагаютъ на огнище еще пять меньшихъ, называемыхъ «бадньячица» или «блажена палица». Послѣ того какъ прозвонятъ на колокольнѣ вечерній «angelus», домашніе, разбросавъ пополу солому, спѣшатъ зажечь свѣчи и, ставши на колѣни, начинаютъ молиться Богу. Послѣ окончанія молитвы, хозяинъ дома ставитъ на столъ мальчика, давши ему въ руки зажженную свѣчу и оборотивъ его лицомъ по направленію къ восходу солнца, говоритъ: «восхваляемъ Іисуса, Богъ родился»; на эти слова всѣ присутствующіе троекратно повторяютъ: «вѣчно восхваляемъ Іисуса, во истину родился». Затѣмъ всѣ домашніе выходятъ на улицу, гдѣ мужчины, желая ознаменовать наступающій великій праздникъ, стрѣляютъ изъ ружей; стрѣльба изъ ружей составляетъ отличительную черту славянскихъ торжествъ. Разложивъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ дома сучья отъ бадньяка, домочадцы ихъ поджигаютъ: яркое пламя горящихъ сучьевъ освѣщаетъ окрестность.

Возвратясь домой, они начинаютъ дѣлать разнаго рода приготовленія къ ужину. Въ народѣ существуетъ повѣрье, что всѣ просьбы, всѣ желанія, которыя будутъ имѣть люди наканунѣ Рождества Христова, исполнятся, поэтому селянинъ группируетъ около своего ужиннаго стола, всѣ предметы домашняго обихода, какъ напримѣръ: солому, ячмень, рожь и кукурузу. Онъ разбрасываетъ по столу солому и потомъ покрываетъ ее скатертью, на которую полагаетъ небольшую кучку, состоящую изъ ячменя, ржи и кукурузы; подъ столъ онъ бросаетъ лошадиную упряжь; послѣдній обрядъ выражаетъ собою желаніе, чтобы также и лошади были здоровы и невредимы, чтобы ихъ не съѣлъ волкъ. Предъ началомъ ужина домохозяинъ вноситъ въ комнату восковыя свѣчи: «единство» (толстая восковая свѣча, на которой имѣется пять углубленій) и «тройство» (три тонкія восковыя свѣчи). Эти свѣчи вставляются въ чашку, наполненную хлѣбными зернами. Когда комната освѣтится принесенными свѣчами, то всѣ присутствующіе становятся на колѣни и молятся Богу, держа въ рукахъ зажженныя свѣчи. По окончаніи молитвы, домохозяинъ беретъ свѣчи — «единство» и «тройство», тушитъ ихъ и го-

рячимъ воскомъ прикасается къ кучкѣ, состоящей изъ ячменя, ржи и кукурузы и замѣчаетъ, какихъ сѣмянъ болѣе прилипло. Это — знакъ того, говоритъ народъ, что въ наступающемъ году много уродится лишь того хлѣба, сѣмена котораго въ большемъ количествѣ прилипли къ воску.

Въ «бадньи-дан», селяне вплоть до самаго вечера ничего не ѣдятъ и соблюдаютъ въ этотъ день строгій постъ. Размѣстивши на столѣ разныя яства, какъ-то: «бадньяку» (она является необходимою принадлежностью ужина), погачъ, бѣлый лукъ, фрукты, и поставивъ на немъ бутылку ракіе, домохозяйка проситъ присутствующихъ сѣсть за столъ. Обмакнувъ бѣлый лукъ въ медъ, ѣдятъ его и запиваютъ ракіе. Потребленіе меда за ужиномъ означаетъ желаніе, чтобы, въ теченіи предстоящаго года, изъ устъ человѣка выходили только медовыя рѣчи; а лукъ ѣдятъ для того, чтобы колдуньи не причиняли вреда. Послѣ ужина момки устраиваютъ игры, а дѣвушки бываютъ заняты гаданіемъ. Любимыми играми момокъ являются: «паръ и не паръ» и «вукъ коза». Одинъ изъ момковъ беретъ въ руку нѣсколько орѣховъ и спрашиваетъ у другаго момка: «паръ или не паръ», т. е., чотное или не чотное число орѣховъ у него въ рукѣ? Если момокъ угадаетъ, то получаетъ изъ общей кассы крейцеръ, въ противномъ случаѣ вноситъ въ нее крейцеръ. Игра «вукъ коза» состоитъ въ томъ, что одинъ момокъ беретъ въ руку, сколько придется, орѣховъ и спрашиваетъ у другаго момка «вукъ коза»; если тотъ скажетъ «вукъ», то тотъ, который держитъ въ рукѣ орѣхи, начинаетъ ихъ пересчитывать, обозначая орѣхи по очереди или «вукомъ» или «козой»; если окажется, что послѣдній по счоту орѣхъ былъ названъ «вукомъ», то момокъ, сказавшій «вукъ», получаетъ крейцеръ изъ общей кассы. Въ эти игры также играютъ и на орѣхи. Въ то время, какъ момки предаются играмъ, дѣвушки плавятъ олово и всѣми средствами стараются узнать своего суженаго, свою судьбу. По народному повѣрью, души усопшихъ праотцевъ наканунѣ Рождества являются въ средѣ живыхъ поколѣній и открываютъ передъ ними тайны будущаго, т. е., тѣ грядущія событія, которыя опредѣлены непреложнымъ судомъ Божіимъ.

Въ полночь, въ моментъ наступленія Рождества Христова или какъ говорятъ юго-славяне, «Божича» *), начинается въ церквахъ колокольный звонъ, который призываетъ славянъ-католиковъ къ первой обѣднѣ. Селяне массами отправляются въ церкви, гдѣ предъ алтаремъ выставляются и «рождественскія деревья», т. е., небольшія деревца, украшенныя золотыми орѣхами и красными яблоками. По окончаніи службы селяне поздравляютъ другъ друга съ праздникомъ и эти поздравленія обыкновенно сопровождаются пожеланіями—жить въ здравіи и веселіи. При появленіи перваго блеска зари совершается вторая обѣдня, которая носитъ спеціальное названіе «зорница» отъ слова «зора» (заря). По возвращеніи домой, отъ второй обѣдни, хозяйка дома, разложивъ по полу солому, бѣгаетъ по ней кокоча, на подобіе курицы и бросаетъ при этомъ на солому орѣхи: а за ней слѣдуютъ дѣти, которыя представляютъ собою цыплятъ. Набѣгавшись вдоволь, хозяйка уходитъ на нѣкоторое время изъ комнаты; черезъ нѣсколько минутъ, она возвращается съ тою же самою корзиной, въ которой прежде принесла солому, но теперь уже наполненную хлѣбными зернами. Поставивши по среди комнаты эту корзину, она даетъ хлѣбныя зерна курамъ и при этомъ говоритъ: какъ вмѣстѣ ѣли, такъ бы вмѣстѣ и неслись, а самую солому впослѣдствіи подкладываетъ подъ курѣ, когда онѣ начинаютъ высиживать яица. По совершеніи этого обряда, всѣ домашніе садятся за столъ завтракать: завтракъ обыкновенно состоитъ изъ жареной колбасы. Домохозяинъ спѣшитъ дать по одной «крвницѣ» пастухамъ, которые пасутъ его скотъ.

Мамки и дѣвушки, разряженные въ праздничные наряды, отправляются передъ полднемъ къ третьей обѣднѣ, взявши съ собою «божичницы» (красныя яблоки). По окончаніи службы, молодыя дѣвушки и мамки, вблизи церкви, перебрасываются другъ съ другомъ этими яблоками. Затѣмъ начинаются посѣщенія родныхъ и знакомыхъ: всѣ идущіе въ гости, захватываютъ съ собой «ледньяку» и «божичницы» и дарятъ ихъ домохозяину. Первый гость, пришедшій послѣ третьей обѣдни, носитъ названіе «полажайника» или «полазника»; по народному понятію, онъ имѣетъ боль-

*) Сынъ Божій, новорожденный божественный младенецъ.

шое значеніе для той семьи, въ которую приходитъ: онъ приноситъ съ собою счастье или несчастье. Если «полажайникъ» счастливъ, то счастливая жизнь, въ продолженіи цѣлаго года, ожидаетъ и ту семью, въ которую онъ пришелъ; несчастная звѣзда «полажайника» сулитъ въ году однѣ горести и несчастія той семьѣ, которая имѣла неосторожность принять его въ Божичъ первымъ гостемъ. Придавая такое значеніе «полажайнику», каждый домохозяинъ заранѣе выбираетъ изъ среды своихъ знакомыхъ того, о которомъ думаетъ, что онъ навѣрно принесетъ счастіе и проситъ его придти къ себѣ въ означенное время: если же наступающій годъ окажется счастливымъ, то проситъ того же самаго знакомаго постоянно приходить въ Божичъ первымъ, чтобы поздравить семью съ наступившимъ праздникомъ. Этотъ рождественскій гость, который приноситъ счастье домохозяину и его семьѣ, является, такъ сказать, таинственнымъ представителемъ того божества, которое открываетъ путь новому лѣту, ниспосылая изъ райскихъ странъ щедрые дары плодородія. Придавая такое важное значеніе «полажайнику», народъ обставилъ его появленіе въ домѣ особою торжественностью. Такъ полажайникъ, неся въ рукавицѣ хлѣбныя зерна, подходитъ къ дверямъ дома, произнося: «Христосъ родился»; на это извнутри дома ему отвѣчаютъ: «во истину родился»; по окончаніи этого небольшаго привѣтствія, его впускаютъ въ домъ. Полажайникъ беретъ затѣмъ рѣшето и, высыпавъ въ него изъ рукавицы хлѣбныя зерна, даетъ ихъ домашнимъ птицамъ, за тѣмъ подходитъ къ «бадньяку» и ударяетъ его кочергой: отъ удара бадньякъ сильно вспыхиваетъ и разсыпаетъ вокругъ себя искры. Тогда полажайникъ говоритъ: «пусть будетъ въ вашемъ домѣ столько коровъ, коней, козъ, овецъ и столько счастія и благополучія». По произнесеніи этихъ словъ, онъ говоритъ: «доброе утро, — добрый праздникъ, желаемъ всѣмъ здоровья и спокойствія». Послѣ этого для него сейчасъ же приносятъ одну изъ скамеекъ, которыя были вынесены изъ комнаты въ «бадньи-дан» и когда онъ захочетъ на нее сѣсть, то ее быстро выдергиваютъ и онъ падаетъ въ одѣяло, заранѣе подставленное, въ которое хозяйка дома его обвертываетъ. Затѣмъ сажаютъ его на скамью и посыпаютъ его голову хлѣбными зернами; онъ же, въ свою очередь, беретъ кремень и,

высѣкая изъ него огонь, произносить слѣдующія слова: «пусть кобылы дадутъ побольше жеребятъ, коровы — телятъ, овцы — ягнятъ, куры — цыплятъ» и т. п. Полажайникъ получаетъ отъ всѣхъ присутствующихъ подарки: «ледньяку» колбасу, сыръ, яблоки и многое другое. Затѣмъ всѣ выходятъ изъ дому и стрѣляютъ изъ ружей; по окончаніи стрѣльбы, всѣ вторично входятъ въ домъ и прежде чѣмъ сѣсть за столъ, молятся, держа по зажженной свѣчѣ (если домохозяинъ зажиточный селянинъ) и говорятъ: «Христосъ родился, во истинну родился; поклоняемся Христу и Христову рожденію». Потомъ хозяинъ дома собираетъ свѣчи и ставитъ въ кучкѣ сѣмянъ, заранѣе приготовляемой для этого обряда на столѣ. Давши свѣчамъ погорѣть, онъ тушитъ ихъ въ хлѣбныхъ зернахъ, опуская зажженными кончиками внизъ.

Полажайникъ занимаетъ почотное мѣсто за обѣдомъ. Рождественскій обѣдъ обыкновенно состоитъ изъ слѣдующихъ блюдъ: «печеница» (жареный поросенокъ), «заоблица» (овца или коза изжаренная цѣликомъ съ головой), сухой сыръ, «ледньяка» (рождественскій калачъ) и «божичницы» (красныя яблока). Самъ полажайникъ разрѣзаетъ куски «заоблицу»: лучшую ея часть оставляетъ для себя, а голову даетъ домохозяину, который и бережетъ ее до Крещенія. Главною принадлежностью этого обѣда является прѣсный пшеничный хлѣбъ, который носитъ названіе «чесница». Обыкновенно самъ домохозяинъ его мѣситъ и кладетъ въ него, смотря по своимъ средствамъ, серебряную или мѣдную монету. Когда усядутся за столъ, то хозяинъ рѣжетъ «чесницу» на столько ломтей, сколько особъ за столомъ: въ чьемъ ломтѣ окажется монета, тотъ будетъ весьма счастливымъ въ теченіи всего года. Посреди обѣда, полажайникъ, сдѣлавъ ямку въ сырѣ, наполняетъ ее виномъ и пьетъ за здоровье хозяина дома; затѣмъ всѣ присутствующіе по очередно пьютъ изъ этого импровизированнаго сосуда. Каждый считаетъ долгомъ произнести тостъ (здравицу) и послѣ всякой «здравицы» стрѣляютъ изъ ружей.

Вскорѣ послѣ обѣда, селяне отправляются въ церковь; по окончаніи вечерни, начинается плясанье и пѣніе, также появляется вино; славянинъ веселится. Послѣ тишины и спокойствія, царствовавшаго въ селѣ, въ теченіе послѣднихъ трехъ недѣль, наступаетъ шумное ве-

селье. Когда смеркнется, подаютъ ужинъ, снова начинается выпивка и неизбѣжныя при этомъ «здравицы», причемъ поются заздравныя пѣсни (напитница). Затѣмъ всѣ присутствующіе со стрѣльбой изъ ружей сопровождаютъ полажайника до дома, причемъ онъ получаетъ разные подарки. Женщины стараются пришпилить къ его одеждѣ по пряди льна, такъ какъ, по народному суевѣрію, урожай на ленъ будетъ чрезъ то самый хорошій. Въ первый день Божича не считается предосудительнымъ поѣсть и попить вдоволь; селянинъ говоритъ: «если я самъ опился, то потому, что Божичъ ко мнѣ пришолъ».

Второй день Божича проводится такъ же шумно, какъ и первый день. На третій день Божича, снимаютъ со стола солому и бросаютъ ее въ огороды и на пашни, чтобы былъ урожай на овощи и на хлѣбъ.

Говоря о рождественскихъ праздникахъ, мы не можемъ при этомъ не упомянуть о «колядѣ», которая сохранилась и до сихъ поръ у славянъ. Надлежитъ замѣтить, что «коляда» происходитъ отъ слова «коло» (колесо) и означаетъ солнце, имѣющее видъ колеса. Праздникъ коляды у языческихъ славянъ праздновался въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда день начинаетъ уже отчасти увеличиваться и свѣтъ начинаетъ немного прибывать. Такимъ образомъ праздникъ этотъ устроивался въ прославленіе новорожденнаго солнца и сопровождался своеобразными обрядами, въ основу которыхъ легло желаніе славянъ отстранить отъ него враждебныхъ духовъ — демоновъ, чтобы они не отняли отъ него свѣтоносной силы. Иначе сказать, праздникъ этотъ первоначально устроивался съ цѣлью скорѣе пробудить къ дѣятельности усыпленныя зимою силы природы. Народъ пѣлъ въ это время колядѣ пѣсни, какъ новорожденному солнцу, родившемуся на то, чтобы освободить землю отъ тяжелыхъ оковъ зимы или смерти, какъ выражался народъ. Обряды въ честь коляды продолжались около двухъ недѣль, по теперешнему отъ Рождества до Крещенія. Всѣ эти обряды употребляются теперь народомъ только потому, что предки его такъ дѣлали: смыслъ ихъ забытъ.

Праздникъ «коляда» состоитъ въ обрядѣ колядованія и въ обыкновеніи наряжаться. Колядованіе происходитъ въ промежутокъ времени отъ Рождества Христова до Богоявленія, т. е., до 6-го января. На канунѣ Рождества Христова и Богоявленія, три комка, наряженные

на подобіе королей, ходятъ изъ дома въ домъ, одѣвъ на себя бумажныя короны, парики изъ пакли и длинныя мантіи, въ родѣ императорскихъ тогъ: они изображаютъ собою волхвовъ, пришедшихъ съ востока поклониться родившемуся Спасителю. Чтобы показать свое восточное происхожденіе, одинъ изъ момковъ намазываетъ себѣ лицо, шею и руку сажею, а подъ корону надѣваетъ чалму. Какъ нѣкогда этимъ волхвамъ царственнаго происхожденія указывала путь огненная звѣзда, явившаяся на небѣ, такъ и эти импровизированные короли, желая остаться вѣрными словамъ евангелія, несутъ передъ собою бумажную звѣзду, прибитую къ длинной палкѣ. Приходя къ дверямъ чьего-либо жилища, они начинаютъ пѣть пѣсню, извѣстную подъ именемъ: «пѣснь въ честь святыхъ трехъ королей». Содержаніе ея слѣдующее: три короля—Гаспаръ, Мельхіоръ и Балтазаръ пріѣхали къ Іерусалиму и спросили у привратника, гдѣ родился царь Іисусъ? Вопросъ этотъ поставилъ въ большое недоумѣніе привратника, который отвѣтилъ такъ:

Da bise on rodil
Bise u palaču,
Al ne na te gore
Gdi pastiri tlaču.

(Если-бы онъ родился, то былъ бы во дворцѣ; но никакъ не на той горѣ, гдѣ пастухи пасутъ свои стада).

Царь Иродъ просилъ волхвовъ извѣстить о мѣстѣ рожденія царевича, если только они найдутъ его. Едва вышли они изъ Іерусалима, какъ появился ангелъ, который довелъ ихъ до яслей, гдѣ лежалъ Предвѣчный Младенецъ. Пѣснь заканчивается слѣдующими словами:

Sin Deve Marie
Budi vazda hvaljen,
S' Ocem i Duhom Svetim
Na sve vike. Amen

(Сынъ Дѣвы Маріи пусть будетъ вѣчно прославляемъ съ Отцемъ и Святымъ Духомъ. Аминь).

Колядованья вообще состоятъ въ томъ, что момки ходятъ по селамъ изъ дома въ домъ и при этомъ распѣваютъ различныя пѣсни, составленныя во славу Іисуса Христа и имѣющія обычнымъ припѣ-

вомъ «коледо». Въ Славоніи колядуютъ, по большей части, дѣвушки, называемыя «коледарками», а въ иныхъ мѣстахъ онѣ носятъ названіе «леле». Эти названія, безъ сомнѣнія, происходятъ отъ припѣва, повторяемаго послѣ каждой строфы: «коледо» или «леле». Пѣсни, которыя поются, при колядованіи, были составлены Златаричемъ и Казначичемъ въ XV ст. и французомъ Маркомъ Брюеромъ въ XVII ст.

Наканунѣ праздника Богоявленія совершается водосвятіе либо въ церкви, какъ у католиковъ, либо на рѣкѣ или озерѣ, какъ у православныхъ. Во время водосвятія обыкновенно стрѣляютъ изъ ружей; эта стрѣльба служитъ знаменіемъ громовыхъ ударовъ, поражающихъ темныхъ демоновъ. Затѣмъ крестьяне спѣшатъ окунуться въ іорданской проруби и унести съ собой домой горшокъ съ освященною водой. Вода освященная наканунѣ Богоявленія, помогаетъ, по народному вѣрованію, отъ недуговъ и никогда не портится. Старыя жены хранятъ эту воду 10 лѣтъ и болѣе; по ихъ понятію, чѣмъ больше времени простоитъ богоявленская вода, тѣмъ пріобрѣтетъ больше чудесной силы противъ вѣштицъ, вукодлаковъ и т. д.

Сербы разсказываютъ, что въ полночь на Богоявленіе каждый годъ на нѣсколько секундъ разверзается небо и Богъ исполняетъ всякую просьбу, съ которою къ Нему обращаются въ это время. Но просьба, говоритъ народъ, должна состоять изъ одного желанія. Не каждый можетъ видѣть разверзшееся небо; эта возможность дается только немногимъ и то одинъ разъ въ жизни; очень часто на канунѣ этого дня селяне всю ночь стоятъ въ полѣ подъ открытымъ небомъ, желая узрѣть Бога во всемъ Его величіи, вопросить Его объ исполненіи своихъ завѣтныхъ желаній; но небо не разверзается, ихъ глаза не могутъ увидѣть невѣдомаго міра. Разсказываютъ, что однажды, въ полночь на канунѣ Богоявленія, вдругъ представилось одному селянину разверзшееся небо въ то время, какъ онъ находился у себя дома. Не имѣя времени выбѣжать на поле и боясь такимъ образомъ упустить благопріятный моментъ попросить себѣ кадь съ деньгами, онъ поспѣшилъ высунуть изъ окна голову; но, пораженный такимъ чудеснымъ явленіемъ, онъ вполнѣ растерялся и вмѣсто просьбы, «дай мнѣ, Боже, чабаръ блага» т. е. кадь съ деньгами, вскричалъ: «дай мнѣ, Боже, чабаръ главу, т. е., голову величиною

въ кадь. И что же? Тотчасъ-же голова его разрослась до размѣровъ кади, такъ что онъ до тѣхъ поръ не могъ ее вытянуть обратно черезъ окно, пока домашніе не пришли съ молотами и не разломали окна.

По утру въ день Богоявленія, еще до восхода солнца, домохозяинъ окропляетъ святою водой домашнюю скотину для предохраненія ёё отъ заразы, а хозяйка дома окропляетъ этою водой курятникъ, улья, поитъ больныхъ. По народному понятію, если ребенокъ страдаетъ какою-либо накожною болѣзнью, то слѣдуетъ его принести рано по утру въ день Богоявленія, еще до восхода солнца, къ іорданской проруби и три раза его въ ней окунуть и при этомъ на одной ногѣ не должно быть обуви, затѣмъ его немедленно одѣть и отнести домой. Больной ребенокъ, по народному понятію, немедленно затѣмъ получитъ исцѣленіе. Около 8 или 9 часовъ утра, селяне обыкновенно завтракаютъ; завтракъ ихъ состоитъ изъ головы козы, изжаренной наканунѣ Рождества Христова, изъ сыра и погача. Оставшіяся отъ завтрака кости обыкновенно бросаютъ на тѣ мѣста, гдѣ растутъ сливы. Послѣ полудня, домохозяинъ обходитъ свои виноградники, нивы и поля, и окропляетъ ихъ святою водой. Послѣ вечерни, народъ, какъ и въ каждый праздникъ, предается всякаго рода забавамъ и развлеченіямъ. Въ заключеніе мы упомянемъ объ одномъ повѣрьѣ, которое связано съ днемъ св. Кирилла (14-го февраля). На канунѣ дня св. Кирилла, каждая птичка, по народному понятію, ищетъ себѣ подругу, чтобы свить гнѣздо: если-же она не найдетъ себѣ подруги, то, въ означеный день, она повѣсится.

II.

Празднованіе масляницы (карнавала): обычай «букара» или «ватрите»; описаніе празднованія послѣднихъ трехъ дней карнавала; похороны масляницы. *Объ обрядовой сторонѣ великаго поста*: особенности провожденія великаго поста; Лазарева суббота; страстная недѣля.

Славяне весьма весело проводятъ карнавалъ, который, какъ извѣстно, начинается съ праздника Богоявленія Господня и продолжается вплоть до великаго поста. Въ теченіе всего этого времени, въ особенности въ воскресенье и вообще въ праздничные дни, момки и дѣвушки устроиваютъ всевозможныя игры. Въ Сремѣ существуетъ обычай, извѣстный подъ именемъ «букара» или «ватрите»: момки и дѣвушки, во время карнавала, каждый вечеръ собираются посреди села и, разведя огонь, вокругъ него пляшутъ и поютъ. Этотъ обычай сохранился отъ временъ языческихъ: славяне-язычники устроивали вечернія пляски вокругъ огня въ честь богини весны Лады, которая, незримая никѣмъ въ зимній періодъ времени, покидаетъ землю и удаляется въ дальнія страны, а при началѣ весны возвращается назадъ; съ возвратомъ богини, яркіе лучи солнца, которые, въ этомъ случаѣ, были олицетворены славянами-язычниками въ видѣ огня, согрѣваютъ землю и способствуютъ къ произрастанію хлѣбныхъ зеренъ.

Послѣдняя недѣля карнавала сходится съ началомъ весны и такъ какъ слѣдующій за нею постъ долженъ былъ вызывать особенно строгія церковныя запрещенія, направленныя противъ языческаго культа, то неудивительно, что эта недѣля получила значеніе разгульнаго празднества, посвященнаго проводамъ зимы и встрѣчѣ лѣта. Втеченіи всей этой недѣли, почти ежедневно, момки и дѣвушки съ пѣніемъ ходятъ по селу изъ дома въ домъ: всюду ихъ радушно принимаютъ и угощаютъ, подъ вечеръ устроиваются игры и танцы и молодежь веселится до поздняго вечера. Въ послѣдніе три дня карнавала начинаютъ появляться и ряженные. Соберется до 30—40 момковъ, одѣтыхъ въ турецкіе костюмы, на коняхъ, и разъѣзжаютъ по селамъ. Этимъ импровизированнымъ туркамъ хорошо извѣстно, въ чьемъ домѣ можно найти хорошее вино. Эта ватага конныхъ, съ пѣніемъ, музыкой, барабаннымъ бо-

емъ и съ выстрѣлами изъ ружей, отправляется въ гости къ гостепріимному хозяину и, выпивши у него достаточное количество вина, спѣшитъ посѣтить его сосѣда.

Мы не можемъ не обратить вниманія читателя на два обычая, которые существуютъ въ южной Далмаціи: одинъ изъ нихъ носитъ названіе «дѣдови», а другой—«сватови съ младом». Въ послѣдніе дни карнавала, нѣсколько момковъ, одѣвъ звѣриныя шкуры на выворотъ и увѣсившись побрякушками, расхаживаютъ по селамъ и городамъ: эти момки называются «дѣдови»; одинъ изъ нихъ иногда облекается въ безобразное женское платье и носитъ поэтому названіе: «дѣдова-баба». Эта разодѣтая фаланга людей своими скачками и кривляньями производитъ всеобщій смѣхъ; обыкновенно дѣти бѣгаютъ за ними и кричатъ: «бу дѣде, бу баба!» Обычай «сватови съ младом» состоитъ въ томъ, что наканунѣ великаго поста нѣсколько момковъ въ праздничныхъ костюмахъ ходятъ изъ дома въ домъ, прося яицъ, а подъ вечеръ вся эта кучка собирается на площади, куда приходятъ и мѣстные жители. Одинъ изъ момковъ одѣтъ въ женское платье и носитъ названіе «невѣсты», а прочіе момки обыкновенно извѣстны подъ общимъ именемъ «сватови». «Невѣста» обыкновенно ходитъ подъ руку съ однимъ изъ момковъ. На площади эти сваты съ молодой начинаютъ забавлять присутствующихъ, которые имъ даютъ деньги.

Въ память древняго преданія о поѣздѣ богини весенняго плодородія Лады, у южныхъ славянъ сохранился обычай возить «масляничную бабу» (покладнья баба). Берутъ женскую рубашку и наполняютъ ее соломой, стараясь при этомъ, чтобы она приняла человѣческія формы; на мѣсто головы ставятъ тыкву, выдѣлавъ въ ней глаза и зубы. Проткнувъ черезъ это чучело толстую палку, которая изображаетъ его ноги, одѣваютъ его въ поношенное женское платье. Эту деревянную палку привязываютъ къ ступицѣ въ колесѣ, которое затормаживаютъ, чтобы оно не вертѣлось. Въ это колесо впрягаютъ самую чахлую лошадь, какую только могутъ найти въ селѣ. Одинъ момокъ садится верхомъ на лошадь и играетъ на рожкѣ, другой ведетъ за уздцы лошадь, а сзади идутъ обыкновенно три наряженныхъ момка, которые кнутомъ погоняютъ «масляничную ба-

бу». Это шествіе съ бабой совершается изъ села въ село *). Въ такомъ обрядовомъ поѣздѣ празднуется возвратъ благодатной весны.

Всѣ описанные нами обряды, съ которыми было связано празднованіе послѣднихъ трехъ дней карнавала, имѣли, въ языческія времена, своеобразное значеніе. Тыква, дерево, колесница и лошадь, все это эмблемы весенней природы и ея творческихъ, плодотворныхъ силъ; музыка, барабанный бой, выстрѣлы изъ ружей, бряцанье побрякушекъ — знаменіе громовой музыки; кнутъ—вихрей и молній; вино—воодушевляющаго дождя. Во вторникъ вечеромъ происходятъ похороны масляницы. Эту «масляничную бабу» кладутъ въ гробъ и носятъ по селамъ и по деревнямъ, иногда даже и въ городахъ можно встрѣтить эту печальную процессію. Масляница померла; ее хоронятъ на поляхъ, на сцену выступаетъ великій постъ.

Каждая недѣля великаго поста носитъ особое названіе: «чиста», «пачиста», «безимена», «среднья», «глуха», «цвѣтна» и «велика». Великій постъ носитъ у южныхъ славянъ названіе «коризма».

Въ чистый понедѣльникъ, когда раздается звонъ колоколовъ, призывающій православныхъ сербовъ въ церковь и напоминающій имъ о наступившихъ великихъ дняхъ поста и молитвы, въ южной Далмаціи по сербскимъ селамъ и деревнямъ пробѣгаетъ страшная «баба-коризма», это миѳическое существо, которымъ пугаютъ дѣтей. Представляетъ ее обыкновенно мамокъ, который принимаетъ на себя образъ старой женщины: голову покрываетъ онъ парикомъ изъ пакли, надѣваетъ женское платье, къ спинѣ привѣшиваетъ старыя цѣпи и несетъ на плечахъ семь палокъ, которыя означаютъ семь недѣль великаго поста. Когда одна недѣля пройдетъ, то матери говорятъ обыкновенно своимъ дѣтямъ: «баба-коризма, бросила одну палку». Это страшное существо, шибко пробѣгающее по селамъ съ криками: «бу, бу, бу», наводитъ страхъ на дѣтей. Оно напоминаетъ собою христіанскому міру, чтобы каждый живущій въ селеніяхъ позабылъ о развлеченіяхъ минувшей недѣли, наложилъ-бы цѣпи на свои страсти и похоти, чтобы каждая постная недѣля била, какъ

*) Впрочемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣлаютъ изъ тряпокъ куклу, которая изображаетъ собою «масляничную бабу», ее носятъ изъ села въ село.

палкою, его грѣховную плоть; наконецъ эта старая женщина должна напоминать ему о смерти, къ которой онъ долженъ приготовиться, очистивъ свои помышленія постомъ и молитвою. Вотъ какое значеніе соединяется съ тѣмъ наряженнымъ момкомъ, который представляетъ собою «бабу-коризму». Надлежитъ замѣтить, что православные славяне-сербы соблюдаютъ строгій постъ до самой пасхи. Когда дѣти, не сознавая важности поста, просятъ скоромной пищи, то матери обыкновенно имъ говорятъ: «вотъ посмотри, баба-коризма стоитъ съ палками подъ поломъ».

Въ первый день поста, начинающагося у римско-католиковъ со среды, всѣ селяне означеннаго вѣроисповѣданія идутъ въ церковь, гдѣ священникъ служитъ обѣдню и, по окончаніи богослуженія, совершаетъ «пепломъ» на лбу каждаго прихожанина крестное знаменіе; при этомъ обрядѣ, который называется «пепельница», священникъ произноситъ: «memento homo, quia pulvis es et in pulverem reverteris». Въ городѣ Рѣкѣ существуетъ слѣдующій обычай: въ среду на первой недѣлѣ великаго поста, послѣ обѣдни, мѣстные жители отправляются въ близь лежащее селеніе Трсатъ и тамъ не поодаль отъ монастырской стѣны францинскаго монастыря, подъ звуки музыки, устроиваютъ обѣдъ, необходимою принадлежностью котораго является треска (baccalà). Попировавши вдоволь вблизи монастырской ограды, мѣстные жители уже поздно вечеромъ возвращаются домой.

Крайне-однообразно тянутся дни великаго поста: днемъ селяне работаютъ, а вечеромъ собираются вокругъ грамотнаго селянина, который имъ читаетъ различнаго рода событія изъ жизни Іисуса Христа, въ особенности о Его крестныхъ страданіяхъ, или-же разсказываетъ какую-нибудь народную притчу, въ родѣ слѣдующей: «дьяволъ вздумалъ жениться, чтобы жена родила ему дочерей, которыхъ онъ хотѣлъ выдать замужъ, а потомъ ввести своихъ зятьевъ въ свой домъ т. е. въ адъ. Женился онъ на «неправдѣ» и она родила ему семь дочерей. Первая была «гордость»; она была выдана замужъ за большихъ людей и за баръ. Вторая была «алчность», вышедшая замужъ за простонародье и торговцевъ. Третья была «ложь» и вышла замужъ за сельчанъ. Четвертая была «зависть» и вышла за ремесленниковъ.

Пятая была «лицемѣріе» и вышла за жидовъ. Шестая была «тщеславіе»: ее взяли къ себѣ женщины и не допустили выйти замужъ. Седьмая была «плотской грѣхъ»: ее родители не хотѣли выдавать замужъ, а пустили блуждать по всему свѣту, чтобы всякій могъ ею пользоваться. Какъ извѣстно, у римско-католиковъ постъ состоитъ въ томъ, что по средамъ, пятницамъ и субботамъ не ѣдятъ мяса и готовятъ кушанья на маслѣ; тогда какъ въ другіе дни, кромѣ мяса, ѣдятъ кушанья, приготовленныя и на свиномъ жирѣ. Отъ мѣстнаго епархіальнаго архіерея зависитъ уменьшить число постныхъ дней въ теченіе недѣли: весьма часто случается, что дозволяется славянамъ-католикамъ поститься только по пятницамъ.

Юго-славяне мирно проживаютъ въ своихъ хижинахъ первыя шесть недѣль великаго поста, и только наканунѣ вербнаго воскресенья, въ Лазареву субботу, нѣсколько нарушаетъ обыденную тишину монотонное пѣніе молодыхъ дѣвушекъ, собравшихся на поляхъ. Скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ обрядѣ. Въ Лазареву субботу, дѣвушки, танцуя и распѣвая пѣсни, ходятъ по селу изъ дома въ домъ: онѣ носятъ особое названіе «лазарице». Въ Сремѣ существуетъ обыкновеніе собираться вечеромъ въ этотъ день дѣвушкамъ на полѣ. Составивши кругъ, онѣ протягиваютъ впередъ правыя руки, которыя, соединяясь между собою, образуютъ площадку; на нее ставятъ ребенка; потомъ начинаютъ кружиться, распѣвая слѣдующую пѣсню:

Лазарь, Лазарь полѣзай,
До меня ты долѣзай,
Захватись-ка за меня,
За мой шелковый рукавъ
И за шелковый платокъ,
За узористый передникъ и т. д.

Въ вербное воскресенье селяне идутъ въ церковь, неся въ рукахъ вѣтки вербы, или терновника: они ихъ держатъ въ продолженіе всей службы. Возвратясь домой, селяне даютъ листья этихъ вѣтвей въ пищу домашнимъ животнымъ и скоту; по народному повѣрью, листья вѣтвей, побывавшихъ въ церкви, получаютъ цѣлебную силу, такъ что, давая ихъ ѣсть животнымъ, можно этихъ послѣднихъ, въ теченіе цѣлаго года, предохранить отъ болѣзней. Освященные сучья берегутъ

въ домахъ: по народному повѣрью, эти сучья имѣютъ силу охранять домъ отъ ударовъ молніи. Впрочемъ съ нѣкоторыми сучьями селяне обыкновенно ходятъ въ церковь: стукъ, производимый ударами о церковный полъ этими сучьями, замѣняетъ собою колокольный звонъ, который обыкновенно воспрещается въ послѣдніе дни страстной седмицы, т. е. начиная съ четверга и кончая субботой. А дѣти въ селахъ и въ городахъ обыкновенно ходятъ съ орѣховыми прутиками въ церковь къ вечерни въ великую среду, четвергъ и пятницу, чтобы прогонять «корицу». Гладко-обструганные прутики, освященные въ вербное воскресенье, ставятъ около пчельниковъ, выражая тѣмъ желаніе, чтобы въ предстоящее лѣто уродилось побольше пчелъ, которыя принесутъ много меду и тѣмъ будутъ содѣйствовать благосостоянію сельскихъ жителей.

Въ продолженіе всей страстной недѣли, носящей названіе «бијела недѣља», юго-славяне соблюдаютъ строгій постъ и посвящаютъ много времени молитвѣ. Въ великую субботу, называемую «бијела субота», возобновляется колокольный звонъ, пріостановленный на два предшествующіе дня. Въ этотъ день селяне имѣютъ обыкновеніе, по приходѣ изъ церкви, обливать водой крышу и стѣны своего дома. Желая найти разъясненіе этого обычая, мы обращались ко многимъ сельскимъ жителямъ, соблюдавшимъ этотъ обрядъ и они отвѣтили намъ, что онъ выражаетъ собою желаніе, чтобы домъ былъ очищенъ отъ злыхъ духовъ.

III.

Особенности празднованія Пасхи. Объ обрядовой сторонѣ праздниковъ: Благовѣщенія Пр. Богородицы, Велико-мученика Георгія, Св. Троицы, Рождества Іоанна Предтечи, Св. пророка Иліи, Преображенія Господня и Велико-мученицы Варвары.

Праздникъ Пасхи является у южныхъ славянъ однимъ изъ наиглавнѣйшихъ церковныхъ торжествъ. «На разсвѣтѣ Свѣтлаго Христова Воскресенія, само солнце отъ радости пляшетъ и играетъ» гово-

рятъ юго-славяне. Въ шесть часовъ утра, въ день праздника Пасхи (по славянски—Ускрсъ), раздается колокольный звонъ въ сельской церкви. Надѣвъ праздничныя платья, селяне спѣшатъ въ храмъ Божій; на лицахъ ихъ сіяетъ радость. Прійдя въ церковь, они разставляютъ вокругъ аналоя принесенныя съ собою корзины, въ которыхъ обыкновенно находятся: «погача» (пшеничный хлѣбъ), яйца, которыя бываютъ или разрисованы разными рисунками, какъ напримѣръ изображеніями пѣтуха и креста, или—же окрашены въ разные цвѣта, окорокъ, чеснокъ, жареные поросята и деревянные сосуды съ виномъ. По окончаніи богослуженія, священникъ окропляетъ святою водою принесенные припасы, а селяне даютъ священнику за это освященіе по яйцу.

Передъ тѣмъ, какъ выйти изъ церкви, селяне стараются получить уголекъ изъ кадильницы, употреблявшейся во время пасхальной обѣдни. Этимъ угольком селяне обыкновенно разводятъ огонь въ своихъ домахъ, а также обкуриваютъ имъ или, вѣрнѣе сказать, обносятъ весь домъ, пчельникъ и домашній скотъ, дабы предохранить все это отъ несчастія; затѣмъ садятся за столъ, на которомъ бываютъ разставлены всѣ тѣ яства, которыя были освящены въ церкви.

Въ первый день Пасхи селяне посѣщаютъ своихъ родныхъ и знакомыхъ и дарятъ другъ другу «шеширу» (такъ называется продолговатой формы булка, поверхъ которой находится яйцо). Обыкновенно въ этотъ день селяне, захвативъ съ собою провизію и вино, отправляются гурьбой въ какое-либо мѣстечко, гдѣ, по заведенному обычаю, собирается въ праздничные дни все сельское населеніе. Тамъ устраиваются игры, пляски; тамъ можно слышать пѣніе веселыхъ пѣсенъ; однимъ словомъ на этомъ народномъ гуляньѣ вполнѣ проявляется и игривость характера, и задушевная веселость сельскаго молодаго поколѣнія. Вообще праздникъ Пасхи проводится очень весело въ селахъ и деревняхъ. Мы не можемъ при этомъ не замѣтить, что, по народному убѣжденію, въ первый день Пасхи отворяется свѣтлый рай (т. е. просвѣтляется небо) и врата его остаются отверстыми во все продолженіе праздника. Съ мыслью объ отверстомъ раѣ тѣсно связано языческое вѣрованіе, что именно въ эту

благодатную пору свѣтлые боги сходятъ съ небесъ на землю и надѣляютъ ее дарами плодородія.

Въ продолженіе всей недѣли Пасхи, дѣти и парни, получая въ подарокъ яйца, устроиваютъ изъ нихъ различныя игры: двое начинаютъ спорить между собою о томъ, чье яйцо скорѣе разобьется отъ удара? Потомъ стукаютъ ихъ верхушками другъ объ друга и чье разобьется, тотъ долженъ отдать разбитое яйцо своему сопернику. Съ этою игрой можно всюду встрѣтиться: и въ городахъ и въ селахъ; очень часто люди, совершенно незнакомые, предлагаютъ другъ другу подобнаго рода состязаніе: каждый изъ нихъ подставляетъ верхушку пасхальнаго яйца, потомъ раздается стукъ и оба противника начинаютъ внимательно разсматривать, чье яйцо треснуло? Выигравшій беретъ разбитое яйцо и незнакомые расходятся. Дѣти устроиваютъ еще слѣдующую игру: по отлогому мѣсту спускаютъ пасхальныя яйца, причемъ каждый играющій старается, чтобы пущенное имъ яйцо задѣло другое: въ этомъ случаѣ онъ выигрываетъ означенное яйцо.

Изъ этого краткаго очерка видно, что пасхальные обряды у южныхъ славянъ схожи съ нашими. Но у нихъ не существуетъ обычая «христосоваться». Православные сербы, въ теченіе первой недѣли Пасхи обыкновенно при встрѣчѣ говорятъ: «Христосъ васкерсъ» и имъ отвѣчаютъ: «на истину васкерсъ».

Праздникъ Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, который является большимъ церковнымъ торжествомъ у южныхъ славянъ, представляетъ собою богатую почву народной фантазіи: съ этимъ праздникомъ соединяется много повѣрій и народныхъ обычаевъ. Между прочимъ существуетъ повѣрье, что, въ ночь на канунѣ Благовѣщенія, Пресвятая Дѣва Марія помогаетъ людямъ находить клады. Дѣйствительно въ означенную ночь поселяне и поселянки, взявши съ собой кусокъ мѣла и по двѣ восковыхъ свѣчи, освященныхъ за обѣдней въ праздникъ Срѣтенія Господня и носящихъ особое названіе «Маринске свѣче», ходятъ по окрестностямъ села, храня при этомъ глубокое молчаніе. Они внимательно смотрятъ во всѣ стороны, не замѣтятъ-ли гдѣ либо красноватаго пламени, которое, по ихъ мнѣнію, происходитъ отъ

горящаго внутри земли огня, и которое указываетъ на мѣсто, гдѣ находится кладъ. Если, паче чаянія, замѣтятъ гдѣ—нибудь огонекъ, то спѣшатъ обвести вокругъ того мѣста мѣломъ и зажигаютъ свѣчи, а затѣмъ начинаютъ рыть въ томъ мѣстѣ. Нечистый духъ, который стережетъ закопанное въ землѣ богатство, никогда не посмѣетъ ни приблизиться къ свѣту «маріинскихъ свѣчей», ни перешагнуть кругъ, обведенный мѣломъ, а только одними криками можетъ навести на нихъ страхъ и заставить прекратить начатую работу. По народному повѣрью, если кто найдетъ кладъ, то не смѣетъ его тронуть съ мѣста; въ противномъ случаѣ, его постигнетъ внезапная смерть; надлежитъ привести лошадь или вола и привязать къ нимъ найденное сокровище; послѣдніе уже трогаютъ его съ мѣста, послѣ чего вскорѣ будто, бы околѣваютъ.

Существуетъ обычай ставить въ день Благовѣщенія образъ Пресвятой Богородицы въ кадку съ зерномъ, оставленнымъ для посѣва. Все это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы яровой хлѣбъ далъ хорошій урожай. По народному повѣрью, въ день Благовѣщенія можно узнать: какія изъ живущихъ въ селѣ женщинъ «вѣштицы» (вѣдьмы)? Для этого, разсказываетъ народъ, надо убить, за нѣсколько дней до праздника, змѣю, посадить въ ея черепъ луковицу чесноку и оставить ее тамъ рости. Если къ Благовѣщенію она пуститъ ростки, то селянинъ, убившій змѣю, долженъ ихъ воткнуть въ свою шапку и, надѣвъ ее на голову, отправиться въ церковь къ обѣднѣ. Прійдя въ церковь, селянинъ замѣтитъ около себя толпу старыхъ женщинъ, которыя будутъ всѣми силами стараться украсть эти ростки: эти-то женщины и суть «вештицы».

На канунѣ дня св. Георгія, вечеромъ, молодыя дѣвушки и и старыя замужнія женщины имѣютъ обыкновеніе ходить на водяную мельницу и, подставляя сосуды подъ мельничные шлюзы, собирать падающую съ нихъ воду. Положивши за тѣмъ въ эти сосуды различныя цѣлебныя растенія, какъ напримѣръ любистокъ, онѣ обмываютъ водою свое тѣло, произнося слѣдующія слова: «пусть всякое зло отошло-бы отъ меня подобно тому, какъ вода отъ колеса».

Но вотъ наступаетъ самый день праздника, въ который Св.

Георгій, по народному повѣрію, кладетъ во внутрь земли горячее полѣно, которое согрѣваетъ землю: она начинаетъ пускать травы, которыя, впрочемъ, пріобрѣтаютъ наибольшую цѣлебную силу только до восхода солнца, т. е., до той поры, пока солнце не озаритъ ихъ своими лучами и тѣмъ самымъ не уменьшитъ въ нихъ силы. Поэтому знахари и знахарки еще до восхода солнца ходятъ по полямъ и въ лѣсъ, желая отыскать различныя растенія и травы, о которыхъ мы уже выше говорили. Также и поселянки ходятъ по полямъ, чтобы нарвать травы, которою и кормятъ скотъ утромъ, въ самый день праздника. Сельскіе мужики отправляются купаться, съ цѣлью предохранить себя отъ заразительныхъ болѣзней. Мы должны замѣтить, что вообще не въ обычаѣ у южныхъ славянъ купаться ранѣе дня св. Георгія, такъ какъ, по народному понятію, дьяволъ въ теченіи всей зимы не покидаетъ водянаго царства, схватываетъ всякаго смѣльчака, рѣшающагося погрузиться въ его воды и топитъ его. До восхода солнца, въ различныхъ концахъ обширныхъ полей раздаются то тихіе, то рѣзкіе звуки свирѣли пастуховъ. Хорошо помня ту примѣту, что «кто лѣнивъ въ день св. Георгія, того лѣность не покинетъ во все лѣто», пастухи еще раннимъ утромъ спѣшатъ на поля и выказываютъ тамъ все свое усердіе въ игранiи на свирѣли. Мы не можемъ не упомянуть объ одномъ обычаѣ, который существуетъ въ южной Далмаціи: рано поутру въ день св. Георгія три молодыя дѣвушки отправляются на рѣку за водою. Одна изъ дѣвушекъ держитъ въ рукахъ просо, другая—буковую вѣтку (грабову гранчицу). Одна изъ этихъ двухъ дѣвушекъ спрашиваетъ третью: «куда идешь?» Та отвѣчаетъ: «идем на воду, да воде и мене, тебе и ту што гледа про тебе.» Послѣ этого третья спрашиваетъ первую: «шта ти э у руци?» Она ей отвѣчаетъ: «просо, да просе и мене и тебе и ту што гледа про тебе.» Тогда третья спрашиваетъ вторую: «шта ти э у руци?» Она отвѣчаетъ: «грабъ, да грабе и мене и тебе и ту што гледа про тебе».

Отправляясь къ обѣднѣ, пригоняютъ при этомъ къ церкви домашній скотъ, какъ напримѣръ коровъ и т. д. съ привязанными къ рогамъ вѣтвями, а иногда свѣчами, которыя зажигаются передъ на-

чаломъ обѣдни. По окончаніи службы, священникъ окропляетъ скотъ святою водой. Окропленіе скота святою водой совершается, по народному понятію, съ цѣлью предохранить его отъ волковъ, затѣмъ спѣшатъ погнать свой скотъ на пастбище. Даже въ основу и этого обычая легло своего рода народное повѣріе. Если въ день св. Георгія чья-либо корова остается въ стойлѣ, то старая женщина старается ударить корову метлою по вымю, чрезъ что ея молоко переходитъ въ вымя ея собственной коровы. Въ этотъ день поются разнаго рода пѣсни, между прочимъ слѣдующая: «Когда ты, Георгіевъ денечекъ опять прійдешь, ты не найдешь меня у матери: я буду или замужемъ или погребена; скорѣе буду замужемъ, чѣмъ погребена».

Недѣля, на которой приходится Троицынъ день, извѣстна подъ именемъ «кралевой недѣли». Кромѣ церковнаго торжества, Троицынъ денъ знаменуется еще слѣдующаго рода обычаемъ: отъ 10 до 15 молодыхъ красивыхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ праздничные наряды и съ вѣнками на головахъ, расхаживая по селамъ, пляшутъ и поютъ. Наикрасивѣйшая изъ нихъ называется «кралицей» (королева), которая обыкновенно покрываетъ себѣ голову и лицо бѣлою кисеею; другая именуется «краль» (король): она надѣваетъ на голову шапку, украшенную цвѣтами и зеленью, и держитъ въ рукахъ мечь; третья—«барьяктаръ»: она обыкновенно идетъ впередъ, держа въ рукахъ копье, къ которому прикрѣпляютъ бѣло-красный «барьякъ» (флагъ); остальныя-же дѣвушки носятъ названіе «дворкиньи кралицы» (прислуга королевы). Эта разряженная кучка дѣвушекъ, въ сопровожденіи «дудаша» (музыканта) или «тамбураша» (игрока на тамбурѣ, родъ гитары), ходитъ по селамъ изъ дома въ домъ; когда онѣ подходятъ къ чьему-либо дому, то одна изъ прислуги подаетъ королевѣ табуретъ, на который она и садится; дѣвушки-же составляютъ «коло» (хороводъ) и начинаютъ вокругъ королевы танцовать; король обыкновенно бываетъ колоновожатымъ, а «барьяктаръ» замыкаетъ собою хороводъ. Пѣсни, которыя поются на этой народной забавѣ, извѣстны подъ именемъ «кральскихъ пѣсней»: ими весьма богата хорватско-сербская народная поэзія. Чтобы дать понятіе объ этого рода пѣсняхъ, приведемъ здѣсь для

примѣра нѣкоторыя изъ нихъ. Когда эта кучка дѣвушекъ подходятъ къ чьему-либо дому, то обращается къ его хозяину съ слѣдующею пѣснею:

Во дворѣ нашего хозяина, ладо!
Стоятъ воли быстроногіе, ладо!
И растутъ цвѣты душистые, ладо!
И пшеница уже созрѣла, ладо!
Подари-ка, хоть что нибудь! ладо!
Нашему славному королю, ладо!
И храброму барьяктару, ладо!

По окончаніи пѣнія, хозяинъ дома обыкновенно дѣлаетъ имъ какой-либо подарокъ: мясо, хлѣбъ, молоко, яйца или деньги. По полученіи подарка, вся толпа дѣвушекъ идетъ къ другому дому и при этомъ поетъ:

Мы идемъ, лейо!
Ко другому двору, лейо!
Съ нашимъ королемъ, лейо!
И королевой, лейо!

* * *

Мы идемъ, лейо!
Въ другое село, лейо!
Неизвѣстное, лейо!
Познакомьтесь съ нами, лейо!

* * *

Мы идемъ, лейо!
Отъ двора до двора, лейо!
Отъ этого двора, лейо!
Бѣлаго, лейо!

Обошедши одно село, толпа отправляется въ томъ-же порядкѣ и въ другое, ближайшее село.

Мы должны замѣтить, что православные сербы въ Троицынъ день украшаютъ храмы молодыми деревцами.

«Ивановъ день такой великій праздникъ, что и само солнце въ этотъ день троекратно останавливается на небѣ отъ страха», такъ говорятъ православные сербы, а также и далматы-католики. Можетъ статься Ивановъ день поэтому и пользуется въ народѣ извѣстностью крайне суевѣрною: по народному повѣрью, въ этотъ день можно находить чудесныя травы и узнавать свою будущность.

Въ ночь наканунѣ Иванова дня, старыя женщины ходятъ по полямъ и лѣсамъ, гдѣ ищутъ чудесныхъ травъ, а также растеній,

которыя извѣстны своими цѣлебными силами. Между чудесными растеніями, первое мѣсто занимаетъ «папоротникъ»: юго-славяне называютъ его «перуновымъ цвѣткомъ». Человѣкъ, который обладаетъ этимъ растеніемъ, не боится, по народному повѣрью, ни бури, ни грома, ни огня, дѣлается недоступнымъ для злаго чародѣйства, повелѣваетъ нечистыми духами, понимаетъ даже пѣніе птицъ и вой животныхъ. Этотъ цвѣтокъ отмыкаетъ всѣ замки и двери, обнаруживаетъ подземные клады: въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ преклоняется къ землѣ, навѣрно зарыто сокровище. Въ ночь наканунѣ Иванова дня, въ промежутокъ времени отъ $11^1/_2$ часовъ до $12^1/_2$, этотъ цвѣтокъ разцвѣтаетъ и, блеснувъ яркимъ свѣтомъ, мгновенно изчезаетъ. Но крайне трудно добыть этотъ цвѣтокъ. Кто желаетъ добыть цвѣтъ папоротника, тотъ долженъ бѣлою освященною землею обвести то мѣсто, гдѣ растетъ этотъ цвѣтокъ, а затѣмъ, зажегши восковую свѣчу, освященную въ праздникъ Благовѣщенія, выжидать, когда она броситъ яркій свѣтъ и поспѣшить сорвать этотъ таинственный цвѣтокъ. Нечистые духи стерегутъ минуту его разцвѣта, чтобы его сорвать и унести съ собою: они стараются навести страхъ на смѣльчака; но не слѣдуетъ пугаться, ибо, въ противномъ случаѣ, весь трудъ потерянъ. Такого-же рода свойствомъ обладаетъ и другая чудесная трава «расковникъ» (разрывъ-трава): отыскавъ кладъ съ помощью «папоротника», можно его вынуть изъ земли не иначе, какъ прикосновеніемъ къ тому мѣсту расковника. Мы не считаемъ лишнимъ при этомъ замѣтить, что въ дѣлѣ открытія кладовъ народъ придаетъ громадное значеніе заклинанью. «Можно», говоритъ народъ, «заклинать дьяволовъ, чтобы они сказали въ какомъ мѣстѣ закопаны сокровища?» Существуетъ повѣрье, что нѣкоторые священники и монахи ночью читаютъ мистическія, чародѣйскія молитвы, въ которыхъ просятъ ночную силу помочь имъ отыскать клады: указать имъ мѣсто, гдѣ они скрыты, и если они находятся на днѣ морскомъ и скрыты подъ шумящею водой, то помогла бы имъ завладѣть этимъ несмѣтнымъ сокровищемъ.

На канунѣ Иванова дня дѣвушки бросаютъ въ горшокъ, наполненный землею, зерна, и на канунѣ Петрова дня смотрятъ, поднялись-ли ростки? Если они поднялись кольцеобразно, то это вѣрный при-

знакъ того, что въ предстоящемъ году придется обмѣняться съ милымъ кольцами и идти съ нимъ подъ вѣнецъ. Въ приморской-же Хорватіи дѣвушки производятъ слѣдующія гаданья: поставивъ среди комнаты большой сосудъ съ водою и до голи раздѣвшись, онѣ ходятъ вокругъ сосуда и, произнося мистическія слова, смотрятъ въ него: въ водѣ отражается образъ ихъ суженаго, тамъ онѣ видятъ своихъ милыхъ нареченныхъ жениховъ. Если-же дѣвушка нравится тремъ мужамъ, которые одинаково за нею ухаживаютъ и она не знаетъ кому изъ нихъ отдать предпочтеніе, то чтобы узнать за кого она выйдетъ замужъ, она пишетъ ихъ имена на трехъ лоскуткахъ бумаги и кладетъ ихъ себѣ подъ подушку въ ночь на Ивановъ день. На другой день, проснувшись, она выдергиваетъ изъ подъ подушки одинъ изъ лоскутковъ бумаги и имя, написанное на немъ, есть имя ея суженаго. Загадываютъ также на трехъ вѣткахъ, сажаемыхъ въ горшкѣ съ землею: каждую вѣтку онѣ называютъ поимени одного молодаго парня, который нравится: на слѣдующее утро онѣ разсматриваютъ горшокъ съ вѣтками, и если замѣчаютъ, что одна изъ нихъ поднялась выше другихъ, то значитъ, что она выйдетъ замужъ за того мужа, имя котораго носитъ вѣтка. Если-же ни одна изъ вѣтокъ не примется, то значитъ она никогда не выйдетъ замужъ. Вечеромъ на канунѣ Иванова дня, мужи дѣлаютъ изъ маргаритокъ (Orakel-blume, chrysanthemum Leucanthemum) букеты, гирлянды, вѣнки и, украшая ими свои жилища, каждой связкѣ цвѣтовъ придаютъ особое значеніе: они называютъ ихъ по имени своихъ родныхъ, близкихъ знакомыхъ. Если цвѣты не завянутъ, то эти люди проживаютъ цѣлый годъ; но смерть ожидаетъ въ продолженіи предстоящаго года тѣхъ, имена которыхъ приданы цвѣткамъ, найденнымъ на слѣдующее утро завявшими.

Въ то время, какъ старыя женщины заняты отыскиваніемъ чудесныхъ растеній и цѣлебныхъ травъ, а мужи и дѣвушки прибѣгаютъ къ всевозможнымъ средствамъ, чтобы узнать свою будущность, а также и своихъ родныхъ и знакомыхъ, остальная часть молодаго населенія проводитъ весьма шумно канунъ и ночь Иванова дня. На канунѣ Иванова дня, еще до сумерекъ, мужи и дѣвушки идутъ въ сосѣдній лѣсъ: мужи рубятъ тамъ можжевельникъ, а дѣвушки быва-

ютъ заняты иного рода работой: однѣ изъ нихъ отвозятъ въ телѣгахъ срубленные сучья въ мѣста, уже заранѣе назначенныя для костровъ, а другія собираютъ цвѣты въ лѣсу и на поляхъ, и поютъ при этомъ пѣсни, какъ напримѣръ:

Ивановъ цвѣтокъ и Петровъ,
Иванъ его срываетъ, тебя срываетъ,
Матери на плечи его бросаетъ;
А мать съ плечъ на землю.
Марья его подымаетъ, тебя подымаетъ,
Втыкаетъ его въ шапку своего милаго и т. д.

Набравши полевыхъ цвѣтковъ, дѣвушки садятся въ тѣни развѣсистаго дерева и начинаютъ плести вѣнки. По народному повѣрью, травы и цвѣты, сорванные на канунѣ Иванова дня, имѣютъ цѣлебную силу. Такъ напримѣръ, поносивши на головѣ вѣнокъ на канунѣ Иванова дня, человѣкъ уже на весь годъ избавляется отъ головныхъ болей. Когда момки и дѣвушки покончатъ свою работу, то начинаютъ устраивать различныя игры, поютъ и все это продолжается до заката солнца. Едва только стемнѣетъ, дѣвушки спѣшатъ подарить по вѣнку каждому момку, который и надѣваетъ его на голову; а затѣмъ вся эта молодежь собирается вокругъ наваленной кучи можжевельника. Впрочемъ въ мѣстностяхъ, населенныхъ по преимуществу сербами, мѣстные обыватели зажигаютъ свернутые изъ бересты факелы (баклья) и, надѣвши на головы вѣнки, идутъ въ сопровожденіи музыканта къ приготовленнымъ кучамъ можжевельника: отъ обычая идти съ факеломъ (баклья) и самое это народное празднество зовется «бакльяри»; а въ иныхъ мѣстахъ берутъ съ собою лучины, которыя приготовляютъ за нѣсколько дней до праздника изъ вѣтвей буковыхъ деревьевъ или можжевельника.

Для возженія «Иванова костра», момки употребляютъ «живой огонь»: его добываютъ треніемъ изъ дерева. Когда огонь вспыхнетъ и пріятный ароматъ отъ можжевельника распространится въ воздухѣ, вся толпа запѣваетъ радостныя пѣсни. Пламя костровъ, разводимыхъ на канунѣ Иванова дня, служитъ символическимъ знаменіемъ знойнаго іюньскаго солнца. Когда костры сильно разгорятся, то молодежь, взявшись за руки, становится вокругъ огня, начинаетъ пля-

сать подъ звуки «тамбуры» и поетъ сложенныя на этотъ случай пѣсни. Приведемъ одну изъ нихъ:

Подъ этой большой горой,
Зеленѣющей метликою,
И подъ этимъ высокимъ холмомъ,
Покрытымъ краснымъ амарантомъ,
Дѣвушки собираютъ цвѣтки
И даютъ ихъ юнакамъ.

* * *

А юнаки разводятъ огонь
И бросаютъ ихъ въ огонь.
Но говорятъ красивыя дѣвушки
Этимъ надменнымъ юнакамъ:
«О юнаки—тщеславные.
Развѣ цвѣтки—для огня?»

Поплясавши нѣкоторое время, начинаютъ перескакивать черезъ костеръ, причемъ соблюдается извѣстнаго рода порядокъ. Момокъ, взявши дѣвушку за руки, перескакиваетъ съ нею черезъ костеръ, затѣмъ отходитъ въ сторону, чтобы дать мѣсто другой парѣ и т. д. При этомъ всѣ присутствующіе поютъ слѣдующую пѣсню:

Жаловалось палящее солнце
Съ неба яснаго,
Жаловалось оно святому Ивану
Въ день Ивана,
Что вила не хочетъ ему прислужить
Холодною водою.
Но говоритъ святой Иванъ
Въ день Ивана:
Остановись солнце троекратно
Въ день Ивана,
Придутъ къ тебѣ молодыя дѣвушки
Съ холодною водою.
Холодною водою будутъ онѣ тебѣ прислуживать
Въ Ивановъ день,
Вѣнками золотыя твои косы
Красиво украсятъ.
Троекратно солнце остановилося
Въ Ивановъ день,
Пришли къ нему молодыя дѣвушки
Съ холодною водой,
Холодною водою ему прислуживали
Въ Ивановъ день,
И вѣнками ему золотыя косы
Красиво украсили,
цвѣтами землю на далекое разстояніе
Охотно посыпали.

Когда эта толпа мужиковъ и дѣвушекъ по очередно перескочитъ по нѣскольку разъ черезъ огонь, то вторично начинаются танцы. Народная забава, состоящая въ прыганьѣ черезъ огонь, находила себѣ объясненіе въ извѣстнаго рода воззрѣніяхъ славянъ-язычниковъ на огонь. По ихъ понятію, какъ пламенные лучи солнца прогоняютъ демоновъ мрака, холода и безплодія, такъ и эмблема ихъ—земной огонь получаетъ тоже благодѣтельное свойство избавлять отъ недуговъ, злаго очарованія и безплодія; надо только пройти сквозь его очистительное пламя, проникнуться его священнымъ вѣяніемъ. Впрочемъ этого рода понятія сохранились въ народѣ и по настоящее время. Такъ мы видимъ, что матери нарочно сожигаютъ на Ивановскомъ кострѣ снятыя съ больныхъ дѣтей сорочки для того, чтобы вмѣстѣ съ этимъ бѣльемъ сгорѣли и самыя болѣзни. Вообще народъ того мнѣнія, что Ивановъ огонь прогоняетъ различныя болѣзни, въ особенности головную боль. Въ окрестностяхъ города Пожеги (въ Славоніи), существуетъ повѣрье, что кто выше всѣхъ перескочитъ черезъ костеръ, у того будетъ лучшій урожай на пшеницу и ленъ.

Эта ночь проводится бурно, весело: если по близости отъ той мѣстности, гдѣ происходитъ празднество, находится церковь, то звонятъ все время въ колокола и даже нерѣдко стрѣляютъ изъ ружей. Несмолкаемый звонъ колоколовъ, свѣтъ отъ ярко-горящихъ костровъ, прыганья черезъ огонь, постоянные выстрѣлы, бѣшеная пляска, пѣніе и музыка, все это составляетъ празднество, которое носитъ различныя названія: «Иванье» (отъ дня Ивана); «кресница» (отъ слова «кресанье», высѣканіе «креса»: такъ именуется «живой огонь» добываемый на канунѣ Иванова дня отъ тренія; самый мѣсяцъ іюнь извѣстенъ народу подъ именемъ «кресникъ»—мѣсяцъ огня).

При первыхъ проблескахъ солнца тушатъ костры и все молодое поколѣніе, принимавшее участіе въ ночной забавѣ, беретъ въ руки лучины или «лили» (березовая или черемуховая очищенная кора) и съ пѣніемъ и музыкой отправляется домой. Съ этими импровизованными факелами, мужи обходятъ овечьи закуты и коровьи загоны, а затѣмъ втыкаютъ обгорѣлыя лучины въ плетень: по народному повѣрью, обгорѣлая лучина служитъ лучшимъ средствомъ прогонять «вѣштицъ», которыя уже не смѣютъ въ те-

ченіи всего года появляться въ селѣ. Въ южной части Славоніи, прилегающей къ рѣкѣ Савѣ, существуетъ слѣдующаго рода повѣрье: если обгорѣлая лучина, воткнутая въ плетень, случайно обернется, то это является хорошимъ предзнаменованіемъ: въ случаѣ засухи, это предвѣщаетъ обильный дождь, а въ дождливое время — ясную погоду. Впрочемъ, въ каждомъ селѣ есть своего рода повѣрья. Дѣвушки разбрасываютъ по полямъ и огородамъ пепелъ, уголь и головешки, взятые отъ Ивановскаго костра для того, чтобы черви и другія насѣкомыя не испортили посѣвовъ и капустной разсады.

Въ самый день праздника, послѣ обѣдни, селяне спѣшатъ идти купаться въ рѣкахъ и источникахъ, слѣдуя тому повѣрью, что вмѣстѣ съ огнемъ и вода получаетъ въ Ивановъ день чудесное свойство смывать съ больнаго тѣла всѣ недуги и надѣлять его крѣпостью и здоровьемъ. Вотъ какого рода обряды, предразсудки и повѣрья, которыя своимъ происхожденіемъ обязаны глубокой древности и по настоящее время, тѣсно связаны съ праздникомъ, посвященнымъ дню рождества Іоанна Предтечи.

20-го іюля, т. е. въ день, посвященный пророку Иліѣ, «самъ пророкъ», говоритъ народъ, «разъѣзжаетъ по небу въ колесницѣ; колеса ея стучатъ, ударяясь о твердь небесную—то удары грома: онъ держитъ въ рукахъ огненныя стрѣлы и разитъ ими, по повѣленію Божію, порочныхъ людей и дьяволовъ, надъ которыми приговоръ уже произнесенъ на небѣ. По мнѣнію юго-славянъ, не слѣдуетъ креститься во время грома и молніи: хитрый дьяволъ, которому грозитъ опасность, скроется за крестомъ и такимъ образомъ, вмѣсто него, молнія ударитъ въ того, кто совершаетъ крестное знаменіе. Вслѣдствіе того, что поѣздки Иліи пророка по небу сопровождаются ударами грома, въ народныхъ пѣсняхъ онъ называется: «Илья-громовникъ».

Юго-славяне полагаютъ, что проявленіе божественной силы пророка Иліи производитъ дѣйствіе не только на человѣка, но и на окружающую природу. Теперь посмотримъ: въ чемъ проявляется божественная сила пророка Иліи, по отношенію къ природѣ? Отъ св. Иліи, по народному убѣжденію, зависятъ росы, дожди, градъ

и засуха. Въ Ильинъ день обыкновенно ожидаютъ грозы и дождя; если въ этотъ день слышатся перекаты грома, то народъ обыкновенно говоритъ, что въ это лѣто не будутъ хороши вообще всѣхъ сортовъ орѣхи. Существуетъ повѣрье, что могучіе кони, которые запряжены въ колесницу Иліи пророка, ударомъ своихъ копытъ взрываютъ землю и въ тѣхъ мѣстахъ появляются ключи, источники, которые, благодаря священному ихъ происхожденію, пользуются у славянъ особеннымъ уваженіемъ. Нѣкоторые изъ нихъ, по народному преданію, потекли отъ удара огненныхъ стрѣлъ Иліи пророка. Вотъ какими яркими красками окружила народная фантазія Ильинъ день.

Церковный праздникъ Преображенія Господня или, какъ говоритъ народъ, Спасовъ день является у южныхъ славянъ праздникомъ пастуховъ и пастушекъ. За нѣсколько дней до Спасова дня, пастухи всего села собираются гдѣ нибудь на полѣ и начинаютъ совѣтоваться о томъ, какъ бы провести свой праздникъ повеселѣе и поторжественнѣе. Поспоривъ вдоволь, какъ это всегда водится, они выбираютъ двухъ парней, на которыхъ возлагается обязанность позаботиться обо всемъ, что касается предстоящаго праздника. Такъ эти парни, которые именуются «газдами» (хозяевами), собираютъ между пастухами деньги на устройство угощенія, на наемъ музыки и т. д., назначаютъ мѣсто, гдѣ можно было-бы собраться поужинать и сообща повеселиться. Мы должны замѣтить, что празднество устраивается либо въ селѣ, гдѣ живутъ «газде», которые ищутъ тамъ удобнаго помѣщенія, либо внѣ села— въ «станѣ» (заграда для доенія лѣтомъ коровъ и овецъ) или же въ «клетѣ» (небольшая постройка въ виноградникѣ для храненія вина,—гдѣ помѣщается сторожъ). Въ помощницы «газдамъ» выбираются двѣ дѣвушки «газдарице» (хозяйки): онѣ принимаютъ на себя обязанность позаботиться о покупкѣ съѣстнаго, о пріисканіи кухарки, посуды и т. д.

Когда помѣщеніе для празднества найдено, то наканунѣ Спасова дня, «газде» однимъ пастухамъ отдаютъ приказаніе нарубить лѣсу и привезти его для приготовленія пищи, другимъ—сдѣлать крестъ и обрисовать его и т. д. Пастушки въ это время

обходятъ долины и луга, горы и рощи, всюду собирая разные цвѣты, изъ которыхъ весьма искусно плетутъ вѣнки, которыми украшаютъ крестъ. Разукрашенный цвѣтами крестъ оставляется на ночьна полѣ.

Рано по утру, въ самый день праздника, всѣ пастухи собираются на полѣ, откуда въ торжественной процессіи идутъ въ село. Впереди процессіи идетъ съ крестомъ одинъ изъ пастуховъ, одѣтый по праздничному и украшенный цвѣтами. Вся эта толпа ходитъ изъ дома въ домъ съ пѣніемъ, прося хлѣба, вина, молока и т. д. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ, наиболѣе характеристичныхъ. Такъ, напримѣръ, когда они подходятъ ко двору, то обыкновенно поютъ слѣдующую:

Съ крестомъ въ рукахъ передъ дворомъ
Стоимъ съ молитвою на устахъ
Кто наградитъ, того награда ждетъ отъ Бога:
Здоровье, счастье и золотой дукатъ,
И возрастетъ виноградъ на горѣ и колосъ на полѣ
И плетни наполнятся здоровымъ скотомъ
И Божій ангелъ да хранитъ вашъ дворъ.

Когда входятъ водворъ, то поютъ:

Мы пришли сюда
На хозяйскій дворъ.
Говорятъ про него:
Много здѣсь съѣстнаго
И вина сладкаго
И хозяинъ здѣсь живетъ хорошій.
Онъ намъ дастъ
И съѣстнаго
И сладкаго вина и т. д.

Обыкновенно хозяинъ дома даетъ имъ что-либо съѣстное (мясо, солонину), а хозяйка—молочное (молоко, сыръ, простоквашу). Обойдя кругомъ все село, они вторично его обходятъ, распѣвая:

Мы идемъ черезъ село
Миле, ляле, хой!
А облака вдоль неба
Миле, ляле, хой!
Кто изъ насъ быстрѣй—облака иль мы?
Миле, ляле, хой;
Все село обошли
Миле, ляле, хой!
Посчитали всѣ стада
Миле, ляле, хой!

Вторично обойдя все село, они отправляются на пастбище, гдѣ въ теченіе всего года пасется скотъ, съ пѣніемъ кропятъ его освященною водой и кладутъ немного сыраго хлѣба на томъ мѣстѣ, гдѣ скрывается скотъ отъ солнечнаго зноя. Окропивъ скотъ святою водой, пастухи и пастушки становятся на колѣни и возносятъ теплую молитву Божіей Матери, прося себѣ ея покровительства. Затѣмъ, вся эта толпа начинаетъ обходить виноградники. Хозяинъ виноградника долженъ ее угостить чѣмъ можетъ. Когда толпа пастуховъ и пастушекъ покончитъ свой обходъ виноградниковъ, она идетъ къ мѣсту, гдѣ имѣетъ происходить ужинъ, причемъ поется слѣдующая пѣсня:

Молимся Всевышнему Богу,
Войно ле, додо ле!
Да пошлетъ вихорь, вѣтеръ,
Войно ле, додо ле!
Да прольетъ дождь *)
Войно ле, додо ле!
Да оросить наши поля,
Войно ле, додо ле!
И траву лѣтомъ
Войно ле, додо ле!
Пусть скотъ имѣетъ пастбище
Войно ле, додо ле!

Представляется занимательная картина, когда толпа пастуховъ и пастушекъ соберется въ томъ мѣстѣ, гдѣ назначено ужинать. Всѣ суетятся, копошатся, желая принять участіе въ общемъ дѣлѣ приготовленія ужина: кто разводитъ огонь, кто жаритъ ягненка, все это продолжается до тѣхъ поръ, пока «газде» не скажутъ, что наступила пора ужинать. Работа прекращается и наступаетъ торжественный моментъ усаживанія за ужинъ. Онъ обыкновенно начинается въ два часа по полудни. На этомъ пиршествѣ мѣсто предсѣдателя занимаетъ «польяръ» (полевой сторожъ); въ честь его одинъ изъ распорядителей празднества провозглашаетъ первый тостъ. Начинается шумная попойка; одинъ тостъ смѣняетъ другой. Такъ какъ ни одно юго-славянское празднество не обходится безъ плясокъ, то

*) Если лѣто дождливое, то поется вмѣсто этого стиха: да просіяетъ солнце и да осушитъ оно наши поля.

послѣ ужина начинаются пляски, которыя продолжаются до ночи. Подъ вечеръ, къ пастушкамъ присоединяются и дѣвушки изъ ближайшихъ селъ. Когда всѣ утомятся, то вторично ужинаютъ. На слѣдующій день пастухи и пастушки—всѣ сообща съ пѣніемъ и пляской и неся крестъ впереди, отправляются къ тому дереву, подъ вѣтвями котораго скрывается скотъ отъ солнечнаго жара: крестъ привязывается къ дереву, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуетъ обычай отдавать крестъ полевому сторожу съ тѣмъ, чтобы онъ вдѣлалъ его въ плетень, куда загоняется скотъ. Существуетъ повѣрье, что крестъ предохраняетъ скотъ отъ болѣзней, порчи и отъ угрожающихъ ему несчастій. Отъ того, что крестъ играетъ такую важную роль въ Спасовъ день, и самое празднество носитъ названіе «крижари» отъ слова «крижъ» (крестъ).

День св. Варвары 16-го (4-го) декабря, юго-славяне посвящаютъ различнаго рода сельско-хозяйственнымъ обрядамъ. Наканунѣ обыкновенно варятъ жито, которое, въ этомъ случаѣ, получаетъ особое названіе «варицы». Рано по утру, въ самый день праздника, смотрятъ съ какой стороны «варица» болѣе сварилась: по тому направленію будутъ и хорошіе всходы хлѣба. Въ южной Далмаціи наканунѣ дня св. Варвары слегка смачиваютъ «варицу» и оставляютъ ее до слѣдующаго утра; въ самый-же праздникъ смотрятъ, приняла ли она форму сплошной, выпуклой массы или-же она раздвоилась. Въ первомъ случаѣ, по понятію народа, лѣто будетъ урожайное; во второмъ—неурожайное.

Разсмотрѣвши «варицу» и захвативши ее съ собою, крестьяне отправляются къ рѣкѣ, сохраняя при этомъ глубокое молчаніе. Пришедши туда, они посыпаютъ воду «варицей», произнося при этомъ слѣдующія слова: «доброе утро, холодная водица, мы тебѣ принесли варицу, а ты дай намъ хорошей водицы, дай намъ козлицу и ягнятъ, а также милыхъ ребятъ, дай намъ всякаго счастья». Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что обычай хожденія на воду ведетъ свое начало изъ глубокой древности, когда народъ обращался съ мольбами къ водянымъ духамъ, ожидая отъ нихъ исполненія желаній. Подъ вліяніемъ христіанства, этотъ обычай, понятно, долженъ былъ принять другую форму, получить другой колоритъ:

на сцену является жито, которое, какъ извѣстно, служитъ эмблемою благосостоянія; обрядъ соединяется съ днемъ св. Варвары, которая, всѣми зависѣвшими отъ нея средствами, старалась облегчать страданія своихъ ближнихъ, какъ она выражалась, братьевъ и сестеръ во Христѣ.

Крестьяне обыкновенно несутъ «варицу» въ церковь, гдѣ, по окончаніи литургіи, священникъ кропитъ ее святою водой. По приходѣ изъ церкви, они посыпаютъ «варицею» полъ своей хижины, говоря при этомъ: «да народится много людей и коней, да появится много пчелиныхъ ульевъ и цыплятъ, да создастся много амбаровъ для кукурузы». Потомъ они посыпаютъ «варицею» пчельникъ, произнося при этомъ слѣдующія грозныя слова: «чародѣй и чародѣйка—долой со двора; ненавистники и ненавистницы—долой со двора, бѣглецы и бѣглянки—долой со двора; мора и вѣштица—долой со двора; а мои пчелы пусть слетятся въ ульи. Подобно тому, какъ на моряхъ не будетъ мостовъ, на псахъ—роговъ, на ладони—шерсти; такъ и на моихъ пчелахъ пусть не будетъ сглаза». Произнесши этотъ монологъ, селянинъ, смѣшавъ «варицу» съ солью, идетъ на скотный дворъ и даетъ эту смѣсь въ пищу скоту; воламъ-же, для того, чтобы имъ легче было переносить всякую тяжесть, намазываютъ «варицею» шею.

Мы не можемъ не обратить вниманія читателя еще на одну обрядовую сторону праздника св. Варвары. Кто бываетъ первымъ гостемъ въ чьей либо семьѣ, именуется «полажайникомъ»; онъ обыкновенно садится въ кухнѣ около разведеннаго огня. Хозяйка приноситъ въ рѣшетѣ жито, которымъ онъ кормитъ домашнихъ птицъ. Женщины вообще бываютъ недовольны, если честь быть «полажайникомъ» выпадетъ на долю лица мужескаго пола, такъ какъ онѣ, въ этомъ случаѣ, держатся того предразсудка, что если «полажайникомъ» будетъ мужчина, то въ будущемъ году уродится много орѣховъ, а мало куръ. Если «полажайникомъ» бываетъ женщина, то хозяйка дома спѣшитъ усадить ее за прялку и проситъ ее немного попрясти, чтобы уродилось побольше льну; затѣмъ женщина-полажайникъ начинаетъ кормить куръ, чтобы онѣ побольше высидѣли яицъ. По выполненіи этой обрядности, «полажайника» угощаютъ явствами и фруктами.

Итакъ, у австрійскихъ южныхъ славянъ существуетъ по одному и тому-же предмету и христіанское и миѳическое понятіе. Эти противорѣчивыя представленія—дорогія народной фантазіи, какъ дорого матери вскормленное ею дитя—будутъ жить у южныхъ славянъ до тѣхъ поръ, пока искра знанія, брошенная на народную почву, не обратится въ пламя и не озаритъ свѣточемъ науки погрязшую въ предразсудкахъ, но добрую, хранящую въ себѣ священные задатки идеи любви и братства, родственную намъ славянскую народность.

Г. СЕЛЬСКІЯ ЗАБАВЫ.

а. Народныя игры.

Нѣкоторые изслѣдователи народной жизни совершенно упускаютъ изъ виду народныя игры, находя въ нихъ мало интереснаго, мало такого, что служило-бы отличительнымъ свойствомъ извѣстной націи въ ряду другихъ. «Мало ли, какъ рѣзвится ребенокъ», говорилъ одинъ этнографъ, «неужели его скаканье и кривлянье можетъ служить предметомъ ученаго изслѣдованія?» Но мы держимся совершенно противоположнаго мнѣнія: въ жизни народа, какъ главное, такъ и частности—суть результатъ тѣхъ историческихъ вліяній, которымъ подпадалъ народъ въ различныя эпохи своей жизни. Всѣмъ извѣстна истина, что всякое явленіе имѣетъ причину; но мы полагаемъ, что всякій съ нами согласится, если мы скажемъ, что, когда извѣстное явленіе, какъ напримѣръ, игра или обрядъ, охватываетъ обширный районъ, то это уже одно указываетъ на древность причины этого явленія, на древность тѣхъ началъ, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась извѣстная игра. У каждаго народа есть своя, ему только принадлежащая, народная игра, а вслѣдствіе этого она вполнѣ и выражаетъ отличительныя особенности народнаго духа.

Чтобы не запутаться въ лабиринтѣ народныхъ игръ, которыхъ очень много въ юго-славянскихъ земляхъ Австріи, мы постараемся привести эти игры въ систему. Сперва скажемъ о дѣтскихъ играхъ; за тѣмъ—о дѣвическихъ, т. е. играхъ красныхъ дѣвицъ;

потомъ—объ играхъ добрыхъ молодцовъ и, наконецъ—объ играхъ, въ которыхъ принимаютъ участіе и мамки и дѣвушки.

I.

Дѣтскія игры: «Банати се»; «купа»; «плочанье»; «плойка»; «изъ кола кучке»; «квочка»; «лапка»; «ліевке»; «навлачкаіа»; «скриванье»; «титра» и «фенъ».—
Дѣвическія игры: «сугребъ» и «лончичакъ».

Юго-славянскія дѣтскія игры, въ большинствѣ случаевъ, кромѣ удовольствія, приносятъ и пользу принимающимъ въ нихъ участіе: онѣ пріучаютъ глазъ и руку ребенка къ мѣткому стрѣлянью въ цѣль и вообще содѣйствуютъ развитію въ ребенкѣ ловкости. Съ этой стороны онѣ не лишены педагогическаго значенія, если мы разъ признаемъ, что цѣль педагогіи—развить силы ребенка сообразно съ тѣми условіями, въ которыхъ придется ему вращаться. Деревенскій воздухъ, здоровая пища и гимнастика, въ замѣнъ которой является цѣлый рядъ игръ, вотъ что способствуетъ развитію крѣпкаго организма, и всѣ эти условія, исключая иной разъ втораго, сгруппировались около молодаго селянина. Можетъ быть многимъ покажется страннымъ, если мы скажемъ, что народъ, создавая для своихъ дѣтей игры, руководился педагогическими инстинктами, которые такъ присущи каждой умной матери, горячо любящей своего ребенка: ей не извѣстны выводы науки, но ея сердце хорошо понимаетъ, что полезно ребенку, что можетъ развить изъ него въ будущемъ хорошаго, полнаго молодыхъ силъ гражданина. Теперь мы скажемъ о самыхъ распространенныхъ играхъ, чтобы во-первыхъ, не навлечь на себя нареканія тѣхъ этнографовъ, которые придаютъ весьма мало значенія этого рода проявленіямъ національнаго характера, а во-вторыхъ, съ цѣлью познакомить читателя съ юго-славянскою жизнью въ важнѣйшихъ ея проявленіяхъ.

Банати се (играть въ бана): Дѣти, вооруженные палками

ками, бросаютъ ихъ и смотрятъ: чья палка упадетъ дальше. Тотъ играющій, котораго палка пролетѣла бо́льшее разстояніе, получаетъ названіе «банъ»; чья же упала ближе всѣхъ, именуется «трля». Этотъ послѣдній, воткнувши свою палку въ землю на томъ мѣстѣ, куда упала палка «бана», собираетъ затѣмъ брошенныя палки и раздаетъ ихъ по принадлежности. «Банъ» вторично бросаетъ свою палку, предварительно закрывъ глаза, чѣмъ выражаетъ, что надѣется только на силу своихъ рукъ. За нимъ всѣ играющіе, по очереди, бросаютъ свои палки въ «трлеву». Это бросанье палокъ продолжается до тѣхъ поръ, пока не собьютъ «трлеву» (на обязанности «трля», собирать и раздавать бросаемыя палки); тогда ее кладутъ горизонтально на землю и снова начинаютъ, по очереди, бросать свои палки въ трлеву. Когда всѣ окончатъ такого рода киданье, то «трля», собравъ палки, начинаетъ уже самъ бросать ихъ въ свою, и чьею палкою попадетъ въ свою, съ тѣмъ мѣняется полемъ; если даже та палка, которою онъ сбилъ свою съ мѣста, принадлежала «бану», въ этомъ случаѣ «банъ» обязанъ играть роль «трли», а онъ— роль «бана». Если же «трля», не обладая достаточною ловкостью, не съумѣетъ попасть въ свою палку, то игра снова начинается: въ этомъ случаѣ «трля» подвигается на одинъ шагъ ближе къ цѣли; для «бана» же наступаетъ второй годъ управленія. Если вторично «трля» не попадетъ въ свою палку, то наступаетъ третій годъ того-же управленія; а затѣмъ уже начинается тотъ періодъ игры, который называется «женитьбою трли». Впрочемъ, дѣти заранѣе условливаются чрезъ сколько игръ будетъ происходить женитьба. Она состоитъ въ томъ, что всѣ играющіе становятся гуськомъ, растопыривая при этомъ ноги такъ, что «трля» можетъ пройти между ногами, при чемъ его ударяютъ палками. Несчастный мальчикъ иной разъ больше поплатится за отсутствіе въ немъ мѣткости и ловкости.

Куна. Играющіе кладутъ на землю четыре орѣха, потомъ одинъ изъ нихъ заходитъ съ одной стороны и бросаетъ игральный орѣхъ (ойнакъ) въ расположенные подъ рядъ орѣхи. Если онъ сшибаетъ подъ рядъ всѣ орѣхи, то беретъ ихъ себѣ; въ противномъ

случаѣ, остальные играющіе начинаютъ, по очереди, метать въ цѣль. Послѣ того, какъ всѣ пустили игральный орѣхъ и не съумѣли однако сшибить означенной цѣли, къ лежащимъ орѣхамъ прибавляютъ еще новые, причемъ каждый ставитъ по одному. Часто можно встрѣтить въ юго-славянскомъ селеніи дѣтей, играющихъ въ «купу»; веселый смѣхъ сопровождаетъ каждый удачный ударъ игральнаго орѣха.

Плочанье. Кладутъ на плиту монету или пуговицу, и бросаютъ въ эту импровизованную цѣль камешками. Кто попадетъ въ монету или пуговицу, тотъ беретъ ее себѣ.

Плойка. Эта игра получила свое названіе отъ округленной плиты (плойка), которая играетъ въ ней главную роль. Къ плойкѣ перпендикулярно прикрѣпляется выполированный камень, который и служитъ цѣлью для играющихъ: отойдя на разстояніе около 50 футовъ, бросаютъ въ него камешки. Это бросанье носитъ на языкѣ юго-славянъ техническое названье—«чиньяти». Бросающій въ цѣль камень обыкновенно при этомъ говоритъ: «кто первый бросаетъ, тотъ первый добываетъ; кто послѣдній бросаетъ, тотъ никогда не добудетъ». Иногда играющіе раздѣляются на двѣ группы и заключаютъ такого рода условіе: если одна изъ группъ попадетъ десять разъ въ цѣль, то составляющіе другую группу должны пронести на своихъ плечахъ побѣдителей отъ мѣста бросанья до цѣли.

Пуцанье у билегу (бросанье въ цѣль). Положивши что-либо на землю, а потомъ отойдя отъ него на нѣкоторое разстояніе, бросаютъ въ него, какъ въ цѣль, камешки: кто въ него попадетъ, тотъ получаетъ за это какой-нибудь подарокъ.

Теперь мы опишемъ дѣтскія игры, въ которыхъ, кромѣ вѣрности глаза, требуется своего рода сноровка и ловкость: онѣ суть слѣдующія:

Изъ кола кучке. Эта игра состоитъ въ томъ, что играющіе, взявъ другъ друга за руки, становятся въ кружокъ; одинъ изъ нихъ называемый «кучка». помѣщается по срединѣ этого кружка; прочіе играющіе передаютъ другъ другу жгутъ, и при этомъ каждый, произнося слѣдующія слова: «хайде изъ кола кучка»,

т. е. выходи изъ кола кучка—спѣшитъ ударить имъ «кучку». Кучка старается выйти изъ круга, сбивъ съ мѣста того, кто его ударяетъ; если онъ въ этомъ успѣетъ, то тотъ, кто сошелъ съ своего мѣста, дѣлается «кучкой»; а прежній «кучка» становится на его мѣсто.

Квочка. Играющіе становятся другъ за другомъ въ одну колонну, берутъ другъ друга за поясъ: стоящій во главѣ этой колонны называется «кобацъ» (копчикъ), вслѣдъ за нимъ помѣщается «квочка» (насѣдка); остальные—же называются «пиличи» (курочки). «Кобацъ», держа въ своихъ рукахъ жгутъ, ходитъ то вправо, то влѣво, произнося при этомъ свои обычныя восклицанія: «у касъ, касъ, касъ!» Квочка—же внимательно слѣдитъ за движеніями кобаца и, зная его умыселъ ударить жгутомъ одного изъ пиличевъ, предостерегаетъ ихъ своимъ крикомъ: «у квоцъ, квоцъ, квоцъ!» Ударенный жгутомъ становится мертвымъ и долженъ оставить колонну.

Такимъ образомъ, чѣмъ чаще дѣлаетъ свои повороты кобацъ, чѣмъ чаще жгутъ его разсѣкаетъ воздухъ, тѣмъ все болѣе и болѣе рѣдѣетъ колонна, такъ что въ концѣ концовъ остается одна квочка. Тогда кобацъ набрасывается на заступницу угнетенныхъ и хочетъ отбить ее на славу; квочка начинаетъ жалобно взывать о помощи: «у квоцъ, квоцъ, квоцъ!» раздается ея голосъ. Въ ту-же минуту пиличи оживаютъ и со всѣхъ концовъ сбѣгаются къ ней на помощь; они отнимаютъ у кобаца жгутъ и начинаютъ имъ бить его самого. Картина перемѣняется: прежній побѣдитель кобацъ начинаетъ орать подъ ударами защитниковъ квочки.

Лапка. Эта игра также извѣстна подъ слѣдующими названіями: «лапта», «пила», «топъ»; она особенно распространена въ Славоніи. Гдѣ только соберется нѣсколько мальчугановъ, то навѣрное у одного изъ нихъ явится счастливая мысль—сыграть въ «лапку»—палочка, дѣлаемая изъ воловьихъ костей. Играющіе раздѣляются на двѣ группы: одна, составляющая «коло», становится внутри круга, начертаннаго на землѣ, а другая—внѣ его. Дѣти, находящіяся въ этой послѣдней группѣ, держатъ свои руки подъ платьемъ, желая скрыть «лапку», которая находится у одного изъ

нихъ. Имѣющій въ рукахъ «лапку» бросаетъ ее въ одного изъ стоящихъ за чертою въ полѣ; затѣмъ вся группа, стоявшая за чертою, разбѣгается. Поймавшій «лапку» старается, въ свою очередь, попасть въ какого нибудь изъ бѣгущихъ. Если въ томъ успѣетъ, то, по правилу игры, принимающіе въ ней участіе должны мѣняться мѣстами—и затѣмъ игра продолжается.

Лѣевке ведется слѣдующимъ образомъ: играющіе становятся въ шеренгу и берутъ другъ друга за поясъ; впереди становится колонновожатый, который держитъ въ рукахъ жгутъ или палку; онъ скачетъ, и при этомъ обращается то въ одну то въ другую сторону и бьетъ жгутомъ или палкою по ногамъ идущихъ за нимъ; тѣ-же вертятся въ различныя стороны, желая избѣгнуть наносимаго удара. Такимъ образомъ дѣти, вертясь, бѣгая, влекутъ иной разъ колонновожатаго туда, куда бы ему вовсе не хотѣлось идти.

Навлачкапа. Положивши свои шапки одна на другую, играющіе становятся вокругъ этой кучки и начинаютъ поочереди сбивать рукою на верху лежащую шапку, но такъ, чтобы не задѣть остальныхъ шапокъ.

Если кому изъ играющихъ удастся сшибить такимъ образомъ шапку, то онъ выбѣгаетъ изъ круга, а прочіе, схвативъ маленькаго ребенка, постоянно находящагося при этой игрѣ, начинаютъ догонять бѣгущаго и, догнавъ стараются ударить его ребенкомъ, котораго они держатъ за руки и за ноги. Разумѣется, положеніе тѣхъ, которые бѣгутъ за побѣдителемъ въ этомъ состязаніи, гораздо хуже этого послѣдняго: они бываютъ обременены ношею, тогда какъ выигравшій бѣжитъ съ пустыми руками; кромѣ того, они должны ударить его такъ, чтобы ему было чувствительно, а вмѣстѣ съ тѣмъ ребенку не было-бы больно.

Скриванье. На одного изъ играющихъ въ этой игрѣ возлагается обязанность прятать вещи и слѣдить за играющими: если кто-либо изъ этихъ послѣднихъ близко подходитъ къ спрятанной вещи, то спрятавшій возглашаетъ «вода»; если-же играющіе находятся далеко отъ этого мѣста, то онъ кричитъ «огонь» и т. д. Когда кто найдетъ спрятанную вещь, то на него возлагается обязанность прятать вещи для слѣдующаго.

Титра. Дѣти бросаютъ въ воздухъ круглые камешки и потомъ на лету ихъ ловятъ.

Фенъ. Играющіе садятся въ кружокъ и бьютъ жгутомъ того, кто находится посрединѣ, и при этомъ они поспѣшно передаютъ другъ другу жгутъ, крича обычныя при этой игрѣ слова: «фенъ, фенъ, фенъ!» Эта игра отличается отъ вышеупомянутой «изъ кола кучке» тѣмъ, что въ первой необходимо было «кучкѣ» согнать съ мѣста ударяющаго его жгутомъ, тогда какъ здѣсь все искуство состоитъ въ умѣньи отыскивать, у кого находится жгутъ: если стоящій въ срединѣ его найдетъ, то онъ мѣняется мѣстами съ тѣмъ, у кого нашелъ.

Игры молодыхъ дѣвушекъ крайне выразительны, полны глубокаго смысла: въ этихъ играхъ то выражается борьба извѣстныхъ чувствъ, проявленіе страсти въ той или другой формѣ и т. д. какъ, напримѣръ въ игрѣ «сугребъ», то высказывается извѣстное воззрѣніе народа на обязанности матери, на отношенія супруговъ и т. д. какъ напримѣръ въ игрѣ «лончичакъ». Въ настоящемъ случаѣ, мы ограничимся описаніемъ означенныхъ двухъ игръ, по коимъ читатель можетъ судить вообще о внутреннемъ содержаніи дѣвическихъ игръ.

Сугребъ (взрытая земля). Часто можно видѣть въ лѣтніе жаркіе дни молодыхъ дѣвушекъ, собравшихся на лугу въ прохладной тѣни вѣтвистыхъ деревъ, чтобы развлечься веселою игрой. Одною изъ любимыхъ игръ красныхъ дѣвушекъ служитъ «сугребъ». Одна изъ дѣвушекъ беретъ въ руку нѣсколько соломенокъ, по числу участвующихъ въ игрѣ, каждая изъ нихъ выдергиваетъ изъ ея рукъ по одной соломенкѣ. Выдернувшая самую длинную, закрываетъ глаза, скрещиваетъ руки и падаетъ на траву: она становится мертвецомъ. Затѣмъ играющія раздѣляются на три группы: однѣ изъ присутствующихъ начинаютъ убирать импровизированную покойницу полевыми цвѣтами, связываютъ платки и дѣлаютъ изъ нихъ саванъ; другія должны плакать надъ ней, третьи пѣть надъ ней жалобныя пѣсни. Мы приведемъ здѣсь начало одной изъ этихъ пѣсней:

«Умерла наша милая Марьюшка, не въ родной семьѣ, на чужой сторонѣ, позовемъ скорѣе сестрицу ея родную, пусть подержитъ надъ

ней свѣчку воска яраго» и т. д. Когда мнимая покойница уже одѣта и убрана цвѣтами, то приходятъ плакать дѣвицы; онѣ начинаютъ выть и при этомъ одна изъ нихъ спрашиваетъ другую: «где тьемо ю закопать?» (гдѣ мы ее закопаемъ); на этотъ вопросъ грустно отвѣчаютъ: «у башчу подъ жуту наранчу» (въ саду подъ жолтымъ померанцевымъ деревомъ). И вотъ, двѣ дѣвушки идутъ прощаться съ молодою покойницею, а потомъ берутъ ее: кто за руки, а кто за ноги, чтобы отнести «мертвеца» въ могилу, чтобы закопать молодую дѣвушку подъ померанцевымъ деревомъ въ саду. Но въ эту минуту дѣвушка-мертвецъ вырывается изъ рукъ ея подругъ, начинаетъ за ними бѣгать и кого поймаетъ, тотъ становится мертвецомъ.

Этотъ призывъ къ жизни такъ чудно веселъ, что выкупаетъ собою тѣ грустныя минуты, которыя испытываетъ посторонній зритель при грустной картинѣ, представляющейся ему въ началѣ игры. Отважный духъ славянки, бодро смотрящей въ глаза смерти, наглядно выражается въ означенной игрѣ. И какая насмѣшка надъ ужасною картиною смерти, въ какой ее себѣ изображаетъ юго-славянинъ! Здѣсь все цвѣтетъ, все зеленѣетъ, все призываетъ въ природѣ къ жизни, и вотъ молодыя дѣвушки, полныя силъ, совершаютъ, среди упоительной природы, обрядъ погребенія, а покойница—иной разъ красавица—лежитъ подъ деревомъ, тихо нагибающимъ надъ ней свои вѣтки подъ тяжестью померанцевъ! «Какъ пріятно встрѣтить смерть, сказалъ намъ одинъ знакомый, съ которымъ мы издали наблюдали эту игру, при такой обстановкѣ». Но молодыя силы берутъ свое; молодость хочетъ жить, наслаждаться жизнью, а не лежать въ темной могилѣ. И вотъ, красавица вскакиваетъ и бросается бѣжать за испугавшимися дѣвушками. И въ этомъ скачкѣ, въ этомъ движеніи впередъ, какъ много молодого, прекраснаго! Игра эта, исполняемая крайне натурально, по истинѣ чудесна: она хороша какъ по своему внѣшнему исполненію, такъ и по внутреннему содержанію.

Лончичакъ. Эта игра состоитъ въ томъ, что дѣвушки становятся въ кружокъ въ трехъ или четырехъ шагахъ одна отъ другой, а передъ собою ставятъ по ребенку; это дитя называется

«лончичъ», а отъ того и самая игра носитъ названіе «лончичакъ». Одна дѣвушка, которая не имѣетъ «лончича», не становится въ кружокъ, а вооружась жгутомъ, обходитъ вокругъ всего кола, говоря: «мали лончичь брзо покипи» и при этомъ ударяетъ всякую дѣвушку, которая обернется назадъ. Но вотъ одна изъ дѣвушекъ, стоящихъ въ колѣ, скажетъ: «на солѐ», т. е., что настало время перемѣнять мѣста, и тутъ-то начинается бѣготня: каждая изъ участвующихъ должна увести съ собой на новое мѣсто своего ребенка, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣвушка, неимѣвшая «лончича» и ходившая со жгутомъ, хочетъ захватить ребенка; подымается возня, пискъ, крикъ. Но вотъ всѣ опять заняли свои мѣста, остававшаяся безъ лончича беретъ жгутъ и начинаетъ ходить вокругъ кола, говоря при этомъ: «мали лончичь брзо покипи». Надо при этомъ замѣтить объ одной характеристической чертѣ этой игры: при передачѣ жгута оставшейся безъ ребенка дѣвушкѣ, передающая ей жгутъ сильно ударяетъ ее по спинѣ, произнося при этомъ поученіе, что такъ должно поступать со всякой женщиной, не берегущей своего ребенка. Смыслъ этой игры также понятенъ: молодость должна рѣзвиться, веселиться, постоянно находиться въ движеніи; но при этомъ постоянно помнить о своихъ обязанностяхъ.

II.

Игры момковъ: «вребацъ»; «жмирке»; «клиссъ»; «крмача»; «лонацъ»; «пазаръ»; «пчела»; «пковати се»; «котачанье»; «тко ти ю э далъ?» и «халка». Игры момковъ и дѣвушекъ: «прстенакъ» и «зобъ».

Происхожденіе большинства игръ момковъ (парней) кроется во времени болѣе или менѣе отдаленномъ, на что указываетъ повсемѣстная ихъ распространенность: игры—«жмирке», «клиссъ» и т. д. Впрочемъ, нѣкоторыя игры, принадлежа къ позднѣйшему времени, составляютъ исключительную собственность извѣстной мѣстности, какъ напримѣръ: «халка», «тко ти

ю э далъ» и т. д. Чтобы установить нѣкоторую систему при разсмотрѣніи игръ мокковъ, мы раздѣлимъ всѣ эти игры на двѣ группы, взявши за основаніе степень ихъ распространенности. Къ первой группѣ мы отнесемъ тѣ игры, которыя можно встрѣтить на всей юго-славянской территоріи, а ко второй только тѣ, которыя носятъ на себѣ лишь мѣстный колоритъ. Въ заключеніе мы скажемъ нѣсколько словъ объ играхъ, въ которыхъ принимаютъ участіе какъ мокки, такъ и дѣвушки.

а. *Объ играхъ общихъ юго-славянской территоріи.*

Вребацъ. Эта игра состоитъ въ томъ, что всѣ играющіе, число которыхъ не должно быть менѣе 8—9 особъ, раздѣляются по жребію на два лагеря. Этотъ жребій является въ видѣ палки, поставленной въ вертикальномъ положеніи, за которую хватаются всѣ, принимающіе участіе въ этой игрѣ; тѣ, которые схватились за палку выше, становятся около «бабы» (т. е. пня, вбиваемаго въ землю), на которой кладется «вребацъ»—обструганная, закругленная палочка,—эти то и составляютъ собою одинъ лагерь. Напротивъ того, тѣ, которые схватились за палку съ нижней ея стороны, образуютъ собою второй лагерь и становятся въ полѣ, поодаль отъ пня. Тотъ, чья рука находилась выше другихъ при бросаніи жребія, ударяетъ палкой «вребацъ», который летитъ по направленію къ стоящимъ въ полѣ; пустившій «вребацъ»—въ то же время бросаетъ и свою палку и бѣжитъ за нею. Стоящіе въ полѣ ловятъ «вребацъ» либо въ руки, либо въ верхнее свое платье, тогда какъ тотъ, который пустилъ «вребацъ» старается унести его съ поля. Если стоящіе въ полѣ не успѣютъ словить вребацъ на лету, то быстро наклоняются къ землѣ, чтобы поднять его, а затѣмъ ударить имъ пустившаго «вребацъ», прежде чѣмъ тотъ, поднявъ свою палку, успѣетъ подойти къ «бабѣ». Если этого послѣдняго съумѣютъ ударить «вребацомъ», то онъ выходитъ изъ круга играющихъ, уступая свое мѣсто слѣдующему, стоящему послѣ него около «бабы». Такимъ образомъ стоящіе вокругъ бабы, мало по малу уходятъ въ поле, а на мѣсто ихъ являются тѣ, которые стояли въ полѣ. Впрочемъ, играющіе мѣняютъ свои роли, если стоящимъ въ полѣ

удается поймать на лету палку. Эта игра весьма схожа съ нашей игрой въ лапту и устраивается почти въ каждый праздникъ послѣ полудня.

Жмирке. Всѣ принимающіе участіе въ этой игрѣ, прежде чѣмъ становиться въ кружокъ, хватаются правою рукой за палку— и чья рука будетъ находиться у нижняго конца палки, тотъ становится «чорава» или «бака»; ему завязываютъ платкомъ глаза. Прочіе играющіе становятся около «баки» въ кружокъ и начинаютъ тихо двигаться въ различныя стороны. «Бака» подходитъ къ кому-либо изъ стоящихъ въ кружкѣ и ударяетъ около него ногой по землѣ; тогда коло останавливается, и тотъ, около кого бака ударила по землѣ, долженъ подать голосъ. Разумѣется издающій голосъ долженъ измѣнить его по возможности: то онъ кричитъ по пѣтушьему, то шипитъ или чавкаетъ. Если «бака» по голосу узнаетъ кричавшаго, то мѣняется съ нимъ мѣстами; если-же нѣтъ, то коло продолжаетъ двигаться. Положеніе человѣка не одареннаго способностью чуткаго слуха крайне непріятно въ этой игрѣ; потому что если «бака» долгое время не можетъ отгадать по голосу кричавшаго, то ее начинаютъ щипать, кричать ей подъ самое ухо, шутить надъ ея неумѣніемъ вести собственныя дѣла— при всемъ этомъ быстро поворачивается коло, чтобы заглушить одинъ голосъ другимъ и сдѣлать для нея еще болѣе труднымъ разрѣшеніе задачи.

Клиссъ. Для этой игры необходимы слѣдующія принадлежности: а) «конь» небольшая дощечка, которая во время игры кладется на землю; б) «клиссъ»—палочка, хорошо обструганная со всѣхъ сторонъ; короче выше названной; в) «палицы» и наконецъ г) «трлицы»—вѣтвистыя палки, съ помощью которыхъ играющіе отбиваютъ другъ у друга брошенный «клиссъ». Участвующіе въ этой игрѣ раздѣляются на двѣ партіи: одна пускаетъ «клиссъ», т. е. положа на коня «клиссъ», ударяетъ по немъ «палицей»; другая же партія пущенный такимъ образомъ «клиссъ» или отбиваетъ «трлицами» или же старается поймать его руками и, въ свою очередь, бросаетъ назадъ «клиссъ», стараясь сбить имъ «коня», тогда какъ тотъ, кто пустилъ «клиссъ», старается защитить «коня» своей «палицей».

Если кому-либо изъ отбивающихъ «клиссъ» удастся имъ сшибить «коня» или такъ удачно бросить «клиссъ», что онъ упадетъ около «коня», то, по правилу игры, участвующіе въ ней должны перемѣниться мѣстами. При этомъ мы должны замѣтить, что если тотъ, кто отбиваетъ пущенный «клиссъ», ударяетъ по немъ «трлицей» такъ неловко, что клиссъ падаетъ вблизи отъ того мѣста, гдѣ онъ былъ отбитъ, тогда отбившій клиссъ спѣшитъ закричать «пикъ», что означаетъ необходимость снова бросить клиссъ. Но если кто-либо изъ противоположной партіи успѣетъ схватить «клиссъ» и закричитъ «не пикъ», то уже нельзя снова перебрасывать «клиссъ». Когда въ теченіи положеннаго срока, противоположная партія не съумѣетъ не только сшибить «коня», но даже и отбить «клисса», то наступаетъ финалъ этой игры. Представители обѣихъ партій измѣряютъ «палицей» разстояніе отъ мѣста нахожденія «клисса» до коня», и сколько помѣстится въ этомъ пространствѣ палицъ, столько разъ проигравшіе должны, по означенному пространству, пронести на себѣ выигравшихъ. Часто можно видѣть высокаго, полнаго мужика, помѣщающагося на спинѣ своего противника — худенькаго, тщедушнаго: несчастный жмется, ёжится, но все-таки долженъ пронести побѣдителя узаконенное число разъ по опредѣленному пространству.

Крмача. Эта игра состоитъ въ томъ, что играющіе, ставши въ трехъ-четырехъ шагахъ другъ отъ друга, образуютъ собою кругъ и каждый на своемъ мѣстѣ роетъ ямку, называемую «кутья» (домъ); посрединѣ—же круга вырывается ямка по размѣру бо́льшая, чѣмъ всѣ остальныя. Затѣмъ каждый ставитъ въ вырытую ямку палку, а стоящій посрединѣ «крмачаръ» пускаетъ по землѣ небольшую палочку, называемую «крмача». Вся ловкость играющихъ употребляется на то, чтобы отбить «крмачу» и притомъ такъ, чтобы «крмачаръ» не успѣлъ поставить своей палки въ одну изъ опорожнившихся ямокъ. Если «крмачаръ» въ этомъ успѣетъ, то онъ уступаетъ свою роль неловкому своему противнику.

Лонацъ. Названіе этой игры происходитъ отъ лаханки (по юго-славянски—«лонацъ»), въ которую каждый изъ играющихъ кладетъ монету. Потомъ ставятъ эту лаханку на землю и выбираютъ по жребію изъ своей среды одного, которому завязываютъ глаза и даютъ

въ руки палку. Затѣмъ берутъ его за руку и обводятъ три раза вокругъ лаханки: если удастся послѣ этого ударить палкою о лаханку, то онъ получаетъ всѣ монеты, лежащія въ ней. Если же—нѣтъ, то снова бросаютъ жребій и съ избраннымъ повторяютъ описанную процедуру.

Пазаръ (базаръ). Момки, собравшись на лугу и разведши тамъ огонь, усаживаются вокругъ него, одинъ изъ нихъ посрединѣ. Игра начинается тѣмъ, что кто-либо изъ участвующихъ въ ней начинаетъ говорить, подражая рѣчи торговца: «я продамъ свешто имамъ, што тье тко купити? Я продамъ вола, коня, краву, кокоша и т. д.», т. е. я продамъ все что имѣю: кто что хочетъ купить? Я продамъ вола, коня, корову, курицу и т. д. Сидящій посрединѣ заявляетъ свое желаніе купить курицу: «я тью купить кокоша», т. е. я хочу купить курицу. Затѣмъ торговецъ спрашиваетъ, по очереди, каждаго изъ сидящихъ въ кружкѣ, что онъ желаетъ купить. Послѣ того, какъ всѣ сидящіе въ кружкѣ заявили свои желанія купить извѣстныхъ животныхъ, стоящій въ срединѣ говоритъ: «я самъ біо волъ, отъ вола и отецъ мой біо», т. е. я самъ былъ воломъ и отецъ мой былъ воломъ; слѣдующій затѣмъ величаетъ себя конемъ: «я самъ біо конь, отъ коня и отецъ мой біо» и т. д. Такимъ образомъ, происходитъ метаморфоза: играющіе превращаются въ животныхъ, если вѣрить убѣдительной рѣчи каждаго изъ нихъ, что отцомъ его былъ или волъ или конь и т. д. Затѣмъ каждый покупщикъ долженъ схватить купленное имъ животное: если-же кто спутается въ этой суматохѣ и начнетъ хватать другое, то онъ долженъ дать штрафъ, т. е. какую-либо вещь. Въ концѣ игры эти вещи раздаются между играющими.

Пчела. Въ началѣ этой игры, играющіе выбираютъ изъ своей среды «газду» (хозяина) и «татя» (вора), имѣющихъ въ ней наибольшее значеніе. Затѣмъ всѣ садятся за столъ, въ томъ числѣ и «газда» и наклоняютъ голову, чтобы не видѣть, что около нихъ будетъ происходить. Когда всѣ такимъ образомъ разсядутся, то «тать» беретъ палку и ходитъ съ нею около стола, ударяя ею по землѣ. Въ это время между имъ и «газдою», который при этомъ не смѣетъ поднять головы, происходитъ слѣдующій разговоръ: «тко то куше туче?»

т. е. кто это кумъ тамъ стучитъ? спрашиваетъ «газда» «татя». «Я, куме, я», отвѣчаетъ тать. «Не мой ми койе пчелице украсть» (не смѣй украсть у меня какой-либо пчелы), возражаетъ ему «газда». Въ это время «тать», ударивъ палкою сидящаго за столомъ на самомъ далекомъ отъ газды мѣстѣ, а потомъ, взявъ ударенного за руку, уводитъ въ другую комнату и при этомъ говоритъ «газдѣ»: «нетрю куме не дó Богъ» (не хочу, куме, не дай Богъ). Ведя этого рода разговоръ съ газдой, «тать» мало по малу уводитъ съ собой всѣхъ играющихъ. Когда остается въ комнатѣ одинъ только «газда», то онъ поднимаетъ голову и, замѣтивъ, что уже нѣтъ больше тамъ пчелъ, спрашиваетъ «татя»: «куме, э сил' видио мое пчелице?» (кумъ, не видѣлъ-ли ты моихъ пчелъ). На это получаетъ слѣдующій отвѣтъ: «ни самъ куме, не дó Богъ!» (нѣтъ, кумъ, не дай Богъ). Тогда «газда» проситъ «татя» идти за нимъ вмѣстѣ отыскивать украденныхъ пчелъ: «помози ми, куме, мое пчелице тражить», говоритъ «газда»; на что «тать» отвѣчаетъ: «хотю, куме, дао Богъ» (готовъ, куме, дай Богъ). Оба они идутъ искать пчелъ и когда «газда» увидитъ ихъ, то обыкновенно кричитъ съ радостью: «видишь, куме, мое пчелице?» (видишь-ли кумъ моихъ пчелъ). Хитрый «тать» дѣлаетъ видъ, какъ будто не узнаетъ пчелъ «газды», говоря: «ни су, куме, не дó Богъ» (не онѣ, не дай Богъ). Газда, узнавши своихъ пчелъ, сердится на него и кричитъ: «мойе пчеле овамо айдете» (мои пчелы приходите сюда). Послѣ этихъ словъ между пчелами происходитъ драка: однѣ, въ большинствѣ случаевъ, дѣвушки хотятъ перейти къ «газдѣ», другія-же, сторонники «татя», не хотятъ допустить такого перехода. Обѣ стороны дерутся, бьютъ другъ друга по чему попало и эта битва продолжается до тѣхъ поръ, пока или одна изъ сторонъ не одолѣетъ другую или-же «газда» не заключитъ съ «татемъ» перемиріе. «Газда» уводитъ съ собой своихъ приверженцевъ-пчелъ, остальныя-же пчелы обращаются въ осъ.

Шковати се. Играющіе очищаютъ стебли растенія рисъ отъ листьевъ; потомъ каждый изъ нихъ беретъ въ руку чётное число такихъ стеблей, а затѣмъ начинаютъ перебрасывать эти стебли изъ одной руки въ другую, предварительно условившись, чрезъ сколько такихъ перебрасываній, слѣдуетъ игру прекратить. Если у кого, по

окончаніи перебрасываній, окажется нечётъ стеблей, тому даютъ столько ударовъ по рукамъ, сколько у него находится стеблей.

б) *Объ играхъ, принадлежащихъ извѣстнымъ мѣстностямъ.*

Котачанье. Эта игра преимущественно распространена въ Славоніи. Играющіе раздѣляются на два лагеря: одни берутъ деревянный обручь (котачь) и кидаютъ его; другіе-же ловятъ его на длинную палку, на концѣ которой обыкновенно бываетъ горизонтально придѣлана небольшая палочка. Словивъ обручь, они бросаютъ его обратно. Такимъ образомъ, играющіе обходятъ село, перебрасывая другъ другу обручь.

Тко ти ю э далъ? т. е. кто тебѣ то далъ? Это—любимая игра пастуховъ приморской Хорватіи. Она происходитъ слѣдующимъ образомъ: играющіе выбираютъ, по жребію, между собою одного и покрываютъ ему голову какой-либо одеждой. Затѣмъ каждый изъ участвующихъ ударяетъ по головѣ сидящаго подъ покрываломъ, спрашивая его: «тко ти ю э далъ?»; если онъ угадаетъ того, кто его ударилъ, то мѣняется съ этимъ послѣднимъ мѣстами.

Халка. Подъ этимъ именемъ извѣстны въ Далмаціи народныя игры, которыя образовались подъ вліяніемъ какого-либо политическаго событія. Такъ, напримѣръ, въ воспоминаніе того, что городъ Задаръ былъ присоединенъ въ 1409 году къ Венеціи и въ воспоминаніе того, что венеціанское правительство стало оказывать свое вооруженное содѣйствіе обывателямъ этого города въ войнѣ ихъ съ турками, была устроена народная игра «халка», которая въ настоящее время обыкновенно происходитъ 9-го іюня, т. е. въ день присоединенія города Задра къ Венеціи: момки въ народныхъ костюмахъ, съ мечомъ въ рукахъ, идутъ на войну противъ такого-же числа момковъ, изображающихъ собою турецкихъ ратниковъ. Для увѣковѣченія памяти о побѣдѣ, одержанной жителями города Синя въ 1717 году надъ турками, было положено ежегодно устроивать народную игру—«халка» или «джилитанъ». Впрочемъ, эта игра имѣетъ свою исторію. Во время владычества венеціанцевъ въ Далмаціи, она происходила при болѣе торжественной обстановкѣ, чѣмъ въ послѣдующее затѣмъ время. Венеціанское прави-

тельство ассигновывало значительную сумму, чтобы лица, принимавшія участіе въ этой игрѣ, были одѣты въ роскошные національные костюмы. Французы смотрѣли на эту игру, какъ на народную демонстрацію, какъ на стремленіе народа къ независимости, самостоятельности. Поэтому французы не только не выдавали никакой денежной субсидіи на устройство этой игры, но даже относились къ ней враждебно. Весьма естественно, что и самая игра стала утрачивать значеніе народнаго праздника и стала происходить при крайне бѣдной обстановкѣ. Въ 1813 году, Далмація, какъ извѣстно, перешла во власть Австріи. Въ 1818 году, когда австрійскій императоръ Францъ I посѣтилъ Далмацію, была устроена въ честь его въ городѣ Синѣ «халка»; начиная съ 1820 года она обыкновенно происходитъ въ день тезоименитства австрійскаго императора. Въ настоящее время игра эта обставлена нѣкоторою торжественностью. На особо приготовленныхъ мѣстахъ садятся почотные гости, а также главные распорядители, которые бываютъ уполномочены произносить мнѣніе — кому изъ играющихъ принадлежатъ воинскіе лавры? По обѣимъ сторонамъ дороги, на которой происходитъ эта игра, народъ стоитъ толпами. Въ этой игрѣ могутъ принимать участіе только тѣ уроженцы синьскаго уѣзда, которые извѣстны своимъ хорошимъ поведеніемъ. «Халкари» т. е. момки, принимающіе участіе въ «халкѣ», надѣваютъ голубаго цвѣта жилетъ съ серебряными пуговицами; того же цвѣта узкіе суконные штаны, обшитые серебрянымъ галуномъ; высокіе сапоги съ серебряными кисточками; подпоясываются красными поясами; поверхъ всего этого надѣваютъ на распашку длинный, голубаго цвѣта плащъ (долома), украшенный спереди серебряными пуговицами и шнурками; на головѣ — мѣховая шапка съ перьями. Вооружившись саблями въ серебряныхъ ножнахъ и взявши въ правую руку копья, они садятся на красивыхъ коней, вложивши пистолеты въ кобуры. Каждому «халкару» прислуживаетъ момокъ, одѣтый въ праздничный національный костюмъ. Въ назначенный часъ, всѣ «халкари» со своей свитой собираются на дворѣ Алай-Чауша, который играетъ роль, такъ сказать, церемоніймейстера на этомъ народномъ поединкѣ; затѣмъ «халкари», имѣя во главѣ Алай-Чауша, отправляются къ дому «вождя», который будетъ предводительство-

вать момками, принимающими участіе въ игрѣ «халка». Отсюда этотъ импровизированный эскадронъ всадниковъ отправляется къ опредѣленному для игры мѣсту въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди всѣхъ ѣдетъ верхомъ «харамбаша», который играетъ роль помощника вождя; за нимъ идутъ музыканты, далѣе идетъ пѣхотинецъ съ круглымъ щитомъ на груди, а по сторонамъ его идутъ двое, неся по палицѣ (буздоханари); за ними ведется великолѣпно убранный и вооруженный кобурами и саблями конь «вождя»: этотъ конь носитъ особое названіе — «ядекъ», за конемъ идетъ знаменьщикъ (байрактаръ), имѣя съ каждой стороны по одному момку; наконецъ, по два въ рядъ, гордо выступаютъ «халкари» въ сопровожденіи своей свиты; посреди «халкаровъ» ѣдетъ верхомъ самъ «вождь», окруженный своею свитой, сзади всѣхъ—Алай-Чаушъ. Когда вся эта процессія достигаетъ назначеннаго мѣста, то всѣ «халкари» проѣзжаютъ мимо своего «вождя», отдавая при этомъ воинскую честь копьями. За тѣмъ начинается игра. Съ опредѣленнаго мѣста, «халкари» одинъ за другимъ несутся на своихъ коняхъ по направленію къ висящему желѣзному кольцу (халка): все ихъ искуство заключается въ томъ, чтобы на всемъ скаку попасть копьемъ въ цѣль т. е. въ висящее кольцо. Если кто изъ нихъ съумѣетъ три раза попасть въ цѣль, тотъ почитается побѣдителемъ. Побѣдитель отправляется къ себѣ въ домъ въ сопровожденіи музыкантовъ, вождя «халкаровъ» и толпы народа. Описанная нами игра является, такъ сказать, національнымъ праздникомъ; присутствующіе при этомъ игрищѣ невольно воспоминаютъ давно-минувшіе дни, когда ихъ предки, полные молодыхъ силъ, сражались за свою независимость. Хотя эти юго-славянскіе юнаки уже давно почили, но слава о нихъ свято и съ достоинствомъ сохраняется ихъ потомками, которые одарены тою-же неустрашимостью, ловкостью, которая такъ часто выручала юнаковъ въ минуту грозящей имъ опасности.

Игры момковъ и дѣвушекъ рѣзко отличаются отъ всѣхъ вышеописанныхъ тѣмъ, что не требуютъ ни ловкости, ни развитости физической стороны принимающихъ въ нихъ участіе. Онѣ не могутъ быть названы гимнастикою, такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, состоятъ въ хожденіи изъ одного мѣста въ другое. Для играющихъ

парней важенъ въ этой игрѣ не процессъ игры, а присутствіе молодыхъ, красивыхъ дѣвушекъ; этотъ элементъ оживляетъ однообразную, скучную игру, какою обыкновенно является игра мужковъ совмѣстно съ дѣвушками. Мы приведемъ двѣ такихъ игры: «прстенакъ» и «зобъ».

Прстенакъ. Эта игра получила свое названіе отъ перстня, который имѣетъ въ ней нѣкоторое значеніе. Играющіе мужки и дѣвушки становятся въ кружокъ и вытягиваютъ сзади себя руки, такъ что руки одного играющаго прикасаются къ рукамъ другаго. Одна изъ дѣвушекъ, называемая «судацъ» (судья), беретъ шапку, которая носитъ техническое названіе «погорелица»; положивши въ нее перстень, почему и самая игра носитъ названіе «прстенакъ», она начинаетъ обходить играющихъ и дѣлаетъ видъ, будто кладетъ имъ въ руки перстень. Положивши въ чью-либо руку перстень, она все-таки продолжаетъ подходить къ каждому играющему, пока не обойдетъ всего кружка. Затѣмъ дѣвушка-судья отзываетъ въ сторону двухъ дѣвушекъ, изъ которыхъ одна носитъ названіе «ангела», а другая «дьявола»; онѣ-то и должны отгадать, въ чьихъ рукахъ находится перстень. Ангелъ имѣетъ право три раза отгадывать; если отгадаетъ, у кого находится перстень, то отводитъ его въ сторону, въ мѣсто, называемое «райемъ». Если-же ангелъ въ продолженіи трехъ разъ не отгадаетъ, то онъ долженъ удалиться и на сцену выступаетъ дьяволъ, который пользуется правомъ отгадывать только два раза; если онъ отгадаетъ у кого находится перстень, то отводитъ его въ противоположную сторону, называемую «адомъ», а если не отгадаетъ, то «судацъ» снова беретъ перстень и начинаетъ ходить кругомъ. Это отгадываніе повторяется до тѣхъ поръ, пока всѣ играющіе не будутъ выведены изъ кружка ангеломъ или дьяволомъ. Затѣмъ ангелъ, дьяволъ и «судацъ», составивши изъ себя совѣтъ, берутъ по палкѣ и, сдѣлавши на нихъ замѣтки, кладутъ ихъ на землю. Эти палки называются «мостомъ». Затѣмъ зовутъ сначала тѣхъ, которые находятся въ райѣ, а потомъ тѣхъ, которые — въ адѣ. Каждый, переходя чрезъ «мостъ», долженъ ступить ногою на одну изъ палокъ, незная, впрочемъ, кому изъ нихъ она принадле-

житъ; «судацъ» замѣчаетъ: кто вступилъ на палку — ангела или дьявола или «судаца», а сообразно съ этимъ размѣщаетъ играющихъ на три группы. Такъ, тѣ, которые наступили на палку ангела, уводятся имъ въ рай; другіе должны слѣдовать за дьяволомъ въ адъ; а наступившіе на палку, принадлежащую «судцу», отпускаются имъ на волю. Эта игра весьма схожа съ нашею игрой «хоронить золото».

Зобъ. Когда момки и дѣвушки соберутся въ чьемъ-либо домѣ (это — забава зимняя), то выбираютъ, изъ среды дѣвушекъ, двухъ, изъ коихъ одна получаетъ названіе «судацъ», а другая — «капетанъ». Вообще въ капетаны выбирается дѣвушка веселаго характера, которая умѣетъ посмѣшить играющихъ. Затѣмъ играющіе момки и дѣвушки образуютъ собою коло. «Капетанъ» подходитъ къ каждому изъ нихъ и говоритъ: «пошто куме зобъ?» то есть: кумъ, почемъ овесъ? каждый опредѣляетъ затѣмъ цѣну «зоба» (овса). «Капетанъ» не соглашается, находя цѣну крайне высокой и начинаетъ торговаться: торгъ продолжается до тѣхъ поръ; пока продавецъ «зоба» не разсмѣется или не повторитъ уже разъ произнесенное слово. Тогда «капетанъ» беретъ съ него въ залогъ какую-либо вещь, какъ-то: платокъ, цвѣтокъ и т. п. и кладетъ ее въ платокъ. Когда бываетъ собрано нѣсколько такихъ залоговъ, то «судацъ» и «капетанъ» становятся посреди кола. Затѣмъ «капетанъ» прежде, чѣмъ вынуть изъ платка какую-либо вещь, спрашиваетъ «судаца»: что заслужилъ тотъ, чей залогъ въ моей рукѣ? «Судацъ» произноситъ свое рѣшеніе. Если рѣшеніе очень строго, то «капетанъ» можетъ, съ дозволенія всѣхъ играющихъ, смягчить его; но не вправѣ увеличивать наказаніе. Въ большинствѣ случаевъ наказаніе состоитъ въ томъ, что тотъ, чей залогъ вынется, долженъ или поцѣловать поочередно всѣхъ играющихъ, или сказать каждому изъ участвующихъ въ игрѣ три истины и три лжи и т. д. Въ этомъ случаѣ открывается югославянскимъ момкамъ обширное поле для остроумія; они могутъ сдѣлать очень пріятныя замѣчанія о добродѣтеляхъ любимыхъ ими особъ и ѣдкою выходкою отомстить кому слѣдуетъ за нанесенную ранѣе обиду. Эта игра называется «зобъ» отъ того, что главнымъ предметомъ смѣха и веселія служитъ торговля зобомъ.

Народные танцы.

Народные танцы являются одною изъ существенныхъ принадлежностей народнаго быта. Посмотрите на русскаго, подъ звуки гармоніи пляшущаго, съ педантическою отчетливостью, русскую, или на итальянца, танцующаго «tarantella», подъ звуки мандолины. Какая громадная разница: человѣкъ, вполнѣ незнакомый съ характеромъ этихъ народовъ, получитъ изъ ихъ танцевъ понятіе о великомъ спокойствіи, обдуманности въ каждомъ движеніи, присущей нашей націи и о жгучей страстности южнаго темперамента итальянца. И поэтому чтобы дополнить картину жизни юго-славянина, чтобы еще больше познакомиться съ его національнымъ характеромъ, мы должны описать народные танцы. Танцы эти, хотя и крайне монотонны, дороги однако народу подобно тому, какъ дорого художнику произведеніе, созданное его геніемъ. Впрочемъ въ послѣднее время, и городское славянское населеніе, подъ вліяніемъ народнаго начала, стало охотно вводить народные танцы на праздники, устраиваемые въ народныхъ читальницахъ. Мы не считаемъ лишнимъ при этомъ замѣтить, что обыкновенными акомпаниментами для танцующаго селянина служатъ слѣдующіе инструменты: «тамбурица» (родъ трехструнной небольшой гитары, на которой играютъ очиненнымъ перомъ); «шаркія» большая тамбурица съ двумя струнами и «жвиглица» (свиралька) деревянный инструментъ въ родѣ волынки. Впрочемъ въ приморской Хорватіи этотъ инструментъ носитъ названіе «тороро». Теперь представимъ краткій очеркъ танцевъ австрійскихъ юго-славянъ.

Коло. Этотъ танецъ является самымъ любимымъ и распространеннымъ, поэтому мы и займемся поподробнѣе его описаніемъ. Надлежитъ при этомъ замѣтить, что, во время этого танца, поются пѣсни, нарочно составленныя народомъ для коло. Вотъ начала такихъ пѣсенъ:

О хватайсе, брате, брата
Нек се сестра сестре хвата и т. д.

или же

Айд' у коло, сестра моя, и т. д.
(Ступай въ коло, сестра моя).

Распорядитель танца подаетъ знакъ сельскому музыканту, который начинаетъ играть на самодѣльномъ инструментѣ интродукцію. Момокъ спѣшитъ просить дѣвушку танцовать съ нимъ любимый его танецъ. Музыка продолжаетъ звучать однообразно. Составляются пары, которыя занимаютъ свои мѣста: дѣвушка даетъ правую руку своему танцору, который стоитъ отъ нея справа, а лѣвую—танцору, влѣво отъ нея стоящему. Такимъ образомъ танцующіе устанавливаются въ кружокъ, образуютъ «коло».

Интродукція кончилась; распорядитель танца спѣшитъ подать знакъ музыканту, чтобы онъ игралъ «коло». Танцующіе отодвигаютъ лѣвую ногу влѣво—это первая четверть такта, потомъ протягиваютъ правую ногу за лѣвою на такомъ разстояніи, чтобъ пятка правой ноги была немного прикрыта пяткою лѣвой ноги—это вторая четверть, потомъ отодвигаютъ еще разъ лѣвую ногу влѣво, какъ сдѣлали это первый разъ, что образуетъ третью четверть, послѣ этого правую ногу ставятъ предъ пяткою лѣвой, это четвертая четверть перваго такта. За тѣмъ отодвигаютъ правую ногу уже вправо—это пятая четверть (или иначе сказать, первая четверть втораго такта); послѣ этого протягиваютъ лѣвую ногу предъ пяткою правой—это шестая четверть. Такимъ образомъ лѣвою ногою дѣлаютъ первую четверть втораго такта. За тѣмъ коло снова двигается влѣво тѣмъ-же размѣромъ, такъ что шагъ коло состоитъ изъ шести четвертей. Танцующіе должны стараться, на сколько возможно, дѣлать маленькіе шаги, такъ какъ танецъ выглядитъ, въ такомъ случаѣ, гораздо граціознѣе. И такъ, дѣлая два шага влѣво, а одинъ шагъ вправо, коло тихо подвигается справа на лѣво.

Кромѣ описаннаго нами «коло», существуютъ и другіе виды этого народнаго танца, а именно: а) «наклонъ» (привѣтствіе); б) «вѣнацъ» (вѣнецъ); в) «ланацъ» (цѣпь); г) «звѣзда»; д) «прстенци» (перстни) и е) «иллирійскій гербъ». По интродукціи музыканта можно знать: какое именно коло будетъ танцоваться. Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ упомянутыхъ видахъ народнаго танца «коло».

а) «Наклонъ». Дѣвушки, образовавши кружокъ, среди котораго становятся момки, начинаютъ сѣменить ногами. Момки, ставши

первоначально спиной къ своимъ, поворачиваются лицомъ и происходятъ затѣмъ взаимные поклоны. Мошки, дѣлая обыкновенныя па коло, подвигаются мало по малу въ лѣвую сторону и раскланиваются съ дамами, vis-à-vis ихъ находящимися. Эта фигура кончается тогда, когда мошки, обошедши всѣхъ дамъ, принимающихъ участіе въ этомъ танцѣ, снова будутъ vis-à-vis своихъ дамъ, которыя, оставивъ своихъ кавалеровъ, продолжаютъ сѣменить ногами.

б) «Вѣнацъ». Кавалеры, давши правыя руки своимъ дамамъ, начинаютъ выдѣлывать па вокругъ своихъ дамъ, которыя не покидаютъ своихъ мѣстъ и во все это время сѣменятъ ногами.

в) «Ланацъ». Танцующіе образуютъ собою родъ цѣпи, а именно: кавалеры даютъ правую руку своимъ дамамъ, а лѣвую сосѣднимъ имъ дамамъ. При каждомъ тактѣ музыки, танцующіе вертятся: кавалеры влѣво, а дамы вправо. Эта фигура довольно однообразна: образовавъ цѣпь, танцующіе не прерываютъ ея впродолженіе всей фигуры.

г) «Звѣзда». Дамы, давши правыя руки своимъ кавалерамъ, подаютъ лѣвыя руки другимъ танцующимъ дамамъ и образуютъ собою такимъ образомъ звѣзду. Дамы выдѣлываютъ обыкновенныя па коло, а кавалеры обязаны оставаться на своихъ мѣстахъ. При второмъ тактѣ музыки, дамы опускаютъ правыя руки своихъ кавалеровъ и берутъ лѣвыя ихъ руки. Тогда мужчины, въ свою очередь, образуютъ собою звѣзду и подаютъ другъ другу лѣвыя руки. При третьемъ тактѣ, мужчины опускаютъ лѣвыя руки своихъ дамъ и танцуютъ уже не съ своею дамою, а съ сосѣднею, вводя ее лѣвою рукою, впродолженіи третьяго такта, въ кругъ для образованія звѣзды; за тѣмъ снова происходитъ обмѣнъ рукъ и мужчины опять становятся въ средину и составляютъ звѣзду. И это продолжается до тѣхъ поръ, пока каждый танцоръ не протанцуетъ со всѣми дамами. Когда онъ дойдетъ до своей дамы, то онъ уже болѣе не танцуетъ съ ней, но остается совершенно спокойно въ кругу.

д) «Прстенци». Коловожатый беретъ первую пару и находящуюся vis-à-vis съ ней пятую и вводитъ ихъ въ средину коло. Пары эти, давши другъ другу руки, выдѣлываютъ па коло, а затѣмъ возвращаются на прежнее мѣсто. Послѣ этого третья пара съ

седьмой и четвертая съ восьмой должны дѣлать тоже самое, что покончила первая пара съ пятой. За тѣмъ три пары изъ танцующихъ становятся въ колонну и подымаютъ руки, образуя, такимъ образомъ, родъ свода. Впрочемъ мужчины должны стоять въ нѣкоторомъ разстояніи отъ женщинъ, дабы другія пары, принимающія участіе въ этомъ танцѣ, могли пройти подъ этимъ импровизованнымъ сводомъ. Когда эти пары, танцуя извѣстныя па коло, подъ нимъ пройдутъ, тогда слѣдующія три пары становятся въ то положеніе, въ какомъ раньше находились первыя три пары, а остальные танцующіе, сдѣлавши небольшой поворотъ, проходятъ подъ вторично импровизованный сводъ. Когда всѣ пары образуютъ, поочередно, сводъ, а остальныя пары пройдутъ подъ нимъ, тогда этимъ и заканчивается танецъ.

е) «Иллирійскій гербъ». Этотъ танецъ состоитъ въ томъ, что три пары, по назначенію коловожатаго, должны встать въ такое положеніе, чтобы составилась звѣзда; а остальныя пары, держа другъ друга за руки, кромѣ послѣднихъ, образуютъ такимъ образомъ полумѣсяцъ. Пары, входящія въ составъ полумѣсяца, танцуютъ немного поодаль отъ образовавшихъ звѣзду. Иногда-же одна или двѣ пары отдѣляются отъ полумѣсяца и, немного потанцовавъ отдѣльно, опять присоединяются къ полукружію.

Не смотря на монотонность народнаго танца «коло» во всѣхъ его видахъ, онъ не принадлежитъ къ числу легко-танцуемыхъ: для него необходима извѣстная снаровка.

Повратанацъ. Принимающіе въ немъ участіе берутся за руки, какъ и въ коло, но вмѣсто того, чтобы образовать кружокъ, они становятся попарно, образовавъ собою полукружіе и имѣя въ первой парѣ своего «коловодья». Потанцовавъ немного на одномъ мѣстѣ, всѣ танцующіе начинаютъ дѣлать одинъ шагъ впередъ и полшага назадъ и при этомъ распѣваютъ слѣдующую пѣсню:

Коловодья коловоди
Притуцало *) за нимъ ходитъ и т. д.

---

*) Притуцало—послѣдній въ хороводѣ; имъ бываетъ чаще всего острякъ или шутникъ.

Коловодья, идя впередъ, выдумываетъ различныя фигуры. Такимъ образомъ веселость этого танца зависитъ отъ изобрѣтательности вожака.

Ястучакъ или *Ванкушакъ* *). Этотъ танецъ очень похожъ на коло; отличается отъ него только тѣмъ, что сюда вводится новая фигура съ подушкой (ястукъ) отъ которой и самый танецъ получилъ такое названіе. Когда коло начинаетъ двигаться и участвующіе въ немъ распѣвать свои обычныя пѣсни, тогда одинъ изъ момковъ, чье имя упоминается въ пѣсни, выходитъ изъ коло, беретъ въ руки подушку и кладетъ ее около ногъ той дѣвушки чье имя было произнесено въ пѣснѣ. За тѣмъ оба они момокъ и дѣвушка должны опуститься на колѣни на подушку и, поцѣловавшись, повернуться въ противоположныя стороны. Послѣ этого момокъ и дѣвушка возвращаются на свои мѣста въ коло; только что описанное повторяется до тѣхъ поръ, пока всѣ принимающіе участіе въ этомъ танцѣ не выйдутъ изъ коло и не совершатъ обряда цѣлованія.

Танацъ. Момокъ подходитъ къ дѣвушкѣ, которая кладетъ лѣвую руку ему на плечо, а правою рукою беретъ его за поясъ. Эта пара, подъ звуки музыки, отплясываетъ нѣсколько круговъ, а потомъ расходится. Во время пляски, момки поютъ различныя пѣсни, какъ напримѣръ:

Свиряй, свиряй до зоре,
Мене ноги не боле и т. д.

(Играй, играй до зари, ноги у меня не болятъ).

или же

Свиряй, свиряй гайдашичу
Дать тьемо ти дѣвойчицу,
Теби эдну, мене двѣ;
Ти се сердишь, а я—не и т. д.

(играй, играй на волынкѣ, мы тебѣ дадимъ дѣвушку; тебѣ одну, а мнѣ двѣ; ты сердишься, а я нѣтъ).

Поскочница. Этотъ народный танецъ служитъ, можно сказать, отличительною чертой жителей мѣстности Жупы, лежащей вблизи города Дубровника. Селянинъ беретъ трехструнную

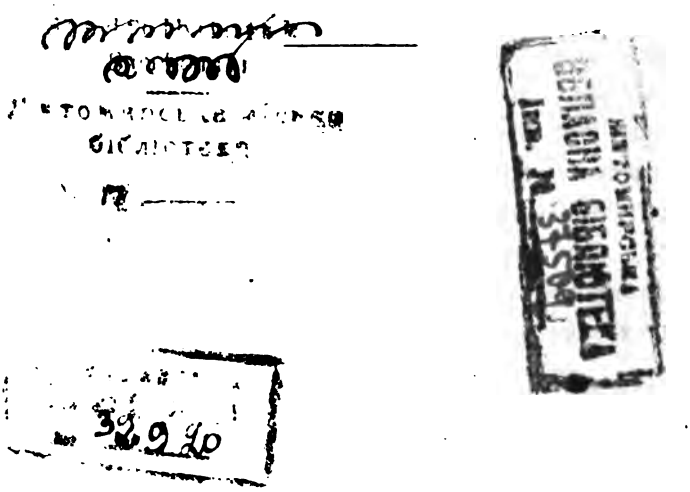
*) Слово «ванкушакъ» происходитъ отъ «ванкушъ» (изголовье).

лиру и начинаетъ водить по ней смычкомъ (гудало), а чтобы не сбиться въ тактѣ, ударяетъ при этомъ ногой по землѣ. При первыхъ звукахъ лиры, парень спѣшитъ подойти къ дѣвушкѣ, которую онъ уже заранѣе прочилъ на этотъ танецъ. Число танцующихъ въ этомъ танцѣ неопредѣленно. Парень, обхвативъ правою рукой дѣвушку за талію, начинаетъ съ ней кружиться и, сдѣлавъ съ нею нѣсколько кружковъ, ее оставляетъ. За тѣмъ дѣвушка медленнымъ шагомъ подвигается назадъ, перебирая при этомъ руками, какъ-бы она прядь пряла, тогда какъ парень, слѣдуя за своей танцоркой, начинаетъ то подскакивать, то ударять ногами по полу, строго при этомъ держась такта музыки, то выдѣлывать руками и ногами движенія весьма схожія съ тѣми, которыя составляютъ отличительную черту нашего казачка. Дѣвушка, въ свою очередь, также начинаетъ подскакивать. Наконецъ парень беретъ дѣвушку за талію и начинаетъ снова съ нею кружиться. За тѣмъ парень снова оставляетъ дѣвушку и оба они начинаютъ выдѣлывать фигуры о которыхъ мы выше говорили. Во время этого танца никто не смѣется, всѣ танцующіе имѣютъ крайне серьёзное выраженіе на лицѣ, даже самъ музыкантъ бываетъ до того серьёзенъ, что какъ-бы весь отдается игрѣ на своей лирѣ.

Морессеу—древній юнацкій танецъ, который и до сихъ поръ въ употребленіи на островѣ Корчулѣ. Этотъ танецъ танцуется въ костюмахъ. Лица, принимающія въ немъ участіе, раздѣляются на двѣ партіи: однѣ изображаютъ собою свиту короля негровъ, другія—турецкаго султана. Такъ какъ одалиска предпочла турецкаго султана королю негровъ, то свита ихъ начинаетъ съ обнаженными саблями плясать и, во время пляски, вести бой. Эта пляска заканчивается тѣмъ, что свита короля негровъ бываетъ побита.

Есть еще много другихъ танцевъ, представляющихъ видоизмѣненія здѣсь описанныхъ, но мы не упоминаемъ о нихъ, считая предметъ достаточно исчерпаннымъ.

Въ своемъ обозрѣніи юго-славянскихъ провинцій Австро-Венгріи мы далеко не сказали о нихъ всего, что содержится въ наличной юго-славянской а также нѣмецкой и вообще иностранной литературѣ по этому предмету, ни даже всего того, что сами могли сказать отъ себя, на основаніи личныхъ многолѣтнихъ наблюденій. Тѣмъ не менѣе мы полагаемъ, что сказали достаточно для того, чтобы при посредствѣ нашего труда, представляющаго въ русской литературѣ первый опытъ своего рода, русское читающее общество могло ориентироваться въ области предмета, которому онъ посвященъ, составить себѣ болѣе или менѣе ясное понятіе о домашнемъ, религіозномъ, общественномъ и государственномъ бытѣ австрійскихъ юго-славянъ, о географическихъ особенностяхъ ихъ территорій, о характерѣ и степени развитія ихъ матеріальной и духовной культуры. По меньшей же мѣрѣ мы считаемъ себя въ правѣ надѣяться, что знакомство съ нашимъ трудомъ не вызоветъ въ русскомъ обществѣ другаго чувства какъ чувство уваженія къ сербо-хорватскому племени—его національному генію, многострадальному и геройскому прошедшему, равно какъ и къ его современнымъ вполнѣ законнымъ и естественнымъ чаяніямъ и надеждамъ на лучшее будущее, на политическую и культурную равноправность въ семьѣ цивилизованныхъ народовъ.



ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

стр.	строки	напечатано:	слѣдуетъ читать:
6	1 сверху	Нератвенскій	Неретвенскій
6	5 „	Кончульскій	Корчульскій
6	15 „	Зерманія	Зерманья
6	18 „	Задарскага	Задарскаго
8	2 „	Омша	Омиша
8	13 „	Наратва	Неретва
10	18 снизу	Баканаяцъ	Баканьяцъ
12	3 „	Сина	Синь
16	8 сверху	Дубронницкій	Дубровницкій
17	3 „	бощинныя	общинныя
17	7 „	обширными	общинными
19	13 „	проетовъ	проектовъ
21	8 снизу	Задарь	Задаръ
27	8 сверху	Далмація	Далмаціи
28	2 „	Солизна	Солина
31	13 снизу	Пчеловдоство	Пчеловодство
34	9 „	чтб	что
50	4 сверху	acquisto	acquisto
81	5 „	задрской	задарской
81	9 „	свою	своею
81	10 „	задрскій	задарскій
83	13 снизу	богогослуженіе	богослуженіе
94	4 сверху	rostrae	vostrae
94	6 „	asbtit	abstit
102	8 снизу	правосланые	православные
109	5 сверху	оставались	оставалось
111	1 снизу	Круны	Крупы
134	8 „	дубравчане	дубровчане
141	8 „	вліяніенъ	вліяніемъ
171	15 сверху	учителей	жителей
185	5 снизу	каторскаго	которскаго
190	13 „	Трогиръ (Tra),	Трогиръ (Trau)
249	4 „	соотошеніи	соотношеніи
257	5 „	судна, народовшагося къ	судна, находившагося въ
263	1 „	Цавтану	Цавтату
267	4 „	свомъ	своемъ
287	11 сверху	поселеніемъ	населеніемъ
323	6 „	Отогацъ	Оточацъ
326	16 снизу	славонскіе	славянскіе
331	17 „	jus gladii aggratiandi	jus gladii et aggratiandi
337	8 сверху	K.K.Landes ganeral-Kommando	K.K.Landes general-Kommando
338	9 снизу	Ново-Градишко	Нова-Градишка
425	15 „	которые	которыя
427	10 сверху	характеризуетъ	характеризуютъ
457	3 „	гостеріимствѣ	гостепріимствѣ
486	15 „	«селике бабине»	«велике бабине»
492	1 снизу	«Omodebe»	«Омодеве»
508	8 сверху	эте	это
522	8 снизу	это	эта

Цѣна за два тома

6 рублей.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

Въ Географическомъ магазинѣ Коммиссіонера Главнаго Штаба **А. А. Ильина**, въ зданіи Главнаго Штаба на Адмиралтейской площади.

6p.

6 руб.

35 руб.